НОВЫЯ КНИГИ:

Н. П. Сильванскій.

Декабристъ Пестель

предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

(„Русская историческая библіотека", № 15).

Стр. VIII+174. Цѣна 70 коп.

Складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь".

ОБЗОРЪ

ВАЖНѢЙШИХЪ ДОЗНАНІЙ,

производившихся

въ жандармскихъ управленіяхъ

за 1902 годъ.

(СОДЕРЖАНІЕ: Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса. Дѣла Мельникова, Гершуни, Кочуры и др. Сѣверный рабочій союзъ (Москва). Студенческіе кружки въ Ярославлѣ. Дѣятельность соціалъ-демократовъ въ Саратовѣ. Кіевскій и Харьковскій Комитеты Р. С.-Д. Р. П. Крестьянскія волненія въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ. Екатеринославскіе соціалисты-революціонеры. Революціонное движеніе въ Одессѣ. Дѣятельность Бунда. Польская Соціалистическая Партія. Русская эмиграція въ 1902 году).

Складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь".

Цѣна 50 коп.

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новая книга:

„ГАЛЛЕРЕЯ ШЛИССЕЛЬБУРГСКИХЪ УЗНИКОВЪ"

подъ редакціей *Н. Ф. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевскаго и П. Ф. Якубовича.*

Біографическіе очерки: **И. И. Пущина, Н. А. и М. А. Бестужевыхъ, І. В. Поджіо, Вал. Лукасинскаго, Н. И. Гулака, М. А. Бакунина, А. В. Долгушина, Е. И. Минакова, М. Ф. Фроленка, Н. А. Морозова, П. Л. Антонова, Н. Д. Похитонова, І. Д. Лукашевича, М. И. Новорусскаго, М. Ф. Лаговскаго, М. Р. Попова, Л. Варынскаго, Л. Ф. Яновича, Д. Я. Суровцева, М. П. Шебалина, М. Ю. Ашенбреннера, Г. А. Лопатина, А. И. Ульянова, П. Я. Шевырева, В. Д. Генералова, П. И. Андреюшкина, В. С. Осипанова, Л. А. Волкенштейнъ и В. Н. Фигнеръ.**

Въ составленіи очерковъ приняли участіе **С. В. Аскеназы, В. Я. Богучарскій, Л. Василевскій (Плохоцкій), С. А. Венгеровъ, С. Я. Елпатьевскій, С. А. Ивановъ, Н. Е. Кудринъ, Л. Мельшинъ, М. В. Новорусскій, А. С. Пругавинъ, С. Г. Сватиковъ, В. И. Семевскій, Е. В. Тарле, А. И. Ульянова, В. Н. Фигнеръ и С. А. Щепотьевъ.**

Часть 1, съ 29-ю портретами.

Цѣна ТРИ рубля.

Весь чистый сборъ съ этого изданія поступитъ въ пользу бывшихъ Шлиссельбургскихъ узниковъ.

Новая книга:

Остроумно-изобрѣтательный идальго

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ

Сочиненіе **Мигеля де Сервантеса Сааведра.**

Полный переводъ съ испанскаго **М. В. Ватсонъ.**

(Съ примѣчаніями, біографическимъ очеркомъ и портретомъ **Сервантеса**), и рисунка **Дона Рикардо Балана.**

Изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА. 1907 г.

Цѣна за двѣ части 7 руб.

продолжается подписка на историческій журналъ

„БЫЛОЕ".

Журналъ—внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія—издается подъ редакціей **В. Я. Яновлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева** при ближайшемъ участіи **В. Л. Бурцева** по слѣдующей программѣ.

Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.

Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.

Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.

Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.

Историческая библіографія.

Журналъ будетъ выходить по прежнему ежемѣсячно, книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Въ журналѣ помѣщаются — на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ — портреты дѣятелей, факсимиле, рисунки, имѣющіе отношеніе къ исторіи движенія.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 янв. по 1 янв.)—**8** руб.; на $^1/_2$ года (съ 1 іюля по 1 янв.)—**4** руб; на $^1/_4$ года (съ 1 іюля по 1 окт.)—**2** руб. Перемѣна адреса—**30** коп. (При перемѣнѣ адреса контора проситъ подписчиковъ сообщать старый адресъ, внесенную сумму и срокъ подписки). Книжные магазины при подпискѣ получаютъ 5% скидки.

Цѣна отдѣльной книжки въ книжныхъ магазинахъ—**1** руб., для покупающихъ въ конторѣ—**85** коп., для выписывающихъ изъ конторы—**1** р. **10** коп. съ пересылкой. Книжнымъ магазинамъ на отдѣльныя книжки—30% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—(ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 до 4 час. дня)—**С.-Петербургъ, Лиговская ул., 44** и въ отдѣленіяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь"—въ **Москвѣ** (Срѣтенка, Ащеуловъ переулокъ, 13), **Кіевѣ** (Крещатикъ, 27), **Ростовѣ на Д.** (Казанская, 42) и **Одессѣ** (Колодезный пер., 13).

Вниманію заграничныхъ подписчиковъ. Въ виду интересовъ заграничныхъ подписчиковъ, контора журнала „Былое" проситъ ихъ подписываться не черезъ контору, а черезъ ихъ мѣстное (заграничное) учрежденіе. При этомъ способѣ подписки годовой экз. журн. будетъ, стоитъ только **8** р. **50** к. вмѣсто теперешн. **10** р. Кромѣ того, выгода подписчиковъ будетъ та, что журналъ будетъ получаться аккуратнѣе. Новый способъ подписки начнется съ 1-го января 1907 г., при чемъ будетъ приниматься подписка на годъ и по четвертямъ года.

Редакція помѣщается въ **С.-Петербургѣ** на **Знаменской ул. д. 19.**

Личныя объясненія съ редакторами—по понед., вторн., четверг., пятницамъ (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 час. дня.

Редакторы { **В. Я. Богучарскій,** **П. Е. Щеголевъ.**

Издатель **Н. Е. Парамоновъ.**

Имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты „Былого" за 1906 годъ.

„БЫЛОЕ"

ЖУРНАЛЪ,

издававшійся за границею подъ редакціей

Вл. Льв. Бурцева.

СОДЕРЖАНІЕ перваго выпуска.

1. Отрывокъ изъ завѣщанія Гриневицкаго; 2. Памяти Гриневицкаго; 3. Три письма Исполнительнаго Комитета „Народной Воли" къ Рошфору, Гартману и К. Марксу; 4. Пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, П. Кропоткина; 5. Революціонный Петербургъ; 6. Статьи изъ „Народной Воли" и „Рабочей Газеты"; 7. Процессъ 20-ти В. Бурцева; 8. Завѣщаніе А. И. Баранникова; 9. Завѣщаніе А. Д. Михайлова; 10. Казнь П. Е. Суханова; 11. Письмо П. В. Карповича; 12. Изъ воспоминаній Л. Гартмана; 13. Программа рабочихъ—членовъ партіи „Народной Воли"; 14. О сѣверно-русскомъ рабочемъ союзѣ и пр.

СОДЕРЖАНІЕ второго выпуска.

1. Изъ жизни саратовскихъ кружковъ Н. Волкова; 2. Два письма С. Г. Ширяева; 3. Воспоминанія о С. М. Кравчинскомъ, Рабочаго; 4. „Воспоминанія пропагандистки" Е. Брешковской; 5. Пропаганда среди рабочихъ въ Ростовѣ-на-Дону въ 1882-84 г.г.; 6. Памяти Каховскаго; 7. Международный конгрессъ въ Хурѣ; 8. „М. Л. Михайлову" стих. Н. Огарева; 9. „Узнику" стих. Н. Утина; 10. Прокламаціи 60-хъ г.г.; 11. Дѣло С. Г. Нечаева; 12. „Южно-Русскій Рабочій Союзъ въ 1880-81 г.г." Ел. Ковальской; 13. „Взрывъ царскаго поѣзда въ 1879 г." князя Д. Л. Оболенскаго; 14. „Завѣщаніе Юрія Богдановича" (стих.).

Цѣна за каждый выпускъ 50 коп.

9(С5)
Б93

БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

Гос. Публ. Ист. Музей Отд. Рукописей
№ 452
Библиотека Орловского Дома Красной Армии
№ 44208
ПРОВЕРЕНО 1953 г.
1956 г.
Проверено 1956

ГОДЪ ВТОРОЙ

№ 8/20. АВГУСТЪ 1907

ПЕТЕРБУРГЪ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Лиговская ул., 44, кв. 22.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятыя статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе какъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. Процессъ 50-ти. (Всероссійская Соціально-Революціонная Организація. 1874—77 г.г.). **И. С. Джабадари** 1
2. „Что ни вѣтръ шумитъ"... пѣсня **М. А. Бестужева**. . . 25
3. Изъ Шлиссельбурга на Сахалинъ. **И. Л. Манучарова** . . 31
4. Суздальскіе узники. **А. С. Пругавина** 45
5. Записка по студенческому вопросу. **Б. Н. Чичерина** . . . 77
6. Побѣгъ. **А. Бычкова** 84
7. Сводъ показаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. (*Окончаніе*). 89
8. Еще къ вопросу о переговорахъ „Исполнительнаго Комитета Народной Воли" съ „Добровольной Охраной". **Л. Плохоцкаго** 125
9. Послѣдніе дни жизни Чернышевскаго. **М. Н. Чернышевскаго** 128
10. Къ біографіи П. Н. Ткачева (*по неизданнымъ источникамъ*). **М. К. Лемке**. 151
11. Матеріалы для біографіи П. Н. Ткачева 156
12. Изъ исторіи рабочаго движенія на югѣ Россіи (*изъ записокъ соціалъ-демократа*). **И. Дибровы** 173
13. Къ дѣлу Каракозова. **П. Гуревича**. 194
14. Признанія Н. И. Костомарова въ III Отдѣленіи (*по неизданнымъ даннымъ*) 200
15. Изъ воспоминаній. **В. А. Данилова** 229
16. Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы (*продолженіе*). **И. П. Бѣлоконскаго** 241
17. Декабристъ кн. Ф. П. Шаховской (*біографическая замѣтка*) **П. Е. Щеголева** 274
18. Памяти гр. П. А. Гейдена **Кн. П. Л. Долгоруковъ** . . . . . [illegible]

стр.

19. Историческая библіографія: I.—*Валерій Брюсовъ*—Лицейскіе стихи Пушкина. **Н. Л.** II.—*Witold Narkiewicz-Iodko.*—Polski socyalism utopijny na emigracyi. III.—*Stanislaw Szpotanski.* Lud Polski. IV.—*Онъ же.*—Konarszczyzna. V.—Materyały do historyi P. P. S. VI.—*Antoni Humnicki*—Wspomnienia. **Л. Василевскаго (Плохоцкаго)** 308
20. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію 316
21. Объявленія 319
22. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки.** („О наблюденіи за разглашателями новостей". 1829 г.—43. Изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго—125. Дознаніе о типографіи „Народной Воли" въ Одессѣ въ 1882 г.—290. Дознаніе объ Ольгѣ Любатовичъ и Герасимѣ Романенко—295).

Къ этой книгѣ приложены портреты П. Н. Ткачева, И. Л. Манучарова, кн. Ѳ. П. Шаховского и Н. Г. Чернышевскаго (въ текстѣ).

Типо-литографія „Энергія". Загородный пр., 17.

Петръ Никитичъ
ТКАЧЕВЪ.

Процессъ 50-ти.

(Всероссійская Соціально-Революціонная Организація).

1874—77 гг.

I.

Въ наше время обострившагося націонализма всякому, непосвященному въ тайны возникновенія *«Всероссійской Соціально-революціонной организаціи»*, послужившей основаніемъ *«процесса пятидесяти»*, покажется прежде всего страннымъ, какимъ образомъ главными участниками, а слѣдовательно и душою ея являются (изъ мужчинъ) большей частью грузины, притомъ выросшіе не въ центрѣ Россіи, а по рожденію и воспитанію—подлинныя дѣти далекой Грузіи. Это явленіе изумляло многихъ даже въ 70-хъ годахъ, въ эпоху широкаго распространенія идеи интернаціонализма въ Россіи. Не только газеты того времени, печатавшія судебный отчетъ по этому процессу, напримѣръ либеральный органъ Краевскаго «Голосъ», выражали изумленіе по этому поводу, но даже такой знатокъ исторіи общественныхъ движеній, какъ присяжный повѣренный В. Д. Спасовичъ, фигурировавшій въ процессѣ 50-ти въ качествѣ одного изъ защитниковъ по назначенію отъ суда, высказалъ такое же изумленіе при первой встрѣчѣ со мною въ Петропавловской крѣпости въ декабрѣ 1876 года.

Бесѣдуя наединѣ по дѣлу моей защиты, В. Д. Спасовичъ спросилъ меня: «почему въ нашемъ процессѣ главными участниками организаціи, какъ видно изъ дѣла, являются грузины—Цицiановъ, Чикоидзе, вы—Джабадари, Гамлеридзе и полугрузинъ Здановичъ».

Этотъ вопросъ крайне удивилъ меня, такъ какъ съ момента возникновенія вышеназванной организаціи, т. е. фактически съ конца 1874 года, намъ самимъ ея участникамъ никогда не приходилось останавливаться на этой мысли, до такой степени въ тѣ времена наша революціонная молодежь въ Россіи (на сѣверѣ) и за-границей была чужда чувства племенной розни и не умѣла различать людей по происхожденію и по національности.

Видя мое удивленіе и стараясь все-таки выяснить себѣ поразившее его явленіе, Спасовичъ поставилъ вопросъ въ болѣе прямой формѣ: «Вы—грузины, сказалъ онъ, принимаете участіе въ русскомъ движе-

ніи, конечно, не какъ соціалисты-революціонеры, а какъ грузинскіе сепаратисты?» Велико было удивленіе Спасовича, когда я чистосердечно сказалъ ему, что ни одинъ изъ моихъ земляковъ, принимающихъ участіе въ нашемъ процессѣ, о сепаратизмѣ и не думалъ, а работалъ исключительно для торжества русской соціальной революціи, которая одна дастъ свободу всѣмъ народамъ Россіи, а слѣдовательно и намъ грузинамъ; для большей убѣдительности я указалъ ему, какъ поляку, что къ нашей организаціи примыкали и поляки, совершенно чуждые польскому сепаратизму и отдавшіеся обще-русскому соціально-революціонному движенію. «Мы работали въ Россіи, говорилъ я, во имя общечеловѣческихъ интересовъ, а не узкихъ, изжитыхъ національныхъ».

При дальнѣйшей бесѣдѣ Спасовичъ вспомнилъ, что и онъ слыхалъ мелькомъ о существованіи въ Петербургѣ группы польской молодежи, которая, подобно намъ, относилась прямо враждебно къ польскому сепаратизму и примыкала къ общерусскому соціально-революціонному движенію. Какъ на одного изъ крупныхъ и талантливыхъ представителей такой польской группы въ 1873—75 годахъ, я указалъ ему на моего товарища по Академіи Гласко, погибшаго впослѣдствіи въ административной ссылкѣ въ 1881 году.

Спасовичъ, охотно уступая въ вопросѣ польскаго и грузинскаго сепаратизма, какъ явленія изжитаго, замѣтилъ мнѣ: «да, сепаратизмъ вы считаете узкимъ и буржуазнымъ; но, вдумчиво продолжалъ онъ, знаете ли вы, что вы все-таки работаете не для соціальной революціи; нѣтъ, она еще далеко, а расчищаете только путь намъ—*«буржуа-либераламъ»*, какъ вы насъ называете, и только. Мы воспользуемся вашимъ трудомъ и вашими жертвами».

Это было сказано очень искренне и серьезно.

Помню, эти слова долго гвоздемъ сверлили мнѣ голову, когда я, лежа на койкѣ въ моей крѣпостной камерѣ, вспоминалъ эту нашу бесѣду. Передо мной отчетливо рисовался обширный залъ Алексѣевскаго равелина, гдѣ произошла моя первая встрѣча съ Спасовичемъ. «Здѣсь, въ этомъ залѣ, говорилъ онъ мнѣ полушопотомъ, происходилъ судъ надъ декабристами; отъ этихъ стѣнъ вѣетъ еще всѣмъ ужасомъ ихъ горя, горя побѣжденныхъ; но эта повѣсть уже стертая временемъ; а вотъ вамъ повѣсть вся еще трепещущая жизнью, вы о ней не могли еще слышать». И онъ разсказалъ мнѣ, какъ нѣсколько дней тому назадъ (6-го декабря 1876 года), на площади у Казанскаго Собора группа молодежи вздумала произвести демонстрацію. Какой-то рабочій, мальчикъ, выкинулъ красное знамя «Земли и Воли», а другой юноша, вѣроятно студентъ держалъ рѣчь передъ толпой народа. Эта невиданная дерзость возмутила полицію, она стала грубо разгонять толпу и била всѣхъ безъ разбора; на помощь полиціи примкнула часть публики и съ крикомъ «бей поляковъ» продолжала избивать прохожихъ даже на Невскомъ проспектѣ; многихъ арестовали и посадили въ тюрьму...

Я сдѣлалъ невольное движеніе.

— Вамъ это не нравится, вдругъ спросилъ меня Спасовичъ. Почему?

— Да, потому отвѣтилъ я, что я не бунтарь, а пропагандистъ-народникъ.

— Да вѣдь это тоже пропаганда, замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, это неразсчетливая агитація, безполезно растрачивающая и безъ того скудныя силы.

— Да?! задумчиво произнесъ онъ и, мѣняя разговоръ, спросилъ: А знаете-ли вы, кто васъ будетъ судить?

— Нѣтъ, равнодушно отвѣтилъ я, но онъ продолжалъ:

— Первоприсутствующимъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената назначенъ сенаторъ Петерсъ, очень корректный господинъ и знающій судья. Членами Суда—Тизенгаузенъ—когда-то во времена Герцена—красный, въ такой степени красный, что въ чемоданѣ изъ-за границы привозилъ «Колоколъ» и снабжалъ имъ не только насъ грѣшныхъ, но былъ поставщикомъ «Колокола» и во дворецъ.

Поглощенный нахлынувшими мыслями, я разсѣянно слушалъ мѣткія характеристики остальныхъ судей, даваемыя Спасовичемъ; тутъ были и красныя, и трехцвѣтныя и другихъ цвѣтовъ лица. Замѣтивъ мою разсѣянность, Спасовичъ скоро ушелъ, пообѣщавъ зайти еще разъ, чтобы поговорить по вопросу о признаніи существованія организаціи, вопросу крайне важному какъ для меня, такъ и для другихъ товарищей. Нужно было рѣшить, признавать ее или нѣтъ.

И вотъ я лежалъ опять одинъ въ моей кельѣ, еще весь потрясенный нахлынувшимъ новымъ строемъ думъ и чувствъ, пробужденныхъ неожиданно набѣжавшей волной жизни съ воли.

Нѣтъ, думалось мнѣ, надо попытаться вырвать у суда нашу свободу; я не хочу, чтобы наше дѣло служило чуждымъ цѣлямъ, я не хочу, чтобы свобода, которой мы служимъ, была узурпирована опять новыми захватчиками, могущими осквернить ее своекорыстіемъ и эгоизмомъ; нужно уговорить товарищей не признавать устава, найденнаго въ копіи у Здановича; это отниметъ у суда самый сильный козырь къ обвиненію насъ; но нужно во что бы то ни стало ярче выяснить на судѣ наши цѣли, наши взгляды. Суду трудно будетъ доказать нашу формальную организованность и индивидуальность каждаго выскажется ярче и полнѣе, не давая почвы для формальнаго обвиненія.

Обдумавъ все это, я рѣшилъ на слѣдующемъ же свиданіи просить Спасовича передать отъ меня товарищамъ, чтобъ они не признавали существованія организаціи, такъ какъ такое признаніе усилитъ наказаніе; мы же должны стоять за экономію революціонныхъ силъ, конечно, въ предѣлахъ нравственнаго достоинства.

Правда, Спасовичъ ставитъ вопросъ ребромъ: какъ быть съ уставомъ, отобраннымъ при арестѣ Здановича и съ письмомъ его, которымъ устанавливается несомнѣнная принадлежность многихъ изъ насъ къ революціонной организаціи, въ томъ числѣ и меня. Если для суда это покажется несомнѣннымъ, то онъ и засудитъ насъ; но мы еще достовѣрно не знаемъ, какъ отнесется судъ къ этому вопросу; признаніе же въ принадлежности къ организаціи наложитъ на насъ обязанность неминуемо указать подробности возникновенія и дѣятельности этой организаціи, а это далеко нежелательно, такъ какъ не только усилитъ обвиненіе противъ нѣкоторыхъ подсудимыхъ, но и можетъ

повредить лицамъ, находящимся еще на свободѣ. А потому гораздо удобнѣе не признавать организаціи и предоставить каждому подсудимому полную свободу дѣйствій, сообразно съ уликами, имѣющимися въ дѣлѣ. Вѣдь въ отношеніи многихъ изъ насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для обвиненія, а одно признаніе въ принадлежности къ организаціи можетъ дать основаніе суду отправить такого подсудимаго на каторгу.

Когда я объяснилъ Спасовичу всѣ эти соображенія, онъ согласился съ моими доводами; согласились съ ними и мои товарищи. Вотъ почему только тѣ изъ судившихся по процессу 50-ти членовъ «Всероссійской Соціально-революціонной организаціи» признали на судѣ свою принадлежность къ ней, которымъ это нужно было для огражденія другихъ подсудимыхъ отъ сопричисленія къ ней.

Благодаря такой постановкѣ дѣла, исторія возникновенія революціонной организаціи, послужившей основаніемъ для процесса 50-ти, осталась совершенно невыясненной какъ для суда, такъ и для общества; и, читая обвинительный актъ по процессу 50-ти, многіе вѣрятъ на слово утвержденію этого акта, будто всѣ главные члены этой организаціи, какъ мужчины, такъ и женщины, получили образованіе въ Цюрихѣ и тамъ же составили тайное революціонное сообщество, послѣ чего отправились въ Россію съ цѣлью дѣйствовать согласно уставу, найденному при арестѣ Здановича.

Между тѣмъ такое утвержденіе обвинительнаго акта вѣрно только въ отношеніи женскаго кружка, составившаго только часть этой организаціи; зарожденіе же и возникновеніе всей этой организаціи совершалось въ Россіи, на русской почвѣ и совершенно иначе, чѣмъ это излагаетъ обвинительный актъ.

Вся мужская часть этой организаціи вышла изъ студенческихъ кружковъ столичныхъ высшихъ учебныхъ заведеній и нашла идейную подготовку еще въ ученическомъ мірѣ среднихъ учебныхъ заведеній въ различныхъ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи. Третья часть этой организаціи—рабочая—вскормлена русской деревней, русскими фабриками и заводами. Эта организація плоть отъ плоти самой русской жизни, русской школы и русскаго подневольнаго труда.

II.

Въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ, въ школахъ Тифлиса, какъ и другихъ крупныхъ городовъ внутренней Россіи, молодежь увлекалась самодѣятельностью, которая проявлялась въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Увлеченіе это въ нашемъ городѣ Тифлисѣ было такъ сильно, что почти каждый юноша старался создать свой маленькій кружокъ со своими маленькими, но непремѣнно собственными дѣлами. Къ такой самодѣятельности насъ поощряла прекрасная плеяда молодыхъ учителей, которые внѣ классныхъ занятій руководили нашимъ развитіемъ, приглашая иногда насъ къ себѣ по вечерамъ для бесѣды за чашкой чаю. Здѣсь, просиживая цѣлые вечера, молодые люди обсуждали самые жгучіе вопросы, поводомъ къ которымъ

служили тѣ или другія прочитанныя нами статьи Бѣлинскаго Писарева или Добролюбова, а также произведенія И. С. Тургенева, Достоевскаго, Л. Н. Толстого и отчасти Н. Г. Чернышевскаго; говорю отчасти, потому что наши лучшіе учителя словесности, какъ напр. очень любимый нами Н. В. Горяевъ, горячій поклонникъ великихъ художниковъ русскаго слова, относились отрицательно къ роману Чернышевскаго «Что дѣлать» и удерживали насъ отъ увлеченія лишеннымъ художественнаго достоинства произведеніемъ Чернышевскаго. Но эта недружелюбная критика нашихъ любимыхъ наставниковъ, колебля литературный авторитетъ Чернышевскаго, не могла затемнить въ нашихъ глазахъ того ореола мученичества, которымъ увѣнчанъ былъ Чернышевскій, несмотря на то, что мы совершенно не знали, или лучше сказать, крайне смутно знали, за что понесъ онъ свой мученическій вѣнецъ.

Художественная литература будила мысль, оформливала характеры и молодежь искала хорошаго, добраго дѣла. Кто создавалъ библіотеку учебныхъ пособій для неимущихъ, кто фондъ для поддержки совершенно незнакомыхъ людей, довольствуясь лишь слухами о томъ, что они очень талантливы, но по бѣдности лишены возможности кончить курсъ; а иные, за ненахожденіемъ болѣе подходящей цѣли, увлекались задачей нравственнаго спасенія падшихъ женщинъ и спускались въ вертепы, чтобы извлекать оттуда этихъ несчастныхъ и помѣщали ихъ въ какую нибудь бѣлошвейную или иную мастерскую, тѣша себя надеждой, что они спасали ихъ навсегда.

Нашихъ учителей и насъ интересовалъ прежде всего человѣкъ, человѣческая душа, кто бы онъ ни былъ; этими чувствами мы обязаны были не только христіанскимъ традиціямъ семьи, но и учителямъ нашимъ, которые учили насъ любить угнетенныхъ; отсюда и ихъ гуманное отношеніе къ нашему языку и національнымъ традиціямъ.

Помню, однажды, какъ сидя за стаканомъ чая у Н. В. Горяева, мы съ увлеченіемъ говорили о русскихъ беллетристахъ; вслушиваясь въ нашу бесѣду, Горяевъ неожиданно задаетъ мнѣ вопросъ: «Вы, конечно, занимаетесь и вашей родной литературой?»—Нѣтъ, отвѣтилъ я; наша литература очень бѣдна; все ея богатство состоитъ изъ одной средневѣковой поэмы Руставели да нѣсколькихъ современныхъ стихотвореній двухъ-трехъ нашихъ князей, которыя мы знаемъ наизусть съ дѣтства, а больше у насъ ничего и нѣтъ.—«Да, чѣмъ же съ вами занимается вашъ учитель грузинскаго языка?» спросилъ насъ съ изумленіемъ Горяевъ.—Мы должны признаться, что мы почти не посѣщаемъ классовъ грузинскаго языка, потому что на этихъ урокахъ намъ учиться нечему—нашъ учитель грузинскаго языка такъ плохо владѣетъ хорошимъ литературнымъ грузинскимъ языкомъ, говоритъ съ нами такимъ испорченнымъ нарѣчіемъ (имеретинскимъ), что мы вынуждены поправлять его и невольно подсмѣиваемся надъ нимъ.

— «Что вы, что вы, господа; какъ же это можно не заниматься своимъ роднымъ языкомъ, воскликнулъ Горяевъ; неужели вы думаете ограничиться однимъ языкомъ русскимъ, или европейскими языками; это глубокая ошибка; подумайте, говорилъ онъ, если послѣ универ-

ситета вы захотите вернуться къ себѣ на родину и служить своему народу, вы должны знать свой языкъ въ совершенствѣ; во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ его знаетъ заурядный простой грузинъ; иначе какъ и чему вы его научите безъ языка? Конечно, вы можете наверстать недостатки изученія языка и послѣ, но знайте, что вы должны непремѣнно владѣть имъ въ совершенствѣ. Вы и теперь могли бы многое сдѣлать для родной литературы, собирая во время каникулъ по деревнямъ былины, легенды, сказки и вамъ сказала бы спасибо ваша родина. Нѣтъ, господа, не ограничивайтесь любовью литературы русской и европейской, только потому, что эти литературы богаты, но любите и свою родную бѣдную, иначе вы не научитесь любить и вашего народа и не сумѣете, значитъ, любить и весь остальной міръ. Вся цѣль вашей жизни должна быть любовь къ міру во всемъ его разнообразномъ величіи и только тогда васъ всѣ полюбятъ, всѣмъ вы будете близки и будете счастливы, закончилъ онъ».

Да, любить весь міръ! какая заманчивая цѣль жизни для 17 лѣтняго юноши; а еще заманчивѣе надежда, что весь міръ тебя полюбитъ... Этимъ завѣтамъ, этой предначертанной цѣлью жизни и опредѣлились всѣ дальнѣйшіе шаги наши на жизненномъ пути.

Слѣдуя указаніямъ нашего любимаго, талантливаго учителя, преподававшаго въ старшихъ классахъ нашей тифлисской реальной гимназіи, мы съ жадностью читали и Пушкина и Лермонтова, и Мольера, и Сервантеса, и Гете и Шиллера, и Шекспира и Байрона, и Гейне и Берне, не забывая и своихъ грузинскихъ писателей.

Несмотря на полное незнакомство съ русской, французской, нѣмецкой, англійской и испанской жизнью, русскіе и западно-европейскіе писатели казались намъ родными, до такой степени они были проникнуты широкими, общечеловѣческими идеалами.

Итакъ, лучшіе изъ нашихъ учителей были не только преподавателями науки, но и истолкователями жизни въ лучшемъ значеніи этого слова. Самъ попечитель Кавказскаго учебнаго округа Я. М. Невѣровъ, близкій другъ Грановскаго и Станкевича, и тогда уже почтенный старикъ, отличался удивительной любовью къ юношеству; бывало онъ останавливалъ на улицѣ насъ, мальчиковъ, совсѣмъ ему дично незнакомыхъ, здоровался съ нами, разспрашивалъ о родителяхъ, съ интересомъ входилъ въ положеніе каждаго, а маленькимъ, лаская своей старческой рукой, говорилъ: «учитесь, дѣти мои милые, учитесь»! и намъ какъ-то хорошо становилось отъ ласки этого старика; и мы охотно учились, считая науку святымъ дѣломъ; учились сами и помогали учиться болѣе слабымъ и менѣе состоятельнымъ товарищамъ.

Такъ, когда я былъ въ 6-мъ классѣ реальной гимназіи, мнѣ съ моими товарищами удалось собрать по подпискѣ нѣсколько десятковъ рублей; мы купили на эти деньги учебныя пособія и заложили такимъ образомъ фундаментъ «библіотекѣ учебныхъ пособій для бѣднѣйшихъ товарищей»; библіотека эта помѣщалась въ моей квартирѣ, гдѣ я жилъ, отдѣльно отъ семьи, съ двумя товарищами и, какъ это всегда бываетъ, въ эту библіотеку вошли и книги неучебнаго характера, какъ то: Викторъ-Гюго, Луи-Бланъ, Милль съ примѣчаніями

Чернышевскаго, «Колоколъ» Герцена и другія. Бѣдные ученики на расхватъ разбирали учебныя пособія и объ этомъ скоро прослышалъ инспекторъ нашей реальной гимназіи—Иваненко; онъ узналъ о мѣстѣ нахожденія ея и захотѣлъ ее осмотрѣть. Однажды вечеромъ, когда мы собрались въ количествѣ 10—15 человѣкъ у насъ на квартирѣ, и сидѣли, помню, за чтеніемъ новаго журнала «Дѣло», въ которомъ печатались талантливыя корреспонденціи Жака-Лефреня (Эл. Реклю) изъ Парижа, къ намъ внезапно вошелъ Иваненко въ сопровожденіи двухъ воспитателей. «Что это, сборище?» спросилъ онъ насъ строго. Я объяснилъ ему, что мы каждую субботу собираемся читать что-нибудь интересное—журнальныя статьи, газеты.

— А какую это библіотеку вы тутъ завели?

Мы объяснили и это.

Не сказавъ ни слова, Иваненко пересмотрѣлъ нѣсколько книгъ и ушелъ.

Позднее посѣщеніе инспектора насъ не на шутку перетревожило; боясь дурныхъ послѣдствій, мы послали одного изъ нашихъ товарищей предупредить директора о случившемся; товарищъ этотъ былъ никто другой, какъ сынъ самого директора Пенгинскій, принимавшій участіе въ нашихъ чтеніяхъ. Директоръ Пенгинскій и инспекторъ Иваненко сочли однако нужнымъ сообщить о случившемся попечителю Невѣрову. Черезъ нѣсколько дней въ гимназію явился самъ Невѣровъ (это было въ 1871 году), вызвалъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ учредителей нашей библіотеки учебныхъ пособій и къ изумленію нашему сталъ благодарить насъ за нашъ починъ, за нашу заботливость о неимущихъ товарищахъ.

— Сколько же денегъ вы собрали, дѣти мои? — спросилъ онъ насъ съ доброй улыбкой. Мы сообщили, что собрали всего 70 руб.

— Этого мало, дѣти мои; я вамъ помогу; вы будете получать 100 р. въ годъ для вашей библіотеки учебныхъ пособій, но съ тѣмъ, чтобы библіотека помѣщалась въ гимназіи, а завѣдывать ею будетъ кто-нибудь изъ васъ—учредителей библіотеки.

Намъ жалко было разстаться съ нашимъ дѣтищемъ, нашей свободной библіотекой, но дѣлать было нечего; книги характера неучебнаго мы оставили у себя, остальныя перенесли въ гимназію...

Это было время тревожное, очень тревожное, какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи. Учрежденіе республики во Франціи, возстаніе коммунистовъ въ Парижѣ и одновременно съ этимъ процессъ Нечаева въ Россіи, не могли не волновать насъ. Мы не могли говорить безъ слезъ о парижской драмѣ, о Франціи растерзанной и униженной врагами. Нечаевскій процессъ насъ интересовалъ, но не увлекалъ; убійство студента Иванова всѣхъ возмущало; культъ любви, въ которомъ насъ воспитывали, не мирился съ убійствомъ. Наши учителя относились прямо враждено и къ дѣлу Нечаева и къ коммунѣ. Нечаева они считали пустымъ честолюбцемъ, а коммунистовъ называли сумасшедшими. Мы инстинктивно чувствовали, что они ошибаются въ этомъ, говорятъ не то, и стали искать удовлетворенія новыхъ запросовъ мысли въ другихъ сферахъ, въ другихъ слояхъ, окружающихъ насъ.

Въ 7-мъ классѣ намъ пріѣлся вообще и нашъ тѣсный гимназическій кругъ; намъ хотѣлось разнообразія, новыхъ впечатлѣній и мы стали стараться расширить его; мы приглашали бывать у насъ офицеровъ, студентовъ, недавно исключенныхъ изъ Медико-Хирургической Академіи, трудящихся или мечтающихъ трудиться женщинъ, собравшихся ѣхать на женскіе курсы въ Россію, юнкеровъ, семинаристовъ старшихъ классовъ и учениковъ межевого училища. Этотъ новый разнообразный составъ кружка чрезвычайно оживилъ насъ; какъ разъ въ это время знакомые намъ петербургскіе студенты, прислали намъ сочиненія Ф. Лассаля, Капиталъ Маркса и ром. Швейцера «Эмма и Люцинда». Все это увлекло насъ своей новизной. Но этотъ новый расширенный кружокъ былъ кружкомъ самообразованія, съ задачами гуманной, просвѣтительной работы для народа, и только.

Нашъ новый, расширенный кружокъ, въ числѣ другихъ юношей, сталъ посѣщать и ученикъ выпускного курса межевого училища Мих. Чикоидзе, а также ученикъ классической гимназіи — кн. Александръ Циціановъ, ставшіе потомъ моими ближайшими товарищами по дѣлу «Всерос. соц. рев. организаціи», съ которыми пришлось потомъ дѣлить и тюрьму и скамью подсудимыхъ, а затѣмъ каторгу и ссылку.

Крупная фигура Чикоидзе сразу обращала на себя вниманіе. Небольшая голова, покрытая густой шапкой черныхъ волосъ нѣсколько склонялась на длинной шеѣ; горящіе, черные прямо страшно большіе глаза, всегда упрямо, неотвязно устремленные въ лицо собесѣдника, какъ-то невольно смущали; но пріятный густой баритоннаго тембра голосъ противорѣчилъ этому впечатлѣнію и безсознательно привлекалъ къ нему съ самой первой встрѣчи.

Приглашенный однажды на одно изъ нашихъ собраній, онъ пришелъ довольно рано и когда я вошелъ въ комнату, то засталъ его въ горячемъ спорѣ съ двумя-тремя присутствовавшими тамъ женщинами о значеніи математическихъ наукъ для выработки строгаго мышленія; женщины не соглашались съ нимъ и, ложно толкуя Писарева, которому онѣ, какъ и большинство молодежи поклонялись, утверждали, что строгость въ мышленіи достигается только изученіемъ естественныхъ наукъ, а не отвлеченной чистой математики. Чикоидзе строго, но добродушно качая своей волосатой головой, которую впослѣдствіи другія женщины, его товарищи по процессу 50-ти, называли въ просторѣчіи «шваброй», возражалъ своимъ оппонентамъ, доказывая, что въ каждой отвлеченной математической формулѣ гораздо больше реальности, нежели въ теоріи происхожденія видовъ, къ немалому смущенію своихъ оппонентокъ. Математика была его культомъ; впослѣдствіи я узналъ отъ его товарищей по межевому училищу, а потомъ и по Михайловскому Артиллерійскому училищу, что онъ обладалъ необычайными математическими способностями, которыя были замѣчены сначала преподавателемъ Межевого Училища артиллеристомъ Воропаевымъ, а затѣмъ и профессоромъ Мих. Арт. Учил. въ Петербургѣ Будаевымъ, котораго поражалъ Чикоидзе не только способностями своими, но и обширными познаніями своими въ математическихъ наукахъ. Эти отзывы Воропаева и Будаева передавали мнѣ товарищи Чикоидзе, а самъ онъ былъ такъ скроменъ, что, кажется,

даже и не сознавалъ своихъ силъ и никогда не кичился своими знаніями.

Другой юноша, съ которымъ меня свела судьба на этихъ собраніяхъ, былъ кн. Александръ Циціановъ; это былъ молодой человѣкъ средняго роста, съ большимъ выдающимся лбомъ, съ особенно рельефно выступавшими лобными буграми, сильно оттѣняемыми его синими очками. Во время нашихъ споровъ онъ почти всегда сидѣлъ молча въ углу комнаты и, понуря голову, улыбался; трудно было разгадать, смѣется ли онъ надъ спорящими или сочувствуетъ кому нибудь изъ нихъ.

Въ этомъ нашемъ юношескомъ кружкѣ, Циціанова я видѣлъ всего раза два и потомъ на нѣкоторое время потерялъ его изъ виду; потомъ я узналъ, что въ годъ моего окончанія курса гимназіи (въ 1872 году) Циціановъ бросилъ классическую гимназію и отправился въ Цюрихъ, а я и Чикоидзе отправились въ Петербургъ, чтобы поступить: Чикоидзе въ Артиллер. Училище, а я въ Медико-Хирургич. Академію, которую мнѣ пришлось, уже много лѣтъ спустя, промѣнять на юридическій факультетъ.

Вообще лѣтомъ 1872 года весь нашъ кружокъ разбрелся; значительная часть его уѣхала въ Россію для поступленія въ высшія учебныя заведенія; остальные заканчивали курсъ въ мѣстныхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, поддерживая въ новыхъ рядахъ молодежи традиціи кружковой самодѣятельности и самообразованія.

III.

Въ Петербургѣ я сразу попалъ въ среду молодежи, говорившей, мечтавшей и бредившей лишь о народѣ. Меня встрѣтили тамъ старшіе тифлисскіе товарищи; они проживали въ Лѣсномъ и ютились вчетверомъ въ одной комнатѣ; несмотря на то, что всѣ они получали порядочныя деньги изъ дому, я засталъ ихъ питающимися ржанымъ хлѣбомъ и безъ копѣйки денегъ; они нисколько не унывали и весело работали.

Мнѣ предстояло выбрать дорогу.

Еще на гимназической скамьѣ я мечталъ о врачебной дѣятельности. Незабытыя еще впечатлѣнія моего дѣтства въ деревнѣ, гдѣ я провелъ свои первые двѣнадцать лѣтъ жизни, подсказывали мнѣ, что въ роли врача можно очень много сдѣлать для бѣднаго люда. Мать моя, большая деревенская филантропка и глубоко вѣрующая женщина, бывало ежедневно посылала меня съ человѣкомъ въ деревню, нагружая насъ чаемъ, сахаромъ, фруктами, свѣжимъ хлѣбомъ, булками, которыя она выписывала себѣ изъ города и прочими съѣстными припасами, а также лекарствами для бѣдныхъ. Мы разносили все это бѣднымъ въ ихъ жилища, разбросанныя иногда въ разныхъ концахъ нашей обширной деревни (Сагареджъ), растянувшейся на протяженіи нѣсколькихъ верстъ къ склону Цивскихъ горъ надъ долиной р. Іоры. На всю эту обширную деревню не было тогда ни одного врача, ни одного фельдшера и за всякимъ лекарствомъ крестьянамъ приходи-

лось ѣхать за 50 верстъ въ Тифлисъ. Естественно, какъ высоко цѣнили они заботливость моей матери. Меня, еще ребенка, уже тогда поражала бѣдность и убожество крестьянскихъ домовъ, куда я заходилъ, спѣша проворно выгрузить свою корзинку, чтобы избѣжать благодарности больныхъ, но они все-таки считали своимъ долгомъ подняться, если могли, съ постели, провожая меня благословеніями моей матери и выражая пожеланіе мнѣ долгой жизни, какой сподобился дѣдъ мой, умершій на 104-мъ году жизни.

Слезы и причитанія этихъ безпомощныхъ больныхъ, убожество ихъ жилищъ, нищенская обстановка и жизнь, въ которой они утопали, обезсиленные трудомъ, меня въ такой степени волновали, что иногда я отказывался исполнять порученія матери, потому что слезы и причитанія больныхъ меня самого доводили иногда до слезъ и заставляли горько чувствовать мою безпомощность серьезно помочь имъ. Но мать всегда умѣла склонить меня снова и снова посѣщать ихъ; «если ты не будешь, говорила она, ходить къ бѣднымъ, Богъ узнаетъ, что ты недобрый мальчикъ и, когда ты заболѣешь самъ и меня не будетъ съ тобою, никто тебѣ не поможетъ»; и я безпрекословно повиновался. Это чувство состраданія къ бѣднымъ, съ дѣтства развитое во мнѣ, опредѣлило и первые шаги моей жизни.

Естественно поэтому, что, попавъ въ Петербургъ, я постучался прежде въ двери Медико-Хирургической Академіи. Имѣя аттестатъ реальной, а не классической гимназіи, я въ сущности не имѣлъ права поступать въ эту Академію, но мнѣ посовѣтовали обратиться къ военному министру Милютину. По его распоряженію меня приняли въ Академію, такъ какъ мое хорошее знаніе языковъ французскаго и нѣмецкаго цѣнилось профессорами гораздо больше, нежели поверхностное знаніе гимназическаго курса латыни, съ какимъ вступали въ Академію классики. Что же касается преподаванія естественныхъ наукъ въ нашей реальной гимназіи, оно было поставлено такъ хорошо, что на 1-мъ курсѣ Академіи мнѣ почти ничего не приходилось дѣлать, такъ какъ уже въ гимназіи я зналъ гораздо больше по физіологіи, анатоміи, зоологіи, сравнительной анатоміи, химіи, физикѣ, ботаникѣ и минералогіи, нежели это требовалось по программѣ 1-го курса Медико-Хирургической академіи.

По принятіи меня въ Медико-Хир. Академію, я отправился въ Лѣсной Институтъ, гдѣ у меня были земляки. Этотъ институтъ былъ тогда центромъ сближенія петербургской молодежи; здѣсь въ обширномъ залѣ институтской библіотеки и читальни можно было встрѣтить кого угодно—студентовъ всѣхъ учебныхъ заведеній Петербурга, а въ дешевой столовой при этомъ институтѣ обѣдалъ въ кредитъ каждый, кому хотѣлось ѣсть, лишь бы объ этомъ былъ предувѣдомленъ староста столовой. Тутъ-то впервые я увидѣлъ студенческія сходки; этими сходками руководили обыкновенно старые студенты или *вѣчные* студенты, какъ ихъ называли, а также иногда и люди, которые никогда студентами и не были, какъ-то нѣкоторые литераторы, а также бывшіе офицеры, какъ Сергѣй Кравчинскій, Дмитрій Рогачевъ и многіе другіе.

Помню, меня очень поражало тогда, что темы споровъ на этихъ

сходкахъ, были тѣ же, что и въ далекомъ нашемъ тифлисскомъ кружкѣ: говорили о Парижской Коммунѣ, говорили о буржуазныхъ республиканцахъ, какъ объ измѣнникахъ народа, говорили о Нечаевѣ и его арестѣ въ Цюрихѣ и въ связи со всѣмъ этимъ о нашемъ правительствѣ, которое душитъ молодежь и народъ, какъ душило французское правительство Парижскую Коммуну.

Иногда я посѣщалъ также сходки кружка студентовъ-кавказцевъ, которые собирались на квартирѣ кого-нибудь изъ земляковъ; но эти собранія были вообще мало-интересны, хотя темы были тѣ же, что и на русскихъ студенческихъ сходкахъ.

Проживъ первые мѣсяцы въ Петербургѣ и убѣдившись, что слушаніе лекцій въ Академіи—пустая трата времени для меня, такъ какъ программа 1-го курса, какъ я уже сказалъ, была пройдена мною еще раньше въ гимназіи, и находя, что основательное занятіе химіей мнѣ поможетъ въ изученіи многихъ отраслей медицины, я по совѣту студентовъ Лѣснаго Института Бакрадзе и Садовскаго попросилъ профессора Лѣсного Института Бородина разрѣшить мнѣ заниматься въ лабораторіи института, такъ какъ при всемъ богатствѣ Медико-Хирургич. Академіи, ея химическая лабораторія постоянно пустовала и никто изъ студентовъ не занимался тамъ; старый профессоръ Зининъ поглощенъ былъ своими собственными изслѣдованіями, а профессоръ Бородинъ (однофамилецъ проф. Лѣсного Института)—зять проф. Зинина занимался, по словамъ самого же Зинина, больше музыкой, чѣмъ химіей.

Профессоръ Лѣсного Института согласился на мою просьбу и я приступилъ къ занятію количественнымъ анализомъ, т. к. качественнымъ анализомъ я занимался еще въ гимназической лабораторіи.

Въ виду того, что занятія въ лабораторіи велись обыкновенно по вечерамъ, начиная часовъ съ 5—6, мнѣ неудобно было уже жить въ Петербургѣ и я совсѣмъ пересилился въ Лѣсной Институтъ, гдѣ къ услугамъ моимъ оказалась не только просторная комната, но и вся необходимая обстановка съ постелью, самоваромъ и даже булкой и молокомъ по утрамъ и обѣдомъ въ кредитъ въ столовой Института. Когда какой-то сторожъ явился ко мнѣ съ просьбой сообщить ему мою фамилію, чтобъ написать ее на дверяхъ моей комнаты, я просилъ его не дѣлать этого, такъ какъ я студентъ Мед. Академіи, а не Лѣсного Института; но онъ преспокойно отвѣтилъ мнѣ: «да, я это знаю; мало ли студентовъ не лѣсниковъ, которые цѣлыми годами живутъ у насъ, а все же фамилію надо прописать на дверяхъ».

Дѣйствительно, порядки были въ то время такіе удивительно патріархальные, что тамъ, какъ мнѣ разсказывали, проживали нерѣдко литераторы и другіе интеллигенты, временно не имѣвшіе никакого пріюта. Я расположился такимъ образомъ въ Институтѣ на всѣхъ правахъ студента-лѣсника. Утромъ раза три въ недѣлю я шелъ въ Петербургъ, чтобъ работать въ препаровочной, гдѣ сверхъ программы 1-го курса я занимался практической анатоміей у проф. Ландцерта, чтобъ облегчить себѣ предстоящія занятія на 2-мъ курсѣ у проф. Грубера, работы у котораго отнимали обыкновенно массу времени у студентовъ и мѣшали занятіямъ по физіологіи и гистологіи, читавшимся также на 2-мъ курсѣ.

По вечерамъ я возвращался опять въ Лѣсной и занимался химіей въ лабораторіи Института, а остальное свободное время посвящалъ чтенію книгъ по разнымъ общественнымъ и научнымъ вопросамъ, поставщикомъ которыхъ въ Институтѣ былъ въ то время большой библіоманъ, старый студентъ—Игнатій Госсельани изъ типа вѣчныхъ студентовъ, котораго мы въ шутку назвали Игнатіемъ Лойоллой; онъ обладалъ рѣдкими библіографическими свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ знанія, и былъ живой книгой, очень полезной для студенчества. У него всегда можно было найдя цѣлый складъ лучшихъ произведеній того времени по вопросамъ соціальнымъ, политико-экономическимъ и историческимъ. Благодаря сношеніямъ его со всѣми книжными магазинами, у него раньше всѣхъ можно было найти на столѣ всевозможную литературную новинку. Я обязанъ ему тѣмъ, что, не выходя изъ зданія Лѣсного Института, могъ доставать самыя новѣйшія и самыя лучшія книги; я перечелъ въ то время неимовѣрную массу солидныхъ книгъ и журнальныхъ статей, составлявшихъ иногда библіографическую рѣдкость; черезъ него же я получалъ всякія запрещенныя и заграничныя изданія. Впослѣдствіи, въ разгарѣ революціоннаго движенія того времени, послѣ бурныхъ сходокъ въ Институтѣ, кончавшихся обыкновенно поздно ночью, можно было встрѣтить раннимъ утромъ въ его комнатѣ цѣлый нелегальный складъ не однѣхъ книгъ, но и нелегальныхъ людей, располагавшихся въ его номерѣ, какъ въ своемъ собственномъ.

Зимой 1873 года, когда появился уже журналъ «Впередъ», издававшійся за-границей эмигрантомъ П. Л. Лавровымъ, сходки студентовъ еще болѣе участились. Мнѣ приходилось участвовать тогда на такихъ сходкахъ, наприм. на Петербургской сторонѣ и въ Измайловскомъ полку, гдѣ молодежь собиралась иногда въ числѣ около тысячи человѣкъ. Студенческая молодежь, интересовавшаяся общественными дѣлами, дѣлилась уже тогда на двѣ большія партіи: бакунистовъ и лавристовъ и оказывала поддержку соотвѣтственнымъ изданіямъ заграницей. Въ Мед. Академіи уже съ давнихъ поръ существовалъ обычай ежегодно устраивать студенческіе вечера, которые давали иногда до 5.000 руб. сбора. Распредѣленіе этихъ суммъ предоставлялись курсовымъ представителямъ. Зимою 1873 года мнѣ по выбору товарищей пришлось быть представителемъ отъ 2-го курса и принять участіе въ распредѣленіи этихъ суммъ. Вся Академія выбрала 10 человѣкъ, по 2 отъ курса; мы должны были обойти и осмотрѣть квартиры студентовъ, просившихъ пособія.

Мнѣ впервые пришлось тогда видѣть такія картины студенческой бѣдноты, которыя пожалуй оставляли за собою все видѣнное въ деревнѣ; нѣкоторые изъ студентовъ были въ такомъ ужасномъ положеніи, что мы тутъ же, не дожидаясь распредѣленія собранныхъ денегъ, выдавали имъ на свой страхъ по нѣсколько рублей, чтобы спасти ихъ отъ голодной смерти или отъ перспективы очутиться на улицѣ за неуплату квартирныхъ денегъ за уголъ, который занималъ иногда студентъ, содержа какой-нибудь перепискѣ себя, мать, сестру или маленькаго брата на какихъ ниб. 25 коп. въ день. Но рядомъ съ такими бѣдняками оказывались зачастую и люди, жившіе не только

безбѣдно, но по-студенчески даже роскошно; мы имъ, конечно, отказывали въ пособіи. И вотъ, когда всѣ необходимыя свѣдѣнія были собраны, мы сошлись у одного изъ представителей курса, помнится у студента Воронцова, чтобъ окончательно распредѣлить собранныя деньги. Кто-то изъ присутствующихъ внесъ неожиданно предложеніе распредѣлить между дѣйствительно нуждающимися студентами только половину сбора, а другую половину около 2500 руб. отдать на поддержку изданій Лаврова и Бакунина, мотивируя это предложеніе тѣмъ, что распространеніе такихъ изданій скорѣе приведетъ къ уничтоженію бѣдности и всякихъ неправдъ, чѣмъ безплодная филантропія; поднялись нѣсколько голосовъ протеста: заявляли, что мы не въ правѣ употреблять по своему усмотрѣнію, хотя бы на общественное дѣло деньги собранныя для студенчества. Но эта строго правовая постановка вопроса побѣдить не могла; многіе указывали, что сборъ былъ бы на половину меньше, если бы въ дѣло распространенія билетовъ не вложили свой трудъ и энергію лица, задавшіяся цѣлью поддержать именно названныя изданія; они говорили, что формально—правовая сторона лишена внутренней правды и проч. и проч. Самовластное употребленіе денегъ было принято. Но такъ какъ распредѣленіе этихъ суммъ происходило подъ контролемъ начальника и инспектора Академіи, то суммы, предназначенныя для выдачи на нелегальныя изданія, приходилось записывать на имя студентовъ заранѣе дававшихъ свое согласіе уступить получаемыя ими пособія на эти изданія. Это фиктивное распредѣленіе пособій нѣсколько испортило дѣло и меня очень шокировало; мнѣ казалось, что мы совершаемъ нѣчто вродѣ кражи и чтобы выйти изъ этого неловкаго положенія я предложилъ, чтобъ право распредѣленія пособій было по крайней мѣрѣ предоставлено намъ безконтрольно; но предложеніе мое было отвергнуто, такъ какъ начальство все равно не согласилось бы съ нимъ.

Тѣмъ не менѣе такое фиктивное распредѣленіе пособій очень хорошо было извѣстно тогдашнему инспектору Пескову и начальнику Академіи Чистовичу; но во избѣжаніе разнаго рода осложненій, они смотрѣли на это сквозь пальцы, тѣмъ болѣе, что то же самое продѣлывалось и съ суммами, собираемыми съ баловъ и вечеровъ другими учебными заведеніями. Можно смѣло было сказать, что въ первое время, т. е. въ 1873—74 г.г., большая часть революціонныхъ изданій велась въ значительной мѣрѣ на деньги, собираемыя студентами; конечно, были единичныя пожертвованія состоятельныхъ лицъ, но сумма ихъ была несравненно ниже суммы сборовъ; такихъ лицъ можно было перечесть по пальцамъ. Сверхъ того, революціонныя изданія не только требовали издержекъ, но давали и нѣкоторый доходъ, такъ какъ молодежь, и другая интеллигенція часто платила за нихъ хорошія деньги; помню, какъ за нумеръ «Впередъ» и за «Государственность и Анархія» платили отъ 2 до 5 рублей, а иногда и больше. Правда, эти книги приходилось перевозить черезъ границу, что сопряжено было съ большимъ рискомъ и немалыми расходами, но расходы эти вполнѣ покрывались, вѣроятно, продажей изданій. Въ то время агентуру бакунистскихъ изданій держалъ нѣкто Рабиновичъ, впослѣдствіи извѣстный ренегатъ, выдавшій почти весь составъ кружка Чайковцевъ;

агентура журнала «Впередъ» была въ рукахъ студента Медико-Хир. Академіи Гинсбурга, который до конца 1875 года дѣятельно собиралъ деньги для поддержки лавровскаго изданія; но съ каждымъ годомъ сборы были труднѣе и труднѣе и уже въ февралѣ 1875 года нашей, уже тогда создавшейся, организаціи пришлось выдать въ Москвѣ Гинсбургу на поддержку журнала «Впередъ» 2.000 рублей черезъ Евг. Субботину. Между этими двумя агентами, т. е. Рабиновичемъ и Гинсбургомъ происходили вѣчныя недоразумѣнія, доходившія иногда почти до открытаго скандала; они перехватывали другъ у друга контрабандный путь, открыто обвиняли другъ друга въ яко бы умышленномъ провалѣ цѣлой партіи контрабанды и вся эта неприличная свара возмущала молодежь, которой не было никакого дѣла до ихъ счетовъ и которая относилась съ одинаковымъ интересомъ къ обоего рода изданіямъ и съ одинаковой жадностью читала и тѣ и другія.

Молодежь была права, не дѣлая различія между этими изданіями. Споры петербургскихъ представителей бакунистовъ и лавристовъ были чисто академическіе, вродѣ того, напримѣръ, нужно ли дать народу знаніе и именно въ полномъ размѣрѣ, чтобъ произвести революцію; нужно ли самимъ революціонерамъ запасаться большими знаніями, или же ограничиться имѣющимся у нихъ багажемъ и идти съ нимъ на революціонное дѣло и т. п. На эти темы шли безконечные и безплодные споры, безплодные потому, что никто не зналъ народа, никто не обращалъ вниманія на то, что въ сушности и та и другая тактика была хороша въ зависимости отъ того или другого даннаго историческаго момента, отъ той или другой мѣры накопленія революціонной энергіи въ народѣ. Въ этихъ спорахъ на ряду съ немногими серьезными людьми принимало участіе не мало болтуновъ, крикуновъ и фразеровъ, совершенно незнакомыхъ съ народной жизнью; эти люди отрицая всякую подготовительную организаціонную работу толкали болѣе впечатлительныхъ юношей на чрезвычайно скользкій путь, приводившій весьма часто къ разочарованію и ренегатству. Адепты же партіи лавристовъ, называвшіе себя также марксистами, хотя съ Марксомъ они, пожалуй, были менѣе знакомы, чѣмъ лучшіе представители бакунистовъ, вѣчно ходили, какъ бы съ тяжелой артилеріей, пригнетавшей ихъ къ землѣ, слишкомъ не соотвѣтствовавшей пылкимъ запросамъ молодежи, готовой отдать безъ оглядки жизнь, лишь бы поскорѣе сломить цѣпи политическаго и экономическаго рабства, угнетавшаго народъ. Большинство этихъ марксистовъ разсуждали объ организаціи рабочаго класса, о пропагандѣ теоріи Маркса среди рабочаго населенія, не имѣя ни мужества, ни таланта проникнуть въ эту среду, сойтись съ рабочими и подвинуть ихъ на что либо активное. Это были горожане—теоретики и только. Лучшая часть молодежи внимательно прислушивалась и къ тѣмъ и къ другимъ, но сама намѣчала свой путь. Она быстро разобралась въ этихъ иногда безплодныхъ теоретическихъ спорахъ и произнесла свой приговоръ надъ обѣими партіями: лавристовъ она признала резонерами, не способными къ активной работѣ, бакунистовъ назвала вспышко-пускателями, которые толкаютъ молодежь на многочисленныя вспышки, кончающіяся горькимъ разочарованіемъ, а потомъ и безплодной гибелью сотенъ молодыхъ жизней.

Теоретическіе споры о томъ, слѣдуетъ-ли бороться за политическую свободу или необходимо теперь же добиться торжества соціализма, надоѣли всѣмъ; всѣмъ хотѣлось бороться и за политическую свободу и противъ экономическаго рабства. Бросивъ безплодные споры и узкія одностороннія программы, молодежь ринулась въ народъ, ища тамъ отвѣта на свои наболѣвшіе вопросы.

Многимъ изъ насъ, дѣтямъ сельскихъ сословій хорошо было извѣстно и раньше, что такое народъ, чего онъ хочетъ. Проповѣдь Бакунина мы понимали въ томъ смыслѣ, что надо сорганизовать массу интеллигентную, рабочую и крестьянскую противъ всей жизненной неправды, чтобы разомъ ударить на врага; задаваться же цѣлью преподавать народу тонкости ученія соціализма, сдѣлать массу сознательной въ проведеніи въ жизнь соціалистическаго, въ частности марксистскаго, идеала, мы считали сумасбродствомъ и толченьемъ воды. Другое дѣло горожане; ихъ увлекала стройность этой теоріи; они совершенно не знали массы и никогда не имѣли съ нею дѣла; они знали эту массу лишь по книгамъ, а когда соприкасались съ нею въ дѣйствительности, народъ казался имъ сфинксомъ; они думали, что проповѣдью отрицанія царя, бога, церковныхъ обрядовъ, брака и проч. можно увлечь народъ; мы же съ дѣтства знавшіе его въ деревнѣ безсознательно изучившіе тамъ психологію массъ, никогда не переоцѣнивали ее; мы прекрасно знали, что къ народу надо подходить очень осторожно и при томъ умѣло, въ противномъ случаѣ вся эта масса пойдетъ противъ насъ и станетъ за правительство съ царемъ и духовенствомъ во главѣ. На ряду съ ея положительными сторонами, мы прекрасно знали отрицательныя свойства народной массы и мирились даже съ фактомъ возможнаго предательства насъ со стороны крестьянъ и рабочихъ. Примѣры такого предательства были уже въ концѣ 1873 и началѣ 1874 года, какъ были тѣ же примѣры и въ интеллигенціи. Естественной реакціей противъ вышеуказанныхъ безплодныхъ, наскучившихъ всѣмъ споровъ явилась могучая волна движенія въ народъ. Эта волна была такъ сильна, что стерла въ сердцахъ молодежи всѣ другіе расчеты, всѣ мечты о наукѣ, о личномъ будущемъ; полученіе диплома считалось тогда преступленіемъ; всѣ немедленно спѣшили покинуть стѣны учебныхъ заведеній, чтобы поскорѣе сжечь свои корабли; всѣ спѣшили облечься въ сермягу и двинуться въ народъ, чтобы тамъ жить его жизнью, дѣлить съ нимъ горе и радость. Не только высшія, но и среднеучебныя заведенія быстро пустѣли, а такъ какъ пристроиться всѣмъ сразу въ народѣ было не легко, то большая часть этихъ молодыхъ людей продолжала оставаться въ Петербургѣ. Всего труднѣе приходилось тогда молодымъ дѣвушкамъ, которыхъ за самовольное оставленіе учебныхъ заведеній родственники часто лишали средствъ и онѣ не знали, чѣмъ жить. Нѣкоторыя изъ нихъ вступали въ фиктивные браки, чтобъ избавиться отъ стѣснительной родительской опеки и располагать своими личными средствами, если они у нихъ были, но браки эти часто еще болѣе осложняли дѣло; если такая дѣвушка попадалась въ чемъ-нибудь, то администрація водворяла ее немедленно въ домъ фиктивнаго мужа, котораго это обстоятельство не могло не смущать. Я помню, какъ нѣкая П—а,

связанная фиктивнымъ бракомъ съ однимъ лицомъ и жившая позднѣе, какъ жена, съ другимъ, арестованная въ Петербургѣ, была выслана къ фиктивному мужу, а этотъ послѣдній отказался принять ее. Подобныя исторіи производили удручающее впечатлѣніе; еще болѣе удручалъ меня эксцентричный наружный видъ этихъ дѣвушекъ, совсѣмъ негармонировавшій съ привычной условностью: высокіе смазные сапоги, платье какого-то необыкновеннаго покроя, поверхъ платья не то пледъ, не то платокъ, стриженные волосы, а на головѣ мужская шляпа. Весь этотъ ненужный маскарадъ меня удивлялъ не на шутку. Подобной эксцентричностью возмущала меня, напр., В. П. Рогачева (рожд. Карпова); она возмущала всѣмъ внѣшнимъ видомъ, своими жестами, разговоромъ; а между тѣмъ она была прекрасной души человѣкомъ; я познакомился съ нею ближе лѣтъ черезъ семь послѣ описываемаго періода, когда всѣхъ насъ, заключенныхъ, въ томъ числѣ ея фиктитнаго мужа Дм. Рогачева, изъ Харьковской Центральной тюрьмы пересылали въ Сибирь въ Карійскую каторжную тюрьму. Здѣсь на пути я напомнилъ ей наши первыя встрѣчи въ Петербургѣ и откровенно высказалъ мое тогдашнее возмущеніе. По внѣшности она уже перестала быть эксцентричной, но меня все-же поражало въ ней, что проведя на волѣ около 7 лѣтъ, и стоя почти въ сторонѣ отъ движенія (все это время она провела въ административной ссылкѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ), была, какъ и раньше, почти полной невѣждой; она не попыталась изучить даже исторію, пониманіе которой такъ важно для всякаго революціонера и на мое удивленіе, высказанное по этому поводу, она пояснила, что и до сихъ поръ остается при томъ же мнѣніи, что для революціонера не требуется знаній, что знаніе лишняя обуза для него и революціонеру нужно одно самоотверженіе и честность.

Вотъ какъ своеобразно преломлялся бакунизмъ въ нѣкоторыхъ умахъ. В. П. Рогачева смотрѣла, слѣд., на вопросъ о ненужности знанія не какъ на уступку требованіямъ момента, а какъ на безусловное положеніе, независимое отъ времени и мѣста; и такихъ было не мало.

Будучи революціонеромъ по убѣжденію, я не раздѣлялъ однако мнѣнія той части молодежи, которая, призывая всѣхъ идти въ народъ, требовала обязательнаго оставленія учебныхъ заведеній; мнѣ казалось что знаніе, какъ профессіональное, такъ и всякое другое, способствующее общему развитію человѣка, отнюдь не составляетъ того груза, который можетъ помѣшать революціонеру въ революціонной дѣятельности; поэтому, стоя довольно близко къ революціонной молодежи, я продолжалъ заниматься въ Академіи со всѣмъ юношескимъ пыломъ со всей жаждой знанія.

Но судьбѣ угодно было распорядиться мною не такъ, какъ я того хотѣлъ.

IV.

Послѣ выхода изъ Академіи профессора Сѣченова, кафедру физіологіи въ Академіи занялъ профессоръ Ціонъ, человѣкъ крайне несимпатичный, получившій мѣсто въ Академіи, благодаря лишь протек-

ціи высокопоставленныхъ лицъ. Профессора Академіи дѣлились въ то время на двѣ партіи—русскую и нѣмецкую; русская партія во главѣ съ Груберомъ (чехъ), Заворыкинымъ, Рудневымъ и Боткинымъ была противъ Ціона; нѣмецкая же партія во главѣ съ профессорами Эйхвельдомъ, Ланцуертомъ и другими—за Ціона. Груберъ не скрывалъ своего антогонизма къ нему и нерѣдко во время экзаменовъ ни съ того, ни съ сего начиналъ держать рѣчь на своемъ полу-русскомъ, полу-латынскомъ и полу-нѣмецкомъ языкѣ о томъ, какъ профессоръ Ціонъ удостоился степени доктора медицины за открытіе какого-то якобы нерва, который впослѣдствіи оказался простой связкой; помню, какъ насъ смѣшилъ и его воляпюкъ и его придирчивость и то, что, добросовѣстно оцѣнивая знаніе студента, онъ нерѣдко произносилъ сурово: «ну, господинъ (имя рекъ), приходите еще разъ»; аудиторія разражалась гомерическимъ хохотомъ и громко апплодировала этой привычной фразѣ; и самъ срѣзавшійся студентъ хохоталъ обыкновенно до упаду, удивляясь, какъ это Груберъ, разсказывая о продѣлкахъ Ціона, все же узналъ, что онъ не готовъ къ экзамену. При всей неумолимой строгости къ знанію студентовъ, порою даже придирчивости его, многочисленныя поколѣнія студентовъ, прошедшія черезъ руки Грубера, всегда относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, главнымъ образомъ, потому, что онъ смѣло отстаивалъ неприкосновенность своихъ владѣній (анатомическій театръ на Выборгской сторонѣ) и во всѣ смутные періоды жизни Академіи, когда полиція разносила другія аудиторіи, она не могла проникнуть въ анатомическій театръ, куда обыкновенно спасались преслѣдуемые полиціей студенты. Тутъ Груберъ выходилъ въ своемъ кожанномъ халатѣ и, стоя въ трагической позѣ, объявлялъ полиціи и жандармамъ, будь въ числѣ ихъ хоть самъ Треповъ, что никто не смѣетъ переступить порогъ анатомическаго театра, что онъ Груберъ никому не позволитъ осквернить храмъ науки, который онъ обязанъ оберегать какъ святилище. Эта благородная рѣчь и его выразительная фигура производили должное впечатлѣніе на полицію и она стушевывалась, разсѣивалась, какъ дымъ. Осенью 1874 года, когда вспыхнули открытые безпорядки, вызванные Ціономъ, нѣкоторые изъ вожаковъ студентовъ, преслѣдуемые полиціей, нашли себѣ убѣжище въ анатомическомъ театрѣ; Груберъ объявилъ помощнику Трепова—Козлову, что готовъ встрѣтить грудью всякое насиліе, но студентовъ не выдастъ; объявивъ это, онъ заперъ дверь анатомическаго театра, и самъ лично поѣхалъ къ Александру II-му, который приказалъ полиціи не трогать этого помѣщенія.

Такая защита студентовъ отъ насилія полиціи страшно подкупала молодежь, и старикъ Груберъ пользовался неслыханной симпатіей, я, несмотря на то, что большинство студентовъ относилось отрицательно къ его строгимъ экзаменамъ и къ его ассистентамъ, которые фактически всегда его замѣняли.

Эта огромная популярность Грубера, личнаго врага Ціона, грозила послѣднему гибелью и самъ Ціонъ всѣмъ своимъ мелкимъ существомъ способствовалъ этой гибели. Въ то время, какъ всѣ знаменитости Академіи ходили на лекціи въ слякоть и дождь пѣшкомъ,

БИБЛИОТЕКА Имп. 7450 Орловского Дома
29208

или тряслись на ванькѣ, профессоръ Ціонъ наряжался въ свой генеральскій мундиръ и пріѣзжалъ въ каретѣ. Его еврейское произношеніе, монотонность рѣчи, вся его невидная фигура прямо отталкивали насъ; только что вышедшій его курсъ физіологіи съ массой научныхъ ошибокъ, которыя были тотчасъ же отмѣчены въ прессѣ, окончательно подорвалъ къ нему довѣріе студентовъ. Мало того, учредивъ экспериментальный курсъ физіологіи, демонстрируя на немъ разные физіологическіе опыты, онъ объявилъ, что студенты, желающіе заниматься въ его лабораторіи, обязаны подвергаться ежемѣсячному экзамену, въ противномъ случаѣ онъ никого не допуститъ къ этимъ занятіямъ. Такая регламентація обидѣла и возмутила всѣхъ студентовъ, искренно желавшихъ изучать физіологію; это и понятно; незнающій студентъ не станетъ попусту ходить въ лабораторію и цѣлые часы, а можетъ быть и дни, посвящать необязательнымъ опытамъ по физіологіи; очевидно Ціонъ путемъ стѣснительныхъ регламентацій хотѣлъ ограничить число занимающихся въ лабораторіи и тѣмъ избавить себя отъ обязанности руководить ихъ занятіями. Уже въ 1872 году студенты бойкотировали лабораторію Ціона и въ ней продолжали заниматься какихъ нибудь 4—5 человѣкъ, которые на моихъ глазахъ чуть не были избиты въ аудиторіи и одного изъ нихъ мнѣ лично пришлось спасать отъ наступавшихъ на него съ кулаками студентовъ. Лучшая, занимающаяся молодежь бойкотировала лабораторію Ціона; его регламентаціи подчинились только карьеристы, для которыхъ внѣ диплома другого божества не было.

Возмущеніе противъ Ціона росло; онъ счелъ нужнымъ свести счеты съ Груберомъ и его партіей и, не будучи въ состояніи открыто помѣряться съ ними силами, задумалъ выместить свою злобу на насъ—студентахъ.

Задумалъ онъ это сдѣлать во время экзаменовъ 1874 года, т. е. при переходѣ моемъ со 2-го курса на 3-й.

Ціонъ порѣшилъ рѣзать всѣхъ студентовъ, которые имѣли полные баллы у Грубера и Заворыкина; нѣкоторые изъ студентовъ прознали объ этомъ и, явившись рано на экзаменъ, стали предупреждать другихъ, что проф. Ціонъ хочетъ экзаменовать не только по физіологіи, но и по анатоміи и гистологіи, надѣясь доказать этимъ, что лучшіе студенты Грубера и Заворыкина ничего не знаютъ. Весь курсъ изъ 250 человѣкъ постановилъ не отвѣчать Ціону ни на одинъ вопросъ по анатоміи и гистологіи; рѣшеніе это состоялось до моего прихода и когда мнѣ объявили его, я выразилъ сочувствіе—меня возмущалъ мелочный замыселъ Ціона. Вызывали обыкновенно по алфавиту; несмотря на это, меня почему-то вызвали первымъ; мнѣ достался билетъ—физіологическія функціи почекъ.

— Прежде, чѣмъ говорить о физіологическихъ функціяхъ, потрудитесь описать анатомическое и гистологическое строеніе почекъ», сказалъ мнѣ внушительно Ціонъ.

— Ваше желаніе исполнено не будетъ, отвѣтилъ я, потому что сегодня экзаменъ по физіологіи, а по анатоміи и гистологіи экзамены мы уже сдали. Происходитъ длинное препирательство. Наконецъ, не слушая его, я приступаю къ изложенію физіологическихъ функцій;

Ціонъ волнуется, призываетъ въ свидѣтели ассистентовъ, указывая имъ, что я не подчиняюсь его законнымъ требованіямъ; я съ своей стороны указываю на незаконность его требованій; слышенъ многоголосый ропотъ студентовъ по адресу Ціона и громкое обращеніе ко мнѣ: «не отвѣчайте ему, не отвѣчайте». Все это меня выводитъ изъ терпѣнія, я встаю съ кресла и говорю Ціону: «собственно говоря, съ вами и разговаривать то не стоитъ». Вставая съ кресла, я кладу на столъ перо, которое держалъ въ рукахъ и слышу въ это время крикливый возгласъ Ціона: «смотрите господа, онъ бросилъ въ меня перо». Эта ложь сильно возмутила меня; ассистентами были: Эйхвальдъ, Ландцертъ, Бородинъ и еще кто-то. Я обращаюсь къ нимъ и спрашиваю: «когда же я бросилъ перо въ Ціона?» Въ отвѣтъ полное молчаніе; тогда я говорю имъ: «въ учебномъ заведеніи, гдѣ потворствуютъ джи, оставаться не стоитъ» и, присѣвъ тутъ же, я взядъ листъ бумаги и написалъ: «не желая больше оставаться въ академіи, прошу выдать мнѣ мои документы», и, вручивъ эту бумагу инспектору академіи Пескову, ушелъ. Вслѣдъ за мною были вызваны еще четыре студента и съ ними произошло то же. что и со мною. Тогда Ціонъ уступилъ и пересталъ экзаменовать по анатоміи и гистологіи, такъ что остальные экзамены прошли спокойно. Ціонъ просилъ конференцію предать насъ пятерыхъ академическому суду за оскорбленіе, нанесенное ему. Предсѣдателемъ суда былъ профессоръ Бородинъ (химикъ, онъ же композиторъ); всѣ остальные были нѣмецкой партіи и насъ осудили на 8 сутокъ на гауптвахту. Бородинъ пригласилъ меня къ себѣ на квартиру, просилъ подчиниться рѣшенію суда и взять назадъ заявленіе объ отставкѣ; я не согласился, не согласился, кажется, и Венгеровъ. Лучшіе студенты поклялись отомстить Ціону. «Не пройдетъ и года, говорили они мнѣ, какъ мы свалимъ этого карьериста и свалимъ такъ, что онъ не найдетъ себѣ кафедры на всемъ земномъ шарѣ».

Дѣйствительно, такъ и случилось. Осенью 1874 года произошли такіе безпорядки въ академіи, что Ціонъ вынужденъ былъ навсегда покинуть кафедру физіологіи и только послѣ долгихъ скитаній, онъ устроился въ Парижѣ, но не профессоромъ по кафедрѣ физіологіи, а агентомъ министерства финансовъ; эта роль, очевидно, ему была болѣе по плечу.

Вскорѣ по объявленіи намъ вышеприведеннаго приговора академическаго суда, инспекторъ академіи просилъ насъ въ назначенный день явиться на адмиралтейскую площадь, откуда онъ и свелъ меня на гауптвахту при адмиралтейской части, а другихъ въ другія мѣста.

Отправляясь на гауптвахту, я взялъ съ собой «Капиталъ» Маркса, книгу, которую я полюбилъ, изучая ее еще въ 1872 году и мнѣ доставляло удовольствіе перечитывать ее, начиная съ любой главы. На гауптвахтѣ, въ одной комнатѣ со мною оказались гвардейскіе офицеры, которые все время ѣли и закусывали, запивая все это хересомъ, мадерой и шампанскимъ. Несмотря на различіе нашихъ привычекъ, не прошло и двухъ дней, какъ мы перезнакомились и у насъ завязались оживленныя бесѣды; оказалось, что они знакомы съ произведеніями Герцена и Бакунина, слышали кое-что о Чернышевскомъ,

Михайловѣ, Писаревѣ. Но всѣхъ больше ихъ интересовалъ Бакунинъ; одинъ изъ нихъ, какъ оказалось, былъ съ нимъ лично знакомъ. Когда я заговорилъ о Лавровѣ и журналѣ «Впередъ», онъ отвѣтилъ мнѣ: «ну, это что за революціонеръ, писалъ бы лучше исторію, а революція не его дѣло». Ночью они разсказывали мнѣ о распутной жизни, какую вели высокопоставленныя лица, говорили, что у нихъ цѣлый гаремъ изъ дѣвицъ—институтокъ, что морское начальство воруетъ цѣлые милліоны во флотѣ и сплавляетъ ихъ за-границу, что всѣ они готовы продать Россію нѣмцамъ и т. д. и т. д. Тутъ мнѣ пришлось встрѣчаться и съ дежурными по караулу изъ разныхъ полковъ; помню офицера Семеновскаго полка, который собирался поступить въ технологическій институтъ, и который не мало изумилъ меня своимъ знакомствомъ съ исторіей движенія въ Россіи; онъ говорилъ о значеніи декабристовъ и находилъ, что вся ошибка ихъ въ томъ, что они не сумѣли захватить въ руки власть; помню, какъ я горячо спорилъ съ нимъ по этому поводу, высказываясь противъ всякаго захвата власти, такъ какъ вмѣстѣ съ бакунистами я признавалъ принципъ народовластія и былъ противъ всякаго захвата.

Случайная встрѣча на гауптвахтѣ съ массой офицеровъ разныхъ полковъ, ихъ смѣлое вольнодумство и рѣзкая критика существующаго порядка правленія, сходная въ нѣкоторыхъ частяхъ съ той критикой, которую мы сами высказывали, еще болѣе убѣдила меня, что почва для революціи готова даже въ такой средѣ, какъ гвардія. Но я, какъ и вся тогдашняя молодежь, если былъ противъ захвата власти, то въ особенности противъ захвата ея войскомъ, такъ какъ это могло бы привести только къ *pronunciamento*.

Недовольство въ крестьянской и рабочей средѣ, недовольство всей молодежи, недовольство, наконецъ, въ средѣ офицеровъ,—все это заставляло думать, что при умѣлой организаціи этихъ готовыхъ элементовъ, можно создать открытый сознательный протестъ, который будетъ услышанъ и поддержанъ всей страной. Эта мысль поглощала тогда всю мою душу.

Подавъ прошеніе объ отставкѣ, я тогда же, уходя съ экзамена, рѣшилъ уѣхать въ Парижъ и тамъ въ странѣ свободы закончить курсъ медицины и скорѣе вернуться въ Россію. Я тогда же условился ѣхать за-границу съ однимъ товарищемъ, студентомъ-медикомъ Иванишевичемъ, съ которымъ я жилъ на одной квартирѣ и который, какъ австрійскій сербъ, пользовался стипендіей славянскаго комитета. Его страшно тяготилъ петербургскій режимъ, онъ увѣрялъ меня, что даже славянамъ въ Турціи живется гораздо свободнѣе, нежели намъ въ Россіи и звалъ ѣхать въ Европу. Такое мнѣніе о положеніи славянъ въ Турціи не мѣшало ему мечтать объ освобожденіи ихъ изъ подъ турецкаго ига; онъ стоялъ близко къ подготовлявшемуся тогда движенію славянъ на Балканахъ; помню, какъ къ намъ приходили тогда сербы-офицеры русской службы и съ восторгомъ говорили о томъ, что скоро, очень скоро вспыхнетъ возстаніе на Балканахъ и славяне при помощи Россіи освободятся отъ ига турецкаго. Когда же освободится сама Россія, думалось мнѣ...

Иванишевичъ почти ежедневно посѣщалъ меня на гауптвахтѣ; вмѣстѣ съ нимъ приходилъ ко мнѣ и Михаилъ Чикоидзе, который недолго передъ тѣмъ рѣшилъ бросить Михайловское Артиллерійское училище, стѣснительные порядки котораго онъ не въ состояніи былъ терпѣть; онъ любилъ военныя науки, но питалъ отвращеніе къ субординаціи, царившей въ русской военной службѣ. Здѣсь же на гауптвахтѣ мы порѣшили всѣмъ троимъ ѣхать въ Парижъ, побывать въ Цюрихѣ, Женевѣ, ознакомиться съ интернціональнымъ движеніемъ, которое тогда такъ интересовало насъ и затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, устроиться, гдѣ это будетъ возможно.

Къ намъ присоединились вскорѣ еще два студента-технолога—Иванъ Кузьминъ и Николай Дмитріевъ, оба уроженцы Кавказа.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1874 года мы двинулись въ путь, денегъ у насъ было немного; помню, я внесъ въ общую кассу, кажется, двѣсти рублей, изъ которыхъ сто я передъ самымъ отъѣздомъ получилъ отъ уполномоченнаго Уральскаго Казачьяго Войска полковника П. В. Мартынова, сына и дочь котораго я подготовлялъ въ гимназію. Мартыновъ былъ человѣкъ образованный, все время возился съ Гакстгаузеномъ, Чернышевскимъ, какъ защитникомъ общиннаго землевладѣнія и относился къ молодежи съ большимъ сочувствіемъ и любовью. Его щепетильность въ дѣлѣ вознагражденія за трудъ была поистинѣ рѣдкая; онъ не только платилъ мнѣ за каждый урокъ по три рубля, но если я случайно просиживалъ съ дѣтьми болѣе часа, то онъ оплачивалъ и это добавочное время. Такое отношеніе было для меня большой неожиданностью и когда я отказывался принять деньги за эти добавочные часы, онъ говорилъ мнѣ: «помилуйте, вы такъ много трудитесь для моихъ дѣтей, я—честный человѣкъ цѣню вашъ трудъ». Эта его щедрость облегчила мнѣ возможность побывать за-границей. Онъ очень сожалѣлъ, что я бросилъ Академію.

Мы отправились за-границу черезъ Варшаву, на Границу, Вѣну, Мюнхенъ, Цюрихъ, Мюльгаузенъ, Парижъ.

Путешествіе это не обошлось безъ нѣкоторыхъ приключеній, о которыхъ писали тогда даже въ газетахъ. Направляясь изъ Швейцаріи въ Парижъ, мы пріѣхали въ Мюльгаузенъ въ 1 часъ ночи, а въ $3^1/_2$ отходилъ нашъ поѣздъ; находя излишнимъ отправляться ночью на такое короткое время въ городъ и занимать нумеръ на какихъ нибудь 2 часа, мы рѣшили провести эти часы въ довольно обширномъ саду, который находился тутъ же, противъ вокзала; привыкшіе въ Россіи проводить цѣлыя ночи на вокзалѣ, въ ожиданіи поѣзда, мы были поражены, когда по требованію начальства пришлось оставить вокзалъ. Мы вышли въ садъ; тамъ были очень удобныя скамейки, на которыхъ мы и расположились, разославъ на нихъ пальто и пледы.

Растянувшись такимъ образомъ съ возможнымъ удобствомъ, мы закурили папиросы, никакъ не ожидая грозы. Однако, не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ послышались тревожные полицейскіе свистки и вслѣдъ за ними вдругъ откуда-то выросли передъ нами 5 бравыхъ сержанта, что-то тихо говорившихъ другъ другу по польски. Одинъ изъ нихъ освѣтилъ насъ свѣтомъ потайного фонаря и громко крикнулъ: Stehen-sie auf, а остальные подхватили ему въ тонъ—auf,

ай! Не давая придти въ себя, они оцѣпили насъ и скомандовали слѣдовать за ними; мы не хотѣли повиноваться; они схватили насъ, мы стали сопротивляться; произошелъ горячій обмѣнъ отборной брани на русскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и даже грузинскомъ языкахъ, безъ котораго не умѣлъ обходиться Чикоидзе въ такихъ случаяхъ. Мюльгаузенъ, еще только недавно бывшій французскимъ городомъ, только что перешелъ тогда въ германскіе руки и былъ поэтому почти на военномъ положеніи. Ночью всѣхъ арестовывали, но мы этого, конечно, знать не могли. Сержанты стали угрожать намъ револьверами и только тогда мы поневолѣ пошли за ними и скоро очутились въ полицейскомъ бюро. Надо было видѣть тутъ, озвѣрѣвшія лица этихъ поляковъ въ прусскихъ мундирахъ; одинъ изъ нихъ въ ярости своей вскочилъ на нары, досталъ со стѣны громадныхъ размѣровъ нагайку, которою онъ, вѣроятно, такъ недавно расправлялся съ французами и сталъ играть ею въ воздухѣ. При видѣ нагайки, мы всѣ пятеро приняли боевую позицію, а Чикоидзе съ ловкостью военнаго человѣка съ такой силой схватилъ руку сержанта, что она безсильно опустилась внизъ. Между сержантами нашелся благоразумный, который вырвалъ нагайку изъ рукъ собрата и бросилъ ее на нары; затѣмъ они потребовали у насъ паспорта и деньги, которыя всѣ хранились у меня, я отдалъ имъ паспорта, а деньги только показалъ и положилъ себѣ обратно въ карманъ. Уже было три часа ночи; черезъ полчаса нашъ поѣздъ отходилъ, но неумолимые прусскіе поляки, взявъ паспорта, втолкнули насъ въ темную, гдѣ мы и просидѣли всю ночь, пропустивъ, конечно, свой поѣздъ. Эта темная была такъ грязна и отвратительна, что могла бы съ честью поспорить съ русской каталажкой!

На другой день насъ пригласили къ начальнику полиціи, который оказался также полякомъ; онъ молча вернулъ намъ паспорта и отпустилъ насъ на всѣ четыре стороны.

При выходѣ изъ полицейскаго участка, насъ встрѣтила вдругъ цѣлая группа французовъ; привѣтствуя насъ, они сняли шляпы и объявили, что мы ихъ гости на чашку кофе; они выразили намъ соболѣзнованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ радость, что мы, испытавъ на себѣ прусскій режимъ, разскажемъ о немъ всей Россіи.

Придя въ кофейню вмѣстѣ съ нашими случайными друзьями, мы застали тамъ новую группу французовъ, которые спѣшили разсказать намъ о всѣхъ ужасахъ новыхъ прусскихъ порядковъ; мы отъ всей души сожалѣли, что такой симпатичный народъ, какъ французы, принужденъ терпѣть позорное иго грубыхъ пруссаковъ. Наше сочувствіе умиляло и утѣшало ихъ. Поѣздъ отходилъ въ 12 часовъ дня, намъ объявили, что для насъ готово особое купэ, чтобы избавить насъ отъ встрѣчи съ прусскими свиньями; я хотѣлъ расплатиться за кофе, француцы не позволили. Вдругъ кто-то изъ публики, видимо сотрудникъ какой-то газеты, подноситъ мнѣ составленную на французскомъ языкѣ телеграмму на имя тогдашняго русскаго канцлера князя Горчакова; въ телеграммѣ кратко излагалось, какъ совершенно неповинно 5 русскихъ *gentil hommes*'овъ (такъ значились мы въ нашихъ паспортахъ) подверглись аресту, оскорбленію на словахъ и даже угрозѣ нагайкой со стороны прусской полиціи.

Едва я успѣлъ подписать телеграмму, какъ откуда-то явились прусскіе жандармы, чтобы отнять телеграмму у француза, но толпа заградила дорогу жандармамъ и французъ съ телеграммой исчезъ. Телеграмма была отправлена по адресу. Что сказалъ Горчаковъ, не знаю, только она была помѣщена какимъ-то образомъ въ петербургскихъ газетахъ; нѣмецкія же газеты, и въ томъ числѣ, кажется, даже соц.-демократ. цюрихская газ. «Tagevacht», старались высмѣять этотъ фактъ. Мы выѣхали изъ Мюльгаузена съ такой оваціей, устроенной намъ французами, какой не удостоила наша революціонерствующая публика даже шлиссельбургскихъ узниковъ въ 1905 году, когда, послѣ почти четверти вѣка заключенія, выпустили ихъ на свободу!

V.

Въ іюнѣ 1874 года въ Цюрихѣ оставалось уже очень мало отъ той, недавно такой обширной колоніи, которая прогремѣла здѣсь въ періодъ 1872—74 годовъ. Когда мы пріѣхали въ Цюрихъ, изданіе журнала «Впередъ» было перенесено уже въ Лондонъ, куда переѣхалъ и самъ Лавровъ со своими сотрудниками; Бакунинъ, послѣ бурной борьбы его съ марксистами въ Интернаціоналѣ, отдыхалъ въ итальянской Швейцаріи, въ м. Локарно. Молодежь разсѣянная извѣстнымъ циркуляромъ русскаго правительства, лишавшимъ право вернуться на родину тѣхъ, кто останется въ Цюрихѣ, также разбрелась по разнымъ мѣстамъ—въ Женеву, Берлинъ, Парижъ, Лондонъ. Зато, къ удивленію нашему, мы застали въ Цюрихѣ многолюдную грузинскую колонію. Тутъ на ряду съ лицами, не успѣвшими окончить по тѣмъ или другимъ причинамъ курса средней школы въ Россіи, были доценты университетовъ (Меликовъ, Петріашвили, Тархановъ), были и отставные генералы со своими семьями, при чемъ матери этихъ семействъ щеголяли по улицамъ Цюриха въ грузинскомъ головномъ уборѣ, что составляло предметъ не малаго удивленія для обывателей этого города, принимавшихъ ихъ почему-то за египтянокъ. Часть грузинской колоніи, впрочемъ, перекочевала уже въ Женеву; тамъ въ это время жили сестры Николадзе, грузинскій писатель Георгій Церетели молодой князь Чолокаевъ, поселившійся у весьма симпатичнаго коммунара, Монтенью, въ квартирѣ котораго устраивались сходки и вечеринки, до которыхъ этотъ князь былъ большой охотникъ; тутъ былъ даже представитель Дагестана—студентъ московскаго, а потомъ Вюрцбургскаго университета—Магометъ-Домгатъ, а также мой старый товарищъ по гимназическому кружку князь Александръ Циціановъ. Грузинская молодежь въ Цюрихѣ произвела на меня до нѣкоторой степени удручающее впечатлѣніе; она почти ничѣмъ не занималась и оказалась совершенно незнакомой не только съ народническимъ движеніемъ въ Россіи, но и съ тѣмъ, что происходило на ея собственныхъ глазахъ въ Цюрихѣ въ знаменательный періодъ 1872—74 годовъ, о чемъ мы такъ подробно знали даже въ Петербургѣ. Точно по отдаленной наслышкѣ говорили они съ нами о программахъ Лаврова и Бакунина и видимо ничто кругомъ не будило ихъ любознательности.

Зато, по ихъ словамъ, ихъ сугубо интересовала тамъ родина, ея литература, ея исторія и въ качествѣ вещественнаго доказательства такой любви къ ней, къ обѣду подавалось грузинское вино, которое наливалось обыкновенно по кавказски, прямо изъ бурдюка (козьяго мѣха), а также грузинскій сыръ и разныя другія родныя кушанья.

Зачѣмъ пріѣхали они сюда? думалъ я; но этотъ вопросъ оставался открытымъ.

Среди этой грузинской колоніи въ Швейцаріи, кромѣ кн. Ал. Циціанова, котораго, какъ я сказалъ, зналъ еще въ Тифлисѣ, меня привлекалъ къ себѣ и другой юноша, въ высшей степени симпатичный и общительный Эліозовъ; въ противуположность другимъ цюрихскимъ грузинамъ, они оба очень интересовались движеніемъ въ Россіи и сильно увлекались, какъ личностью Бакунина, такъ и его проповѣдью народничества; они были близко знакомы также и съ нѣкоторыми французскими коммунистами; оба они, восторгались русской молодежью, съ грустью указывали на безсодержательность молодежи грузинской, хотя нѣкоторые въ ея кругу безсознательно поддаваясь общему настроенію эпохи, мечтали объ общественной дѣятельности. Циціановъ и Эліозовъ передавали намъ съ Чикоидзе, что грузинская колонія основала даже здѣсь кавказское общество въ цѣляхъ всесторонняго изученія Кавказа. Конечная цѣль этого общества—кавказская федеративная республика; у нихъ былъ и уставъ, который я бѣгло прочелъ и вынесъ впечатлѣніе, что это общество мертворожденное. Изучать Кавказъ и исторію Грузіи въ Швейцаріи, конечно, нелѣпо; демократическая же республика въ этой феодальной странѣ—историческая невозможность. Мечты о демократической республикѣ были, конечно, навѣяны примѣромъ Швейцаріи; но неприкосновенность маленькой Швейцаріи охраняется соглашеніемъ смежныхъ великихъ державъ, заинтересованныхъ въ ея существованіи; кто же сталъ бы охранять неприкосновенность кавказской федеративной республики? Неужели Турція и Персія могли бы когда нибудь такъ усилиться, чтобы дать охрану этой новой республикѣ, выдвигая свой голосъ на равныхъ правахъ съ Россіей. Разсчитывать же на охрану со стороны какой-нибудь враждебной Россіи европейской державы или союза державъ также не было никакихъ основаній, т. к. ни у одной изъ такихъ державъ не было никакой, хотя бы мало-мальски вѣской, прицѣпки для этого; а безъ правовой, хотя бы и фиктивной опоры, иностранное вмѣшательство невозможно. Напротивъ, Кавказъ, исторически связанный съ русскимъ народомъ, долженъ вмѣстѣ съ нимъ добывать и свою свободу; это путь, давно предначертанный исторіей.

Всецѣло охваченные идеей международнаго соціализма и отрицательно относясь къ буржуазнымъ республикамъ мы съ Чикоидзе, конечно, столь же равнодушно отнеслись и къ мечтѣ о кавказской федеративной республикѣ, тѣмъ болѣе, что внутреннее содержаніе этой расплывчатой политической формы въ вышеназванномъ уставѣ совсѣмъ не было опредѣлено. Насъ интересовало существованіе свободы и соціальной правды во всемъ строѣ жизни, а формѣ правленія мы не придавали тогда рѣшающаго значенія.

Это основное различіе во взглядахъ дѣлало цюрихскій грузинскій кружокъ мало для меня интереснымъ; помимо того въ немъ отсутствовала какая бы то ни было оригинальность и новизна.

Напротивъ, меня, какъ и моихъ товарищей, чрезвычайно интересовала тогда могучая личность Бакунина, его роль въ интерноціоналѣ и громадное вліяніе въ средѣ романскихъ народовъ; интересовалъ онъ меня и какъ апостолъ анархизма, ученія, съ которымъ никто тогда еще не былъ какъ слѣдуетъ знакомъ въ Россіи. Мои товарищи просили меня съѣздить къ нему, познакомиться съ нимъ лично и передать имъ точныя впечатлѣнія встрѣчи; товарищи отпустили мнѣ на это деньги изъ общей нашей кассы и я отправился въ Беллинцону, поручивъ студенткѣ А. Розенштейнъ (по мужу Макаревичъ) сообщить по телеграфу Россу (Мих. Сажину), черезъ котораго Бакунинъ обыкновенно сносился съ посторонней публикой, чтобы онъ, Россъ встрѣтилъ меня въ Беллинцонѣ.

Переѣздъ по Фирвальдштетскому озеру, ночь проведенная въ Флюденѣ, путешествіе въ дилижансѣ черезъ С. Готардъ въ Беллинцону, все это оставило въ душѣ неизгладимое впечатлѣніе, какъ промелькнувшій волшебный сонъ.

Въ Беллинцонѣ, дѣйствительно, меня встрѣтилъ Мих. Сажинъ; первое впечатлѣніе встрѣчи съ нимъ было хорошее.

Онъ повелъ меня въ гостиницу, въ которой обыкновенно останавливался Бакунинъ и, какъ бы въ утѣшеніе мнѣ, взялъ тотъ самый номеръ, въ которомъ обыкновенно останавливался этотъ знаменитый революціонеръ. Спросивъ меня о цѣли пріѣзда, Сажинъ сказалъ мнѣ, что за Бакунинымъ слѣдятъ и каждое посѣщеніе новаго пріѣзжаго чрезвычайно плохо отзывается на старикѣ: это сильно волнуетъ, раздражаетъ старика, такъ что если бываетъ какое нибудь экстренное дѣловое порученіе, то обыкновенно самъ Сажинъ передаетъ его Бакунину, какъ его личный секретарь.

У меня никакого особеннаго порученія къ Бакунину не было и мнѣ пришлось отказаться отъ мысли посѣтить его; со словъ Сажина это значило бы ухудшить и безъ того стѣсненное положеніе знаменитаго старика. Итакъ, мнѣ оставалось отказаться отъ мечты видѣться съ Бакунинымъ и ѣхать обратно.

Моя поѣздка, впрочемъ, не была вполнѣ безрезультатна. Здѣсь въ Беллинцонѣ я провелъ съ Сажинымъ почти сутки. Онъ разсказалъ мнѣ много интереснаго о недоразумѣніяхъ между Бакунинымъ и Лавровымъ, о расколѣ въ интернаціоналѣ и роли Бакунина въ этомъ расколѣ; говорили о Марксѣ и объ отношеніи его къ Бакунину, говорили наконецъ о Нечаевѣ и чайковцахъ, которые въ это время (іюль 1874 г.) работали уже въ народѣ и которыхъ уже стали арестовывать; аресты эти сначала ограниченые, стали черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того массовыми. Хотя Сажинъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ оставилъ Россію, но у него были очень свѣжія свѣдѣнія объ арестахъ, подробности о которыхъ я узналъ лишь въ сентябрѣ, когда въ Женеву пріѣхалъ мой товарищъ по Академіи Воронцовъ, бѣжавшій изъ Петербурга, спасаясь отъ ареста по прикосновенности къ кружку чайковцевъ.

Лежа въ постели, мы всю ночь проговорили съ нимъ, какъ бы

люди давно знакомые; онъ мнѣ разсказывалъ много интереснаго о Герценѣ и Огаревѣ, чего я тогда еще не зналъ и мнѣ хотѣлось слушать и слушать безъ конца. Говорили также о нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ, бывшихъ уже въ народѣ и принимавшихъ то или иное активное участіе въ движеніи. При этихъ разговорахъ я узналъ, что очень близко къ Сажину стоитъ нѣкто Рабиновичъ, о которомъ я упоминалъ выше и котораго я зналъ, какъ поставщика бакунинскихъ изданій въ Россіи.

Совершенно юный (кажется лѣтъ 17—18), способный, до юркости живой, Рабиновичъ раздражалъ всѣхъ на сходкахъ своими неумѣстными и рѣзкими призывами истреблять и убивать всѣхъ, кто только носитъ европейскій сюртукъ. Меня лично онъ до такой степени возмущалъ этимъ дикимъ призывомъ, что я переставъ далѣе здороваться съ нимъ даже при случайныхъ встрѣчахъ.

Эта близость Мих. Сажина къ Рабиновичу, котораго петербургскіе революціонные кружки считали несноснымъ мальчишкой, а затѣмъ узнали какъ предателя, навѣяла мнѣ самыя грустныя мысли о самомъ Сажинѣ и о людяхъ, льнувшихъ къ Бакунину; поэтому я уѣхалъ изъ Беллинцоны сильно обезкураженный; я никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что люди, не имѣющіе кредита въ петербургскихъ революціонныхъ кружкахъ, могутъ стоять близко къ личному секретарю Бакунина. Но вскорѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда я встрѣтился съ Сажинымъ въ Женевѣ, мнѣ все разъяснилось: но объ этомъ я буду говорить послѣ, когда придется коснуться Ткачева.

Вернувшись въ Цюрихъ, я передалъ товарищамъ моимъ, Чикоидзе и другимъ, обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ мною въ Беллинцонѣ, а на другой день мы выѣхали въ Парижъ.

И. С. Джабадари.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Что ни вѣтръ шумитъ“... Пѣсня М. А. Бестужева.

Въ изданномъ за-границей «Собраніи стихотвореній декабристовъ» (Лейпцигъ, 1862); въ рукописныхъ сборникахъ, сохранившихся въ семьяхъ потомковъ декабристовъ, наконецъ, въ изданіи А. Фомина: «Собраніе стихотвореній декабристовъ» (М. 1906 Ч. 1-ая) печатается обыкновенно за подписью Александра Бестужева нижеслѣдующее стихотвореніе, которое декабристы въ своемъ заключеніи распѣвали хоромъ на мотивъ народной пѣсни: «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море». Подтѣлываясь подъ народный стиль, авторъ воспѣваетъ Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола и поминаетъ поднятое имъ возстаніе Черниговскаго полка. Приводимъ эту пѣсню по списку, находящемуся въ сборникѣ (собств. В. Е. Якушкина) вмѣстѣ съ другими стихотвореніями декабристовъ и записками В. И. Штейнгеля. Это—наиболѣе исправный списокъ.

Что ни вѣтръ шумитъ во сыромъ бору,
Муравьевъ идетъ на кровавый пиръ...
Съ нимъ Черниговцы идутъ грудью стать,
Сложить голову за Россію мать.
И не бурей палъ долу крѣпкій дубъ,
А измѣнникъ червь подточилъ его.
Закатилася воля-солнушко,
Смертна ночь легла въ полѣ бранное.
Какъ на полѣ томъ бранный конь стоитъ,
На землѣ предъ нимъ витязь младъ лежитъ.
«Конь! мой конь! скачи въ святой Кіевъ градъ:
«Тамъ товарищи—тамъ мой милый братъ...
«Отнеси ты къ нимъ мой послѣдній вздохъ,
«И скажи: «цѣпей я нести не могъ,
«Пережить нельзя мысли горестной,
«Что не могъ купить кровью вольности!»

Пѣсня эта въ дѣйствительности сложена не Александромъ, а Михаиломъ Александровичемъ Бестужевымъ. Въ *неизданной части его записокъ* мы находимъ слѣдующій любопытный и колоритный разсказъ о томъ, какъ въ первый разъ пѣли эту пѣсню декабристы.

«Въ торжественный, святой день 14 Декабря 1829-го или 30-го

года — не могу припомнить — но только въ казематѣ Петровскаго острога я сидѣлъ въ коридорѣ, куря трубку послѣ нашего утренняго питія чая. Ко мнѣ зашелъ Тютчевъ.

— Хочешь чаю?

— Пожалуй, выпью стаканъ, дай трубку...

— Возьми самъ и садись гость будешь. Ну что mon cher! (это его обычное присловіе) ты насъ сегодня распотѣшишь, споешь намъ Славянскія дѣвы—послѣ обхода,—спросилъ я.

— Кажется спою, но какъ—это другое дѣло. Злодѣй Вадковской измучилъ меня, mon cher. Вытягивай ему каждую нотку до послѣдней тонкости, какъ она у него написана на бумагѣ. Я такъ не привыкъ, да и нотъ вовсе не знаю. У насъ въ Семеновскомъ полку былъ великолѣпный хоръ пѣсельниковъ. Какъ пѣли русскія пѣсни!!... Ахъ mon cher!—послѣ разгрома полка нашего мнѣ ужъ никогда неудавалось слышать ничего подобнаго. А управлялъ хоромъ я; ни я, никто изъ моихъ молодцовъ мы нотки не знали, а какъ пѣли, mon cher! Душа замираетъ. Сладко, согласно, никто на волосъ не сфальшитъ. А ежели и случался такой грѣхъ, то весь хоръ такъ и набросится на несчастнаго.

— Ну скажи—какъ же они знали, что онъ фальшитъ?

— А отъ того mon cher!—что у меня, какъ и у каждаго изъ нихъ камертонъ былъ въ душѣ, а ухо — въ сердцѣ. Вотъ еслибъ Одоевской вмѣсто своихъ дѣвъ да написалъ что нибудь въ русскомъ духѣ—знаешь здакъ—просто русскую пѣсенку, гдѣ бы хоть слегка были упомянуты мы—Черниговцы, когда мы шли съ Муравьевымъ умереть за Святую Русь—ну тогда бы ты, mon cher, сказалъ русское спасибо Тютчеву. Прощай—до скораго свиданія за обѣдомъ!» [1]).

Этотъ безыскусственный простой разсказъ утвердилъ меня въ постоянномъ моемъ мнѣніи о музыкальномъ чутьѣ русскаго народа. Сойдутся пять-шесть человѣкъ русскихъ изъ разныхъ концовъ Россіи—запоютъ пѣсню прелесть!... Они не поютъ въ unisson, какъ большая часть другихъ народовъ,—но голоса безсознательно раздѣляются музыкально. А преимущественно русскія пѣсни они поютъ гармонически. Тютчевъ обладалъ такимъ мягкимъ, такимъ сладостнымъ тембромъ голоса, котораго невозможно было слушать безъ душевнаго волненія въ русскихъ пѣсняхъ—а въ особенности въ пѣсняхъ: «Не бѣлы то снѣги» или «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море». Понимая его очень хорошо, что *Славянскія дѣвы*, написанныя *Одоевскимъ* и положенныя на музыку *Вадковскимъ*—и стихотвореніе и музыка—обладаютъ неоспоримыми достоинствами, я смутно предчувствовалъ, что Тютчевъ не произведетъ своимъ голосомъ того впечатлѣнія, какого ожидали отъ этой аріи.—Я взялъ карандашъ и написалъ русскую пѣсню на тему: *Ужъ какъ палъ туманъ на сине море*—пѣсню, которую онъ пѣлъ невыразимо хорошо.

Что ни вѣтеръ шумитъ и т. д.

Я не ошибся въ своемъ предчувствіи... Несмотря на экзальтированное настроеніе присутствующихъ на обѣдѣ, который мы постоянно устраивали 14 декабря, когда по окончаніи его вышелъ хоръ и запѣлъ гимнъ Славянскихъ дѣвъ—впечатлѣніе на слушателей было не замѣтно, хотя гимнъ былъ аранжированъ превосходно—мотивъ его очень близко подходилъ къ мотиву народнаго гимна: «Боже царя храни» Львова и точно какъ будто бы гимнъ Львова былъ скомпованъ по его образцу. Въ послѣднемъ куплетѣ, гдѣ рѣчь относится прямо къ Россіи и гдѣ Вадковской, непримѣтными оттѣнками гармоніи переходитъ въ чисто русскій міръ, и заканчиваетъ мотивомъ русской пѣсни,—всѣ присутствующіе невольно встряхнулись, а особливо, когда послышался въ этомъ куплетѣ упоительно задушевный голосъ Тютчева.

Онъ пѣлъ:

„Старшая дочь въ семействѣ Славяна
„Всѣхъ превзошла величіемъ стана.
„Силой гремитъ—но грустно поется.
„Въ теремѣ дни проводитъ какъ ночи
„Грустно чело—запланы очи
„И заунывно пѣсни поетъ.
„Что же не выйдешь въ чистое поле—
„Не разгуляешь грусти своей?—
„Свѣтло душѣ на солнышкѣ волѣ,
„Сердцу свѣтло отъ яснихъ лучей.
„Въ полѣ спѣши, съ меньшими сестрами
„И хороводъ веди за собой—
„Дружно сплетаясь руки съ руками
„Радостно пѣсню доводы запой"...

Но когда, послѣ нѣкотораго промежутка послышался симпатической голосъ Тютчева въ простой русской пѣснѣ «*Что ни вѣтеръ шумитъ*»... гдѣ онъ былъ неподражаемо прекрасенъ—восторгъ былъ необычайный. Всѣ бросились его обнимать—меня хотѣли качать на рукахъ. Я убѣжалъ въ свой номеръ и заперся».

Въ заключеніе нѣсколько данныхъ объ исполнителѣ этой пѣсни.

Тютчевъ, Алексѣй Ивановичъ, изъ дворянъ Орловской губерніи, род. въ 1801 году, учился въ Морскомъ корпусѣ, въ 1815 году зачисленъ подпрапорщикомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ; въ 1820 году, послѣ извѣстной Семеновской исторіи, былъ переведенъ въ армію, въ Пензенскій пѣхотный полкъ, въ чинѣ штабсъ-капитана. О «винѣ» его въ «Алфавитѣ членамъ бывшихъ злоумышленныхъ тайныхъ обществъ и лицамъ, прикосновеннымъ къ дѣлу, произведенному Высочайше учрежденной 17 декабря 1825 года Слѣдственною Комиссіею» читаемъ: «Въ 1825 году принятъ въ Общество Славянъ, о существованіи коего первый сообщилъ Сергѣю Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину, ознакомилъ ихъ со своими сочленами и вмѣстѣ съ прочими присоединился къ Южному Обществу. Зналъ цѣль онаго ввесть въ Россіи республиканское правленіе и начать дѣйствіе въ 1826 году, и поклялся на образѣ стремиться къ достиженію сей цѣли. Равно зналъ о предположеніи общества истребить всю Августѣйшую фамилію, и слышалъ отъ Спиридова, что онъ, Тютчевъ, назначенъ въ число заговорщиковъ для нанесенія удара покойному императору. Сверхъ того уличался, что по приглашенію Борисова, привезшаго извѣстіе объ откры-

[1]) Тютчевъ служилъ въ Пензенскомъ полку. Говорилъ: „мы—черниговцы", онъ въ силу близкихъ отношеній съ С. И. Муравьевымъ, раздѣлилъ его судьбу. *Ред.*

тіи Общества, онъ, Тютчевъ, хотѣлъ было дѣйствовать, но былъ отъ того отклоненъ и что онъ приготовлялъ нижнихъ чиновъ къ возмущенію». По приговору Верховнаго уголовнаго Суда осужденъ на 20 лѣтъ каторги. Указомъ 22 августа 1826 г. повелѣно оставить его въ каторжной работѣ на 15 лѣтъ, а потомъ обратить въ Сибирь». Умеръ А. И. Тютчевъ въ 1856 году.

Изъ Шлиссельбурга на Сахалинъ.

19 декабря 1895 г. около 3 часовъ послѣ обѣда я позировалъ передъ нашимъ художникомъ товарищемъ Лукашевичемъ. Десять лѣтъ тому назадъ въ этотъ день Одесскимъ военно-окружнымъ судомъ я былъ приговоренъ къ смертной казни, которая была замѣнена мнѣ 10-лѣтней каторгой (См. „Былое“ № 7 за 1906 г.)

Я выжилъ эти 10 лѣтъ и вывезутъ ли меня изъ крѣпости былъ для меня вопросъ. До меня кончили срокъ заключенія только Карауловъ (приговоренный къ 4 годамъ каторги) и Лаговскій, который присланъ былъ въ крѣпость безъ суда по административному распоряженію на 5 лѣтъ и затѣмъ за нераскаяніе оставленный еще на 5 лѣтъ. Правда въ октябрѣ 1895 г., т. е. за 2 мѣсяца до окончанія моего срока Лаговскій былъ увезенъ. Но я еще лѣтомъ, въ іюлѣ, подалъ въ департаментъ полиціи заявленіе приблизительно такого содержанія: «Я былъ приговоренъ къ смертной казни, но по капризу власть имущихъ, безъ всякаго повода съ моей стороны, смерть замѣнена была мнѣ десятилѣтнимъ заключеніемъ. Я ограничился тогда только устнымъ протестомъ противъ этого рѣдкаго въ судебной исторіи „смягченія“ приговора, потому что не ожидалъ выжить эти 10 лѣтъ. Но до конца срока теперь осталось полгода, и я считаю нужнымъ заявить, что ни въ чемъ не раскаиваюсь, а жалѣю только о томъ, что такъ мало поработалъ на революціонной нивѣ. Сочувствуя всѣми помыслами товарищамъ, нашѣдшимъ заключеннымъ въ крѣпости,—я уйду изъ крѣпости добровольно только при условіи освобожденія всѣхъ товарищей по заключенію».

Это заявленіе было подано до увоза Лаговскаго, я боялся, что его оставятъ на третье пятилѣтіе, а меня, по какимъ-нибудь соображеніямъ, увезутъ въ срокъ. Чтобы предупредить такую непріятность, я и рѣшилъ высказаться.

Поэтому даже послѣ увоза Лаговскаго я не былъ увѣренъ, что увезутъ и меня. Тѣмъ не менѣе заучивалъ адреса родныхъ, письма ихъ, стихотворенія для передачи имъ, когда меня освободятъ.

На случай увоза, Лукашевичъ вздумалъ нарисовать меня и я пришелъ къ нему на сеансъ.

Я не помню, въ какомъ фасѣ была его работа, когда дверь

отворилась и меня вызвали въ свою камеру. Я шелъ и не зналъ, о чемъ мнѣ объявятъ—о продленіи срока или о выпускѣ изъ крѣпости.

Комендантъ крѣпости полковникъ Гангартъ прочиталъ: . . . «за окончаніемъ срока каторжныхъ работъ по Высочайшему повелѣнію сослать на поселеніе на о Сахалинъ».

Я указалъ на свое заявленіе и на то, что я не измѣнилъ своего рѣшенія.

Комендантъ сослался на Высочайшее повелѣніе и на то, что содержаніе въ крѣпости стоитъ дорого и меня болѣе содержать въ крѣпости не будутъ.

— А я все-же, если не увозятъ товарищей, добровольно не уйду.

— Такъ васъ возьмутъ! сказалъ полковникъ и, обратившись къ жандармскому офицеру, приказалъ—выведите!

Двое жандармовъ вѣжливенько взяли меня подъ руку и двинулись изъ камеры. Я не сопротивлялся. Въ корридорѣ я крикнулъ: Прощайте! на Сахалинъ! Товарищи отвѣтили—я слышалъ нѣсколько голосовъ. Большинство ихъ было въ мастерскихъ, въ старой тюрьмѣ. Когда я уже подходилъ къ дверямъ караулки, во дворѣ показался Юрковскій, шедшій изъ мастерскихъ. Мы перекинулись прощальными привѣтствіями. Онъ не успѣлъ добѣжать до караулки,—меня принудили войти въ караулку.

Въ канцеляріи комендантскаго управленія меня переодѣли. Переодѣли—буквально, потому что я продолжалъ бездѣйствовать—я не одѣвался, но и не мѣшалъ жандармамъ, не застегивался, но и не мѣшалъ застегивать, не упирался, но и не двигался.

Въ сопровожденіи жандармскаго офицера при двухъ унтерахъ меня повезли въ Петербургъ. Выѣхали изъ крѣпости засвѣтло.

Я не помню, чтобъ испытывалъ какое-нибудь чрезвычайное удовольствіе, но осматривался съ интересомъ. Меня удивило, что крѣпость съ городского берега кажется какой то невзрачной, невысокой, а тамъ двухэтажная тюрьма, упирающаяся въ крѣпостныя стѣны, которыя на много выше зданія.

Я смотрѣлъ и мнѣ казалось, что я тамъ былъ давнымъ давно. Меня везли и я зналъ, что не могу сейчасъ вернуться, взглянуть еще разъ на своихъ недавнихъ товарищей и еще разъ крикнуть имъ: прощайте! Поэтому, должно быть, мнѣ казалось, что, какъ невозвратное прошлое,—заключеніе въ крѣпости было давно, давно... Было мнѣ отъ этого грустно и былъ я равнодушенъ къ окружающему.

Сопровождавшій меня офицеръ, человѣкъ пожилой, кажется, подполковникъ, былъ обходительный человѣкъ. Помню, что онъ почти все время разговаривалъ со мной, но о чемъ—теперь никакъ не вспомню. На полпути мы пили чай, пока перепрягали лошадей.

— Я васъ провезу по Невскому, сказалъ мнѣ офицеръ. За-

Иванъ Львовичъ
МАНУЧАРОВЪ.

станемъ еще электричество. Увидите, какая у насъ теперь столица.

Когда мы въѣхали въ Петербургъ, то Невскій съ его электричествомъ опять, какъ и Шлиссельбургскія улицы, не доставили мнѣ очарованія. Я легче почувствовалъ себя въ камерѣ Петропавловской крѣпости.

На другой день я заявилъ смотрителю Трубецкаго бастіона, что желаю телеграфировать братьямъ и матери съ сестрами о моемъ выѣздѣ изъ Шлиссельбургской крѣпости. Оказалось они уже были увѣдомлены, что могутъ, если пожелаютъ, имѣть со мной свиданіе въ Петербургѣ. И я сталъ ждать.

Пріѣхалъ младшій братъ, жившій ближе другихъ. Матери же, жившей въ Тифлисѣ, сестры сказали, что въ судьбѣ моей произошла перемѣна къ лучшему и скоро отъ меня она получитъ письмо, везти же ее ко мнѣ на свиданіе въ тюрьмѣ, онѣ не рѣшались.

Съ братомъ мнѣ дали три или четыре свиданія. Братъ немного глуховатъ и потому черезъ двѣ рѣшетки, между которыми усѣлся смотритель-жандармъ, онъ ничего не могъ слышать. Мнѣ разрѣшили выйти изъ-за рѣшетки и сѣсть черезъ столъ съ братомъ. Тутъ же сѣлъ полковникъ кажется по фамиліи Лѣсникъ (это было въ декабрѣ 1895 года). Полковникъ не стѣснялъ насъ въ предметахъ разговора. Я оставилъ брата въ Тифлисѣ реалистомъ 13 лѣтъ тому назадъ. Было о чемъ поговорить. Теперь онъ (будучи исключенъ изъ Технологическаго института) былъ техникомъ на постройкѣ желѣзной дороги въ Рязанской губерніи.

На третій день меня долго не вызывали на свиданіе. Я сейчасъ не могу понять почему, но я промучился эти часы, предполагая, что съ братомъ случилось какое-нибудь несчастье. Фантазія моя рисовала, что онъ, какъ глуховатый, не разслышалъ шума мчащагося экипажа и попалъ подъ колеса. Мысль эта меня не покидала до тѣхъ поръ, пока не появились, наконецъ, жандармы и не повели меня на свиданіе. Здѣсь отчасти самъ я понялъ, отчасти мнѣ объяснили, почему произошло запозданіе въ свиданіи. Братъ устроилъ одному изъ «начальствъ» маленькое угощеніе въ ближайшей гостинницѣ и тотъ былъ въ самомъ благодушномъ настроеніи.

Разговоръ начался съ того, что въ ожиданіи свиданія я истомился. Братъ и полковникъ оправдывались, что вовсе не такъ долго они заставили ждать меня. Я указалъ на отсутствіе часовъ у меня. Полковникъ беретъ у брата его карманные черной стали часы и даетъ мнѣ: «Несите себѣ въ камеру». Я отнѣкивался:—Да вѣдь это не полагается. «Не ваше дѣло, я говорю: несите».—А какъ же братъ?!.. «Мало часовъ въ магазинахъ!»

Когда кончилось свиданіе, я хотѣлъ вернуть брату часы, но онъ не хотѣлъ брать, и полковникъ настаивалъ, чтобъ я несъ ихъ къ себѣ въ камеру.

И вотъ въ камерѣ гробовую тишину наполнило монотонное тиканіе. Я слушалъ и не вѣрилъ себѣ. Я не могъ заснуть ночью отъ ихъ тиканья; я пряталъ часы подъ подушку, клалъ въ отда-

ленный уголъ, но привычное къ мирной тишинѣ ухо отовсюду слышало ходъ механизма карманныхъ часовъ средней величины. И я долго не могъ заснуть, пока отчасти не истомился, отчасти не прислушался къ тиканію.

Въ Петропавловской крѣпости въ это время должно быть было совсѣмъ мало народа, и мы сидѣли въ большой изоляціи. Я слышалъ только однажды, какъ кого-то вели на прогулку мимо меня.

Кажется, въ началѣ февраля меня перевезли въ пересыльную тюрьму. Здѣсь посадили въ крошечную одиночную камеру. Гдѣ-то близко были общія камеры, потому что мнѣ слышенъ былъ гулъ голосовъ и лязгъ кандаловъ. Я лежалъ на кровати и прислушивался къ незнакомому мнѣ гулу. Въ сумеркахъ наступила сравнительная тишина. И вдругъ раздалось пѣніе... мною овладѣло какое-то неиспытанное чувство... мнѣ показалось что-то сверхъестественно чарующее въ раздавшихся звукахъ. Я такъ давно не слышалъ хорового пѣнія, что былъ ошеломленъ этимъ стройнымъ пѣніемъ вечерней молитвы.

Слѣдующіе дни чувства уже притупились и слухъ мой сталъ грубѣе, привычнѣе.

Въ пересыльной я пробылъ не болѣе 3—4 дней.

Скоро меня заковали и подъ конвоемъ жандармовъ отправили на Николаевскій вокзалъ. Когда меня вывели изъ тюрьмы я увидѣлъ кареты и сани. Меня повели по направленію къ каретамъ. Я обратился къ жандармскому офицеру съ вопросомъ—нельзя ли сѣсть въ открытыя сани. Оказалось, что нѣтъ,—нужно сѣсть въ закрытую карету. Шторы были спущены, и я ничего по дорогѣ не видѣлъ.

За то въ вагонѣ очутился въ пріятномъ обществѣ административно высылаемой молодежи. Къ сожалѣнію я забылъ и фамиліи, и число своихъ спутниковъ и спутницъ. Помню хорошо, что былъ въ числѣ ихъ студентъ юристъ 3-го курса, еще студентъ, двѣ портнихи, учительница и нѣсколько рабочихъ. Весь путь до Москвы мы провели, конечно, во взаимныхъ оживленныхъ разспросахъ. Я далъ списокъ оставшихся въ крѣпости, умершихъ и краткую исторію жизни за эти 10 лѣтъ.

Въ Москвѣ тотъ же жандармскій офицеръ говоритъ: «Вотъ вы хотѣли ѣхать въ открытыхъ саняхъ,—въ Москвѣ это можно». И дѣйствительно весь длинный путь съ вокзала Николаевской ж. д. до пересыльной мы, политическіе, ѣхали въ саняхъ, позади партіи уголовныхъ, шедшихъ шагомъ. Подвигались медленно. У меня сани были новыя стройныя. Сидѣніе кучера выгибалось лебединой шейкой. И мнѣ почему-то вспомнился разсказъ о древлянскихъ послахъ, которыхъ Ольга такъ же торжественно велѣла нести къ себѣ въ ладьяхъ, а затѣмъ велѣла бросить ихъ въ яму и закопать ихъ живьемъ.

Въ пересыльной тюрьмѣ меня разъединили со спутниками и, если я не ошибаюсь, меня посадили въ Сѣверную башню, и я тамъ первые два дня оставался одинъ. Въ другихъ башняхъ

сидѣли политическіе и я сталъ отъ нихъ получать обѣдъ и записки. Меня просили написать о жизни въ Шлиссельбургѣ. Если я не ошибаюсь со мной велъ переписку Тютчевъ, во второй или въ третій разъ ссылавшійся административно въ Сибирь. Если не ошибаюсь, то онъ тогда былъ арестованъ въ Смоленскѣ какъ членъ организаціи „народоправцевъ". Впослѣдствіи на основаніи этихъ моихъ записокъ былъ составленъ маленькій очеркъ о Шлиссельбургской крѣпости за періодъ отъ 1885 г. до 1896 г. и помѣщенъ въ небольшомъ періодическомъ изданіи „Наше Время", кажется, за 1897 годъ.

Черезъ два дня ко мнѣ въ башню привезли двухъ рабочихъ изъ Западнаго Края и затѣмъ, когда ихъ увезли въ Архангельскую губернію, привезли молодого человѣка изъ Одессы, члена общества „Соколъ". Въ башнѣ мы были заперты снаружи, а въ камерѣ заперты были только я одинъ. Товарищи подходили къ моему окну.

Насталъ день сбора партіи для отправки на Сахалинъ. Изъ политическихъ отправлялся я одинъ. Меня перековали и выдали арестантскій полушубокъ (т. е. шуба, халатъ, 2 пары котовъ, двѣ рубахи, двое кальсонъ, рукавицы кожанныя съ варежками, онучи холщевыя и шерстяныя, мѣшокъ и шапку). Конвой, принимавшій насъ, тщательно перерылъ все это въ мѣшкѣ. Меня поставили въ пару съ кѣмъ-то, причемъ смотритель предупредилъ меня, что скоро одна изъ дамъ благотворительницъ будетъ раздавать чай, сахаръ и 50 коп. денегъ, чтобъ я не отказывался, хотя не нуждаюсь въ подаяніи, чтобъ не вызвать общаго неудовольствія. Очевидно, что раньше бывали случаи отказовъ, такъ какъ я лично не подалъ повода къ такому безпокойству со стороны начальства. Полученное подаяніе я отдалъ тутъ же стоящему со мной въ парѣ, но такъ, что раздававшая это не замѣтила.

До Одессы дѣхали безъ инцидентовъ. Конвойный полковникъ, добродушный старикъ, не запрещалъ дѣлать по дорогѣ покупки. Самъ онъ ѣхалъ на Югъ лѣчиться и взялъ командировку съ сахалинцами, чтобъ даромъ проѣхаться.

Въ Одессѣ насъ принимали въ одномъ изъ карантинныхъ зданій. Засѣдала цѣлая комиссія, очевидно, изъ врачей и членовъ городской думы. Изъ вагона меня вывели перваго подъ конвоемъ нѣсколькихъ жандармовъ и околодочнаго, шествовавшаго впереди. Когда меня ввели въ зданіе и подвели къ столу,—я, видя, что члены комиссіи сидятъ въ шапкахъ, не снялъ шапки, несмотря на подсказываніе околоточныхъ и жандармовъ. Я только приподнялъ шапку и привѣтственно наклонилъ голову.

— Онъ здоровается!—презрительнымъ тономъ громко, такъ что я слышалъ, замѣтилъ одинъ изъ сидѣвшихъ, нагло смотря на меня.

Сосѣдъ шепнулъ ему: политическій. Тотъ какъ будто сконфузился.

— Надо раздѣваться! сказалъ военный врачъ.

Тогда я снялъ шапку, халатъ, рубашку.

— Довольно!..

Осмотрѣли грудь, велѣли повернуться, осмотрѣли спину, спросили о здоровьи. Я былъ здоровъ.

Меня отвели въ сторону и матросы стали шарить въ вещахъ.

Потянулся скучный осмотръ арестантовъ и ихъ вещей. Нѣкоторые—очень небольшой процентъ (2 или 3 изъ ста)—признавались негодными къ отправкѣ на Сахалинъ. Эти радовались. Другіе, надѣявшіеся, что будутъ забракованы, напротивъ отходили отъ стола разочарованные.

Кажется на другой день насъ отправили на пароходъ „Ярославль". Меня вели отдѣльно съ особымъ конвоемъ. И меня одного привели въ трюмъ. Здѣсь старшій офицеръ парохода лейтенантъ Шидловскій обратился ко мнѣ съ рѣчью въ томъ смыслѣ, что я—лишенный всѣхъ правъ состоянія—посаженъ на каторжный пароходъ въ общій трюмъ; сейчасъ приведутъ сюда уголовныхъ, онъ, офицеръ, никакого различія между мною и уголовными дѣлать не долженъ и потому будетъ говорить мнѣ *ты*.

Я выразилъ удивленіе, замѣтивъ, что даже жандармскіе офицеры никогда въ тюрьмѣ не говорятъ осужденнымъ политическимъ *ты*, что даже въ Шлиссельбургѣ они избѣгали говорить ты, прибѣгая къ безличнымъ выраженіямъ, а здѣсь одинъ изъ морскихъ офицеровъ, которые во всѣ времена считались либеральными, объявляетъ, что будетъ со мною грубъ.

Г. Шидловскій возразилъ, что эта форма вѣжливости по отношенію къ политическимъ соблюдается только съ глазу на глазъ, а при общемъ заключеніи съ уголовными онъ не можетъ дѣлать исключенія.

Я закончилъ нашъ разговоръ заявленіемъ, что предпочту не имѣть съ нимъ никакого дѣла, чтобы не быть принужденнымъ на грубость отвѣчать грубостью.

Какъ увидимъ дальше, мнѣ пришлось нарушить это рѣшеніе и „пострадать" за равноправіе въ грубости съ г. Шидловскимъ. Это случилось въ Коломбо. Объ этомъ въ свое время.

Оставшись одинъ въ трюмѣ, послѣ разговора со своимъ „начальствомъ", я осмотрѣлся. Кругомъ нары въ два яруса. Въ одномъ концѣ трюма желѣзныя рѣшетки образуютъ помѣщеніе открытое къ палубѣ. Въ этой клѣткѣ ходитъ часовой матросъ. Я занялъ мѣсто на второмъ ярусѣ, у самаго края наръ ближе къ рѣшеткѣ—все таки думаю у палубы чище воздухъ.

Привели уголовныхъ. Они бросились разбирать мѣста. Рядомъ со мной помѣстились земляки—горцы. Партія, съ которой я выѣхалъ изъ Москвы, наполнила только одинъ трюмъ; въ слѣдующіе дни заполнили остальные три трюма. Эти дни и до Константинополя насъ кормили очень хорошо. Ворщъ былъ наваристый съ прекрасной свеклой.—«Ого, говорили арестанты, пароходъ—все таки не тюрьма, не баланду будемъ ѣсть».—«Погодите, говорилъ арестантъ, идущій на Сахалинъ вторично, послѣ побѣга съ острова, не разъ о тюрьмѣ пожалѣете».

Въ день отхода „Ярославля" на пароходъ пришелъ градоначальникъ Зеленый. Зачѣмъ онъ пришелъ, зачѣмъ онъ накричалъ на насъ послѣ напутственнаго молебна—положительно недоумѣвали арестанты. Послѣ молебна градоначальникъ, указывая на капитана, крикнулъ: «Теперь для васъ онъ—богъ и царь». Эта рѣчь вызвала больше насмѣшки, чѣмъ страха, несмотря даже на то, что тутъ же указывалось, что этотъ богъ могъ насъ ошпарить въ любой моментъ горячимъ паромъ.

Въ Красномъ морѣ насъ расковали. Стали выводить на палубу и ставить подъ душъ. Была страшная жара и мы ходили почти голые. Я устроилъ себѣ изъ рубашки родъ юбченки и въ этомъ одѣяніи оставался до Гонгъ-Конга. Тѣла наши покрылись сыпью, нарывавшимися мелкими прыщами. Послѣ Константинополя мы не получали мягкаго хлѣба, а исключительно только галеты или черные сухари. Щи, супъ, кашица были такого качества, что многіе не ѣли, а остальные ѣли съ отвращеніемъ. Хорошо у кого былъ сахаръ, чтобы пить чай съ сухарями. Изнуреніе отъ жары и существованія впроголодь было велико.

Случилось, что ко дню Пасхи, въ страстную субботу, мы пришли послѣ долгаго перехода въ портъ Коломбо. Казалось, что въ виду возможности достать свѣжей провизіи съ берега, въ дни Пасхи угостятъ невольниковъ сносной пищей, но вышло не такъ. И на первый, и на второй день мясо дали съ запахомъ, а нѣкоторымъ достались куски совершенно гнилые. Арестанты сильно волновались. Вечеромъ при раздачѣ кипятку эти куски мяса показали боцману. Онъ заглянулъ и сказалъ: «собакѣ—собачья и пища». Эти слова еще болѣе взволновали публику. Рѣшили просить меня поговорить со старшимъ офицеромъ. Я отказывался, ссылаясь на то, что рѣшилъ ни о чемъ съ начальствомъ не говорить—и тѣмъ болѣе—жаловаться на плохую пищу. Но публика очень просила—не для себя, а для нихъ, за нихъ заявить—имъ очень обидно было. Я ихъ предупредилъ, что буду говорить не просительнымъ языкомъ, и что, возможно, сразу же произойдетъ скандалъ.

Такъ и случилось.

Я заявилъ разводящему мастросу, что желаю видѣть старшаго офицера. Когда онъ пришелъ, то между нами произошелъ приблизительно такой діалогъ (воспроизвожу характеръ разговора совершенно точно).

— Я васъ пригласилъ не по личному дѣлу, началъ я, а чтобъ поговорить съ вами по просьбѣ заключенныхъ со мной относительно скверной пищи, гнилого мяса, и, главное, цинично-грубаго объясненія вашего боцмана. Это безтактное отношеніе къ людямъ можетъ вызвать, я думаю, ни для кого нежелательное осложненіе. Правда, въ случаѣ волненій, какъ насъ стращали въ Одессѣ, насъ сварятъ въ горячемъ парѣ, но чтобъ не было волненій, администрація должна относиться добросовѣстно...

— Смотри, Манучаровъ, держи языкъ за зубами!—прервалъ меня на этомъ старшій офицеръ, лейтенантъ Шидловскій.

— Ты не прерывай меня, ты выслушай меня до конца, я

говорю съ тобой по ихъ порученію и ты меня не запугаешь, а что тебѣ не хочется выслушивать нареканія, что ты отвратительно кормишь—я это знаю.., сталъ горячиться я, стараясь наговорить ему побольше *ты*, видя, что изъ объясненія по существу дѣла больше ничего выйти не можетъ.

Я все это быстро выпалилъ, а Шидловскій, ни слова не проронивъ, ушелъ и скоро вернулся съ командиромъ парохода подъ охраной значительнаго отряда матросовъ. Объясненія никакого не было. Отворили дверь. Я не помню, сказалъ ли мнѣ кто нибудь, что нужно выходить, но я вышелъ изъ за рѣшетки на площадку, гдѣ было начальство. Кто то крикнулъ собрать мои вещи и мнѣ передали мѣшокъ съ моимъ „имуществомъ". Молча двинулся на верхъ изъ трюма командиръ, вслѣдъ за нимъ старшій офицеръ Шидловскій, матросы и я между ними.

Иду и думаю, что такое *„линьки"*. Я тогда полагалъ, что это то же, что линейки. Будутъ бить линейками. Вѣдь бьютъ же китайцы бамбуковыми палками,—почему русскимъ не колотить брусьями. Впослѣдствіи уже на Сахалинѣ мнѣ объяснили, что линьки—это концы раскрученнаго смолянаго каната, родъ плети трехвостки.

Да, иду и думаю, что то будетъ...

Привели въ кануру какой то неправильной формы. Только у входа я, человѣкъ небольшого роста (2 ар. 4 в.), могъ свободно протянуться на полу, а стоя,—головой упирался въ потолокъ... Я былъ доволенъ. Я снова въ одиночкѣ... Но что это?!.. Чувствую, какъ будто я въ желѣзной раскаленной печи. Въ особенности отъ двухъ стѣнъ несетъ такимъ жаромъ, какъ будто стѣны эти въ одно и то же время—стѣны пароходной топки. Теперь, соображая, что моя канура была не на глубинѣ, я думаю, что эти двѣ стѣны составляли стѣны пароходной трубы. А можетъ быть вся это чрезвычайная температура обусловливалась отсутствіемъ вентиляціи, хотя сомнѣваюсь...

Жара въ канурѣ была выше всякихъ силъ. Казалось, что я теряю сознаніе. Я лежалъ весь въ огнѣ. Голова горѣла. Въ вискахъ стучало. Трудно дышалось. Сколько времени я такъ пролежалъ—не помню. Во всякомъ случаѣ болѣе сутокъ и даже двухъ, потому что помню ночную темноту и то, что ночь нисколько не умѣряла той медленной сушки, которой я былъ подвергнутъ. Помню, что матросы приносили нѣсколько разъ сухари и воду.

Въ одно изъ этихъ посѣщеній я сказалъ матросамъ приблизительно слѣдующее: Я не знаю,—извѣстно ли врачу какая тутъ жара. Скажите ему, чтобъ онъ зналъ, что если я умру, то умру отъ того, что меня здѣсь поджариваютъ.

Скоро пришелъ фельдшеръ, который просунулъ въ дверь руку съ термометромъ. Недолго продержавъ, фельдшеръ взялъ руку назадъ и спрашиваетъ: «что дурно?!..»

— Я ни на что не жалуюсь, а только желаю, чтобъ медицинскій персоналъ парохода былъ освѣдомленъ, при какой температурѣ содержатся заключенные. Я боюсь, что я не переживу и не буду въ состояніи описать это когда нибудь.

Фельдшеръ ушелъ.

Потомъ пришли еще какіе то господа. Я приподнялся къ дверному окошечку. Впереди стоялъ очевидно врачъ. Кажется и Шидловскій былъ между ними.

Не помню, отвѣчая ли на вопросъ пришедшихъ или такъ по наитію, я что-то долго и горячо съ увлеченіемъ говорилъ, не помню точно что. Я говорилъ съ непривычнымъ для меня многорѣчіемъ, но они слушали меня долго.

Должно быть основываясь на этой „бесѣдѣ" г. Шидловскій позже на Сахалинѣ говорилъ, что Мануччаровъ—душевно больной.

Должно быть, какъ душевно больного, меня послѣ этого объясненія увели изъ карцера и посадили въ общій трюмъ, но не къ прежнимъ моимъ спутникамъ, а въ другой. Я знаю, что передъ тѣмъ какъ меня вести въ этотъ трюмъ, старшій офицеръ г. Шидловскій вызвалъ арестантскаго старосту этого трюма и заявилъ ему, что сейчасъ приведутъ сюда душевно больного арестанта, такъ чтобъ не обращали вниманія на мои слова и не разговаривали со мной. Это мнѣ сказалъ староста, когда онъ узналъ отъ меня въ чемъ дѣло.

А между тѣмъ здѣсь, въ трюмѣ, былъ дѣйствительно душевно большой,—рабочій латышъ, кажется, Нельке. Онъ забирался въ ватерклозеты и тамъ молился, не смущаясь окружающей обстановкой. Молился то громко, то шепотомъ. Днемъ при общей суматохѣ его молитвы мало кого безпокоили, развѣ кто нибудь, раздосадованный чѣмъ нибудь другимъ, крикнетъ на больного: «да замолчи ты, холера!» Но ночью, когда въ трюмѣ водворялась тишина и онъ приходилъ какъ будто въ большій молитвенный экстазъ, я не разъ просыпался отъ этихъ рыданій.

Староста нѣсколько разъ заявлялъ боцману объ этомъ больномъ, но тотъ не обращалъ вниманія, полагая, что разъ не дерется, „не гадитъ", то никому не можетъ мѣшать въ общемъ трюмѣ. Боцманъ такъ именно отвѣчалъ старостѣ.

— Хоть бы вы, Иванъ Львовичъ, поговорили о парнишкѣ, сказалъ мнѣ староста послѣ одного изъ такихъ разговоровъ съ боцманомъ. А то какой день ничего не ѣстъ,—все молится, добавилъ онъ.

— Ну говорить съ офицеромъ не стану, а вотъ достаньте бумагу и карандашъ—напишу доктору.

Я такъ и сдѣлалъ. Староста передалъ записку въ аптеку. Скоро явился Шидловскій и сдѣлалъ выговоръ старостѣ, почему онъ ему не заявилъ раньше. Нельке отъ насъ перевели въ лазаретъ.

Позже на Сахалинѣ я его видѣлъ здоровымъ, работающимъ. Онъ былъ малосрочный, тихій работникъ и скоро его выпустили съ острова на материкъ. Земляки его говорили мнѣ, что онъ очень боялся воды и когда его въ Одессѣ посадили на пароходъ

онъ забезпокоился. Безконечное путешествіе по водѣ, въ результатѣ котораго онъ ожидалъ утопленія его въ морской пучинѣ, такъ гнетуще на него повліяло, что онъ обратился въ молящагося безумца. Когда его выводили изъ нашего трюма, то онъ кричалъ и сопротивлялся, несмотря на то, что земляки, въ благорасположеніи которыхъ онъ былъ увѣренъ, объясняли ему, что на верху ему будетъ лучше. Его пришлось вытащить силой: его взяли подъ руку два матроса. Такъ же пришлось его спускать по трапу съ парохода на баржу на Сахалинѣ. За то, когда его съ пристани повели по дорогѣ черезъ лѣсокъ, привели въ больницу, и онъ сталъ прогуливаться по землѣ между деревьями, то радостью наполнился онъ и сталъ по немногу поправляться. Я видѣлъ Нельке черезъ 3 дня послѣ пріѣзда на Сахалинъ при посѣщеніи въ больницѣ спутника своего бродяги Краснокутскаго. Нельке былъ спокоенъ и губы его не шептали молитвы.

Какимъ гомерическимъ хохотомъ разразилась бы комиссія, если бы Нельке при медицинскомъ осмотрѣ въ Одессѣ заявилъ просьбу направить его въ Сибирь потому, что онъ боится воды. А между тѣмъ не только на слабаго Нельке, но и на вполнѣ уравновѣшанныхъ здоровыхъ моихъ спутниковъ дѣйствовало столь продолжительное водное путешествіе въ клѣткѣ. Насъ выпускали на палубу не болѣе какъ на минуты 10—15. Выпускали только въ пути, а въ портахъ увеличивали вдвое стражу. У меня была карта и я показывалъ спутникамъ сколько мы проѣхали и сколько оставалось до Сахалина. Еще до карцера я какъ то одному изъ спутниковъ начертилъ въ грубыхъ очертаніяхъ моря, черезъ которыя мы должны были проѣхать изъ Одессы до мѣста ссылки. И вотъ уставится бородачъ въ карту и смотритъ, смотритъ.—«И все это вода?» спрашиваетъ онъ подавленнымъ голосомъ.—Все вода!—«А гдѣ этотъ самый тайфунъ».—Тамъ дальше, въ китайскихъ моряхъ.—«Ухъ, кабы скорѣе миновать!»

Послѣ первой карты пришлось начертить другую, третью и затѣмъ чертилъ ихъ безъ конца. Спутники эти „карты“ посылали своимъ роднымъ въ письмахъ. Въ этомъ трюмѣ я занимался тѣмъ же для новыхъ моихъ спутниковъ. Мнѣ были благодарны.

И вотъ, когда представилась возможность, меня захотѣли отблагодарить.

Самое дорогое для арестантовъ въ заключеніи—это, конечно, спиртъ. Мнѣ кажется, что до Сингапура въ трюмахъ не появлялись крѣпкіе напитки, только побывавшіе въ лазаретѣ лакомились водкой и виномъ, которые тамъ выдавались слабымъ. Кромѣ того тамъ можно было достать и помимо того у матросовъ.

Въ Сингапурѣ публика ухитрилась сдѣлать большую закупку всякихъ ромовъ, коньяковъ и винъ. Несмотря на стражу цвѣтнымъ лодочникамъ удавалось подъѣхать къ нашимъ иллюминаторамъ и хотя заключенныхъ отдѣляла на разстояніи не менѣе 2 аршинъ отъ иллюминаторовъ желѣзная рѣшетка, но торговцы ухитрялись на палкахъ получать сначала деньги и затѣмъ на тѣхъ же палкахъ подавать бутылки. Хотя получивъ деньги, цвѣтные пріятели могли отъѣхать отъ „Ярославля“, но обмана не бывало.

И вотъ въ вечеръ послѣ удачной стоянки въ Сингапурѣ меня пригласили на пиръ въ одну компанію. Я не сообразилъ, что приглашеніемъ одной компаніи не ограничится и, чтобъ не обидѣть другихъ, придется побывать въ нѣсколькихъ компаніяхъ и нагрузиться алкоголемъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ я когда нибудь въ жизни принималъ въ себя.

И случился скандалъ. Я опьянѣлъ. Я сталъ резониться съ часовыми, но къ своему счастью не разбушевался, какъ однажды еще на Кавказѣ, когда меня товарищи должны были связать, мать плакала, а старшая сестра стыдила. Поэтому я тогда же рѣшилъ никогда болѣе стакана вина не пить. Въ Харьковѣ въ компаніи издателей нашей тайной типографіи, любившими вечеркомъ позакусить у Курносихи малороссійской колбасой или у Штритера бифштексомъ, я началъ пить водку по рюмкѣ, по двѣ и даже по три въ вечеръ, въ особенности, если съ рижскимъ бальзамомъ, но никогда болѣе пьянъ не бывалъ, послѣ случая въ Тифлисѣ.

И вотъ я опять пьянъ.—И гдѣ же?—На каторжномъ пароходѣ. Къ счастью, повторяю, я на этотъ разъ какъ то не разбушевался, а сообразилъ, что мнѣ слѣдуетъ придечь и я заснулъ на своемъ мѣстѣ. А когда другіе подняли шумъ, часовой вызвалъ начальство и стали собирать пьяныхъ, то часовой, сколько ни искалъ, говорятъ, меня не нашелъ.

Тогда я далъ, какъ говорится, зарокъ никогда не пить и вотъ уже 10 лѣтъ не пью ничего ни вина, ни водки, а пива никогда я не могъ пить.

Вышли мы изъ Одессы въ первыхъ числахъ марта (3 или 4) прибыли на Александровскій рейдъ 30 апрѣля. На одну ночь меня помѣстили въ карантинѣ на берегу у пристани въ надзирательской комнатѣ. На другой день меня повели въ окружное полицейское управленіе. Здѣсь окружный начальникъ держалъ ко мнѣ рѣчь, сущность которой заключалась въ томъ, что, по желанію генерала [1]), я первое время буду изолированъ отъ другихъ, политическихъ, чтобъ безъ нихъ вліяній могъ разобраться въ своемъ новомъ положеніи, что политическіе на островѣ вовсе не подвергаются гоненію, напротивъ, здѣсь цѣнятъ и знаніе, и честность политическихъ. Многіе изъ политическихъ заслужили глубокую благодарность и уваженіе администраціи, такъ что здѣсь даже каторжнымъ политическимъ чиновники подаютъ руку, не говорятъ *ты*.

Я вообще не умѣю отвѣчать на спичи, но, очевидно, чрезвычайность положенія внушила мнѣ нѣсколько словъ. Я прежде всего скромно замѣтилъ, что пожатіе руки со стороны тюремнаго надзора для политическаго не можетъ составить большой чести,

[1]) Генералъ Мерклинъ—объ немъ много могутъ порасказать бывшіе до меня политическіе. При мнѣ этотъ генералъ преслѣдовалъ покойнаго (застрѣлившагося) С. С. Солодовникова.

а затѣмъ, что я не понимаю о какой изоляціи можетъ быть рѣчь, разъ я являюсь на Сахалинъ въ качествѣ окончившаго срокъ каторги, въ качествѣ ссыльно-поселенца.

— Ну, вотъ, объясняетъ холодно окружный начальникъ,—вы ссыльно-поселенецъ, васъ и пошлютъ на поселеніе куда нибудь въ глухую тайгу, гдѣ никого изъ политическихъ не будетъ, а только уголовные или пошлютъ на кардонъ по берегу, гдѣ и уголовныхъ не будетъ, а только нѣсколько солдатъ да арестантовъ дровотасковъ при нихъ. Желаніе генерала, чтобъ вы жили здѣсь при окружномъ полицейскомъ управленіи и безъ моего разрѣшенія никуда не отлучались.

Я сказалъ, что поселюсь тамъ, гдѣ мнѣ укажутъ, но, гдѣ бы я ни былъ, я не могу обѣщать не имѣть общенія съ товарищами, и потому даже въ шлиссельбургскомъ одиночествѣ мы ухитрялись удовлетворить это естественное чувство.

Мнѣ дали комнату при полиціи. Я не былъ запертъ, ходилъ свободно по корридору и въ тотъ же день меня посѣтили товарищи. Первый, котораго я увидѣлъ, былъ извѣстный мнѣ по Харькову В. П. Бражниковъ, одинъ изъ административно ссыльныхъ на Сахалинѣ въ это время. Мы встрѣтились въ окружной библіотекѣ, которая помѣщалась при полицейскомъ управленіи и въ томъ же корридорѣ, въ который выходила отведенная для меня комната.

Уходя на улицу я заявлялъ объ этомъ окружному начальнику. Если это бывало въ неприсутственное время, то я разрѣшеніе спрашивалъ по телефону. И я не стѣснялся ни временемъ, ни числомъ выходовъ въ день.

Однажды, мѣсяца черезъ полтора, жена окружного на мое заявленіе по телефону сказала съ досадой: „надоѣли!“ Съ тѣхъ поръ я пересталъ спрашиваться. Окружный молчалъ. А еще черезъ недѣли двѣ я сказалъ, что мнѣ удобнѣе жить на частной квартирѣ. Онъ спросилъ губернатора и меня выпустили изъ полицейскаго управленія.

Я сталъ „вольнымъ“ ссыльно-поселенцемъ.

И. Манучаровъ.

„О наблюденіи за разглашателями новостей“ [1]).

Секретно.

Господину Ряжскому Городничему Сухареву.

Рязанскаго Гражданскаго Губернатора
КАНЦЕЛЯРІЯ

5 Іюля 1829 года
№ 174

О наблюдѣніи за разглашателями новостей.

Въ Высочайшихъ указахъ 5-го Іюня 1757 19 Іюня 1762, 4 Іюня 1763 4 Марта 1764 и 5 Апреля 1772 годовъ повелѣно, чтобъ каждый изъ подданныхъ россійской Имперіи и подъ Ея покровительствомъ проживающихъ Иностранцовъ прилежалъ единственно званію своему, удаляясь сколько возможно отъ суетныхъ сужденій о дѣлахъ до него не принадлежащихъ, а особливо удерживался бы отъ нарушеніе тишины и покоя, не пристойными разговорами, превратными толкованіями и часто вымышленными извѣстіями о дѣлахъ политическихъ и военныхъ, 1807 же году Правительствующій Сенатъ по доходящимъ до него свѣденіямъ, бывшій извѣстенъ, что есть люди, которыя отъ невежествали, или отъ буйства и строптивости, или же отъ занятія своей празности, сеютъ слухи не пристойныя, соплетая о произшествіяхъ по дѣламъ военнымъ и политическимъ, разнаго рода лживыя и большою частію нелѣпыя новости во отвращеніи могущаго произотить вреднаго вленнія на умы слабыя не просвященныя, печатными отъ 18 Марта того года—указыми о помянутыхъ Высочайшихъ повѣленіяхъ для непремѣннаго всехъ и каждому исполненія, предписалъ публиковать вновь вовсенародное извѣстіе печатными указами, призывая и съ своей стороны каждаго къ употребленію болѣе своего времени на точное исполненіе обязанностей службою ли на него возложенныхъ или священнымъ долгомъ добраго сына отечества и вѣрнаго подданаго.

Сверхъ того 123 статьею устава благочинія воспрещены: всякое злословіе, лже-клеветы, поношеніе или разсѣяніе слуховъ умоляющихъ доверіе и почтеніе къ особамъ, коимъ подобаетъ почтеніе.

Но по свѣденіямъ до меня доходящимъ оказывается, что нѣкоторыя люди конечно увлекаясь празностію, или личными видами изъ недоброжеланія къ лицамъ состовляющимъ части провительства дозволяютъ себѣ вопреки выше приведенныхъ узаконеній входить въ сужденіе дѣлъ до нихъ не принадлежа-

[1]) Печатается съ сохраненіемъ не только стиля, но и орфографіи.

Ред.

щихъ, и разсѣваютъ слухи для особъ власти имѣющихъ оскорбительные, и вымышляютъ происшествія, коихъ со всемъ небываетъ; чему примеромъ можно поставить разнесшуюся по городу Рязани молву о задавленной здѣсь на ярмонкѣ 1-го сего Іюля дѣвочкѣ которая находится совершенно здорова.

Столь не приличное толкосмѣтіе слуховъ побуждаютъ меня предписать Вашему Высокоблагородію, чтобы вы безъ малѣйшей огласки сего предписанія по долгу званія своего наблюдали за всеми тѣми, кои вдаются въ разношеніи слуховъ не приличныхъ тишину и покой нарушающихъ и къ оскорбленію и поношенію не токмо начальства и особъ власти имѣющихъ но и дочастныхъ лицъ относящихся, о дѣлахъ не касающихся лица разглашаемо и вредныхъ очемъ либо толковъ и будъ все сіе вами замѣчено будетъ, то отаковыхъ, не смотря ни какое лицо, по точнѣйшимъ дознаніи происшествія, отъ кого оно произошло, не упуская ни малѣйшихъ слѣдовъ о семъ изъ-виду, немедленно доносить мнѣ, предовая вмѣстѣ съ тѣмъ, естьли важность разсѣянія того требовать будетъ, поступки сіи дѣйствію закона.

Гражданскій Губернаторъ и Кавалеръ *Карновъ*.

Секретарь *Ивановъ*.

СУЗДАЛЬСКІЕ УЗНИКИ.

(1800—1836 г.г.)

Самодержавіе и православіе, какъ извѣстно, издавна считались у насъ главными, „незыблемыми“ основами, на которыхъ покоился старый русскій государственный строй. Православная церковь не только ничего не имѣла противъ власти произвола, но, наоборотъ, употребляла съ своей стороны всѣ усилія для того, чтобы сохранить и отстоять абсолютизмъ въ его борьбѣ съ тѣми элементами, которые не мирились съ порабощеніемъ народа и общества, которые такъ или иначе выражали свой протестъ противъ невыносимаго гнета, одинаково царившаго какъ въ политической, такъ и въ религіозной, духовной области.

Какъ далеко заходила въ этомъ отношеніи угодливость высшей православной іерархіи предъ сильными міра сего, между прочимъ, наглядно доказываетъ фактъ обращенія нашихъ монастырей въ мѣста ссылки и заточенія. Въ теченіе XIX столѣтія особенною извѣстностью въ этомъ отношеніи пользовались два монастыря: Соловецкій и Суздальскій.

Находящійся въ г. Суздалѣ, Владимірской губерніи, Спасо-Евфиміевскій монастырь, собственно говоря, уже съ давняго времени служилъ мѣстомъ ссылки для лицъ, такъ или иначе, провинившихся противъ церкви или государства. Но крѣпость или, точнѣе говоря, тюрьма въ этомъ монастырѣ была выстроена лишь при Екатеринѣ II-ой. Съ тѣхъ поръ эта тюрьма почти постоянно была переполнена заключенными. И это продолжалось вплоть до самаго послѣдняго времени, а именно до начала 1905 года.

Къ сожалѣнію, существовавшія у насъ до послѣдняго времени цензурныя условія, не давали никакой возможности выяснить и надлежащимъ образомъ освѣтить это въ высшей степени крупное и въ то же время глубоко печальное, явленіе нашей государственной церковной жизни. Даже сырой, фактическій матеріалъ по этому вопросу до сихъ поръ не опубликованъ, такъ какъ всѣ подобнаго рода матеріалы до сихъ поръ считаются „секретными“ и хранятся въ архивахъ святѣйшаго синода и министерства внутреннихъ дѣлъ, которые совершенно не доступны для изслѣдователя.

Въ виду такого положенія дѣлъ, предлагаемый вниманію читателей „секретный списокъ сосланнымъ подъ надзоръ и стражу

въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь разнаго званія людямъ", на нашъ взглядъ, является интереснымъ и цѣннымъ историческимъ документомъ. Списокъ этотъ, обнимающій періодъ времени съ 1801 года по 30 ноября 1836 года, былъ составленъ архимандритомъ монастыря Серафимомъ и представленъ владимірскому губернатору 1 декабря 1836 года за № 150. Въ немъ перечислены 85 лицъ [1]), томившіяся въ казематахъ суздальской монастырской тюрьмы въ указанный періодъ.

Ссылка въ монастыри и заточеніе въ монастырскія тюрьмы, какъ извѣстно, примѣнялись у насъ за самые разнообразные преступленія и проступки религіознаго, политическаго и общеуголовнаго характера. И дѣйствительно, знакомясь съ „секретнымъ спискомъ", вы прежде всего невольно поражаетесь огромнымъ разнообразіемъ, невѣроятной разнохарактерностью тѣхъ „дѣяній", которыя послужили причиной ссылки въ монастыри лицъ, значащихся въ этомъ спискѣ.

Тутъ и государственный преступникъ, бывшій декабристъ, князь Шаховской, [2]) тутъ и подполковникъ Лисевичъ, сосланный „за жестокіе поступки съ крестьянскими женками помѣщика Ковалевскаго и прочія незаконныя дѣйствія", тутъ и отставной подпоручикъ Королько, сосланный „за богохуленіе", тутъ и монахъ Авель, сосланный „для смиренія", тутъ и крестьянинъ Бобрецовъ—„за распространеніе раскола", тутъ и флотскій офицеръ, капитанъ 2 ранга Балле, сосланный „за позволеніе себѣ искать плотскихъ удовольствій вопреки закона природы", тутъ и графъ Кириллъ Разумовскій, заточенный въ монастырь „за невоздержную жизнь и вольныя мысли на счетъ нравственности и религіи", тутъ и рядовой уфимскаго полка Уткинъ—„за поношеніе высочайшей его императорскаго величества особы, за побѣгъ изъ военной службы, отступленіе отъ православной вѣры, отрицаніе отъ повиновенія законамъ и установленной власти", тутъ и іеромонахъ Лампадъ—„за распространеніе ученія несоотвѣтственнаго установленіямъ церковнымъ", тутъ и имеретинскій священникъ Гегоргадзе—„за великое участіе въ послѣдне-бывшемъ въ Имеретіи бунтѣ" и т. д.

Судя по „секретному списку", лица духовнаго званія и сана, разные священники и монахи нерѣдко заключались въ монастырскую тюрьму „за невоздержную и нетрезвую жизнь", „за происходящія отъ нихъ разныя неблагопристойности", „за предосудительные и соблазнительные поступки", въ родѣ „исправленія въ пьяномъ видѣ требъ у прихожанъ", „за утрудженіе его императорскаго величества всеподданѣйшими неосновательными просьбами", „за ослушаніе и непокорность высшему начальству" и т. д.

[1]) Въ спискѣ значится 88 узниковъ, но дѣло въ томъ, что трое изъ нихъ: корнетъ Свечинскій, протоіерей Левторскій и подпоручикъ Михайловъ записаны по два раза, такъ какъ каждый изъ нихъ имѣлъ несчастіе два раза попасть въ суздальскую тюрьму.

[2]) Ниже мы даемъ біографическій очеркъ кн. Шаховского по неизданнымъ даннымъ. *Ред.*

Разные корнеты, прапоршики, поручики, губернскіе секретари нерѣдко запирались въ монастырскіе казематы—иногда даже по ходатайству ихъ родителей—„за буйный и развратный нравъ" [1]), „за пьянство и буянство", „за роспутную жизнь и буйственные поступки", „за дерзкіе поступки противъ отца" и т. д. Отставной подпоручикъ Сергѣй Михайловъ былъ заключенъ въ суздальскую тюрьму въ 1827 г. „*по причинѣ нѣкотораго заблужденія отъ чтенія книгъ*". Настоятелю монастыря, по обыкновенію, было предписано „пристойными наставленіями и увѣщаніями стараться привести его, Михайлова, къ раскаянію въ заблужденіи, коимъ онъ зараженъ и обращенію на путь истинный". Какъ всегда однако, наставленія и увѣщанія настоятеля и на этотъ разъ ни къ чему не привели: Михайловъ „не обратился на путь истинный" и, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, бѣжалъ изъ монастыря. Пойманный, онъ былъ снова заключенъ въ Суздальскую тюрьму, а оттуда въ 1833 году переведенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость [2]).

Тюрьма Спасо-Евфиміева монастыря служила мѣстомъ заключенія не только для разнаго рода „преступниковъ", но и для лицъ, несовершившихъ иныхъ преступленій и виновныхъ лишь въ томъ, что они имѣли несчастіе заболѣть психическимъ разстройствомъ, или сойти съ ума,—какъ говорили въ то время. Такъ напримѣръ, протоіерей лейбъ-гвардіи уланскаго полка Стояновъ былъ заточенъ въ тюрьму Суздальскаго монастыря въ 1813 году „за повреждениемъ въ разсудкѣ"—впредь до исправленія. Штабсъ-капитанъ Березинъ въ 1816 году былъ запертъ въ казематъ суздальской тюрьмы „по сумашествію его", при чемъ предписывалось „да бы онъ, Березинъ, какъ сумасшедшій, не токмо не могъ имѣть съ кѣмъ сношенія или писать, но и говорить какія либо нелѣпости".

Такого рода предписанія (а ихъ можно было бы привести не мало изъ того-же списка) ясно указываютъ на тѣ мотивы, которыми руководствовались власти, запирая въ монастырскую тюрьму несчастныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ, психически больныхъ людей. Очевидно, власти просто боялись „соблазна", боялись „пагубнаго вліянія", какое могли оказать на окружающихъ „нелѣпости", разныя „нелѣпныя слова и рѣчи, разглашаемыя" людьми, утратившими душевное равновѣсіе.

Наиболѣе крупную по численности группу монастырскихъ узниковъ обыкновенно составляютъ сектанты и раскольники. Въ прилагаемомъ спискѣ встрѣчаемъ, между прочимъ, нѣсколько выдающихся представителей этой категоріи людей. Такъ, подъ № 35-мъ значится: „старикъ, начальникъ секты скопцовъ. *по имени неизвѣстный*", присланный по высочайшему повелѣнію въ

[1]) Въ то время, какъ извѣстно, словамъ: „развратъ", „развратный" придавался совершенно иной смыслъ, иное значеніе, чѣмъ придается теперь.

[2]) Въ 1836 году Михайловъ значится въ спискѣ секретныхъ арестантовъ Шлиссельбургской крѣпости (см. статью г. П. Щ. „Изъ лѣтописей Шлиссельбургской крѣпости", „Былое", 1906 г., декабрь).

1820 году для содержанія за особымъ карауломъ, подъ строжайшій надзоръ.

Ознакомившись съ секретнымъ „дѣломъ" этого таинственнаго узника, хранящимся въ монастырскомъ архивѣ, мы убѣдились, что подъ именемъ „неизвѣстнаго" былъ заточенъ основатель скопчества, знаменитый Кондратій Селивановъ. Проживая въ Петербургѣ въ домѣ богатыхъ купцовъ Ненастьевыхъ, Селивановъ пользовался огромной популярностью въ разныхъ слояхъ петербургскаго общества. Многочисленные послѣдователи называли его не иначе какъ „Христомъ" и „Живымъ Богомъ"; многіе изъ нихъ считали его „государемъ-батюшкой Петромъ Федоровичемъ", т. е. императоромъ Петромъ III-мъ. Многія высокопоставленныя лица явно покровительствовали „Живому Богу"; особенно много сдѣлалъ для него завѣдывавшій въ то время духовными дѣлами оберъ-прокуроръ Св. Синода, извѣстный мистикъ, князь А. Н. Голицынъ.

Покровительство высокопоставленныхъ мистиковъ не спасло однако Селиванова отъ тяжелой кары, которая постигла его: въ 1820 году онъ былъ заточенъ въ суздальскую тюрьму, которая и стала его могилой. Просидѣвъ въ монастырскомъ казематѣ цѣлые двѣнадцать лѣтъ, Селивановъ умеръ въ 1832 году и тогда же тайно ночью былъ похороненъ, при чемъ монастырскимъ начальствомъ приняты были всѣ мѣры къ тому, чтобы мѣсто его погребенія осталось никому не извѣстно.

Въ той же тюрьмѣ томился и умеръ другой видный представитель скопчества статскій совѣтникъ Алексѣй Михайловичъ Глянскій, *бывшій камеріеръ* короля Станислава-Августа Понятовскаго. Онъ былъ заключенъ въ суздальскую тюрьму въ 1804 году подъ именемъ „поляка Алексѣя Глянскаго" и умеръ въ 1813 году (см. № 5-й списка).

Изъ послѣдователей раціоналистическихъ сектъ въ спискѣ встрѣчаемъ „начальника (чисто бюрократическая терминологія!) секты молоканъ Тамбовской губерніи", шацкаго купца Семена Швецова (№ 85), жителя Пятигорскаго округа Ефима Гущина, заточеннаго за пропаганду „субботнической секты" (№ 74) и т. д.

Нерѣдко причины ссылки и заключенія того или другого лица, присылавшагося въ Суздальскій монастырь, совсѣмъ не объяснялись. Такъ, напримѣръ отставной штабсъ-капитанъ Новиковъ (№ 25) былъ присланъ въ монастырь въ 1812 году „по высочайшему повелѣнію, при указѣ изъ Владимірской духовной консисторіи для заключенія", но при этомъ ни слова не было сказано, въ чемъ же собственно состояла его вина или преступленіе, за которое онъ подвергся столь жестокой карѣ. Или другой примѣръ: лишенный священства Василій Кочетовъ (№ 22) былъ присланъ по высочайшему повелѣнію *„для заключенія навсегда"* въ монастырской тюрьмѣ,—но опять таки безъ всякаго объясненія причинъ и поводовъ, вызвавшихъ столь безчеловѣчное наказаніе, какъ пожизненное тюремное заключеніе.

Что касается общественнаго положенія, какое занимали лица, подвергшіяся ссылкѣ и заключенію въ Суздальской тюрьмѣ, то среди нихъ мы встрѣчаемъ и представителей высшей, титулованной знати, въ родѣ графа Кирилла Разумовскаго или князя Ф. П. Шаховского и разныхъ помѣщиковъ—дворянъ, и офицеровъ арміи и флота—начиная съ генералъ-маіора (№ 3) и кончая корнетами и прапорщиками,—чиновниковъ, священниковъ, архимандритовъ, монаховъ, купцовъ, мѣщанъ и, наконецъ, многочисленныхъ представителей народа, плебса—крестьянъ, солдатъ и т. д. Въ видѣ одиночекъ, между прочимъ, встрѣчаются: врачъ—„уѣздный лекарь", „актеръ", баккалавръ Кіевской духовной академіи и т. д.

Въ высшей степени важнымъ и существеннымъ является вопросъ: кто же ссылалъ, кто „заточалъ" въ монастырскія тюрьмы и въ частности—въ Суздальскую крѣпость, которая давно уже извѣстна у насъ подъ именемъ „религіозной Бастиліи"?

Судя по отмѣткамъ архимандрита въ „секретномъ спискѣ", огромное большинство заключенныхъ были присланы въ суздальскую тюрьму „по высочайшему повелѣнію" или же „съ высочайшаго соизволенія". Затѣмъ очень многія духовныя лица—архимандриты, протоіереи, іеромонахи и т. д. присылались по распоряженію „святѣйшаго правительствующаго синода".

Но право заключать въ монастырскую тюрьму принадлежало не только высшимъ центральнымъ правительственнымъ учрежденіямъ, но и губернскимъ властямъ какъ гражданскимъ, такъ и духовнымъ. Такъ, напримѣръ, муромскій крестьянинъ Яковъ Семеновъ былъ заключенъ въ Суздальскую тюрьму „какъ фанатикъ" *по распоряженію владимірскаго губернатора*. Дьяконъ Юрьевской округи Егоръ Вишняковъ былъ заключенъ въ монастырь Владимірской *духовной консисторіей*, согласно резолюціи мѣстнаго архіерея. Какъ видите, дѣло по этой части обстояло очень просто!...

Въ заключеніе, пользуясь данными „секретнаго списка", приведемъ нѣсколько цифръ, характеризующихъ условія заключенія въ «Суздальской Бастиліи».

Изъ общаго числа заключенныхъ (85 человѣкъ) умерло въ тюрьмѣ . . . . . 20 человѣкъ [1]).
Переведено въ другіе монастыри . . . 7 „
Отправлено въ другіе города подъ надзоръ мѣстнаго начальства . . . . . 13 „
Отдано на поруки родственникамъ . . . . 2 „
Освобождено . . . . . 18 „

Затѣмъ, кромѣ того, одинъ изъ заключенныхъ былъ отправленъ въ больницу умалишенныхъ, одинъ отправленъ въ Петербургъ, по требованію генерала Бенкендорфа и наконецъ одинъ—штабсъ-капитанъ Бекарюковъ бѣжалъ.

Оставалось въ монастырской тюрьмы къ 1-му декабря

[1]) Въ томъ числѣ одинъ окончилъ жизнь самоубійствомъ, повѣсившись въ своемъ казематѣ.

1836 года 22 человѣка. Такъ какъ въ суздальской монастырской тюрьмѣ имѣется всего 22 каземата, то слѣдовательно въ моментъ составленія „списка“ тюрьма эта была полна заключенными.

Лица, умершія въ казематахъ монастырской тюрьмѣ за время съ 1801 по 1837-й годъ, пробыли въ заключеніи слѣдующіе сроки: трое—менѣе одного года [1]), одинъ—одинъ годъ, одинъ—три года, одинъ—четыре года, одинъ—5 лѣтъ, одинъ—7 лѣтъ, послѣ чего онъ окончилъ жизнь самоубійствомъ, повѣсившись въ своемъ казематѣ, двое—по 8 лѣтъ, одинъ—9 лѣтъ, одинъ—11 лѣтъ, одинъ—12 лѣтъ, двое—по 13 лѣтъ, одинъ—14 лѣтъ, двое—по 15 лѣтъ, одинъ—22 года и одинъ—25 лѣтъ.

Изъ 22-хъ заключенныхъ, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ въ моментъ составленія „списка“, пятеро сидѣли 1 годъ, двое—по 2 года, 1—3 года, 1—4 года, 1—6 лѣтъ, двое—по 8 лѣтъ, 1—11 лѣтъ, 1—13 лѣтъ, 1—14 лѣтъ, трое—по 15 лѣтъ, 1—21 годъ, 1—23 года, 1—25 лѣтъ и 1—32 года.

Эти сроки заключенные *уже* просидѣли въ холодныхъ и сырыхъ казематахъ Суздальской крѣпости. Сколько времени имъ предстояло еще гнить за желѣзными рѣшетками монастыря—этого, конечно, изъ „секретнаго списка“ видѣть нельзя. Но изъ исторіи соловецкой тюрьмы мы знаемъ, что тамъ нерѣдко заключенные сидѣли по 40, 50 и даже по 60 лѣтъ, словомъ до тѣхъ поръ, пока смерть не избавляла несчастныхъ узниковъ отъ дальнѣйшей неволи и страданій.

Въ виду этого невольно возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ заключенные могли выносить въ теченіе столь долгаго времени тягостныя условія монастырскаго тюремнаго режима? Эта кажущаяся несообразность объясняется тѣмъ, что послѣ первыхъ же 10—15 лѣтъ заточенія, узники обыкновенно заболѣвали психическимъ разстройствомъ, „сходили съума“ и въ этомъ положеніи могли, оставаясь въ тюрьмѣ, въ теченіи долгихъ лѣтъ влачить свое жалкое существованіе... И все это происходило, все это совершалось при дѣятельномъ участіи „преосвященнѣйшихъ епископовъ и архіепископовъ“, отцевъ архимандритовъ, на глазахъ монастырской „братіи“, съ благословенія митрополитовъ и другихъ членовъ „святѣйшаго синода“...

А. Пругавинъ.

[1]) Изъ нихъ одинъ былъ переведенъ изъ соловецкой монастырской тюрьмы.

Секретно.

СПИСОКЪ

Сосланнымъ подъ надзоръ и стражу Владимірской губерніи, въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, разнаго званія людямъ, съ 1801-го года по 30 ноября 1836-го года.

Число сосланныхъ.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
1	Капитанъ Василій Есеновскій, изъ оставшихся по бывшей тайной экспедиціи неосвобожденнымъ.	1801-го года мая 31-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при отношеніи отъ генералъ-фельдмаршала, московскаго, военнаго губернатора и кавалера графа Ивана Петровича Салтыкова, съ предписаніемъ содержать его въ семъ монастырѣ подъ особеннымъ присмотромъ.	1816-го года октября 10-го дня померъ.
2	Бывшій, московскаго, Ставропигіальнаго, Заиконоспаскаго монастыря, Архимандритъ Владиміръ.	1803-го года, мая 16-го дня присланъ по силѣ указа Святѣйшаго, Правительствующаго Синода, изъ московской Синодальной конторы, при указѣ за невоздержанную жизнь и другія происходящія отъ него неблагопристойности, на пребываніе въ сей монастырь, съ предписаніемъ содержать его подъ присмотромъ.	1808-го года, іюня отъ 22-го, по указу Святѣйшаго Синода, переведенъ на пребываніе въ Московской Ставропигіальной Донской монастырь.
3	Ярославскій помѣщикъ генералъ-маіоръ Побѣдинскій.	1803-го года, августа 5-го дня присланъ по Высочайшему повелѣнію при отношеніи отъ Г-на владимірскаго гражданскаго губернатора, князя Долгорукаго, по приговору всего дворянства, къ заключенію въ сей монастырь на покаяніе.	1808-го года, Іюля отъ 22-го дня по Высочайшему указу, состоявшемуся въ 22 день мая того года, переведенъ въ губернскій городъ Владиміръ, подъ надзоръ губернатора.

Число сосланных.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
4	Актеръ Кочетковъ.	1804-го года, апрѣля 11-го дня, присланъ по Высочайшему соизволенію при секретномъ отношеніи отъ Г-на владимірскаго гражданскаго губернатора, князя Долгорукаго, съ предписаніемъ содержать его подъ присмотромъ и чтобы онъ, удаленъ былъ отъ возможности бесѣдовать и обращаться съ людьми не просвѣщенными.	1819-го года марта 16-го дня, померъ.
5	Полякъ Алексѣй Еленскій.	1804-го года Сентября 4-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію при секретномъ отношеніи отъ Г-на владимірскаго гражданскаго губернатора князя Долгорукаго за разглашеніе скопческой ереси.	1813-го года марта 23-го дня померъ.
6	Нижегородскаго, архіерейскаго дома, крестовый Іеромонахъ Іосифъ.	1804-го года. декабря 4-го дня, присланъ по указу Святѣйшаго Синода, изъ владимірской духовной консисторіи, при указѣ для содержанія въ семъ монастырѣ подъ строжайшимъ присмотромъ безъ священнослуженія, по изступленію ума, дабы впредь не могло отъ него произойти большихъ безпорядковъ и соблазна народнаго.	
7	Губернскій секретарь Иванъ Приморскій.	1805-го года, января 5-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію при указѣ изъ владимірской консисторіи для содержанія въ семъ монастырѣ, подъ особеннымъ присмотромъ, за пьянство, и буянство, до исправленія съ употребленіемъ средствъ къ отвращенію его отъ пьянства и дераскихъ поступковъ.	По Высочайшему повелѣнію, изъ сего монастыря освобожденъ и по указу владимірской консисторіи, отосланъ въ оную при рапортѣ сентября 15-го дня 1818 года.
8	Отставной секретарь Петръ Волковъ.	1806-го года, января 10 го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при отношеніи отъ Г-на владимірскаго гражданскаго губернатора, князя Долгорукаго, за распутную жизнь и буйствен-	1811-го года, февраля 15-го по Высочайшему повелѣнію, изъ сего монастыря освобожденъ, съ дозволеніемъ имѣть

Число сосланных.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
		ные поступки, для содержанія въ семъ монастырѣ, до исправленія его съ прочими арестантами.	ему жительство въ городѣ Переславлѣ, подъ надзоромъ мѣстнаго начальства.
9	Бывшій Онегскаго, крестнаго монастыря, Архимандритъ Лаврентій.	1806-го года, іюля 3 го дня присланъ по указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода, изъ владимірской консисторіи, при указѣ для содержанія его въ семъ монастырѣ, къ воздержанію отъ пьянства, разныхъ безчиній и соблазновъ, подъ строжайшимъ присмотромъ.	1814-го года, іюля 25-го дня, померъ.
10	Псковской губерніи, отставной солдатъ, Сергѣй Лудановъ.	1806-го года, октября 17-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при указѣ изъ владимірской консисторіи, на церковное покаяніе, за порѣзаніе крестьянина, во изступленіи ума, съ предписаніемъ содержать его въ семъ монастырѣ, подъ наблюденіемъ, дабы онъ не причинилъ кому либо какого вреда.	1819-го года, ноября 20-го дня, померъ.
11	Оренбургской губерніи Мензелинской округи, помѣщикъ отставной подпоручикъ, Александръ Буткевичъ.	1807-го года, марта 4-го дня присланъ по Высочайшему соизволенію при указѣ изъ владимірской консисторіи, къ содержанію въ семъ монастырѣ, съ прочими арестантами, для окончанія опредѣленной ему церковной епитиміи, за убійство изъ ружья крестьянина своего, по безумію его и пьянству.	1816-го года іюля 11-го дня, по Высочайшему утвержденному положенію комитета г.г. министровъ, изъясненному въ предписаніи г-на главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ управляющаго министерствомъ полиціи, отъ 19-го іюня того года, на имя владимірскаго гражданскаго губернатора, оба сіи: Буткевичъ и

Число сосланныхъ.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
12	Слободскоукраинской губерніи, Изюмскаго уѣзда, слободы Спесаковки, казенный крестьянинъ. Никита Реусъ.	1807-го года, апрѣля 4-го дня, присланъ по Высочайшему соизволенію, при указѣ изъ владимірской консисторіи, на церковное покаяніе, безъ назначенія времени, за не умышленное въ сумасшествіи учиненное имъ смертоубійство, для содержанія въ семъ монастырѣ, съ прочими арестантами.	Реусъ изъ сего монастыря, освобожденъ и отправленъ къ нему, г-ну гражданскому губернатору.
13	Тобольской губерніи, Курганской округи, Солтосарайской волости, крестьянинъ, Яковъ Шелеповъ.	1807-го года, іюля 28-го дня, присланъ по Высочайшему соизволенію, при указѣ изъ владимірской консисторіи, на церковное покаяніе, безъ назначенія времени, за убійство въ сумасшествіи жены своей, для содержанія въ семъ монастырѣ, съ прочими преступниками.	1818-го года января 3-го дня померъ.
14	Дѣйствительный камергеръ графъ Кириллъ Разумовскій.	1808-го года, мая 20-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при секретномъ отношеніи изъ комитета учрежденнаго указомъ 13 января 1807 года, за невоздержанную жизнь и вольныя мысли, на счетъ нравственности и религіи, для содержанія въ семъ монастырѣ подъ присмотромъ.	1822-го года, августа 22-го дня, вслѣдствіе Высочайшей воли, изъ сего монастыря уволенъ въ губернскій городъ Владиміръ, подъ личный надзоръ г-на губернатора.
15	Муромской округи, вотчины г. Юшкова, села Райскаго крестьянинъ Яковъ Семеновъ.	1810-го года, января 14-го дня, присланъ при отношеніи Г-на владимірскаго, гражданскаго губернатора, князя Долгорукаго, для содержанія въ семъ монастырѣ, до дальнѣйшаго распоряженія, какъ фанатика, подъ секретнымъ присмотромъ.	Того же 1810-го года, мая 2-го дня, по отношенію его же г-на губернатора, отправленъ къ нему, губернатору, чрезъ суздальскаго городничаго.
16	Отставной поручикъ, Сергѣй Хвостовъ.	1810-го года, іюня 12-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при отношеніи изъ комитета учрежденнаго указомъ 13 января 1807 года, за буйное и развратное поведеніе, впредь до исправленія.	1823-го года марта 24-го дня, померъ.

Число сосланныхъ.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
17	Губернскій секретарь Григорій Спиридовъ.	1810-го года, іюля, 26-го дня, присланъ вслѣдствіе Высочайшей воли, при указѣ изъ владимірской консисторіи, за распутное и дурное поведеніе, для содержанія въ семъ монастырѣ, съ прочими подобными ему, за особеннымъ надзоромъ.	1813-го года, января 20-го дня вслѣдствіе Высочайшей воли, изъ сего монастыря освобожденъ.
18	Стародубскій мѣщанинъ Иванъ Мазуръ.	1810-го года, августа 19-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при отношеніи изъ владимірскаго, губернскаго правленія, для заключенія въ сей монастырь, на всю жизнь, за зарѣзаніе въ сумасшествіи своего тестя.	1835-го года, іюня 27-го дня, померъ.
19	Слободскоукраинской губерніи, Сумскаго уѣзда, помѣщика Кордашевскаго, крестьянинъ Василій Жуковъ.	1810-го года, ноября 21-го дня, присланъ по Высочайшему соизволенію, изъясненному въ указѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, чрезъ владимірскую консисторію, при отношеніи изъ владимірскаго, губернскаго правленія, на церковное покаяніе, безъ назначенія времени, за убійство въ помѣшательствѣ ума трехъ мѣсячнаго младенца, для содержанія въ семъ монастырѣ съ прочими преступниками, подъ наблюденіемъ, дабы онъ не могъ впредь кому либо причинить какого вреда, съ предписаніемъ по третямъ года объ немъ рапортовать.	1832-го года, іюня 27-го дня, померъ.
20	Лишенный священства Иванъ Селецкій.	1811-го года, апрѣля 25-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію при отношеніи отъ владимірскаго, гражданскаго губернатора, князя Долгорукаго, для заключенія по безумію его навсегда въ сей монастырь, къ содержанію съ прочими арестантами.	По положенію комитета г.г. министровъ, изъ сего монастыря освобожденъ декабря 18-го дня 1816-го года, и отданъ сыну его, Меленковской округи, погоста Куземскаго священнику Андрею Иванову, съ роспискою.

Число сосланных.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
21	Апамійскій митрополитъ Паисій игуменствующій въ Галатскомъ Вознесенскомъ монастырѣ.	1811-го года, апрѣля 30-го дня, присланъ по Высочайшему соизволенію, изъясненному въ указѣ Святѣйшаго Синода, при указѣ изъ владимірской консисторіи, на пребываніе въ сей монастырь, по отрѣшеніи отъ должности, за расточеніе имъ монастырской собственности и за сопротивленіе Высшей власти, въ лицѣ Экзарха дѣйствующей.	1812-го года, октября 18-го дня по Высочайшей воли, изъ сего монастыря освобожденъ и повелѣно ему возвратиться въ монастырь, гдѣ онъ прежде игуменствовалъ.
22	Лишенный священства Василій Кочетовъ.	1811-го года, мая 29-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при отношеніи отъ владимірскаго, гражданскаго губернатора, князя Долгорукаго, для заключенія навсегда въ сей монастырь, къ содержанію съ прочими арестантами.	
23	Сенатскій регистраторъ, Соловьевъ.	1811-го года, августа 20-го дня, присланъ вслѣдствіе Высочайшей воли, при отношеніи отъ владимірскаго, гражданскаго губернатора, князя Долгорукаго, для заключенія въ сей монастырь за пьянство и буйство, съ прочими преступниками.	1830-го года, іюля 31-го дня по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изъ сего монастыря освобожденъ и врученъ для доставленія во владимірское губернское правленіе, Суздальскому частному приставу Смирнову съ роспискою.
24	Штабсъ капитанъ Бекарюковъ.	1811-го года, ноября 15-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію при отношеніи отъ владимірскаго гражданскаго губернатора, князя Долгорукаго, по особенному буйству его, къ заключенію въ сей монастырь, доколѣ можно будетъ съ благонадежностію облегчить его узы.	1813-го года, августа 24-го числа, въ ночь проломавъ въ нужномъ мѣстѣ окно, бѣжалъ куда не извѣстно, о чемъ того же числа донесено г-ну владимірскому гражданскому губернатору.

Число сосланных.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
25	Отставной шт. капитанъ Новиковъ.	1812-го года, мая 5-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при указѣ изъ владимірской консисторіи, для заключенія въ сей монастырь.	По Высочайшему повелѣнію изъ сего монастыря освобожденъ и отданъ родственнику подполковнику Маслову, съ роспискою марта 8-го числа, 1818 года.
26	Бывшій при уланскомъ лейбъ-гвардіи полку, Протоіерей Савва Стояновъ.	1813-го года, іюля 11-го дня, присланъ вслѣдствіе указа Святѣйшаго Правительствующаго Синода, при указѣ изъ владимірской консисторіи, для содержанія въ семъ монастырѣ, за повреждениемъ въ разсудкѣ, до исправленія соотвѣтственно званію и положенію болѣзни его одержащей, подъ присмотромъ, съ предписаніемъ о состояніи его, по третямъ года рапортовать.	
27	Титулярный совѣтникъ, Павелъ Молчановъ.	1815-го года, января 23-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при указѣ, изъ владимірской консисторіи, по навлеченію на себя, подозрѣнія въ покушеніи на жизнь отца своего, и образу жизни замѣчаніемъ для него предосудительнымъ, къ содержанію въ семъ монастырѣ, подобно сосланнымъ въ оный Разумовскому, Хвостову и прочимъ.	1829-го года, августа 7-го дня, померъ.
28	Тверской епархіи Теребенской пустыни, Іеромонахъ Ириней.	1815-го года, 28 го октября, присланъ вслѣдствіе указа, Святѣйшаго Правительствующаго Синода, при указѣ изъ владимірской консторіи, за дерзновенное поруганіе имъ по сумасшествію его, Богородичныхъ иконъ, выколотіемъ на оныхъ глазъ и хулы на Божію Матерь и святыни, съ запрещеніемъ священнослуженія и ношенія монашескаго одѣянія, для заключенія въ семъ монастырѣ и содержанія подъ строгимъ	По указу Святѣйшаго Синода, отъ 25-го мая 1818-го года, по исправленіи его въ разсудкѣ, изъ сего монастыря уволенъ и опредѣленъ въ Муромскій, Спасскій монастырь куда и отправленъ іюня 30-го дня 1818-го года.

Число сосланныхъ.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
		надзоромъ, не выпуская никуда изъ монастыря и изъ кельи.	
29	Отставной корнетъ Спичинскій.	1815-го года, ноября 14-го дня, присланъ по положенію комитета г.г. министровъ, при указѣ изъ владимірской консисторіи, для содержанія въ семъ монастырѣ, съ прочими арестантами, подъ надзоромъ, дабы отнять у него средство быть вреднымъ обществу, развратнымъ его поведеніемъ.	По Высочайшему соизволенію, изъясненному въ указѣ Владимірской консисторіи, отъ 4-го іюля 1818-го года, изъ сего монастыря уволенъ и возвращенъ въ домъ родителя его
30	Юрьевскій округи, села Новаго Прокудина, Діаконъ Егоръ Вишняковъ.	1815-го года, декабря 4-го дня, по резолюціи преосвященнаго Ксенофонта Епископа, бывшаго владимірскаго и кавалера, прописанный въ указѣ изъ владимірской консисторіи, ноября отъ 9 числа 1815 года, переведенъ изъ Флоришевой пустыни по причинѣ изступленія его въ умѣ, для содержанія въ семъ монастырѣ съ прочими таковыми же, не выпуская его изъ монастыря подъ особеннымъ надзоромъ впредь до усмотрѣнія.	
31	Штабсъ капитанъ Павелъ Березинъ.	1816-го года, марта 12-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при отношеніи владимірскаго вице-губернатора и кавалера Дюнанта, для содержанія по сумасшествію его, въ семъ монастырѣ, съ предписаніемъ дабы онъ Березинъ, какъ сумасшедшій, не токмо не могъ имѣть съ кѣмъ сношенія, или писать, но и говорить какія либо нелѣпости.	
32	Бывшій муромскій Протоіерей Гавріилъ Лекторскій.	1816 года, мая 11-го дня, присланъ по опредѣленію владимірской духовной консисторіи, согласно резолюціи преосвященнаго Ксенофонта Епископа, бывшаго владимірскаго и кавалера, послѣдовавшему при указѣ изъ оной	Вслѣдствіе отношенія г-на Владимірскаго гражданскаго губернатора, отъ 30-го іюня за № 348, изъ сего монастыря освобожденъ от-

Число сосланныхъ.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
		консисторіи мая отъ 10-го 1816 года, по причинѣ одержанія его меланхолическими припадками, для дальнѣйшаго испытанія разстроеннаго его разсудка и содержанія за особеннымъ присмотромъ.	данъ владимірской градской полиціи, квартальному надзирателю Орлову, для доставленія къ нему г-ну губернатору, того жеіюня, 30-го дня, 1831-го года, съ роспискою.
33	Прапорщикъ Павелъ Маклаковъ.	1818-го года, февраля 17-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, изъясненному въ отношеніи Г-на министра духовныхъ и народнаго просвѣщенія и кавалера князя Голицына, отъ московскаго полицеймейстера Обрѣзкова, при письмѣ отца его, сенатскаго г-на оберъ секретаря Маклакова, для воздержанія отъ развратнаго и буйнаго нрава его.	По Высочайшему соизволенію, декабря 6-го числа 1821-го года, изъ сего монастыря освобожденъ и представленъ владимірскому г-ну губернатору.
34	Отставной подполковникъ, Аѳанасій Лисевичъ.	1818-го года, іюня 14-го дня, присланъ по Высочайшему указу, состоявшемуся на мнѣніи Государственнаго Совѣта въ 9 день апрѣля 1817 года, при отношеніи изъ владимірскаго, губернскаго правленія, за жестокіе поступки съ крестьянскими женками помѣщика Ковалевскаго и прочія незаконныя дѣйствія съ предписаніемъ содержать его въ семъ монастырѣ, съ подобными ему.	1831-го года ноября 9-го дня по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изъ сего монастыря освобожденъ и представленъ къ владимірскому губернатору, за присмотромъ.
35	Старикъ начальникъ секты скопцовъ, по имяни неизвѣстный.	1820-го года, іюля 17-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при секретномъ отношеніи отъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графа Виктора Павловича Кочубея, отъ 7-го числа того іюля, по означенной скопческой сектѣ, съ предписаніемъ содержать его за особымъ карауломъ, не допуская къ нему постороннихъ, дабы не было у него тайнаго сношенія съ единомышлен-	1832-го года, февраля съ 19-го на 20 число въ 1-мъ часу по полуночи, померъ.

Число сосланныхъ.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
		никами его и чтобы онъ немогъ распространять ложнаго своего ученія, о положеніи же его, доносить начальству помѣсячно.	
36	Шуйской округи, сельца Чижева, вотчины Г-жи Кульневой, крестьянинъ Федоръ Петровъ.	1821-го года, февраля 17-го дня, присланъ по опредѣленію владимірскаго, совѣтнаго суда, при указѣ изъ владимірской духовной консисторіи, за отрѣзаніе головы у дочери своей, имѣющей отъ роду 43 недѣли и 5 дней, для исполненія положенной ему церковной десятилѣтней епитеміи и содержанія его въ ономъ монастырѣ съ прочими арестантами, подъ особеннымъ надзоромъ.	Ноября 7-го дня 1828-го года, въ исходѣ 6-го часа пополудни, найденъ удавившимся въ комнатѣ, въ коей онъ содержался, о чемъ по произведеніи судебскимъ г-номъ городничемъ свидетельства съ приложеніемъ онаго того же ноября 8-го числа, донесено г-ну владимірскому гражданскому губернатору.
37	Отставной корнетъ, Никита Федоровъ Спичинскій.	1821-го года, марта 13-го дня, по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему по просьбѣ отца его маіора Спичинскаго, при отношеніи правящаго должность владимірскаго гражданскаго губернатора, уголовной палаты председателя Зузина, за развратное поведеніе.	По Высочайшей Его Императорскаго Величества воли, изъ сего монастыря освобожденъ и отданъ присланному съ письмомъ отъ родителя его Спичинскаго, управляющему имѣніемъ его Никитѣ Андреянову съ росписку; января 7-го дня 1831 года.
38	Отставной прапорщикъ Александръ Петровъ Мещанковъ.	1821-го года, марта 20-го дня, по назначенію С.-Петербургскаго военнаго ген.-губернатора, при отношеніи министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Александра Николаевича Голицина, отъ 19 февраля того же 1821 года, за дурные и дерзкіе поступки.	По предписанію г-на министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя Голицина, апрѣля 15-го дня 1823 года, изъ сего монастыря освобожденъ и отпущенъ къ родителю его статскому совѣтнику Мещанкову.

Число сосланныхъ.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
39	Солбинской пустыни послушникъ Михаилъ Оферьевъ.	1821-го года, апрѣля 24-го дня, присланъ по опредѣленію владимірской духовной консисторіи, утвержденному преосвященнымъ Ксенофонтомъ епископомъ бывшимъ владимірскимъ и кавалеромъ, при указѣ изъ помянутой консисторіи, по причинѣ помѣшательства въ умѣ его, для содержанія его въ семъ монастырѣ, подъ надзоромъ.	
40	С.-Петербургской галерногаванской Троицкой церкви Протоіерей Андрей Ивановъ Бедринскій.	1821-го года, мая 10-го дня, по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, при указѣ изъ владимірской консисторіи, по причинѣ помѣшательства ума его, къ заключенію въ сей монастырь, съ запрещеніемъ священнослуженія впредь до совершеннаго его исцѣленія въ умоповрежденіи.	
41	Тульской епархіи Каширской округи, села Свинаго, священникъ Николай Васильевъ.	1821-го года, августа 4-го дня, присланъ по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, при указѣ изъ владимірской консисторіи, по умоповрежденію его къ заключенію и содержанію въ семъ монастырѣ, впредь до исцѣленія въ умоповрежденіи его.	
42	Уфимскаго пѣхотнаго полка рядовой Федоръ Уткинъ.	1822-го года, іюня 22-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, изъ Уфимскаго батальона, посредствомъ внутренней стражи, за поношеніе Высочайшей, Его Императорскаго Величества особы, за побѣгъ изъ военной службы, скрытіе своего званія ложнымъ именованіи себя инокомъ, отступленіе отъ православной вѣры, отрицаніе отъ повиновенія законамъ и установленной власти, превратное по заблужденію его толкованіе священнаго писанія, съ предписаніемъ содержать его въ семъ монастырѣ.	1830-го года, іюля 15-го дня, померъ.

Число сосланных.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
		подъ строгимъ присмотромъ, лишивъ его сообщенія съ прочими арестантами, въ предотвращеніи дальнѣйшаго соблазна по буйному его нраву, упорному и дерзновенному заблужденію; о образѣ же жизни его рапортовать по полугодно.	
43	Орловской градской полиціи, рядовой Левъ Стрѣлковъ.	1822-го года, іюня 27-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при отношеніи отъ владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера графа Апраксина, за произведеніе имъ въ пьяномъ видѣ буйства, именованіе себя вторымъ Государемъ и дерзновенное поношеніе Священнаго имяни Его Императорскаго Величества, съ предписаніемъ содержать его въ семъ монастырѣ, дабы онъ не могъ въ нетреазвости своей, говоритъ нелѣпости и дѣлать соблазна.	
44	34-го Егерьскаго полка, рядовые: Семенъ Дмитріевъ.	1823-го года, февраля 2-го дня, присланы по Высочайшему соизволенію объявленному въ указѣ владимірской духовной консисторіи, отъ 25 декабря 1821 года, съ прописаніемъ въ немъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода указа, посредствомъ внутренней стражи съ подорожною отправленною изъ Тираспольской градской полиціи, при отношеніи отъ начальника суздальской инвалидной команды, подпоручика Сорокина, за оскопленіе ими себя, съ предписаніемъ содержать ихъ подъ строгимъ и неослабнымъ надзоромъ, чтобы настоятель монастыря, чрезъ употребленіе пристойнаго наставленія, вразумленія и увѣщанія, прилагалъ попеченіе о приведеніи сихъ людей къ раскаянію въ заблужденіи, коимъ они	По высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изъ сего монастыря освобождены, къ опредѣленію на службу въ Кавказскій отдѣльный корпусъ для отправленія ихъ туда ноября 13-го дня 1827-го года, переданы начальнику суздальской инвалидной команды, подпоручику Мехавицкому, съ росписко.
45	Филипъ Федоровъ.		
46	ПотапъКопцовъ.		
47	Петръ Савковъ.		

Число сосланныхъ.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
		заражены и къ исправленію на истинный, спасительный путь и чтобы о образѣ ихъ жизни и успѣхѣ въ отвращеніи ихъ отъ заблужденія, по полугодно было рапортовано.	
48	Іерусалимскаго въ Москвѣ подворья, Архимандритъ Арсеній.	1823-го года, сентября 10-го дня, присланъ по Высочайшему соизволенію, при указѣ изъ владимірской духовной консисторіи, за несоотвѣтственную званію его жизнь, расточеніе милостины и прочіе предосудительные поступки и самовольную отлучку его изъ Москвы, для содержанія въ семъ монастырѣ, подъ стражею, съ предписаніемъ не допускать его до употребленія знаковъ къ званію архимандрита принадлежащихъ, и о поведеніи его по полугодно доносить Святѣйшему Синоду.	
49	Имеритинскій священникъ Василій Ивановъ Гегоргадзе.	1824-го года, мая 21-го дня, присланъ по Высочайшему соизволенію, отъ владимірскаго, гражданскаго губернатора графа Апраксина, при отношеніи за великое участіе въ послѣдне бывшемъ въ Имеретіи бунтѣ, съ предписаніемъ содержать его въ семъ монастырѣ, по строгимъ надзоромъ.	По Высочайшему повелѣнію, изъ сего монастыря освобожденъ и отданъ присланному отъ г-на владимірскаго, гражданскаго губернатора, жандарму рядовому Перышкину, для препровожденія Новгородской епархіи въ Филипоиарскую пустынь мая 30-го дня 1834-го года.
50	Бывшій Черниговской епархіи, въ НѢжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ настоятелемъ Архимандридъ Викторъ.	1824-го года, іюня 4-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію данному Святѣйшему Правительствующему Синоду, изъясненному въ указѣ владимірской духовной консисторіи отъ 4-го апрѣля 1824-го года, посредствомъ гражданскаго правительства, отъ черниговскаго граждан-	1825-го года, сентября 10-го дня, по Высочайшему повелѣнію, изъ сего монастыря освобожденъ и переведенъ для пребыванія Полтавской епархіи, во второклассной

Число сосланныхъ.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
		каго губернатора Фролова-Багрѣева за дерзкіе противъ начальства поступки, по причинѣ замѣченнаго въ немъ нездраваго разсудка его, съ запрещеніемъ священнослуженія и ношенія знаковъ принадлежащихъ его званію, къ заключенію въ сей монастырь для дальнѣйшаго усмотрѣнія его разсудка и образа жизни, подъ строгій надзоръ.	Крестовоздвиженскій монастырь.
51	34-го Егерскаго полка, исключенный изъ воинскаго званія, рядовой Федоръ Петровъ.	1824-го года, декабря 8-го дня отъ командира 34-го Егерскаго полка, при подорожной, данной изъ измайловской градской полиціи, посредствомъ внутренней стражи, за оскопленіе имъ самого себя, на покаяніе, съ предписаніемъ содержать его подъ строгимъ надзоромъ и чтобы настоятель, пристойными наставленіями и увѣщаніями, старался о приведеніи его къ раскаянію въ заблужденіи и къ обращенію на путь истинный и по полугодно о немъ рапортовать	По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изъ сего монастыря освобожденъ и отправленъ къ начальникуСуздальской инвалидной команды, подпоручику Помелову, октября 4-го дня 1831-го г., для отправленія его посредствомъ внутренней стражи, на службу въ Архангельскій гарнизонный батальонъ.
52	Нижегородской епархіи Семеновскаго уѣзда, села Пятницкаго, дьячковъ сынъ исключенный изъ духовнаго званія, Федоръ Карповъ.	1825-го года, марта 24-го дня, присланъ изъ Нижегородской духовной консисторіи, при отношеніи чрезъ Суздальскаго городничаго капитана Макова, за нанесеніе имъ крестьянину Иванову по головѣ топоромъ удара, съ намѣреніемъ убить его и воспользоваться бывшими при немъ деньгами; для содержанія его въ семъ монастырѣ чрезъ восемь лѣтъ.	1833-го года марта 23-го, вслѣдствіе указа Святѣйшаго Правительствующаго Синода, по выжитіи восьмилѣтняго срока, изъ сего монастыря освобожденъ и представленъ во владимірскую консисторію, при рапортѣ за присмотромъ монастырскаго служителя.
53	Тверской епархіи, города Кашина, Благовѣщен-	1825-го года, августа 5-го дня, присланъ при отношеніи отъ Суздальскаго городни-	

Число сосланныхъ.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
	ской церкви, священникъ Галактіонъ Степановъ.	чаго, доставленный въ городъ Суздаль при особой подорожной данной отъ Тверскаго гражданскаго Губернатора, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, по открывшемуся въ немъ помѣшательству ума, Святѣйшимъ Синодомъ опредѣленно: заключить его, священника Степанова, въ здѣшній Спасо-Евфиміевъ монастырь, впредь до совершеннаго исцѣленія въ умоповрежденіи его и о положеніи его рапортовать по полугодно.	
54	Новгородскаго-Юрьева монастыря, Іеромонахъ Аполлонъ.	1825-го года, октября 12-го дня, присланъ отъ Преосвященнаго Серафима, митрополита Новгородскаго и С.-Петербургской полиціи съ квартальнымъ поручикомъ Лосевымъ, при подорожной данной ему отъ С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора Милародовича, по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, за разстройствомъ въ разсудкѣ его, къ заключенію въ сей монастырь, впредь до совершеннаго исцѣленія въ умоповрежденіи его, съ предписаніемъ содержать его подъ строгимъ надзоромъ, устраняя отъ всякаго сообщенія съ посторонними лицами; о положеніи его по полугодно рапортовать.	Вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ отношеніи г-на генералъ-адъютанта Бенкендорфа, ко владимірскому гражданскому губернатору, марта 3-го числа 1828-го года, для доставленія въ С.-Петербургъ, врученъ командированному для сего владимірскому квартальному надзирателю Орлову съ роспискою.
55	Штабсъ-ротмистръ Николай Костромитинъ.	1825-го года, ноября 11-го дня, присланъ при отношеніи отъ владимірскаго гражданскаго губернатора графа Апраксина, за предосудительные поступки противъ отца своего, съ предписаніемъ содержать его подъ строгимъ надзоромъ, со внушеніемъ ему обязанностей сыновнихъ къ почтенію родителя и къ раскаянію въ преступленіяхъ	Вслѣдствіе отношенія владимірскаго гражданскаго губернатора Куруты, отъ 21-го января, за № 795, изъ сего монастыря освобожденъ и для доставленія къ нему, отданъ владимірской градской полиціи.

Число сосланныхъ.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
		противъ его; и съ донесеніемъ по полугодно, о образѣ жизни и мыслей его.	чиновнику Орлову съ росписью того же января, 22-го дня, 1829-го года.
56	Архангелъской губерніи, Мензенскаго уѣзда, Кайнайской волости, крестьянинъ Игнатій Зиновьевъ Бобрецовъ.	1825-го года, декабря 20-го дня, присланъ при отношеніи отъ владимірскаго, гражданскаго губернатора графа Апраксина, за распространеніе раскола, съ предписаніемъ заключить его въ семъ монастырѣ, подъ строгій надзоръ и употреблять въ работу, пока не обратится къ православной вѣрѣ; и о обращеніи его по полугодно рапортовать.	1829-го года, мая на 10 число въ ночь померъ.
57	Отставной подпоручикъ. Олимпій Яковлевъ Королько.	1826-го года, февраля 14-го дня, присланъ по Высочайше утвержденному положенію комитета гг. министровъ, при отношеніи отъ владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера графа Петра Ивановича Апраксина, къ заключенію въ сей монастырь за Бога худеніе, съ предписаніемъ содержать его въ семъ монастырѣ подъ строгимъ надзоромъ, до тѣхъ поръ, пока понимая наставленія отъ настоятеля и братіи, не познаетъ своего заблужденія и обратясь въ нѣдра церкви, чистосердечнымъ раскаяніемъ, не учинится достойнымъ возаранія правительства и о плодахъ исправленія доносить Святѣйшему Синоду по полугодно.	1832-го года, октября 27-го дня, вслѣдствіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, объявленнаго въ предписаніи г. министра внутреннихъ дѣлъ, правящему должность владимірскаго гражданскаго губернатора, владимірскому же г-ну вице губернатору и кавалеру Смирнову, изъ сего монастыря освобожденъ и отправленъ къ нему, г-ну вице-губернатору.
58	Исключенный изъ службы бывшій гороховской уѣздный казнолекарь, Алексѣй Навроцкій.	1826-го года, іюля 9-го дня присланъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, при отношеніи отъ правящаго должность владимірскаго гражданскаго губернатора, владимірскаго же вице-губернатора и кавалера Лаубе, за нетрезвенную жизнь и буйственные по-	1832-го года, мая 22-го дня вслѣдствіе отношенія правящаго должность владимірскаго гражданскаго губернатора, г-на вице-губернатора и кавалера Сирнова, изъ сего

Число сосланныхъ.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
		ступки, съ предписаніемъ заключить его. Навроцкаго, въ сей монастырь.	монастыря освобожденъ и отправленъ къ нему, г-ну вице-губернатору, во Владиміръ.
59	Монахъ Авель.	1826-го года, августа 23-го дня, присланъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнія, при указѣ изъ владимірской духовной консисторіи, съ предписаніемъ, чтобы сей монахъ Авель, былъ заключенъ для смиренія въ оный Спасо-Евфиміевъ монастырь и содержать подъ строгимъ надзоромъ.	1831-го года, ноября 29-го дня, померъ.
60	Отставной подпоручикъ Сергѣй Михайловъ.	1827-го года, февраля 18-го дня, присланъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, при отношеніи изъ владимірской градской полиціи, по причинѣ нѣкотораго заблужденія отъ чтенія книгъ, съ предписаніемъ чтобы онъ, Михайловъ, содержанъ былъ въ этомъ Спасо-Евфиміевѣ монастырѣ, подъ строгимъ присмотромъ и чтобы настоятель монастыря, пристойными наставленіями и увѣщаніями, старался привести его, Михайлова, къ раскаянію въ заблужденіи, коимъ онъ зараженъ и обращеніемъ на путь истинный, о успѣхѣ же въ обращеніи его, равно и образѣ жизни рапортовать Святѣйшему Синоду, чрезъ три мѣсяца	1829-го года, мая на 10 число въ ночь, чрезъ ограду монастырскую бѣжалъ не извѣстно куда, о чемъ тогоже 10-го числа, донесено владимірскому гражданскому губернатору.
61	Рязанской епархіи, Данковскаго, Покровскаго монастыря, іеромонахъ Варсонофій.	1827-го года, іюня 26-го дня, присланъ по указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода, послѣдовавшему отъ 8-го числа того іюня, при отношеніи отъ г-на владимірскаго гражданскаго губернатора, за разныя буйства и другія преступленія, сдѣланныя имъ въ помѣшательствѣ	1828-го года, декабря 14-го числа, померъ.

Число сосланных.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
		ума, для заключенія въ сей монастырь, съ запрещеніемъ священнослуженія, впредь до совершеннаго исцѣленія въ умоповрежденіи его, съ предписаніемъ содержать его подъ строгимъ надзоромъ и по полугодно о положеніи его рапортовать.	
62	Отставной флота капитанъ 2-го ранга, Иванъ Балле.	1827-го года, сентября 9-го дня, присланъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, къ заключенію въ сей монастырь, за позволеніе себѣ искать плотскихъ удовольствій вопреки закона природы, при указѣ изъ Владимірской консисторіи, съ секретнымъ предписаніемъ отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, о образѣ жизни и плодахъ раскаянія его, Балле, доносить Святѣйшему Синоду по полугодно.	1829-го года, августа 3-го дня, капитанъ Балле, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, изъ сего монастыря отправленъ въ Томскую губернію и для препровожденія туда, врученъ командированному отъ владимірскаго г-на губернатора владимірской полиціи, квартальному надзирателю Орлову съ росписокою.
63	Надворный совѣтникъ Константиновъ.	1827-го года, 7-го дня, присланъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, за разные противузаконные поступки и весьма безпокойный нравъ, склонный къ клеветѣ, кознямъ и проискамъ всякаго рода, при отношеніи г-на владимірскаго гражданскаго губернатора, съ предписаніемъ содержать его подъ строгимъ надзоромъ, дабы лишить его всякой возможности причинять вредъ разглашеніемъ вредныхъ слуховъ, могущихъ произвести на другихъ, пагубное вліяніе; и по третямъ года рапортовать о образѣ жизни его и поведеніи.	По Высочайшему повелѣнію, изъясненному въ указѣ владимірской духовной консисторіи, отъ 19-го іюля за № 3676, означенный Константиновъ изъ сего монастыря освобожденъ и отправленъ въ губерискій городъ Владиміръ, г-ну владимірскому гражданскому губернатору и кавалеру Паскевичу, при отношеніи за № 115 1835-го года іюля 31-го числа.
64	Бергешворенъ 12 класса, Николай Фришъ.	1827-го года, декабря 20-го дня, присланъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, при	По Высочайшему повелѣнію, изъясненному въ указѣ владимірской

Число сосланных.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
		указѣ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, за прелюбодѣяніе его съ родной сестрой, на вѣчное покаяніе, съ предписаніемъ по принятіи, препоручить искусному іеромонаху, которому поставить въ непремѣнную обязанность, внушая ему, Фришу, сколько возможно чаще всю тяжесть содѣяннаго имъ прегрѣшенія и возбуждать въ немъ чувствованіе всей опасности грѣхопаденія, стараться чрезъ приличныя увѣщанія, преклонять совѣсть его къ чистосердечному въ томъ передъ Богомъ раскаянію.	консисторіи, отъ 15-го февраля 1835-го года, за № 831, изъ сего монастыря освобожденъ и того же февраля 24-го числа, отправленъ съ нарочнымъ къ командиру владимірскаго внутренняго гарнизоннаго батальона, подполковнику Зенкевичу, при отношеніи для опредѣленія въ одинъ изъ полковъ Кавказскаго отдѣльнаго корпуса, рядовымъ.
	Графини Литты крестьяне:		
65	Прохоръ Титовъ,	1828-го года, декабря 3-го дня, присланы по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, при указѣ изъ владимірской духовной консисторіи, по совращенію ихъ въ жидовскую ересь, въ сей монастырь на покаяніе, съ предписаніемъ о содержаніи ихъ подъ строжайшимъ наблюденіемъ.	
66	Кондратъ Федоровъ.		
67	Никифоръ Максимовъ.	Того же 1828 года, декабря 27-го, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при указѣ изъ владимірской консисторіи по той же жидовской ереси, въ сей монастырь на покаяніе для содержанія подъ строгимъ наблюденіемъ.	Вслѣдствіе отношенія г-на владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера Куруты, отъ 15-го октября 1831-го года, изъ сего монастыря освобожденъ и отправленъ къ нему г-ну губернатору, при отношеніи того же октября 19 за присмотромъ сего монастыря служителя, Ефима Обменина.

Число сосланныхъ.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
68	Отставной коллежскій совѣтникъ, Владиміръ Николаевъ Бантышъ-Каменскій.	1828-го года, декабря 29-го дня, присланъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, при отношеніи отъ г-на владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера Куруты, за предосудительные поступки, къ заключенію въ сей монастырь, съ предписаніемъ содержать его въ числѣ прочихъ.	1829-го года, января 22-го померъ.
69	Государственный преступникъ, Шаховскій.	1829-го года, марта 6-го дня, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, присланъ изъ Сибири, при отношеніи Енисейскаго гражданскаго губернатора, отъ 16 февраля 1829 года, по случаю помѣшательства въ умѣ его, для содержанія его здѣсь подъ строгимъ надзоромъ.	Того же 1829-го года, мая 24-го дня, померъ.
70	Троицкой Сергіевой лавры Іеромонахъ Мельхиседекъ.	1830-го года, апрѣля 5-го дня, по указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода, изъясненному въ указѣ изъ владимірской духовной консисторіи, присланъ при отношеніи отъ г-на владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера Куруты, апрѣля отъ 4 того же года, по случаю разстроеннаго ума его, съ предписаніемъ дабы онъ Іеромонахъ Мельхиседекъ, содержанъ былъ въ семъ монастырѣ, подъ надлежащимъ надзоромъ; и въ какомъ онъ будетъ находиться положеніи разсудка, рапортовать Святѣйшему Синоду по третямъ года.	Вслѣдствіе указа изъ владимірской духовной консисторіи, отъ 30 ноября 1832-го года, за № 5412 изъ сего монастыря освобожденъ и отправленъ въ оную консисторію за присмотромъ монастырскаго служителя, того же 1832-го года декабря 7-го дня.
71	Кіевопечерской лавры бывшій бакалавръ мѣстной академіи Іеромонахъ Рафаилъ.	1830-го года, сентября 2-го дня, по указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода, изъясненному въ указѣ владимірской духовной консисторіи, съ даннымъ ему изъ Кіевской Дикастеріи паспортомъ, за присмотромъ Кіево-Печерской лавры послушника	1835-го года, ноября 17-го дня, по указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода изъясненному въ указѣ владимірской духовной консисторіи, отъ

Число сосланныхъ.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
		Николая Семьинскаго, по причинѣ поврежденіи въ умѣ его, предписано чтобы онъ, Іеромонахъ Рафаилъ, содержанъ былъ въ семъ монастырѣ, подъ строгимъ надзоромъ; и о положеніи въ какомъ онъ будетъ находиться, доносить Святѣйшему Синоду, по третямъ года.	7-го сего же ноября за № 6364 означенный Іеромонахъ Рафаилъ, изъ числа арестантовъ исключенъ и опредѣленъ въ число братства сего Спасо-Евфиміева монастыря.
72	Московскаго Перерьвинскаго монастыря, Іеромонахъ Лампадъ.	Присланъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, при отношеніи Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ Г-на Оберъ-прокурора тайнаго совѣтника и кавалера князя Петра Сергѣевича Мещерскаго, отъ 27 декабря 1830 года, за распространеніе ученія несоотвѣтственнаго установленіямъ церковнымъ и по обнаруженному его самомнѣнію о дарованной ему на то благодати, съ предписаніемъ дабы онъ, Іеромонахъ Лампадъ, не выходя изъ подъ наблюденія епархіальнаго начальства, находился подъ бдительнымъ надзоромъ настоятеля, удаляя отъ него возможность преподавать другимъ духовныя наставленія; о образѣ же жизни и раскрываемыхъ имъ понятій, доносить Святѣйшему Синоду по третямъ года.	1833-го года, марта съ 3-го на 4-е число въ ночь померъ.
73	Бывшій Виленскаго второкласснаго Свято-Духова монастыря настоятелемъ, лишенный Архимандрическаго чина и священническаго сана, монахъ Іоиль.	По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изъясненному въ указѣ владимірской консисторіи, отъ 22 ноября 1830 года, присланъ при отношеніи изъ Минской духовной консисторіи, февраля отъ 21 числа 1831 года, за крайніе предосудительные поступки, неблагопристойные и соблазнительные, опорачивавшіе санъ его, съ предписаніемъ заключить его въ семъ монастырѣ навсегда, помѣстивъ на монашескую вакансію и содер-	

Число сосланных.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
		жать подъ строгимъ надзоромъ; о образѣ же жизни и поведеніи его, Іюля, рапортовать Святѣйшему Синоду по полугодно.	
74	ЖительПятигорскаго округа, села Прасковей Ефимъ Гушинъ.	По положенію комитета Гг. министровъ, 7 октября 1830 года, Высочайшаго утвержденія удостоенному при отношеніи изъ Кизлярскаго полицейскаго управленія, посредствомъ внутренней стражи, января отъ 21 числа 1831 года за совращеніе въ субботническую секту, съ предписаніемъ заключить въ семъ монастырѣ и содержать подъ строгимъ надзоромъ, дабы онъ, Гушинъ, чрезъ сіе лишенъ былъ всякой возможности куда нибудь отлучаться.	Вслѣдствіе отношеніи г-на владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера Куруты, отъ 23-го іюня 1831-го года изъ сего монастыря освобожденъ и отосланъ къ Суздальскому г-ну городничему Никифорову, іюля 5-го числа того же 1831-го года, для отправленія его, Гушина, въ Соловецкій монастырь.
75	Отставной подпоручикъ Сергѣй Михайловъ.	По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изъясненному въ указѣ владимірской духовной консисторіи отъ 29 октября 1826 года, по причинѣ нѣкотораго заблужденія, отъ чтенія книгъ, съ предписаніемъ, чтобы онъ, Михайловъ, содержимъ былъ въ номъ Спасо-Евфиміевѣ монастырѣ, подъ строгимъ присмотромъ и чтобы настоятель монастыря, пристойными наставленіями и увѣщаніями, старался привести его, Михайлова, къ раскаянію въ заблужденіи коимъ онъ зараженъ и обращенію на путь истиный, о успѣхахъ же въ обращеніи его, равно и образѣ жизни, рапортовать Святѣйшему Синоду чрезъ три мѣсяца; присланъ при отношеніи изъ владимірской градской полиціи, отъ 16-го февраля 1827 года; 1829 года мая на 10 число въ ночь, означенный Михайловъ, изъ сего монастыря бѣжалъ, который возвращенъ чрезъ по-	По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію объявленному въ отношеніи г-на владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера Сергѣя Степановича Ланскаго, отъ 15 октября за № 385, изъ сего монастыря переведенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, который переданъ для препровожденія въ оную, командированному изъ владимірской жандармской команды, унтеръ офицеру Колычеву того же октября 17-го числа 1833 года.

Число сосланных.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
		средство внутренней стражи, при отношеніи Суздальской градской полиціи, сентября 25 числа обратно изъ побѣга, съ предписаніемъ изъ владимірской духовной консисторіи, отъ 28 мая 1831 года, для содержанія въ семъ монастырѣ въ числѣ арестантовъ, подъ строжайшимъ наблюденіемъ.	
76	Воронежской епархіи, бывшій въ Валуйскомъ Успенскомъ монастырѣ строителемъ, лишенный священнодѣйствія, іеромонахъ Геннадій.	1832-го года, марта 11-го дня, по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода и Высочайшимъ соизволеніемъ объявленному въ указѣ владимірской духовной консисторіи, марта отъ 8 числа, присланъ съ подорожной данной отъ правящаго должность Воронежскаго гражданскаго губернатора Г-на Вице-Губернатора Смирнова, за утрудженіе Его Императорское Величество всеподданѣйшими неосновательными просьбами и даже ябедническими бумагами, за ослушаніе и непокорность къ высшему начальству и за прочіе предосудительные поступки, съ предписаніемъ запретить ему, Іеромонаху Геннадію, священнослуженіе, рукоблагословеніе, ношеніе рясы и камилавки, помѣстивъ на Іеромонашескую порцію и содержать подъ строжайшимъ надзоромъ; о образѣ же жизни его, доносить Святѣйшему Синоду по полугодно.	На основаніи указа Святѣйшаго Правительствующаго Синода, изъясненнаго въ указѣ владимірской консисторіи, отъ 31-го августа, за № 3774, изъ сего монастыря переведенъ въ Ставропигіальный Соловецкій монастырь, который и отправленъ въ помянутую консисторіи при рапортѣ за надлежащимъ присмотромъ сентября 5-го числа 1833-го года.
77	Бывшій Муромскій Протоіерей. Гавріилъ Лекторскій.	1832-го года, апрѣля 17-го дня, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, присланъ при отношеніи Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ Г-на Оберъ-Прокурора тайнаго совѣтника и кавалера князя Петра Сергѣевича Мещерскаго, марта отъ 31 числа, за учиненные ихъ безобразные и опасные для самого себя и прочихъ поступки,	

Число сосланныхъ.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
		возвращенъ изъ С.-Петербургской Петропавловской крѣпости, съ запрещеніемъ священнослуженія; съ предписаніемъ содержать его, Протоіерея Лекторскаго, какъ человѣка преднаго для общества своимъ пылкимъ умомъ направленнымъ къ страннымъ преобразованіемъ въ оном Спасо-Евфиміевѣ монастырѣ, подъ строжайшимъ присмотромъ; о образѣ же мыслей и поведеніи его рапортовать Святѣйшему Синоду по полугодно.	
78	Бывшій Калужской епархіи, Боровскаго Пафнутіева монасыря, Іеромонахъ лишенный священническаго и монашескаго сана, Ефимій.	1833-го года, декабря 26-го дня, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, переведенъ изъ Соловецкаго монастыря, доставленъ при указѣ изъ владимірской духовной консисторіи, того же декабря 25 дня, 1833 года, за № фельдъегерьскаго корпуса, прапорщикъ Васильевъ. за ложные доносы и за неправильныя толкованія догматовъ, съ предписаніемъ о содержаніи его въ семъ монастырѣ и имѣніи за нимъ Евфиміемъ, неослабнаго наблюденія, дабы онъ не могъ распространять превратныхъ своихъ понятій о вѣрѣ.	
79	Рядовой лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Карпъ Петровъ.	1834-го года, января 6-го дня, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, переведенъ изъ Соловецкаго монастыря, доставилъ при указѣ изъ владимірской консисторіи, января отъ 5 дня, того же 1834 года, за № 6, фельдъегерьскаго корпуса, подпоручикъ Непорожневъ, за упорное заблужденіе въ расколѣ, съ предписаніемъ о содержаніи его въ семъ монастырѣ, подъ надлежащимъ надзоромъ, съ употребленіемъ кроткихъ и благоразумныхъ увѣщаній,	Того же 1834-го года, сентября 10 числа, померъ.

Число сосланныхъ.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
		дабы склонить къ чистосердечному раскаянію и обращенію изъ раскольническаго заблужденія въ нѣдра православной церкви; о образѣ жизни рапортовать Святѣйшему Синоду, по третямъ года.	
80	Новгородской епархіи Перекомскаго заштатнаго монастыря, монахъ Антіохъ.	1834-го года, марта 31-го дня, по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, присланъ при отношеніи отъ Г-на владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера Ланскаго, отъ 30 го марта того же 1834 года, за № 4191, за присмотромъ жандарма Перышкина, за расстройствомъ его въ разсудкѣ и дѣланіе ослушаніе начальству не желаніемъ находиться въ монастырѣ и за произношеніе разныхъ нелѣпыхъ словъ, съ предписаніемъ содержать его въ семъ монастырѣ въ числѣ арестантовъ; о образѣ же жизни его, доносить Святѣйшему Синоду по полугодно.	
81	Бывшій Могилевской епархіи въ городѣ Чаусахъ Георгіевской церкви, священникомъ, лишенный священническаго сана Мархиль.	1834-го года, іюня 15-го дня, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изъясненному въ указѣ владимірской духовной консисторіи, отъ 11 іюня за № 2446. присланъ посредствомъ внутренней стражи, при секретномъ отношеніи отъ Суздальскаго Г-на городничаго Никифорова, того же іюня 15 числа, за нетрезвую жизнь, опущеніе своей должности, исправленія въ пьяномъ видѣ требъ у прихожанъ и буйные поступки; съ предписаніемъ содержать его въ здѣшнемъ Спасо-Евфиміевѣ монастырѣ, въ числѣ арестантовъ, на общемъ для нихъ положеніи.	По Высочайшему Его Императоскаго Величества повелѣнію, изъясненному въ указѣ владимірской консисторіи отъ 19-го сентября за № 4941 означенный Мархиль, изъ сего монастыря освобожденъ и сданъ Суздальскому г-ну городничему Никифорову, для доставленія его. Мархиля. во Владиміръ. къ отправленію на поселеніе въ Вологодскую губернію сентября 26-го дня 1835-го года.

Число сосланныхъ.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
82	Бывшій Иркутской епархіи, Селенгинскаго монастыря, Іеромонахъ, лишенный священства и монашества, Досифей.	По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, при секретномъ указѣ изъ владимірской духовной консисторіи, отъ 8 ноября 1834 года, за № 5366 къ заключенію навсегда въ сей монастырь, доставилъ фелдъегерскаго корпуса, подпоручикъ Ахалинъ, за открытіе секты между жителями Троицкосавской крѣпости, въ измѣненіи чина Божественной литургіи, явно унижающимъ таинство Евхаристіи и въ поруганіе всей церкви чрезъ мнимое обновленіе ея, съ предписаніемъ чтобы настоятель Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря, старался кроткими и благоразумными увѣщаніями и вразумленіями расѣивать въ немъ принятыя имъ ложныя мнѣнія.	
83	Отставной коллежскій секретарь ИванъЕвграфовъ Антоновъ.	По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, при секретномъ изъ владимірской духовной консисторіи указѣ, съ 22 января 1835 года, № 228, доставилъ штата московской полиціи Г-нъ квартальный поручикъ Вахтыревъ, по секретному и весьма важному дѣлу, съ предписаніемъ содержать его, Антонова, въ здѣшнемъ Спасо-Евфиміевѣ монастырѣ, въ числѣ арестантовъ, подъ строгимъ наблюденіемъ, два года.	
84	Бывшій священникомъ и сложившій съ себя санъ сей по собственному желанію и разрѣшенію Святѣйшаго Синода, Александръ Чернышевъ.	По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, присланъ при отношеніи Г-на владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера Паскевича, отъ 15 мая 1835 года, за № 4991, по оказавшемуся въ поведеніи его съ 1832 года, признакамъ юродства, съ предписаніемъ принять и содержать его,	Вслѣдствіи отношенія г-на владимірскаго гражданскаго губернатора Степана Федоровича и кавалера, Паскевича, отъ 24-го сентября за № 9650, означенный Чернышевъ, по сумасшествію, переведенъ въ губернскій городъ Владиміръ въ больницу умалишенныхъ, при владимірскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія, находящуюся того же сентября 26-го числа 1835-го года.

Число сосланныхъ.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
		Чернышева, въ ономъ монастырѣ съ прочими арестантами, безъ назначенія времяни.	
85	Начальникъ секты молоканъ Тамбовской губерніи Шацкій, купецъ Семенъ Швѣцовъ	1835-го года, декабря 13-го дня по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изъясненному въ указѣ владимірской духовной консисторіи отъ 5-го того же декабря за № 7034, присланъ при отношеніи отъ Шацкаго земскаго исправника Маскатилева, на увѣщаніе, съ предписаніемъ имѣть его подъ строгимъ наблюденіемъ и о успѣхѣ увѣщанія доносить Его Высокопреосвященству, по третямъ года.	
86	Тульской епархіи и округа, села Архангельскаго Стародубки то же лишенный священства Матвѣй Семеновъ.	По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изъясненному въ указѣ владимірской духовной консисторіи отъ 28 го ноября 1835 го года, за № 6811, за произнесеніе въ нетрезвомъ видѣ дерзкихъ словъ противъ Особы Его Величества, за пьянство, буйство и своеволство, съ предписаніемъ помѣстить въ семъ монастырѣ въ число арестантовъ съ употребленіемъ въ черные труды и предотвращая всякое поползновеніе къ пьянству, буйству и своеволству, присланъ при отношеніи отъ Суздальскаго г-на городничаго Никифирова, марта 6-го числа 1836-го года.	
87	Новгородской епархіи, первокласснаго Кирилло-Бѣлозерскаго	По опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, изъясненному въ указѣ владимірской духовной кон-	

Число сосланных.	Званіе людей сосланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
	монастыря, іеромонахъ Филаретъ.	систоріи отъ 24-го октября 1835-го года. за № 5923, по раастройству его въ разсудкѣ и въ упрежденіе вредныхъ отъ него дѣйствій, для содержанія его въ числѣ арестантовъ съ запрещеніемъ священнослуженія, подъ строгимъ надзоромъ, присланъ въ сей монастырь при отношеніи отъ Суздальскаго г-на городничаго Никифорова, 22-го апрѣля 1836-го года.	
88	Бывшій священникомъ и сложившій съ себя санъ сей по собственному желанію и разрѣшенію Святѣйшаго Синода, Александръ Чернышевъ.	По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, присланъ отъ г-на владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера Паскевича, отъ 15-го мая 1835 го года, по оказывавшемуся въ поведеніи его съ 1832 го года признакомъ юродства, съ предписаніемъ принять и содержать его, Чернышева, въ ономъ монастырѣ съ прочими арестантами безъ назначенія времяни и того же 1835-го года, сентября 26-го, въ слѣдствіи отношенія г-на губернатора Паскевича, означенный Чернышевъ по сумасшествію его, переведенъ въ губерискій городъ Владиміръ, въ больницу лишенныхъ ума, при владимірскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія, находящуюся 1836-го года октября 16 го числа. по удостовѣренію владимірской врачебной управы инспектора объ освобожденіи его, Чернышева, отъ помѣшательства ума, паки возвращенъ въ сей монастырь къ содержанію съ прочими арестантами, при отношеніи г на владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера Куруты отъ 10-го октября 1836 года за № 9684.	

Записка по студенческому вопросу Б. Н. Чичерина [1]).

Студенческій вопросъ въ настоящее время снова выдвинулся на первый планъ. Обнадеженные перемѣною министерства, студенты всюду собираются подавать прошенія о своихъ нуждахъ и требуютъ себѣ правъ. Эти заявленія поддерживаются Университетскими Совѣтами: правительство готово имъ уступить.

Требованія состоятъ въ томъ, чтобы студенты получили корпоративныя права; они желаютъ имѣть своихъ выборныхъ, свои собранія для обсужденія общихъ дѣлъ, свои кассы, столовыя и читальни, которыми бы они завѣдывали сами.

Защитники этой программы утверждаютъ, что все это уже существуетъ на дѣлѣ, и что гораздо лучше, чтобы все это дѣлалось явно и законно, нежели тайно и беззаконно. Они надѣются, что правильною организаціею парализуются вредные элементы, которые нынѣ, при неустроенномъ состояніи, получаютъ верхъ надъ другими. Они видятъ спасеніе въ томъ, чтобы соединять студентовъ, а не въ томъ, чтобы разъединять ихъ.

Напрасныя надежды. Такого рода мѣры не уменьшатъ, а лишь усилятъ зло. Это игра съ огнемъ, которая можетъ способствовать не тушенію пламени, а тому, чтобы разгорѣлся бы пожаръ.

Самое возбужденіе этого вопроса чисто искусственное. Оно коренится съ одной стороны въ смутномъ состояніи молодежи, съ другой стороны въ шаткости ея руководителей. Въ дѣйствительности, у студентовъ нѣтъ такихъ общихъ нуждъ, которыя требовали бы совокупныхъ совѣщаній и общихъ учрежденій. Настоящая задача студентовъ состоитъ въ томъ, чтобы учиться. Все, что отвлекаетъ ихъ отъ этой цѣли, есть зло; все, что производитъ агитацію и ставитъ учащихся въ ненормальное положеніе, есть еще большее зло. А къ этому именно клонятся выборныя учрежденія. Такихъ учрежденій нѣтъ ни въ Англіи,

[1]) Эта записка до сихъ поръ въ печати не появлялась; написана она, повидимому, въ 1874 году въ то время, когда шли совѣщанія по университетскому вопросу. *Ред.*

ни во Франціи, ни въ Германіи, тѣмъ менѣе они умѣстны въ Россіи, при слабости нашего образованія, при отсутствіи всякихъ преданій и при полной неустойчивости руководителей. Въ Германіи студенческія корпораціи существуютъ вѣками; но это не болѣе какъ частные товарищества для общаго кутежа, для дуэлей и прогулокъ съ собаками. Работающіе студенты въ нихъ не участвуютъ или уходятъ изъ нихъ, какъ скоро онѣ принимаются за дѣло.

Студенты въ общемъ составѣ принадлежатъ къ университетской корпораціи; но они состоятъ въ ней подчиненными, а не самостоятельными членами. Они съ молоду пріучаются къ разумной дисциплинѣ и это составляетъ лучшую школу для будущей самодѣятельности.

У насъ студенческая жизнь имѣетъ свои особенности. Въ наши университеты стекается масса молодыхъ людей, лишенныхъ всякихъ жизненныхъ средствъ, неимѣющихъ никакой опоры и семьи и получившихъ самое скудное и поверхностное образованіе. Но именно подобная масса нуждается не въ правахъ, а въ разумномъ руководствѣ. Къ сожалѣнію, именно этого она не находитъ, вслѣдствіе чего въ ней бродятъ всякія смутныя мысли и стремленія.

Напрасно мечтаютъ о томъ, что съ правильною организаціею выборовъ выдвинутся впередъ лучшіе элементы, а безпокойные и вредные будутъ затерты. Лучшіе студенты тѣ, которые работаютъ у себя дома и не занимаются общественными дѣлами. На студенческихъ же какъ и на мірскихъ сходкахъ владычествуютъ горланы, которые, спеціально занимаясь агитаціею, всегда будутъ стоять во главѣ другихъ. И теперь они играютъ роль запѣвалъ; но будучи признаны правительствомъ, они явятся уже представителями цѣлой корпораціи, облеченными правами, имъ закономъ упроченными. И теперь существуютъ сходки, неизбѣжныя какъ скоро есть вопросы, волнующіе толпу молодыхъ людей; но теперь это явленіе случайное и рѣдкое. Университетское начальство смотритъ на нихъ сквозь пальцы, когда онѣ имѣютъ невинный характеръ и всегда можетъ ихъ воспретить, какъ скоро онѣ принимаютъ болѣе бурное направленіе. Когда же сходки обратятся въ право, онѣ сдѣлаются явленіемъ постояннымъ и нормальнымъ; запрещеніе ихъ будетъ казаться дѣйствіемъ произвола. Подобная мѣра не что иное какъ узаконеніе агитаціи, парламентъ несовершеннолѣтнихъ, учрежденный въ странѣ, гдѣ не существуетъ парламентской жизни и въ средѣ взрослыхъ.

Напрасно мечтаютъ и о томъ, чтобы сходки ограничивались тѣми или другими курсами. Нѣтъ возможности, помѣшать студентамъ другихъ курсовъ и даже факультетовъ войти въ общую аудиторію. Великое живое преніе привлечетъ массы, а живыми преніями будутъ именно тѣ, на

которыхъ будутъ высказываться самыя крайнія мнѣнія. Кто знаетъ молодые умы и ихъ увлеченія, тотъ не можетъ въ этомъ сомнѣваться.

Товарищество между студентами, о возстановленіи котораго хлопочутъ, безспорно хорошая вещь, но товарищество во имя общихъ умственныхъ интересовъ, а не во имя искусственно организованной агитаціи. Истинное товарищество есть дѣло свободы, оно устанавливается нравами и всего болѣе процвѣтаетъ тамъ, гдѣ умы находятся въ спокойномъ состояніи. Оно существовало въ университетахъ въ то время, когда ни объ какихъ выборныхъ правахъ и учрежденіяхъ не было рѣчи и возстановится только тогда, когда умы придутъ въ нормальный порядокъ.

Для того чтобы привести ихъ въ это положеніе, необходимо прежде всего разумное руководство. Всякій, кто имѣлъ дѣло съ молодежью, не можетъ сомнѣваться въ томъ, что единственное средство получить надъ ними нравственный авторитетъ, состоитъ въ твердости, соединенной съ любовью. Не потачка страстямъ молодыхъ людей, не пошлое исканіе популярности, не робкія уступки искусственному возбужденію, прикрывающаго себя именемъ современнаго духа, а ясное сознаніе цѣли и значенія студенчества можетъ ввести его въ надлежащую колею наши высшія учебныя заведенія. Молодыя силы привлекающіяся къ университетамъ, надобно направлять не къ безплодной агитаціи, не къ легкомысленной игрѣ въ студенческій парламентаризмъ, а къ серьезной умственной работѣ, въ которой всего болѣе нуждается Россія, и которая нынѣ почти совершенно исчезла. Отсюда то страшное умственное оскудѣніе, которое замѣчается всюду и которое составляетъ главную язву нашего отечества.

Скажутъ, что уже всѣ другія мѣры испробованы, и что остается испробовать ту систему, о которой идетъ рѣчь. Но развѣ позволительно производить опыты надъ душею молодыхъ поколѣній, которыя мы должны беречь, какъ зѣницу ока, ибо они составляютъ всю надежду Россіи? А если опять не удастся? Если вмѣсто того, чтобы направить юношество на разумный путь, оно будетъ направлено къ погибели? Если, возбудивши несбыточныя надежды и даровавши ни съ чѣмъ несообразныя права, придется потомъ принимать самыя крутыя мѣры, пожалуй даже закрывать университеты, чтобы организовать ихъ на новую ногу? Какая неисцѣлимая рана нанесется и молодымъ силамъ и всему русскому просвѣщенію, и какую страшную отвѣтственность берутъ на себя тѣ, которые наталкиваютъ правительство на подобный путь! Послѣ того тяжелаго гнета, который много лѣтъ господствовалъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, несомнѣнно нужна свобода; но есть свобода, которая ведетъ къ мирному развитію, и есть свобода, которая приводитъ

лишь къ новой и болѣе суровой реакціи. Именно эту послѣднюю хотятъ водворить защитники разбираемыхъ мѣръ, съ добрыми намѣреніями, безъ самомнѣнія, но не видно, что творятъ. Чтобы направить корабль въ нелюдимое море, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются подводные камни, нужна искусная и опытная рука; но гдѣ тотъ искусный мореплаватель, который стоитъ у кормила. А если кормчій, незнакомый съ своимъ дѣломъ, возмется вести корабль среди мелей и камней, безъ карты и компаса, то не будетъ ли это верхомъ легкомыслія? И если направленный неопытною рукою корабль разобьется и драгоцѣнный грузъ погибнетъ, то на комъ будетъ лежать вина? И точно ли испробованы уже всѣ другія мѣры? Что мы видѣли до сихъ поръ въ народномъ просвѣщеніи, въ этой важнѣйшей и наиболѣе чувствительной отрасли общественной жизни? Постоянные переходы отъ одной крайности въ другую, отъ сильной суровости къ робкому слабодушію и обратно. Какъ будто нарочно обходится именно та разумная середина, которая составляетъ единственный истинный путь. И когда среди всеобщаго хаоса случайно образуется ядро, около котораго могли бы собраться разумныя силы, то со всѣхъ сторонъ на него сыплются удары, отъ которыхъ оно разсыпается въ прахъ.

Быть выданнымъ сверху и оплеваннымъ снизу, вотъ судьба, которая слишкомъ часто постигаетъ у насъ всякую твердую мысль и всякое разумное слово.

Но разумная середина не значитъ система единичная или колебаній между противоположными взглядами. Для дѣйствія на молодые умы нѣтъ ничего хуже колебаній, сдѣлокъ и полумѣръ. Нравственный авторитетъ надъ ними можетъ получить только тотъ, кто ясно сознаетъ, чего онъ хочетъ, и твердо идетъ своею дорогою, не уклоняясь ни на шагъ, но умѣя прежде всего пріобрѣсти уваженіе молодыхъ сердецъ, всегда чуткихъ къ нравственнымъ качествамъ. Робостью и полумѣрами уваженія никогда не пріобрѣтешь. Твердость въ началахъ и мягкость въ исполненіе такова должна быть программа руководителей молодежи. Полумѣры же въ нѣкоторомъ отношеніи даже хуже крайностей, ибо онѣ ставятъ людей въ ложное положеніе и вселяютъ смуту и недовѣріе въ умы.

Истинная задача народнаго просвѣщенія въ Россіи состоитъ не въ томъ, чтобы производить новые опыты или входить въ сдѣлки съ возбужденными страстями, а въ томъ, чтобы послѣ всѣхъ безконечныхъ колебаній, которымъ оно подвергалось въ теченіе многихъ лѣтъ, послѣ перемежающихся періодовъ гнета и распущенности, придти наконецъ по твердому пути и направить молодыя силы на серьезную умственную работу, необходимую для отечества. Не жалѣя силъ, времени, терпѣнія и

труда; нужна тщательная подготовка персонала, на которомъ лежитъ все зданіе народнаго просвѣщенія. А для того, чтобы совершить такое дѣло, необходима прежде всего сознательная и постоянная поддержка сверху, безъ которой руководитель на этомъ поприщѣ не можетъ сдѣлать ни одного полезнаго шага.

Побѣгъ.

(1882).

Прежде всего маленькое предисловіе.

До самаго послѣдняго времени я не разсчитывалъ говорить на страницахъ «Былого» ни о побѣгѣ моего брата Владиміра Бычкова изъ кіевскаго тюремнаго замка, ни о томъ процессѣ, къ которому онъ привлекался, такъ какъ я зналъ со словъ Ангела Ивановича Богдановича (на дняхъ умершаго), что объ этомъ на страницахъ «Былого» будетъ говорить онъ.

И онъ, и я одинаково близко знали детали этого побѣга, ибо мы были участниками того же процесса.

И я былъ увѣренъ въ томъ, что если бы и о процессѣ, и о побѣгѣ написалъ Богдановичъ, а не я,—то читатель получилъ бы болѣе яркую картину изъ прожитаго нами *былого*, имѣющаго уже 25-ти лѣтнюю давность.

Но Богдановичъ умеръ. Я долженъ былъ взяться за перо.

Мой братъ бѣжалъ изъ кіевской тюрьмы 19 декабря 1882 года.

Побѣгъ этотъ былъ совершенною неожиданностью для администраціи, считавшей невозможными побѣги изъ кіевской тюрьмы, обнесенной высокой каменной стѣной, охраняемой внутри—и на дворахъ, и въ корридорахъ—надзирателями, а снаружи часовыми. И когда вечеромъ 19 декабря, черезъ какихъ нибудь $^1/_2$ часа послѣ побѣга, было установлено, что братъ бѣжалъ,—всѣ власти, наблюдавшія за тюрьмой (полиція, жандармы и прокурорскій надзоръ), страшно растерялись и не знали, гдѣ искать концовъ и начала загадочнаго побѣга.

Всю ночь длившіеся обыски и самое тщательное дознаніе могли констатировать только фактъ побѣга и больше ничего. Никакихъ слѣдовъ побѣга не было обнаружено.

Было установлено, что братъ передъ самой повѣркой былъ въ сопровожденіи надзирателя въ конторѣ, гдѣ онъ ежедневно въ это же время дѣлалъ выписку продуктовъ для обѣда на всѣхъ политическихъ на слѣдующій день (онъ былъ старостой политическаго отдѣленія). Выйдя изъ конторы (опять таки въ сопровожденіи надзирателя), онъ пошелъ обратно въ камеру.

Но для того, чтобы попасть въ камеру, надо было сначало войти въ отдѣльный «политическій» дворикъ, гдѣ всегда—и день, и ночь—находился особый надзиратель и гдѣ по очереди гуляли политическіе. Дворикъ этотъ былъ отдѣленъ отъ большого двора «палями» и ворота этого дворика всегда были на замкѣ.

Надзиратель, сопровождавшій брата изъ конторы, отперъ ворота дворика, впустилъ брата въ нихъ и, будучи увѣренъ, что тамъ встрѣтитъ его другой надзиратель, заперъ ворота и ушелъ обратно въ контору...

Куда дѣвался братъ съ этого момента, осталось невыясненнымъ. Надзиратель дворика не видалъ его; надзиратель корридора привыкъ къ тому, что до повѣрки брата нѣтъ ни въ корридорѣ, ни въ камерѣ, такъ какъ онъ въ это время бываетъ въ конторѣ, и на отсутствіе брата не обращалъ вниманія.

Увѣренность въ томъ, что въ данномъ случаѣ не побѣгъ, а какое то случайное отсутствіе, была до того велика, что сначала даже не обратили вниманія на пустую камеру и продолжали производить повѣрку до конца, послѣ чего снова вернулись къ пустой камерѣ. Думая, что братъ замѣшкался въ конторѣ, послали туда надзирателя поторопить его. Надзиратель вернулся ни съ чѣмъ. Но о побѣгѣ даже и теперь не думали. Пересмотрѣли вторично всѣ камеры политическихъ, предполагая, что онъ случайно запертъ вмѣстѣ съ кѣмъ либо изъ товарищей;—но и тамъ его не нашли...

Тогда только закралось тревожное подозрѣніе. Но и теперь была полная увѣренность въ томъ, что его сейчасъ же найдутъ внутри тюремной ограды.

Были вытребованы солдаты, окружившіе всю тюрьму цѣпью, и принялись самымъ тщательнымъ образомъ обыскивать всю тюрьму,—искали даже въ выгребныхъ ямахъ, въ дымовыхъ трубахъ, въ банѣ, въ грязномъ арестантскомъ бѣльѣ. Цѣлыя сутки тюрьма была окружена цѣпью солдатъ; были увѣрены, что голодъ и жажда заставятъ бѣглеца вылѣзти изъ какого либо тайника.

Но ни бѣглецъ не показывался, ни даже слѣдовъ побѣга нигдѣ не было обнаружено: точно сквозь землю провалился, несмотря на то, что было еще свѣтло, когда обнаружился побѣгъ, и несмотря на то, что побѣгъ былъ совершенъ на глазахъ почти 2,000 человѣкъ всегда праздныхъ и всегда любопытныхъ уголовныхъ арестантовъ, расположенныхъ къ шпіонству.

Такъ и остался невыясненнымъ этотъ побѣгъ до настоящаго момента, когда я приступилъ къ описаніи его.

Побѣгъ этотъ былъ устроенъ очень просто. Онъ не требовалъ ни длительной подготовки, ни затраты большихъ средствъ, ни участія большого числа помощниковъ, ни малѣйшаго риска пролить хоть одну каплю чужой крови.

Побѣгъ требовалъ только энергіи, рѣшимости и быстроты дѣйствія шести лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ подготовкѣ и въ выполненіи побѣга. А этихъ качествъ было тогда много у всѣхъ, просидѣвшихъ почти по два года въ тюрьмѣ и ежечасно боровшихся съ болѣе чѣмъ суровыми мѣрами прокурора Стрѣльникова,

производившаго дознаніе по общему нашему дѣлу и пускавшаго въ ходъ всѣ средства сыщика и палача для того, чтобы во что бы то ни стало создать желательный для него процессъ, вынуждая давать показанія...

Подъ давленіемъ стрѣльниковскихъ пріемовъ дознанія въ нашихъ озлобленныхъ пылкихъ и молодыхъ головахъ создавались грандіозные планы побѣговъ. То мы хотѣли пробиться «на волю» съ оружіемъ въ рукахъ сквозь ряды ключниковъ, надзирателей и солдатъ, ни жалѣя ни своей, ни чужой крови. То мы мечтали, что насъ освободятъ офицеры, связавши при помощи своихъ солдатъ всѣхъ надзирателей въ тюремныхъ корридорахъ...

Много и безъ конца мечтали. Но суровая дѣйствительность разбивала всѣ наши мечты... И когда выяснилось, что брату угрожаетъ наиболѣе серьезное наказаніе, что бѣжать компаніей нельзя,—мы рѣшили прежде всего выпустить изъ тюрьмы его одного, для чего нами сообща и былъ детально разработанъ планъ побѣга, удавшійся какъ нельзя лучше.

Какъ и всѣ побѣги изъ тюрьмы, нашъ побѣгъ былъ построенъ исключительно *на возможности благопріятныхъ случайностей*, подготовить которыя должны были мы сами. Девяносто девять шансовъ было за то, что случайности не будутъ благопріятствовать намъ, несмотря на всѣ наши усилія завладѣть ими. Но, къ нашему удивленію, всѣ случайности сложились въ высшей степени благопріятно для побѣга,—и побѣгъ блестяще удался.

Труднѣе всего, конечно, было разсчитывать на то, что никто, изъ 2.000 уголовныхъ арестантовъ, вѣчно скучающихъ отъ нечего дѣлать, вѣчно глазѣющихъ сквозь оконную рѣшетку «на волю»,—не подглядитъ какъ нибудь подготовки къ побѣгу и не донесетъ сейчасъ же; побѣгъ долженъ былъ быть устроенъ у всѣхъ на глазахъ. Чтобы избѣжать этой помѣхи, рѣшено было устроить побѣгъ въ моментъ вечерней повѣрки уголовныхъ (добившись предварительно того, чтобы уголовныхъ повѣряли раньше политическихъ), когда арестанты выстраиваются въ ряды въ корридорахъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ выбрать такой день, когда будетъ холодно и сильный вѣтеръ.

Въ такіе дни арестанты, всегда плохо одѣтые, не выдазятъ на окна безъ крайней нужды.

Холодный и вѣтренный день былъ нуженъ еще и для того, чтобы заглушить шумъ, который неизбѣжно долженъ быть произведенъ въ тотъ моментъ, когда бѣгущій будетъ по веревкѣ спускаться съ каменной ограды тюрьмы. Этотъ шумъ могъ привлечь вниманіе часового, карауливша го стѣну; при холодѣ часовой будетъ закутанъ въ шубу; порывы вѣтра пріучатъ его къ шуму,—и онъ не обратитъ вниманія на него.

Но нельзя было всецѣло разсчитывать на то, что часовой не замѣтитъ побѣга только благодаря холоду и вѣтру. Рѣшено было отвлечь его вниманіе какъ разъ въ тотъ моментъ, когда братъ долженъ былъ спускаться съ ограды. Для этого потребовалась помощь человѣка «съ воли». Этотъ человѣкъ въ условленный часъ точно установленнаго дня долженъ былъ подойти къ тюремной оградѣ и

вступить въ бесѣду съ выглядывавшимъ изъ окна политическимъ арестантомъ. Часовой станетъ прогонять его,—въ этотъ моментъ за спиной часового братъ быстро спустится со стѣны и пойдетъ мимо часового прямо къ тому человѣку, котораго гонитъ часовой, помогая часовому гнать его. Вмѣстѣ съ нимъ братъ и долженъ былъ удалиться отъ тюремной ограды.

Но и помимо этихъ главныхъ моментовъ случайнаго характера обезпечивающихъ успѣхъ побѣга съ внѣшней стороны,—надо было многое подготовить для того, чтобы обезпечить побѣгъ всѣмъ необходимымъ матеріаломъ: костюмомъ, веревкой и пр.

Большихъ усилій требовалось для того, чтобы въ моментъ наиболѣе благопріятный для побѣга все необходимое было въ опредѣленномъ мѣстѣ и чтобы три человѣка здѣсь же поджидали брата, чтобы помочь ему быстро переодѣться, взобраться по спинамъ этихъ трехъ товарищей на каменную стѣну и по веревкѣ въ условный мигъ, по сигналу, спуститься за ограду.

Наконецъ, надо было сейчасъ же послѣ побѣга принять быстрыя мѣры къ тому, чтобы немедленно были уничтожены всѣ слѣды преступленія. Надо было троимъ, помогавшимъ побѣгу, уйти незамѣтно со двора, надо было уничтожить веревку и оставшійся арестантскій костюмъ брата...

Совершенно неожиданно для насъ всѣ детали нашего плана были выполнены съ замѣчательною точностью, тихо, безъ шума и въ заранѣе установленный мигъ. Случайности благопріятствовали намъ...

Прошло не болѣе двухъ минутъ съ того момента, какъ братъ вошелъ въ политическій дворикъ, возвращаясь изъ конторы (надзиратель этого дворика былъ отозванъ въ корридоръ),—а братъ уже былъ за тюремной оградой и шагалъ вмѣстѣ съ товарищемъ по направленію къ городу...

Дѣло было такъ.

Отвлекши вниманіе надзирателя, карауливша го политическій дворикъ,—трое помощниковъ брата, обмотавши вокругъ себя заранѣе заготовленныя полотнища простынь, обращенныхъ въ длинную веревку,—пробрались въ условленное мѣсто и ждали брата. Когда онъ изъ конторы подошелъ къ нимъ,—все было готово. Одинъ изъ товарищей уперся руками въ стѣну, нагнувши свою спину;—другой, взобравшись на него, представлялъ собою вторую ступень живой лѣстницы, по которой братъ, переодѣвшись въ вольный костюмъ, быстро взобрался на стѣну и сталъ ждать сигнала для спуска на ту сторону ограды.

Раздался сигналъ, и братъ, перекинувши черезъ стѣну веревку (конецъ которой держалъ третій помощникъ), быстро спустился по ней. Въ этотъ же моментъ веревка была взята обратно и братъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ къ часовому, отгонявшему «вольнаго» человѣка, разговаривавшаго съ заключенными.

Была сильная буря; вѣтеръ завывалъ и шумѣлъ; слышно было, съ какимъ напряженіемъ «вольный» человѣкъ пытался что то сказать говорившему съ нимъ изъ окна тюрьмы; окрики часового едва были слышны...

Помощники брата торопились уйти скорѣе по камерамъ, чтобы до повѣрки сжечь все, что могло быть слѣдомъ преступленія...

И когда они поднялись въ корридоръ, то изъ окна корридора видно было, какъ братъ, не торопясь, закутавши лицо отъ вѣтра,— шелъ уже далеко отъ тюремной ограды...

Я уже говорилъ о томъ, какой переполохъ поднялся въ тюрьмѣ, когда обнаружилось, что Владиміръ Бычковъ бѣжалъ изъ тюрьмы.

Восемь мѣсяцевъ о немъ не было ни слуха.

18 августа 1883 года онъ былъ узнанъ на улицѣ города Томска уголовнымъ ссыльнымъ (изъ дворянъ) Аграновичемъ, который тотчасъ же донесъ объ этомъ полиціи и жандармамъ, которые немедленно же приняли мѣры къ тому, чтобы задержать брата.

Братъ тоже узналъ Аграновича, который пользовался многими услугами брата, когда оба они содержались въ кіевской тюрьмѣ, гдѣ въ конторѣ постоянно околачивался Аграновичъ. Замыслы Аграновича были ясны для брата, и онъ пытался скрыться отъ него, но не успѣлъ. Полиція и жандармы уже окружили его, но онъ не сдался безъ боя.

Отстрѣливаясь отъ нападавшихъ, пока были патроны въ револьверѣ, онъ ранилъ двоихъ изъ нихъ и послѣднимъ выстрѣломъ въ високъ убилъ самъ себя на повалъ.

Въ Томскѣ же его и похоронили жандармы.

О процессѣ, въ которомъ участвовало семь человѣкъ, обвиняемые въ принадлежности къ революціоннымъ кружкамъ въ періодъ 1879—81 годовъ, разбиравшемся въ Кіевскомъ военно-окружномъ судѣ съ 6-го по 14 августа 1883 года,—я разскажу какъ нибудь въ другой разъ.

Повторяю, я не собирался говорить о немъ. И чтобы подобрать матеріалъ объ этомъ процессѣ, надо не мало времени. Затрудненіе осложняется еще и тѣмъ, что я нигдѣ не могъ до сихъ поръ найти копіи обвинительнаго акта по этому процессу.

Быть можетъ, кто нибудь изъ живыхъ участниковъ этого процесса поможетъ мнѣ найти копію этого обвинительнаго акта или указать, гдѣ можно достать ее.

Редакція «Былого» не откажется быть посредникомъ между мной и тѣмъ, кто пожелалъ бы оказать мнѣ эту услугу.

А. Бычковъ.

Сводъ показаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ.

(*Окончаніе*). [1])

VIII.

Въ іюлѣ 1879 г., состоявшій подъ надзоромъ полиціи въ г. Черниговѣ, дворянинъ Владиміръ Дрыга сдѣлалъ заявленіе, указавшее на существованіе преступнаго сообщества въ Черниговской губерніи. Разоблаченія этого лица оказались такъ близко связанными въ нѣкоторыхъ частяхъ съ дѣломъ объ убійствѣ харьковскаго губернатора князя Кропоткина, равно съ дѣятельностью, указанной впослѣдствіи Дрыгою, объединенной революціонной общины въ Тамбовской, Воронежской и Самарской губерніяхъ, что представляется необходимымъ всѣ имѣющіяся по означеннымъ тремъ предметамъ свѣдѣнія изложить вмѣстѣ.

Судя по заявленію дворянина Дрыги и другимъ имѣющимся подъ рукою указаніямъ, Черниговское преступное сообщество вызвано къ жизни и поддерживалось средствами упомянутаго въ предыдущемъ отдѣлѣ дворянина Дмитрія Лизогуба, который обладалъ значительнымъ количествомъ земли въ Черниговской губерніи и вообще, какъ богатый помѣщикъ и капиталистъ, пользовался тамъ большимъ вліяніемъ. Кромѣ Лизогуба, значительная доля участія въ образованіи этого преступнаго сообщества принадлежала энергіи и стараніямъ Валеріана Осинскаго, раздѣлявшаго, повидимому, всѣ заботы по исполненію предначертаній Лизогуба въ сферѣ революціонной дѣятельности послѣдняго. Самъ Дрыга принадлежалъ также къ революціонному кружку Лизогуба, и личное участіе его, по словамъ Дрыги, ограничивалось преимущественно тѣмъ, что, состоя повѣреннымъ и тайнымъ корреспондентомъ Лизогуба, онъ, Дрыга, расходовалъ изъ находившагося въ его распоряженіи наличнаго капитала Лизогуба болѣе или менѣе значительныя суммы на приготовленіе къ преступленіямъ.

Первоначальное указаніе Дрыги коснулось лица, которое было извѣстно ему подъ псевдонимомъ Безмѣнова, пріѣхавшаго въ Черни-

[1]) См. Былое, іюнь и іюль.

говъ въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ 1879 г., передъ самымъ заявленіемъ Дрыги, съ цѣлью получить деньги для осуществленія новаго политическаго преступленія. Хотя въ то же время и приняты были мѣры къ задержанію этой личности, но самъ Безмѣновъ, заподозрѣвшій измѣну со стороны Дрыги, сумѣлъ скрыться, въ оставленныхъ же имъ на квартирѣ вещахъ найдены: вексельный бланкъ, химическія чернила, какіе-то порошки, склянки съ различными составами и машинка для штемпелей. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что лицо называвшееся Безмѣновымъ (средняго роста, носитъ рыжую бороду, заикается, пріѣзжало 9 мая 1879 г. изъ Курска въ Кіевъ и остановилось въ гостиницѣ «Заря» по Безаковской улицѣ, въ домѣ Фидлера, а черезъ пять дней обратно выѣхало въ Курскъ, что оно проживало также подъ именемъ Михаила Дмитріевича Черниговскаго, что 13 іюня оно было проѣздомъ, вмѣстѣ съ дворяниномъ Василіемъ Андреевымъ Чернявскимъ, [1]) въ г. Липецкѣ, Тамбовской губерніи, гдѣ они останавливались на постояломъ дворѣ Голикова, и наконецъ, что съ нимъ, Безмѣновымъ былъ, по показанію купца Марголина, знакомъ остерскій уѣздный предводитель дворянства Черниговской губерніи, дворянинъ Александровичъ. Тѣмъ не менѣе всѣ эти свѣдѣнія до сего времени не привели къ обнаруженію званія Безмѣнова, между тѣмъ личность эта представляется немаловажною: на нее указывалось какъ на товарища извѣстнаго революціоннаго дѣятеля Фомина и убійцу жандарма въ Херсонѣ, при покушеніи на освобожденіе политическаго преступника Войнаральскаго! [2])

Засимъ дворянинъ Дрыга указалъ, что незадолго до пріѣзда въ Черниговъ лица, называвшагося Безмѣновымъ, онъ видѣлся съ неизвѣстнымъ ему молодымъ человѣкомъ, съ которымъ ѣздилъ въ Кіевъ, гдѣ молодой человѣкъ купилъ въ американскомъ магазинѣ винтовку, изъ которой впослѣдствіи упражнялся въ стрѣльбѣ въ Городнянскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, при чемъ Дрыга выразилъ предположеніе, что этотъ молодой человѣкъ участвовалъ въ убійствѣ харьковскаго губернатора князя Кропоткина. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дрыга заявилъ, что означеннаго молодого человѣка звали Зубковскимъ.

Между тѣмъ, еще гораздо раньше заявленія Дрыги, именно въ маѣ 1879 г., было задержано лицо, которое представлялось несомнѣнно принадлежащимъ къ революціонной средѣ и потому обратило на себя особенное вниманіе. Лицо это первоначально, при задержаніи, назвалось дворяниномъ Александромъ Соковичемъ; засимъ бывшимъ студентомъ кіевскаго университета дворяниномъ Иваномъ Карповымъ Панькѣевымъ и, наконецъ, когда эти показанія были опровергнуты, бывшимъ студентомъ кіевскаго университета Афанасіемъ Андреевымъ Зубковскимъ. По наведеннымъ справкамъ послѣднее показаніе подтвердилось, при чемъ оказалось, что Зубковскій есть уроженецъ г. Миргорода, Полтавской губерніи, сынъ священника, воспитывавшійся первоначально въ полтавской семинаріи и привлекавшійся въ 1876 и 1877 годахъ къ двумъ дѣламъ: о принадлежности его къ

[1]) Подъ этимъ псевдонимомъ былъ въ Липецкѣ А. И. Желябовъ. *Ред.*

[2]) Это былъ А. Д. Михайловъ. *Ред.*

преступному сообществу въ Полтавѣ и объ участіи его въ образовавшемся въ г. Житомірѣ, Волынской губерніи, кружкѣ, имѣвшемъ цѣлью противоправительственную пропаганду. По поводу этихъ дѣлъ у Зубковскаго въ началѣ 1877 г. былъ произведенъ въ Кіевѣ обыскъ, по которому найдены разныя сочиненія революціоннаго содержанія, послѣ чего онъ скрылся и, будучи уволенъ изъ университета, скрывался подъ чужими именами. Но открывъ свое происхожденіе, Зубковскій въ то же время отказался дать какія-либо свѣдѣнія о мѣстѣ своего пребыванія послѣ побѣга изъ Кіева, подъ предлогомъ нежеланія скомпрометированія лицъ, у которыхъ онъ проживалъ въ это время.

Въ виду сего, когда заявитель Дрыга указалъ на молодого человѣка, котораго онъ подозрѣвалъ въ соучастіи по дѣлу объ убійствѣ князя Кропоткина, назвавъ его Зубковскимъ, ему, Дрыгѣ, была предъявлена фотографическая карточка задержаннаго въ Роменскомъ уѣздѣ лица, въ то время уже открывшаго свое званіе, и онъ призналъ въ этомъ лицѣ того самого молодого человѣка, о которомъ упомянуто выше. Поэтому тогда же Зубковскій былъ переведенъ для производства дознанія, по указаннымъ Дрыгою обстоятельствамъ, сперва въ Харьковъ, а затѣмъ въ Черниговъ.

Во время производства означеннаго дознанія, Дрыга сдѣлалъ дополнительное заявленіе, опредѣливъ, съ одной стороны, ту роль, которая принадежала Зубковскому въ приготовленіяхъ къ означенному преступленію, и указавъ, съ другой стороны, на предполагаемаго имъ убійцу князя Кропоткина и на лицъ, которыя его укрывали послѣ совершенія преступленія. По показанію Дрыги, убійца былъ варшавскій житель, по ремеслу слесарь, пріисканный въ Варшавѣ для совершенія преступленія; участіе же Зубковскаго заключалось въ руководствѣ этимъ лицомъ и пріисканіи для него безопаснаго помѣщенія послѣ убійства. Засимъ, по указанію Дрыги, убійца, по совершеніи преступленія, прибылъ въ Черниговъ, гдѣ ночевалъ по запискѣ Зубковскаго въ квартирѣ отставного чиновника Тринитатскаго, служащаго въ черниговской земской управѣ, а такъ какъ неизвѣстный человѣкъ разсказалъ ему про убійство, то Тринитатскій поспѣшно отправилъ его въ село Плехово, Черниговскаго уѣзда, къ земскому врачу Александру Буличу, который отвезъ его затѣмъ къ помѣщику Комаровскому.

Это послѣднее показаніе Дрыги относительно укрывательства лица, которое, по показанію его, было убійцею князя Кропоткина, подтвердилось показаніями помѣщика Комаровскаго и Булича, при чемъ они объяснили, что привезенный къ нимъ незнакомый человѣкъ былъ замѣтно польскаго происхожденія и имѣлъ грубыя отъ работы руки. Въ этомъ отношеніи показаніе Комаровскаго заслуживаетъ тѣмъ большаго вѣроятія, что онъ представляется человѣкомъ непроникнутымъ соціально-революціонными заблужденіями и лишь случайно укрывавшимъ у себя, по неотступной просьбѣ Булича, лицо, на которомъ тяготѣло столь злодѣйское преступленіе. Что касается чиновника Тринитатскаго, то всѣ показанія его отличались крайнею неопредѣленностью, причемъ, сознаваясь во всемъ въ частномъ съ нимъ разговорѣ, при формальномъ опросѣ Тринитатскій давалъ совершенно про-

тивоположное показаніе, доходя даже до совершеннаго отрицанія знакомства своего съ Зубковскимъ, по запискѣ котораго неизвѣстный ночевалъ, тогда какъ, напротивъ, показанія жены Тринитатскаго представлялись согласными съ показаніями Дрыги и Булича.

Между тѣмъ, независимо отъ сознанія Булича, было произведено дознаніе въ упомянутомъ выше селѣ Плеховѣ, гдѣ Буличъ служилъ земскимъ врачемъ, при чемъ укрывательство у него неизвѣстнаго человѣка, бывшаго, по словамъ Дрыги, убійцею князя Кропоткина, подтверждалось свидѣтельскими показаніями, изъ коихъ показаніе бывшаго при Буличѣ фельдшера Николая Тупало имѣетъ особое значеніе, такъ какъ онъ былъ свидѣтелемъ того, что неизвѣстный былъ привезенъ къ Буличу чиновникомъ Тринитатскимъ и что этотъ неизвѣстный, въ разговорѣ своемъ съ Буличемъ назвался убійцею князя Кропоткина. Кромѣ того выяснилось, что неизвѣстный, во время пребыванія своего у Булича въ селѣ Плеховѣ, упражнялся въ стрѣльбѣ изъ револьвера, при чемъ найденныя на мѣстѣ стрѣльбы пули оказались одинаковаго размѣра съ тою, которою былъ раненъ князь Кропоткинъ.

Наконецъ, при производствѣ дознанія относительно означеннаго предполагаемаго убійцы харьковскаго губернатора сдѣлалось извѣстно, что этотъ неизвѣстный, укрывавшійся у Тринитатскаго, Булича и Комаровскаго, ночевалъ, по просьбѣ Тринитатскаго, также и въ квартирѣ проживающей въ Черниговѣ акушерки Франштейнъ, которая подтвердила это обстоятельство, а служащая у нея крестьянка Матрена Гарусова даже видѣла у ночевавшаго подъ подушкой револьверъ, о чемъ она сообщила на слѣдующій день акушеркѣ Франштейнъ.

Во время производства въ Черниговѣ изложенныхъ выше дознаній, имѣвшихъ цѣлью выясненіе во всей подробности обстоятельствъ, связанныхъ съ укрывательствомъ тамъ лица, на котораго заявлено Дрыгою подозрѣніе въ совершеніи убійства въ Харьковѣ, было задержано въ Кіевѣ лицо, которое было извѣстно въ революціонной средѣ подъ именемъ «Володьки», а по задержаніи назвалось мѣщаниномъ Григоренко. впослѣдствіи же оказалось дворяниномъ Людвигомъ Кобылянскимъ. Обстоятельства, сопровождавшія арестъ этого лица въ Кіевѣ и характеристика его подробно изложена выше (въ отдѣлѣ настоящаго обзора), при изложеніи дѣятельности преступнаго сообщества, имѣвшаго террористическіе замыслы, дознаніе о которомъ составляетъ предметъ производящагося нынѣ въ Кіевѣ обширнаго дознанія. Такъ какъ, съ одной стороны, задержаніе въ Кіевѣ Кобылянскаго (онъ же Володька и Григоренко) совпало по времени съ производствомъ дознанія въ Черниговѣ по разоблаченіямъ Дрыги, а съ другой стороны, имѣлись въ виду тождественныя физическія особенности, отличавшія какъ задержаннаго Кобылянскаго, такъ равно и того человѣка, котораго, непосредственно послѣ убійства князя Кропоткина, укрывали въ Черниговской губерніи Тринитатскій, акушерка Франштейнъ, Буличъ и наконецъ Комаровскій,—то явилось предположеніе, не есть ли Кобылянскій и помянутый человѣкъ одно и тоже лицо. Когда послѣ того предположеніе это нашло себѣ подтвержденіе и въ другихъ данныхъ, Кобылянскій былъ доставленъ изъ Кіева въ Черниговъ, гдѣ изъ числа

15 свидѣтелей—12 признали его за означеннаго молодого человѣка, а остальные нашли большое съ нимъ сходство.

Рядомъ съ производствомъ изложеннаго дознанія, имѣвшаго результатомъ своимъ окончательное выясненіе личности, представлявшейся виновникомъ убійства князя Кропоткина, шло по Чернигову изысканіе, имѣвшее цѣлью выясненіе другой подозрительной личности, равно преступной дѣятельности земскаго врача Каминера, въ имѣніи котораго, деревнѣ Паперни, недалеко отъ Чернигова, укрывалась эта новая личность. Хотя укрывательство это, по словамъ Дрыги, и относилось къ лѣту 1877 года, тѣмъ не менѣе указанная личность по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя даны были Дрыгѣ помѣщицею Линдфорсъ, сосѣдкою по имѣнію Каминера, представлялась весьма важною потому, что личность эта, по завѣренію Линдфорсъ, принимала впослѣдствіи ближайшее участіе въ политическомъ преступленіи. Прежде всего обнаружено было преступное направленіе какъ самого врача Каминера, такъ равно и всего семейства его, изъ коихъ три дочери, Августа, Анна и Надежда, отданы были въ 1874 г. подъ надзоръ полиціи, но успѣли скрыться и долгое время неизвѣстно гдѣ проживали. Семейство Каминера, какъ оказалось по дознанію, постоянно посѣщалось разными лицами, которыя укрывались лѣтомъ въ имѣніи Паперни часто очень продолжительное время, ведя подозрительный образъ жизни. Что касается указанной Дрыгою личности, послужившей поводомъ къ дознанію въ имѣніи Каминера, то въ отношеніи ея было обнаружено, что дѣйствительно лѣтомъ 1877 г. жилъ въ имѣніи Паперни, подъ видомъ учителя, неизвѣстный человѣкъ, называвшійся «Гришкой», который сблизился съ мѣстными крестьянами, училъ молодыхъ разнымъ пѣснямъ, а стариковъ и прибѣгавшихъ къ нему больныхъ—врачевалъ, и вообще пользовался между ними большою популярностью и уваженіемъ.

Первоначально, по нѣкоторымъ даннымъ, явилось предположеніе не есть ли Гришка одно и то же лицо съ задержаннымъ въ Кіевѣ, «Володькою», оказавшимся впослѣдствіи Кобылянскимъ, но, затѣмъ, когда въ Елизаветградѣ задержанъ былъ 14 ноября 1879 г. съ большимъ количествомъ нитроглицерина, купеческій сынъ Григорій Гольденбергъ, и когда снятая съ послѣдняго фотографическая карточка была предъявлена свидѣтелямъ, удостовѣрившимъ проживаніе Гришки въ имѣніи Каминера, свидѣтели эти положительно признали въ Гольденбергѣ то лицо, которое имъ было извѣстно подъ именемъ Гришки.

Впослѣдствіи и самъ Гольденбергъ подтвердилъ это обстоятельство въ показаніи своемъ о революціонной дѣятельности вообще и объ участіи въ ней его самого въ частности.

Изъ показанія Гольденберга видно, что убійство князя Кропоткина принадлежитъ по замыслу и исполненію всецѣло ему одному, слѣдовательно, если только это показаніе Гольденберга подтвердится представится очевиднымъ, что помѣщица Линдфорсъ, сообщавшая Дрыгѣ свѣдѣнія о Гришкѣ и указавшая при этомъ на причастность его къ политическому дѣлу отчасти знала подробности названнаго убійства.

По словамъ Гольденберга, преступная мысль созрѣла въ немъ подъ вліяніемъ убѣжденія въ томъ, что князь Кропоткинъ былъ глав-

нымъ виновникомъ тяжелой участи политическихъ преступниковъ, заключенныхъ въ центральныхъ тюрьмахъ Харьковской губерніи. Но предварительно исполненія задуманнаго плана, онъ, Гольденбергъ, считалъ необходимымъ узнать, какое впечатлѣніе произведетъ этотъ замыселъ на единомышленниковъ его. Съ этою цѣлью, будучи въ Кіевѣ и въ Харьковѣ, онъ высказывалъ мысль о необходимости принятія крайней мѣры противъ князя Кропоткина разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ въ Кіевѣ упомянутымъ выше въ различныхъ отдѣлахъ настоящаго обзора: Афанасію Зубковскому, Людвигу Кобылянскому, Валеріану Осинскому, Павлу Орлову, Игнату Ивичевичу, Людмилѣ Самарской, Надеждѣ *Силулицкой*, Вѣрѣ Ремизовской, равно студенту кіевскаго университета, находящемуся подъ секретнымъ надзоромъ кіевской полиціи Богицкому и студенту Харьковскаго университета Дмитрію Буцинскому, привлеченному и содержащемуся нынѣ въ Харьковѣ по обвиненію въ принадлежности къ тамошнему преступному сообществу, о которомъ изложено будетъ ниже, а также въ Харьковѣ—студенту Харьковскаго университета Ивану Іонову Глушкову, дворянину Харьковской губерніи, Купянскаго уѣзда, высланному за принадлежность къ революціонной партіи на жительство въ Олонецкую губернію, Эмануилу Воронцу, бывшему студенту того же университета Алексѣю Ивановичу Преображенскому, изъ коихъ Глушковъ и Козловъ розыскиваются нынѣ для привлеченія къ дѣлу о Харьковскомъ революціонномъ сообществѣ, а Преображенскій, причастный къ тому же дѣлу, уже содержится подъ арестомъ.

Всѣ означенныя лица, по словамъ Гольденберга, сочувственно отнеслись къ его преступному замыслу, причемъ онъ, Гольденбергъ, Самарская и Ивичевичъ высказались за открытое убійство, а остальные въ пользу совершенія такового изъ-за угла. Когда, такимъ образомъ, замыселъ былъ въ принципѣ рѣшенъ, осуществленіе его представилось необходимымъ на нѣкоторое время отложить, такъ какъ въ началѣ января мѣсяца въ центральныхъ тюрьмахъ допускалось свиданіе заключенныхъ съ родными, а потому явилось опасеніе, что совершеніе преступленія до этого могло вызвать распоряженіе о недопущеніи этихъ свиданій. Проживая въ то время въ Кіевѣ, преимущественно на квартирѣ, которую содержала на Ивановской улицѣ Софья Пеховская, гдѣ тогда помѣщался соціально-революціонный клубъ, о которомъ уже упоминалось выше, Гольденбергъ въ концѣ января отправился, наконецъ, въ Харьковъ, куда одновременно съ нимъ прибыли также Кобылянскій, Зубковскій и Людмила Волкенштейнъ, о мужѣ которой, земскомъ врачѣ г. Кобелякъ, Полтавской губерніи, будетъ сказано ниже въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Изъ этихъ лицъ Волкенштейнъ приняла на себя роль хозяйки конспиративной квартиры, нанятой съ двоякою цѣлью: служить мѣстомъ сходокъ и затѣмъ укрыть участниковъ преступленія послѣ его совершенія. Въ это время прибыла въ Харьковъ, проѣздомъ въ Петербургъ, дочь чиновника Зинаида Воскресенская, высланная въ 1879 г. за прикосновенность къ дѣлу объ изданіи въ Петербургѣ и распространеніи возмутительныхъ брошюръ, подъ строгій надзоръ полиціи въ Олонецкую губернію, и предупредила Зубковскаго о сдѣланныхъ въ то время

Веледницкимъ разоблаченіяхъ, а такъ какъ Зубковскій получилъ отъ Веледницкаго, черезъ Валеріана Осинскаго, фальшивый паспортъ, то ему, Зубковскому, могла грозить опасность. Въ виду сего изъ предосторожности, конспиративная квартира была переведена въ другой домъ, а упомянутыя выше лица размѣстились на разныхъ квартирахъ. Засимъ, кромѣ поименованныхъ единомышленниковъ, Гольденбергъ указываетъ еще на дворянина Леонида Дическулло, проживавшаго въ Одессѣ подъ фамиліею Виноградова и розыскиваемаго по прикосновенности къ дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ, и названнаго выше Козлова, съ которымъ Гольденбергъ будучи въ Харьковѣ, находился въ сношеніяхъ; причемъ Козловъ былъ ему особенно полезенъ, такъ какъ онъ зналъ и передалъ Гольденбергу многое, относящееся до князя Кропоткина. Наконецъ, 9 февраля 1879 г., Гольденбергъ окончательно рѣшился привести задуманное преступленіе. Съ этимъ намѣреніемъ, пользуясь выѣздомъ князя Кропоткина вечеромъ 9 февраля, онъ вмѣстѣ съ Кобылянскимъ стали ожидать возвращенія губернатора, вблизи дома послѣдняго. Когда, около полуночи, карета князя Кропоткина стала приближаться къ дому, Гольденбергъ подбѣжалъ къ ней и, схвативши за ручку дверецъ съ лѣвой стороны, произвелъ выстрѣлъ во внутрь кареты. Въ ту же ночь Гольденбергъ, по его показанію, отправился въ Кіевъ, гдѣ сообщилъ объ убійствѣ Самарской, Орлову, Дическулло и Игнату Ивичевичу. Все дѣло по убійству князя Кропоткина обошлось имъ, по словамъ Гольденберга, въ 520 рублей, которые даны были Зубковскимъ.

Такимъ образомъ сознаніемъ Гольденберга, принимающаго активную дѣятельность въ этомъ преступленіи на одного себя, не измѣняется постановка произведеннаго по Черниговскому дознанію, вызваннаго заявленіемъ Дрыги, такъ какъ близкое участіе въ этомъ преступленіи Кобылянскаго и Зубковскаго этимъ не только не умаляется, но напротивъ подкрѣпляется съ значительнымъ расширеніемъ круга, болѣе или менѣе причастныхъ къ сему дѣлу лицъ. Кромѣ сего, какъ Богославскій, такъ впослѣдствіи и Забрамскій указываютъ на Кобылянскаго какъ на убійцу Харьковскаго губернатора.

Но независимо отъ упомянутыхъ двухъ лицъ, оказавшихся Кобылянскимъ и Зубковскимъ, о близкомъ участіи которыхъ въ убійствѣ князя Кропоткина сдѣлалось первоначально извѣстно со словъ дворянина Дрыги, послѣдній указалъ еще на одно лицо, которое, по его предположенію, должно было весьма близко стоять къ тому же преступленію. Лицо это Дрыга назвалъ Никандромъ Мощенковымъ, а вслѣдствіе принятыхъ въ тоже время мѣръ, выяснилось, что этотъ Мощенковъ есть, по всей вѣроятности, никто иной, какъ тотъ самый Никандръ Платоновъ Мощенковъ, сынъ священника г. Валокъ, Харьковской губерніи, который воспитывался въ Харьковской семинаріи, находился затѣмъ въ числѣ студентовъ Харьковскаго ветеринарнаго института и привлекался въ 1874 и 1875 годахъ въ Харьковѣ, а въ 1877 году въ Самарѣ и Саратовѣ къ дознаніямъ по дѣламъ политическаго свойства.

По произведенному розыску, Мощенковъ 29 августа 1879 г. былъ задержанъ въ Тамбовской губерніи, гдѣ онъ занимался съ преступною

цѣлью мѣсто волостного писаря, и доставленъ въ Харьковъ для производства дознанія съ цѣлью выясненія участія его въ дѣлѣ по убійству князя Кропоткина.

Дознаніе въ Харьковѣ, произведенное первоначально путемъ секретныхъ изысканій, дало такіе результаты, по которымъ представлялось почти несомнѣннымъ участіе въ этомъ убійствѣ не только названнаго Мощенкова, но и друга его, бывшаго студента Харьковскаго ветеринарнаго института, сына священника Николая Быковцева. Основаніемъ къ такому предположенію послужили слѣдующія обстоятельства. Никандръ Мощенковъ, за которымъ былъ учрежденъ въ февралѣ 1878 г. полицейскій надзоръ, находился безотлучно въ Харьковѣ, проживая съ фельдшерицею Елизаветою Абрамовою Хотинской на разныхъ квартирахъ. Послѣдняя квартира, въ которой жилъ Мощенковъ съ Хотинскою, была въ домѣ священника Николаевскаго, по Клочковской улицѣ, куда одновременно переѣхали названныя выше Быковцевъ съ своею любовницею, акушеркою Лукиною-Бутенковой, на которой онъ впослѣдствіи женился. Квартира эта принадлежала ссыльному поляку Милешкѣ, человѣку во всѣхъ отношеніяхъ неблагонадежному. За недѣлю до убійства князя Кропоткина, внезапно совершилось въ одинъ и тотъ же день, именно 2-го февраля, крещеніе Хотинской и бракосочетаніе ея съ Мощенковымъ, а на слѣдующій день Мощенковъ уже подалъ въ Харьковское полицейское управленіе прошеніе о выдачѣ его женѣ отдѣльнаго вида на жительство, который и былъ полученъ имъ 4 февраля. Засимъ, Мощенковъ и Быковцевъ, при опросѣ ихъ, уже послѣ задержанія перваго въ Тамбовской губерніи, дали совершенно согласное между собою объясненіе, что Мощенковъ и его жена уѣхали 5 или 6 февраля изъ Харькова по направленію въ Курскъ, откуда жена отправилась въ Черниговъ, а онъ поѣхалъ далѣе въ Тамбовъ; между тѣмъ, при секретномъ изысканіи, нѣсколько свидѣтелей положительно удостовѣрили, что Мощенковы уѣхали рано утромъ, 16 февраля, слѣдовательно вслѣдъ за убійствомъ князя Кропоткина.

Впослѣдствіи, когда свидѣтелямъ сдѣланъ былъ формальный опросъ, они не подтвердили данныхъ раньше показаній, вслѣдствіе чего обвиненіе ихъ въ участіи по означенному преступленію оказалось неимѣющимъ подъ собою основанія и остается недоказаннымъ до настоящаго времени. Но таково положеніе возбужденнаго противъ Мощенкова и Быковцева преслѣдованія лишь съ юридической стороны, на дѣлѣ же значеніе ихъ въ этомъ дѣлѣ остается неопровергнутымъ.

Въ пользу устойчивости имѣющихся противъ Мощенкова и Быковцева данныхъ представляется слѣдующее: во-первыхъ, внезапный отъѣздъ Мощенкова изъ Харькова во времени, совпадающемъ съ временемъ совершенія убійства князя Кропоткина, притомъ безъ вѣдома полиціи, подъ надзоромъ которой Мощенковъ находился, во-вторыхъ, поспѣшное совершеніе передъ тѣмъ обрядовъ крещенія Хотинской и вѣнчанія съ нею Мощенкова, равно исходатайствованія для нея отдѣльнаго вида на жительство; въ-третьихъ, упорное нежеланіе Мощенкова доказать свое alibi съ 6 по 16 февраля, подъ предлогомъ рѣшимости не навлекать преслѣдованія противъ лицъ, у которыхъ

онъ жилъ въ это время; въ четвертыхъ, безслѣдное исчезновеніе книги для записи жильцовъ въ домѣ священника Николаевскаго, въ которой, будто бы, сдѣлана была отмѣтка о времени выбытія Мощенкова съ женою изъ Харькова; въ пятыхъ, уклончивыя въ этомъ отношеніи показанія означеннаго священника Николаевскаго, который, по имѣющимся свѣдѣніямъ, вышелъ изъ той же семинаріи, въ которой находились Мощенковъ и Быковцевъ. Въ виду изложеннаго представляется болѣе или менѣе вѣроятнымъ, что если Мощенковъ и Быковцевъ не принимали прямого участія въ дѣлѣ по убійству князя Кропоткина, то, по меньшей мѣрѣ, имъ было извѣстно о преступномъ замыслѣ и приготовленіяхъ къ исполненію такового. Во всякомъ случаѣ, лица эти принимали видное участіе въ революціонной дѣятельности, какъ это будетъ указано ниже, при изложеніи дѣятельности объединенной революціонной общины.

IX.

Кромѣ упомянутыхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ лицъ, входящихъ отчасти въ составъ дознанія по убійству Харьковскаго губернатора князя Кропоткина, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія лица, преступная дѣятельность которыхъ по Черниговской губерніи представляется несомнѣнною:

Варзеръ, мировой судья, состоящій съ 1876 г. подъ особымъ негласнымъ надзоромъ полиціи. Онъ представляется стоящимъ очень близко къ революціонной средѣ и отчасти знать о приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ Зубковскимъ къ убійству князя Кропоткина; жена же Варзера играетъ, повидимому, еще болѣе видную роль въ революціонной дѣятельности, нежели онъ самъ. Изъ имѣющихся свѣдѣній видно, что она была въ Цюрихѣ и Парижѣ на медицинскихъ курсахъ, ведетъ дѣятельную переписку съ разными лицами и намѣрена снова въ непродолжительномъ времени отправиться за-границу. Изъ сестеръ ея одна была замужемъ за русскимъ эмигрантомъ и умерла въ Швейцаріи, а другая находится въ Черниговѣ, замужемъ за бывшемъ учителемъ Константиновичемъ, нынѣ служащимъ въ должности товарища директора Черниговскаго городского банка, наконецъ братъ г-жи Варзеръ, Иванъ Григорьевичъ Рашевскій, служилъ мировымъ судьею въ Черниговскомъ уѣздѣ. Жены Константиновича и Рашевскаго также принадлежатъ къ сторонникамъ революціонной партіи, а чрезъ нихъ заражены соціализмомъ и ихъ мужья. По произведенному у мирового судьи Варзера, 29 августа 1879 г., обыску найдены были запрещенныя книги, а также разные стихи и собственноручные наброски, рельефно обрисовывающіе его личное направленіе и образъ мыслей.

Карпинскій, директоръ Черниговскаго городского банка, представляющійся однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ антиправительственной партіи. Дѣятельность этого лица тѣмъ болѣе опасна, что Карпинскій, какъ директоръ банка, исполняющій обязанности агента С.-Петербургскаго общества поземельнаго кредита и исправляющій другія почетныя въ Черниговѣ должности, пользуется громаднымъ значеніемъ въ Черниговской губерніи. По заявленію Дрыги, Карпин-

скій находился въ близкихъ отношеніяхъ съ упомянутымъ выше революціоннымъ дѣятелемъ Лизогубомъ (казненъ), вслѣдствіе чего векселя послѣдняго на значительную сумму хранились частнымъ образомъ, вопреки правиламъ устава, въ кассѣ Черниговскаго городского банка.

Волкенштейнъ, Александръ, земскій врачъ г. Кобелякъ, Полтавской губерніи, бывшій студентъ Кіевскаго университета, привлекался по процессу 193-хъ, но былъ оправданъ. Революціонная дѣятельность его относится собственно къ Кіеву, гдѣ, по словамъ Ключникова, Волкенштейнъ вращался въ томъ революціонномъ кружкѣ, къ которому принадлежалъ между прочимъ и Валеріанъ Осинскій (казненный), Дебогорій-Мокріевичъ, Сергѣй Диковскій и другія лица, упомянутыя выше, при изложеніи дѣятельности революціоннаго сообщества. По словамъ Ключникова, Волкенштейнъ снабжалъ означенный революціонный кружокъ запрещенными изданіями и, между прочимъ, привозилъ изъ Петербурга въ большомъ количествѣ экземпляровъ соціально-революціонный листокъ «Земля и Воля», который раздавался между членами кружка для дальнѣйшаго распространенія. По словамъ Лизогуба, переданнымъ содержавшимся съ нимъ въ одной камерѣ Курицинымъ, Волкенштейнъ считался въ революціонной средѣ устарѣвшимъ соціалистомъ, но какъ денежный человѣкъ имѣлъ въ ней рѣшающее значеніе. Въ послѣднее время участіе его, по словамъ Дрыги, проявилось въ Черниговѣ, гдѣ онъ былъ знакомъ съ многими революціонными членами тамошняго общества.

Кромѣ сего учитель Кіевскаго училища Ставровскій, жена чиновника особыхъ порученій при Черниговскомъ губернаторѣ Ефименки, шуринъ послѣдней Петръ Петровичъ Червинскій и, наконецъ, еще одно лицо, которое было извѣстно ему подъ псевдонимомъ Вайнера, онъ же Мойша, Илья Абрамовъ и Аркадій. Это послѣднее лицо представлялось, по словамъ Дрыги, весьма важнымъ въ революціонной средѣ и принимало участіе въ изданіи соціально-революціоннаго журнала «Земля и Воля», считаясь его корреспондентомъ. Всѣ принятыя своевременно мѣры къ обнаруженія званія и къ розыскапію этого лица оставались долгое время безъ успѣха. Послѣ же сознанія Гольденберга, вслѣдствіе указанія его на то, что арестованный въ Петербургѣ, принадлежащій къ террористической партіи, Зунделевичъ носилъ въ революціонной средѣ имена Мойши и Аркадія, фотографическая карточка его была предъявлена Дрыгѣ и онъ призналъ Зунделевича за того самого человѣка, котораго онъ зналъ за Вайнера. Означенный Зунделевичъ привлеченъ въ С.-Петербургѣ къ дознаніямъ по дѣламъ о подпольныхъ типографіяхъ «Народная Воля» и «Черный Передѣлъ», а также къ дѣлу о взрывѣ въ Зимнемъ Дворцѣ 5 февраля сего года. Засимъ объ участіи его въ дѣлѣ покушенія 2 апрѣля 1879 г. будетъ указано ниже, при изложеніи той части показанія Гольденберга, въ которой сдѣланы имъ разобличенія виновниковъ этого преступленія.

Лихачевъ, Ѳедоръ, отставной штабсъ капитанъ, проживающій уже около 20 лѣтъ въ селѣ Плеховѣ, имѣніи его жены, гдѣ скрывался у земскаго врача Булича неизвѣстный молодой человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи Кобылянскимъ, участникомъ въ убійствѣ князя Кропот-

кина. На Лихачева указывается, какъ на виднаго революціонера, имѣющаго большое вліяніе на простой народъ и интеллигентную молодежь, но дѣятельность его въ этомъ направленіи отличается крайнею осторожностью, вслѣдствіе чего онъ до сего времени ни разу не навлекъ на себя даже подозрѣнія въ этомъ отношеніи. По произведенному у Лихачева обыску, послѣ сдѣланнаго дворяниномъ Дрыгою заявленія, хотя въ книгахъ его и не найдено ничего запрещеннаго, но при этомъ на поляхъ нѣкоторыхъ сочиненій обнаружены собственноручныя замѣтки Лихачева, въ достаточной мѣрѣ ясно характеризующія его преступное направленіе. Кромѣ сего указывалось, что Лихачеву содѣйствуетъ въ его революціонной дѣятельности мѣстный священникъ Александръ Волковичъ, но при обслѣдованіи этого обстоятельства не обнаружено данныхъ, которыя бы удостовѣряли политическую неблагонадежность Волковича, а оказалось, что Волковичъ ведетъ крайне невоздержанную во всѣхъ отношеніяхъ жизнь, несовмѣстимую съ его духовнымъ саномъ.

Булашевичъ, мелкій чиновникъ Черниговской казенной палаты, который, по словамъ Дрыги, находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ агитаторами, состоящими подъ надзоромъ полиціи, пересылалъ по принадлежности и получалъ на ихъ имя корреспонденцію.

Бѣлоконскій, Иванъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета. О свойствѣ преступной дѣятельности его по Кіеву уже указано было выше, при изложеніи преступной дѣятельности различныхъ революціонныхъ фракцій въ Кіевской губерніи. Что же касается участія его въ дѣятельности революціоннаго сообщества въ Черниговской губерніи, то, хотя произведеннымъ дознаніемъ и не обнаружено данныхъ, на основаніи которыхъ представилось бы возможнымъ формулировать принадлежность его къ этому сообществу, тѣмъ не менѣе онъ былъ задержанъ. Въ то же время выяснилась близость отношеній его съ сыномъ коммерціи совѣтника, Львомъ Семиренко, бывшимъ студентомъ Кіевскаго университета, извѣстнымъ по своей преданности революціонному дѣлу, которое онъ поддерживалъ матеріальными средствами. Такъ какъ до задержанія Бѣлоконскаго, послѣдній находился на сахарномъ заводѣ Яхненка-Семиренко, въ Городищенскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ качествѣ народнаго учителя, распространяя между заводскимъ населеніемъ и мѣстнымъ крестьянствомъ преступную пропаганду, то независимо отъ обыска, произведеннаго у Бѣлоконскаго, сдѣланъ былъ также обыскъ и въ имуществѣ Яхненки-Семиренко, при чемъ найдены, какъ запрещенныя книги и компрометирующая переписка, принадлежавшія Бѣлоконскому, такъ и записные листки самого Семиренко, указывавшіе на преступность образа мыслей и направленія послѣдняго.

Изъ показанія политическаго преступника Курицына видно, что Левъ Семиренко былъ извѣстенъ въ революціонной средѣ за дѣятельнаго соціалиста и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ казненными Лизогубомъ и Осинскимъ, Стефановичемъ, Дебогоріемъ-Мокріевичемъ и вообще со всѣми выдающимися революціонерами. Онъ занимался съ другомъ своимъ, Бѣлоконскимъ, распространеніемъ книгъ революціоннаго содержанія, какъ между заводскою интеллигенціей, такъ равно

между рабочими и крестьянами. Что касается Бѣлоконскаго, то, по словамъ Курицына, онъ слылъ въ революціонной средѣ за стараго и преданнаго соціалиста, часто ѣздившаго въ Петербургъ, откуда онъ привозилъ для распространенія на югѣ цѣлые тюки революціонной газеты «Земля и Воля». Въ виду столь преступнаго направленія, Семиренко высланъ въ текущемъ году административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь, каковую мѣру предположено принять и въ отношеніи Бѣлоконскаго.

Кромѣ сего Курицинъ указываетъ, что въ прошломъ году Бѣлоконскій ѣздилъ за-границу по порученію, между прочимъ, богатой помѣщицы Таврической губерніи Нестроевой, жены уѣзднаго предводителя дворянства, которая находится подъ надзоромъ полиціи по особому Высочайшему повелѣнію. При этомъ Курицынъ сообщаетъ, что названная Нестроева извѣстна въ преступной средѣ за весьма сочувствующую революціонному дѣлу и дѣятельно помогаетъ его представителямъ, какъ деньгами, такъ и другими находящимися въ ея распоряженіи средствами. Она завѣдомо даетъ пропагандистамъ пристанище въ своемъ имѣніи, выдавая ихъ за учителей, приказчиковъ, конторщиковъ, рабочихъ и работницъ. Такъ у нея жили, по словамъ Курицына, Дробязгинъ, привлеченный къ дѣлу Барановича; Добровольскій, высланный административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь; Варвара Виттенъ, осужденная въ Одессѣ по дѣлу Ковальскаго; Ивановская, привлекавшаяся по тому же дѣлу; Елена Виттенъ, по мужу Россикова, главная участница кражи денегъ изъ Херсонскаго казначейства, и многіе другіе революціонеры. Кромѣ сего, по словамъ Курицына, названная Нестроева привозила изъ за-границы запрещенныя сочиненія и снабдила одного пропагандиста деньгами, на которыя тотъ открылъ будто бы въ Кіевской губерніи кожевенное мастерство, будучи самъ знатокомъ кожевеннаго ремесла. Что касается ея мужа, проживающаго въ г. Алешкахъ, то за несочувствіе соціализму, революціонеры относятся къ нему крайне враждебно.

X.

Дѣлая свои разоблаченія относительно черниговскаго преступнаго сообщества и дѣла по убійству харьковскаго губернатора, князя Кропоткина, дворянинъ Дрыга въ то же время указалъ на существованіе въ Тамбовской, Воронежской и Самарской губерніяхъ, объединенной революціонной общины, при чемъ назвалъ только трехъ извѣстныхъ ему участниковъ этой общины, упомянутыхъ въ предыдущихъ двухъ отдѣлахъ. Илью Абрамова Вайнера, онъ же Мойша, который оказался содержащимся въ С.-Петербургѣ подъ арестомъ, по обвиненію въ весьма важныхъ государственныхъ преступленіяхъ, Зунделевичемъ, Семена Игнатьева Безмѣнова (псевдонимъ), личность до сего времени невыясненная, и бывшаго студента Харьковскаго ветеринарнаго института Никандра Мощенкова.

Помимо общихъ распоряженій,—сдѣланныхъ въ то же время III-мъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріей по губерніямъ Тамбовской, Воронежской и Самарской, съ

цѣлью выясненія дѣятельности означенной объединенной революціонной общины и надлежащаго наблюденія за лицами, которыя будутъ навлекать на себя подозрѣніе въ преступномъ направленіи,—сдѣлано было также распоряженіе о розыскѣ указанныхъ Дрыгою участниковъ этой общины.

Результатомъ этихъ распоряженій было задержаніе 28 августа 1879 г. Мощенкова, который, какъ уже упомянуто выше, оказался въ должности волостного писаря въ Княже-Богородицкой волости Тамбовской губерніи.

Произведеннымъ по этому поводу дознаніемъ обнаружено, что съ октября мѣсяца 1878 г. стали появляться въ Тамбовѣ, повидимому, никому тамъ неизвѣстные молодые люди, искавшіе занятій. Такъ въ октябрѣ явился кіевскій мѣщанинъ, Иванъ Даниловъ Федоровъ и, обратившись къ проживавшему въ Тамбовѣ кандитату сельскаго хозяйства, Михаилу Владимировичу Девелю, былъ принятъ послѣднимъ къ себѣ домашнимъ секретаремъ, а около 1 декабря, по рекомендаціи Девеля, поступилъ сперва на мѣсто помощника волостного писаря, а затѣмъ чрезъ самое короткое время, на мѣсто волостного писаря въ Пичерскую волость, Тамбовскаго уѣзда.

Послѣ того, прибыли въ январѣ 1879 г. дворянинъ Эдуардъ Карловъ Пекарскій, назвавшійся Иваномъ Кириловымъ Пекарскимъ, и сынъ Шенкурскаго уѣзднаго казначея, Николай Петровъ Любовъ, которые получили, по рекомендаціи того же Девеля, мѣста: первый—сперва волостного писаря, а потомъ—письмоводителя къ непремѣнному члену тамбовскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, Сытину, а Любовъ—волостного писаря Ивановской, а впослѣдствіи Александровской волости.

Затѣмъ въ апрѣлѣ явился Владиміръ Дмитріевъ Троицкій и, по рекомендаціи Девеля, принятъ на должность писаря въ Ивановскую волость. Наконецъ, въ іюнѣ прибыли сперва Мощенковъ, получившій мѣсто волостного писаря чрезъ Пекарскаго, а потомъ слушательница женскихъ медицинскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ, Екатерина Алексѣева Скуратова, которая явилась, какъ уже знакомая Девеля, и по его ходатайству была допущена фельдшерицей въ Самнурской больницѣ, близъ села Ивановки.

Вслѣдъ затѣмъ, а именно 14 іюля, Владиміръ Троицкій, служившій въ Ивановской волости волостнымъ писаремъ, внезапно скрылся, при чемъ было обнаружено, что онъ прикрывался чужимъ именемъ, имѣя фальшивый документъ, а послѣ преступнаго покушенія 19 ноября 1879 г. подъ Москвою, оказалось, что называвшійся Троицкимъ былъ никто иной какъ архангельскій мѣщанинъ Левъ Гартманъ—главный виновникъ названнаго покушенія. Кромѣ того выяснено, что до пріѣзда въ Тамбовъ, Гартманъ проживалъ подъ именемъ Лихачева въ Саратовской губерніи.

28 августа 1879 г., какъ сказано выше, былъ арестованъ Мощенковъ, а вслѣдъ затѣмъ бѣжалъ Пекарскій съ пріѣхавшею за нимъ женшиною, которая оказалась Елизаветою Николаевою Мощенковою, женою Никандра Мощенкова, играющаго весьма видную роль въ революціонной дѣятельности объединенной общины, но, за всѣми принятыми мѣрами, до сего времени еще не розысканною. Изъ дальнѣйшихъ свѣ-

дѣній о Пекарскомъ видно, что, послѣ побѣга своего, онъ скрывался до конца сентября въ Тамбовѣ подъ фамиліею Боголюбова, затѣмъ уѣхалъ въ Москву съ паспортомъ проживавшаго въ Тамбовѣ мѣщанина Николая Иванова Полунина, принимавшаго участіе въ безпорядкахъ студентовъ Харьковскаго ветеринарнаго института, и, наконецъ, задержанъ въ Москвѣ и привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу о взрывѣ 19 ноября.

Нѣкоторое время спустя скрылся волостной писарь Пичерской волости Федоровъ, жившій съ молодою женщиною, которую онъ выдавалъ за свою жену, причемъ представилъ документъ о бракосочетаніи ихъ, въ коемъ послѣдняя значилась дочерью Серпуховскаго купца Елизаветою Александровою Романовою. Хотя Федоровъ проживалъ подъ своею фамиліей и съ надлежащимъ паспортомъ, но по справкѣ относительно его жены, которая уѣхала раньше побѣга Федорова, выяснилось, что въ Серпуховѣ купца Романова вовсе не существуетъ и предъявленнаго Федоровымъ метрическаго свидѣтельства о бракосочетаніи выдаваемо не было. Слѣдовательно документъ этотъ представляется, очевидно, подложнымъ.

Произведеннымъ дознаніемъ выяснилось, что всѣ означенныя лица, въ томъ числѣ упомянутые выше Любовь, у котораго по обыску найдены запрещенныя книги, и Екатерина Скуратова, находились въ близкихъ между собою отношеніяхъ и прибыли въ Тамбовъ съ заранѣе опредѣленнымъ планомъ распространенія преступной пропаганды. Что касается Девеля, который, какъ по собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, былъ студентомъ С.-Петербургскаго земледѣльческаго института, содержался подъ стражею и наконецъ выключенъ изъ института за участіе въ бывшихъ тамъ безпорядкахъ, то по произведенному дознанію выяснилась несомнѣнная принадлежность его къ революціонной партіи и положительная, доказанная свидѣтельскими показаніями связь съ названными выше лицами, дѣйствовавшими въ опредѣленномъ направленіи.

Независимо отъ сего, дознаніе выяснило близкое знакомство означенныхъ личностей съ проживающими въ Тамбовѣ лицами, въ числѣ коихъ были: 1) сынъ архитектора Федоръ Михайловъ Снигиревъ, уволенный въ 1878 г. изъ Харьковскаго ветеринарнаго института за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ и содержавшійся впослѣдствіи двѣ недѣли подъ арестомъ въ арестантскихъ ротахъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ, бывшихъ въ Харьковѣ 14 декабря 1879 года: 2) жена чиновника Варвара Александровна Лосицкая, живущая отдѣльно отъ мужа, въ квартирѣ которой скрывался Пекарскій послѣ побѣга изъ волости; 3) Тамбовскій мѣщанинъ Николай Степановъ Никифоровъ, привлекавшійся въ 1874 и 1875 годахъ въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу о преступной пропагандѣ и отданный подъ надзоръ полиціи, впослѣдствіи же вновь привлекавшійся къ дознанію о государственномъ преступленіи, по которому Никифоровъ выдержанъ былъ два мѣсяца подъ арестомъ при полиціи; 4) жена послѣдняго, Олимпіада Александрова Никифорова, уроженная Мацнева, дочь весьма зажиточнаго помѣщика, бывшая слушательница женскихъ медицинскихъ курсовъ въ Петербургѣ, а впослѣдствіи фельдшерица въ селѣ Песчаномъ, куда она совершенно тайно выбыла изъ Тамбова въ то время, когда тамъ уже производилось дознаніе по настоящему дѣлу; 5) мѣщанинъ Николай Ивановъ Полунинъ, бывшій студентъ Харьковскаго ветеринарнаго института, исключенный въ 1878 г. за участіе въ бывшихъ тамъ безпорядкахъ. Онъ передалъ свой паспортъ скрывавшемуся Пекарскому, съ которымъ послѣдній задержанъ въ Москвѣ; 6) сынъ дворянина Николай Ивановичъ Воскресенскій; 7) сынъ чиновника Аполлонъ Прозоровскій, находившійся въ числѣ привлеченныхъ къ дѣлу преступной пропагандѣ, въ 1874 и 1875 годахъ, и состоящій по этому дѣлу подъ надзоромъ полиціи; 8) дворянинъ Сергѣй Александровъ Петровъ; 9) коллежскій секретарь Николай Николаевъ Ивановъ; 10) губернскій секретарь Владиміръ Марковичъ Бурцевъ, привлекавшійся къ дѣлу о преступной пропагагандѣ въ 1874 и 1875 годахъ и содержавшійся по этому дѣлу подъ стражею при полиціи 4 мѣсяца; 11) бывшій учитель приходскаго училища мѣщанинъ Николай Дмитріевъ Болдинъ, скомпрометированный по тому же дѣлу.

Всѣ перечисленныя лица изобличаются въ большемъ или меньшемъ участіи въ преступной дѣятельности, причемъ обнаружено, что въ квартирѣ Федора Снигирева бывали въ 1878 году сходки, на которыхъ присутствовали изъ числа названныхъ лицъ: Девель, Прозоровскій, Петровъ, Ивановъ, Полунинъ, Болдинъ, Никифоровъ и Бурцевъ. На этихъ сходкахъ происходили пренія, преимущественно о передѣлѣ земли между крестьянами съ отобраніемъ земельной собственности отъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Въ настоящее время, дознаніе по сему предмету, производившееся въ порядкѣ закона 19 мая 1871 г., уже окончено и направлено къ прокурору Саратовской судебной палаты, при чемъ всѣ поименованныя лица за исключеніемъ Екатерины Скуратовой, привлечены къ этому дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ, съ принятіемъ въ отношеніи находящихся въ Тамбовѣ Девеля и Полунина мѣры содержанія подъ арестомъ.

Хотя, такимъ образомъ, Екатерина Скуратова и выдѣлилась изъ числа обвиняемыхъ по сему дѣлу, вслѣдствіе недостатка, главнымъ образомъ, данныхъ по обвиненію ея въ прямыхъ сношеніяхъ съ Гартманомъ, тѣмъ не менѣе личность эта, какъ несомнѣнно преданная революціонному дѣлу, обращаетъ на себя особенное вниманіе.

Засимъ, по Самарской губерніи дознаніе коснулось проживавшаго въ Саратовѣ, служившаго вольноопредѣляющимъ въ расположенномъ тамъ 91 резервномъ баталіонѣ, Георгіѣ Николаевѣ Преображенскомъ, который, по собраннымъ свѣдѣніямъ, во время проживанія въ Самарской губерніи казненаго государственнаго преступника Соловьева, служившаго нѣкоторое время подъ чужою фамиліею въ должности волостного писаря, находился съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ и вообще принадлежалъ къ революціонной партіи. Кромѣ того Преображенскій одно время занимался у Саратовскаго нотаріуса Праотцева, который также навлекъ на себя сильное подозрѣніе въ сношеніяхъ съ пропагандистами и въ особенности съ означеннымъ Соловьевымъ. Въ іюлѣ 1879 г. Преображенскій, подъ предлогомъ свиданія съ матерью, прибылъ въ Петербургъ по проходному свидѣтельству Саратов-

скаго полицмейстера: билетъ же его былъ препровожденъ въ канцелярію С.-Петербургскаго градоначальника, куда, какъ оказалось по справкѣ, Преображенскій за билетомъ не явился. Послѣ того, не смотря на принятыя мѣры къ розыску, мѣсто пребыванія его обнаружено не было; въ послѣднее же время онъ задержанъ подъ чужою фамиліею въ Москвѣ.

XI.

Относительно объединенной революціонной общины въ Тамбовской, Воронежской и Самарской губерніяхъ, политическій преступникъ Курицынъ даетъ нѣкоторыя указанія со словъ содержавшагося съ нимъ въ одесской тюрьмѣ Гольденберга. Хотя указанія эти очень неполны и непослѣдовательны, тѣмъ не менѣе они представляютъ нѣкоторый интересъ въ общемъ измѣненіи революціоннаго движенія въ Россіи.

По словамъ Курицына, такое опредѣленіе времени, съ котораго организовалась объединенная революціонная община въ томъ видѣ, въ какомъ она проявилась въ губерніяхъ Тамбовской, Воронежской и Самарской—невозможно. Точно также невозможно разсматривать дѣятельность этой общины въ отдѣльности, ибо таковая по способу распространенія пропаганды въ народѣ, находится въ тѣсной связи съ дѣятельностью той соціально-революціонной партіи въ Россіи, которая признавала способъ преимущественно устной пропаганды или такъ называемое «хожденіе въ народъ» за наилучшій для достиженія соціально-революціонныхъ цѣлей.

Связь эта, по словамъ Курицына, проявлялась въ Харьковѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ революціонные дѣятели обучались ремесламъ, знакомились съ сельскими работами, безъ знанія которыхъ немыслимо было бы ходить въ народъ. Такъ для этой цѣли устроена была сапожная мастерская въ Харьковѣ, въ домѣ Подольской, гдѣ былъ арестованъ въ 1877 г. Малинка, казненный 7 декабря 1879 г., по приговору Одесскаго военно-окружнаго суда. Тамъ же, въ Харьковѣ, помѣщалась, въ квартирѣ казненнаго въ Кіевѣ государственнаго преступника Брандтнера, столярная мастерская, въ которой обученіемъ руководилъ Иванъ Глушковъ, бѣжавшій въ половинѣ октября 1879 г. за-границу, который причастенъ къ производящемуся нынѣ въ Харьковѣ дѣлу о преступномъ сообществѣ. Засимъ, кузнечному ремеслу революціонныя дѣятели обучались, между прочимъ, въ кузницѣ Харьковскаго ветеринарнаго института, гдѣ этому ремеслу, въ силу программы, долженъ былъ учиться каждый студентъ-ветеринаръ. Въ Саратовѣ была слесарная мастерская, устроенная еще Ковальскимъ [1]) и Войнаральскимъ, ссужденными по процессу 193-хъ. Сельскимъ полевымъ работамъ революціонеры обучались, по словамъ Курицына, въ Маріупольскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, въ имѣніи, принадлежащемъ родственнику Елисаветы Хотинской, по мужу Мощенковой, розыскиваемой по черниговскому дѣлу, каковое имѣніе владѣльцемъ его, принадлежащимъ также къ соціально революціонной

[1]) Ошибка: Коваликомъ. *Ред.*

партіи, предоставлено въ полное распоряженіе революціонеровъ. Кромѣ сего, полевымъ работамъ, въ особенности косьбѣ соціалъ-революціонеры обучались въ чьихъ-то имѣніяхъ, находящихся въ Миргородскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, и въ Валуйскомъ или Бирючскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи.

Относительно Полтавской губерніи дѣлаетъ, между прочимъ, указаніе и Гольденбергъ, называя имѣніе «Калиновъ мостъ», въ Пирятинскомъ уѣздѣ, которое было арендовано въ 1877 г., упомянутымъ въ отдѣлѣ соціально-революціонной партіи украинофиловъ, Федоромъ Зенченко съ единственною цѣлью ознакомленія революціонныхъ дѣятелей съ сельскимъ хозяйствомъ и полевыми работами, дабы сдѣлать ихъ способными для успѣшной пропаганды въ народѣ. Въ тоже время Гольденбергъ указываетъ и на владѣлицу имѣнія «Калиновъ мостъ», Софью Александрову Лесневичъ, которая принимала дѣятельное участіе въ революціонномъ дѣлѣ по Кіеву.

Подобная-же подготовительная, такъ сказать, школа для пропагандистовъ, существуетъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ имѣніи помѣщика Александра Энгельгардта—селѣ Батищевѣ, Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Самъ Энгельгардтъ, бывшій профессоръ С.-Петербургскаго земледѣльческаго института, за которымъ учрежденъ по Высочайшему повелѣнію надзоръ полиціи за участіе въ безпорядкахъ и противозаконныхъ сходкахъ въ названномъ институтѣ, извѣстенъ за человѣка энергическаго и крайне опаснаго по своимъ политическимъ тенденціямъ. Живя безвыходно въ своемъ имѣніи и занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, которое ведется у него съ замѣчательнымъ успѣхомъ, Энгельгардтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ дѣлу соціалъ-революціонеровъ, подготовляя къ нему молодыхъ людей, преимущественно студентовъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, университетовъ и другихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній путемъ сближенія ихъ съ условіями крестьянскаго быта. Въ означенномъ имѣніи, преимущественно во время полевыхъ работъ, проживаютъ болѣе или менѣе продолжительное время молодые люди, работающіе наравнѣ съ простыми рабочими. Энгельгардтъ ведетъ дѣло свое весьма осторожно, вслѣдствіе чего, несмотря на бдительный надзоръ за нимъ, серьезныхъ данныхъ къ изобличенію его во вредномъ направленіи не имѣется.

Засимъ въ Торопецкомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, была обнаружена и закрыта соціально-революціонная кузница, существовавшая въ 1876 и 1877 годахъ въ имѣніи помѣщика Богдановича. Точно также существовала кузница, носившая названіе «гвардейской» въ Самарской губерніи.

Обучившись ремесламъ и въ особенности полевымъ работамъ, революціонные дѣятели направлялись, по словамъ Гольденберга, въ народъ для распространенія среди крестьянъ соціально-революціонныхъ идей, изображая изъ себя чаще всего странствующихъ по селамъ сапожниковъ, которыхъ особенно много на югѣ въ Донской области или просто бродячихъ столяровъ, плотниковъ и вообще рабочихъ. Такіе бродячіе пропагандисты обязательно каждую весну отправлялись на Донъ—на «косовицу», куда, какъ извѣстно, стекается масса крестьянъ косарей изъ сѣверныхъ и другихъ губерній Россіи, нанимались

тамъ къ какому-либо помѣщику въ косари и, сближаясь, такимъ образомъ, съ простымъ народомъ, пропагандировали соціально-революціонныя идеи. Послѣ окончанія полевыхъ работъ на Дону, многіе изъ пропагандистовъ уходили на Волгу и нанимались тамъ въ рабочіе преимущественно на пристаняхъ, равно на рыбныхъ промыслахъ въ Архангельской губерніи и на берегу Каспійскаго моря, гдѣ также стекалось большое число рабочихъ, особенно сектантовъ и бѣглецовъ изъ Сибири. Кромѣ сего, пропагандисты поступали также рабочими на Донскія каменно-угольныя копи и на извѣстный заводъ Юза.

Въ Воронежской губерніи революціонеры сосредоточивали, по словамъ Курицына, свою дѣятельность, преимущественно въ Валуйскомъ и Бирючскомъ уѣздахъ, гдѣ крестьяне, вслѣдствіе столкновенія въ 1874 и 1875 годахъ съ помѣщиками изъ-за лѣса, были недовольны властями и потому легко воспринимали революціонную пропаганду. Въ Тамбовской губерніи они, главнымъ образомъ, старались, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, сблизиться съ раскольниками. Съ этою цѣлью многіе революціонеры изучали наизусть евангеліе и библію, и, перетолковывая на свой ладъ тексты священнаго писанія, развивали среди раскольниковъ соціальныя идеи.

Такимъ образомъ, дѣятельность объединенной революціонной общины въ Тамбовской, Воронежской и Самарской губерніяхъ, на которую указалъ дворянинъ Дрыга, находится въ прямой связи съ дѣятельностью одной обширной революціонной партіи, стремившейся къ ниспроверженію существующаго порядка въ государствѣ путемъ предварительной подготовки къ сему народныхъ массъ. Притонами и центрами сходокъ революціонныхъ дѣятелей этой партіи были: Харьковъ, Ростовъ на-Дону, Саратовъ и, главнымъ образомъ, Петербургъ, гдѣ больше всего, по словамъ Курицына, добывалось денежныхъ средствъ.

До 1873 года пропаганда этой партіи была исключительно устная, но въ этомъ году въ Харьковъ пріѣхалъ, по словамъ Курицына, нижегородскій семинаристъ Ливановъ, бывшій членомъ этой партіи и осужденный по процессу 193-хъ, и впервые привезъ со собою запрещенныя брошюры, до тѣхъ поръ еще невиданныя въ Харьковѣ. Брошюры эти Ливановъ сталъ распространять преимущественно между студентами Харьковскаго ветеринарнаго института, гдѣ онѣ, въ особенности брошюра «Отщепенцы», производили сильное впечатлѣніе.

Въ то время, когда Ливановъ пріѣхалъ въ Харьковъ, упомянутые выше Мощенковъ и Быковцевъ, привлеченные нынѣ къ дѣлу объ убійствѣ харьковскаго губернатора, уже были извѣстны какъ революціонные дѣятели. Кромѣ ихъ, въ Харьковѣ дѣятельно занимался пропагандой бывшій студентъ ветеринарнаго института Емельяновъ, осужденный въ Петербургѣ подъ фамилію Боголюбова за участіе въ манифестаціи на Казанской площади. При помощи этихъ лицъ, Ливановъ успѣлъ сформировать кружокъ народниковъ—пропагандистовъ, преимущественно изъ студентовъ—донскихъ казаковъ. Съ этого времени образовался въ Харьковѣ кружокъ донскихъ пропагандистовъ, который находился въ тѣсной связи съ пропагандистами на Волгѣ, въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ, а также съ кіевскими пропагандистами, такъ что члены этого кружка, скомпрометировавши себя на Дону, уходили въ одну изъ указанныхъ выше губерній по Волгѣ.

Въ концѣ 1877 г., подъ вліяніемъ казненнаго Валеріана Осинскаго, донскіе пропагандисты отчасти приняли программу народниковъ-бунтарей, представителями которыхъ въ Кіевѣ были Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій. Что касается Мощенкова и Быковцева, то они оставались преданными программѣ прежней партіи, сторонники которой, подъ руководствомъ ихъ, продолжали революціонную дѣятельность въ прежнемъ направленіи, сосредоточивъ ее главнымъ образомъ въ Донской области. Въ этомъ отношеніи Быковцевъ, по словамъ Курицына, представляется для Харькова и Дона тѣмъ же, чѣмъ былъ для Кіевской губерніи Стефановичъ. Онъ изучалъ всѣ характеристическія особенности нравовъ и обычаевъ этой области самымъ подробнѣйшимъ образомъ и кромѣ Дона и Харькова не былъ ни въ какой другой мѣстности, тогда какъ Мощенковъ, не менѣе впрочемъ, Быковцева, преданный дѣлу пропаганды, напротивъ, постоянно находился въ разъѣздахъ по разнымъ городамъ и революціоннымъ пунктамъ. Этимъ объясняется и послѣдняя дѣятельность Мощенкова по пропагандѣ въ Тамбовской губерніи, гдѣ онъ успѣлъ, какъ уже упомянуто выше, получить мѣсто волостного писаря. Вообще въ революціонной средѣ Быковцевъ и Мощенковъ пользовались большимъ вліяніемъ. Они еще съ дѣтства были связаны самыми тѣсными узами и оба носили одну и ту же кличку «харьковскій хохолъ», кромѣ того, были извѣстны между революціонерами подъ именами: Быковцевъ—Николая, а Мощенковъ—Никандра.

Съ 1874 года въ дѣлахъ этого кружка принимали самое живое участіе фельдшерицы Елизавета Хотинская и Роза Файнзильбергъ, изъ коихъ первая вышла замужъ за Мощенкова и розыскивается до настоящаго времени для привлеченія къ дѣлу о черниговскомъ преступномъ сообществѣ, къ которому причастна и Файнзильбергъ.

Засимъ Курицынъ указываетъ, что въ числѣ участниковъ кружка Мощенкова и Быковцева находилось много лицъ, изъ числа нынѣ привлеченныхъ къ дѣлу о Харьковскомъ революціонномъ сообществѣ, о дѣятельности котораго изложено будетъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

XII.

Въ концѣ ноября 1879 г., въ Харьковѣ, случайно найдено было въ недостроенномъ домѣ доцента Харьковскаго университетъ Іосифа Сыцянко, небольшое количество оружія, нѣсколько гильзъ, начиненныхъ взрывчатыхъ веществомъ и разныя запрещенныя сочиненія. Чрезъ нѣсколько дней хозяинъ дома, доцентъ Сыцянко, заявилъ, что въ жиломъ его домѣ, въ чуланѣ, имъ усмотрѣны спираль Румкорфа, гальваническая батарея и проволока.

Дознаніемъ по этому дѣлу обнаружено слѣдующее. Въ исходѣ 1878 и началѣ 1879 г. революціонные дѣятели, сосредоточившіеся въ Петербургѣ, пришли къ заключенію о необходимости расширенія ихъ дѣятельности въ провинціи. По составленному плану однимъ изъ глав-

ныхъ центровъ намѣченъ былъ Харьковъ, какъ городъ, расположенный на желѣзной дорогѣ, удобный по своему центральному положенію для юга Россіи и привлекающій къ себѣ значительное число революціонеровъ и учащейся молодежи. Съ этою цѣлью въ мартѣ 1879 г. командирована была изъ Петербурга въ Харьковъ Ковальская—жена учителя. Прибывъ въ Харьковъ, подъ предлогомъ поступленія въ фельдшерскую школу, она имѣла намѣреніе завести знакомство съ молодыми людьми, собирать ихъ у себя для чтенія разныхъ сочиненій по политической экономіи и при ближайшемъ съ ними знакомствѣ намѣтить тѣхъ, которые по характеру и наклонностямъ своимъ окажутся наиболѣе пригодными для преступной дѣятельности.

Ковальская пробыла въ Харьковѣ около шести недѣль. Въ теченіе этого времени въ квартирѣ ея и, по ея почину, въ квартирахъ другихъ лицъ, устраивались сходки, въ которыхъ принимали участіе гимназисты, гимназистки и студенты первыхъ курсовъ университета и ветеринарнаго института. На этихъ сходкахъ, кромѣ чтенія разныхъ сочиненій по политической экономіи, читались также и раздавались для распространенія газеты «Земля и Воля» и другія запрещенныя изданія. Главное участіе въ этой преступной дѣятельности принимали студенты Харьковскаго университета Дмитрій Буцинскій, происходящій изъ духовнаго званія и Алексѣй Преображенскій, сынъ священника Курской губерніи.

16 апрѣля свѣдѣнія объ этихъ сходкахъ дошли до жандармскаго управленія и въ квартирѣ Буцинскаго, гдѣ проживала и Ковальская, былъ произведенъ обыскъ, при которомъ найдено нѣсколько запрещенныхъ сочиненій. Сами же Буцинскій, Ковальская и Преображенскій, до этого обыска, успѣли скрыться изъ Харькова. Впослѣдствіи по разслѣдованіи оказалось, что въ сходкахъ у Ковальской принимали участіе и играли болѣе видную роль бывшіе студенты Харьковскаго университета Яковъ Кузнецовъ (изъ духовного званія) и Митрофанъ Блиновъ, а также ученика Харьковскаго реальнаго училища Александръ Сыцянко (сынъ доцента) и Иванъ Гейеръ, изъ дворянъ.

Въ началѣ дѣта 1879 г. въ Харьковъ прибылъ Петръ Теллаловъ, Севастопольскій мѣщанинъ, бывшій воспитанникъ горнаго института, извѣстный въ кружкѣ подъ названіемъ «старосты». Онъ прежде всѣхъ сошелся тамъ съ находившимся подъ надзоромъ полиціи, бывшимъ студентомъ С. Петербургскаго земледѣльческаго института, судившимся по процессу 193-хъ, Иваномъ Глушковымъ, который въ половинѣ сентября скрылся изъ Харькова и, по имѣющимся положительнымъ даннымъ, уѣхалъ за-границу, а затѣмъ, чрезъ Глушкова, познакомился съ упомянутыми выше Кузнецовымъ, Блиновымъ и Александромъ Сыцянко. Съ этого времени преступная дѣятельность въ Харьковѣ приняла болѣе широкіе размѣры. Въ квартирѣ Кузнецова и Блинова, жившихъ вмѣстѣ, а иногда и въ другихъ мѣстахъ, устраивались сходки, въ которыхъ принимали участіе не только студенты, но и лица, не принадлежащія къ учащейся молодежи, какъ напримѣръ, рабочіе и даже нижніе чины. Главная дѣятельность въ этомъ кружкѣ принадлежала Теллалову, а за нимъ Глушкову и Блинову. Подъ ихъ

руководствомъ кружокъ этотъ состоялъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ революціонерами другихъ городовъ, при чемъ въ перепискѣ пользовался особымъ шифромъ. Кромѣ чтенія лекцій о цѣляхъ и средствахъ преступной пропаганды въ Россіи, кружокъ этотъ получалъ запрещенныя книги и занимался ихъ распространеніемъ. Въ кружкѣ существовала также касса, составлявшаяся изъ денежныхъ взносовъ лицъ, принадлежавшихъ къ кружку, а также имѣлись печати и разные бланки для составленія паспортовъ. Кассою завѣдывалъ Теллаловъ; составленіемъ же и выдачею паспортовъ занимался студентъ Харьковскаго университета, сынъ чиновника, Константинъ Филипповъ. Складъ запрещенныхъ сочиненій находился въ квартирѣ Александра Сыцянко, гдѣ устраивался также печатный станокъ, не бывшій, однако, въ употребленіи.

Въ образовавшійся, такимъ образомъ, въ Харьковѣ революціонный кружокъ пріѣзжали разныя лица изъ другихъ городовъ. Изъ ихъ числа особенно выдается нѣкто, называвшійся Биконсфильдомъ, Грищкою, Ѳедоромъ и другими прозвищами. Бывая въ Харьковѣ и принимая участіе въ сходкахъ, преимущественно въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ 1879 г., лицо это, очевидно, имѣло задачею дать Харьковскому кружку болѣе опредѣленную организацію. Въ кружкѣ онъ читалъ лекцію о раздѣленіи русскихъ революціонеровъ на двѣ партіи—народниковъ и террористовъ, и, принадлежа самъ къ послѣдней, приглашалъ своихъ слушателей примкнуть къ этой партіи, направившей, по его словамъ, свою дѣятельность главнымъ образомъ на цареубійство. Вмѣсто съ нимъ пріѣзжалъ въ Харьковъ нѣкто, называвшійся Борисовымъ, человѣкъ съ большимъ образованіемъ и замѣчательнымъ ораторскимъ талантомъ, читавшій лекцію на ту же преступную тему. Чтеніе Борисова производило на слушателей глубокое впечатлѣніе и вызвало во многихъ сочувствіе къ его идеямъ.

Во второй половинѣ октября, называвшійся Биконсфильдомъ, привезъ въ Харьковъ съ юга два пуда динамита и первоначально хранилъ его въ квартирѣ Кузнецова, а вскорѣ, затѣмъ, отдалъ на храненіе Александру Сыцянко. Дней черезъ пять послѣ проѣзда чрезъ Харьковъ императорскаго поѣзда, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, неизвѣстно кѣмъ доставлены были къ Теллалову спирали Румкорфа, гальваническая батарея, проволка—изолированная гутаперчею—взрывчатые снаряды и оружіе, найденные впослѣдствіи въ домѣ Сыцянко. Аппараты эти оказались совершенно сходными съ тѣми, которые были употреблены при производствѣ 19 ноября, подъ Москвою, взрыва полотна желѣзной дороги и, по словамъ нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, предназначались также для производства взрыва гдѣ-то на югѣ.

Впослѣдствіи обнаружено, что лицо, называвшееся Биконсфильдомъ и разными другими прозвищами, былъ никто иной, какъ Гольденбергъ, задержанный 14 ноября съ большимъ запасомъ нитроглицерина, вслѣдствіе сдѣланнаго III Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи секретнаго распоряженія, по которому жандармскимъ желѣзно-дорожнымъ чинамъ было предписано обращать вниманіе на багажъ пассажировъ, проѣзжающихъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Послѣднія, изложенныя выше, указанія относительно пребыванія Гольденберга въ Харьковѣ подтверждаетъ и самъ Гольденбергъ въ разоблаченіяхъ своихъ о революціонной организаціи, при чемъ представляется, повидимому, совершенно чистосердечнымъ въ этой части своего заявленія, хотя и въ прочихъ частяхъ его не представляется до сихъ поръ повода къ какимъ-либо сомнѣніямъ.

По словамъ Гольденберга, онъ прибылъ въ Харьковъ въ первой половинѣ сентября, гдѣ, чрезъ посредство привлеченнаго къ этому же дѣлу дворянина Николая Богуславскаго, познакомился съ упомянутыми выше Глушковымъ, Блиновымъ, Кузнецовымъ и Теллаловымъ. По словамъ Гольденберга, цѣлью прибытія его въ Харьковъ было познакомить тамошнихъ революціонныхъ дѣятелей съ послѣдними дѣйствіями партіи «террористовъ» послѣ съѣзда послѣднихъ въ г. Липецкѣ, о чемъ будетъ изложено ниже. Поэтому онъ устроилъ въ Харьковѣ, при содѣйствіи Кузнецова и Блинова, нѣсколько сходокъ. На первой изъ нихъ, происходившей въ квартирѣ учителя народной школы въ Харьковѣ, Дмитрія Маныга (сынъ матроса), содержавшагося нынѣ въ Харьковской тюрьмѣ, собрались, между прочимъ, кромѣ Маныги и его жены, повивальная бабка Татьяна Иванова Лебедева, дочь купца Авдотья Краснокутская, арестованная по дѣлу о преступномъ сообществѣ въ Бессарабіи; дворянинъ Кіевской губерніи Николай Николаевъ Колодкевичъ, о которомъ уже упоминалось выше, розыскиваемый по дѣлу о преступномъ сообществѣ въ Кіевѣ; Иванъ Каменцовъ, изъ дворянъ Купянскаго уѣзда, Харьковской губерніи, студентъ Харьковскаго университета; аптекарскій ученикъ Викторъ Даниловъ, изъ дворянъ; упомянутые выше Теллаловъ, Богуславскій, Филипповъ и неизвѣстный называвшійся Афанасіемъ. Развивая на этой сходкѣ теоретическіе взгляды свои на террористическое движеніе и не касаясь практическихъ вопросовъ, Гольденбергъ, по его словамъ, пришелъ къ убѣжденію, что понятія эти совершенно новы для большинства присутствовавшихъ, но въ тоже время подмѣтилъ въ молодежи желаніе ближе ознакомиться съ тѣми вопросами. На второй сходкѣ, бывшей, по словамъ Гольденберга, у студента Осипова, на которой собралось около 40 человѣкъ, говорилъ, кромѣ Гольденберга, Андрей Ивановъ Желябовъ, о которомъ будетъ изложено ниже, при чемъ развивая тѣ же положенія, которыхъ касался и Гольденбергъ, Желябовъ распространялся въ смыслѣ возможности достигнуть путемъ террора вліянія на общество и даже на внѣшнія дѣла государства. Изъ дальнѣйшаго показанія Гольденберга видно, что онъ пробылъ въ Харьковѣ до половины октября, послѣ чего, узнавъ о готовящемся въ Москвѣ покушеніи, отправился туда для принятія участія въ этомъ преступленіи. Кромѣ сего изъ показанія его видно, что въ 20 числахъ сентября изъ Петербурга пріѣхали въ Харьковъ Ипполитъ Кошурниковъ и Андрей Пресняковъ, о которыхъ будетъ сказано ниже и привезли съ собою около 3 пудовъ динамита и проволоки. Динамитъ этотъ первоначально хранился въ гостиницѣ, въ которой лица эти остановились, а затѣмъ у студента Нечаева, о которомъ свѣдѣній не имѣется; впослѣдствіи же былъ перевезенъ въ домъ акушерки, жены офицера Екатерины Григорьевой Сикорской, также привлеченной къ харьковскому дѣлу, гдѣ Гольденбергъ нанялъ для себя квартиру

Засимъ, что касается упомянутой выше личности, называвшейся Борисовымъ, которая на второй сходкѣ революціонеровъ, устроенной Гольденбергомъ въ квартирѣ студента Осипова, развивала террористическія идеи, то, судя по имѣющимся въ показаніи Гольденберга указаніямъ, личность эта есть, по всей вѣроятности, названный выше Андрей Ивановъ Желябовъ. Предположеніе это подтверждается тѣмъ, что какъ по свѣдѣніямъ, добытымъ путемъ дознанія, такъ и по показанію Гольденберга, изъ числа присутствовавшихъ на этой сходкѣ говорило о преимуществахъ террористической системы только одно, кромѣ его, Гольденберга, лицо, которое по дознанію называлось Борисовымъ, а по показанію Гольденберга Андреемъ Ивановымъ Желябовымъ. Засимъ, по обстоятельствамъ дознанія, лицо это было съ большимъ образованіемъ и обладало значительнымъ ораторскимъ талантомъ, такъ что произвело на слушателей глубокое впечатлѣніе; тоже самое говоритъ Гольденбергъ о Желябовѣ, представляя его человѣкомъ съ громадными способностями, знаніемъ, развитіемъ, умомъ и ораторскимъ талантомъ, благодаря которымъ онъ способенъ вліять на людей. Наконецъ, путемъ дознанія выяснилось, что называвшійся Борисовымъ былъ гдѣ-то учителемъ въ Кіевѣ и Гольденбергъ, упоминая о Желябовѣ, также указываетъ, что послѣдній былъ гдѣ-то учителемъ. Такъ какъ личность Борисова до сего времени еще не выяснена, то приведенныя указанія представляются не безъ значенія, тѣмъ болѣе, что Борисовъ, если только онъ и Желябовъ одно и то-же лицо, окажется причастнымъ еще и къ другимъ болѣе важнымъ преступленіямъ, о которыхъ будетъ изложено ниже [1]).

Кромѣ сего, по даннымъ, обнаруженнымъ до настоящаго времени, въ Харьковскомъ революціонномъ кружкѣ участвовали, кромѣ упомянутыхъ выше, еще слѣдующія лица: учительница Харьковской земской школы Полина Черышева; сынъ отставного штабсъ-ротмистра Владиміръ Жебуневъ, уже привлекавшійся къ дѣлу о государственныхъ преступленіяхъ и судившійся по процессу 193-хъ, отецъ котораго имѣетъ въ Екатеринославскомъ и Павлоградскомъ уѣздахъ до 7000 десятинъ земли; дворянинъ Купянскаго уѣзда Викторъ Тихоцкій; бывшій студентъ Харьковскаго университета Дмитрій Буцинскій (изъ духовнаго званія); бывшій студентъ того же университета, Евгеній Никитинъ (изъ мѣщанъ); купеческій сынъ, почетный гражданинъ, Евграфъ Легкій; студенты Харьковскаго университета: Владиміръ Усаковскій и Иванъ Торчинскій (оба изъ духовнаго званія); ученикъ Харьковскаго реальнаго училища Густавъ Крушель; мѣщанинъ Никифоръ Пивоваровъ—лакей доктора Сыцянко; жена служащаго въ Москвѣ чиновника, родная сестра доцента Сыцянко, Викторія Гюльцгофъ, ея сыновья, ученики реальнаго училища: Александръ, Василій, Викторъ Гольцгофъ; дочери доцента Сыцянко—Анна и Марія Сыцянко; фельдшерица Анна Шандоръ, бывшій студентъ Харьковскаго универ-

[1]) Подъ фамиліей Борисова былъ, дѣйствительно, Желябовъ, носившій одно время кличку Борисъ. *Ред.*

ситета Нифонтъ Долгополовъ; бывшій студентъ Харьковскаго университета, сынъ священника Курской губерніи, Алексѣй Преображенскій; бывшій студентъ того же университета, изъ духовнаго званія Евгеній Козловъ; бывшій ученикъ Харьковскаго реальнаго училища Александръ Гранатъ; мѣщанка Софья Филатова; врачъ Николай Степановъ Ивановъ, окончившій недавно курсъ въ Харьковскомъ университетѣ и Татьяна Иванова Иванова, въ которой предполагается жена врача Иванова, Татьяна Абрамова. Изъ нихъ задержаны: Маныгъ, Чернышева, Тихоцкій, Долиновъ, Кузнецовъ, Блиновъ, Александръ Сыцянко, Гейеръ, Легкій, Богославскій, Никитинъ и Буцинскій, которые содержатся въ Харьковскомъ тюремномъ замкѣ. Засимъ Усаковскій, Гейеръ, Крушель, Пивоваровъ, Торчинскій, Гюльгофъ съ дѣтьми, дочери Сыцянко, Шандоръ и Сикорская отданы подъ надзоръ полиціи; Долгополовъ находится въ административной ссылкѣ въ Восточной Сибири, вслѣдствіе чего сдѣлано распоряженіе о возвращеніи его въ Харьковъ; остальные же скрылись и къ розыску ихъ приняты мѣры.

Кромѣ того привлеченъ къ дѣлу и содержится подъ стражею доцентъ Іосифъ Сыцянко, который хотя и не принималъ, повидимому, прямого участія въ преступной дѣятельности, но несомнѣнно зналъ о принадлежности своего сына къ преступному сообществу и помогалъ ему скрывать слѣды преступленія. Такъ, по его совѣту и указаніямъ была совершена сыномъ его перевозка склада запрещенныхъ изданій и шрифта изъ городского дома своего на дачу, и также уничтоженъ печатный станокъ, о которомъ упомянуто выше.

Въ настоящемъ дѣлѣ представляется тотъ замѣчательный фактъ, что большая часть задержанныхъ лицъ не только не обнаруживаетъ дерзкаго запирательства, составлявшаго до сихъ поръ отличительное свойство всѣхъ, такъ называемыхъ, соціалистовъ-революціонеровъ, а напротивъ даетъ подробныя, чистосердечныя показанія, при чемъ нѣкоторые высказываютъ даже несомнѣнное раскаяніе. Такъ, напримѣръ, студентъ Кузнецовъ, считавшійся однимъ изъ непримиримыхъ агитаторовъ и бывшій главнымъ дѣятелемъ по распространенію въ средѣ учащейся молодежи подпольныхъ изданій, въ настоящее время не только раскрываетъ всѣ подробности своей дѣятельности, но открыто уличаетъ своихъ прежнихъ товарищей. Не меньшею откровенностью отличается и Богославскій, еще недавно пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ такихъ крупныхъ дѣятелей, какъ Гольденбергъ, Теллалловъ и Глушковъ. Студентъ Блиновъ, занимавшій одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ кружкѣ харьковскихъ соціалистовъ, посвященный во всѣ ихъ тайны, показаніями своими значительно способствовалъ разъясненію дѣла и, между прочимъ, открылъ значеніе шифра, извѣстнаго весьма немногимъ изъ соціалистовъ и употреблявшагося въ самой серьезной перепискѣ между ними.

XIII.

Одновременно съ возникновеніемъ, изложеннаго въ предыдущемъ отдѣлѣ, дѣла о революціонномъ сообществѣ въ Харьковѣ былъ

задержанъ въ Елисаветградѣ, при указанныхъ выше обстоятельствахъ, кіевскій купеческій сынъ Григорій Гольденбергъ, высланный административнымъ порядкомъ въ апрѣлѣ 1878 г., изъ Кіева въ Холмогоры за участіе въ преступной пропагандѣ и бѣжавшій оттуда въ іюнѣ того же года.

Послѣдовавшее нѣсколько дней спустя преступное покушеніе подъ Москвою, выразившееся во взрывѣ полотна на курской желѣзной дорогѣ, придавало задержанію Гольденберга особое значеніе по причинѣ оказавшагося при немъ нитроглицерина.

Въ послѣднее время Гольденбергъ сталъ обнаруживать проблески раскаянія, но первоначально сдѣланныя имъ показанія были крайне отрывочны и неопредѣленны, выражая нерѣшительность его и борьбу съ самимъ собою на пути къ полному сознанію.

Наконецъ, Гольденбергъ сдѣлалъ, повидимому, вполнѣ достовѣрное заявленіе, указывающее на обширность свѣдѣній его о соціально-революціонномъ движеніи въ Россіи.

Показаніе его выясняетъ преимущественно революціонную дѣятельность партіи «террористовъ»; что касается организаціи дѣятельности другихъ революціонныхъ партій, то Гольденбергъ даетъ лишь самое слабое о нихъ понятіе, обѣщая впослѣдствіи сообщить самыя подробныя и обстоятельныя по сему предмету свѣдѣнія.

Партія «террористовъ», которая для достиженія противоправительственныхъ цѣлей избрала средствомъ политическія убійства, появилась, по словамъ Гольденберга, въ 1878 г. До іюля 1879 г., партія эта не имѣла опредѣленной организаціи, вслѣдствіе чего дѣятельность ея, проявившаяся въ цѣломъ рядѣ преступленій, не имѣла общей связи, а злоумышленники дѣйствовали совершенно случайно и внѣ всякаго руководительства и ясно опредѣленной цѣли.

Относительно убійства харьковскаго губернатора князя Кропоткина уже подробно изложено было въ особомъ отдѣлѣ. Преступленіе это, по словамъ Гольденберга, составляетъ его личное дѣло: имъ оно задумано и имъ же приведено въ исполненіе; остальные же участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ, или въ качествѣ пособниковъ, или же сочувствовавшихъ преступленію,—отводятся Гольденбергомъ на задній планъ.

Засимъ, относительно другихъ политическихъ убійствъ и покушеній, совершенныхъ со времени появленія террористической фракціи по іюль 1879 г., Гольденбергъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія:

Первое политическое преступленіе, выразившееся въ покушеніи на жизнь бывшаго С.-Петербургскаго градоначальника генералъ-адъютанта Трепова, не составляло, по словамъ Гольденберга, такого дѣйствія, которое бы имѣло характеръ порученія со стороны какого-либо преступнаго органа, а было дѣломъ побужденія одной преступной личности, именно дочери капитана Вѣры Засуличъ, дѣйствовавшей совершенно самостоятельно.

Политическій преступникъ Курицынъ, въ своей запискѣ о революціонной дѣятельности Лизогуба (казненъ) и его кружка, между прочимъ указываетъ, со словъ самого Лизогуба, что убійство генералъ-адъютанта Трепова замышлялось независимо отъ Вѣры Засуличъ, съ каковою цѣлью злоумышленники, не бывшіе вовсе солидарны

съ Засуличъ и даже вовсе ее не знавшіе, подробно изучали образъ жизни петербургскаго градоначальника и его привычки, приготовили для исполненія преступленія двѣ верховыя лошади, такъ какъ совершеніе убійства замышлялось на улицѣ; но когда уже все было готово и даже назначенъ былъ день убійства—Засуличъ, неожиданно для всѣхъ, предупредила ихъ, чѣмъ навлекла на себя даже неудовольствіе и порицаніе со стороны революціонеровъ, видѣвшихъ въ самопожертвованіи Засуличъ необдуманный поступокъ. Далѣе Курицынъ сообщаетъ, что послѣ оправдательнаго приговора суда, Засуличъ скрывалась около мѣсяца у сотрудника журнала «Отечественныя Записки» Жемчужникова, гдѣ она познакомилась со многими революціонными дѣятелями, до этого ее совершенно не знавшими.

Засимъ, Арсеній Богославскій даетъ нѣкоторое указаніе объ этомъ преступленіи, говоря, что покушеніе на жизнь генералъ-адъютанта Трепова замышлялось по иниціативѣ Валеріана Осинскаго и приведено въ исполненіе Вѣрою Засуличъ по рѣшенію исполнительнаго революціоннаго комитета.

Такимъ образомъ, въ показаніяхъ названныхъ трехъ политическихъ преступниковъ о покушеніи на приведенное преступленіе является противорѣчіе, которое можетъ быть объяснено тѣмъ, что никто изъ нихъ не зналъ этого дѣла изъ прямого, такъ сказать, источника, а каждый сообщалъ только то, что самъ слышалъ отъ другихъ.

Вторымъ, по времени, преступленіемъ было покушеніе на жизнь товарища прокурора Котляревскаго въ Кіевѣ, совершенное въ началѣ 1878 г. Необходимость этого преступленія, о которомъ, по словамъ Гольденберга, было сообщено ему незадолго до покушенія Валеріаномъ Осинскимъ, мотивировалась тѣмъ, что товарищъ прокурора Котляревскій принималъ будто бы слишкомъ строгія мѣры противъ арестованныхъ по политическимъ дѣламъ. Участія въ настоящемъ покушеніи онъ, Гольденбергъ, никакого не принималъ и только впослѣдствіи узналъ, что оно было совершено Фоминымъ, настоящая фамилія котораго Медвѣдевъ, осужденнымъ по дѣлу Войнаральскаго въ каторжныя работы безъ срока, затѣмъ Алексѣемъ Ѳедоровымъ, о которомъ никакихъ свѣдѣній въ виду не имѣется, и Иваномъ Ивичевичемъ(умершимъ отъ ранъ).

Политическій преступникъ Курицынъ, въ своемъ показаніи объ этомъ преступленіи, данномъ со словъ Никиты Левченко, указываетъ, что покушеніе на жизнь товарища прокурора Котляревскаго совершено Валеріаномъ Осинскимъ, Ѳоминымъ и Ивичевичемъ, а Богославскій, въ своемъ показаніи, называетъ виновниками этого преступленія только послѣднихъ двухъ. Слѣдовательно, не будетъ ли Осинскій тѣмъ самымъ Ѳедоровымъ, о которомъ говоритъ Гольденбергъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній знаетъ объ участникахъ настоящаго покушенія отъ Осинскаго.

Засимъ, слѣдовало убійство въ Кіевѣ жандармскаго офицера Гейкинга, совершенное бывшимъ студентомъ медико-хирургической академіи, носившемъ прозвище «Голотупенко». Въ разъясненіе этой личности, Гольденбергъ сообщаетъ слѣдующее: онъ 22 лѣтъ, роста средняго, шатенъ, безъ бороды, съ маленькими усами, слабаго сложенія,

блѣдный, по происхожденію русскій; приходилъ въ августѣ 1879 г. ночевать въ домъ какого-то судебнаго слѣдователя, на Шулявской улицѣ, гдѣ жили онъ, Гольденбергъ и Сергѣй Диковскій.

По поводу этого убійства Курицынъ, со словъ Никиты Левченко, говоритъ, что убійцею былъ соціалистъ, пріѣхавшій съ сѣвера, великоросъ, высокаго роста, стройный, красивый, съ русыми волосами. [1])

О послѣдовавшемъ вслѣдъ затѣмъ убійствѣ генералъ-адъютанта Мезенцова, лично, Гольденбергъ ничего положительно не знаетъ, такъ какъ онъ не только не участвовалъ ни въ совѣщаніяхъ по этому преступленію, ни въ приготовленіяхъ къ оному, но получивъ незадолго до этого свѣдѣнія о готовившемся убійствѣ отъ сына чиновника Павла Орлова, сосланнаго въ каторжныя работы за вооруженное сопротивленіе въ Кіевѣ, даже счелъ необходимымъ, по совѣту того же Орлова, своевременно уѣхать изъ Петербурга. Затѣмъ, находясь въ Кіевѣ, онъ, Гольденбергъ, узналъ 4 августа о совершеніи преступленія отъ знакомой названнаго Орлова, жены дворянина Екатерины Тумановой, по мужу Гамкрелидзе, содержавшейся въ 1877 въ смирительномъ домѣ, по обвиненію въ пропагандѣ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, по какому дѣлу, судившійся вмѣстѣ съ нею, мужъ ея сосланъ въ Сибирь. Наконецъ, только впослѣдствіи ему, Гольденбергу, сдѣлалось извѣстно, что участниками этого преступленія были: Сергѣй Кравчинскій, Ипполитъ Алексѣевъ Кошурниковъ и Адріанъ Михайловъ, изъ коихъ первый былъ фактическимъ убійцею, а остальные его ближайшими пособниками.

Изъ числа этихъ лицъ Михайловъ, сынъ губернскаго секретаря, былъ задержанъ гораздо ранѣе заявленія Гольденберга и нынѣ приговоренъ С.-Петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ къ повѣшенію, но приговоръ этотъ Всемилостивѣйше замѣненъ ссылкою въ каторжныя работы на 20 лѣтъ. О Кошурниковѣ Гольденбергъ упоминаетъ только, что лицо это называлось также Воронинымъ и что примѣты его слѣдующія: 25 лѣтъ, высокаго роста, брюнетъ, носитъ бороду и усы. [2]) Что касается Кравчинскаго, то о немъ извѣстно, что онъ отставной подпоручикъ артиллеріи, воспитывался въ Артиллерійскомъ училищѣ; по выходѣ въ отставку былъ слушателемъ С.-Петербургскаго лѣсного института, но не кончивъ курса, присталъ къ революціонной партіи и занялся преступной пропагандой. Въ 1875 г. Кравчинскій былъ задержанъ въ Твери, но на пути въ становую квартиру бѣжалъ и находится нынѣ за-границею.

Объ убійствѣ генералъ-адъютанта Мезенцова, государственный преступникъ Богославскій говоритъ, что оно стоило роволюціонерамъ до 2.000 рублей. Объ этомъ онъ зналъ отъ революціонныхъ дѣятелей Каца, Зубковскаго, Якова Шульгина, Колодкевича и нѣкоего Сухманева, который нынѣ розыскивается. Объ этомъ Сухманевѣ Гольденбергъ сообщаетъ, что онъ находится въ одномъ изъ селъ въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, а его родной братъ служащій во-

[1]) Все это, какъ извѣстно, невѣрно. Убійство Гейкинга совершилъ Г. А. Попко. *Ред.*

[2]) Кошурниковъ одинъ изъ псевдонимовъ А. И. Баранникова. *Ред.*

еннымъ писаремъ въ Кіевѣ и тоже принадлежащій къ революціонному сообществу въ Кіевѣ, живетъ на Жилянской улицѣ, въ зданіи, гдѣ помѣщается управленіе воинскаго начальника.

Засимъ, о покушеніи на жизнь генералъ-адъютанта Дрентельна Гольденбергъ никакихъ свѣдѣній не имѣетъ, хотя онъ и встрѣчался, незадолго до совершенія этого преступленія, съ осужденнымъ по сему дѣлу въ каторжныя работы, бывшимъ студентомъ медико-хирургической академіи Мирскимъ.

Что касается покушенія 2 апрѣля, то изъ показанія Гольденберга видно, что онъ принималъ въ этомъ дѣлѣ самое дѣятельное участіе и что ему принадлежитъ самая мысль о цареубійствѣ.

По словамъ Гольденберга, мысль эта родилась въ немъ вскорѣ послѣ убійства князя Кропоткина. Прибывъ, подъ ея вліяніемъ, въ Петербургъ, Гольденбергъ обсуждалъ этотъ вопросъ съ Зунделевичемъ, о которомъ упоминалось выше, и дворяниномъ Александромъ Семеновымъ Михайловымъ [1]), родители котораго живутъ въ Курской губерніи, а прежде жили въ Кіевѣ. Этотъ Михайловъ, по словамъ Гольденберга, былъ студентомъ технологическаго института, но въ 1875 году, за участіе въ безпорядкахъ, бывшихъ въ этомъ институтѣ, подвергся высылкѣ изъ С.-Петербурга въ Кіевъ.

Встрѣтивъ въ этихъ лицахъ, противъ ожиданія, полное единомысліе, Гольденбергъ сталъ готовиться къ осуществленію самого преступленія. Первоначально въ дѣло это былъ посвященъ коллежскій секретарь Соловьевъ (казненный по этому дѣлу), а затѣмъ Людвигъ Кобылянскій, участвовавшій вмѣстѣ съ Гольденбергомъ въ убійствѣ князя Кропоткина, и, наконецъ, лицо, извѣстное Гольденбергу подъ именемъ Александра, которое онъ называетъ также Преображенскимъ. По предъявленіи нынѣ Гольденбергу фотографической карточки содержащагося въ С.-Петербургской крѣпости Александра Квятковскаго, онъ призналъ въ изображенной личности того самого Александра, который принималъ участіе въ покушеніи.

Между названными шестью лицами происходило, по словамъ Гольденберга, нѣсколько собраній въ разныхъ трактирныхъ заведеніяхъ и затѣмъ, когда въ принципѣ состоялось полное между ними соглашеніе, рѣшено было какъ можно скорѣе приступить къ приведенію преступнаго замысла въ исполненіе. По словамъ Гольденберга, онъ первый вызвался совершить это преступленіе, а за нимъ—Кобылянскій, но ихъ предложенія не были приняты на томъ основаніи, что Гольденбергъ—еврей, а Кобылянскій—полякъ, тогда какъ признавалось безусловно необходимымъ, чтобы злоумышленникъ былъ непремѣнно русскій. Поэтому, когда послѣ того предложилъ свои услуги Соловьевъ, его признали совершенно пригоднымъ для задуманнаго дѣла.

Послѣ того были пріобрѣтены револьверъ и патроны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того, что осуществленіе преступнаго замысла должно было вызвать обыски и аресты со стороны полиціи, всѣ нелегальные, т. е. тѣ изъ числа революціонеровъ, которые скрывались подъ чужими фамиліями, были предупреждены о необходимости не-

[1]) Ошибка: Александромъ Дмитріевичемъ Михайловымъ. *Ред.*

медленнаго выѣзда изъ Петербурга. Поэтому и Гольденбергъ, какъ тоже нелегальный, 31 марта отправился въ Харьковъ, гдѣ и узналъ отъ студента тамошняго университета, Подгаевскаго, о неудавшемся покушеніи 2 апрѣля. Въ квартирѣ этого Подгаевскаго были оставлены, по словамъ Гольденберга, привезенныя имъ изъ Петербурга, въ большомъ количествѣ, предназначавшіяся для распространенія: подпольное изданіе «Земля и Воля» и прокламаціи по поводу убійства князя Кропоткина и покушенія на жизнь генералъ-адъютанта Дрентельна.

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ до отъѣзда 31 марта въ Харьковъ, Гольденбергъ жилъ въ квартирѣ служащаго въ типографіи, дворянина Адама Бржезовскаго, къ которому рекомендовала его слушательница женскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи Марфа Ласкоронская, уроженная Соколовская. Изъ этихъ лицъ, Бржезовскій, по имѣющимся свѣдѣніямъ, привлекался къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ Закавказскомъ краѣ въ числѣ 38 лицъ, но преслѣдованіе противъ него было прекращено въ іюлѣ 1878 г. Но Гольденбергъ ни о немъ, ни о Ласкоронской не сообщаетъ такихъ свѣдѣній, которыя бы указывали на принадлежность этихъ лицъ къ революціонной партіи.

XIV.

Въ іюлѣ 1879 г. Гольденбергъ получилъ свѣдѣніе, что въ г. Липецкѣ, Тамбовской губерніи, назначенъ съѣздъ соціально-революціонныхъ дѣятелей изъ партіи террористовъ. Свѣдѣніе это сообщилъ ему, скрывающійся подъ чужимъ именемъ, дворянинъ Николай Николаевичъ Колодкевичъ, носящій прозваніе «Котъ Мурлыка», который привлекался въ Кіевѣ къ политическому дознанію, а нынѣ розыскивается по дѣлу о преступномъ сообществѣ въ Кіевѣ. Впрочемъ, по-словамъ Гольденберга, мысль о подобномъ съѣздѣ сильно занимала и его самого въ послѣднее время, по поводу чего онъ возбуждалъ этотъ вопросъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Кіевѣ, при чемъ, упомянутые выше Зубковскій и Зунделевичъ приняли на себя войти по сему предмету въ сношеніе съ наиболѣе вліятельными дѣятелями революціонной партіи, узнать ихъ мнѣніе и, если послѣдуетъ соглашеніе, опредѣлить время и мѣсто съѣзда.

Изъ дальнѣйшаго показанія Гольденберга видно, что съѣздъ въ Липецкѣ дѣйствительно состоялся и имѣлъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ революціоннаго движенія. На немъ присутствовали, кромѣ Гольденберга, между прочимъ, слѣдующія лица: упомянутыя выше—Александръ Михайловъ, Николай Колодкевичъ, Андрей Желябовъ и Александръ (онъ-же Преображенскій), признанный Квятковскимъ; затѣмъ Степанъ Ивановъ Ширяевъ, (онъ-же Смирницкій), сынъ священника Смоленской губерніи, содержащійся въ С.-Петербургской крѣпости по дѣлу означеннаго Квятковскаго (онъ-же Чернышевъ), Левъ Александровъ Тихомировъ (онъ-же Тигрычъ), бывшій студентъ С.-Петербургскаго университета, который судился по процессу 193-хъ и, будучи отданъ подъ надзоръ полиціи, скрылся; наконецъ магистръ

русской словесности Петръ Осиповъ Морозовъ [1], Михаилъ Фоменко [2], извѣстный въ революціонной средѣ подъ именемъ Михайлы, о которомъ упоминалось раньше и неизвѣстная женщина, которую Гольденбергъ называетъ Марьей Николаевной [3].

Эта послѣдняя, по словамъ Гольденберга, называлась иначе «Якобсонихой», такъ какъ она принадлежала раньше къ фракціи «якобинцевъ». Представителемъ этой фракціи является, по показанію Гольденберга, русскій эмигрантъ Ткачевъ, а выразителемъ принциповъ и взглядовъ этой фракціи представляется органъ «Набатъ». По словамъ того же Гольденберга, фракція «якобинцевъ» въ количественномъ отношеніи самая незначительная изъ всѣхъ соціально-революціонныхъ партій, притомъ ничтожна по значенію и вліянію въ революціонной дѣятельности вообще. Означенная Марья Николаевна, по словамъ Гольденберга, занималась въ Петербургѣ агитаціей среди либераловъ и конституціоналистовъ. Примѣты ея: 28 лѣтъ, высокаго роста, шатенка.

Засѣданія съѣзда въ Липецкѣ происходили въ лѣсу и въ другихъ пригородныхъ мѣстностяхъ. Результатомъ ихъ было, по словамъ Гольденберга, общее соглашеніе о необходимости совершенія новаго преступленія противъ жизни Государя Императора, но уже не тѣмъ способомъ, какъ 2 апрѣля, а посредствомъ взрыва поѣзда на желѣзной дорогѣ.

По словамъ Гольденберга, на этомъ съѣздѣ впервые заговорили о примѣненіи къ дѣлу динамита. При этомъ рѣшено было по возможности скорѣе выполнить замыселъ указаннымъ способомъ, а также высказывалась необходимость одновременно съ этимъ направить убійство на Одесскаго, Кіевскаго и С.-Петербургскаго генераловъ губернаторовъ. Кромѣ того, установлено было прибѣгать также къ агитаціи среди молодежи, войска и въ общественныхъ сферахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на этомъ же съѣздѣ дана была, по словамъ Гольденберга, правильная организація террористической фракціи, причемъ для управленія дѣлами образованы были распорядительная комиссія и исполнительный комитетъ. Комиссія, по кругу возложенныхъ на нее обязанностей, являлась какъ бы высшимъ органомъ, а исполнительный комитетъ—низшимъ. Распорядительная комиссія обязана была знать все, совершающееся не только въ террористическомъ движеніи, но и во всей революціонной средѣ; на нее же возложено было изысканіе средствъ къ выполненію преступныхъ замысловъ. Напротивъ, члены исполнительнаго комитета являлись исключительно активными дѣятелями, непосредственными участниками задуманныхъ преступленій. Коммисія, по словамъ Гольденберга, должна была находиться въ Петербургѣ, а члены исполнительнаго комитета въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ надобность укажетъ.

Засимъ, на томъ же съѣздѣ были избраны въ члены распорядительной коммисіи, упомянутые выше: Михаилъ Фоменко (онъ-же Михайло), Александръ Михайловъ и Левъ Тихомировъ, который сильно протестовалъ противъ этого избранія, такъ какъ онъ желалъ быть активнымъ дѣятелемъ, а въ члены исполнительнаго комитета назначены всѣ остальныя присутствовавшія на съѣздѣ лица. Впослѣдствіи, по словамъ Гольденберга, къ комитету примкнули: дочь маіора, Софья Иванова, арестованная подъ именемъ жены Лысенко по дѣлу о тайной типографіи въ Саперномъ переулкѣ, неизвѣстная Сергѣева [1] и Акимова [2], (она же Баска), о которой упоминалось выше, затѣмъ Вѣра Николаевна Филиппова, урожденная Фигнеръ, агитировавшая, по словамъ Гольденберга, въ концѣ 1879 г. въ Одессѣ, среди конституціоналистовъ и подлежавшая задержанію во время пребыванія ея послѣ того въ Петербургѣ, но успѣвшая скрыться, и крестьянинъ Андрей Прѣсняковъ, обвиняемый въ убійствѣ тайнаго агента Шарашкина и розыскиваемый для привлеченія къ этому дѣлу. По имѣющимся свѣдѣніямъ, Прѣсняковъ принадлежалъ къ преступному обществу «друзья». Кромѣ того, на съѣздѣ были избраны редакторами предполагавшагося подпольнаго органа печати Левъ Тихомировъ и Николай Морозовъ, привлекавшійся къ процессу 193-хъ и стоявшій, по словамъ Гольденберга, весьма близко къ редакціи подпольнаго органа «Народная Воля». Что касается устройства самого органа печати, то вопросъ этотъ было рѣшено обсудить въ Воронежѣ, гдѣ въ то же время назначенъ былъ съѣздъ членовъ партіи «народниковъ», во главѣ которой стояли Стефановичъ и Дейчъ.

Послѣ того Гольденбергъ отправился въ Петербургъ, гдѣ Ширяевъ уже приступилъ къ заготовленію динамита для замышляемаго преступленія, а изъ Петербурга, чрезъ Одессу и Кіевъ, въ Харьковъ.

О дѣятельности Гольденберга въ этомъ послѣднемъ городѣ уже изложено было выше, въ отдѣлѣ о харьковскомъ революціонномъ сообществѣ. Въ Харьковѣ же, по словамъ Гольденберга, происходили въ концѣ сентября между нимъ и прибывшими туда Кошурниковымъ, Прѣсняковымъ, Колодкевичемъ и Желябовымъ совѣщанія относительно приведенія въ исполненіе состоявшагося въ Липецкѣ рѣшенія о взрывѣ на желѣзной дорогѣ. Съ этою цѣлью Кошурниковъ, который еще до пріѣзда въ Харьковъ производилъ изысканія на Николаевской желѣзной дорогѣ, отправился для производства тѣхъ же изысканій въ Крымъ, но поѣздка эта осталась безъ результата. Затѣмъ послѣдовало соглашеніе объ устройствѣ мины подъ Лозово-Севастопольской дорогой и мѣстомъ взрыва былъ избранъ г. Александровскъ, Екатеринославской губерніи. Для исполненія этого плана отправился въ Александровскъ Желябовъ и, назвавшись купцомъ Черемиссовымъ, заявилъ въ тамошней думѣ желаніе открыть въ этомъ городѣ кожевенный заводъ. Предложеніе это было принято весьма сочувственно и Желябовъ, нанявъ домъ вблизи полотна желѣзной дороги, далъ задатокъ. Въ домѣ этомъ должны были, по предположенному плану, поселиться Желябовъ, Акимова (она же Баска), выдававшая себя за жену послѣдняго, и въ

---

[1] Конечно, полный вздоръ: въ Липецкѣ былъ Николай Александровичъ Морозовъ. *Ред.*

[2] Ошибка: Михаилъ Фроленко. *Ред.*

[3] М. Н. Одовенчикова—Ошанина—Барышникова. *Ред.*

[1] Е. Д. Сергѣева—жена Л. А. Тихомирова. *Ред.*

[2] А. В. Якимова. *Ред.*

качествѣ рабочихъ Тихоновъ и Иванъ. Относительно послѣднихъ двухъ Гольденбергъ указываетъ слѣдующее: Тихоновъ—выше средняго роста, брюнетъ, отъ роду около 24-хъ лѣтъ, безъ бороды, въ 1877 г. бѣжалъ изъ Архангельской губерніи, гдѣ онъ находился въ административной ссылкѣ, затѣмъ былъ арестованъ въ Москвѣ, но оттуда снова бѣжалъ; нѣкоторое время жилъ въ Ростовѣ на Дону, а потомъ пріѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ Гольденбергъ и познакомился съ нимъ, осенью 1879 г. Что касается рабочаго Ивана, то онъ по происхожденію русскій, средняго роста, лѣтъ около 19, плотенъ, принадлежитъ какъ и Тихоновъ, къ партіи террористовъ [1]. По заранѣе задуманному плану, предположено было пробуравить въ ночное время полотно желѣзной дороги, вставивъ туда мѣдную трубку, начиненную динамитомъ, произвести взрывъ въ моментъ прохожденія въ этомъ мѣстѣ императорскаго поѣзда. Необходимые для сего инструменты и приспособленія были по словамъ Гольденберга, изготовлены подъ его наблюденіемъ въ Харьковѣ.

Въ то же время преположено было устроить мину и на одесской желѣзной дорогѣ, вслѣдствіе чего Гольденбергъ, какъ изъ показанія его видно, отдѣливъ нѣкоторую часть отъ привезеннаго Пресняковымъ въ Харьковъ динамита, о которомъ упоминалось выше, послалъ таковую въ Одессу съ повивальной бабкой Татьяной Ивановой Лебедевой, которая, по имѣющимся свѣдѣніямъ, судилась по процессу 193-хъ и, будучи также привлечена впослѣдствіи къ дѣлу объ убійствѣ въ Москвѣ тайнаго агента Рейнштейна, отдана была поэтому послѣднему дѣлу подъ надзоръ полиціи. Устройство мины близъ Одессы приняли на себя Колодкевичъ и Фоменко (онъ же Михайло), который долженъ былъ пристроиться сторожемъ на желѣзной дорогѣ и противъ своей будки заложить мину подъ рельсы. По словамъ Гольденберга, Фоменко дѣйствительно пристроился на 14 верстѣ отъ Одессы сторожемъ при камняхъ, а затѣмъ получилъ мѣсто будочника и жилъ вмѣстѣ съ Лебедевой, которая выдавала себя за его жену.

Во время всѣхъ этихъ приготовленій, Гольденбергъ получилъ свѣдѣніе о приготовленіяхъ, дѣлавшихся по тому же замыслу. Поэтому онъ 18 октября отправился туда и принялъ участіе въ работахъ въ домѣ Сухорукова, каковою фамиліею назывался Левъ Гартманъ, скрывшійся послѣ взрыва 19 ноября за-границу. По показанію Гольденберга, участниками этого покушенія были, кромѣ Гартмана и его, Гольденберга, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софья Перовская, привлекавшаяся къ нѣсколькимъ дѣламъ по политическимъ предпріятіямъ и бѣжавшая отъ конвоя во время сопровожденія ея въ Олонецкую губернію, куда она предназначалась для водворенія на жительство, съ учрежденіемъ за нею полицейскаго надзора; затѣмъ студентъ 5-го курса медико-хирургической академіи Гришка [2] (выше средняго роста, около 24 лѣтъ отъ рода, шатенъ), принадлежавшій, по словамъ Гольденберга, къ организованному въ Петербургѣ кружку «свобода или смерть»; наконецъ, Галина Чернявская, которая привлекалась

[1] Окладскій. *Ред.*

[2] Григорій Исаевъ. *Ред.*

къ дѣлу Чубарова въ Одессѣ, но, будучи отдана по этому дѣлу на поручительство съ денежнымъ залогомъ, скрылась изъ Одессы и розыскивается до настоящаго времени, и упомянутые выше: Ширяевъ, Кошурниковъ, Александръ Михайловъ, Николай Морозовъ и Арончикъ Изъ числа этихъ лицъ Гартманъ, Перовская и студентъ Гришка жили въ домѣ, изъ котораго устраивался подкопъ, а остальные въ разныхъ домахъ, при чемъ устроена была также конспиративная квартира для укрывательства на случай опасности. Работы по устройству этого подкопа, сопряженныя съ большими трудностями, производились сравнительно быстро, въ особенности съ того времени, когда сдѣлалось извѣстно, что 19 ноября Государь Императоръ будетъ въ Москвѣ. Независимо отъ трудностей работъ, производство ихъ сопровождалось постепенными тревогами и опасеніями за возможность быть застигнутымъ врасплохъ. Въ этихъ видахъ, въ самомъ домѣ Сухорукова заложены были мины на случай необходимости взорвать домъ при явной опасности. Самый домъ былъ Гартманомъ заложенъ одной купчихѣ за 1000 руб., такъ какъ наличныхъ средствъ, бывшихъ въ распоряженіи его по сему дѣлу, оказалось недостаточно. Между тѣмъ и наличнаго динамита также оказалось недостаточно, а потому Гольденбергъ отправился въ Одессу, чтобы привезти въ Москву ту часть динамита, которая предназначена была для заложенія мины на Одесской желѣзной дорогѣ, гдѣ таковая уже представлялась пока излишнею. На пути въ Одессу, Гольденбергъ встрѣтился въ Елизаветградѣ, съ бывшимъ студентомъ медико-хирургической академіи Кибальчичемъ, который проживалъ въ Одессѣ подъ фамиліею Иваницкаго и состоялъ подъ надзоромъ полиціи по дѣлу о государственномъ преступленіи, но успѣлъ скрыться. Кибальчичъ, по словамъ Гольденберга, везъ съ собою проволоку для мины въ г. Александровскъ, которую устраивалъ Желябовъ. Но по прибытіи въ Одессу, Гольденбергъ познакомился чрезъ Колодкевича съ студентомъ Новороссійскаго университета Герасимомъ Романенко, арестованнымъ впослѣдствіи австрійскими властями въ Лембергѣ. Засимъ, 13 ноября, съ динамитомъ этимъ и съ запасомъ денегъ, добытыхъ для московскаго дѣла упоминавшимся въ настоящемъ обзорѣ Саввою Златопольскимъ, Гольденбергъ отправился изъ Одессы въ Москву, но въ Елизаветградѣ былъ задержанъ.

XV.

Въ показаніи своемъ Гольденбергъ указываетъ еще нѣсколько лицъ, съ которыми онъ приходилъ въ болѣе или менѣе близкое соприкосновніе во время своей революціонной дѣятельности. Изъ лицъ этихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе.

Плехановъ, Георгій Валентиновъ, дворянинъ Тамбовской губерніи, Липецкаго уѣзда, бывшій юнкеръ Константиновскаго военнаго училища, а впослѣдствіи студентъ горнаго института. Первую извѣстность Плехановъ получилъ по манифестаціи на Казанской площади, но тогда задержанъ не былъ и розыскивается съ того времени. По имѣющимся свѣдѣніямъ онъ находится въ Парижѣ. По словамъ Гольденберга, Пле-

ханова звали въ средѣ молодежи «Жоржемъ», онъ былъ по убѣжденіямъ «народникъ» и противникъ террористической системы.

Болотниковъ, Иванъ Никитинъ, окончившій курсъ въ технологическомъ институтѣ и состоявшій лѣтомъ 1879 г. учителемъ въ ремесленномъ училищѣ, по 1 ротѣ Измайловскаго полка. Онъ, по словамъ Гольденберга, принадлежитъ къ крайнимъ либераламъ и сочувствуетъ революціонному движенію. Гольденбергъ, котораго Болотниковъ зналъ подъ прозвищемъ «Биконсфильдъ», жилъ у него на квартирѣ, въ д. № 4 по Свѣчному переулку, въ іюлѣ 1878 г.

Головинъ, Ипполитъ, дворянинъ, привлекался по дѣлу о покушеніи на жизнь генералъ-адъютанта Дрентельна за укрывательство преступника Мирскаго, но былъ оправданъ. Нынѣ находится въ Черниговской губерніи, гдѣ за нимъ учрежденъ полицейскій надзоръ. По словамъ Гольденберга, Головинъ воспитывался въ технологическомъ институтѣ, и по убѣжденіямъ не болѣе какъ либералъ.

Назаровъ, Алексѣй, бывшій студентъ кіевскаго университета. За принадлежность къ противоправительственной партіи былъ высланъ на жительство въ Холмогоры, Архангельской губерніи, откуда бѣжалъ вмѣстѣ съ Гольденбергомъ; послѣ того былъ задержанъ въ Петербургѣ и уже высланъ въ Восточную Сибирь. Назаровъ, по словамъ Гольденберга, имѣетъ дядю кіевскаго профессора Хржанщевскаго, который поддерживалъ его матеріально.

Лисовская, Анна, польскаго происхожденія, проживала въ 1878 и 1879 г. въ Кіевѣ, гдѣ она слушала фельдшерскіе курсы. По убѣжденіямъ пропагандистка, но сочувственно относится къ фракціи террористовъ. Участвовала вмѣстѣ съ Избицкою, о которой упомянуто выше, въ дѣлѣ предоставленіи средствъ политическимъ заключеннымъ.

Ивановъ, Николай Степановъ, студентъ 5 курса медицинскаго факультета Харьковскаго университета, принадлежитъ, по словамъ Гольденберга, къ людямъ, раздѣляющимъ взгляды и стремленія соціально-революціонной партіи и притомъ признающимъ терроръ какъ неизбѣжное зло.

Морозовъ, Петръ Осиповъ, магистръ русской словесности, участвовавшій, по словамъ Гольденберга, въ съѣздѣ террористовъ въ Липецкѣ, о чемъ уже упомянуто выше, принадлежитъ къ числу весьма опасныхъ революціонныхъ дѣятелей, вслѣдствіе особенности характера его дѣятельности, недающей возможности уличать его во вредномъ направленіи. [1])

Глеке, Марья Григорьевна, урожденная Ярошенко, сестра жены Морозова, имѣетъ имѣніе въ селѣ Засулы, Роменскаго уѣзда, Полтавской губерніи, гдѣ скрывался Гольденбергъ и гдѣ былъ задержанъ также Зубковскій.

Гамалей, Александръ Павловичъ, и жена его, Александра Андреевна, помѣщики Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи, представляются Гольденбергомъ сочувствующими соціально-революціонному движенію. Одинъ изъ сыновей ихъ, Владиміръ, привлеченъ къ дѣлу о

[1]) Какъ уже отмѣчено, П. О. Морозовъ никакого касательства къ Липецкому съѣзду не имѣлъ. Гольденбергъ смѣшалъ его съ Н. А. Морозовымъ. *Ред.*

кіевскомъ преступномъ сообществѣ, а остальные два сына, Яковъ и Викторъ, а также и дочери, Ольга и Софья, равно какъ и жена Виктора Гамалея, Жозефина, урожденная Недзѣльская, также извѣстны по принадлежности къ революціонной партіи. По словамъ Гольденберга, Жозефина Гамалей даже знала о томъ, что онъ, Гольденбергъ, былъ убійцею князя Кропоткина, а Софья и Ольга Гамалей дали ему три вексельныхъ бланка на 300 рублей на освобожденіе изъ ссылки Самарской.

Изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго.

(Неизданные отрывки).

— По поводу споровъ о классическомъ и реальномъ образованіи, — провести идею что реальное образованіе не *можетъ* не сохраняться у насъ, не развиваться и не усиливаться, но рядомъ съ нимъ должно непремѣнно идти (вмѣсто классическаго) *познаніе Россіи* (усиленное) ея исторіи, языковъ, народности, обычаевъ всѣхъ славянскихъ исторій и нарѣчій вдаже отчасти Византизма. Если ужъ нельзя быть нашему юношеству на дѣлѣ Русскимъ, то пусть будутъ хоть по наукѣ. Однимъ словомъ во что бы то ни стало преодолѣть и сознать законы русской мысли и русскаго развитія и ихъ особенности индивидуальности въ отличіе отъ всепоглотившей римско-германской мысли. Эта же *русская мысль* и ея законы почти и не подозрѣваются русскими даже въ томъ что она должна быть на свѣтѣ, есть дѣйствительно и что съ условіями ея развитія слита можетъ быть вся русская будущность.

— 2) Отчего у насъ вяло образованіе? потому что намъ нужно не просвѣщеніе не промышленность не счастье, а централизація государства въ самодержавіи, а слѣд. чиновники.

Но въ чемъ же ошибка? именно въ томъ что самодержавіе себя сознало (при Петрѣ) на европейскій манеръ и утратило мысль о древне-русскомъ *отношеніи своемъ къ народу*.

Государственная центральная идея у насъ пересолила, черезъ норму перешла, враждебное и побѣдное европейское начало въ себя приняла, а слѣдовательно завела дружину для самосохраненія, т. е. чиновниковъ, прежде же оно свободно относилось къ народу и Земскаго Собора не боялось.

Еще къ вопросу о переговорахъ „Исполнительнаго Комитета Народной Воли“ съ „Добровольной Охраной“ [1]).

Въ напечатанныхъ въ апрѣльской книжкѣ «Былого» воспоминаніяхъ Вл. Дебогорія-Мокріевича имѣются кое-какіе указанія, на мало выясненный до сихъ поръ фактъ переговоровъ между Исполнительнымъ Комитетомъ «Народной Воли» и лицами, стоящими близко къ придворнымъ сферамъ. Въ свое время среди русской и польской эмигрантской публики ходили разнообразные слухи объ этихъ переговорахъ, при чемъ въ виду молчанія непосредственно заинтересованныхъ сторонъ, распространялись свѣдѣнія довольно легендарнаго характера. Между прочимъ мнѣ пришлось слышать, будто уполномоченные одной изъ придворной партій, переговаривавшіеся съ представителями «Народной Воли» въ Парижѣ, настаивали на томъ, что въ случаѣ, если до окончанія коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ «Народной Волей» не будетъ произведено никакого террористическаго акта, то можно ожидать широкой амнистіи и кое-какихъ реформъ либеральнаго характера. Въ качествѣ ведущаго переговоры съ «Народной Волей» выступалъ—по той же версіи—*Галкинъ-Врасскій*. По другой версіи взамѣнъ за прекращеніе террористической дѣятельности до окончанія коронаціи, входившія въ переговоры съ «Народной Волей» лица, обѣщали: 1) освободить Чернышевскаго, 2) повліять на то, чтобы въ предстоящемъ процессѣ 17-ти никому не былъ вынесенъ смертный приговоръ и 3) выдать «Народной Волѣ» милліонъ рублей.

Въ настоящей замѣткѣ я хочу познакомить читателей съ отголосками этого дѣла, сохранившимися въ польской соціалистической (эмигрантской) литературѣ.

Въ № 11 «Przedświt'a» за 1891 годъ напечатаны «Письма изъ

---

[1]) Относительно «Добровольной Охраны», переименовавшейся вскорѣ послѣ ея возникновенія въ „Священную Дружину“, равно какъ и объ ея попыткахъ войти въ сношенія съ „Народной Волей“, мы располагаемъ теперь очень цѣнными матеріалами и документами, которыя черезъ нѣкоторое время и опубликуемъ. Въ переговорахъ этихъ Галкинъ-Врасскій никакого участія не принималъ. Не точны и нѣкоторыя другія помѣщаемыя въ настоящей замѣткѣ свѣдѣнія. Замѣтку эту, тѣмъ не менѣе, мы печатаемъ безъ всякихъ измѣненій. *Ред.*

Россіи», принадлежавшія перу тогдашняго редактора лондонскаго органа польскихъ соціалистовъ-революціонеровъ—Станиславу Мендельсону. Въ этихъ письмахъ имѣются слѣдующія строки: «Сейчасъ же послѣ вступленія Александра III на тронъ панслависты, прикидывающіеся либералами и либералы, симулирующіе желаніе политическаго переворота въ Россіи, стакнулись прежде всего противъ такъ называемыхъ русскихъ террористовъ. Предпринимались попытки разгромить партію «Народной Воли» не только преслѣдованіями и варварской жестокостью, но пущены были въ ходъ клевета, полицейская агитація и подвохи подъ маской либерализма».

Эти слова сопровождаются подстрочнымъ примѣчаніемъ злобнаго характера, направленнымъ противъ М. П. Драгоманова, къ которому Мендельсонъ всегда относился съ нескрываемой ненавистью, подозрѣвая его во всякихъ сквернахъ.

Привожу это примѣчаніе полностью: «Вспомнимъ здѣсь на первомъ планѣ полицейскую агитацію нѣкоего Драгоманова, якобы эмигранта, который на рептильныя средства и при помощи правительственныхъ фигуръ и обыкновенныхъ шпиковъ издавалъ въ Женевѣ журналъ п. з. «Вольное Слово». По всей вѣроятности подъ вліяніемъ этого «радикала» Исполнительный Комитетъ «Народной Воли» совершилъ ошибку, чтобы не употребить болѣе сильнаго выраженія, войдя съ . . . ской полиціей въ переговоры, содержаніе которыхъ навсегда останется пятномъ на людяхъ тогдашняго «Комитета».

Эта злобная и скверная выходка Ст. Мендельсона, вообще не церемонившагося со своими политическими противниками (что его, между прочимъ, въ концѣ концовъ заставило порвать всякія связи и съ польскимъ соціалистическимъ лагеремъ) не могла, конечно, остаться безъ отвѣта. И вотъ въ № 13-мъ «Przedsvita» за тотъ же годъ мы находимъ опроверженіе въ видѣ письма П. Л. Лаврова. Привожу этотъ документъ полностью:

«Въ редакцію «Przedsvita»

Парижъ, 30 сентября 1891 г.

Гражданинъ редакторъ!

Мое вниманіе было обращено на примѣчаніе къ 7-ой стр. № 11 «Przedsvit» за текущій годъ. Авторъ говоритъ тамъ о «нѣкоемъ Драгомановѣ» и о «Комитетѣ Народной Воли». Первый безразличенъ какъ для меня, такъ и для моихъ друзей, русскихъ соціалистовъ; поэтому мнѣ нѣтъ необходимости говорить объ этомъ. Что же касается «Комитета», о которомъ идетъ рѣчь, то я хочу замѣтить, что свѣдѣнія, сообщенныя авторомъ *совершенно неточны*. Однако я смѣло беру на себя отвѣтственность за эти «переговоры», на которые, кажется, авторъ намекаетъ. «Комитетъ»—членомъ котораго я никогда не былъ—не принималъ и не могъ принимать въ нихъ никакого участія. Такимъ образомъ, это явная ошибка, если авторъ говоритъ о «пятнѣ на репутаціи». Что же касается тѣхъ, кто хотѣлъ бы меня обвинить въ томъ, что я при этомъ случаѣ вошелъ въ сношеніе съ «. . . ской полиціей», то опроверженіе подобныхъ обвиненій было бы ниже моего достоинства, и мнѣ только остается пожалѣть, что—надѣюсь, по ошибкѣ—я нахожу это примѣчаніе въ журналѣ, который я уважаю

и который выходитъ подъ редакціей кружка бывшихъ союзниковъ «Комитета Народной Воли» въ то время, когда этотъ комитетъ существовалъ.

Съ соціалистическимъ привѣтствіемъ.

Петръ Лавровъ.

Редакція «Przedsvit'a» снабдила письмо Петра Лавровича слѣдующимъ примѣчаніемъ.

«Къ этому письму мы прибавимъ нѣсколько словъ объясненій:

1) Что касается фактической стороны дѣла, то авторъ «Писемъ изъ Россіи» опирается на печатномъ отчетѣ, который извѣстенъ и гражд. Лаврову и котораго онъ въ свое время не опровергнулъ.

2) Хоть мы и раздѣляемъ всеобщее уваженіе (uznanie), съ которымъ относятся къ гражд. Лаврову всѣ соціалисты, однако, въ оцѣнкѣ факта переговоровъ мы остаемся при своемъ мнѣніи. Впрочемъ, это мнѣніе мы высказывали въ свое время гражд. Лаврову. Будучи убѣждены въ томъ, что польскіе соціалисты всегда должны дѣйствовать солидарно съ русскими революціонерами, мы однакоже не желаемъ совершить вмѣстѣ того, что считаемъ болѣе нежели ошибкой.

3) Двусмысленное выраженіе «пятно», употребленное авторомъ «Писемъ изъ Россіи», оказалось неудачнымъ, если гражд. Лавровъ понялъ его односторонне. Оно должно было выразить отрицательное отношеніе къ политическому шагу и ничего больше, и намъ непріятно, если это выраженіе было не такъ понято».

Изъ вышеприведеннаго письма Лаврова видно, что онъ принималъ на себя полную отвѣтственность за переговоры, которые были ведены съ «Народной Волей» отъ имени лицъ, близко стоявшихъ ко двору императора Александра III. Было бы любопытно отыскать тотъ «печатный отчетъ», о которомъ говоритъ редакція «Przedsvit»а. Въ архивѣ П. П. С. въ Лондонѣ его во всякомъ случаѣ нѣтъ, хотя, если онъ былъ въ рукахъ Мендельсона, то можно было предполагать, что онъ тамъ сохранится. Слѣдуетъ еще прибавить, что слова Вл. Деборгорія-Мокріевича (Былое, IV. 907 стр. 61). «Не помню, отъ Драгоманова или отъ кого-то другого я слышалъ, будто бы «Исполнительнымъ Комитетомъ» тогда же (1882—1883) были сдѣланы публикаціи въ желательномъ для «охранцевъ» смыслѣ въ одномъ изъ польскихъ изданій, въ газетѣ, что ли, печатавшейся, кажется, въ Варшавѣ»—фактически не подтверждаются. Ни въ одномъ изъ выходившихъ въ то время польскихъ революціонныхъ органовъ ничего подобнаго не было.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

Послѣдніе дни жизни Н. Г. Чернышевскаго.

Семнадцать лѣтъ прошло со дня второй и послѣдней смерти моего отца. Первая смерть, несомнѣнно болѣе страшная чѣмъ вторая, случилась еще почти полъ вѣка тому назадъ. Немного уже осталось въ живыхъ свидѣтелей той смерти, а скоро будутъ стариками и болѣе молодые свидѣтели его смерти 17 октября 1889 г. въ Саратовѣ. Не многимъ подѣлились своими воспоминаніями о немъ его современники, не много удѣлили ему и позднѣйшіе писатели—не ихъ въ томъ вина!—и въ концѣ концовъ о жизни моего отца извѣстно и до сихъ еще довольно мало, по крайней мѣрѣ мало для составленія настоящей біографіи. Будемъ надѣяться, что въ этомъ отношеніи много поможетъ какъ выпущенное теперь полное собраніе его сочиненій, такъ и появляющіеся по временамъ отдѣльные очерки и и воспоминанія разныхъ лицъ.

Для исторіи литературной и политической жизни, конечно, наибольшій интересъ имѣютъ тѣ свѣдѣнія изъ жизни писателя, которыя обрисовываютъ его общественную дѣятельность. Но чѣмъ крупнѣе писатель, тѣмъ больше пріобрѣтаютъ интереса даже и мелкіе случаи изъ его обыденной жизни, характеризующіе его просто какъ человѣка.

Я не спеціалистъ по исторіи литературы, я даже и вовсе не писатель, и не беру на себя смѣлость вдаваться въ оцѣнку литературной дѣятельности моего отца. Но внутренняя, домашняя жизнь его извѣстна мнѣ ближе чѣмъ кому-нибудь другому. Я попробую описывать только то, чему былъ самъ ближайшимъ свидѣтелемъ, или то, о чемъ могу судить по имѣющимся у меня матеріаламъ такъ, какъ можетъ судить и обыкновенный человѣкъ, не писатель.

Я начинаю съ конца: случайно попались подъ руку письма 1889 г. и я хочу возстановить въ памяти нѣкоторыя подробности послѣднихъ дней жизни и смерти моего отца. Подробности эти, при всей своей безобидности, не могли быть опубликованы тогда же по цензурнымъ условіямъ, налагавшимъ тяжелое veto на каждую строчку о Чернышевскомъ.

Затѣмъ, я предполагаю печатать постепенно и другіе имѣющіеся у меня матеріалы для біографіи моего отца.

Въ концѣ 1883 г. отецъ былъ возвращенъ изъ Сибири и «водворенъ» на жительство въ Астрахани, гдѣ и пробылъ пять съ половиною лѣтъ. Надеждамъ его на дальнѣйшій переводъ въ Петербургъ

или Москву, гдѣ ему было бы легче заниматься литературнымъ трудомъ, не суждено было осуществиться: всѣ мои прошенія по этому поводу (самъ онъ ничего не просилъ) не имѣли успѣха и, наконецъ, удалось лишь добиться перевода изъ Астрахани «на родину въ Саратовъ». Это было лѣтомъ 1889 г. Въ Саратовѣ и до сихъ поръ есть у насъ на берегу Волги свой маленькій домикъ въ шесть комнатъ, въ одной изъ которыхъ родился и жилъ мой отецъ съ 1828 по 1846 г. непрерывно, а потомъ наѣздами изъ Петербурга и въ бытность учителемъ саратовской гимназіи въ 1852—1853 гг. Занять этотъ домъ тотчасъ по переѣздѣ изъ Астрахани оказалось невозможнымъ, такъ какъ онъ сдавался въ наемъ, и въ то время жилъ въ немъ нашъ давнишній знакомый, извѣстный въ Саратовѣ присяжный повѣренный Ал. Ард. Токарскій (бывшій, между прочимъ, въ прошломъ году членомъ Государственной Думы). Отказывать ему въ квартирѣ до истеченія контракта не хотѣлось, а потому временно матушка наняла квартиру въ домѣ Никольскаго на Соборной улицѣ [1]). Въ августѣ мы съ женой пріѣхали навѣстить стариковъ. По условіямъ службы мнѣ нельзя было провести въ Саратовѣ болѣе 2—3 дней, и это были послѣдніе дни, въ которые я видѣлъ отца живымъ. Онъ не казался мнѣ больнымъ—напротивъ, меня, какъ всегда, поражала его необыкновенная бодрость и моложавость (въ густыхъ волосахъ на головѣ не было ни одного сѣдого волоска—они были, и то въ очень умѣренномъ количествѣ, лишь въ бородѣ). Его смѣло можно было считать лѣтъ на десять моложе, въ особенности когда онъ велъ обыкновенную бесѣду. Старость и усталость чувствовались лишь тогда, когда онъ съ обыкновенной бесѣды переходилъ на разговоръ о болѣе интимныхъ, такъ сказать, сторонахъ жизни кого-нибудь изъ нашихъ родныхъ или близкихъ, которыми онъ интересовался и которымъ хотѣлъ чѣмъ-нибудь помочь. Нѣсколько дрожащимъ голосомъ и грустнымъ-грустнымъ проникающимъ въ душу тономъ, почти полушепотомъ, разспрашивалъ онъ меня о разныхъ сторонахъ жизни того или другого человѣка и такой разговоръ будилъ во мнѣ воспоминанія о старикѣ священникѣ, у котораго мнѣ приходилось исповѣдоваться во дни моей юности... Да и сами бесѣды имѣли характеръ исповѣди, на которой раскрывались самые укромные уголки сердца.

Наканунѣ моего отъѣзда съ отцомъ случился приступъ сильной лихорадки. Онъ прилегъ на кровать и, какъ бы извиняясь за свою болѣзнь, началъ объяснять ея причину. Голосъ его страшно измѣнился и сталъ рѣзкимъ и низкимъ (обыкновенно онъ говорилъ мягкимъ теноромъ). Причину болѣзни онъ объяснялъ желудочными недомоганіями и неисправностями, а эти послѣднія явились слѣдствіемъ его питанія въ Сибири. Питался онъ тамъ почти исключительно кашей (ѣлъ онъ ее, кстати, прямо изъ горшка, чему свидѣтельствуетъ сохранившаяся серебряная столовая ложка, почти четверть которой сточилась отъ ежедневнаго тренія о глиняныя стѣнки горшка въ продолженіе почти

[1]) Фотографія этого дома (а также и нашего собственнаго) помѣщена въ статьѣ Юдина (Ист. Вѣстникъ, 1905 г., дек.) „Н. Г. Чернышевскій въ Саратовѣ". Упомянувъ объ этой статьѣ, не могу не отмѣтить, что въ ней довольно много неточностей.

двадцати лѣтъ). Бывало у него и молоко, которое, по его словамъ, было ему прямо необходимо, какъ лекарство, но часто и его онъ отдавалъ какой-нибудь бѣдной женщинѣ для кормленія ея голоднаго ребенка, а самъ оставался на кашѣ и черномъ хлѣбѣ.

Въ день нашего отъѣзда онъ сравнительно поправился и мы никакъ не думали, что больше намъ уже и не придется съ нимъ увидѣться.

16 октября 1889 г., вечеромъ, мы получили, одну за другою, двѣ телеграммы: «Николай Гавриловичъ сильно боленъ. Завтра другая телеграмма. Ѳедоровъ». «Апоплексія, положеніе опасное, если можно выѣзжайте. Ѳедоровъ» [1]). Слабая надежда наша на благополучный исходъ не оправдалась: на другой день пришли поразившія насъ какъ громомъ двѣ телеграммы съ горькою вѣстью: «Умеръ. Ждать васъ или нѣтъ, отвѣчайте. Ѳедоровъ» и другая—«Папаша скончался 12 ч. 37 м. полуночи. Чернышевская». Конечно мы съ женой тотчасъ же рѣшили ѣхать и послали въ Саратовъ телеграмму съ просьбою подождать хоронить до нашего пріѣзда. До отхода поѣзда оставалось лишь нѣсколько часовъ и я едва успѣлъ заѣхать къ А. Н. Пыпину, который, какъ на грѣхъ, въ тѣ дни прихворнулъ и очень былъ огорченъ тѣмъ, что не могъ ѣхать вмѣстѣ съ нами. Печальна была наша дорога, никогда еще съ такимъ тяжелымъ чувствомъ не подъѣзжалъ я къ Саратову; я былъ совершенно подавленъ и пріѣхалъ совсѣмъ больной. Насъ встрѣтили на вокзалѣ М. Н. Пыпинъ и К. М. Ѳедоровъ. Изъ нашихъ ближайшихъ родственниковъ въ Саратовѣ въ то время жили: Николай Дмитріевичъ Пыпинъ (отецъ А. Н. Пыпина), дочь его Варвара Николаевна Пыпина и сынъ Михаилъ Николаевичъ Пыпинъ—всѣ они теперь уже умерли; а также здравствующіе и понынѣ Константинъ Николаевичъ Буковскій съ женою Варварою Александровною, дочерью родной сестры моей матушки. К. Н. Буковскій, служившій въ Саратовскомъ земствѣ, распоряжался похоронами. Ближайшими свидѣтелями послѣднихъ минутъ жизни моего отца, кромѣ матушки, были К. М. Ѳедоровъ, жившій вмѣстѣ съ ними въ той же квартирѣ, и тетушка моя, Варвара Николаевна Пыпина (старшая сестра А. Н. Пыпина) необыкновенной доброты и рѣдкой души женщина—я никогда не могу безъ душевнаго умиленія вспомнить о ней. Затѣмъ ближайшимъ помощникомъ въ первыхъ хлопотахъ послѣ смерти былъ и младшій братъ А. Н. Пыпина, Михаилъ Николаевичъ Пыпинъ, нынѣ недавно умершій. Письма его служатъ мнѣ матеріаломъ для настоящей моей замѣтки, пополняя мои личныя воспоминанія о тѣхъ печальныхъ дняхъ, подробно описывать которыя было запрещено газетамъ по цензурнымъ условіямъ того времени. Первымъ его вопросомъ при встрѣчѣ было: «Почему же не пріѣхалъ Саша?» (т. е. А. Н. Пыпинъ). Оказывается, въ Саратовѣ всѣ были увѣрены, что на похороны пріѣдетъ и А. Н. Пыпинъ, но къ сожалѣнію онъ не могъ этого сдѣлать, не рискуя серьезно расхвораться. По дорогѣ къ дому я узналъ и подробности о ходѣ болѣзни отца.

[1]) Константинъ Михайловичъ Ѳедоровъ, нынѣ редакторъ-издатель ашхабадской газеты „Закаспійское Обозрѣніе" и авторъ книжки „Н. Г. Чернышевскій", жилъ нѣсколько лѣтъ у моего отца и писалъ подъ его диктовку.

Какъ я уже упоминалъ, въ августѣ при мнѣ, съ отцомъ случился сильный приступъ лихорадки. Хотя онъ скоро и поправился, повидимому, но это было уже, вѣроятно, началомъ серьезной болѣзни. Лечиться какъ слѣдуетъ отецъ не любилъ, полагаясь на свой крѣпкій организмъ и ограничивался принятіемъ домашнихъ средствъ, которыя сводились къ пріему хины и очищенію желудка. Въ половинѣ сентября случился второй, уже болѣе сильный, приступъ лихорадки (конечно, это была уже не просто лихорадка, а нѣчто болѣе серьезное), во время котораго былъ приглашенъ и докторъ (Брюзгинъ), которому, впрочемъ, отецъ не далъ себя изслѣдовать и леченіе опять таки свелось къ домашнимъ средствамъ. Все это время отецъ видимо лишь перемогался, что называется; болѣзнь уже стала развиваться сильнѣе, чему по всей вѣроятности способствовали и семейныя непріятности и огорченія, подробно разсказывать о которыхъ я считаю еще несвоевременнымъ.

Несмотря на свою болѣзнь, отецъ не переставалъ работать и продолжалъ переводить исторію Вебера и разбирать матеріалы для біографіи Добролюбова [1]). Переводилъ онъ обыкновенно диктуя К. М. Ѳедорову и переводъ шелъ необыкновенно быстро—въ день переводилось не менѣе половины печатнаго листа, а иногда даже значительно больше,—около цѣлаго печатнаго листа очень убористаго шрифта. Знакомые съ техникою этого труда могутъ оцѣнить такую необычайную быстроту работы.

Привожу краткій послѣдовательный ходъ развитія болѣзни, какъ было записано у меня тогда же.

11 октября, среда.—Утромъ (въ $10^1/_2$ час.) отецъ пошелъ на почту. (Онъ всегда самъ отправлялъ всю свою корреспонденцію). Погода была сырая и холодная. Жаловался на тяжесть шубы и надѣлъ болѣе легкое осеннее пальто, но до дорогѣ снялъ и его и остался въ легкомъ люстриновомъ пиджакѣ и полотняной жилеткѣ. Заходилъ къ Пыпинымъ, Эрминіи Сократовнѣ (сестрѣ матушки) и въ аптекарскій магазинъ, гдѣ спрашивалъ какого то слабительнаго. Пришелъ домой совершенно усталый и прилегъ. Былъ ознобъ.

12 октября, четвергъ.—Цѣлый день работалъ. Перевелъ 18 печатныхъ страницъ исторіи Вебера. Къ вечеру стало нехорошо. Прилегъ. Ничего не ѣлъ и пилъ только молоко.

13 октября, пятница.—Работалъ съ 8 до 10 час. утра, послѣ чего сталъ жаловаться на усталость. Къ вечеру былъ опять ознобъ и легкій бредъ.

14 октября, суббота.—Не работалъ и только написалъ письмо въ Астрахань (кому—не помню теперь) съ благодарностью за при-

[1]) Эта работа такъ и осталась неоконченною. Первый томъ, почти совершенно законченный, вышелъ уже послѣ смерти моего отца. Вторымъ томомъ предполагалъ заняться А. Н. Пыпинъ, но не успѣлъ. Въ настоящее время всѣ матеріалы для біографіи Добролюбова переданы нами въ полное распоряженіе Литературнаго Фонда, который и предполагаетъ приступить къ ихъ разборкѣ и опубликованію въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ.

сланный тростникъ для мундштуковъ. Между 4 и 9 былъ сильный бредъ. Въ 7 час. вечера былъ докторъ Брюзгинъ. По уходѣ его, самъ сдѣлалъ себѣ промывательное. Съ 9 до 11 час. спалъ, но безпокойно. Ночью былъ сильный поносъ (наканунѣ, въ пятницу и въ четвергъ выпилъ на 15 к. англійской соли).

15 октября, воскресенье.—Всталъ въ 6 ч. утра. Сталъ читать корректуру 1-го тома Вебера (2-го изданія) и прочиталъ цѣлый листъ. Утромъ былъ сильный ознобъ. Часовъ въ 12 ходилъ по всѣмъ комнатамъ, какъ человѣкъ, не находящій себѣ мѣста. Пришелъ въ гостиную, хотѣлъ было прилечь на диванъ, но раздумалъ: «нѣтъ, ужъ я лучше пойду прилягу». Прилегъ у себя на диванѣ. Просилъ потереть спину, сначала у поясницы, потомъ все выше и выше, наконецъ, ужъ затылокъ и макушку. Сначала просто рукой, а потомъ просилъ, чтобы потерли маслицемъ какимъ-нибудь. Днемъ былъ поносъ и рвота. Въ этотъ день зашелъ провѣдать отца А. А. Токарскій. Отецъ поздоровался съ нимъ, какъ съ Токарскимъ, т. е. назвалъ его правильно Александромъ Ардальоновичемъ, но сказалъ: «А я ваше лекарство еще лишній разъ принялъ»—видимо принимая его за доктора. Часовъ въ 6 хотѣлъ сдѣлать себѣ промывательное и все самъ приготовилъ, но не могъ справиться и упалъ на лицо. Вѣроятно, въ это именно время произошелъ параличъ лѣвой стороны. Перенесли его на диванъ уже въ безсознательномъ состояніи. Ночью былъ сильный бредъ. Привожу этотъ бредъ, какъ онъ былъ записанъ К. М. Ѳедоровымъ.

«Инга, инк . . . (вздохъ) совсѣмъ я разстроенъ . . . Съ новой строки . . . Если послать въ Шлезвигъ-Гольштейнъ тысячъ тридцать шведскаго войска, оно легко разобьетъ всѣ силы датчанъ и овладѣетъ всею Ютландіею и всѣми островами, кромѣ развѣ Копенгагена, который будетъ защищаться упорно. Но въ ноябрѣ, въ скобкахъ поставьте 9-го числа, сдался и Копенгагенъ; датчане обратили все населеніе датской столицы въ свѣтлое серебро, отослали въ Египетъ энергическихъ людей патріотической партіи . . . . . Да-съ, да-съ, такъ гдѣ жъ это, да, съ новой строки . . . Когда мы пріѣхали въ Бѣлградъ по смерти князя Никиты, тамъ, разумѣется, не было и разговоровъ, кромѣ какъ чѣмъ окажется чешская партія . . . Скована ли она, подобно старочешской узкой, не имѣющей гибкости, мрачной программой не очень далекой отъ іезуитскихъ рѣчей . . .

Здѣсь больной вдругъ замолчалъ и черезъ четверть часа вздохнувъ, тихимъ голосомъ снова началъ:

«Самая маленькая судьба этого человѣка рѣшена, ему нѣтъ спасенія, онъ умретъ черезъ $1^1/_2$ или 2 недѣли . . . Въ его крови найдена хоть микроскопическая частичка гноя, судьба его рѣшена: черезъ $1^1/_2$, 2 недѣли онъ умретъ отъ гнойнаго зараженія крови. Неисцѣлимость—непріятна, безсиліе врача—оскорбительно, потому съ самаго возникновенія теоріи гнойнаго зараженія крови были составлены другія, отрицавшія неизбѣжную смертельную развязку этого зараженія . . . . Между прочимъ священникъ Иванъ Ивановичъ Волковъ, одинъ изъ товарищей Александра Николаевича Добролюбова по семинаріи . . . . .

Н. Г. Чернышевскій.

16 октября, понедѣльникъ.—Въ 3 ч. утра послѣднія его слова были: «Странное дѣло — въ этой книгѣ ни разу не упоминается о Богѣ»—о какой книгѣ говорилъ онъ—неизвѣстно. Въ 4 ч. утра началась хрипота и икота, наступила агонія, продолжавшаяся почти сутки. Въ ночь на 17 октября скончался.

Отецъ лежалъ въ гробу, окруженномъ со всѣхъ сторонъ роскошными вѣнками. Лицо его было глубоко спокойно; слѣды страданія и скорби исчезли и, несмотря на четвертый уже день (похороны были задержаны до моего пріѣзда, т. е. до 20 октября), онъ производилъ впечатлѣніе спокойно уснувшаго, сладко отдыхающаго человѣка. Да, только тутъ и нашелъ онъ отдыхъ, котораго не зналъ всю свою жизнь, и не хотѣлъ знать, да, можетъ быть, и дѣйствительно не чувствовалъ потребности въ отдыхѣ, поддерживаемый кипучею работою нервовъ. Въ первые дни по возвращеніи изъ Сибири, на добродушный совѣтъ А. Н. Пыпина отдохнуть и побереч себя, не утомлять себя работою, отецъ, видимо волнуясь отъ мысли, что его считаютъ уже разслабленнымъ старикомъ, писалъ: « . . . . Ты совѣтовалъ мнѣ отдохнуть отъ утомленія изнурительнымъ путемъ. Мой путь былъ столько жъ изнурителенъ, какъ былъ бы перебздъ на порядочномъ извощикѣ изъ Малой Морской на Большую Морскую, и въ каждую минуту его, точно такъ же какъ по окончаніи его, я столько же нуждался въ отдыхѣ, сколько всякій живущій въ своей квартирѣ здоровый человѣкъ нуждается въ отдыхѣ, когда проснувшись послѣ хорошаго сна, умывшись и одѣвшись, напьется чаю. Въ минуту пріѣзда сюда, какъ и на каждой станціи пути, я былъ совершенно готовъ по неутомленности сѣсть за работу, работать, пока захочется ѣсть, и поѣвъ, продолжать работу до поздней ночи—если начало ея было утромъ, или до поздняго времени дня, если начало ея было ночью. Я умѣю ѣздить не подвергая себя ни малѣйшему утомленію. Но изнурительно мнѣ жить безъ работы . . . »

Незадолго до послѣдней утренней панихиды мѣстный фотографъ-любитель (кажется фамилія его Ольденбургъ) снялъ фотографію съ гроба, окруженнаго вѣнками, но, къ сожалѣнію, условія съемки были крайне неблагопріятны, а фотографическій аппаратъ оказался изъ посредственныхъ, такъ что снимокъ вышелъ довольно неудачный. [1]) Впрочемъ, нѣкоторыя надписи на лентахъ вѣнковъ вышли отчетливо. Всѣхъ вѣнковъ было болѣе сорока. На большинствѣ изъ нихъ были ленты съ надписями, а именно:

— Автору «Что дѣлать» отъ русскихъ женщинъ.
— Отъ женщинъ-труженицъ (отъ учительницъ).
— Великому незабвенному учителю и борцу за правду, Н. Г. Чернышевскому. Русскія женщины. (Изъ Петербурга).
— Отъ одесскихъ почитателей и почитательницъ.
— Отъ женщинъ. (Служащихъ въ земствѣ).

[1]) Раньше, когда отецъ лежалъ еще на столѣ, была снята, и довольно удачно, фотографія мѣстнымъ фотографомъ Егеревымъ. Хотѣли было снять гипсовую маску съ лица покойнаго, но не могли найти никого, кто бы взялся за это, или, лучше сказать, сумѣлъ бы взяться.

— Міръ праху твоему, страдалецъ. (Отъ мѣстнаго кружка молодежи).
— Уму и таланту. (Отъ служащихъ въ контролѣ сборовъ тамб.-сарат. ж. д.)
— Мыслителю и гражданину.
— Памяти великаго писателя отъ интеллигенціи (оба эти вѣнка отъ мѣстныхъ политическихъ ссыльныхъ).
— Учителю.
— Отъ Саратовскаго Литературнаго Фонда.
— Н. Г. Чернышевскому отъ редакціи и сотрудниковъ газеты «Саратовскій Дневникъ».
— Николаю Гавриловичу Чернышевскому (отъ редакціи газеты «Саратовскій Листокъ»),
— Свѣтилу великихъ идей отъ кружка почитателей.
— Страдальцу отъ нижегородскихъ почитателей.
— Великому писателю отъ нижегородскихъ почитателей.
— Николаю Гавриловичу Чернышевскому.
— Отъ Харьковской интеллигенціи.
— Отъ молодежи незабвенному и дорогому (отъ мѣстныхъ ссыльныхъ).
— Страдальцу отъ студентовъ Казанскаго университета. (Оба эти вѣнка погребены вмѣстѣ съ гробомъ).
— Гражданину и мыслителю отъ студентовъ Петровской Академіи.
— Н. Г. Чернышевскому отъ московскаго студенчества.
— Дорогому учителю, страдальцу за идею отъ студентовъ Петербургскаго университета.
— Апостолу правды Н. Г. Ч. отъ высшихъ учебныхъ заведеній г. Харькова (серебряный вѣнокъ).
— Н. Г. Чернышевскому. Студенты Горнаго Института.
— Н. Г. Чернышевскому отъ студентовъ Лѣсного Института.
— Николаю Гавриловичу Чернышевскому отъ учащихся въ Петербургѣ пермяковъ.
— Н. Г. Чернышевскому отъ русскихъ студентовъ Дерптскаго университета и ветеринарнаго института.
— Н. Г. Чернышевскому отъ студентовъ технологовъ.
— Н. Г. Чернышевскому отъ студентовъ Новороссійскаго университета.
— Отъ русской учащейся молодежи дорогому учителю и Wielkiemu obroncy ucisnionych mlodziez polska-studiosi warsovienses.

Кромѣ этихъ вѣнковъ и вѣнковъ отъ родныхъ (много вѣнковъ было прислано уже послѣ похоронъ) было нѣсколько вѣнковъ и безъ всякихъ надписей съ одними лишь черными лентами—время было тяжелое и потому нѣкоторыя лица нашли, вѣроятно, рискованнымъ печатать на лентахъ какіе либо надписи изъ боязни конфискаціи ихъ полиціею.

Вѣсть о кончинѣ отца быстро разнеслась по всей Россіи, и отовсюду стали получаться телеграммы и письма съ выраженіями соболѣзнованія о горькой утратѣ. Всѣ телеграммы адресовались или

прямо на имя матушки или въ редакціи мѣстныхъ газетъ. Привожу текстъ главнѣйшихъ изъ полученныхъ телеграммъ:

Астрахань.—Сейчасъ почитатели покойнаго Николая Гавриловича отслужили панихиду и выражаютъ вамъ соболѣзнованіе по случаю тяжелой утраты.—*Никольскій.*

Барнаулъ.—Утрата незабвеннаго Николая Гавриловича вызываетъ глубочайшее горе.—*Овсянкинъ, Олесиновъ, Голубевъ, Олесинова, Шерръ.*

Варшава.—(Письмо на имя редактора газеты «Саратовскій Дневникъ».).

«Глубокоуважаемый г. Редакторъ.

Къ Вамъ, какъ представителю тѣхъ работниковъ мысли, къ которымъ принадлежалъ незабвенный Н. Г. Чернышевскій, варшавская учащаяся молодежь рѣшается обратиться съ слѣдующей просьбой въ твердой надеждѣ, что Вы не откажетесь исполнить ее.

Во первыхъ, выразите отъ лица этой молодежи глубокое сочувствіе семьѣ дорогого ей покойника. Скажите ей, что ея горе глубоко чувствуется нами и что ударъ, поразившій ее, поразилъ также и насъ, такъ далеко жившихъ отъ незабвенной могилы. Скажите ей, что Николай Гавриловичъ не умеръ, что какъ въ душѣ своихъ родныхъ, такъ и въ нашихъ лучшихъ воспоминаніяхъ, въ нашихъ задушевнѣйшихъ думахъ онъ живетъ и долго еще будетъ жить, что и мертвый онъ будетъ будить въ насъ лучшія стремленія и напоминать намъ о лучшихъ цѣляхъ и стремленіяхъ, что и мертвый онъ по старому заставляетъ насъ забывать о всѣхъ недоразумѣніяхъ, возникавшихъ и возникающихъ между представителями двухъ народностей..... Скажите семьѣ покойнаго, что какъ ни ничтожно это утѣшеніе въ сравненіи съ утратой, понесенной ею, оно идетъ отъ сердца не одного десятка, а можетъ быть, и не одной сотни молодежи, которая всегда видѣла и видитъ въ Николаѣ Гавриловичѣ своего дорогого учителя. Во вторыхъ, отъ лица той же молодежи возложите на могилу Николая Гавриловича два вѣнка, сведенные между собою связью (что имѣетъ особое символическое значеніе.).

Если съ надписями будутъ какія затрудненія, то снимите ихъ и вручите семьѣ покойнаго.

Русскіе и польскіе студенты университета и ветеринарнаго института».

(При письмѣ былъ присланъ вѣнокъ, или вѣрнѣе, два вѣнка, соединенныхъ между собою металлическою лентой съ надписью «Studiosi Warsovienses». На лентѣ же было написано: по-русски—«Отъ русской учащейся молодежи дорогому учителю» и по-польски—«Wielkiemu obroncy ucisnionych mlodziez polska».).

Дерптъ.—Все русское студенчество въ Дерптѣ, глубоко пораженное вѣстью о кончинѣ незабвеннаго Николая Гавриловича, скорбитъ вмѣстѣ съ вами о тяжелой утратѣ.

Дерптъ.—Въ присутствіи 20 студентовъ сейчасъ отслужена въ соборѣ панихида.

Казань.—Примите искреннее выраженіе моей глубокой скорби по поводу вашей невозвратной утраты.—*Реймардтъ.*

Минскъ.—Глубоко опечаленные утратой великаго учителя двухъ

поколѣній, шлемъ вамъ искреннее выраженіе нашего соболѣзнованія. Вы похоронили то, что было смертнаго въ Николаѣ Гавриловичѣ, но слава его не умретъ, пока живы въ русскомъ обществѣ любовь къ народу и стремленіе къ справедливости, пока не угасла въ немъ вѣра въ лучшіе идеалы человѣчества.—*Почитатели.*

Москва.—Глубоко огорчены кончиною уважаемаго Николая Гавриловича. Просимъ выслать корректуру и оригиналъ исторіи Вебера.—*Типографія Исленьева.*

Москва.—Редакція «Русской Мысли» приноситъ выраженіе искренней печали о кончинѣ Николая Гавриловича Чернышевскаго.—*Лавровъ, Гольцевъ, Ремезовъ.*

Москва.—Редакція «Русскихъ Вѣдомостей», высоко цѣня заслуги покойнаго супруга вашего въ области науки и публицистики, проситъ васъ принять выраженіе искренней скорби по поводу его кончины.

Нижній.—Глубоко сочувствую вашему горю о незамѣнимой утратѣ. Присоединяю и мое послѣднее прости незабвенному Николаю Гавриловичу, великому страдальцу.—*Илларіонъ Короленко.*

Нижній.—Приношу мою искреннюю, глубокую скорбь на могилу покойнаго.—*Захарьинъ.*

Нижній.—Примите глубокую скорбь объ утратѣ великаго писателя и человѣка.—*Анненскій, Анненская, Боголюбовъ, Богородскій, Баршевъ, Барзянскій, Богдановичъ, Вознесенскій, Васильевъ Н., Васильевъ, Вѣнскій Д., Васнецовъ, Владимірова, Гацискій, Голиковъ, Добровольскій, Дрянинъ, Ермолинскій, Елпатьевскій С., Елпатьевская Л., Евтихеевъ, Захарьинъ, Зотовъ, Исаковичъ, Короленко И., Короленко В., Короленко А., Кошкаровъ, Кисляковъ М., Кисляковъ А., Кисляковъ Н., Колосовъ, Кащенко П., Кащенко В., Кащенко О., Карповъ, Козлова, Козловъ, Килевейнъ Г., Красовскій, Константиновъ, Лазаревскій, Лошкарева, Лошкаревъ, Личкусъ, Ланинъ, Меморскій А. Н., Неволинъ, Ольхинъ, Остафьевъ, Позернъ, Прутавинъ, Поповъ, Пастуховъ, Плотниковъ, Романовъ, Розанова, Розановъ, Рождественскій П., Савельева А. И., Савельевъ, Севастьяновъ, Силовичъ, Силантьевъ, Страхова, Соколовъ Н., Соколовъ, Сибиряковъ, Фрелихъ А., Фрелихъ Н. А., Фрелихъ Н. Н., Фольцъ, Цомакіонъ, Шмидтъ О., Шмидтъ О., Ширлева, Ширяевъ, Щелковъ*

Одесса.—Почитательницы и почитатели Чернышевскаго съ прискорбіемъ узнали о кончинѣ великаго мыслителя и ученаго, имя и идеи котораго никогда не изгладятся изъ памяти русскаго общества. Миръ праху твоему честный человѣкъ.

Одесса.—Студенты Новороссійскаго университета съ глубокимъ прискорбіемъ услышали вѣсть о кончинѣ великаго писателя Чернышевскаго, оказавшаго неоцѣненную услугу русскому обществу въ пробужденіи въ немъ сознательнаго и критическаго отношенія къ дѣйствительности. Съ благоговѣніемъ преклоняемся предъ прахомъ нашего незабвеннаго учителя, имя котораго долго долго будетъ жить въ памяти современниковъ и потомства.

Петербургъ.—Примите выраженіе горести о кончинѣ незабвеннаго публициста Николая Гавриловича Чернышевскаго.—Кетриць, Кудрявцевъ, Медвѣдевъ.

Петербургъ.—Память о честномъ человѣкѣ будетъ для насъ незабвенна.—Нефедовъ, Спицынъ, Лепешинскій, Нефедова.

Петербургъ.—Студенты С.-Петербургскаго университета выражаютъ свое искреннее и глубокое соболѣзнованіе по поводу утраты дорогого учителя и человѣка, слово котораго не расходится съ дѣломъ. Память его для насъ незабвенна.

Петровское-Разумовское.—Тяжело и горько намъ было услышать вѣсть о кончинѣ глубокоуважаемаго Николая Гавриловича. Мы не жили въ ту великую эпоху русской жизни, которой онъ является самымъ яркимъ и живымъ выразителемъ, но и для насъ онъ былъ любимымъ учителемъ и мужественнымъ гражданиномъ, а теперь, сошедши со сцены, оставилъ русскую молодежь еще болѣе осиротѣлой въ самое тяжелое для нея время. Пусть наша искренняя любовь къ покойному и глубокое сочувствіе къ его идеаламъ смягчаютъ горе и тоску отъ понесенной вами утраты.—*Студенты Петровской Академіи.*

Харьковъ.— Харьковскіе студенты выражаютъ искреннее соболѣзнованіе по случаю смерти незабвеннаго Николая Гавриловича. Сейчасъ отслужили панихиду.

Харьковъ.—Лучшая часть русскаго общества, а съ нимъ и студенчество, понесли громадную потерю въ лицѣ угасшаго въ глуши покойнаго вашего мужа, Николая Гавриловича. Будьте увѣрены, что въ этотъ страшный день у гроба дорогого покойника вмѣстѣ съ вами мысленно присутствуютъ и всѣ лучшіе люди Россіи. Да поможетъ вамъ это сознаніе легче справиться съ вашимъ горемъ.—*Студенты ветеринарнаго института.*

Число телеграммъ конечно было бы больше, если бы и въ это дѣло не вмѣшивалась полиція: какъ потомъ выяснилось, многія телеграммы оставались не отправленными и возвращались обратно подавателямъ. Старанія полиціи были направлены и къ тому, чтобы въ печати не появлялось подробныхъ описаній похоронъ (коротенькія замѣтки все-таки были помѣщены въ мѣстныхъ газетахъ).

Привожу теперь выписки изъ писемъ М. Н. Пыпина къ роднымъ въ Петербургѣ:

«Безсиліе врачей оскорбительно—сказалъ, между прочимъ, Николай Гавриловичъ въ своемъ предсмертномъ бреду; еще болѣе оскорбительны ихъ невѣжество и небрежность—скажу я, какъ скажутъ и многіе другіе; первый приглашенный докторъ не понялъ болѣзни, а второй, если и понялъ, то не принялъ никакихъ серьезныхъ мѣръ для предотвращенія апоплексическаго, т. е. мозговаго удара. О ходѣ болѣзни я ничего не буду писать тебѣ, Сережа; [1]) скажу только, что она была мучительна; еще мучительнѣе была агонія, длившаяся подсутокъ.

«Варенька [2]) послала за мною тотчасъ, какъ только скончался Николай Гавриловичъ (впрочемъ и сама пришла слѣдомъ за посланной, такъ какъ забыла написать, что мнѣ слѣдовало захватить изъ дому). Пока я и нашъ дворникъ обмывали тѣло, Костенька [3]), переписчикъ Николая Гавриловича, и Буковскій (мужъ Ольги Сократовниной племянницы, дочери Анны Сократовны) отвезли къ намъ почти всѣ бумаги, бывшія въ письменномъ столѣ Николая Гавриловича; у Ольги Сократовны остались спрятанными наиважнѣйшія его бумаги, переданныя имъ ей лично въ первые дни болѣзни. Этотъ Буковскій и распоряжался, затѣмъ. Пришли мы съ Варенькой домой часа въ 4, а въ 7-мъ я отправился къ нашему священнику сказать о похоронахъ, панихидахъ и т. д. Мнѣ не приходилось присутствовать на утреннихъ панихидахъ; надо было оставаться дома; со словъ другихъ только могу сказать, что на нихъ народу было немного; но на вечернихъ бывало очень много, день ото дня все больше и больше, такъ что напр. на второй уже день масса публики стояла на лѣстницѣ и на дворѣ за невозможностью проникнуть въ комнаты. На первой вечерней панихидѣ обращалъ на себя всеобщее вниманіе Мосоловъ, политическій ссыльный шестидесятыхъ годовъ, ученикъ Николая Гавриловича (т. е. въ здѣшней гимназіи). Уже сѣдой старикъ онъ горько плакалъ все время панихиды. Плакали многіе. Съ перваго же дня стали носить вѣнки. . . . (дальше идетъ перечисленіе нѣкоторыхъ вѣнковъ и надписей, которыя уже приведены выше). Во время шествія процессіи (по Александровской улицѣ) возложенъ на катафалкъ вѣнокъ отъ студентовъ Казанскаго университета, а вчера особый депутатъ отъ студентовъ московскихъ вообще произнесъ передъ Ольгою Сократовною (на квартирѣ ея) рѣчь соболѣзнованія и привезъ великолѣпный и громадный фарфоровый вѣнокъ. Съ ихъ надписями вышла исторія—у полиціи уже былъ списокъ надписей (на панихидѣ замѣтили переодѣтыхъ, а на дворѣ и у воротъ стояли прямо въ формѣ) и она заявила, чтобы сняли ленты съ надписями «Автору «Что дѣлать» и «Сѣятелю великихъ идей»; однако ихъ оставили до Миши. Вѣнокъ съ надписью «Страдальцу» принесенъ уже при Мишѣ и онъ сказалъ тѣмъ, кто его принесъ: «Къ прискорбію моему долженъ заявить, господа, что этотъ вѣнокъ долженъ остаться здѣсь» (т. е. не можетъ быть оставленъ на катафалкѣ). Вѣнки, за исключеніемъ Ольги Сократовнинаго и Сашинаго [1]), лежавшихъ на груди Николая Гавриловича, и вѣнковъ живого и хвойнаго, облегавшихъ его голову, были всѣ размѣщены по угламъ и крышѣ катафалка; ленты съ надписями, за исключеніемъ надписей «Автору «Что дѣлать» и «Сѣятелю» (онѣ были особливымъ образомъ свернуты), развѣвались по воздуху и надписи издалека можно было видѣть, а нѣкоторыя даже и прочесть. Когда у могилы тѣло покрыли коленкоромъ и собрались уже привинчивать крышку, внезапно появились тѣ два металлическихъ вѣнки съ надписями «Страдальцу» и «Миръ праху твоему, страдалецъ», были возложены на грудь и тотчасъ же наложили крышку и закрѣпили ее...

. . . «Мое разстройство было бы несравненно больше, еслибъ я присутствовалъ при послѣднихъ дняхъ жизни Николая Гавриловича; но тамъ изъ насъ была только Варенька, и та съ Ольгой Сократовной прятались отъ Николая Гавриловича, когда онъ былъ въ памяти; на второй день болѣзни Николай Гавриловичъ самымъ настоятельнымъ

[1]) Сергѣй Ник. Пыпинъ, умершій въ 1903 г.
[2]) Варвара Ник. Пыпина, тоже уже покойная. (1892 г.).
[3]) К. М. Федоровъ.

[1]) Т. е. А. Н. Пыпина.

образомъ просилъ Ольгу Сократовну не посылать ни за докторомъ, ни за Варенькою. Доктору Брюзгину удалось изслѣдовать больного, когда тотъ былъ уже безъ памяти. Возвращусь нѣсколько назадъ: почти мѣсяцъ тому назадъ 16 сентября Николай Гавриловичъ заболѣлъ точно такъ же; несмотря ни на что Ольга Сократовна послала за ближайшимъ врачемъ, вотъ этимъ Брюзгинымъ; Николай Гавриловичъ не далъ себя изслѣдовать и прямо ему сказалъ, чтобы тотъ больше не приходилъ, что «я лечиться не стану». Когда Варенька, за которою тогда послала Ольга Сократовна, вошла къ нему, онъ первымъ дѣломъ просилъ ее ничего не говорить ему о болѣзни и т. д., Варенька въ тотъ разъ пробыла тамъ часа два и по приходѣ разсказывала мнѣ, что онъ, напр., ходитъ, говоритъ о чемъ нибудь и безпрестанно разговоръ смѣнялся бредомъ; я выразилъ опасеніе за воспаленіе мозга, но когда Варенька сказала, что предъ ея уходомъ онъ сталъ ужасно потѣть, я за вѣрное сказалъ Варенькѣ, что болѣзнь миновала, или начала проходить; такъ оно и было. Въ этотъ разъ Брюзгинъ находилъ только малярійную лихорадку и далъ только хины; но уже А. А. Токарскій замѣтилъ (онъ бывалъ у Чернышевскихъ и Ольга Сократовна взвалила на него предъ Николаемъ Гавриловичемъ отвѣтственность за приглашеніе доктора) неладное и заговорилъ о консиліумѣ. Это было 15-го вечеромъ; 16 съ ранняго утра Токарскій поѣхалъ за докторами: тотъ отказывается, тотъ спитъ; въ концѣ концовъ кромѣ Брюзгина явились Кротковъ и Бонвечь; результатомъ ихъ совѣщаній была телеграмма Мишѣ, что Николай Гавриловичъ заболѣлъ, но опасности нѣтъ; въ этой же телеграммѣ было сказано, что окончательное мнѣніе или діагнозъ будетъ ими высказанъ завтра; Бонвечь взялъ пять рублей и уѣхалъ; но Брюзгинъ и Кротковъ (спеціалисты по нервнымъ болѣзнямъ) оставались, причемъ Кротковъ высказалъ мнѣніе о возможности воспаленія мозговыхъ оболочекъ; Николай Гавриловичъ былъ въ бреду, но сознаніе окружающаго, должно быть, еще было, ибо на многократныя, настойчивыя и громкія просьбы Кроткова: «Николай Гавриловичъ, высуньте языкъ»—Николай Гавриловичъ разъ произнесъ: «Я бы вамъ его высунулъ, да вы мнѣ его вырвете» и въ другой разъ: «Онъ у меня толстый». Слышалъ, что только при этомъ второмъ отвѣтѣ у докторовъ явилась мысль о возможности удара (т. е. я слышалъ такъ, что если больной чувствуетъ, что языкъ его толстъ, то это указываетъ на возможность удара); но чего либо экстреннаго не предпринимали все-таки. Въ 12 час. или въ 1 ч. (того же 16 октября) замѣтили, что отнялась лѣвая сторона. Въ 9-мъ часу вечера Варенька вернулась домой, чтобы захватить кое-что изъ бѣлья и сказать, что она пойдетъ туда опять и говорила, что больной такъ хрипитъ, что слышно чуть не на дворѣ, что послали въ аптеку за кислородной подушкой и мускусомъ, на голову же клали резиновый мѣшокъ со снѣгомъ. Какъ мнѣ ни хотѣлось пойти съ нею, я на это не рѣшился; тамъ все время были (съ утра до самаго конца) оба доктора, былъ тамъ Буковскій, былъ наконецъ Костенька, который у нихъ считается давно уже своимъ человѣкомъ; не хотѣлось оставлять одного папеньку и разныя другія соображенія; главное, я никакъ не думалъ о близкой смерти; правда, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я увидѣлъ Николая Гавриловича лично, я полагалъ, что онъ умретъ разомъ, отъ удара мозгового или нервнаго; теперь, если мелькала мысль о возможности его смерти, то съ нею боролась другая мысль, что удастся его вылечить; правда, ужасно было бы его положеніе, если бы онъ выздоровѣлъ лишь настолько, чтобы сознавать невозможность работы; смерть была предпочтительнѣе—многіе говорили это, между прочимъ, говорила мнѣ это лично Ольга Сократовна, а кто не говорилъ, тотъ думалъ. Во всякомъ случаѣ я сказалъ Варенькѣ, чтобы непремѣнно послали за мною, если бы была надобность. Повторяю, о близости смерти не помышлялъ. Калитку приказалъ не запирать и не раздѣваясь прилегъ. Въ концѣ перваго за мною прислали и сама Варенька пришла, какъ говорено выше. Я ужъ и позабылъ, что хотѣлъ сдѣлать оговорку; вся она, впрочемъ, въ томъ и состоитъ, что я намѣревался переждать нѣсколько дней; а затѣмъ у меня явилась мысль послать тебѣ письмо съ Мишей, хотя бы безсвязное и кое-какъ нацарапанное; я счелъ это болѣе удобнымъ въ виду тѣхъ мѣръ, за которыя взялась полиція; напримѣръ, многія телеграммы, посланныя здѣшними литераторами въ петербургскія и московскія газеты, хотя и были приняты на станціи, но затѣмъ были возвращены подателямъ. Полиція вела себя, положимъ, не очень нахально, но все же въ достаточной мѣрѣ нагло и подло; шныряли переодѣтые; у нашей церкви поставили городовыхъ конныхъ и пѣшихъ; околодочные въ формѣ и безъ формы шныряли и въ церкви и около нея; напримѣръ, хоть на кладбищѣ: стоитъ группа изъ пристава, помощника его и околодочнаго; я прохожу съ давнимъ моимъ и нашимъ знакомымъ Г. П. Ф—мъ; приставъ шепчетъ (можно было слышать) «это кто?»—околодочный докладываетъ ему на ухо; о моемъ спутникѣ тоже. Оправдывали поведеніе администраціи внушеніями свыше, т. е. изъ Петербурга. Нѣкоторые умники находили поведеніе деликатнымъ; что же назвали бы они неделикатнымъ? Могло быть и то, что полиція боялась быть нахальнѣе; говорятъ, что предупреждали, что въ случаѣ чего ее могутъ разнести. Надо отдать справедливость молодежи вообще, поднадзорной въ особенности; спасибо, спасибо имъ; только они и выказали себя настоящими почитателями и цѣнителями Николая Гавриловича. На панихидахъ и погребеніи были преимущественно молодежь, а въ ней преобладалъ женскій полъ; не совращенные еще тягостями жизни и разными расчетами и соображеніями, сохранившіе свое сердце и душу чистыми, они отдали должную дань памяти покойнаго; безъ душевнаго волненія нельзя было видѣть нѣкоторыя молодыя, почти дѣтскія личики, проникнутыя глубокою скорбью. Многіе плакали. Многіе можетъ быть не понимали истинныхъ заслугъ Николая Гавриловича, но всѣ знали въ общемъ, что за человѣкъ былъ покойный. Вѣрное въ общихъ чертахъ пониманіе его встрѣчалось тамъ, гдѣ нельзя было и предполагать; напр., противъ насъ живетъ старичекъ; Богъ его знаетъ, кто онъ такой; возвращаемся мы съ Варенькой съ кладбища, и вотъ что намъ разсказываетъ Прокофьичъ: [1]) стоялъ онъ на углу у дома Чернышевскихъ со

[1]) Дворникъ дома Пашиныхъ.

скамьей, приготовленной для литіи, здѣсь же и толпа народа, собравшагося въ ожиданіи процессіи. И вотъ въ этой толпѣ старичекъ этотъ (совершенно трезвый) кричалъ: «За что замучили человѣка? За то, что правду говорилъ. А сами гдѣ?» . . . . . и ужасно бранилъ «начальство». Какъ его не забрали въ полицію—удивлялся и Прокофьичъ. Варенька слышала по пути, какъ одна старушка, видя полицію, сопровождающую гробъ, сказала: «И мертваго то боятся, спокойно умереть не дадутъ». Мнѣ на пути также пришлось слышать нѣсколько добрыхъ замѣчаній. . . . . .

. . . «На другой день смерти Николая Гавриловича явился къ Ольгѣ Сократовнѣ артиллерійскій офицеръ К. и просилъ позволенія снять съ Николая Гавриловича портретъ масляными красками (фотографическую карточку сняли еще утромъ въ день смерти). «Для кого же вы будете снимать? спрашиваетъ она.—«Конечно, для васъ».—«Въ такомъ случаѣ можно», разрѣшила она и К. тотчасъ же отправился въ Радищевскій музей, откуда вернулся не только съ мольбертомъ, палитрой и проч., но привезъ съ собою и профессіональнаго художника Попова, и тотчасъ принялись за дѣло съ двухъ — разныхъ пунктовъ. Этотъ К. хотя никогда у насъ не былъ и мы ни разу его не видѣли, однако намъ родственникъ: онъ женатъ на . . Ольга Сократовна у нихъ бывала. Портреты еще не отосланы, но схожи, причемъ портретъ, рисованный Поповымъ лучше; быть можетъ потому, что онъ удачнѣе выбралъ мѣсто для сниманія [1]). . . . . (Ольга Сократовна) намѣревалась снять фотографію съ кабинета, но раздумала, и кабинетъ былъ карандашно срисованъ тѣмъ же К-мъ. . . . Черезъ полчаса по нашемъ возвращеніи со станціи, сталъ собираться народъ въ ожиданіи выноса и все больше и больше; уже фотографъ, приглашенный по желанію Ольги Сократовны, чтобы снять фотографію съ гроба со всѣми на немъ вѣнками, не безъ труда могъ поставить свой аппаратъ, а священникъ съ трудомъ могъ проникнуть къ гробу для послѣдней предъ нимъ службы; словомъ, такъ много было народу, что и своимъ трудно было повернуться.

. . . «Мнѣ довольно приходилось видѣть покойниковъ, но никогда я не видѣлъ, чтобы лицо могло такъ измѣняться со смертью, какъ измѣнилось оно у Николая Гавриловича (оно стало значительно красивѣе и очень напоминало лицо Некрасова). Какъ будто бы самыя черты рѣзко измѣнились; особенно это измѣненіе бросилось въ глаза, когда къ вечеру перваго дня лицо немного припухло; опасались, что оно распухнетъ еще болѣе, но этого не случилось; напротивъ, къ вечеру втораго дня опухоль уменьшилась, но не високъ, гдѣ, вѣроятно и произошло кровоизліяніе въ мозгъ. Не осталось на лицѣ и слѣдовъ того изнуренія, которое такъ бросалось мнѣ въ глаза при обмываніи и которое такъ врѣзалось мнѣ въ память. Тѣ, кто видѣлъ Николая Гавриловича въ первый разъ въ гробу и представить себѣ не могли его лица живого. . . . .

. . . «Понесли гробъ: въ ногахъ А. А. Токарскій и В. Н. Подлакъ (литераторъ, знакомый Николаю Гавриловичу и ему понравившійся),

[1]) Портретъ, рисованный Поповымъ, находится у меня; это, вѣроятно, наскоро набросанный этюдъ, чѣмъ законченный портретъ. Портрета же, рисованнаго К—мъ, я не видалъ и не знаю, какая судьба постигла его.

въ серединѣ я и Костенька, въ головахъ К. Н. Буковскій и Миша. Буковскаго кто то смѣнилъ на полпути, Токарскаго кто то смѣнилъ у дома Чернышевскихъ (около ихъ дома было двѣ литіи—по пути въ церковь и обратно); около церкви стояла уже толпа; передъ входомъ выстроились шпалерами нѣсколько городовыхъ; высшіе полицейскіе чины мелькали тамъ и сямъ; нести было тяжело; какой то умникъ распорядился притомъ нести гробъ въ церковь не по Гимназическому а по Бабушкину взвозу, чѣмъ путь значительно удлинился; полицейскіе, конные и пѣшіе, хотя и не въ большомъ количествѣ, провожали процессію до самаго кладбища.

. . . «Въ церкви очень многіе прощались (всѣмъ было немыслимо) съ Николаемъ Гавриловичемъ, причемъ я замѣтилъ, что преимущественно цѣловали его руку; принуждены были разрывать на части гирлянды изъ живыхъ цвѣтовъ, каковыя части дальше раздѣлялись на части мельчайшія, а также отрывать листы изъ лавровыхъ вѣнковъ.

. . . «При выносѣ изъ церкви произошла нѣкоторая особенность. Мы выходили изъ церковнаго притвора на паперть, когда среди пѣнія и плача, Ольга Сократовна, не спускавшая глазъ съ лица Николая Гавриловича, воскликнула рыдающимъ голосомъ: «Голубчикъ, онъ слышитъ, онъ плачетъ; Миша, смотри—слеза!» Миша оглянулся и подавленнымъ отъ слезъ голосомъ сказалъ «да, да». Оглянулся и я и, дѣйствительно, замѣтилъ, что во внутреннемъ углу лѣваго глаза проступила капля прозрачной жидкости. . . . .

«Изъ церкви несли тѣ же; только Токарскаго, который еще съ той смѣны ушелъ въ судъ, замѣнилъ докторъ Кротковъ. Отслужили литію у угольнаго дома [1]) и начали подниматься по Гимназическому взвозу; теперь все громче и громче стали раздаваться голоса, чтобы служить литію у гимназіи, но директоръ, очевидно ожидая этого, выслалъ сказать священнику, что онъ не желаетъ, чтобы у гимназіи служили литію, и священникъ отказался служить ее... У гимназіи мы всѣ смѣнились, чтобы дать мѣсто массѣ желающихъ нести гробъ и съ нетерпѣніемъ того ожидающихъ. Шли по Нѣмецкой, Александровской и Московской. Прошли уже нѣкоторое разстояніе по этой послѣдней, когда ко мнѣ, шедшему въ сторонѣ, обратился одинъ изъ молодежи, котораго я постоянно видѣлъ на панихидахъ: «Вотъ женщины желаютъ нести, да не знаютъ какъ»—а я ему: «Что жъ онѣ думаютъ, вѣдь это надо сейчасъ, дальше имъ будетъ не подъ силу». Тотъ бросился въ женскую толпу, тамъ заволошились и тотчасъ же смѣнили всѣхъ мужчинъ. А дальше имъ было бы дѣйствительно не подъ силу; въ городѣ было очень грязно, а за городомъ и говорить нечего: грязь чуть не по колѣно. Когда отошли отъ города, многіе сѣли въ экипажи, и мы впередъ поѣхали на кладбище; но мужская и женская молодежь (впрочемъ и не одна молодежь) бодро шли впередъ и съ неослабѣвающей охотой несли гробъ до самаго кладбища; на Московской улицѣ провожающіе организовали хоръ и онъ пѣлъ прекрасно; лучше чѣмъ тотъ хоръ, который былъ въ церкви и который на половину состоялъ изъ архіерейскихъ пѣвчихъ. Участіе въ

[1]) т. е. у нашего дома—на углу Вол. Сергіевской и Гимназической.

немъ многихъ женскихъ голосовъ придавало пѣнію еще больше красоты и задушевности; я никогда не слыхалъ такого хорошаго похороннаго пѣнія. Катафалкъ, везомый четырьмя лошадьми, украшенный вѣнками съ развѣвающимися лентами, несеніе гроба женщинами, этотъ хоръ, масса провожающихъ—придавали всей процессіи торжественно-необычайный видъ и дѣлали похороны такими похоронами, какихъ Саратовъ не видѣлъ, да никогда и не увидитъ. А тотъ, кто лежалъ въ этомъ гробу? Какъ мало все это согласовалось съ тою простотою, которую онъ вездѣ и во всемъ любилъ! Но развѣ можно считать эту торжественность оскорбленіемъ его памяти? Скорѣе можно считать такимъ оскорбленіемъ то безучастіе, если не сказать больше, которое было выказано такими сферами интеллигенціи, отъ которыхъ наиболѣе было возможно ожидать всяческихъ заявленій сочувствія къ памяти покойнаго; такъ, на панихидахъ я видѣлъ только двухъ докторовъ, да трехъ адвокатовъ; два адвоката привезли маленькій вѣнокъ безъ всякой надписи и моментально исчезли. На кладбищѣ было 4 адвоката (т. е. присяжныхъ повѣренныхъ), да 3 доктора; было нѣсколько чиновниковъ контроля тамбово-саратовской ж. д., одинъ акцизный...

. . . «Теперь, бросая ретроспективный взглядъ на эти четыре мѣсяца, право все больше и больше проникаешься предположеніемъ, почти увѣренностью, что это было сплошное мученье, медленное, неуклонное приближеніе къ смерти. Въ докторской замѣткѣ, помѣщенной въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Саратовскаго Листка» и содержащей краткое описаніе болѣзни Николая Гавриловича, было сказано, что вообще онъ «казался совершенно здоровымъ». Это вздоръ; вообще эта замѣтка не внушила мнѣ довѣрія: очень ужъ сквозитъ въ ней желаніе самооправданія заднимъ числомъ... Здѣсь вообще могли очень мало печатать о Николаѣ Гавриловичѣ; напримѣръ, воскресному фельетонисту того же «Листка», желавшему коснуться тогдашней злобы дня, цензоръ (это было 21 октября) прямо сказалъ, что онъ не пропуститъ ни одного слова. Фельетонистъ «Дневника» вернулъ о томъ нѣсколько словъ (22 октября), но такъ тупо и безтактно, что я никакъ не ожидалъ этого. С. С. Гусевъ хотѣлъ провести маленькую параллель между смертью купца и писателя: параллель старая и давно избитая, но здѣсь она могла бы прійтись кстати, ибо 18 октября хоронили здѣсь богатаго купчину; вышло нѣсколько безтактныхъ словъ...

. . . «Смерть вообще производитъ ошеломляющее дѣйствіе; тѣмъ болѣе эта; а то, что слѣдуетъ за нею, вся эта суета, безпорядокъ—всего этого не уложить въ стройную рамку послѣдовательнаго разсказа; и мнѣ гораздо легче писать вамъ не гонясь за послѣдовательностью и порядкомъ; и теперь еще, уже на пространствѣ трехъ недѣль, я точно въ туманѣ представляю себѣ тѣ печальные дни: надо очень хорошо владѣть словомъ, чтобы только приблизительно выразить свое чувство; право я никакъ не могу хорошенько выразить свою настоящую мысль: какъ то невольно, подавляюще, чувствовалось, что умеръ какой то необычный человѣкъ; какая то невыразимо-тоскливая жалость охватила меня всего, когда я только мель-

комъ взглянулъ на Николая Гавриловича со сложенными на груди руками и подвязаннымъ подбородкомъ. Плохо помню, какъ я дошелъ туда; но тамъ первою бросилась мнѣ въ глаза фигура Ольги Сократовны, согнувшаяся, съ компрессомъ на головѣ и какъ то странно потемнѣвшимъ лицомъ; потомъ я помню, что она взяла меня за руку, сказала: «Подите, проститесь съ нимъ» и хотѣла подвести меня къ дивану, на которомъ онъ лежалъ; но не доходя до него нѣсколькихъ шаговъ она пригнулась къ моему плечу и горько-горько заплакала, а я нѣжно цѣловалъ ея руку, бывшую въ моей рукѣ...

. . . «Пока приготовляли воду для обмыванія, я прошелъ въ гостиную, гдѣ сидѣли еще оба доктора—Кротковъ и Брюзгинъ—только что кончившія составленіе подробнаго письма П. И. Бокову [1]) (въ отвѣтъ на его телеграмму о томъ, какъ идетъ ходъ леченія); я на минуту присѣлъ около нихъ и спросилъ о причинѣ смерти; Кротковъ отвѣтилъ: «Апоплексія: кровоизліяніе въ мозгъ». Передъ тѣмъ, прежде чѣмъ задать этотъ вопросъ, я счелъ вѣжливостью сначала назвать себя, и Кротковъ спросилъ меня: «Вы братъ Александра Николаевича?»—Да, молъ. А днемъ, до смерти, онъ спрашивалъ Ольгу Сократовну, почему она не извѣстила тебя въ самомъ началѣ болѣзни, что онъ слышалъ, что вы такъ близки. Она отвѣтила, что ты и самъ старикъ, притомъ некрѣпкаго здоровья, что, вѣроятно, ты не совсѣмъ здоровъ, что вотъ отложилъ свою поѣздку, быть можетъ именно вслѣдствіе этого. Въ послѣдовавшіе дни—я писалъ уже объ этомъ—многіе справлялись о твоемъ пріѣздѣ. Писалъ и о томъ, какъ мы жалѣли, что пришлось тебѣ отложить свою поѣздку. Кто же зналъ?

. . . «Надо было, однако, приступить къ обмыванію. И удивительное дѣло! Прошло, по моему приблизительному разсчету, никакъ не меньше часу съ минуты смерти (какъ только Николай Гавриловичъ скончался, Варенька сбѣжала внизъ въ кухню, разбудила кухарку и послала ее за мною; поднявшись въ комнаты она вспомнила, что надо написать мнѣ, что я долженъ захватить изъ дому, тотчасъ же написала мнѣ и опять спустилась внизъ, чтобы передать записку кухаркѣ, но та уже убѣжала; тогда Варенька опять поднялась наверхъ, одѣлась и пошла сама; потомъ когда мы пришли, пока ждали воды и т. д., надо было приготовить то, да другое; а когда Ольга Сократовна и Варенька стали торопить меня (хотя задержка вызывалася никакъ не мною, а неимѣніемъ теплой воды), доктора раза два повторили: «Да не безпокойтесь, мы такъ положили его, что если и застынетъ, такъ не бѣда,—такъ вотъ, говорю я, прошло не меньше часу съ послѣдней минуты (хотя Варенька была въ это время около постели, но она этой минуты не уловила, и только увидѣвъ, что докторъ закрываетъ глаза Николая Гавриловича, во время агоніи бывшіе полуоткрытыми, она поняла, что все кончено)—до обмыванія, а тѣло было горячее, положительно горячее, и это обстоятельство мучительно дѣйствовало на меня; мнѣ все казалось, что жизнь еще теплится въ этомъ тѣлѣ, что быть можетъ въ немъ есть еще капля жизни; и странно: во очію

[1]) Извѣстный московскій врачъ, очень давнишній знакомый и близкій нашему семейству человѣкъ.

я видѣлъ передъ собою, поднималъ, поворачивалъ и мылъ тѣло Николая Гавриловича, а моему воображенію необъяснимымъ образомъ оно представлялось или тѣломъ слабаго, больнаго, безпомощнаго ребенка, или вызывало въ моемъ воображеніи картину какого-то великаго художника, изображающую «Снятіе съ креста», снимокъ съ которой, видѣнный мною уже не помню гдѣ, издавна какъ-то врѣзался въ мою память и запечатлѣлся въ ней. Удручающимъ, тяжелымъ образомъ дѣйствовало это на меня; а рядомъ съ этимъ и другое оскорбительно-тягостное чувство съ какою то обидою и упрекомъ говорило во мнѣ, что этотъ послѣдній долгъ, воздаваемый мною Николаю Гавриловичу, это было *единственное*, что во всю его жизнь я могъ сдѣлать для дорогого, но уже теперь мертваго человѣка. Передъ умершимъ человѣкомъ всегда чувствуешь себя виноватымъ, даже и въ томъ случаѣ, если самая строгая совѣсть не найдетъ въ чемъ упрекнуть себя; и тѣмъ ужасно это ощущеніе, что всякое слово, всякій помыселъ, сами по себѣ извинительные, обыденные—все здѣсь ставишь себѣ въ вину. Я въ личныхъ сношеніяхъ весьма не экспансивный человѣкъ; но сколько разъ, именно въ такіе дни, когда Николай Гавриловичъ приходилъ къ намъ такой больной, слабый, унылый (до слезъ жаль было на него смотрѣть въ такихъ случаяхъ), сердце мое переполнялось всею тою любовью, всею тою нѣжностью, съ какимъ только оно способно, готово было раскрыться передъ нимъ до самой своей глубины; хотѣлось раскрыть всю свою душу, всѣ накопившіяся въ ней горечи несчастной и мучительной своей жизни передъ этимъ любящимъ и благороднымъ сердцемъ! Услышать отъ него любящее и утѣшительное слово,—сказать ему самому все, все хорошее и лучшее, что только могъ бы сказать! И никогда не хватало у меня на это духу. Я зналъ, я чувствовалъ его любящую натуру, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ казалось, что онъ глубоко, глубоко скрываетъ вообще свои чувства, не любитъ слышать изліяній отъ другихъ. Если въ этомъ я ошибался и ошибаюсь, да проститъ мнѣ его память.

. . . «Столъ оказался нѣсколько малъ, такъ что въ головахъ пришлось подставить еще маленькій круглый столикъ, подушка попалась мягкая, и вотъ, чтобы голова не слишкомъ низко лежала, кому то пришла (сколько помнится—Варенькѣ) счастливая мысль положить на этотъ столикъ подъ подушку нѣсколько книгъ; удобнѣе всего оказался для этой цѣли Брокгаузъ; мы ихъ и положили нѣсколько; вы ихъ увидите на фотографической карточкѣ; онѣ хорошо вышли; подъ каждую руку, чтобы онѣ лежали прямѣе, также подложили по одному тому того же Брокгауза; а когда утромъ явился фотографъ, Константинъ Михайловичъ, кажется, догадался, очень умѣстно, положить на столъ Вебера—переведеннаго и въ подлинникѣ. Карточку вы теперь вѣроятно имѣете—она вышла очень хороша; жаль только, что фотографъ не догадался опустить ту занавѣсь, что висѣла надъ дверью въ гостиную; поэтому обстановка послѣдней, особенно столъ съ лампой, кажется стоящею около самаго гроба. Ольга Сократовна и Варенька жалѣютъ очень, что волосы у Николая Гавриловича лежатъ не такъ, какъ они лежали у него живаго, т. е. не такъ пышно; и досадовали на себя, что не поправили ихъ; пеняли даже на того,

кто ихъ причесывалъ. Варенька спрашиваетъ меня: «кто причесывалъ?»—«Да вы же,»—отвѣчаю. Я началъ причесывать Николая Гавриловича еще въ спальнѣ, прежде чѣмъ мы его понесли; волосы отъ лежанія и мытья были, конечно, спутаны; я отчасти расчесалъ ихъ своимъ металлическимъ гребешкомъ, пронялъ рядъ, а затѣмъ передалъ гребешокъ Варенькѣ и просилъ ее докончить прическу, когда мы совсѣмъ уложимъ Николая Гавриловича на столъ; но Ольга Сократовна и Варенька не соображаютъ того, что мертвые волосы не могутъ же лежать такъ, какъ лежатъ и держатся волосы живые. Кстати о волосахъ: мы—я и Варенька—очень жалѣемъ, что такъ мало ихъ обрѣзали. Случилось это потому, что Варенька надѣялась, что отрѣжетъ ихъ Ольга Сократовна, но позабыла, что Ольга Сократовна имѣетъ на этотъ счетъ разныя примѣты. Между тѣмъ въ среду, на второй день, приходитъ къ намъ одна давно знакомая, хорошая и умная барышня; она только что узнала о смерти Николая Гавриловича, разстроенная прибѣжала къ намъ, чтобы спросить о причинѣ и болѣзни и попросить Вареньку провести ее къ Чернышевскимъ посмотрѣть и проститься; пока Варенька передавала ей скорбную повѣсть, та очень плакала; потомъ онѣ вмѣстѣ пошли туда. Тамъ между прочимъ, эта барышня просила Вареньку дать ей на память нѣсколько волосъ Николая Гавриловича. Варенька передала о ея желаніи Ольгѣ Сократовнѣ, при чемъ просила отрѣзать и для себя; но Ольга Сократовна сказала, что сама она рѣзать не будетъ, но что если угодно это Варенькѣ, пусть она отрѣжетъ сама; и притомъ отсовѣтывала это дѣлать, приводя какія-то примѣты; Варенька примѣты эти не захотѣла взять во вниманіе и отрѣзала и себѣ, и Л. П-нѣ по очень немногу. А вечеромъ я сообразилъ, что слѣдуетъ послать Енички...[1]) и просилъ Вареньку отрѣзать мнѣ еще прядь для Енички. Она говоритъ, что надо объ этомъ сказать Ольгѣ Сократовнѣ, а та кстати сама подошла къ намъ и я передалъ ей свое желаніе.—«Да отрѣжьте, но только пожалуйста сами». Я отправился на поиски ножницъ и нашелъ таковыя въ комнатѣ у Константина Михайловича; старыя, сломанныя и въ добавокъ тупыя. И рѣзать было неловко, и жаль было рѣзать много; намъ слѣдовало сдѣлать это передъ тѣмъ, какъ класть на столъ; на затылкѣ можно было бы отрѣзать въ достаточномъ количествѣ для всѣхъ своихъ.

Слуховъ и толковъ, которые циркулировали всѣ эти дни—и не передать; нѣкоторые были довольно характерны: говорили, напримѣръ, и опасались, что похороны заставятъ сдѣлать раньше и скрытно; какъ бы подтвержденіемъ этого слуха можетъ служить слѣдующій случай: передъ послѣдней панихидой, очень незадолго до ея начала, одна давняя знакомая Ольги Сократовны, вертѣвшаяся здѣсь всѣ эти дни съ утра и до ночи, подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «Михаилъ Николаевичъ, вонъ тамъ, въ самыхъ дверяхъ передней стоитъ Иванъ Яковлевичъ С.; человѣкъ онъ хорошій, лицо почетное. Вамъ онъ давно хорошій пріятель,—вамъ слѣдовало бы провести его въ гостиную». «Пожалуй, она права»—подумалъ я, и дѣйствительно провелъ его въ гостиную, на минуту съ нимъ при-

[1]) Т. е. сестрѣ—Евгеніи Николаевнѣ Пашиной.

сѣлъ и, между прочимъ, спрашиваю, былъ ли онъ на предшествовавшихъ панихидахъ.—«Нѣтъ, не былъ, отвѣчаетъ онъ; представь себѣ: меня вчера утромъ Ананій Ивановичъ (Недошивинъ, городской голова) увѣрилъ, что Николая Гавриловича похоронили вчера рано утромъ». С. кажется единственный изъ представителей нашего муниципалитета, бывшій хоть на одной панихидѣ и въ церкви, и на отпѣваніи. Изъ земскихъ гласныхъ я видѣлъ только двухъ—одинъ изъ нихъ присяжный повѣренный. Изъ офицеровъ былъ только одинъ—тотъ К., о которомъ я упоминалъ въ одномъ письмѣ. Меня возмутило отсутствіе новаго предсѣдателя губернскаго земства Б. Человѣкъ умный и слываетъ передовикомъ. Съ Николаемъ Гавриловичемъ былъ лично знакомъ. Въ началѣ осени была въ Саратовѣ сельско-хозяйственная выставка; Николай Гавриловичъ два раза посѣтилъ ее; въ одно изъ этихъ посѣщеній кто-то познакомилъ его съ Б.; завязался разговоръ, во время котораго объяснилось, что Б. бывалъ у Николая Гавриловича, еще будучи студентомъ. Здѣшній желѣзнодорожный правительственный контроль считается съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ, либеральнымъ мѣстомъ служенія и прибѣжищемъ либеральнаго пролетаріата: служить тамъ не сочтетъ для себя позорнымъ самый рьяный свободомыслъ; и чиновники контроля оправдали свою репутацію: исправно посѣщали панихиды, на гробъ Николая Гавриловича возложили прекрасный съ хорошею, хотя и скромною надписью («Уму и таланту») вѣнокъ и провожали гробъ до могилы; одинъ изъ нихъ—давній и хорошій Мишинъ знакомый В. И. К.; жена этого К.—давняя моя знакомая, женщина врачъ; на третій день она приводила къ гробу своего десятилѣтняго сына, чтобы тотъ, по ея словамъ, «поклонился праху великаго человѣка и на вѣкъ запечатлѣлъ черты его лица».

.... «Докторъ Н. также на всѣ панихиды приводилъ десятилѣтняго сынишку и взялъ его съ собой даже на кладбище. На кладбищѣ много вообще было провожающихъ, и пѣшихъ, и на экипажахъ; послѣдніе, хотя и не всѣ занятые, ѣхали въ четыре ряда; число провожающихъ счетомъ я затруднился бы опредѣлить; старшій кладбищенскій священникъ, о. Матвѣй Розановъ (по наружности чистый апостолъ) сказалъ: «Я на кладбищѣ вотъ уже двадцать лѣтъ, а такихъ похоронъ не видѣлъ». (Кстати: Константинъ Михайловичъ [1]) послалъ въ «Живописное Обозрѣніе» карандашные рисунки памятника и кабинета Николая Гавриловича; кабинетъ срисовывалъ художникъ Поповъ, памятникъ—не знаю) и надѣется, что ихъ помѣстятъ [2])... Удивили меня два случая во время похоронъ шествія. На углу какихъ-то улицъ стоитъ кучка чуекъ: не то мастеровые, не то прикащики изъ какой нибудь немудрящей лавчонки; подбѣгаетъ еще мужиченка и спрашиваетъ: «Кого хоронятъ?»—«Чернышевскаго»—былъ простой отвѣтъ, произнесенный однимъ изъ молодыхъ парней, но въ этомъ простомъ отвѣтѣ я уловилъ вовсе не простой смыслъ; чувствовалось, что отвѣчавшій сознаетъ, что «Чернышевскаго» должны знать всѣ, находитъ, что одного этого имени достаточно, чтобы понимали всѣ

[1]) Федоровъ.
[2]) Эти рисунки не были помѣщены.

кого хоронятъ; и самая фамилія была произнесена какимъ-то теплымъ, сердечнымъ тономъ. Этотъ тонъ и эта сознательность, содержимость, такъ сказать, отвѣта меня и подивили. Ясно, что для парня фамилія «Чернышевскій» имѣетъ какое-то внутреннее, хорошее содержаніе, является олицетвореніемъ какой-то идеи. Вѣдь такое omen in nomine не подъ силу многимъ людямъ съ образованіемъ. Но отъ кого и что онъ слышалъ? Я нисколько не удивился бы, если бы мнѣ сказали, что Николай Гавриловичъ въ своихъ частыхъ и продолжительныхъ прогулкахъ по Саратову (въ первое время) свелъ знакомство и съ такимъ слоемъ населенія и ему успѣлъ внушить къ себѣ любовь. Говорилъ же Константинъ Михайловичъ, что въ Астрахани простой народъ зналъ и любилъ Николая Гавриловича. А въ другой разъ меня удивила уже женщина, простая женщина, одѣтая такъ, какъ одѣвается напр. наша Сиклитія, не рвано, но бѣдно: иду въ сторонѣ, взглянулъ на гробъ и между барышнями и барынями, несущими его, вижу и эту женщину, также участвующую въ несеніи гроба; потому и бросилась мнѣ въ глаза ея фигура, что слишкомъ дисгармонировала она съ этими пальто и шубками, шляпами и шапочками. Подошелъ близко, всмотрѣлся: лицо не молодое, серьезное, какое-то проникновенное, какъ сказалъ бы Достоевскій. И женщина эта также осталась для меня загадкой,...

. . . . . «Въ виду того, что тебѣ, Саша, [1]) дорога каждая строчка о Николаѣ Гавриловичѣ, слѣдовало бы обратиться по возможности ко всѣмъ, знавшимъ Николая Гавриловича и имѣвшимъ съ нимъ какія-либо сношенія, и просить и ихъ также о сообщеніи тебѣ всевозможныхъ свѣдѣній. Мнѣ тебя не учить стать и наѣрное эта мысль явилась у тебя раньше моего; но какъ ты приведешь ее въ исполненіе—вотъ что мнѣ интересно.... было бы крайне обидно, если бы съ Николаемъ Гавриловичемъ повторилось то же, что съ Добролюбовымъ; сколько мнѣ извѣстно, воспоминаній о послѣднемъ было и есть крайне мало. Біографія Николая Гавриловича, конечно, еще немыслима, но... впрочемъ, еще разъ повторю: ученаго учить лишь портить. Немного à propos. Еще съ перваго дня смерти Николая Гавриловича мнѣ вспомнились и до сихъ поръ ежедневно вертятся у меня четыре строки изъ стихотворенія Некрасова на смерть Добролюбова:

Но слишкомъ рано твой ударилъ часъ,
И вѣщее перо изъ рукъ упало!
Какой свѣтильникъ разума угасъ,
Какое сердце биться перестало!

Не правъ ли я, искренно полагая, что эти прекрасныя, благородныя слова можно примѣнить къ смерти Николая Гавриловича, какъ и къ смерти Добролюбова, котораго Николай Гавриловичъ такъ любилъ и такъ высоко ставилъ; «не въ Россіи надо было ему жить», сказалъ мнѣ однажды Николай Гавриловичъ. А самому Николаю Гавриловичу еще болѣе нельзя было въ ней жить».

[1]) А. Н. Пыпинъ.

Наконецъ склепъ былъ задѣланъ и могила приведена въ порядокъ и украшена массою вѣнковъ. Но оставлять вѣнки на могилѣ было немыслимо: они лежали совершенно открыто, на могилѣ не было никакой ограды, и ручаться за сохранность вѣнковъ было невозможно. Поэтому къ ночи мы отвезли всѣ вѣнки домой и спрятали ихъ у Пыпиныхъ. Но крайне дорожа надписями на лентахъ и боясь, чтобы эти ленты какъ-нибудь не затерялись, я отвязалъ ихъ отъ вѣнковъ и, уѣзжая изъ Саратова, взялъ съ собою въ Петербургъ. Слышалъ потомъ, что нѣкоторыя лица, приславшіе вѣнки, были недовольны этимъ и осуждали меня, но я сдѣлалъ это исключительно въ видахъ бодѣе бережнаго ихъ сохраненія. А черезъ полтора года (лѣтомъ 1891 г.) на средства, собранныя почитателями моего отца, на могилѣ его была поставлена желѣзная часовня, сдѣланная по рисунку художника Ѳ. Г. Беренштама, со стеклами, съ крѣпкою дверью, и тогда всѣ вѣнки со всѣми лентами были развѣшаны нами въ этой часовнѣ. Часовня эта стоитъ около самой церкви, у задней ея стѣны. Казалось бы, что помѣщеніе въ такой желѣзной, весьма солидной, часовнѣ вѣнковъ должно было въ достаточной степени гарантировать ихъ сохранность. Но, увы! даже и этого оказалось мало. Лѣтомъ 1905 г. матушка моя пріѣхала какъ-то на кладбище отслужить, по обыкновенію, панихиду и къ ужасу своему замѣтила, что съ одной стороны часовни выбиты стекла, а съ памятника сорванъ серебряный вѣнокъ, присланный отъ высшихъ учебныхъ заведеній г. Харькова. Наглость вора дошла до того, что на желѣзномъ переплетѣ рамы, изъ которой были выбиты стекла, онъ нацарапалъ, вѣроятно осколкомъ стекла, свою подпись: «Петръ . . . 27 іюля» (точную дату теперь забылъ). Конечно, матушка тотчасъ же заявила о покражѣ полиціи, обѣщая хорошую награду за находку вѣнка, но этимъ заявленіемъ все дѣло ограничилось, а вора такъ таки и не нашли.

Мих. Чернышевскій.

Къ біографіи П. Н. Ткачева.

(По неизданнымъ источникамъ).

Личность Петра Никитича Ткачева, равно какъ роль его въ русскомъ освободительномъ движеніи, такъ значительна, что всякое новое біографическое указаніе пріобрѣтаетъ вполнѣ понятный интересъ. Въ моемъ распоряженіи находятся нѣкоторыя, касающіяся и Петра Никитича свѣдѣнія, заимствованныя мною изъ сенатскаго архива.

Читателямъ процессовъ М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго уже хорошо извѣстно, чѣмъ была Высочайше учрежденная слѣдственная коммисія кн. Голицына. Между массою дѣлъ, подлежашихъ ея разбирательству, было между прочимъ и дѣло о студентахъ Ольшевскомъ, Кемарскомъ, Ткачевѣ и Яковлевѣ. Познакомлю съ нимъ лишь настолько, чтобы сдѣлать понятнымъ все, что имѣется въ немъ о Ткачевѣ.

Студентъ петербургскаго университета Леонидъ Ольшевскій въ декабрѣ 1861 г. былъ высланъ на родину за участіе въ университетскихъ безпорядкахъ. Пробывъ на родинѣ подъ надзоромъ полиціи, Ольшевскій черезъ четыре мѣсяца самовольно вернулся въ Петербургъ. Черезъ нѣсколько дней оберъ-полиціймейстеръ получилъ анонимный доносъ на Ольшевскаго, обвинявшій послѣдняго въ распространеніи прокламацій. 15 мая его арестовали, но при обыскѣ ничего не нашли. Черезъ пять дней Ольшевскому даже удалось получить право жить въ Петербургѣ для сдачи экзаменовъ. Черезъ мѣсяцъ другой анонимъ указалъ полиціи на то, что Ольшевскій ловко скрылъ свои бумаги при первомъ обыскѣ. Сдѣланъ былъ вторичный обыскъ. Среди бумагъ была найдена одна, на которой было написано что-то самое обыкновенное и не заслуживающее никакого вниманія—при чтеніи въ обычномъ порядкѣ, но совсѣмъ другое, если читать по одному слову въ каждой строкѣ съ лѣвой стороны, потомъ со второй строки на правой сторонѣ и, наконецъ, одно за другимъ слова, написанныя снизу, послѣ оставленнаго пробѣла. При такомъ чтеніи получалось: «Александръ долженъ непремѣнно отправиться на тотъ свѣтъ въ самомъ не скоромъ времени, иначе всѣ дѣла примутъ дурной оборотъ и намъ придется поплатиться»...

Сейчасъ же Ольшевскій былъ арестованъ. На третій день своего заключенія онъ ухитрился написать товарищу Кемарскому такую

записку: «въ бумагахъ моихъ найдены записки Печаткина и Ткачева, легко можетъ случиться, что ихъ потребуютъ для допроса, равно и тебя. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы вы всѣ показали, что я никогда не сообщалъ вамъ никакихъ моихъ плановъ или мыслей, что вы рѣшительно ничего не знаете. Сообщи это и лешиной величинѣ [1]). Берегись Карла Ивановича, это тоже шпіонъ. Скажешь тоже, что ты недавно живешь со мною и большую часть времени не былъ дома, а потому и не могъ знать, что я дѣлаю, что никто къ намъ не приходилъ и, насколько тебѣ извѣстно, я былъ занятъ постоянно чтеніемъ»...

Но ухитрившись написать, Ольшевскій не ухитрился передать записку въ вѣрныя руки, и она попала прежде всего къ жандармамъ, а оттуда въ III Отдѣленіе. Разумѣется, очень скоро Кемарскій былъ арестованъ. Ткачевъ былъ на свободѣ до 17 ноября. Въ этотъ день, къ нему явился надзиратель перваго квартала Литейной части и отвезъ его вмѣстѣ съ бумагами прямо въ Петропавловскую крѣпость, въ засѣданіе слѣдственной комиссіи.

Изъ бумагъ самая преступная была тетрадь съ стихотвореніями, ходившими тогда по рукамъ, въ родѣ «Памяти Михайлова», «Памяти Павлова» и пр.

Въ тотъ же день Ткачева «увѣшевалъ» священникъ Петропавловскаго собора Михаилъ Архангельскій, а допрашивали члены слѣдственной комиссіи генералъ Огаревъ и сенаторъ Гедда.

Вотъ показанія арестованнаго:

«Зовутъ меня Петромъ Никитовичемъ Ткачевымъ, отъ роду 18 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, у исповѣди и св. Причащенія былъ ежегодно, имѣю мать, брата и двухъ сестеръ, двухъ дядей Федора Николаевича и Николая Николаевича Анненскихъ [2]), оба въ отставкѣ, живутъ въ Петербургѣ; самъ недвижимой собственности не имѣю; мать имѣетъ имѣніе въ Великолукомъ уѣздѣ Псковской губерніи. Воспитывался во 2-й петербургской гимназіи, поступилъ въ университетъ въ прошедшемъ году въ августѣ мѣсяцѣ, увольненъ былъ изъ него за невзятіе матрикулъ, опредѣленныхъ занятій не имѣю, живу у матери. Былъ въ прошедшемъ году подъ слѣдствіемъ за безпорядки въ Петербургскомъ университетѣ, арестованъ былъ при Кронштадтской крѣпости. По окончаніи слѣдствія былъ оставленъ на порукахъ у матери.

«Съ бывшими студентами Ольшевскимъ и Кемарскимъ былъ знакомъ; познакомился съ ними въ Кронштадтѣ, въ особенно близкихъ сношеніяхъ ни съ однимъ изъ нихъ не былъ. У Ольшевскаго я бывалъ, насколько могу припомнить, иногда разъ въ недѣлю, иногда 2, а иногда и въ двѣ недѣли разъ. Къ Кемарскому ходилъ я въ то же самое время, какъ и къ Ольшевскому, такъ какъ они жили на одной квартирѣ.

«Съ московскимъ студентомъ Ольшевскимъ познакомился въ

[1]) Такъ звали товарищи Яковлева.

[2]) Первый—отецъ нынѣ извѣстнаго писателя Н. Ф. Анненскаго, женатаго на родной сестрѣ П. Н. Ткачева.

Кронштадтѣ. Планы, о которыхъ говорилъ мнѣ Ольшевскій, касались чисто его только одного; такъ, напримѣръ, онъ мнѣ говорилъ, что онъ думаетъ отправиться въ университетъ въ Кіевъ держать тамъ экзаменъ кандидатомъ и т. под. О другихъ же какихъ-нибудь своихъ планахъ и намѣреніяхъ онъ мнѣ ничего, насколько могу вспомнить, не говорилъ. Изъ знакомыхъ Ольшевскаго я зналъ Кемарскаго, съ которымъ познакомился въ Кронштадтѣ, и студента Медико-Хирургической академіи Яковлева; съ Яковлевымъ я познакомился у Ольшевскаго, видѣлся съ нимъ вообще очень рѣдко, по большей части у Ольшевскаго, у самого его на квартирѣ былъ не болѣе, какъ разъ или два.

«Относительно предъявленныхъ мнѣ возмутительныхъ сочиненій Ольшевскаго чистосердечно показываю слѣдующее: сочиненій этихъ я никогда, ни одинъ, ни съ Ольшевскимъ не читалъ, и даже не зналъ, что они есть у Ольшевскаго, исключая впрочемъ, статьи его: «Мѣры правительства для успокоенія Польши». Объ этой статьѣ мнѣ Ольшевскій дѣйствительно когда-то, не помню именно когда, говорилъ и даже показывалъ ее, но однако не прочелъ; потому что я, не считая себя въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ Ольшевскимъ, чтобы могъ имѣть право на его тайны,—я не спросилъ его объ этомъ. Что касается до участія Яковлева или Кемарскаго въ составленіи этихъ бумагъ, то объ этомъ я рѣшительно ничего не знаю, такъ какъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ въ особенно близкихъ отношеніяхъ не былъ. При мнѣ, впрочемъ, они, насколько помню, никогда и ничего не говорили объ этихъ бумагахъ. А другихъ знакомыхъ Ольшевскаго я не зналъ. Не помню, именно, въ какое время, приблизительно, однако, незадолго до ареста Ольшевскаго, я, зайдя къ нему какъ то утромъ, увидѣлъ у него на столѣ большой свернутый листъ. Я хотѣлъ подойти и посмотрѣть, что это такое, но Ольшевскій предупредилъ меня. Онъ самъ взялъ листъ, развернулъ его и на вопросъ мой: «что это такое?» отвѣчалъ, что онъ пишетъ статью о мѣрахъ правительства, примѣняемыхъ къ усмиренію Польши. Я не спросилъ его, зачѣмъ и съ какой цѣлью онъ пишетъ эту статью, такъ какъ не считалъ себя въ правѣ дѣлать ему подобные вопросы; я только сказалъ: «какія же это мѣры?» Не помню, что отвѣчалъ мнѣ на это Ольшевскій; помню только, что разговоръ у насъ перешелъ на польскія дѣла. Я спросилъ Ольшевскаго, не имѣетъ ли онъ какихъ извѣстій изъ Польши. Онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ, что у него тамъ теперь нѣтъ знакомыхъ. Я сообщилъ ему какія-то, не помню именно какія, кажется объ Ярошинскомъ,—извѣстія объ этомъ, почерпнутыя мною изъ газетъ. И послѣ этого я вскорѣ и оставилъ его совсѣмъ, позабывъ о его статьѣ».

Послѣ допроса Ткачева отправили къ оберъ-полиціймейстеру, а 19-го онъ былъ заключенъ уже въ крѣпость.

27 ноября съ него сняли второй допросъ, желая попытаться чего-нибудь путемъ взятой при обыскѣ тетради стиховъ.

Ткачевъ на этотъ разъ показалъ:

«Около года тому назадъ я познакомился въ Публичной библіотекѣ съ однимъ господиномъ, познакомился настолько, что при встрѣчѣ

съ нимъ мы кланялись, разговаривали — но не болѣе, ни онъ моей фамиліи, ни я его не знали, ни онъ моего мѣстожительства, ни я его не знали. Одинъ разъ вечеромъ, помню, что это было передъ какимъ то праздникомъ, кажется, передъ Рождествомъ,—когда я собирался выходить изъ Публичной библіотеки, господинъ этотъ вошелъ туда; увидѣвъ меня, онъ подошелъ ко мнѣ, отвелъ меня въ сторону и спросилъ: читалъ я сочиненіе Огарева «Что нужно русскому народу». Я отвѣтилъ, что нѣтъ. Тогда онъ всунулъ мнѣ въ руку листъ какой то свернутой бумаги и отошелъ. Меня это удивило, что человѣкъ, котораго я такъ мало знаю и который меня такъ мало зналъ, даваль мнѣ въ публичномъ мѣстѣ запрещенныя сочиненія. Однако, боясь обидѣть его отказомъ, я взялъ бумагу, положилъ ее въ карманъ и пошелъ домой. Придя домой, я развернулъ данный мнѣ листъ и тутъ увидѣлъ, что вмѣсто одного ихъ было цѣлыхъ два; вѣроятно, этотъ господинъ вмѣсто одного экземпляра, по разсѣянности, далъ мнѣ два. Я прочелъ сочиненіе—и оно не произвело на меня почти никакого впечатлѣнія, такъ какъ я вообще не согласенъ съ мыслями г. Огарева, хотя, впрочемъ, въ основной идеѣ этой прокламаціи я не видѣлъ ничего возмутительнаго, противоправительственнаго. Основная мысль та, что народу нужна земля да воля. Но развѣ само правительство нѣсколько разъ ясно и открыто не высказывало эту мысль? Чѣмъ же иначе, какъ не этой мыслью можно объяснить Положеніе 19 февраля, чѣмъ иначе можно объяснить и другія человѣколюбивыя мѣры, принимаемыя правительствомъ для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, для обезпеченія имъ въ будущемъ пользованія землею. Прочтя сочиненіе Огарева, я свернулъ его и положилъ въ карманъ, послѣ хотѣлъ возвратить его господину, который далъ мнѣ его, но такъ случилось, что я его недѣли двѣ или три не встрѣчалъ, по случаю праздниковъ библіотека была закрыта. А потомъ я съ матушкой ѣздилъ въ деревню, тамъ совершенно и забылъ о сочиненіи Огарева, забылъ даже, гдѣ оно у меня лежало, забылъ до того, что когда у меня былъ обыскъ, то я совсѣмъ и не подозрѣвалъ, что оно у меня въ карманѣ, вынулъ его оттуда вмѣстѣ съ другими бумагами и самъ подалъ его квартальному надзирателю. Читать это сочиненіе я никому не давалъ, гдѣ оно напечатано—не знаю, вѣроятно, впрочемъ, въ Лондонѣ.

«Найденныя у меня стихотворенія списывалъ я въ различные періоды моей жизни, нѣкоторыя тогда еще, когда я былъ въ гимназіи. А потому я теперь рѣшительно не могу сказать, отъ кого я ихъ всѣхъ доставалъ. Помню, что стихотвореніе «Памяти Михайлова» далъ мнѣ студентъ Піотровскій, съ которымъ познакомился въ Кронштадтѣ. Послѣднія три стихотворенія получилъ я отъ одного господина, иностранца Неймарса, съ которымъ я познакомился на лекціяхъ въ Думѣ. Онъ мнѣ говорилъ, что списалъ ихъ изъ какого-то русскаго заграничнаго изданія. Кто сочинялъ ихъ, онъ самъ навѣрное не зналъ: разъ онъ мнѣ сказалъ, что Огаревъ, другой разъ, что Блюммеръ. Не знаю, когда онъ былъ правъ. Списывалъ я эти стихи обыкновенно подъ первымъ впечатлѣніемъ минуты. Послѣ, когда я ихъ съ болѣе холоднымъ разсудкомъ перечитывалъ, то я въ нихъ

ничего болѣе не видѣлъ, какъ только громкія фразы да пустую болтовню. Оттого-то, вѣрно, что тамъ было много громкихъ фразъ, они при извѣстныхъ обстоятельствахъ и могли произвести на меня то впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго я ихъ списывалъ. И такъ какъ я не считалъ эти стихи чѣмъ-нибудь важнымъ, то и не торопился слишкомъ уничтожить ихъ. Нѣкоторые, впрочемъ, я хранилъ ради смѣха; такъ, напримѣръ, стихотвореніе «Воскресеніе Христово», авторъ котораго, между прочимъ, до того увлекся, что забылъ то время, въ которое мы живемъ, говоря, напримѣръ, что ангелы поютъ, забылъ о томъ, что касается до дня освобожденья или воскресенья—18 вѣковъ. По стилю своему, впрочемъ, это стихотвореніе можетъ быть отнесено скорѣе къ 18 столѣтію, къ періоду первой французской революціи, чѣмъ къ 19 вѣку. Не менѣе забавно стихотвореніе «Движеніе впередъ», въ которомъ авторъ призываетъ Европу открыть глаза и т. д. Ни списывать этихъ стихотвореній, ни даже читать ихъ я никому не давалъ. А списывалъ я ихъ въ тетрадь, какъ я уже говорилъ, подъ вліяніемъ минутнаго впечатлѣнія, и разъ списавъ, не торопился уничтожить, не считалъ достойнымъ и слишкомъ большого вниманія».

Въ концѣ 1864 года сенатъ призналъ недоказаннымъ обвиненіе Ткачева «въ сообщничествѣ со студентомъ Ольшевскимъ въ преступныхъ его замыслахъ», а «за имѣніе у себя возмутительнаго воззванія подъ заглавіемъ «Что нужно народу» и за недонесеніе о томъ кому слѣдуетъ» счелъ нужнымъ заключить его въ крѣпость на три мѣсяца.

Мих. Лемке.

Матеріалы для біографіи П. Н. Ткачева.

I [1]).

Въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ парижскомъ пріютѣ для душевно больныхъ Ст.-Анне скончался П. Н. Ткачевъ, одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ и старѣйшихъ русскихъ эмигрантовъ революціонеровъ. Покойный уже нѣсколько лѣтъ находился въ Ст.-Анне, страдая параличемъ мозга, этой страшной болѣзнью, которая медленно убивала больного, оставляя при немъ всѣ признаки физическаго здоровья и характерныя черты его нравственной физіономіи, которыя не извращались, а какъ бы постепенно таяли подъ дѣйствіемъ недуга. Съ каждымъ годомъ надвигался впередъ этотъ процессъ уничтоженія личности. Въ первый годъ болѣзни больной еще владѣлъ собой, не утрачивалъ иниціативы, и могъ задавать вопросы о томъ, что интересовало его въ жизни, отъ которой онъ былъ отдѣленъ стѣнами больницы. Потомъ онъ уже могъ только отвѣчать на предложенные ему вопросы, впадая въ оцѣпенѣніе какъ скоро кончалось мгновенное возбужденіе, вызванное вопросомъ. За три недѣли до смерти Петръ Никитичъ былъ, по свидѣтельству лицъ видѣвшихъ его, живымъ мертвецомъ, который хотя двигался и ходилъ, но уже никого не узнавалъ, ни о чемъ не спрашивалъ и ни на что не отвѣчалъ. Умеръ онъ 4-го января въ 12 ч. 15 м. ночи, а похороны происходили 5-го. Друзья и знакомые покойнаго пытались было отдалить день похоронъ, чтобы имѣть время извѣстить всѣхъ, кто желалъ бы присутствовать при погребеніи, но по правиламъ больницы это оказалось невозможнымъ, почему группа лицъ, собравшихся въ день похоронъ на одномъ изъ дворовъ громадной Ст.-Анне была немногочисленна: всего 20—30 человѣкъ. Въ числѣ ихъ, кромѣ родственницъ покойнаго, была русская парижская политическая эмиграція почти въ полномъ составѣ и два извѣстные француза: Эли Реклю и Вальянъ.

День 5-го января былъ пасмурный и холодный. Ровно въ 9 час. погребальный кортежъ двинулся подъ проливнымъ дождемъ. За гробомъ несли 2 вѣнка: одинъ изъ красныхъ иммортелей—отъ родственниковъ покойнаго; другой—изъ желтыхъ перевитыхъ плющемъ съ развѣвающейся красной лентой, на которой было написано золотыми буквами: ancienne redaction du Tocsin несъ П. В. Григорьевъ, одинъ изъ бывшихъ редакторовъ „Набата". Когда кортежъ пришелъ на кладбище и гробъ опущенъ въ могилу, П. Л. Лавровъ сказалъ на французскомъ языкѣ рѣчь, въ которой говорилъ преимущественно о литературной дѣятельности покойнаго въ Россіи и о вліяніи, которая эта послѣдняя производила на тогдашнюю русскую молодежь. О заграничной дѣя-

[1]) Изъ „Общаго Дѣла" за 1886 г. № 81.

тельности П. Н. Ткачева вслѣдъ затѣмъ говорилъ П. В. Григорьевъ, который въ своей рѣчи, сказанной по-русски, взглянулъ на покойнаго какъ „на одного изъ выдающихся дѣятелей нашей бурной эпохи, свѣтлыхъ мыслителей и самыхъ талантливыхъ писателей террора". „Мы всѣ здѣсь, стоящіе надъ его гробомъ, говорилъ ораторъ-поэтъ, еще шли по дорогѣ мирной пропаганды и еще проповѣдывали мирныя средства борьбы съ правительствомъ, когда онъ одинъ уже звалъ насъ съ почвы чисто-экономической на политическую, говорилъ объ организаціи и т. д. Словомъ звалъ на путь террора". Послѣ П. В. Григорьева, отъ имени бланкистовъ сказалъ рѣчь Вальянъ и... церемонія кончилась. Однимъ русскимъ изгнанникомъ стало въ Парижѣ меньше, одной новой могилой русскаго изгнанника стало больше на парижскихъ кладбищахъ. Сколько ихъ уже теперь, и сколько еще прибудетъ до тѣхъ поръ пока свободная Россія не остановитъ, наконецъ, этого потекшаго изъ нея ручейка политической эмиграціи! Увы, въ настоящую пору на очереди все чаще стоитъ вопросъ не о близкомъ пользованіи свободой, но о серьезной общественной борьбѣ за нее; ручеекъ можетъ обратиться въ рѣчку, а жизнь русскаго политическаго эмигранта, болѣе одинокая, болѣе удаленная отъ родины и менѣе встрѣчающая въ ней поддержки, тяжелѣе жизни прочихъ его европейскихъ собратій по эмиграціи и легче ламывается.

П. Н. Ткачевъ похороненъ на кладбищѣ на мѣстѣ купленномъ на 5 лѣтъ. На этой временной его могилѣ вмѣсто памятника лежитъ только деревянная дощечка съ надписью Pierre Tkatschell. Существуетъ намѣреніе собрать по подпискѣ сумму (500 фр.) необходимую, чтобы купить покойному вѣчное мѣсто на кладбищѣ и украсить его могилу приличнымъ для эмигранта памятникомъ: мраморной доской съ изваяннымъ на ней терновымъ вѣнцомъ.

П. Н. Ткачевъ былъ замѣтною, недюжинною личностью. Біографія его была бы интересной во многихъ отношеніяхъ. Не знаемъ будетъ ли она когда-нибудь написана, но съ своей стороны, въ качествѣ матеріала для нея, мы надѣемся представить нѣсколько свѣдѣній о покойномъ, доставленныхъ намъ его близкими и взятыхъ изъ нашихъ личныхъ воспоминаній.

Рѣчь Лаврова на могилѣ П. Н. Ткачева:

„У могилы исчезаютъ всѣ личные раздоры, обращаются въ ничто всѣ разъединенія партій и приходится вспоминать лишь объ общей борьбѣ противъ общаго врага. Поэтому я считаю для себя долгомъ и честью придти поклониться гробу того, кто нѣкогда занималъ мѣсто въ самыхъ передовыхъ рядахъ русскихъ бордовъ за соціалистическія идеи и противъ деспотизма продолжающаго давить наше отечество. Оцѣнка дней покойнаго послѣ 1874 г. принадлежитъ личнымъ друзьямъ П. Н. Ткачева и сотрудникамъ въ „Набатѣ", въ особенности его друзья изъ Франціи и другихъ странъ, которыхъ руководила, какъ и его, неукротимая энергія и вѣчно живой умъ незабвеннаго Бланки, должны вамъ уяснить мѣсто, которое онъ занималъ среди нихъ. Мы же можемъ только упомянуть, что эта его дѣятельность находила мало отзвовъ въ Россіи и наши свѣдѣнія о ней недостаточны.

Но иное дѣло предшествовавшая этому времени литературная дѣятельность Ткачева, которая вся принадлежитъ революціонному движенію нашей родины. Его блестящій талантъ писателя, его разносбразныя свѣдѣнія дѣлали его драгоцѣннымъ сотрудникомъ изданій, которыя продолжали дѣло Чернышевскаго, Добролюбова, подрывая политическую, экономическую и литературную рутину во всѣхъ ея сферахъ и подготовляя обширное движеніе соціально-

революціоннаго апостольства, начавшагося въ 1878 г., чтобы потомъ перейти въ болѣе кровавую борьбу. Статьи Ткачева читались тогда молодежью въ школахъ и заставляли биться много молодыхъ сердецъ ненавистью къ тиранiи и эксплуататорамъ народа. Именно литературные труды и навлекли на Ткачева преслѣдованiе полицiи. Онъ былъ арестованъ по обвиненiе въ томъ, что помѣстилъ слишкомъ рѣзкое предисловiе къ нѣмецкой соцiалистической книгѣ, и въ томъ, что участвовалъ въ кружкахъ молодежи, взволнованной уже революцiоннымъ вліянiемъ. Его осудили на заключенiе болѣе года въ Петропавловской крѣпости. Послѣ этого его послали въ маленькiй городъ Псковской губ. Великiя Луки, изъ котораго онъ бѣжалъ, чтобы предложить свое сотрудничество русской соцiалистической прессѣ въ Парижѣ и Лондонѣ.

Сотрудничество это было принято съ радостью, но должно было, къ несчастью, быть очень непродолжительнымъ. Энергiя и талантъ Ткачева поставили его во главѣ отдѣльной группы. Въ продолженiе нѣсколькихъ лѣтъ онъ успѣлъ придать этой немногочисленной группѣ видъ значительной и сильной партiи. Если женевскiй „Набатъ“ былъ мало распространенъ въ молодежи, онъ былъ кошмаромъ русскихъ прокуроровъ и полицiи смотрѣла на Ткачева какъ на главу опаснаго движенiя, угрожавшаго ежеминутно потрясти престолъ.

Когда теченiе событiй видоизмѣнило движенiе и вслѣдствiе этого всѣ группы сблизились въ общей энергической дѣятельности, позволительно было надѣяться, что русскiе якобинцы (какъ называли друзей Ткачева) соединятъ свои усилiя съ усилiями сторонниковъ научнаго соцiализма. Но именно тогда неизлечимая болѣзнь поразила Ткачева въ полномъ развитiи силъ (ему было 40 лѣтъ) и прекратила его неутомимую дѣятельность. Если мы лишь сегодня приходимъ поклониться его могилѣ, мы уже въ продолженiе нѣсколькихъ лѣтъ знали, что онъ умственно умеръ. Смерть физическая была для него лишь прекращенiемъ страданiй.

Его французскiе друзья сейчасъ скажутъ вамъ лучше, чѣмъ могъ бы это сказать я, какова была его дѣятельность въ 1874 г. въ группахъ европейскихъ бланкистовъ. Но на насъ, русскихъ соцiалистахъ революцiонерахъ, лежитъ обязанность вспомнить съ симпатической оцѣнкой тѣ годы, когда онъ занималъ мѣсто въ главныхъ рядахъ нашихъ борцовъ за новый общественный строй.

Новое поколѣнiе революцiонеровъ найдетъ для себя урокъ въ жизни тѣхъ, которые пали не ослабѣвъ, въ какой бы группѣ они не принадлежали. Это—урокъ упорства въ борьбѣ противъ общаго врага. Мы всѣ должны вспомнить, что Ткачевъ могъ стоять съ тѣми, которые принуждены были противъ своего желанiя быть его противниками. Вѣчная война деспотизму! Непрекловная борьба за страждущiе классы народа!

II [1]).

П. Н. Ткачевъ извѣстенъ своимъ сотрудничествомъ въ журналѣ „Русское Слово“, участiемъ въ разныхъ политическихъ процессахъ и, наконецъ, какъ редакторъ „Набата“. Юность его прошла въ ту переходную пору, когда либеральное одушевленiе русскаго общества, вызванное реформами 60-хъ годовъ,

[1]) Изъ „Общ. Дѣла“ за 1886 г. № 83.

затихло и стало замѣняться раздумьемъ и колебанiями человѣка, сбитаго со старой дороги, но не умѣющаго еще проложить новой. Правительство поворачивало назадъ, „умѣренные“ опускали руки, а пылкая молодежь негодовала и группировалась въ боевыя партiи подъ знаменами соцiализма и революцiи, беззавѣтно увлекаясь каждымъ революцiоннымъ явленiемъ, гдѣ бы оно ни случилось, дома или за-границею. Реакцiя напала на нее всѣми своими силами, и процессы слѣдовали за процессами. Она преслѣдовала ее въ школѣ, университетахъ, литературѣ, и рѣдкiй юноша сколько-нибудь интересовавшiйся общими вопросами, не былъ жертвой этихъ реакцiонныхъ преслѣдованiй и хоть на короткое время жизни не познакомился съ слѣдственными политическими комиссiями и административными расправами. Вмѣстѣ съ обыкновеннымъ курсомъ ученiя наша молодежь проходила другой—чрезвычайный, подготовительный курсъ практически-революцiонной школы, воспитывавшiй ея характеръ, и для П. Н. Ткачева эта школа началась очень рано. Въ первый разъ онъ былъ арестованъ по случаю одной студенческой исторiи, когда ему едва исполнилось 16 лѣтъ. Не за долго до этого онъ окончилъ гимназiю и подалъ прошенiе о поступленiи въ университетъ на юридическiй факультетъ. За участiе въ студенческой исторiи онъ былъ лишенъ этого права и отправленъ подъ надзоръ полицiи на мѣсто родины въ имѣнiе близъ Великихъ-Лукъ, Псковской губ. Тамъ онъ сталъ, безъ посторонней помощи, готовиться къ экзамену на кандидата правъ, и вскорѣ, когда гроза миновала, сдалъ его блестящимъ образомъ. Затѣмъ случилась „каракозовская исторiя“, и въ то время, когда всѣхъ арестовали, а „Московскiя Вѣдомости“ кричали, что слѣдуетъ „обыскать всю Россiю“, онъ былъ арестованъ во второй разъ. Миновала и эта туча, но не надолго. П. Н. былъ арестованъ въ третiй разъ въ 1869 г. и по обвиненiю въ составленiи прокламацiи къ „обществу“. (Стенографическiй отчетъ объ этомъ дѣлѣ находится въ газетахъ той поры). По этому дѣлу онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ 4 года, а всего, за всѣ 3 ареста—6 лѣтъ. Изъ тюрьмы онъ въ 1873 г. былъ отправленъ административнно подъ надзоръ полицiи въ Великiя-Луки. Въ концѣ же этого года въ декабрѣ онъ эмигрировалъ за-границу при содѣйствiи М. И. Куприянова. Подготовляясь къ университетскому экзамену, отбывая тюремную и ссылочную повинность, П. Н. Ткачевъ помѣщалъ въ „Русскомъ Словѣ“ статьи, которыя бойкостью и талантливостью изложенiя напоминали лучшiя времена этого журнала, а по духу своему представляли продолженiе тѣхъ литературныхъ традицiй, которыя твердо соблюдалъ Благосвѣтловъ, редакторъ этого органа молодой поры нашего нигилизма. Статьи эти были первыми пробами пера П. Н., но и тогда они выдвинули его изъ ряда и обратили на него вниманiе. Своей литературной извѣстностью онъ обязанъ и тому, что его привлеченiе къ слѣдствiю по Нечаевскому процессу, произвело нѣкоторое впечатлѣнiе въ публикѣ. Находясь въ то время въ Россiи, мы помнимъ, что вскорѣ послѣ Нечаевскаго процесса два факта почти одновременно служили нѣкоторое время предметами особенныхъ толковъ тогдашней публики, а именно: прикосновенность къ Нечаевскому процессу литератора Ткачева и рѣчь скаланная на судѣ г-жей Дементьевой рѣчь, о которой нынѣ едва ли многiе помнятъ, но которая въ исторiи русскихъ политическихъ процессовъ послѣднихъ лѣтъ должна быть признана первымъ свободнымъ и мужественнымъ словомъ, публично обращеннымъ русской женщиной къ ея политическимъ судьямъ. За-границей Ткачевъ работалъ сначала въ единственномъ почти тамошнемъ русскомъ органѣ „Впередъ“, но скоро

отдѣлился отъ него и сталъ редакторомъ журнала „Набатъ", съ которымъ и связана вся его послѣдующая дѣятельность. Выходъ его изъ „Впереда" былъ, шумный и ознаменовался брошюрой, написанной П. Н. противъ редактора „Впереда" П. Л. Лаврова, въ которой онъ нападалъ на послѣдняго съ той же безпощадной рѣзкостью и безграничнымъ отрицаніемъ, съ которымъ въ былое время относился къ „Русскому Словъ" къ писателямъ, не задѣвшимъ съ направленіемъ этого журнала. Эта достойная сожалѣнія рѣзкость произвела дурное впечатлѣніе на читателей нашей революціонной прессы, сразу поставила П. Н. въ изолированное положеніе среди русской эмиграціи и заставила заговорить о его чрезмѣрномъ самолюбіи и властолюбіи. Насколько справедливы эти упреки, мы разбирать не будемъ, но оставляя въ сторонѣ вопросы, формы и личности, надо сказать, что такъ или иначе, разрывъ Ткачева съ „Впередомъ" рано или поздно долженъ былъ бы состояться вслѣдствіе одного принципіальнаго различія, для объясненія котораго необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ положеніи партій нашего тогдашняго радикализма, которое было результатомъ всей предшествовавшей исторіи его, начиная съ 60-хъ годовъ.

Первое время пробужденія революціонныхъ идей въ русскомъ молодомъ поколѣніи, а именно начало 70-хъ годовъ, относится къ нынѣшней порѣ нашего революціонаризма, какъ зарожденіе къ развитію, какъ общій, широкій очеркъ къ спеціальному трактату и, если можно такъ выразиться, какъ увертюра къ оперѣ. Всѣ идеи политики, революціи, федерализма, соціализма, терроризма и бунтарства, которыя впослѣдствіи подѣлили революціонеровъ на партіи и спеціально разрабатывались отдѣльными кружками, въ то время еще не были до такой степени дифференцированы и составляли достояніе каждаго революціонера во всей своей совокупности. Но надъ всѣми ими преобладали два факта: стремленіе къ политической революціи и убѣжденіе, что русскій народъ жаждетъ ее и готовъ къ ней. На этомъ основаніи возникли грандіозныя предпріятія, для характеристики которыхъ приведемъ слѣдующіе примѣры: на востокѣ Россіи тамошніе революціонные кружки замышляли смѣлымъ нападеніемъ освободить партію арестантовъ, завладѣть съ помощью ихъ однимъ изъ пловучихъ пароходовъ и отплыть по Камѣ въ область волновавшихся въ то время заводскихъ рабочихъ. Полагали, что освобожденные арестанты послѣдуютъ за своими освободителями, что заводскіе рабочіе тотчасъ же поднимутся и составятъ первое ядро народной революціонной арміи, къ которой пристанетъ все недовольное рѣшеніемъ земельнаго вопроса крестьянство. Въ Москвѣ и Петербургѣ образовалось тайное общество (Каракозовское) со связями въ провинціи и съ террористическимъ отдѣленіемъ для прямого нападенія на центральную власть. Полагали, что нѣсколько террористическихъ ударовъ въ центръ разрушатъ обаяніе правительства въ народѣ, и онъ, недовольный возстанетъ. Еще раньше этого, въ пору первыхъ опытовъ и завязей революціонной организаціи, петербургскіе члены ея на вопросъ своихъ провинціальныхъ сочленовъ объ общемъ планѣ выполненія революціи, говорили, что она начнется съ высадки на Черномъ морѣ герцеговинскаго героя Луки Вукаловича. Полагали, что Л. Вукаловичъ согласится и что его появленіе въ Россіи съ горстью славянскихъ удальцовъ будетъ искрой, отъ которой вспыхнетъ вся недовольная страна. Разумѣется, не всѣ раздѣляли вполнѣ эти оптимистическія идеи, но онѣ давали тонъ и направляли дѣятельность. И надо сказать, что въ ту пору *первыхъ* разочарованій въ то, чему такъ долго и восторженно

вѣрило не разъ и общество, эти идеи не были такъ странны, какъ они казались впослѣдствіи и потому имѣли силу покорять порою своей власти даже самые скептическіе и недовѣрчивые умы. Съ вѣрою въ революціонную готовность народа и политическую подвижность общества дѣлалось тогда все: заводились рабочія ассоціаціи, открывались школы, писались прокламаціи къ обществу, къ народу, офицерамъ, переводились апокалипсическія пророчества Ламенне и отлитографированныя славянскимъ шрифтомъ, одѣтыя по церковному въ кожаный переплетъ съ металлическими застежками, пускались въ обращеніе между раскольниками. Съ этой же вѣрой стрѣлялъ и Каракозовъ въ царя и . . . . . .

. . . . . И онъ надѣялся, что его слова разнесутся по Россіи призывнымъ кличемъ къ топорамъ и что при звукѣ его выстрѣла нашъ, зарывшійся въ землю народный „Вій" выйдетъ на ея поверхность и подниметъ свои тяжелыя вѣки. Жизнь уничтожала эти иллюзіи, но революціонеры отчаянно защищали свою вѣру и прежде, чѣмъ оставить ее, готовы были на всѣ крайности, чтобы испытать ея дѣйствительность. Такъ мы помнимъ, что задолго до каракозовской исторіи одинъ изъ тогдашнихъ наиболѣе искренныхъ и дѣятельныхъ, но совсѣмъ не выставлявшихся на видъ и потому мало извѣстныхъ революціонеровъ—Николай Умновъ, толкуя съ товарищами о неудачахъ ихъ революціонной агитаціи, говорилъ, что народъ не идетъ за революціонерами, можетъ быть, потому, что не вѣритъ ихъ искренности: „умремъ за него, дадимъ себя повѣсить правительству и онъ тогда повѣритъ намъ",—заключилъ онъ, и человѣкъ, говорившій это, былъ изъ тѣхъ, которые дѣлаютъ, что говорятъ. Но жизнь все-таки по немногу брала свое и вслѣдъ за исторіями каракозовской и нечаевской наступила реакція. Какъ всякая реакція, она начала съ противоположенія старому. Прежде на первомъ планѣ стояла идея политическая, она выдвинула на первое мѣсто идею соціалистическую и довела ее до исключительности; прежде думали, что народъ и общество готовы; она говорила, что ихъ надо подготовлять; прежде взывали къ дѣйствію, она взывала къ пропагандѣ: прежде думали, что революція наступитъ завтра, она говорила, что революціи наступитъ лишь тогда, когда народъ будетъ „спропагандированъ". Такимъ образомъ возникло направленіе, во главѣ котораго сталъ П. Л. Лавровъ и главной задачей котораго была пропаганда идей научнаго соціализма между рабочими и въ интеллигенціи съ цѣлью подготовленія соціалистической революціи; направленіе давно подготовленное общимъ ходомъ русской жизни и быстро сложившееся въ дѣятельную партію подъ живымъ вліяніемъ впечатлѣній Парижской Коммуны. Какъ всякая реакція, она во многомъ исправила ошибки прошлаго, но частью и сама сдѣлала нѣсколько ошибокъ, вызвавшихъ необходимость новой реакціи. Идеи Ткачева были совсѣмъ иного рода. Между тѣмъ какъ его противники сосредоточились на соціализмѣ и относились почти равнодушно къ борьбѣ за политическую свободу, предоставляя ее буржуазіи, онъ говорилъ, что самая существенная и неотложная потребность русской революціи заключается въ ниспроверженіи существующей формы правительства и захватѣ власти революціонерами. Пока власть въ рукахъ правительства, никакая пропаганда невозможна, потому что она всегда будетъ подавлена силой и поведетъ только къ истребленію пропагандистовъ. Напрасно будутъ пытаться поднять народъ пропагандой; онъ не поднимется, несмотря ни на какую пропаганду, писалъ Ткачевъ, какъ бы ни было велико его недовольство существующими порядками, потому что недовольство

массы, т. е. средняго человѣка, по мнѣнію Ткачева, можетъ вызвать ее на возстаніе только при одновременномъ существованіи двухъ условій, а именно: 1) когда ея положеніе тяжело до невыносимости и 2) когда государственная власть настолько разстроена и ослаблена, что борьба съ нею не представляетъ прежняго риска и опасностей и можетъ быть ведена съ надеждой на успѣхъ. Первое изъ этихъ двухъ условій революціи уже существуетъ; народъ чувствуетъ невыносимость своего положенія; остается дать ему второе, т. е. облегчить его чувство страха передъ властью. Для этого необходимо рядомъ смѣлыхъ нападеній на правительство привести его въ разстройство, чтобы, пользуясь его замѣшательствомъ, захватить власть въ свои руки и съ ея помощью вмѣсто прежняго консервативнаго государства, создать государство революціонное. Это государство обратитъ *возможную* революціонную силу народа въ *дѣйствительную* и положитъ основаніе всѣмъ тѣмъ реформамъ въ духѣ соціализма, осуществленіе которыхъ окажется *возможнымъ* въ настоящее время, т. е. такимъ, которыя или будутъ вызваны народомъ, или не встрѣтятъ съ его стороны противодѣйствія. Учрежденія, уже осужденныя сознаніемъ народа, революціонная власть уничтожитъ, а другія, вреднаго дѣйствія которыхъ народъ еще не сознаетъ, она перестанетъ поддерживать (отниметъ отъ нихъ свою санкцію), вслѣдствіе чего онѣ повалятся сами. Только при такомъ воздѣйствіи власти на народъ возможно будетъ правильное развитіе всѣхъ соціалистическихъ бытовыхъ элементовъ, заключающихся въ народной жизни, а безъ него они не приведутъ ни къ чему и самая народная община и артель могутъ просуществовать вѣка, не только не обнаруживая прогресса, но даже составляя главный базисъ соціально-политическаго консерватизма русской государственной жизни. Изъ этого видно, что вся программа Ткачева держалась на захватѣ власти. Что же касается до возможности ея захвата, то онъ доказываетъ ее утвержденіемъ, что русская государственная власть не имѣетъ никакихъ историческихъ и нравственныхъ основъ въ обществѣ и народѣ, держится одной традиціонной привычкой къ повиновенію, да обаяніемъ грубой силы, которыя дѣйствительны только до тѣхъ поръ, пока эта сила не встрѣчаетъ никакого серьезнаго противодѣйствія, но понизятся тотчасъ же до нуля, какъ только противодѣйствіе явится. Отсюда „Набатъ" заключалъ, что нѣсколько тысячъ революціонеровъ, надлежащимъ образомъ организованныхъ, могутъ расшатать власть и овладѣть ею. На это и должно быть обращено ихъ вниманіе. Они должны помнить, что не пропаганда дѣлаетъ возможной революцію, а, напротивъ, революція дѣлаетъ возможной пропаганду; они должны не *готовить* революцію, а *дѣлать* ее, а для этого имъ необходимо сплотиться въ соотвѣтственную *боевую* организацію, которая должна принять форму строго централизованнаго заговорщаго тайнаго общества. Старые революціонеры, писалъ Ткачевъ, были гораздо ближе къ истинѣ, когда они вѣрили въ близость революціи и готовились произвести ее, и вина ихъ только въ томъ, что они, увлекшись своей вѣрой, изъ-за цѣли забывали о средствахъ и потому не выработали той централистической, боевой организаціи, которая одна могла дать имъ побѣду. Таковъ общій очеркъ политико-соціальныхъ взглядовъ Ткачева, который мы изложили по сборнику главныхъ его передовыхъ статей въ „Набатѣ", вышедшему недавно въ Женевѣ очень своевременно, по подъ страннымъ заглавіемъ: „Ораторы-Бунтовщики передъ русской революціей" и безъ указанія на цѣль и содержаніе изданія. Ясно, что идеи П. Н. очень мало отвѣчали тѣмъ, которымъ служилъ въ то время „Впередъ", и если Ткачевъ

принималъ все таки нѣкоторое участіе въ послѣднемъ органѣ, то это можно объяснить или тѣмъ, что онъ надѣялся дать преобладаніе своимъ идеямъ въ „Впередѣ", или тѣмъ, что въ то время его собственныя идеи не получили еще той рѣзкой опредѣленности, съ какою онѣ явились потомъ, или, наконецъ, тѣмъ, что, не имѣя собственнаго органа, онъ предпочелъ дѣйствовать въ чужомъ и во многомъ чуждомъ ему, чѣмъ осудить себя на бездѣятельность. Менѣе затруднительно объяснить отношеніе Ткачева къ другому литературно-публицистическому заграничному предпріятію, тоже не совсѣмъ совпадающему съ его взглядами. Въ то время, когда Ткачевъ уже отдѣлился отъ „Впередa", но не имѣлъ еще „Набата", именно въ 1875 году въ Женевѣ возникло намѣреніе основать журналъ, который былъ бы органомъ большинства русскаго образованнаго общества, имѣлъ бы предметомъ то, въ чемъ согласны всѣ его партіи и ближайшею цѣлью ограниченіе самодержавія національнымъ представительствомъ. Программа этого органа, составленная въ такомъ духѣ, была по настоянію нѣкоторыхъ участниковъ предпріятія предложена П. Н. съ цѣлью пріобрѣтенія его сотрудничества. И какъ ни очевидна была разница между этой чисто общественной программой и тѣми исключительно революціонными идеями, которыя впослѣдствіи проповѣдывалъ „Набатъ", но будущій редакторъ послѣдняго не возсталъ противъ этой программы и только проектировалъ въ ней нѣсколько несущественныхъ измѣненій, изъ которыхъ можно было видѣть, что онъ, не желая себя связывать предложенной ему программой, въ то же время считалъ ея задачи не безполезными для революціоннаго дѣла, какъ онъ самъ его понималъ. Такое отношеніе Ткачева къ программѣ общественнаго органа даетъ право заключить, что если бы вслѣдъ за программой появился и самый органъ (нынѣшнее „Общее Дѣло") то онъ не прочь былъ бы отъ условнаго сотрудничества въ немъ. Но обстоятельства сложились иначе. Въ томъ же году когда происходили эти переговоры, черезъ два, три мѣсяца, Ткачевъ получилъ уже возможность редактировать свой „Набатъ", между тѣмъ какъ „Общее Дѣло", несмотря на неутомимую энергію его настоящаго издателя, М. К. Элпидина, могло появиться только въ маѣ 1877 года. Ставъ во главѣ „Набата" и начавъ излагать въ немъ тѣ воззрѣнія о которыхъ мы говорили выше, Ткачевъ пришелъ въ столкновеніе со всѣми почти партіями, на которыя дѣлилась тогда русская эмиграція и болѣе всего съ двумя главными изъ нихъ; партіей „научнаго соціализма" „Впередъ", самой значительной, лучше всѣхъ организованной и болѣе чѣмъ прочія имѣвшей связей и сторонниковъ въ Россіи и партіей анархистовъ, послѣдователей Бакунина, имѣвшей своимъ органомъ „Общину". Первые говорили, что его призывы къ немедленнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ и бунтамъ могутъ быть на руку только правительству, а послѣднимъ, отвергающимъ всякую власть, разумѣется была противна его проповѣдь власти и централизаціи. Редакторъ „Набата" отвѣчалъ своимъ противникамъ обвиненіями ихъ въ доктринерствѣ, фантазерствѣ, буржуазности и реакціонерствѣ и писалъ статью за статьей въ доказательство этихъ обвиненій. „Набатъ" такимъ образомъ сразу принялъ полемическій характеръ, который съ теченіемъ времени развивался въ немъ все болѣе, почти совсѣмъ поглотилъ все содержаніе журнала, и наконецъ заставилъ призадуматься прочихъ его сотрудниковъ. Чѣмъ болѣе длилась эта полемика, тѣмъ положеніе „Набата" становилось все болѣе изолированнымъ. За границей у него были только враги, а въ Россіи, гдѣ теоретическія разногласія въ станѣ революціонеровъ никогда почти не получаютъ такого преобладающаго харак-

тера, какъ за-границей, потому что тамъ практическая потребность ежеминутной борьбы съ общимъ и близкимъ врагомъ сдерживаетъ ихъ въ извѣстныхъ границахъ, напоминая о необходимости единенія и союза, эта полемика находила немного отголосковъ, и порою даже просто игнорировалась. Такъ нѣкоторые изъ ближайшихъ сотрудниковъ „Набата" говорили намъ, что отправляясь въ Россію для распространенія и пропаганды своего названія и адресуясь къ противникамъ его, они не разъ бывали вмѣстѣ и озадачены, и пріятно поражены тѣмъ, что никогда не встрѣчали съ ихъ стороны той враждебности, которой могли ожидать. Напротивъ, даже приверженцы „Впередъ" встрѣчали ихъ радушно, оказывали имъ всякое содѣйствіе, какъ людямъ такъ или иначе служащимъ революціонному дѣлу, а свое нерасположеніе къ полемическому „Набату" высказывали только тѣмъ, что вовсе избѣгали говорить о немъ. Никакой журналъ не можетъ долго благополучно существовать при условіяхъ такой нравственной изолированности и она скоро дала себя почувствовать „Набату". Дѣла его стали разстраиваться; онъ началъ выходить рѣже и неправильнѣе; одно время, всѣдствіе переселенія Ткачева въ Парижъ, онъ даже лишился прежняго своего вдохновителя и редактора и издавался подъ редакціей Григорьева, который вскорѣ тоже отошелъ отъ него. Наконецъ, когда „Набатъ" захирѣлъ совершенно, одинъ изъ ближайшихъ пріятелей Ткачева предложилъ ему совѣмъ преобразовать „Набатъ" и вмѣсто прежняго журнала издавать еженедѣльный листокъ съ единственной цѣлью борьбы и обличенія деспотизма. Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ сообщеннаго намъ отвѣта Ткачева на это письмо, такъ какъ изъ нихъ можно видѣть, какъ самъ редакторъ „Набата" смотрѣлъ на цѣль и значеніе своего журнала и своей дѣятельности въ немъ.

„Будемъ говорить о возобновленіи „Набата" за-границей, но прежде позвольте пополемизировать съ Вами на счетъ Вашего мнѣнія о томъ, что будто прошлое „Набата" было такъ дурно что о немъ *стыдно* даже вспоминать, будто и на меня падаетъ значительная доля отвѣтственности за это дурное прошлое. И совершенно съ этимъ не согласенъ. Прежде всего и не вижу въ прошломъ „Набата" ничего такого о чемъ *стыдно* было бы вспоминать. „Набатъ" въ предѣлахъ возможности вполнѣ выполнилъ свою задачу и выполнилъ ее вполнѣ удачно. Онъ оказалъ неоцѣнимую услугу развитію революціоннаго дѣла, онъ въ значительной степени содѣйствовалъ выработкѣ того новаго направленія революціонной дѣятельности, которое дало въ послѣднее время такіе плодотворные практическіе результаты. Насъ упрекаютъ, что мы мало заботились о распространеніи „Набата" въ Россіи, что мы не организовали въ Россіи своей партіи и т. д. Но, во первыхъ, что могли мы сдѣлать для этого при отсутствіи всякихъ опредѣленныхъ матеріальныхъ средствъ и при той систематической преднамѣренной враждебности, съ которой относились къ „Набату" анархическіе и впередовскіе кружки. Во вторыхъ, и это самое главное, я никогда не придавалъ особаго значенія распространенію „Набата" въ Россіи. „Набатъ" былъ не агитаціонный революціонный листокъ; его задача состояла лишь въ томъ, чтобы вернуть революціонеровъ къ тѣмъ единственно практически вѣрнымъ идеямъ и принципамъ революціонной дѣятельности, отъ которыхъ они, подъ вліяніемъ реакціи, подъ вліяніемъ анархистскихъ и Л—хъ бредней стали было открещиваться. Эти идеи и принципы не заключали въ себѣ ничего новаго, но ихъ недурно было *напомнить*. И „Набатъ" могъ выполнить (и дѣйствительно выполнилъ) эту задачу, не будучи даже распространенъ въ Россіи. Достаточно было, чтобы съ его программою и съ основными принципами ознакомились лишь *нѣкоторые* революціонные дѣятели, чтобъ среди нихъ онъ возбудилъ толки и распри, достаточно было напомнить забытыя идеи небольшому числу революціонеровъ, а за тѣмъ уже сама революціонная практика не замедлила доказать разумность, практичность этихъ идей и распространить ихъ среди большинства революціонеровъ. Я очень хорошо знаю, что въ Россіи мало кто имѣетъ въ рукахъ „Набатъ", но о его существованіи о его программѣ, о его принципахъ извѣстно было во всѣхъ почти революціонныхъ кружкахъ. Вкривь и вкось обсуждая эту программу и эти идеи, извращая ихъ, клевеща на нихъ, анархисты и лавристы распространили ихъ среди молодежи и подготовили ихъ окончательное торжество, торжество, выразившееся въ образованіи партіи „Народной Воли", въ образованіи цѣлаго ряда „исполнительныхъ" и иныхъ комитетовъ,—въ программѣ, принятой на Липецкомъ съѣздѣ,—и, наконецъ, въ цѣломъ рядѣ удачныхъ и неудачныхъ покушеній. Истинность и неопровержимость идей, проводимыхъ въ „Набатѣ" такъ была для меня очевидна, что я ни минуту не сомнѣвался въ томъ, что онѣ восторжествуютъ, что онѣ найдутъ себѣ практическое осуществленіе даже въ томъ случаѣ, если бы „Набатъ" не выходилъ изъ предѣловъ Швейцаріи, даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ издавался лишь хоть въ 10-ти экземплярахъ. Вотъ почему я и не считалъ особенно нужнымъ заботиться объ организаціи средствъ для его распространенія въ Россіи. При томъ же, повторяю опять,—при немногихъ денегъ и при тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ я находился къ анархистамъ и лавристамъ—смѣшно бы было обманывать себя иллюзіями на счетъ возможности широкаго распространенія „Набата" въ Россіи. Но для успѣха и торжества идей и программы „Набата",—въ такомъ распространеніи не представлялось надобности. Таково было мое убѣжденіе—и факты, какъ вы сами видите, вполнѣ его оправдали. Потому, я рѣшительно Васъ не понимаю, когда Вы говорите, будто изданіе „Набата", такъ, какъ оно велось,—было „смѣшной комедіей, отъ участія въ которой мнѣ бы слѣдовало отказаться". Эта „смѣшная комедія" положила начало цѣлому перевороту въ направленіи и характерѣ дѣятельности революціонной партіи, и я долженъ не *стыдиться*, а, напротивъ, *гордиться* тѣмъ, что принималъ въ ней участіе".

На предложеніе преобразовать „Набатъ" Ткачевъ отвѣчалъ, что преобразованіе это должно заключаться въ томъ, чтобы сдѣлать „Набатъ" „листкомъ чисто оппозиціоннымъ", успѣхъ котораго будетъ исключительно зависѣть отъ „степени его распространенности въ Россіи". „Теперь „Набатъ", писалъ онъ, долженъ быть не учителемъ теоретикомъ, а, если можно такъ выразиться, практическимъ агитаторомъ. Чтобы осуществить эту задачу, онъ долженъ быть прежде всего органомъ общераспространеннымъ. А для этого необходимо два условія: 1) денежныя средства — постоянныя и опредѣленныя, и 2) нѣсколько лицъ и даже кружковъ въ Россіи, которые взяли бы на себя формальную обязанность распространенія „Набата". Только при *наличности* этихъ двухъ условій,—я могу въ настоящее время принимать участіе въ возобновленномъ „Набатѣ";—могу отдать себя въ полное и безусловное его распоряженіе, и если нужно, брошу для него всѣ свои чисто личныя дѣла и занятія, поселюсь въ Женевѣ, и буду работать исключительно лишь для него. Но при отсутствіи хотя бы одного изъ этихъ условій,—возобновленіе „Набата" я считаю безполезнымъ и если онъ все-таки возобновится, то участіе мое въ немъ будетъ ограничиваться лишь *случайнымъ*, а не постояннымъ литературнымъ сотрудниче-

ствомъ. Вообще, кажется мнѣ, что даже и при полномъ осуществленіи двухъ указанныхъ мною условій—возобновленіе изданія „Набата„ за-границей въ данную минуту не представляетъ существенной необходимости. Революціонный журналъ необходимъ въ минуту ослабленія революціонной практической дѣятельности, въ минуту революціоннаго застоя и затишья. Въ минуты же открытой борьбы, которыя переживаетъ теперь револ. партія,—гораздо полезнѣе всѣ, имѣющіяся въ распоряженіи у револ. деньги, а равно физическія и умственныя силы, исключительно и всецѣло обратить на организацію покушеній вродѣ тѣхъ, которыми ознаменовали себя послѣдніе дни. Отвѣчать на висѣлицы журнальными статьями черезчуръ наивно. Теперь нужно думать ни объ устройствѣ типографій, ни о пріобрѣтеніи шрифтовъ, ни объ изданіи печатныхъ листковъ, а... Конечно, эти минуты активной борьбы, — при той дезорганизаціи револ. силъ, какая у насъ существуетъ и которая такъ рѣзко обнаружилась въ послѣднее время—особенно изъ послѣдняго процесса, не будутъ слишкомъ продолжительны. Аресты большинства наиболѣе энергичныхъ револ. дѣятелей не замедлятъ пронавести нѣкоторое, хотя минутное, затишье въ рев. дѣятельности. Вотъ въ этотъ-то моментъ затишья и необходимымъ будетъ не одинъ, а два и болѣе револ. журнала. А теперь журналы только будутъ отымать и людей и въ особенности, *матеріальныя средства* отъ практическихъ предпріятій, къ осуществленію которыхъ должны стремиться всѣ честные люди".

Итакъ, Ткачевъ думалъ, что идеи „Набата" привели революціонеровъ на истинный путь и вызвали новое направленіе, выразившееся въ партіи „народовольцевъ". Читатель, конечно, спроситъ справедливо ли и насколько справедливо это утвержденіе. Прежде всего надо сказать, что взглядъ Ткачева на такое значеніе „Набата" не можетъ быть опровергнутъ одной малой распространенностью этого изданія и враждебными отношеніями къ нему большинства революціонеровъ. Какъ ни важны оба эти условія, но вліяніе ихъ не всегда такъ рѣшительно, какъ обыкновенно это думаютъ. Часто мысль, узнанная только нѣкоторыми, распространяется черезъ нихъ на всѣхъ; между тѣмъ какъ изданіе, которое у всѣхъ въ рукахъ, не оказываетъ, порою, вліянія даже и на нѣкоторыхъ. Новыя идеи могутъ быть встрѣчены недружелюбно только потому, что онѣ новыя; но если въ нихъ есть доли истины, то онѣ все-таки проникнутъ въ души людей и, несмотря на крики антипатіи и заговоры молчанія, будутъ незамѣтно для нихъ вліять на ихъ дѣятельность. Поэтому, если сила истины была въ идеяхъ „Набата", то было въ нихъ и вліяніе истины, и весь вопросъ въ томъ была ли въ нихъ эта сила и въ чемъ она заключалась. Самъ редакторъ „Набата" говоритъ, что въ его идеяхъ нѣтъ ничего новаго, что вся его задача—напомнить *старую* истину, вернуть революціонеровъ на *старый* путь, словомъ, онъ хотѣлъ оживить старое. Но старое не оживаетъ вполнѣ, и всякая переживая идея воскресаетъ не иначе, какъ къ новой формѣ и обстановкѣ, почему возвращеніе къ старому есть всегда преобразованіе. Но ничего новаго нѣтъ въ „Набатѣ". Отбрасывая подробности, мы видимъ, что все существенное его программы заключается въ мысли о захватѣ власти, основанной на вѣрѣ въ готовность страны къ этому, вѣрѣ до того безусловной, что она не допускаетъ даже никакой остановки. *Дѣлать* революцію, когда ея силы въ сборѣ, и призывать къ ней когда онѣ въ разбродѣ, вотъ и цѣли и средства его. Эта-то идея революціи какой нибудь, ея то преувеличеніе силъ револ. кружковъ и возбудили реакцію, замѣнившую вызовъ къ бунту пропагандой и подготовкой. Но если реакція была вызвана несостоятельностью этихъ идей, то онѣ при вторичномъ

своемъ появленіи не могли вызвать ничего, кромѣ новаго впечатлѣнія своей несостоятельности. И наоборотъ, если жизнь все-таки привела революціонеровъ на нѣкоторыя изъ оставленныхъ ими позицій, то естественно предположить, что этотъ поворотъ былъ вызванъ не старыми идеями, уже доказавшими свою несостоятельность, а какимъ-нибудь новымъ элементомъ, который, сочетавшись съ прошлымъ, видоизмѣнилъ его и придалъ ему новую силу. Но есть ли и на самомъ дѣлѣ этотъ элементъ, и въ чемъ могъ бы онъ заключаться? Намъ кажется, что такой элементъ есть и заключается онъ въ болѣе общественномъ характерѣ новаго нашего револ. движенія, которымъ оно и отличается отъ стараго. Говоря это, мы дѣлали противопоставленіе между элементами революціоннымъ и общественнымъ, которое требуетъ объясненія.

Повидимому нѣтъ никакого основанія противополагать общественность, революціонаризму. Революція есть моментъ въ жизни общества. По общепринятому понятію, которое мы только и имѣемъ въ виду, это—сила, прилагаемая для осуществленія идей, которыя содержатся въ обществѣ и могутъ быть осуществлены только силой. Въ такомъ смыслѣ революціонеры, передовая рать общественной арміи, ничѣмъ не отличающейся отъ послѣдней по характеру своихъ идей. Но на практикѣ никогда такого полнаго сознанія не бываетъ. На практикѣ революціонеры обладаютъ не только гораздо большей степенью дѣятельной энергіи, но и самые идеалы ихъ значительно повышаютъ идеалы и требованія общественнаго большинства; обыкновенно даже между идеалами и дѣятельной энергіей существуетъ извѣстная пропорціональность, такъ что люди тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ выше ихъ идеалы и наоборотъ. Съ другой стороны, революціонеры, сосредоточивъ всѣ свои усилія и помыслы на одной цѣли революціоннаго переворота, естественно бываютъ склонны цѣнить въ жизни только тѣ явленія, которыя непосредственно и прямо ведутъ ихъ къ этой цѣли и смотрѣть какъ на задержку на все, что входитъ въ составъ медленнаго органическаго роста общества, или что, хотя и ведетъ къ той же цѣли, но болѣе далекимъ и косвеннымъ путемъ. Такъ что если революціонеры энергичнѣе и въ идеяхъ и въ дѣятельности, то за то они и гораздо болѣе *исключительны* чѣмъ общественная масса. Эта исключительность, свойственная почти всѣмъ крайнимъ партіямъ, проявилась у насъ въ Россіи съ особенной силой, благодаря двумъ условіямъ, изъ которыхъ одно—отрицательнаго характера—заключается въ полномъ отсутствіи политической опытности, а другое—положительнаго свойства—въ томъ особомъ увлеченіи, глубинѣ и свѣжести чувства, съ которымъ молодая русская жизнь восприняла соціалистическія идеи Запада. Съ этой исключительностью нашего револ. радикализма мы хорошо ознакомились на обоихъ путяхъ его: легально-литературномъ и революціонномъ. Въ литературѣ, напр. у насъ существовало направленіе, которое, сосредоточившись на цѣли сформированія гражданской личности, выбросило за бортъ, какъ лишнее бремя, всѣ эстетическіе и художественные элементы развитія т. е. цѣлую почти половину жизни человѣка; а практическій революціонаризмъ, увлеченный надеждой на быстрый революц. переворотъ, смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на людей, посвящавшихъ свою дѣятельность развитію земскаго самоуправленія, образованія и грамотности въ народѣ и т. д., видя въ этомъ одну пустую трату силъ на отвлекающія отъ револ. дѣла иллюзіи. Словомъ, всѣ элементы прогресса, не ведущіе прямымъ путемъ къ революціи, исключались одинъ за другимъ изъ симпатій революціонеровъ, и во время полнаго господства такой исключительности у насъ, можно сказать, были

дзя главныя партіи: революціонная и общественная, отдѣленныя другъ отъ друга цѣлой массой недоразумѣній, которыя до того ослабили ихъ взаимныя нравственныя связи, что порою можно было сказать, что всѣ онѣ заключались въ одномъ только общемъ обѣимъ сторонамъ чувствѣ ненависти къ правительственному деспотизму. Въ такомъ направленіи дѣло шло долго, и идея „Набата“ составляетъ, такъ сказать, кульминаціонный пунктъ этой исключительности въ области политической, точно такъ же какъ идеи его антагониста „Впередъ“ изображаютъ тотъ же предѣлъ въ области движеній соціалистическихъ. Это было два теченія, которыя отдѣлились съ разныхъ сторонъ отъ широкаго разлива идей 60-хъ годовъ, и, столкнувшись на своемъ пути, вступили въ борьбу другъ съ другомъ. Но такъ какъ оба они были одинаково односторонни: одно потому, что исключало изъ своей дѣятельности политическій элементъ революціи, а другое, потому, что всѣ задачи своей пропаганды сводило къ одному лишь пункту захвата власти посредствомъ организаціи существующихъ уже силъ и не давало никакихъ новыхъ идей, которыя могли бы увеличить послѣднія, то эта междоусобная борьба ихъ не заключала никакихъ элементовъ примиренія и могла только увеличить существующія между ними противорѣчія. Сила, способная примирить послѣднія, явилась только съ появленіемъ того новаго революціоннаго направленія, признаки котораго впервые замѣчаются въ партіи народовольческой. Несмотря на свои тѣсныя связи съ существующими уже революціонными партіями и особенную близость къ партіи „Впередъ“, народовольческая партія была всетаки *новой* партіей и по характеру своихъ идей и по мотивамъ, вызвавшимъ ихъ. Этимъ мотивомъ была тяжелая практическая борьба, требованія которой обусловили идеи и складъ партіи. Въ борьбѣ она родилась, борьбою крещена и въ борьбѣ выросла. Люди, выступившіе на активный бой съ деспотизмомъ, сразу очутились на почвѣ общей всей нашей интеллигенціи, живо почувствовали общность интересовъ связывавшихъ ихъ со всѣми образованными людьми и не могли не понять всей тщеты недоразумѣній, залегшихъ между ними и обществомъ. И вотъ общественный элементъ сталъ проникать въ кружки борющихся революціонеровъ. До появленія народовольческой партіи у насъ было два большихъ лагеря: революціонный и общественный; съ ея появленіемъ разстояніе между ними стало уменьшаться, стала складываться партія революціонно-общественная, и въ этой партіи явился центръ, около котораго могли бы сосредоточиться всѣ люди дѣла и свободы въ одну большую рать освобожденія Россіи отъ абсолютизма, если бы разъ начавшееся движеніе продолжало слѣдовать въ томъ же направленіи. Мы знаемъ, что послѣднее предположеніе вызоветъ массу возраженій. Намъ укажутъ на подавленность русскаго общества, на отсутствіе всякихъ смѣлыхъ попытокъ къ борьбѣ со стороны его массъ, кружковъ и отдѣльныхъ личностей, и скажутъ: „Въ этомъ обществѣ нѣтъ уже теперь и одного человѣка, способнаго, хоть бы въ видѣ исключенія, ощутить даже ту потребность протеста, которая въ былое время заставила Герцена основать свободную русскую прессу за границами Россіи; оно не можетъ и не хочетъ поддержать своимъ содѣйствіемъ даже той, которая еще существуетъ тамъ, и вы все-таки думаете, что въ немъ живы еще тѣ стремленія, которыя необходимы для образованія стройной партіи борьбы съ деспотизмомъ!“ Не есть ли все это иллюзіи людей, утратившихъ въ своемъ „далекѣ“ чутье нашей безотрадной современности? Нѣтъ мы не ослѣпляемся, и изъ своего далека видимъ и эту замирающую жизнь, и все ея нравственное

оскудѣніе. Но мы говоримъ не о мертвыхъ, а о живыхъ, а Россія жива и живые люди не могутъ долго лежать трупами. Мы знаемъ, что жизни нѣтъ теперь въ Россіи не потому, что живое умерло въ ней, а потому что усиленный гнетъ реакціи загналъ подъ землю всѣ живыя силы ея и вызвалъ на ея поверхность только одно постыдное, злое, эгоистическое и безсмысленное. Мы знаемъ, что для того, чтобы произвести такое извращеніе жизни, надо было поставить въ осадное положеніе всю страну, и что такое положеніе не можетъ долго длиться, и должно быть болѣе страшно для тѣхъ, кто давитъ, а не для давимыхъ.

Развивающейся жизни Россіи не убить: она идетъ своей дорогой и подъ гнетомъ, но видя чрезмѣрное напряженіе силъ давителей, мы можемъ смѣло утверждать, что недалекъ отъ насъ уже тотъ моментъ, когда они надорвутся отъ натуги, чудовищный гнетъ сломится въ ихъ рукахъ, и все, что было вдавлено въ землю, выступитъ на ея поверхность, а все, что нахально красовалось и вопило на ея поверхности, уйдетъ со стыдомъ подъ землю.

Мы могли бы привести много доказательствъ въ подтвержденіе сказаннаго о различіи между „Набатомъ“ и новымъ революціоннымъ направленіемъ, впервые сказавшимся въ партіи „Народной Воли“, но за недостаткомъ мѣста ограничимся указаніемъ на главныя черты этого различія, по отношенію, напр. къ вопросу о конституціи. „Набатъ“ видѣлъ въ ней только царство буржуазіи, считалъ ее безусловно вредной и даже угрожалъ ею революціонерамъ, говорилъ онъ, передъ вами государство самодержавное, которое всѣ ненавидятъ, а завтра оно будетъ конституціоннымъ, которое всѣ будутъ поддерживать; торопитесь же разрушить это государство, пока оно не успѣло преобразоваться и, захвативъ власть, произведите всѣ реформы, необходимыя для того, чтобы увѣнчавшая ихъ конституція не была буржуазной, какой она непремѣнно будетъ, если ее создастъ правительство, а соціально-демократической, какою она можетъ быть только по силу революціи.

Такого отрицательнаго взгляда на конституціонныя реформы мы уже не встрѣчаемъ въ революціонерахъ новаго направленія. Они говорятъ еще о захватѣ власти, считая его при извѣстныхъ условіяхъ и возможнымъ и полезнымъ, но и въ конституціи „не захваченной“ они уже не видятъ факта во всѣхъ отношеніяхъ ретроградная, но смотрятъ на нее, какъ на первый шагъ къ освобожденію Россіи, и думаютъ, что этотъ шагъ далъ бы преобладаніе не идеямъ буржуазности, а тѣмъ идеямъ демократизма и общинности, которыя и теперь преобладаютъ въ русской интеллигенціи. Словомъ, они болѣе вѣрятъ въ силу авторитета идей общественныхъ и—менѣе въ силу правительственнаго гнета. Таковъ смыслъ наиболѣе вліятельныхъ статей „Вѣстника Народной Воли“, а мы знаемъ, что гораздо раньше этихъ статей, члены народовольческой партіи въ своемъ извѣстномъ обращеніи къ Александру III му предъявили требованія конституціонныхъ реформъ весьма умѣренныхъ, если не терять изъ виду, что эти требованія были заявлены революціонерами. Читатель самъ пойметъ, какое изъ двухъ направленій,—„Набата“ или народовольческое, ближе къ общественному. Если же мы прибавимъ къ этому, что „Набатъ“, въ виду полной законченности своей теоріи и программы, отрицалъ необходимость всякой теоретической пропаганды между тѣмъ какъ новое револ. направленіе создало для нее въ лицѣ „Вѣст. Нар. Воли“ особый органъ, отводящій много мѣста для анализа историческихъ и общественныхъ условій русской жизни, то всего сказаннаго будетъ довольно для оправданія нашего утвержденія, что

въ этой общественности и надо видѣть то *новое*, которое, проникнувъ въ мысль революціонеровъ, дало имъ возможность снова овладѣть старой идеей политической свободы, заброшенной было одними и окаменѣвшей въ рукахъ другихъ.

Но новая партія была вмѣстѣ и старой и даже гораздо болѣе старой, чѣмъ ратовавшій за старое „Набатъ". Если прошлое возвращается не иначе какъ въ новой формѣ, то и новое часто есть до извѣстной степени возвращеніе къ прошлому. Въ началѣ каждаго переворота всѣ основныя идеи и элементы ея являются обыкновенно разомъ, и послѣдующая работа состоитъ въ томъ, чтобы согласовать ихъ, развить и отыскать для каждаго надлежащее мѣсто. Начало всѣхъ нашихъ современныхъ революціонныхъ движеній лежитъ въ движеніи 60-хъ годовъ, и, какъ мы уже сказали, въ эту пору политическія стремленія шли параллельно съ общественными и соціалистическими, и даже стояли впереди какъ условіе, безъ котораго недостижимо все прочее. Тѣ же элементы мы видимъ и въ новомъ революціонаризмѣ: послѣ недолгаго разброда они собрались опять и выстраиваются въ томъ же порядкѣ, какъ въ свою начальную пору; но только всѣ они уже гораздо болѣе развиты и сознательны чѣмъ прежде, и это особенно замѣтно на идеѣ политической. Прежде она была болѣе вѣрой, порывомъ, чѣмъ сознательной мыслью; она увлекала людей, но люди не знали ея границъ, шли впередъ вѣруя, что все готово для побѣды, и потому когда эта вѣра была разрушена у политическихъ стремленій ихъ не оказалось почвы, и они должны были временно уступить мѣсто идеямъ исключительнаго соціализма, которыя въ зародышной формѣ уже существовали прежде, но получали преобладаніе по мѣрѣ того, какъ терпѣла пораженіе и отступала политическая идея.

Нѣкоторое время она была совсѣмъ забыта и теперь появляется снова уже не какъ слѣпая вѣра, зовущая къ натиску, а какъ сознательная мысль, знающая трудности борьбы, изучающая условія почвы, на которой она ведется и надѣющаяся съ помощью знанія выиграть дѣло, проигранное однимъ энтузіазмомъ. Послѣднее револ. движеніе есть, поэтому, развившаяся форма его начальнаго движенія въ 60-хъ годахъ, и въ этомъ смыслѣ мы и говоримъ, что выражающая его партія отражаетъ болѣе глубоко прошлое, чѣмъ пропаганда „Набата". Между тѣмъ какъ первая стремится обнять всѣ элементы движенія 60-хъ годовъ, идеи „Набата" представляютъ послѣднее только въ моментъ той его наибольшей исключительности и суженности, которыя, съ одной стороны, въ литературѣ, заявили себя въ журналѣ „Рус. Слово", а въ политикѣ сказались въ Нечаевскомъ процессѣ, и для оцѣнки пропаганды „Набата" характерно то, что главный представитель ее Ткачевъ былъ и сотрудникомъ „Русскаго Слова" и однимъ изъ привлеченныхъ по Нечаевскому процессу.

Вотъ почему, несмотря на сходство идей „Набата" съ идеями народовольческой партіи въ наиболѣе рѣзкихъ и эффектныхъ сторонахъ, имъ нельзя, по нашему мнѣнію, приписать того рѣшительнаго вліянія на возвращеніе революціонеровъ къ политическимъ цѣлямъ, о которомъ говорится въ письмѣ Ткачева. Но изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы пропаганда „Набата" не имѣла никакого вліянія даже въ частностяхъ. Полемика послѣдняго, въ виду талантливости и образованности главнаго ея представителя, не могла пройти безслѣдно для умственнаго сознанія революціонеровъ. Собраніе статей Ткачева и теперь можетъ быть прочитано не безъ пользы всякимъ, кто умѣетъ отличать

парадоксъ отъ вѣрной мысли, а критика анархизма имѣла несомнѣнное вліяніе на распаденіе этой партіи, которая тогда была еще довольно сильна, а въ настоящее время совсѣмъ исчезла въ Россіи.

Предположеніе преобразовать „Набатъ" изъ органа полемическаго въ органъ борьбы съ абсолютизмомъ, не могло осуществиться въ условіяхъ, поставленныхъ Ткачевымъ, т. е. при полной матеріальной обезпеченности и правильномъ содѣйствіи изъ Россіи—этихъ двухъ вещахъ, составляющихъ постоянную, но, къ несчастію, никогда еще не осуществившуюся мечту всякаго русскаго заграничнаго органа. Но преобразованный „Набатъ" началъ все-таки выходить въ Женевѣ въ видѣ еженедѣльнаго листка подъ редакціей друзей Ткачева, жившаго въ то время въ Парижѣ. Ткачевъ помѣстилъ въ немъ нѣсколько статей, но онѣ были далеко слабѣе всего прежде написаннаго имъ. Его даже не узнавали въ нихъ. Говорятъ, что это надо объяснить тѣмъ, что талантъ Ткачева былъ по преимуществу полемическаго характера, для котораго уже не было мѣста въ новомъ органѣ; но намъ кажется, что не малое вліяніе тутъ должно быть признано и за той исключительностью идей стараго „Набата", для которой въ новомъ тоже не мого уже быть мѣста. Если практическая борьба съ абсолютизмомъ не можетъ быть успѣшной безъ практической поддержки общества, то и идейная борьба съ нимъ тоже не будетъ успѣшной безъ искренней нравственной связи съ ними.

Новая цѣль требовала и новаго настроенія, несовмѣстимаго съ прежней исключительностью революціонаризма Ткачева. Намъ кажется, что и сравнительная блѣдность послѣднихъ статей Ткачева и невозможныя условія, поставленныя имъ для преобразованія „Набата" свидѣтельствуютъ, что онъ въ это время находился въ переходномъ состояніи: оставлять старый путь, который ему уже казался пройденнымъ, но не успѣлъ еще хорошенько разглядѣть новаго. Лично на насъ Ткачевъ всегда производилъ впечатлѣніе человѣка, личность котораго далеко не исчерпывалась его политической программой въ „Набатѣ" намъ казалось, что онъ шире этой программы, и что она была не послѣднимъ, а только первымъ словомъ его. Рѣзкая односторонность его публицистики часто исчезала въ его частной бесѣдѣ, и его политическія антипатіи не мѣшали ему отличать хорошее въ тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ безпощадно преслѣдовалъ какъ публицистъ. Такъ, напр., возставая противъ Достоевскаго за его политическій обскурантизмъ, онъ умѣлъ цѣнить громадный талантъ этого своеобразнаго художника и увлекался имъ. Въ разговорахъ съ другими онъ высказывалъ порою идеи болѣе широкія, чѣмъ тѣ, которыя излагалъ въ „Набатѣ", и когда его спрашивали, почему же онъ и печатно не высказался въ томъ же смыслѣ, онъ только пожималъ ихъ отвѣтъ плечами, какъ бы желая сказать: „что же вы хотите,—меня бы не поняли, моя мысль была бы перетолкована". Все это естественно заставляетъ предположить, что не малая доля рѣзкихъ политическихъ парадоксовъ редактора „Набата" должна быть поставлена на счетъ тѣхъ преувеличеній, встрѣчающихся почти въ каждомъ дѣятелѣ, который, выступивъ на путь политической борьбы, удѣляетъ значительную долю своихъ заботъ на составленіе, умноженіе и дисциплину партіи своихъ сторонниковъ. Хотя по своей политической программѣ Ткачевъ, какъ мы уже сказали, и является представителемъ поры наибольшей исключительности революціонаризма 60-хъ годовъ, но въ немъ, повидимому, не замерли еще совсѣмъ отголоски и той болѣе широкой начальной поры этого движенія, когда политика, общественность и соціализмъ шли рядомъ, не раздѣляясь, и намъ ду-

мается, что онъ возвратился бы къ духу и принципамъ этой поры, если бы ему не суждена было печальная доля его блестящаго предшественника по дѣятельности въ „Рус. Словѣ", Писарева—умереть въ тотъ моментъ, когда въ немъ начиналось нравственное преобразованіе и новый путь открывался передъ нимъ.

Вскорѣ послѣ смерти Ткачева возникла мысль почтить его дѣятельность постановленіемъ памятника на его могилѣ. Мысль тѣмъ болѣе симпатичная, что въ ней заключается протестъ противъ невниманія, съ которымъ мы, русскіе, обыкновенно относимся къ нашимъ выбывающимъ изъ строя борцамъ. Наши живые скоро забываютъ своихъ умершихъ, и едва ли многіе изъ насъ даже и знаютъ теперь, гдѣ находятся могилы Герцена, Огарева, Бакунина, Зайцева и другихъ, мысль которыхъ жила насъ. Культъ могилъ не въ обычаѣ русской интеллигенціи; ей симпатичнѣе памятники, говорящіе о жизни, а не о смерти. Такимъ живымъ памятникомъ могло бы быть хорошее изданіе избранныхъ трудовъ умершаго публициста съ его біографіей и, если можно, портретомъ. Но многіе изъ самыхъ крупныхъ нашихъ дѣятелей свободнаго слова не дождались еще и этихъ памятниковъ, которые служили бы вѣчной связью живыхъ съ умершими и говорили бы современникамъ, о пространствахъ, пройденныхъ русской свободной мыслью на пробитыхъ ею вдали отъ Россіи путяхъ.

Изъ исторіи рабочаго движенія на югѣ Россіи.

(Изъ записокъ соціаль-демократа).

Въ концѣ 1899 года (дѣло было въ Кіевѣ) ко мнѣ зашелъ пріятель-студентъ, питерскій лѣсникъ, гостившій въ Кіевѣ на святкахъ, и предложилъ взять на себя занятія съ кружкомъ рабочихъ-ремесленниковъ, образовавшимся на Подолѣ. [1]) Устроителемъ этого кружка былъ въ свою очередь, пріятель моего лѣсника, тоже недавно пріѣхавшій изъ Питера ювелиръ-рабочій, у котораго не было «связей» ни съ мѣстнымъ комитетомъ с.-д. партіи, ни, вообще, съ мѣстной интеллигенціей. Лѣсникъ предлагалъ познакомить меня съ этимъ ювелиромъ.

Лѣсникъ былъ малый добрый, а мнѣ давно хотѣлось ближе примкнуть къ рабочему движенію: до тѣхъ поръ я ограничивался лишь знакомствомъ съ марксистской теоріей да кое-какимъ «содѣйствіемъ» революціи... Послѣ небольшого колебанія, я изъявилъ согласіе.

Черезъ нѣсколько дней сказанный ювелиръ сидѣлъ за моимъ столомъ и пилъ чай. Это былъ очень солидный и скромный, молодой еврей-рабочій, въ золотыхъ очкахъ, бритый и стриженый, въ пиджакѣ и синей рубахѣ подъ жилеткой,—словомъ, всѣ черты, такъ сказать, «истинно-еврейскаго» внѣшняго облика (какъ его привыкли себѣ представлять, «истинно-русскіе» люди)—пейсы, ермолка или фуражка съ пуговицей на макушкѣ, козлиная борода и долгополый «лапсердакъ»—отсутствовали у него, какъ бы подвергнувшись атрофіи. Я, признаюсь, въ первый разъ встрѣчался съ типомъ «сознательнаго» еврейскаго пролетарія и съ удивленіемъ наблюдалъ новое для меня явленіе.

Между тѣмъ онъ очень стѣснялся, поминутно краснѣлъ, сквозь частыя веснушки лица, и говорилъ очень тихимъ голосомъ, хотя довольно правильнымъ литературнымъ языкомъ и даже съ нѣкоторымъ излишкомъ «ученыхъ» терминовъ. Я чувствовалъ большое расположеніе къ гостю, хотя въ то же время съ головы не выходила задняя мысль, столь неразлучная съ нами въ Россіи: «не провокаторъ ли?»... Я, конечно, не давалъ ее замѣтить гостю, и условился съ нимъ, куда мнѣ явиться на первое собраніе его кружка.

[1]) Портовая, торговая и промышленная часть г. Кіева.

Собраніе происходило на Подолѣ, въ квартирѣ Абрама (имя ювелира), крохотной комнатѣ пролетарія, зарабатывающаго рублей 35-40 въ мѣсяцъ. Собралось человѣкъ 7 «сознательныхъ» рабочихъ-евреевъ, по ремеслу—граверовъ, шапочниковъ, заготовщиковъ обуви, дамскихъ портныхъ, столяровъ. Все это были хорошіе, теплые ребята, свободомыслящіе въ дѣлѣ религіи и національныхъ предразсудковъ, такъ же мало сохранившіе изъ традиціонныхъ еврейскихъ чертъ, какъ и Абрамъ, хозяинъ квартиры. Абрамъ угощалъ насъ чаемъ съ полубѣлымъ хлѣбомъ и колбасой, этой вещественной уликой нарушенія Моисеева закона...

Толковали объ условіяхъ соціалдемократической пропаганды среди мѣстныхъ рабочихъ, о предстоящихъ намъ задачахъ...

Надо сознаться, я очень мало представлялъ себѣ, въ чемъ именно заключаются эти задачи и что отъ меня лично потребуется. Я только всею душою готовъ былъ отдать всѣ свои усилія на пользу рабочаго дѣла и чувствовалъ, что кое-въ-чемъ могу быть полезенъ. Но какъ и за что взяться прежде всего, я не зналъ. Между тѣмъ изъ разговора оказалось, что члены кружка обладаютъ обширными связями въ рабочей средѣ особенно, конечно, среди евреевъ-рабочихъ Подола, въ различныхъ ремеслахъ [1]); сверхъ того, почти всѣ мои новые знакомые были родомъ изъ сѣверо-западныхъ городовъ—Вильны, Ковна, Гомеля, Бобруйска и т. д. и, по большей части, своею «сознательностью» обязаны были «Бунду» (Всеобщ. с.-д. еврейскому союзу Литвы и Польши), подъ опекой котораго прошли полную школу революціонной практики. Они прекрасно знали въ чемъ ихъ ближайшая задача и какъ къ ней приступить. Мнѣ оставалось лишь слушать и учиться—положеніе нѣсколько странное для человѣка, призваннаго какъ бы въ руководители. Но, между тѣмъ, мои кліенты, повидимому, нисколько не смущались моимъ, болѣе или менѣе, пассивнымъ поведеніемъ: имъ нужно было, на самомъ дѣлѣ, лишь *присутствіе, наличность* «интеллигента»,—нѣчто вродѣ образа, безмолвно стоящаго въ красномъ углу.

Живо жестикулируя и бранясь между собою по товарищески—какъ это свойственно евреямъ въ интимномъ кругу—они очень толково и безъ излишней траты времени на разговоры намѣтили планъ библіотеки для рабочихъ и общей кассы взаимопомощи, назначили взносы туда и сюда, выбрали кассира, библіотекаря, выяснили какіе можно составить кружки пропаганды изъ «сознательныхъ», «полусознательныхъ» и «первоначальныхъ» товарищей, имъ ближе извѣстныхъ, предоставили мнѣ пріискать интеллигентовъ-пропагандистовъ для этихъ кружковъ. Передо мной вставала картина вполнѣ-разработанной, готовой техники дѣла, которую оставалось лишь пустить въ ходъ. Я былъ восхищенъ фактомъ подобной практической сноровки въ общественномъ дѣлѣ и именно среди трудовой массы, казалось бы, окончательно забитой русскими порядками. Я отдавалъ себѣ

[1]) Крупное, чисто-капиталистическое производство въ ремеслѣ распространено было въ то время въ Кіевѣ, особенно, въ сферѣ изготовленія готоваго платья, обуви мебели, деревянной и желѣзной и въ слесарномъ дѣлѣ.

ясный отчетъ, что 99% интеллигенціи не могутъ, по степени подобной дѣловитости, идти ни въ малѣйшее сравненіе съ этими «новыми людьми»! Я лично пригодился имъ лишь, какъ своего рода моральный авторитетъ, къ суду котораго они, въ силу своей вѣры во всемогущество образованія, прибѣгали въ экстренно-спорныхъ случаяхъ. Эту роль безпристрастнаго предсѣдателя я сумѣлъ выдержать до конца въ моемъ маленькомъ самопроизвольно-зародившемся «Ремесленномъ Комитетѣ». И благодаря этому, и благодаря моему искреннему уваженію къ практической опытности моихъ товарищей рабочихъ, я до конца остался со всѣми ними въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Скоро выяснилось, что и малѣйшихъ подозрѣній въ провокаторствѣ нельзя питать къ добрѣйшему Абраму, который отличался замѣчательнымъ искусствомъ въ дѣлѣ привлеченія и сплачиванія людей. У него тоже была выработана техника этого спеціальнаго дѣла. Роль наживки для новичковъ и, вмѣстѣ, пробнаго камня играла у него неизмѣнно одна и та же «марксистская» газета «Сѣверный Курьеръ», выходившая тогда, по счастливой для насъ оплошности начальства. Давши 2—3 номера газеты на прочтеніе, Абрамъ заводилъ затѣмъ непринужденный разговоръ о прочитанномъ, и съ тонкимъ умѣньемъ разбирался въ людяхъ, глядя по отвѣту. По достаточномъ испытаніи онъ привлекалъ «съагитированнаго» въ кружки. Скоро, такимъ образомъ, онъ и выдвинулъ, и привлекъ въ «Комитетъ», дѣйствительно, самыхъ дѣльныхъ людей изъ всего ремесла въ Кіевѣ. Они же очень быстро довели нашу организацію до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Удивляло меня еще насколько между ними распространено было знакомство съ книжками, содѣйствующими проясненію рабочихъ мозговъ. «Спартакъ» Джіованніоли, «Оводъ» Войничъ, «На разсвѣтѣ» Ежа, потомъ «Ткачи» Гауптмана, «Дурные пастыри» Мирбо—читались запоемъ и, такъ сказать, повально; ихъ участь раздѣляли нѣкоторыя популярныя книжки по исторіи культуръ и марксистской теоріи. Затѣмъ, конечно,—«нелегальщина»...

Много можно было бы поразсказать и о типахъ, наблюдавшихся мною тогда въ рабочей средѣ и объ удивительныхъ проявленіяхъ духовнаго подъема, происходившаго въ ней на моихъ глазахъ. Но не это сейчасъ меня занимаетъ. Мнѣ хочется разсказать здѣсь не о тогдашнемъ движеніи среди болѣе все же развитого и подготовленнаго историческими еврейскаго пролетаріата, а о первыхъ всходахъ будущаго революціоннаго дѣйствія въ самой сырой, нетронутой, если хотите, опять таки, «истинно-русской» массѣ, всходахъ, которые мнѣ тоже пришлось тогда близко видѣть и которымъ даже пришлось подавать родъ акушерской помощи въ ихъ нарожденіи на свѣтъ. Волею судебъ послѣднее произошло именно, благодаря моему участію въ самоорганизаціи кіевскихъ евреевъ-рабочихъ.

Въ числѣ участниковъ нашего «Ремесленнаго комитета» былъ одинъ юноша—столяръ, по имени Саулъ, онъ же Николай. Ни то, ни другое имя его не было настоящее, такъ же, какъ и фамилія—Левинъ. На самомъ дѣлѣ онъ звался (скажемъ) Натанъ Мейеръ, родомъ изъ Полоцка, т. е. изъ черты осѣдлости. На родинѣ его звали русскимъ именемъ Николай, въ Кіевѣ же онъ былъ на положеніи

«безправнаго», такъ какъ тамъ (и до сихъ поръ) могутъ жить лишь гильдейскіе купцы и дипломированные ремесленники, а у Николая диплома не было. Поэтому онъ, подобно тысячамъ обитателей Подола, жилъ, прячась отъ полиціи, въ квартирахъ «правныхъ» товарищей и про всякій случай имѣлъ паспортъ вольной фабрикаціи на имя Саула Левина.

Этотъ «двуличный» или, если угодно, «тріединый» человѣкъ свелъ знакомство съ русскими булочниками, въ то время какъ прочіе товарищи не выходили изъ круга своихъ еврейскихъ рабочихъ. Уже этотъ одинъ фактъ обращалъ на него особое вниманіе, ибо еврею быть въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ «несознательными» русскими было не такъ-то легко. Съ нашимъ же «Николаемъ» русскіе булочники не только были въ пріятельскихъ отношеніяхъ, но и сильно его уважали. Это зависѣло, безъ сомнѣнія, и отъ того, что Николай обладалъ необычайнымъ природнымъ краснорѣчіемъ, хотя и выражался по-русски съ трудомъ. Еще замѣчательнѣй, что онъ излагалъ прекрасно по-русски свои мысли на бумагѣ—чего никто изъ прочихъ нашихъ «комитетчиковъ» не могъ сдѣлать. Когда же онъ говорилъ, то глаза его мрачно горѣли, а энергичное, смуглое лицо принимало суровое выраженіе: видно было, что онъ глубоко переживаетъ свои слова. Но поэтому, быть можетъ, онъ говорилъ вообще мало, больше молчалъ.

Въ то время, какъ въ нашемъ «комитетѣ» происходили споры и излагались планы относительно наилучшаго устройства организаціи на Подолѣ, Николай упорно обращался всегда къ одной темѣ—къ своимъ излюбленнымъ булочникамъ: онъ настаивалъ на томъ, что булочники во всемъ Кіевѣ готовы уже къ открытой борьбѣ, надо лишь «ихъ поагитировать», т. е. заняться немного «развитіемъ» болѣе выдающихся изъ нихъ и распространять среди нихъ с.-демократическую литературу. Товарищи относились къ словамъ Николая нѣсколько насмѣшливо, по тремъ причинамъ: онъ, въ спокойномъ состояніи, не умѣлъ ловко аргументировать и любой противникъ засыпалъ его словами; онъ былъ моложе прочихъ, отчего считался «непрактичнымъ» (ему было лѣтъ 18)—впрочемъ его монументальная фигура и суровый видъ, скорѣй, заставляли считать его старше остальныхъ; наконецъ, страннымъ казалось всѣмъ—и мнѣ, въ томъ числѣ,—чтобы были готовы къ борьбѣ самые неразвитые изъ кіевскихъ рабочихъ, между тѣмъ какъ болѣе развитыхъ еще надо готовить.

Но Николай отстаивалъ своихъ булочниковъ такъ упорно, что я прозвалъ его про себя, «тяжелой артиллеріей». Мы рѣшили, во всякомъ случаѣ, поглядѣть кружокъ пріятелей Николая изъ числа болѣе развитыхъ.

Я пошелъ къ нимъ съ Николаемъ. Комната, гдѣ собрались человѣкъ 6 булочниковъ, была куда бѣдней комнаты Абрама (дѣло уже было не на Подолѣ, а въ верхнемъ городѣ). Это было сырое и низкое помѣщеніе, почти безъ всякой мебели, кромѣ грубыхъ деревянныхъ кроватей. Тутъ жило, повидимому, съ десятокъ человѣкъ. Собравшіеся рабочіе были всѣ худы и изможденны. На неестественно блѣдныхъ (отъ вѣчно вившейся муки) лицахъ у большей части выдѣлялись воспаленные, красные глаза. Они выражались уже языкомъ русскихъ крестьянъ, за исключеніемъ одного нѣмца Альберта и одного поляка Матвѣя; у нѣкоторыхъ рѣчь носила хохлацкій оттѣнокъ. Всѣ были страшно бѣдно одѣты—въ тѣ самыя лохмотья, которыя, пожалуй, всѣ читатели и до сихъ поръ видятъ на рабочихъ-булочникахъ. Они просили позаняться съ ними, дать имъ книжекъ, разсказывали о тяжкихъ условіяхъ своей работы и, какъ и Николай, настаивали, что вся масса кіевскихъ булочниковъ готова хоть сейчасъ къ общей забастовкѣ. Надо замѣтить, что каждый вечеръ занятій являлся для нихъ своего рода подвигомъ, ибо праздниковъ у нихъ не было, работали они безвыходно въ своихъ подвалахъ-мастерскихъ по 17—20 часовъ, и отлучиться можно было лишь, поставивъ за себя замѣстителя съ платой ему 1 руб. Мѣсячный же заработокъ равнялся 15—20 рублямъ.

Меня поразила видѣнная картина. Мнѣ и раньше, конечно, приходилось видѣть рабочихъ-булочниковъ, но... не приходилось встрѣчаться съ ними, какъ *съ людьми*, требующими для себя, какъ и я, свѣта и борьбы. Неощутимыя соціальныя перегородки такъ основательно слѣпятъ наши глаза, что мы сквозь нихъ только и замѣчаемъ, что привычные, слѣдовательно, какъ бы и «нормальные» внѣшніе облики другихъ людей. Мы говоримъ себѣ: «вотъ типичный булочникъ!»—и успокаиваемся на чувствѣ какой-то полу-презрительной жалости. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же мы можемъ ему помочь? Ничѣмъ. Слѣдовательно, булочнику только и остается, что быть булочникомъ.

Въ это время мы съ нашимъ «Ремесленнымъ комитетомъ» успѣли уже присоединиться къ мѣстному комитету Р. С.-Д. Р. П., что означало для насъ возможность получать с.-демократическія брошюры журналы и проч., а также пропагандистовъ. Впрочемъ «возможность» еще далеко не обозначала фактической достаточности того и другого. Самъ «Кіевскій комитетъ» вѣчно испытывалъ голодъ по литературной части, а пропагандистовъ было—разъ-два, и обчелся. Приходилось перебиваться кое-какъ, едва утоляя $^1/_{10}$ часть запросовъ. Тѣмъ не менѣе къ булочникамъ мы приставили «пропагандиста», зеленаго студентика, который, конечно, самъ еще едва учился тѣмъ теоріямъ, которыя проповѣдывалъ. Но недостатокъ опыта и знаній замѣнялся искреннимъ жаромъ, съ какимъ онъ отдавался дѣлу, а булочники знали сами такъ мало, что и крупицы знаній казались имъ откровеніемъ. Притомъ, имъ опять таки важнѣй всего было заполучить къ своему дѣлу «интеллигента», какъ санкцію правильности этого дѣла, какъ знамя, ободряющее въ борьбѣ. Совѣты же Николая и собственный разсудокъ и усердіе направляли ихъ въ задуманной стачкѣ.

Я вскорѣ узналъ, какія огромныя усилія прилагались булочниками-руководителями. Николай доставилъ мнѣ вскорѣ самодѣльную, рукописную брошюрку, изготовленную упомянутымъ выше полякомъ Матвѣемъ. Въ подражаніе весьма распространенной тогда нелегальной брошюркѣ «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», онъ озаглавилъ свое произведеніе «Что нужно знать и помнить каждому *булочнику*?» Здѣсь, ужасными каракулями и не очень-то грамотно,

но въ замѣчательно-яркихъ лирическихъ краскахъ, изображалось положеніе товарищей-булочниковъ, которымъ недоступно ни весенней природой часокъ полюбоваться, ни «въ церковь сходить въ воскресенье», ни даже семью свою повидать хоть разъ въ мѣсяцъ; «наши родные дѣти не знаютъ насъ въ лицо, потому что мы являемся домой лишь по ночамъ, когда они спятъ, и уходимъ чуть займется свѣтъ». «Булочники—говорилъ авторъ—цѣлый день жарятся въ мастерской, какъ въ пеклѣ, а, когда выскочишь подъ ворота подышать воздухомъ, весь перепачканный въ мукѣ, какъ бѣлый чортъ, то ужъ хозяинъ грозитъ разсчетомъ»... Въ концѣ брошюрки стоялъ, какъ водится, призывъ къ борьбѣ за улучшеніе условій труда.

Эта брошюрка была написана Матвѣемъ почти за годъ передъ тѣмъ, и можно себѣ представить, сколько труда и поту положилъ онъ на ея сочиненіе! Но онъ этимъ не ограничился. Въ теченіе года онъ переписалъ ее собственноручно не менѣе 15 разъ и разнесъ по знакомымъ ему мастерскимъ, производя всюду неотразимое впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь все, въ ней сказанное, каждое слово было кровною правдой, а призывъ къ борьбѣ открывалъ впервые свѣтлую дверь передъ отчаявшимися людьми. Матвѣй поддерживалъ свое писанье и пространными устными бесѣдами, наконецъ, взявъ кусокъ угля въ руки, онъ чертилъ на стѣнахъ мастерской (гдѣ, по общему правилу, рабочіе и жили) импровизированныя прокламаціи. Спрашивается: какъ онъ не попался въ своей смѣлой пропагандѣ въ когти полиціи? Дѣло очень простое: ни хозяева, ни полиція и не предполагали тогда еще въ Кіевѣ, чтобы среди такого забитаго работой и хозяйскимъ окрикомъ племени проявился малѣйшій протестъ! Поэтому не озаботились насажденіемъ здѣсь ни шпіонства, ни провокаціи, и пропаганда быстро дѣлала свое дѣло по линіи наименьшаго сопротивленія. Вскорѣ тотъ же Матвѣй, по моей просьбѣ, лично обошелъ большую часть пекаренъ г. Кіева и собралъ полную «статистику» числа рабочихъ въ нихъ, съ указаніемъ женатыхъ и холостыхъ. Для него не существовало границъ въ стремленіи къ дѣйствію, а отсутствіе свое изъ мастерской ему удавалось скрывать отъ хозяина, благодаря всегдашней готовности товарищей покрыть его.

Его неумѣлая брошюра доставляла мнѣ величайшее удовольствіе: столько въ ней было искренняго чувства; я ее всячески старался сохранить, несмотря на большую опасность для самой же предполагаемой забастовки, въ случаѣ, нагрянули бы ко мнѣ съ обыскомъ. И я бы сберегъ ее до сихъ поръ, какъ драгоцѣнную память, если бы—по россійскимъ условіямъ—рядъ послѣдовательныхъ «чистокъ» не заставилъ меня пожертвовать и этимъ самоцвѣтнымъ камнемъ... Конечно, теперь, послѣ ряда потрясающихъ историческихъ событій, можетъ показаться смѣшной та маленькая брошюрка, но не забывайте, что на зарѣ классоваго сознанія то были первые ростки, изъ которыхъ развились красные цвѣта будущаго...

Однако Матвѣй не былъ главнымъ двигателемъ въ средѣ булочниковъ. Онъ былъ лишь самородкомъ-пропагандистомъ, агитаторомъ и, если хотите, пѣвцомъ движенія. Его истиннымъ дирижеромъ былъ другой человѣкъ—пекарь Алексѣй. Но я въ это время еще мало съ

нимъ былъ знакомъ и скажу о немъ подробно дальше. Всего же ихъ руководящій кругъ обнималъ 50 съ лишнимъ человѣкъ, которые были знакомы со всѣми рѣшительно пекарнями въ городѣ и предмѣстьяхъ и въ каждой изъ нихъ имѣли преданныхъ и «съагитированныхъ» людей. Пекаренъ въ городѣ съ предмѣстьями было тогда до 150, а рабочихъ въ нихъ, вѣроятно, было больше 1000 чел., со словъ рабочихъ булочниковъ (иныхъ данныхъ у насъ тогда не имѣлось).

Въ мартѣ мѣсяцѣ булочники, подъ дѣйствіемъ усиливающейся агитаціи, стали очень неспокойны. Ихъ «булочный комитетъ» заявлялъ, что придется вскорѣ объявить стачку, ибо рабочіе стали съ трудомъ переносить хозяйскія еженовыя рукавицы. Стали мѣстами даже бросать работу. Положеніе особенно обострилось на Пасхѣ, въ виду того, что тутъ булочники имѣли 2 дня «свободы», могли между собою повидаться и еще больше наэлектризовать другъ друга. Сверхъ того, эта пасхальная «свобода» была, сама по себѣ, такого свойства, что могла особенно раздражать людей: хозяева заставляли 3 послѣднихъ дня передъ Пасхой работать круглыя сутки, не покладая рукъ, какъ бы стремясь возмѣстить предстоящую потерю 2 дней; рабочіе такъ утомлялись, что и праздникъ имъ былъ не въ праздникъ. Мы получили согласіе Кіевскаго комитета на стачку и обѣщаніе помощи и стачечныхъ листковъ. 23-го апрѣля, черезъ недѣлю послѣ Пасхи, предположили объявить стачку. За два дня передъ тѣмъ созвали вышеупомянутыхъ 50 человѣкъ «довѣренныхъ» (на одномъ изъ острововъ Днѣпра). Тамъ съ ними вели бесѣду Николай, Матвѣй и Алексѣй. На слѣдующій день, въ субботу, назначено было предстачечное собраніе делегатовъ отъ всѣхъ пекаренъ—всего до 200 человѣкъ.

Начать собираться было рѣшено съ 8 часовъ утра, сходиться постепенно, группами по 2—3 человѣка, съ такимъ расчетомъ, чтобы всѣмъ собраться къ 11 часамъ. Мѣсто было у насъ предварительно высмотрѣно за городомъ, на той сторонѣ Днѣпра, въ глубинѣ лѣса. Мы нѣсколько разъ уже тамъ собирались съ еврейскими рабочими, такъ что мѣсто могло считаться надежнымъ и безопаснымъ отъ жандармскаго глаза. Выработалась у насъ и техника собранія: на опушкѣ гостей принимали два распорядителя, направлявшихъ затѣмъ каждаго приходящаго къ патрулю въ лѣсу (шагахъ въ 30). Этотъ послѣдній передавалъ ихъ дальнѣйшему патрулю, выкрикивая пароль (напр. «Волга-а!»); второй передавалъ ихъ третьему и т. д., до самаго мѣста собранія. Эта техника удавалась намъ въ совершенствѣ, ее же мы рѣшили примѣнить и къ собранію булочниковъ. Но увы! оказалось, что расчетъ былъ не совсѣмъ удаченъ.

Я пошелъ на собраніе часамъ къ 10. Уже проходя загородной слободкой по шоссе, ведущему къ лѣсу, я былъ нѣсколько обезпокоенъ видомъ многочисленныхъ толпъ нашихъ будущихъ забастовщиковъ, непринужденно шагавшихъ поперекъ всего шоссе, въ измазанныхъ мукою передникахъ и шляпахъ, съ огромными полубѣлыми «калачами» [1]) подъ мышкой (было условлено, чтобы хлѣбъ несли съ собою сами участники собранія). Веселый говоръ стоялъ надъ шерен-

[1]) „Калачемъ" на югѣ зовется 5 и 10 фунтовый плетеный полубѣлый хлѣбъ.

гами рабовъ капитала, вырвавшихся изъ своихъ душныхъ подваловъ на вольный воздухъ... Мнѣ, привыкшему къ строгой «конспираціи», очень не нравилось это непринужденное поведеніе; мнѣ казалось, что сами собаки Никольской слободки понимаютъ, что это булочники идутъ на заговорщицкое, потаенное сборище... Но приходилось махнуть рукой и спѣшить къ лѣсу.

У опушки, по условію, стояли Алексѣй съ Матвѣемъ. Радостно поздоровавшись, они указали мнѣ первый патруль въ лѣсу и сообщили, что уже многіе прошли. Я направился въ лѣсъ. Но уже у второго или третьяго патруля я замѣтилъ образовавшееся скопленіе народа, весело болтавшаго съ давно не видѣнными пріятелями. На мое замѣчаніе, они отвѣтили, что «ничего-молъ, сейчасъ придемъ». Дальше уже никакого патруля не оказалось—исчезъ. Тутъ я понялъ, какая великая разница между воспитавшимися на конспираціи и дисциплинѣ еврейскими рабочими и нашими русскими нетронутыми, широкими натурами. Послѣ я множество разъ убѣждался, что главный врагъ собственно-русскаго рабочаго движенія (и не только въ средѣ рабочихъ) непониманіе первостепеннаго значенія товарищеской дисциплины. Еврейскіе «патрули», стоявшіе въ томъ же лѣсу всего лишь за нѣсколько дней передъ тѣмъ, не двигались съ мѣста цѣлый день, не рѣшаясь даже сбѣгать напиться воды, шаговъ за 300, когда пересохло горло. Лишь получивъ смѣну отъ распорядителей, они приходили браниться съ послѣдними за то, что остались забыты на своемъ посту.

Такую же педантическую пунктуальность я потомъ встрѣтилъ въ «рабочихъ обществахъ» Финляндіи. Нечего удивляться, что въ послѣдней странѣ с.-демократія пожинаетъ богатые урожаи умѣлыхъ посѣвовъ...

Считая, что съ патрулемъ вышло случайное недоразумѣніе, которое исправятъ распорядители, я поспѣшилъ дальше, къ знакомому мѣсту собранія. Патрулей—ни души. До назначенной полянки было версты три. Пришедши туда, я долженъ былъ лишь констатировать полное отсутствіе народа. Значитъ, разбрелись кто куда, по всему огромному лѣсу... Положеніе было изъ самыхъ глупыхъ. Идти назадъ, поправить дѣло, разставить на-ново патрули? Не стоило—потому что было уже около 11, и главная масса уже прошла. Идти по лѣсу собирать народъ?—предпріятіе безполезное: по одиночкѣ всѣхъ не соберешь, а посылать другихъ—мѣста не знаютъ. Осталось сѣсть на полянкѣ словно заяцъ въ сказкѣ, прогнанный изъ избушки козой, и ждать. Я сѣлъ и сталъ ждать. Ни души. Только весеннее солнце сіяетъ, да вѣтеръ шелеститъ верхушками сосенъ. Я не могу вамъ разсказать, какіе бѣсы гнѣва и отчаянія раздирали мою грудь втеченіе долгихъ часовъ, пока я сидѣлъ на этой полянкѣ! Все было такъ налажено, готовилось такъ издавна, и вотъ должно рушиться изъ-за пустяка, изъ-за россійской халатности!... Скверно я себя чувствовалъ.

Впрочемъ моя недолгая революціонная практика успѣла уже воспитать во мнѣ совершенно необходимую въ Россіи добродѣтель—воловье терпѣніе. Я рѣшилъ сидѣть тутъ хоть до завтрашняго дня, а дождаться хоть части булочниковъ. И вотъ, часовъ около 2-хъ

стали они, наконецъ, появляться усталые и недовольные—словомъ, въ настроеніи, мало подходящемъ къ случаю. Появились Матвѣй и Алексѣй, которые сейчасъ же отправились скликать и остальныхъ. Стали подваливать новыя и новыя толпы. Скоро набралось больше 100 человѣкъ, но многіе, очевидно, такъ и заблудились невѣдомо гдѣ. Какъ результатъ неудачнаго начала, поднялась, по русскому обычаю, русская ругань. Непечатныя выраженія такъ и висѣли въ воздухѣ. Деморализація развивалась дальше. Хлѣбъ успѣли весь пріѣсть, захотѣлось пить. Любители вина объявили, что пойдутъ искать «казенки». Они ее, дѣйствительно, нашли на желѣзнодорожной станціи версты за двѣ, и принялись выпивать. Время шло, пора было начинать, а никто и не думалъ. Другіе побрели въ сосѣднюю деревню за молокомъ; сыскали молоко, но вмѣстѣ съ кувшинами явились и посланныя бабами ребята; ребята донесли о необычайномъ сборищѣ матерямъ, которыя поспѣшили въ лѣсъ на даровое зрѣлище,—за ними мужики... Я ужъ ожидалъ, что вотъ-вотъ пожалуетъ и урядникъ. Я ничего не могъ предпринять, ибо совершенно не былъ знакомъ рабочимъ, укрывшись подъ псевдонимомъ «петербургскаго булочника».

Но урядникъ не пожаловалъ. Вмѣсто него явилось намъ подкрѣпленіе, въ видѣ одного «комитетчика»-шапочника Гриши, прекрасно говорившаго по-русски, и двухъ барышень-портнихъ (объ онѣ звались Розами). Появленіе изящно одѣтыхъ барышень въ красныхъ кофточкахъ (по случаю близкаго 1-го мая) произвело неожиданно-благопріятное дѣйствіе. Во-первыхъ, прекратилось поминаніе родителей, а вмѣстѣ съ нимъ исчезло вліяніе «истинно-русскихъ» выпивающихъ и бранящихся элементовъ. Цивилизація вступала въ свои права. Во-вторыхъ, нашлись немедленно галантные кавалеры, которые набрали тутъ же въ изобиліи растущихъ прекрасныхъ огромныхъ весенникъ цвѣтовъ «сна», и, сдѣлавъ букеты изъ ихъ лиловыхъ колокольчиковъ, поднесли барышнямъ, а себѣ воткнули по цвѣтку въ петлицу. Немедленно началось повальное подражаніе.

Надо вамъ сказать, что это были за экземпляры рода человѣческаго! Рѣдкій былъ одѣтъ болѣе или менѣе прилично, по городски—въ пиджакѣ, штиблетахъ и шляпѣ. Большинство являло видъ какихъ-то дикарей нашего времени. Изорванные, измазанные, въ опоркахъ, грубыхъ рубахахъ, многіе безъ шапокъ! Громадное большинство были просто курскіе, орловскіе, калужскіе мужики, лишь нѣсколько мѣсяцевъ пришедшіе въ городъ и не видавшіе за тяжкой работой свѣта. Были здѣсь и три делегата босой команды изъ пропойцъ-булочниковъ, приглашенные для переговоровъ, на случай возможнаго съ ихъ стороны штрейкбрехерства. И всѣ они подтянулись въ присутствіи дамъ. Я видѣлъ, какъ одинъ неподдѣльный сынъ «Калуцкой губерніи», на которомъ пиджакъ сидѣлъ, какъ на коровѣ сѣдло, выломавъ порядочную сосновую вѣтку, заткнулъ ее себѣ въ грудной карманъ, вмѣстѣ съ пучкомъ цвѣтовъ «сна».

Было часовъ 5, когда стало, наконецъ, возможно приступить къ дѣйствіямъ. Сначала были сказаны «агитаціонныя рѣчи»—объ общихъ условіяхъ булочной работы, о необходимыхъ требованіяхъ.

Огромный успѣхъ имѣли опять таки рѣчи «барышень», о солидарности рабочихъ и о близкомъ 1-мъ мая. Курскимъ и «калуцкимъ» очень было лестно, что такія нарядныя особы тоже о нихъ заботятся. Они не догадывались, что это свои же, работницы: они такихъ еще не видали. Потомъ перешли къ главному, къ выясненію того, какъ устраивается стачка и какъ надо себя вести въ теченіе ея. Десятокъ разъ повторялось всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности, что работу бросать надо заразъ во всѣхъ пекарняхъ, что идти на уступки отдѣльнаго хозяина нельзя, надо дожидаться общихъ уступокъ, что нельзя пить водки, вредить чѣмъ-либо хозяину, драться, ругаться и т. п., что слѣдуетъ держаться внѣ казармъ, лучше всего проживать у товарищей, чтобы избѣгнуть полицейскихъ насилій, что нечего бояться полицейскихъ угрозъ и даже побоевъ, а дружно держаться до побѣды и проч.

Все это выслушивалось съ величайшимъ воодушевленіемъ: разспросовъ было безъ конца. Здѣсь мнѣ выяснились двѣ вещи. Во первыхъ, какое-то восторженное уваженіе всѣхъ булочниковъ къ пекарю Алексѣю. Онъ разрѣшалъ всѣ затруднительные вопросы и слово его считалось послѣднимъ. «Алексѣй сказалъ»—этого было достаточно. Алексѣй былъ у нихъ «правильнымъ», святымъ человѣкомъ. Я тутъ обратилъ на него впервые пристальное вниманіе. Онъ былъ тощъ и неестественно блѣденъ, какъ всѣ булочники, но его каріе глаза горѣли какимъ-то неугасимымъ, внутреннимъ огнемъ. Онъ какъ будто совершалъ священнодѣйствіе. Его нравственнымъ авторитетомъ объяснялось поразительное единодушіе движенія до самого конца и то, что никто не поддался соблазну выдать хозяевамъ или начальству всю затѣю. Она осталась послѣднимъ абсолютно неизвѣстна и грянула имъ, какъ снѣгъ на голову.

Второе обстоятельство, мнѣ выяснившееся,—крайняя темнота въ мозгахъ многихъ булочниковъ. Одинъ юноша, напр., долго слушалъ повѣсть объ ихъ 17—18 часовомъ трудѣ и возможности добиться лишь 12 часовъ работы, потомъ обратился ко мнѣ съ недоумѣніемъ: «какъ же вотъ ты говоришь все—17 часовъ работы, а я работаю всего-на-все 7 часовъ въ день». Я былъ сразу поставленъ въ тупикъ, и призвалъ на помощь Алексѣя. Алексѣй разсмѣялся: «ахъ, ты, дуракъ! какъ же ты 7 часовъ работаешь? А тѣ-то часы, что просиживаешь у печки, дожидаясь, пока хлѣбъ взойдетъ, потомъ испечется,—ты и не считаешь?» и тутъ же по пальцамъ разсчиталъ ему, что онъ тоже работаетъ всѣ 17 часовъ. Малый былъ удивленъ и убѣжденъ. Навѣрное эта наука имѣла рѣшающее значеніе для всей его послѣдующей жизни.

Были и еще трогательные и смѣшные эпизоды. Было два делегата отъ еврейскихъ булочныхъ. Одинъ изъ нихъ—Гершъ, единственный рабочій у своего хозяина-еврея—работалъ, какъ выяснилось, по 21 часу въ сутки. Глядя на его несчастную, изможденную фигурку и на кроткую улыбку на его лицѣ, при разсказѣ объ этихъ чудовищныхъ «условіяхъ труда» вполнѣ можно было повѣрить ему. Всѣ присутствовавшіе булочники, безъ различія національности (были тутъ великороссы, хохлы, нѣмцы и поляки), прониклись вдругъ энтузіазмомъ къ его страданіямъ, превзошедшимъ всю хорошо имъ знакомую каторгу производства основной пищи людей,—и съ громкими криками «ура» принялись качать сконфуженнаго Герша. О, это качанье зове много-много значило для множества бывшихъ тутъ безсознательныхъ антисемитовъ!

Немного раньше произошла смѣшная исторія. Бабы и мужики, явившіеся вслѣдъ за своими кувшинами и ребятами, не покидали своихъ зрительныхъ позицій, когда уже всѣ кувшины давно были опростаны. Ораторъ говорилъ о 1-мъ мая, приглашая булочниковъ и на будущее время не забывать этого рабочаго праздника. Булочники, уже заряженные достаточной дозой электричества, въ готовности къ завтрашней забастовкѣ, отвѣчали громкими криками «ура!» Вдругъ я слышу за ихъ голосами тонкіе бабьи голоса, тоже кричащіе «ура!» Гляжу: бабы весело машутъ пустыми кувшинами и заявляютъ свою солидарность! Врядъ ли поняли онѣ, о чемъ рѣчь, но заразились настроеніемъ. Теперь—кто знаетъ?—можетъ быть, и онѣ понимаютъ...

Наконецъ, все и всѣмъ было разъяснено и разъяснено. Съ босяками-ех-булочниками, поторговавшись, заключили договоръ: 10 рублей въ сутки на пропой—и они не пойдутъ къ хозяевамъ. Договоръ заключался съ комичной торжественностью, Алексѣю потомъ пришлось идти къ босяцкому «полиціймейстеру» для его утвержденія, и надо сказать, что договоръ потомъ честно соблюдался, даже, когда руководители стачки попали въ тюрьму, и некому было взносить условленную контрибуцію... Солнце уже заходило, когда мы, выпроводивъ постепенно всѣхъ изъ лѣсу, сами двинулись въ путь.

Косые лучи солнца изъ-за Днѣпровскихъ горъ падали сквозь высокія колонны сосенъ и ярко выдѣляли на пескѣ и прошлогднихъ иглахъ диловыя пятна огромныхъ «сновъ». Мы шли, позабывъ о неудачахъ начала дня и полные надеждъ на завтрашній день. Алексѣй, чувствуя себя героемъ событія, разсказывалъ мнѣ свою біографію. Матвѣй шелъ съ другой стороны и вспоминалъ какіе-то стихи. Это была поэтическая душа.

Алексѣй, родомъ изъ Переяславля, былъ прежде пекаремъ въ пекарнѣ своего роднаго брата-хозяина. По его же словамъ, онъ былъ «звѣремъ до рабочихъ», стараясь соблюсти, какъ можно лучше братній интересъ. Потомъ попалась ему въ руки какая-то социалистическая брошюрка—«и какъ обухомъ по головѣ меня ударило». Цѣлую ночь онъ не спалъ, дня три ходилъ, какъ потерянный, потомъ сразу и цѣликомъ обернулся въ сторону рабочихъ. Сталъ ихъ во всемъ защищать. Конечно, братъ его скоро выжилъ изъ дому, но, какъ отличный мастеръ, онъ скоро нашелъ другое мѣсто. Съ тѣхъ поръ его задачей стало общее рабочее дѣло, дѣло самоосвобожденія. Переворотъ, съ нимъ случившійся, не остался тайной для міра булочниковъ, и вотъ—первопричина завоеваннаго имъ уваженія. Разставаясь съ нимъ, скажу безъ прикрасъ,—я былъ счастливъ, что такъ близко видалъ примѣръ могучаго дѣйствія нашей идеи на твердыя сердца.

И все же мнѣ какъ-то не вѣрилось въ дѣйствительный успѣхъ всего предпріятія—не потому, чтобы смущала его все же импровизированность, не потому, чтобы внушала страхъ сила хозяевъ надъ

такимъ первобытнымъ народомъ, какъ только что видѣнные мною булочники и не потому, наконецъ, чтобы грозили крушеніемъ нашимъ планамъ неизбѣжныя полицейскія репрессіи—нѣтъ, всѣ эти неблагопріятные шансы съ избыткомъ перевѣшивались ярко выразившимся на сходкѣ колоссальнымъ запасомъ рабочей ненависти противъ хозяйскаго живодерства. Но какъ то казалось несбыточнымъ такое дѣло, какого никогда еще не видано было не только въ Кіевѣ, но и вообще на югѣ Россіи: одновременное и согласное возстаніе противъ застарѣлыхъ порядковъ одного изъ самыхъ «смирныхъ» «цеховъ» по цѣлому громадному городу. И была слишкомъ необычна возможность перехода завтра же нашей никому невѣдомой, кротовьей работы къ широкому и всѣмъ бьющему въ глаза воплощенію. Однако за нами стояло, нами руководило что-то громадное, далеко превосходящее наши малыя силы, и отъ того все, что для насъ было почти невѣроятно, совершилось. Видно, и въ нашихъ мѣстахъ приходилъ конецъ пресловутому долготерпѣнію россійскаго народа, считавшемуся его тысячелѣтне испытаннымъ свойствомъ.

Слѣдующій день, воскресенье, прошелъ въ тревогѣ и неизвѣстности, ибо мы съ Николаемъ и булочниками, руководителями условились не видѣться въ этотъ день, чтобы не рисковать, при началѣ стачки, навести на ея слѣдъ какихъ либо ищеекъ. Внѣшнихъ же признаковъ стачки нельзя было замѣтить, т. к. моментомъ ея начала были 12 час. дня, и, слѣдовательно, хлѣбъ имѣлся въ булочныхъ все воскресенье. Обѣщанную Кіевскимъ комитетомъ первую помощь въ видѣ 35 рублей для пополненія стачечной кассы (булочники собрали между собой что-то около 20 руб.) и отпечатанныхъ 2 сотенъ стачечныхъ прокламацій я переслалъ въ стачечный комитетъ еще въ субботу вечеромъ. Надо признаться, что «прокламаціи» эти никуда не годились. У Кіевскаго комитета дѣла были, по обыкновенію, весьма плохи, типографія своя еще лишь налаживалась послѣ бывшаго за годъ передъ тѣмъ «провала»; нашъ заказъ былъ сданъ комитетомъ на руки существовавшей тогда организаціи гимназистовъ, подъ названіемъ «Молодая Россія», выпускавшей гектографированный журналъ этого же имени. Пока я находился на описанной сейчасъ сходкѣ, безъ меня пучекъ гектографированныхъ прокламацій былъ принесенъ запыхавшимся меркуріемъ «Молодой Россіи», подъ его гимназической блузой; увы! отпечатки вышли столь слабы, что на бумагѣ видны были лишь блѣдныя души буквъ и невѣдомы читателю остались ни горячія слова воззванія, ни также, что всего хуже, 11 пунктовъ предъявляемыхъ хозяевамъ требованій! Вотъ въ какихъ условіяхъ приходилось работать россійскимъ соціалдемократамъ. Какъ никакъ, «прокламаціи» были переданы Николаемъ булочникамъ, а тѣ ихъ ночью разнесли по мастерскимъ, стучась въ окна подваловъ и бросая ихъ въ открывшуюся на стукъ форточку со словами: «вотъ тебѣ письмо отъ тетки изъ деревни!» Сильно насъ ругали булочники за неудобочитаемость листковъ: вѣдь листки такая важная вещь для подымаемой массы!

Плохо проспавъ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, я утромъ съ бьющимся сердцемъ побѣжалъ въ мелочную лавочку за хлѣбомъ. Войдя въ лавку, я еле ротъ могъ раскрыть отъ волненія, и мнѣ казалось, что лавочникъ на лицѣ моемъ долженъ ясно читать ужасную тайну. Все таки я спокойно спросилъ два фунта «калача», успѣвъ впрочемъ, съ замираніемъ сердца, уже убѣдиться, что на полкахъ хлѣба не видно. Лавочникъ быстро отвѣчалъ: «хлѣба нѣтъ сегодня, и не будетъ». «Какъ такъ?» еле пролепеталъ я,—языкъ у меня во рту положительно не ворочался.—«Да такъ, что во всемъ городѣ всѣ булочники и хлѣбопеки взбунтовались!»—«Что вы! не можетъ быть!» нашелъ еще я силу выразить свое изумленіе, для вящаго соблюденія «конспираціи» и затѣмъ стрѣлою помчался домой удостовѣрить своимъ великолѣпное событіе. Потомъ я пошелъ на ближайшій рынокъ, гдѣ помѣщалась одна изъ крупныхъ пекарень города, принадлежавшая Антоненку. Вхожу туда—вижу въ кассѣ хозяина, за пустымъ прилавкомъ пару продавщицъ, распродающихъ послѣдній черствый хлѣбъ. Съ невиннымъ видомъ спрашиваю: «развѣ не пекли сегодня?» Получаю сердитый отвѣтъ: «не пекли», и больше никакихъ объясненій. Хозяинъ въ кассѣ сидитъ, какъ сычъ въ дуплѣ, и подозрительно тебя оглядываетъ, какъ будто прикидываетъ къ тебѣ мѣрку—не ты ли возмутитель и подстрекатель? Конечно, поторопился убраться по добру, по здорову. На бульварѣ близъ рынка вижу группы сидящихъ безъ дѣла—въ ожиданіи, не сдадутся ли хозяева—рабочихъ булочниковъ. Но хозяева, конечно, не сдавались. Подумайте: вмѣсто 363 дней въ году, дерзкіе рабы желаютъ отдавать хозяину лишь 315 дней, оставляя себѣ—неслыханное дѣло! 4 воскресенья въ мѣсяцъ; вмѣсто 17—20 часовъ они соглашаются потѣть около печей лишь полъ сутокъ, да и то съ опредѣленнымъ перерывомъ ($1^1/_2$ ч.) на обѣдъ и завтракъ! Посчитайте-ка: въ сутки это убавляется около 6 часовъ эксплуатаціи, въ 315 сутокъ $315 \times 6 = 1890$ часовъ, да 48 дней «прогульныхъ» $48 \times 18 =$ по меньшей мѣрѣ, 864 часа, а всего $864 + 1890 = 2754$ часа долой съ каждаго человѣка! Вѣдь это, какой хотите, хозяинъ оскорбится. Придется каждому хозяину увеличить число рабочихъ, по крайней мѣрѣ, на половину. А они, сверхъ того, требуютъ платы, вмѣсто 15—20 руб. на брата, по 25, пекарю, вмѣсто 25—30, по 40 руб., да мальчишкамъ ученикамъ, этимъ безплатнымъ «попихачамъ» по 10 руб. Вѣжливаго обращенія! гигіеническихъ мастерскихъ! отдѣльныхъ помѣщеній для житья!

Къ обѣду мы не могли больше сидѣть спокойно въ нашей тѣсной квартирѣ, и рѣшили пойти пройтись по улицамъ, не увидимъ ли какихъ болѣе опредѣленныхъ проявленій хода событій. Мы снарядили въ походъ все наше маленькое семейство, и, толкая передъ собой въ высшей степени «конспиративную» вещь—дѣтскую коляску съ спящимъ въ ней младенцемъ, направились сперва опять къ тому же рынку.

Толпы праздныхъ булочниковъ теперь запруживали его. На ихъ лицахъ можно было прочитать только ожиданіе да рѣшимость вести себя «по хорошему», не дѣлать «безобразіевъ» (выражаясь полицейскимъ жаргономъ). По другой сторонѣ прилегающей къ рынку улицы вдругъ показался нашъ Матвѣй. Онъ, повидимому, дѣлалъ смотръ

товарищамъ этой части города и укрѣплялъ ихъ въ стойкомъ сопротивленіи. Онъ замѣтилъ меня, и весело, и «конспиративно» подмигнулъ, будто говоря: «не безпокойтесь, все въ порядкѣ!» и затѣмъ красивый профиль его рябоватаго лица, его сѣрая шляпа и праздничный костюмъ промелькнули передъ нами, быстро исчезая въ другую часть города. На углахъ топтались безъ дѣла одинокія фигуры: «ага, шпики!» подумали мы, не сказавъ между собой ни слова.

Здѣсь было еще нѣсколько булочныхъ, — принадлежавшихъ туркамъ [1]). Съ ними трудно было справиться рабочимъ, ибо половина персонала у нихъ состояла изъ своихъ родственниковъ, выписанныхъ изъ Турціи и участвовавшихъ долею въ прибыляхъ. Мы заглянули въ эти пекарни: забастовка дѣйствовала все же и здѣсь, ибо на полкахъ видны были исключительно однѣ французскія булки, совершенно при томъ бѣлыя, недопеченныя. Какъ я узналъ потомъ, турки хозяева старались нагнать прибыль тѣмъ, что день и ночь выпекали этотъ лишь сортъ хлѣба, моря на работѣ и самихъ себя, и свою родню. За кассой я съ удивленіемъ увидалъ толстаго помощника пристава въ фурмѣ оказалось, вышло распоряженіе, въ предупрежденіе вздорожанія хлѣба, наблюдать за продажей чинамъ полиціи. То то хозяева были довольны этимъ благосклоннымъ участіемъ! Вы подумайте только!.. Еще видали мы на рынкѣ необычайное оживленіе среди бабъ, торгующихъ такъ наз. въ Кіевѣ «бабскими» булками. Имъ забастовка пришлась какъ нельзя болѣе кстати.

Вернулись мы домой въ прекрасномъ настроеніи. Намъ ужасно смѣшно было ходить среди толпъ народа, въ изобиліи насыщенныхъ-шпіонами, городовыми и околодочниками, изъ которыхъ каждый выслѣживалъ, какъ какое-то золотое руно, «подстрекателей» и «студентовъ», и оставаться никому невѣдомыми, словно подъ шапкой невидимкой.

Вечеромъ прибѣжалъ Николай, веселый и довольный, и принесъ кучу новостей о стачкѣ. Во первыхъ, забастовка началась дружно всюду въ полдень воскресенья, какъ только посадили въ печь дневное тѣсто. Только въ двухъ трехъ пекарняхъ рабочіе не выдержали характера и бросили работу еще ночью, а готовое тѣсто вышвырнули, въ помойную яму. Иные хозяева полѣзли въ драку, но рабочіе, безъ словъ, уходили домой изъ мастерскихъ. Были стычки, но незначительныя, большею частью, у мальчиковъ съ хозяевами или немногими «вѣрными» пекарями. Ни одной мастерской въ городѣ и предмѣстьяхъ не осталось, гдѣ бы работали. Хозяева самыхъ крупныхъ и благоустроенныхъ мастерскихъ, на Крещатикѣ, (гдѣ условія и раньше были гораздо лучше) сразу выказали готовность къ уступкамъ, но рабочіе заявили, что станутъ лишь вмѣстѣ съ прочими. Все начальство въ городѣ, отъ послѣдняго замухрышки «шпика» до жандармскаго генерала (знаменитаго въ своемъ родѣ Новицкаго) и до генералъ-губернатора всполошилось небывалымъ происшествіемъ. Схватились за законы, и тамъ нашли—о, ужасъ! въ ремесленномъ уставѣ блаженныя памяти Великой Екатерины тѣ самые пункты требованій,

[1]) Турки взяли себѣ на вѣчъ спеціальностью булочное ремесло.

которые стояли въ преступныхъ прокламаціяхъ, именно, 12 часовой день, съ 2 часовымъ даже (а не $1^1/_2$ часа) перерывомъ, и, разумѣется, воскресный отдыхъ.

Неожиданное столкновеніе двухъ началъ очень затруднило административныхъ мудрецовъ. Выходъ найденъ былъ чисто-отечественный: съ одной стороны, потащили булочниковъ на допросъ (въ томъ числѣ, побывали и всѣ наши друзья), гдѣ допытывались, кто ихъ мутитъ? (булочники отвѣчали, повторяя уроки предстачечнаго собранія,— «хозяева-молъ жить не даютъ»); съ другой стороны, губернаторъ созвалъ совѣщаніе хозяевъ, гдѣ убѣждалъ ихъ, что противъ закона— нельзя, и обязалъ вывѣсить въ мастерскихъ объявленіе, сообразное съ ремесленнымъ уставомъ. Тутъ же обращалъ ихъ вниманіе, что начальству невозможно впредь обходиться безъ мягкихъ булокъ. Генералъ-губернаторъ же (покойный Драгомировъ), для успокоенія публики, объявилъ, что всѣ желающіе могутъ получать въ изобиліи... солдатскій хлѣбъ изъ казармъ, по дешевой цѣнѣ. (Надо замѣтить, что о всемъ, происходившемъ въ «высшихъ сферахъ» успѣлъ узнать тотъ же Матвѣй, такъ какъ его «вольная» жена состояла кухаркой у мѣстнаго прокурора, а прокуроръ, въ домашнемъ быту, очень любилъ перемыть косточки власть имущимъ, кухарка же считалась въ домѣ своимъ человѣкомъ: вотъ какъ на свѣтѣ тѣсно связано «высокое» съ «низкимъ»!)

Все, разсказанное Николаемъ, подымало наше самочувствіе гораздо больше, чѣмъ можетъ казаться нынѣшнему читателю. Не то даже было главное, что стачка, несомнѣнно, удалась, а то, что, наконецъ, и у насъ, кругомъ насъ, «зашевелилось болото проклятое»! Кто живо помнитъ атмосферу рабской скуки, царившую у насъ съ начала восьмидесятыхъ годовъ, тотъ вполнѣ оцѣнитъ всю глубину этого восхитительнаго злорадства (если можно такъ выразиться), овладѣвшаго нами,—чувства, должно быть, хорошо знакомаго освобождавшимся крѣпостнымъ.

Мы условились съ Николаемъ собрать на завтра «стачечный комитетъ» булочниковъ, для болѣе точнаго учета происшедшихъ событій и для выясненія дальнѣйшей борьбы. Но... судьбѣ или (что у насъ весьма близко между собою) полиціи—было угодно иначе. Одинъ изъ числа упоминавшихся «верхнихъ» 5 десятковъ булочниковъ—по имени, помнится, Сашка Козелъ — не выдержалъ, во время допроса, обычныхъ патріархальныхъ «увѣщаній», и—какъ водится—открылъ имена вдохновителей и руководителей предпріятія—слѣд., Матвѣя, Алексѣя, нѣмца Альберта и проч. Всѣхъ ихъ, въ ту же ночь, снова потянули къ отвѣту и ввергнули въ темницу. И намъ ужъ не пришлось видаться ни съ «стачечнымъ комитетомъ», ни съ приготовленными ему на смѣну замѣстителями. Послѣ этого мы оказались совсѣмъ оторваны отъ нашихъ клiентовъ, свѣдѣнія получали лишь отрывочныя, и забастовка, съ первыхъ почти шаговъ, оказалась предоставленной на волю стихій. Теперь ее вела уже сама рабочая масса—масса самыхъ сѣрыхъ, самыхъ неразвитыхъ, самыхъ забитыхъ полу-рабочихъ, полу-мужиковъ. И надо удивляться, что, при этихъ

условіяхъ, стачка длилась, въ общемъ, еще цѣлый мѣсяцъ, отличаясь подчасъ рѣдкостнымъ упорствомъ и самопожертвованіемъ.

Сначала мы съ Николаемъ все же не бросали надежды снова связаться съ булочниками. Мы надѣялись собрать новую «массовку» 1-го мая, въ другомъ лѣсу,—чтобы поддержать «бодрость въ неравномъ бою». Въ виду этого, на другой день послѣ сказаннаго ареста нашихъ друзей, мы отправились розыскивать мѣсто для предполагаемаго собранія. На этотъ разъ путь нашъ лежалъ въ другую сторону окрестностей Кіева—въ Голосѣевскій лѣсъ. Мы, конечно, изъ соображеній «конспираціи», вышли изъ дому отдѣльно, но потомъ сошлись у конки, на томъ же рынкѣ. Въ конку вошли, какъ заговорщики, не глядя другъ на друга. Пока еще конка не двинулась, мы увидали прямо передъ собой, на горѣ, по бульвару необычайное движеніе огромной толпы народа: среди людей ворочались на лошадяхъ казаки, подымались нагайки... Мы сразу вскочили, какъ ужаленные, сердце отчаянно забилось. Мы знали, что тамъ какъ разъ находилось Исправительное отдѣленіе (въ просторѣчіи—не насмѣшка ли?—именовавшееся почему то «Комитетомъ»), гдѣ заточены были герои стачки. Мы бы, конечно, побѣжали туда со всѣхъ ногъ, не глядя на «конспирацію», если бы у насъ не было еще болѣе важнаго дѣла въ виду. Вся публика въ конкѣ пришла тоже въ ажитацію, вновь подходившіе сообщали, что это загоняютъ въ «Комитетъ» толпу булочниковъ-забастовщиковъ. Мы видали, въ иные моменты, въ расчищаемыхъ въ толпѣ «просѣкахъ», красный околышъ и красные лампасы толстаго генерала на лошади... Я какъ будто слышалъ издалека, какъ онъ, хриплымъ голосомъ пьяницы и командира, кричитъ на тысячную толпу зрителей: «разойдитесь! разойдитесь! всѣхъ въ тюрьму упрячу!»...

Конка двинулась. Въ это время ее бѣгомъ догналъ, направляясь отъ «Комитета» толстый человѣкъ съ золотой цѣпью на брюхѣ. Запыхавшись, онъ вскочилъ въ конку на ходу, и принялся вытирать платкомъ бритыя щеки и лысину подъ шляпой. Отдышавшись, онъ изрекъ: «Нехай (пускай) попробуютъ тюремнаго хлѣба, якъ не хочутъ хозяйскаго! теперь станутъ смирнѣе». И расхохотался, ища у публики сочувствія взглядомъ. Однако весь вагонъ молчалъ, какъ и мы (къ стачкѣ булочниковъ, вообще, публика относилась, въ общемъ дружелюбно). Толстый человѣкъ, какъ оказалось изъ его словъ, былъ одинъ изъ хозяевъ бѣгавшій насладиться зрѣлищемъ укрощенія взбунтовавшихся рабовъ. Мы впились въ него глазами, какъ въ личнаго своего врага, и много бы хотѣлось ему сказать... Но всѣ слова застрѣвали въ горлѣ. На другой день мы узнали, въ чемъ было тамъ дѣло. Потерявши организаторовъ, булочники тоже стремились, естественно, возстановить между собою связь, но не знали, какъ это сдѣлать. Они скопились на одной изъ площадей, въ числѣ болѣе 200 человѣкъ. Толковали объ арестѣ товарищей и возмущались. Въ это время подошелъ братъ (второй) Алексѣя—Семенъ, рабочій-хлѣбопекъ, совершенно бывшій до тѣхъ поръ въ сторонѣ отъ движенія, пожилой человѣкъ, за 40 лѣтъ, семейный и (по нынѣшнему) «черносотенный». Этотъ огромный, рыжій, бородатый человѣкъ произнесъ вдругъ зажигательнѣйшую рѣчь объ участи своего брата и прочихъ заключенныхъ, и требовалъ отъ собравшихся, немедленно идти освобождать товарищей изъ нѣдръ «Комитета». Рѣчь новообращеннаго произвела неотразимый эффектъ: вся толпа немедленно повалила къ «Комитету». Окна послѣдняго выходили на улицу, въ окнахъ сидѣли заключенные булочники и, завидя «освободителей», разразились восторженными криками. «Освободители» имъ отвѣчали тѣмъ же, потомъ требовали къ себѣ начальника тюрьмы; тотъ въ отвѣтъ вызвалъ казаковъ и жандармовъ... Послѣдующее понятно: т. е. всѣхъ 200 человѣкъ загнали во дворъ «Комитета». Конечно, продержали ихъ тамъ недолго, на другой день выпустили. Но ихъ поведеніе вѣроятно, принесло свою пользу, распространивъ отвѣтственность первыхъ попавшихся по всей массѣ. По крайней мѣрѣ, за эту стачку пострадали очень мало, и даже Алексѣй и Матвѣй были лишь высланы, просидѣвъ съ мѣсяцъ, въ родные города. Семенъ же весьма прославился между товарищами, и, какъ я потомъ слыхалъ, сталъ усердно почитывать нашу литературу. Задѣло, значитъ, за живое, заговорила элементарное, зоологическое чувство родства!

Остального теченія забастовки я ужъ не могу изложить въ строгой послѣдовательности, принимая во вниманіе, въ какое и сама она перешла хаотическое состояніе.

Полиція, конечно, всячески поощряла рабочихъ къ работѣ. Сначала думали прекратить «безобразіе» кулакомъ; рабочихъ, какъ овецъ, загоняли въ мастерскія затрещинами, пинками и зуботычинками; но они сейчасъ же снова уходили, не внемля угрозамъ—полиціи приходилось разводить руками, познавая на горькомъ опытѣ, какъ безсильна «политика» передъ «экономикой». Впрочемъ болѣе богатые и болѣе упорные хозяева (особенно, изъ нѣмцевъ) давали полицейскимъ хорошую премію за укрощеніе строптивыхъ и за возвращеніе ихъ на путь истины. Тогда къ услугамъ хозяевъ отпускались болѣе значительные отряды сихъ дѣлъ мастеровъ, и послѣдніе принимали экстренно-энергическія мѣры: въ нѣсколькихъ мастерскихъ изловленные и загнанные въ подвалъ хлѣбопеки окружались нарочитою стражей и прямо принуждались къ работѣ. Вы можете себѣ представить, какъ усердно шла здѣсь работа изготовленія хлѣба и что за хлѣбы были ея естественнымъ результатомъ! Достаточно сказать, что этотъ способъ производства не получилъ значительнаго распространенія, а рабочіе такихъ мастерскихъ были наиболѣе упорными стачечниками: чуть ослабѣетъ охрана, они снова бросали свою каторгу...

Большею частью хозяева (за исключеніемъ упомянутыхъ турокъ, у которыхъ все же имѣлся хоть половинный персоналъ рабочихъ), старались поддерживать производство иными мѣрами. Разсказывали намъ о богачѣ хозяинѣ, владѣльцѣ нѣсколькихъ домовъ и нѣсколькихъ пекаренъ въ разныхъ концахъ города, поставившемъ на работу своихъ дворниковъ, нанявшемъ на подмогу солдатъ, городовыхъ; за пекаря былъ онъ самъ: болѣе двадцати лѣтъ онъ не прикасался къ тѣсту, не жарился у печи, а здѣсь, совлекши съ себя парадный цилиндръ, бѣлыя перчатки, множество перстней и золотыя часы, опоясывался передникомъ и принимался помахивать лопатой. Тяжело досталось облѣнившемуся буржуа возвращеніе къ полузабытому ремеслу!

Если же принять во вниманіе, что городовые и дворники болѣе всего заставляли вспоминать изреченіе «услуга намъ при нуждѣ дорога...», то понятно станетъ, много ли успѣли этотъ и другіе хозяева учесть, въ свою пользу, прибавочной стоимости отъ трудовъ своихъ импровизированныхъ рабочихъ.

Очень скоро отдѣльные хозяева стали идти на уступки, какъ ни упирались вначалѣ и какъ сперва ни надѣялись на всемогущество полицейскаго искусства. Лишенные руководства, рабочіе нерѣдко шли на сдѣлку. Но, во-первыхъ, хозяева немедленно же принимались, какъ водится, забывать договоръ [1]) и преслѣдовать «зачинщиковъ»; во-вторыхъ, въ разныхъ мастерскихъ устанавливать разныя условія труда: рабочимъ становилось обидно, и они снова, въ разныхъ мѣстахъ, бросали работу; потомъ снова принимались, опять бросали... Примѣрно, къ концу второй недѣли, полиція всюду махнула рукой на рабочихъ, и предоставила «экономику» ея естественному теченію: трудно вѣдь въ самомъ дѣлѣ что-нибудь подѣлать съ рабочими, разсѣянными по всему городу и прячущимися по квартирамъ друзей и родныхъ—труднѣе даже, чѣмъ на большихъ заводахъ съ ихъ рабочими казармами. Естественный же процессъ колебался между двумя полюсами: съ одной стороны, крупныя пекарни (напримѣръ, Кирхгейма на Крещатикѣ) пошли на всѣ условія, требуемыя рабочими и добросовѣстно ихъ соблюдали; съ другой, было множество мелкихъ, захудалыхъ пекаренъ, которыя «по совѣсти» не могли ничего уступить рабочимъ, ибо только и держались, что варварской эксплуатаціей труда. Рабочіе всюду подзадоривались успѣхомъ «кирхгеймскихъ», а захудалыя мастерскія предпочитали закрыться, чѣмъ согласиться. Цѣлый мѣсяцъ и продолжался процессъ установленія равновѣсія въ разныхъ мастерскихъ, глядя по близости даннаго предпріятія къ одному изъ сказанныхъ полюсовъ. Для захудалыхъ исторія кончалась, по большей части, закрытіемъ: помню, потомъ я въ разныхъ концахъ города натыкался на зловѣще забитыя окна бывшихъ булочныхъ, съ надписью «нанимается магазинъ» (это по-кіевски означаетъ «сдается въ наймы»). Повліяло на судьбу многихъ хозяевъ и то, что они связали себя неустойками по контрактамъ съ учебными заведеніями и проч. учрежденіями, куда они поставляли хлѣбъ: уплата неустоекъ ихъ разорила. Надо еще упомянуть, что и отцы города съ ихъ «санитарными комиссіями» вдругъ очнулись отъ нормальнаго для нихъ забвенія и стали составлять протоколы на хозяевъ за анти-санитарное состояніе рабочихъ помѣщеній; по такимъ протоколамъ прикрылось тоже до десятка пекаренъ. Словомъ,—стачка, какъ и всѣ ея сестры во всемъ мірѣ, обратилась къ благополучію крупнаго капитала въ данной отрасли и разорила хозяйскую мелочь. Рабочимъ не приходилось однако объ этомъ жалѣть: общее сокращеніе рабочаго дня требовало во всѣхъ мастерскихъ увеличенія рабочаго контингента—стали устанавливаться двѣ 12 часовыя смѣны. И какъ ни старались потомъ многіе хозяева отнять у

[1]) Къ вышеупомянутымъ, по приказу начальства, правиламъ о порядкѣ работъ на хозяева, ни рабочіе серьезно не относились: всѣмъ извѣстно, какъ у насъ, вообще, относятся къ „закону". Регуляторомъ фактически служили именно сдѣлки.

рабочихъ все завоеванное, но установившееся новое отношеніе равновѣсія было ужъ очень трудно уничтожить. И, напримѣръ, 4 свободныхъ, «выходныхъ» дня въ мѣсяцъ для каждаго рабочаго остались съ тѣхъ поръ въ кіевскомъ булочномъ производствѣ ненарушимо. Слѣдовательно, рабочіе стали похожи на огромное большинство «счастливыхъ» рабочихъ, могущихъ хоть разъ въ недѣлю повидать свою семью [1]).

Разскажу еще нѣсколько эпизодовъ, рисующихъ отраженіе нашей стачки на жизни кіевскаго населенія. Какъ движеніе самыхъ нижнихъ, самыхъ темныхъ, «безсознательныхъ» элементовъ общества, она отразилась сильнѣе всего именно на такихъ же темныхъ слояхъ, не помышлявшихъ ранѣе ни о какой борьбѣ. Заволновалась, напримѣръ, прислуга у «господъ» въ городѣ. Въ началѣ стачки можно было слышать часто, что прислуга отбилась вовсе отъ работы: не спросясь убѣгаетъ изъ дому, пропадаетъ по лавочкамъ, на улицѣ, гдѣ событіе подвергалось всестороннему анализу. Этажемъ ниже насъ жилъ мелкій почтовый чиновникъ съ женой и двумя ребятишками. У нихъ была прислуга—Маруся, деревенская дѣвочка лѣтъ 17. По ея молодости и глупости, ей платили не болѣе 1½ рубля въ мѣсяцъ, заставляя, сверхъ кухонной и комнатной работы, еще вязать чулки и вышивать «мережки» на господъ: таковъ былъ, впрочемъ, ихъ уговоръ съ ея добрыми родителями. И вотъ забастовка булочниковъ повліяла на нее, словно первая въ жизни рюмка вина. Она вдругъ впала въ буйное состояніе и объявила своимъ хозяевамъ: «не хочу, тай не хочу на васъ робити! Отъ забастую, та й годі—що ви мені зробите?» Ея хозяева ротъ открыли отъ изумленія и словомъ не осмѣлились ей перечить. Они и сами не понимали, что это за новая сила грядетъ—стачка—и опасались, что теперь, вообще, свѣтъ навыворотъ пойдетъ: прислуга сверху, а «господа» подъ низомъ... Такъ Маруся и прогуляла безпрепятственно дня два, да и потомъ уже не съ такимъ усердіемъ безплатно «мережила» хозяевамъ, строптивость осталась; «господа» же стали смирнѣе, перестали такъ щедро награждать ее оплеухами.

Другой случай еще больше насъ тронулъ. Въ одно воскресенье, по дѣлу о стиркѣ бѣлья, намъ пришлось заглянуть къ прачкѣ, женѣ сосѣдняго дворника (дворники въ Кіевѣ въ то время мало имѣли понятія объ обязанностяхъ охранной политики). Въ темной дворницкой набралось человѣкъ пятнадцать землекоповъ и каменщиковъ съ сосѣдней постройки. Дворникъ, человѣкъ старый, читалъ имъ вслухъ... нашу несчастную, злополучную, неудобочитаемую прокламацію къ булочникамъ! Съ великимъ трудомъ онъ выискивалъ и вычитывалъ отдѣльныя слова и полу-фразы и, къ нашему искреннему удивленію, напряженно-молчавшіе слушатели что-то умудрялись понимать—и очень одобряли требованія булочниковъ близкія и ихъ сердцу...

Еще одинъ эпизодъ имѣлъ связь съ матеріальной помощью, по-

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что сейчасъ же послѣ стачки стали въ Кіевѣ заводиться „механическія" пекарни, гдѣ трудъ вымѣшиванія тѣста замѣняется работою машины. Это—еще одна иллюстрація „концентраціи" производства, т. е. прогресса капитала. Именно *этимъ путемъ*, а вовсе не поощреніемъ капиталистической эксплуатаціи марксизмъ содѣйствуетъ такому прогрессу. Говорю потому, что до сихъ поръ сильны у насъ по этой части предразсудки.

лученной булочниками отъ Кіевскаго с.-д. комитета. «Помощь» эта состояла въ первоначально-данныхъ 35 рубляхъ и еще въ нѣсколькихъ десяткахъ рублей, переданныхъ мною изъ доброхотныхъ пожертвованій черезъ Николая—это на всѣхъ забастовщиковъ 150 мастерскихъ! При всей ея мизерности, «помощь» эта получила широкую славу: всюду народъ трубилъ, что оттого булочники крѣпко могутъ держаться, что «студенты» помогаютъ. И вотъ однажды, еще во время забастовки одинъ чиновникъ—велосипедистъ, съ виду, вѣроятно, чѣмъ-то напоминавшій «студента», сдѣлался (разсказываю непосредственно съ его словъ) объектомъ своеобразной «петиціи»: проѣзжая вдоемъ съ пріятелемъ на велосипедѣ, за городомъ, мимо кирпичныхъ заводовъ (гдѣ, какъ извѣстно, работа ограничивается лѣтнимъ сезономъ и рабочіе набираются изъ деревенскихъ пролетаріевъ) они вдругъ увидали двухъ рабочихъ, бросившихся передъ ними на колѣни и умолявшихъ: «господа студенты, зробіть и намъ таку стачку, якъ булочникамъ». Чиновникъ и его пріятель много смѣялись наивной просьбѣ—они смѣялись именно тому, что—вотъ молъ ваши созидатели будущаго строя рабочіе!..

Впрочемъ Кіевскій комитетъ получилъ гораздо больше пожертвованій на эту стачку, чѣмъ сказанная «помощь». Стачка вызвала огромное сочувствіе и давали деньги охотно. Всего было собрано до 850 руб.—огромныя деньги для Кіева въ то время. Часть ихъ—150 р. какъ сейчасъ помню, пришла изъ Берлина. Но мы ужъ не могли доставить ихъ по назначенію. Такъ онѣ и поступили въ стачечный фондъ Кіевскаго комитета. Былъ однако одинъ случай, когда у насъ было очень сильное побужденіе тронуть эти деньги для передачи, помимо всякихъ «конспиративныхъ» посредниковъ. Въ подвалѣ нашего дома жилъ пожилой булочникъ рабочій съ 6-ю дѣтьми, работавшій въ одной изъ ближайшихъ пекаренъ. Ихъ хозяинъ оказался исключительно злостенъ и упоренъ. Цѣлый мѣсяцъ онъ отказывался отъ какихъ либо уступокъ. Но и рабочіе не становились на работу на прежнихъ условіяхъ, въ томъ числѣ и нашъ сосѣдъ. Мы постепенно узнавали, какъ онъ и его семья прожили послѣдніе гроши, какъ распроданы утварь, заложили зимнее пальто отца семейства—и все-таки послѣдній не шелъ кланяться хозяину, но искалъ себѣ другой, «черной» работы. Сладко, значитъ, приходилось ему въ «бѣдой» работѣ! Мы ломали голову, какъ бы ему помочь, не нарушая въ то же время строгихъ тисковъ «конспираціи». Но—каюсь—послѣдняя, перевѣсила: я не рѣшился подвергать риску все дѣло, при извѣстной мнѣ уже достаточно способности булочниковъ соблюдать секретъ. Можетъ быть, эта «конспиративность» была и преувеличенной, но изъ нея читатель можетъ наглядно судить объ атмосферѣ нашей тогдашней с.-демократической работы. Каждый шагъ обставлялся тысячею предосторожностей. Булочникъ дѣйствительно досталъ себѣ «черную» работу—кажется, сталъ крючникомъ въ подольской гавани, хозяину же его пришлось прикрыть свое дѣло.

Скажу въ заключеніе, что знаю о судьбѣ нѣкоторыхъ упоминавшихся мною здѣсь личностей. Ювелиръ Абрамъ, послѣ нѣсколькихъ отсидокъ въ тюрьмѣ, года черезъ три, предпочелъ перебраться

въ Америку, гдѣ нынче вовсе объамериканился и съ жалостью вспоминаетъ дикую родину, гдѣ «сознательнымъ» рабочимъ вести знакомство между собою, а тѣмъ паче съ «интеллигентами», можно было лишь украдкой, съ опасностью для жизни. Николая сильно стали преслѣдовать шпіоны послѣ стачки, ибо упомянутый Сашка Козедъ описалъ его примѣты жандармамъ какъ оратора, говорившаго на предстачечномъ собраніи. Чтобы избавить его отъ неминуемаго «провала», мы его потихоньку «сослали» въ Черниговъ, гдѣ онъ проскучалъ мѣсяца 2 и затѣмъ вернулся въ Кіевъ, «очищенный» этимъ «карантиномъ»: въ самомъ дѣлѣ, шпіоны его явно позабыли, и онъ остался цѣлъ. Въ дальнѣйшемъ его личная судьба какъ-то сдвинула его съ революціоннаго пути, и онъ исчезъ изъ поля моего зрѣнія. Отъ Алексѣя и Матвѣя я долго еще получалъ поклоны черезъ товарищей по адресу «петербургскаго булочника». Не знаю, что съ ними, но, если остались цѣлы, то навѣрное въ недавнихъ событіяхъ принимали не послѣднее участіе.

На массу же кіевскихъ булочниковъ ихъ чисто «экономическая» забастовка оказала сильнѣйшее дѣйствіе, въ смыслѣ политическаго—иначе, «классоваго»—воспитанія. Не прошли даромъ ни полицейскіе побои, ни жандармскія «увѣщанія», допросы, угрозы и высылки. Въ слѣдующіе 2 года произошли въ Кіевѣ энергичныя уличныя манифестаціи ярко-политическаго характера. И, какъ мнѣ писали мои корреспонденты изъ Кіева (я жилъ уже въ другомъ концѣ Россіи), булочники принимали въ нихъ живѣйшее участіе, всегда выступая дружнымъ, сплоченнымъ отрядомъ.

Такъ скоро и основательно прошли они наглядный курсъ классоваго воспитанія.

Иванъ Диброва.

КЪ ДѢЛУ КАРАКОЗОВА.

Съ настоящей запиской мнѣ удалось ознакомиться по копіи, посланной предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи графомъ М. Н. Муравьевымъ предсѣдателю Верховнаго уголовнаго суда П. П. Гагарину въ сопровожденіи нижеслѣдующаго письма:

16 августа 1866 г.

Милостивый государь

Князь Павелъ Павловичъ!

Во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія имѣю честь препроводить при семъ къ Вашему Сіятельству копію со всеподданнѣйшей моей записки отъ 9-го сего августа съ послѣдовавшей на ней Высочайшей резолюціей.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Графъ М. Муравьевъ.

Записка эта является прекраснымъ матеріаломъ для объясненія наступившей послѣ покушенія Каракозова 4 апрѣля 1866 г., въ высшихъ сферахъ сильнѣйшей реакціи. Характерна между прочимъ послѣдняя часть этой записки. Изъ нея видно, что Муравьевъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, всякимъ поворотомъ «высшихъ сферъ» вправо, для возбужденія ихъ противъ поляковъ и принятія противъ послѣднихъ различнаго рода карательныхъ мѣръ.

П. Гуревичъ.

Всеподданнѣйшая записка предсѣдателя слѣдственной комиссіи по дѣлу о злоумышленіи 4 апрѣля 1866 г. графа М. Муравьева [1]).

Въ истекшемъ іюнѣ мѣсяцѣ я всеподданнѣйше повергалъ на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества обзоръ обнаруженныхъ, состоящею подъ моимъ предсѣдательствомъ слѣдственной комиссіей, фактовъ, по дѣлу о злоумышленіи 4 апрѣля и соотношеніяхъ къ этому преступленію разныхъ соціалистическихъ, съ революціонной цѣлью сообществъ и отдѣльныхъ личностей, стремящихся къ ниспроверженію существующаго порядка.

Въ настоящее время порученное комиссіи дѣло, равно производство Московской Комиссіи о главныхъ и ближайшихъ участникахъ преступленія, преданы на разсмотрѣніе Верховнаго Уголовнаго Суда.

Остальныя затѣмъ, болѣе или менѣе прикосновенныя къ дѣлу лица, должны подлежать, сообразно степени ихъ вины, административнымъ взысканіямъ, по предварительному о томъ соглашенію съ шефомъ жандармовъ и съ Высочайшаго соизволенія, согласно существующему нынѣ порядку.

Окончивъ такимъ образомъ возложенное на меня Высочайшею волею порученіе, по изслѣдованію злоумышленія 4 апрѣля, я осмѣливаюсь испрашивать Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія на освобожденіе меня отъ дальнѣйшихъ занятій по предсѣдательствованію въ слѣдственной комиссіи.

Комиссія сія дѣлала все, что могла, насколько это было возможно, путемъ оффиціальнаго изслѣдованія, къ открытію зла, и хотя ближайшіе дѣятели злоумышленія и самыя связи революціонныхъ сообществъ достаточно обнаружены, но, конечно, остались сокрытыми еще многіе зловредные элементы, ибо всегда главные и тайные руководители политическихъ сообществъ, чѣмъ высшее имѣютъ въ нихъ значеніе, тѣмъ болѣе ограждаются таинственностью даже отъ своихъ единомышленниковъ, и потому не иначе могутъ быть открыты, какъ продолжительнымъ, тщательнымъ полицейскимъ наблюденіемъ и секретными розысканіями.

Хотя нѣкоторые изъ арестованныхъ главныхъ революціонныхъ агентовъ упорно запираются и тѣмъ самымъ отнимаютъ возможность

[1]) На этой запискѣ, представленной 9 августа 1866 г., Александромъ II была положена слѣдующая резолюція: „Записку эту внести въ комиссію подъ предсѣдательствомъ князя Гагарина. На увольненіе гр. Муравьева отъ предсѣдательствованія въ слѣдственной комиссіи согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы имъ представлена была подробная записка съ его мнѣніемъ, какъ поступить съ тѣми лицами, которыя подлежать будутъ только административнымъ взысканіямъ".

путемъ формальнаго изслѣдованія обнаружить тайныхъ вліятельныхъ руководителей и дѣятелей, но общій ходъ дѣла ясно указываетъ, что таковые, скрываясь въ столицахъ, поддерживали сношенія съ революціонными заграничными агитаторами, а редакторы и сотрудники нѣкоторыхъ журналовъ, раздѣляя противоправительственныя идеи, систематически распространяли въ продолженіе многихъ лѣтъ всевозможныя разрушительныя ученія, стремящіяся къ ниспроверженію порядка и государственнаго управленія.

Лица сіи, болѣе или менѣе состоящія уже на замѣчаніи правительства, были въ сношеніяхъ съ государственными преступниками: *Михайловымъ*, *Чернышевскимъ*, *Серно-Соловьевичемъ* и другими, и вмѣстѣ со своими сотрудниками по редакціи, составляли тѣ соціалистическія противоправительственныя средоточія (кружки), которыя при слабости мѣстнаго надъ ними надзора, прикрываясь легальностью предоставленнаго имъ права изданія, безвозбранно группировали вокругъ себя всѣ нечистые и зловредные элементы общества и гласно, посредствомъ своевольной прессы и привлеченія къ себѣ молодого поколѣнія, громили основу общественной нравственности и государственнаго строя.

Комиссіей также обнаружены въ столицахъ нѣкоторые отдѣльные тайные дѣятели, которые подъ фирмою литературныхъ занятій были руководителями разныхъ соціалистическихъ изданій, переводовъ, учебниковъ для народа и иныхъ книгъ, въ видахъ распространенія соціалистическаго ученія. Они также были участниками въ составленіи разныхъ обществъ, читаленъ, артелей, безплатныхъ школъ и иныхъ учрежденій, имѣвшихъ цѣлью подъ видомъ благотворенія, соединять и объединять въ соціалистическомъ и противоправительственномъ направленіи мысли молодого поколѣнія.

Изъ сихъ отдѣльныхъ дѣятелей болѣе замѣчательны: артиллеріи полковникъ Лавровъ, преданный нынѣ военному суду; отставной подполковникъ Путята, бывшій преподаватель во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ; Константиновъ, помощникъ инспектора Императорскаго Училища Правовѣдѣнія; соумышленникъ его, бывшій студентъ Линевъ, недавно еще открывшій книжный магазинъ на Васильевскомъ островѣ; кандидатъ Албертинъ, помощникъ редактора С.-Петербургскихъ Вѣдомостей; поручикъ инженеровъ путей сообщенія Михайловъ, учредитель безплатной школы съ нигилистическимъ направленіемъ; Яковлевъ, титулярный совѣтникъ, теперешній мировой судья, у котораго былъ общій съ извѣстнымъ по нигилистическому направленію служащимъ въ Правительствующемъ Сенатѣ губернскимъ секретаремъ княземъ Голицынымъ, книжный магазинъ съ читальней при немъ, куда собирались члены разныхъ соціалистическихъ обществъ, составляли онымъ уставы и вводили въ дѣйствіе безъ разрѣшенія правительства; бывшій редакторъ журнала «Русское Слово», кандидатъ университета Благосвѣтловъ; кандидатъ Евгеній Печаткинъ, давно извѣстный своей политической неблагонадежностью, имѣвшій большой книжный магазинъ и переплетную артель, о закрытіи коихъ мною сообщено Министру Внутреннихъ Дѣлъ; студентъ С.-Петербургскаго университета Рождественскій, составитель вмѣстѣ съ полковникомъ Лавровымъ и

подполковникомъ Путятою устава издательской артели не разрѣшеннаго правительствомъ, но приведеннаго въ исполненіе. Кромѣ упомянутыхъ, есть еще иныя личности, видимо неблагонадежныя, но противъ которыхъ не имѣется достаточно юридическихъ обличительныхъ фактовъ, въ особенности нѣкоторыя женщины, самаго крайняго нигилистическаго направленія, участвующія въ преподаваніи въ разныхъ безплатныхъ школахъ, учрежденныхъ ими, швейныхъ и иныхъ заведеніяхъ, а также соединяющія у себя и въ сихъ заведеніяхъ, на вечерахъ, разныя лица, извѣстныя соціалистическимъ направленіемъ. Обо всѣхъ сихъ лицахъ предполагается сдѣлать въ свое время, какъ сказано выше, соотвѣтственныя административныя распоряженія.

Я смѣю думать, что въ настоящее время въ рукахъ правительства имѣется достаточно обнаруженныхъ уже фактовъ для правильнаго взгляда на настоящее положеніе дѣлъ и обузданія зла, угрожающаго гибельными для государства послѣдствіями.

Хотя по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію нѣкоторыя изъ обсужденныхъ въ особой комиссіи мѣропоположеній сообщены подлежащимъ вѣдомствамъ, и при благонамѣренномъ и настойчивомъ исполненіи они безъ сомнѣнія принесутъ значительную пользу, но наша бѣда состояла всегда въ томъ, что не доставало послѣдовательности и настойчивости въ исполнителяхъ. Притомъ для полнаго успѣха необходимо единство взглядовъ и дружное содѣйствіе всѣхъ главныхъ распорядителей. При сихъ только условіяхъ правительство достигнетъ своей цѣли.

Для болѣе ясной видимости политико-нравственнаго положенія государства я считаю долгомъ всеподданнѣйше доложить Вашему Величеству, что изъ всѣхъ многочисленныхъ допросовъ и разговоровъ съ лицами, участвовавшими въ разныхъ политическихъ сообществахъ, *явно обнаруживается, что мысль объ измѣненіи существующаго порядка государственнаго управленія, съ ниспроверженіемъ Монархической власти и Самодержавія, проникла уже въ разные слои общества и продолжаетъ распространяться подъ фирмою даже будто бы мнѣній, исходящихъ изъ высшихъ слоевъ общества и самою правительства.*

Грустно думать, что продолжительными, совокупными дѣйствіями враговъ Россіи можетъ, наконецъ, наступить тотъ моментъ, когда всѣ правительственныя усилія будутъ недостаточны, чтобы остановить угрожающую государству катастрофу, ежели не будутъ приняты противъ сего послѣдовательныя энергическія правительственныя мѣры, въ особенности дѣйствующія на моральное настроеніе умовъ.

Однѣми строгими мѣрами наказанія зла остановить нельзя. Конечно, необходимо наказать, въ примѣръ другимъ, главныхъ виновниковъ государственнаго злоумышленія, но въ отношеніи моральной заразы надлежитъ въ точности исполнить мудрыя указанія Вашего Величества, начертанныя въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ 13 мая; требовать содѣйствія всѣхъ консервативныхъ здравыхъ силъ Россіи и съ помощью благонамѣренной прессы гранить извращенныя понятія, проникнувшія уже въ разные слои общества.

Повторяя о необходимости болѣе бдительнаго на мѣстахъ надзора, я не могу не выразить своего убѣжденія, что для полнаго успѣха слѣдуетъ обратить болѣе тщательное вниманіе на выборъ лицъ, назначаемыхъ въ должности губернаторовъ, какъ я объ этомъ упоминалъ уже во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 9-го іюня. Этотъ важный предметъ государственной администраціи видимо не соотвѣтствуетъ еще настоятельнымъ потребностямъ, въ особенности въ нѣкоторыхъ приволжскихъ губерніяхъ и Сибирскомъ краѣ. Равнымъ образомъ нельзя не обратить вниманія на недостаточность полицейскаго надзора, который долженъ служить основаніемъ къ удержанію общественнаго порядка въ городахъ и селахъ. Къ сожалѣнію эта часть у насъ далеко еще не соотвѣтствуетъ настоящимъ потребностямъ, и даже въ столицахъ по сію пору не существуетъ той зоркой стражи, которая должна обезпечивать спокойствіе общества При всемъ попеченіи объ этомъ настоящаго петербургскаго оберъ-полиціймейстера и настойчивой его заботливости, онъ, по неимѣнію средствъ лишенъ возможности даже учреждать полицейскій надзоръ надъ лицами завѣдомо неблагонадежными, отданными подъ таковой по распоряженію комиссіи. Получивъ по сему предмету отзывъ свиты Вашего Величества Генералъ-маіора Трепова, я сообщилъ объ этомъ по принадлежности Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ предыдущемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ я имѣлъ счастье представить Вашему Величеству о необходимости принятія мѣръ къ устраненію польскаго элемента отъ участія въ мѣстномъ управленіи на желѣзныхъ дорогахъ, какъ главныхъ артеріяхъ внутреннихъ сообщеній. Изъ дѣлъ Комиссіи видно, что въ обѣихъ столицахъ находится много поляковъ и обнаружены тайныя между ними и политическими кружками сношенія. Они распространяютъ во внутреннихъ губерніяхъ польскую пропаганду, входятъ въ сношенія даже въ Сибири съ сосланными туда политическими преступниками, *выпускаютъ фальшивые, привозимые изъ заграницы кредитные билеты, составляя такимъ образомъ денежный фондъ, для пособія ссыльнымъ и заграничнымъ эмигрантамъ;* многіе изъ нихъ, находясь въ сношеніи съ мѣстными противоправительственными кружками подкупомъ и разными искательствами проникая въ тюрьмы и остроги, содѣйствовали освобожденію политическихъ преступниковъ, снабжая ихъ деньгами и фальшивыми паспортами для побѣга заграницу. Въ Москвѣ организованъ даже польскій фондъ, подъ наименованіемъ «Народной опеки», который служилъ для вышесказанной цѣли и, будучи въ сношеніяхъ съ разосланными правительствомъ въ разные города центральныхъ губерній поляками, распространялъ повсюду столь враждебную противъ правительства пропаганду.

Я обязанностью поставляю упомянуть объ этомъ потому, что зловредныя политическія тенденціи, проникнувшія во многіе слои нашего общества, видимо поддерживаются и усиливаются содѣйствіемъ польскаго элемента. Это доказывается обнаруженными уже фактами и нѣкоторыми личностями, скрывавшимися въ столицѣ подъ разными псевдонимами и бѣжавшими заграницу съ фальшивыми паспортами. Въ виду всего этого я полагалъ бы необходимымъ строго подтвердить

подлежащимъ вѣдомствамъ, о дѣйствительномъ усиленіи надзора за огромною массою поляковъ, находящихся какъ въ столицахъ, такъ и внутри Имперіи, сосредоточивая сихъ послѣднихъ въ болѣе отдаленныя и пустынныя мѣстности, избѣгая назначенія лицъ польскаго происхожденія на должности, какъ въ губерніяхъ, такъ и центральныхъ управленіяхъ на точномъ основаніи неоднократно состоявшихся по сему предмету Высочайшихъ указаній.

Признанія Н. И. Костомарова въ III Отдѣленіи.

(По неизданнымъ данымъ)

Исторія тайнаго Общества св. Кирилла и Меѳодія извѣстна до сихъ поръ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Опубликованы кое-какіе воспоминанія, кое-какіе офиціальные документы, но подлинное производство, хранящееся въ архивѣ III Отдѣленія, остается неизвѣстнымъ. Предполагая сущность процесса обще-извѣстной, мы не будемъ ни разсказывать исторіи возникновенія дѣла по доносу студента Цетрова, ни перечислять лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу и на этотъ разъ дадимъ въ полномъ видѣ *показанія Николая Ивановича Костомарова*, данныя имъ въ III Отдѣленіи и до сихъ поръ въ литературѣ совершенно неизвѣстныя. Эти показанія даютъ огромный матеріалъ для сужденія о цѣляхъ и задачахъ Общества св. Кирилла и Меѳодія и проливаютъ свѣтъ на сложную духовную личность выдающагося историка.

Приводимъ офиціальный перечень бумагъ, взятыхъ при обыскѣ у Костомарова.

1) Три легенды о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Въ этой легендѣ описаны жизнь Кирилла и Меѳодія, ихъ проповѣдь въ славянскихъ земляхъ, изобрѣтеніе ими буквъ славянскихъ и переводъ св. писанія на славянскій языкъ.

2) Записка, писанная Костомаровымъ: „Когда всѣ славянскіе народы возпрянутъ отъ дремоты своей, прекратятъ пагубныя раздѣленія, угаснетъ, всякая семейная ненависть, сильные обнимутъ слабыхъ, свободные, благородные, согрѣтые любовію ко Христу, единому царю и учителю, соберутся славяне съ береговъ Волги, Дуная, Вислы, Ильменя, съ морей Адріатическаго и Камчатскаго, въ Кіевъ, градъ великій, столицу славянскаго племени, воспоютъ гимнъ Богу на всѣхъ языкахъ своихъ и представители всѣхъ племенъ, воскресшихъ изъ настоящаго униженія, освобожденныхъ отъ чуждыхъ цѣпей, возсядутъ на горахъ Кіевскихъ, загремитъ вѣчевой колоколъ у св. Софіи; возрадуются благочестивые, устрашатся коварные, судъ, правда и равенство воцарятся, и когда исполнится предреченіе св. Андрея и будетъ благодать надъ всею славянщиною. Вотъ судьба нашего племени, его будущая исторія, связанная тѣсно съ Кіевомъ, и оттого-то твою душу наполняетъ чувство таинственно святое и вмѣстѣ сладостное какъ надежда, и вмѣстѣ томительное, какъ долгое ожиданіе. Вѣрь мнѣ, это будетъ, будетъ, будетъ! Ты странникъ въ Кіевѣ и предчувствуешь будущее возрожденіе внуковъ своихъ—крови своей, и всякій славянинъ, кто ни прибудетъ въ Кіевъ, тоже чувствуетъ: ибо здѣсь поднимется завѣса тайны и явится безвѣстное".

3) Полулистъ, на которомъ начерно набросаны мысли о панславизмѣ. Здѣсь, между прочимъ, сказано: „Эта идея въ числѣ другихъ, порожденныхъ нашимъ мыслящимъ вѣкомъ, едва ли не самая нравственная, справедливая, богатая жизнію и полная надеждъ. Это стремленіе цѣлаго племени славянскаго, выйти изъ вѣковой запоздалости, стремленіе каждому изъ славянскихъ народовъ даровать собственное развитіе при помощи другихъ родственныхъ націй, всѣмъ вмѣстѣ братскою семьею принять живое участіе въ движущейся сферѣ образованности человѣчества, и дабы явиться предъ Судіею съ незарытымъ въ землю талантомъ. Ничего не можетъ быть справедливѣе такой идеи, ничего, потому что подобнаго явленія исторія до сихъ поръ намъ не представляетъ".

4) Письмо Кулѣша къ Костомарову: „Не все то можно безвредно для студентовъ (на лекціяхъ) сказать, что пишете вы ко мнѣ. „Горькая, ничтожная судьба Украины происходитъ отъ ничтожества души народа". Меня не смутитъ эта бойкая, подобная пущенному сильною рукою кацапа (русскаго) балалайкину, фраза, потому что я въ груди своей ношу эту народную душу, и знаю что она не ничтожна; но многихъ можетъ сбить ваша фраза съ толку, а другихъ заставитъ опустить руки; у насъ же и безъ того дѣлателей мало. Если вы говорите, что въ моей новой книжкѣ историческая истина высказана съ такою смѣлостію, съ такимъ благороднымъ чувствомъ, какъ еще не было на Руси, отчего же вамъ не проповѣдывать бы въ моемъ духѣ на каѳедрѣ? Зачѣмъ нападать на душу народа, за которую еще вамъ слабо говорить единственная въ новой Европѣ поэзія украинская и которая такъ сильно напрягалась, когда ей ея Мойсей говорилъ: „Тимъ и сталась по всему свѣту страшенная казацкая сила, що у васъ була воля и душа едина?" Въ ни во что ей вмѣняете вы потопленіе „губителя мучителя Фараона". Вы въ досадѣ на продолжительное ея странствованіе въ пустынѣ проклинаете ее послѣднимъ проклятіемъ, называя ничтожною. Погодите! Будетъ, можетъ быть, время, когда отъ одного звука трубъ ея падутъ стѣны и твердыни, для разрушенія которыхъ вы считаете необходимыми оружія; будетъ время и царей-повтонъ, которые все покорятъ своему божественному могуществу; будетъ время и возвиженію храма, въ которомъ поклонятся и чуждые народы; будетъ время и пророкамъ, искупителямъ многихъ. Раздѣленіе вашего на избранныхъ и ненабранныхъ я не принимаю и боюсь, чтобъ вы не зашли съ такимъ взглядомъ на исторію въ глубокій мракъ. Благодать Божія всѣмъ даровала, и въ каждомъ народѣ мужъ свѣтлаго ума и чистой воли можетъ сдѣлать много для его чести и будущаго могущества (нравственнаго или вещественнаго). До сихъ поръ въ Малороссіи являлось ихъ мало. Всѣ наши лучшіе умы обращали свою дѣятельность для пользы своего семейства, для ложно-понимаемаго спасенія своей души, для науки, отвлеченной отъ тока настоящей жизни; теперь только, именно теперь, когда вы раскрыли ротъ, чтобъ сказать съ каѳедры: „душа этого народа ничтожна", самыя горячія чувства малороссійскихъ дѣятелей сосредоточиваются на народѣ. Враните низость представителей его, но не называйте ничтожною его душу. Это непростительное богохульство! Смотрите, отъ Сагайдачнаго, прилагавшаго по-

печенія объ утвержденіи просвѣщенія въ отечествѣ, до Хмельницкаго какимъ являлся народъ украинскій! А когда потомъ, при губительномъ вліяніи невѣжественнаго московскаго правительства, на гетманствѣ удержались только холопи и подножки".

5) Письмо того же Кулѣша къ Костомарову. Изъ этого письма, какъ и изъ предыдущаго, видно, что Костомаровъ опровергалъ мнѣнія Кулѣша о достоинствахъ малороссійскаго нарѣчія, доказывая, что малороссіянамъ надобно заботиться не столько о своемъ языкѣ, сколько о добродѣтеляхъ. Кулѣшъ, возражая на это, объяснялъ: „Христіанство никакъ не должно охлаждать наше стремленіе къ развитію своихъ племенныхъ началъ: ибо не безъ причины брошено на землю зерно и пустило уже глубоко корень. Вотъ Петръ Великій онѣмечилъ часть русскихъ. И что жъ? Только тѣ и близки къ идеѣ христіанства, которыхъ не коснулось его преобразованіе. А вы равнодушно говорите, что потеря нашего языка и обычаевъ не будетъ для насъ несчастіемъ! Что же касается до развитія, а не стоянія, то оно совершается сперва въ дѣйствительныхъ, а потомъ особенно при лучшихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ перейдетъ къ народу. Для неграмотныхъ неважды нужно писать учебники, наставительныя, практическія книги и по возможности заводить школы, но дѣлать возгласы объ этомъ крайне безразсудно. Надобно дѣлать такъ, что будто бы это произошло случайно: помѣщикъ увидѣлъ въ книжной лавкѣ книжку и купилъ для своей сельской школы, а туда для науки могутъ отдавать своихъ дѣтей и казаки: обо всемъ этомъ мы поговоримъ въ Кіевѣ".

6) Письмо Кулѣша же къ Костомарову: „Проведите вечеръ у насъ и спасите меня отъ скуки, какая готовится мнѣ посреди множества людей, у которыхъ со мною нѣтъ ничего общаго. Мы окончимъ нашъ диспутъ о христіанствѣ, если это будетъ дозволено комнатами".

7) Письмо того же Кулѣша къ Костомарову: „Коновченко непростодушно мнѣ пишетъ, что деньги „отдавъ неимущему". Это все равно, если бъ я укралъ у него денегъ, чтобъ помочь бѣдняку. Растолкуйте ему, что благодѣянія не должны превышать средствъ, и что въ иной юной республикѣ его бы за этотъ поступокъ предали смерти или изгнали остракизмомъ".

9) Письмо того же Кулѣша къ Костомарову на малороссійскомъ нарѣчіи. Одно мѣсто изъ него въ русскомъ переводѣ значитъ слѣдующее: „Сколько было добра въ сердцѣ нашего украинскаго народа, но все это въ ничто обратилось отъ несогласія: ибо не исполнили завѣта Хмѣльницкаго, чтобы всѣ за одно стояли!"

10) На двухъ листочкахъ малороссійскія стихотворенія возмутительнаго содержанія. Напримѣръ: одни изъ нихъ оканчиваются стихами.

„Згине панство Гуновое (отъ слова Гунны)
„Воскресне свобода!
„Слава тебѣ, Украино!"

11) Драма, въ рукописи, на польскомъ языкѣ, безъ означенія имени сочинителя. Предисловіе къ драмѣ такого содержанія: „Польша въ продолженіе полстолѣтія представляетъ зрѣлище съ одной стороны безпрестанной и неутомимой жестокости ея гонителей, а съ другой такую твердость и такое безпредѣльное обреченіе себя на пагубу, что подобныхъ не было со временъ преслѣдованія христіанства. Особенно около 1822 г. начались притѣсненія Польши въ высшей степени, со всѣхъ сторонъ и на весь народъ. Тогда появился до-

стопамятный въ нашей исторіи сенаторъ Новосильцевъ. Онъ первый возбудилъ звѣрскую ненависть русскаго правительства къ полякамъ, имѣя въ предметѣ уничтоженіе польской народности. Тогда пространство отъ Просны до Днѣпра, отъ Галиціи до Балтійскаго моря было замкнуто, и мы находились въ обширной темницѣ. Все управленіе обратилось въ огромную пытку, при которой дѣйствовали цесаревичъ Константинъ и сенаторъ Новосильцевъ, и сей послѣдній, вѣрный принятой системѣ, началъ подвергать мукамъ дѣтей и юношей, чтобы разрушить надежду народа въ самомъ зародышѣ.

„Общества любителей словесности были дозволены полякамъ вѣнскимъ конгрессомъ и императорскими привилегіями. Не менѣе того, эти Общества возбудили подозрѣніе правительства. Новосильцевъ, будучи отправленъ въ Вильну съ уполномочіемъ отъ цесаревича, представилъ цѣль Общества какъ бунтъ противъ правительства, арестовалъ нѣсколько сотъ студентовъ, былъ самъ ихъ обвинителемъ, судьей и палачемъ! Потомъ въ Литвѣ онъ упразднилъ нѣсколько училищъ, а воспитанникамъ запретилъ принимать въ казенныя и частныя учебныя заведенія. Многіе студенты, принадлежавшіе къ знатнымъ домамъ литовскимъ, тогда приговорены были къ ссылкѣ въ Сибирь въ рудники и гарнизоны.

„Всѣ авторы, писавшіе о преслѣдованіяхъ Литвы, соглашаются, что въ судьбѣ виленскихъ студентовъ было что-то таинственное. Дѣйствительно, наказаніе небесное постигло гонителей, оставило глубокое впечатлѣніе въ современникахъ и переносить читателей въ вѣка вѣры и чудесъ".

Кромѣ того, въ началѣ драмы находится слѣдующее посвященіе: „Блаженныя памяти Ивану Соболевскому, Кипріяну Дашкевичу, Феликсу Кулаковскому, товарищамъ школы, заточенія и ссылки, преслѣдованнымъ за любовь къ отечеству, умершимъ вслѣдствіе тоски по отчизнѣ въ Архангельскѣ, Москвѣ и Петербургѣ, великомученикамъ за права ихъ народа, посвящаетъ сочинитель".

Далѣе слѣдуетъ драма. Дѣйствіе происходитъ въ Сибири. Между дѣйствующими лицами находятся упомянутые Соболевскій, Дашкевичъ и Кулаковскій. Разговоры ихъ состоятъ изъ тѣхъ же жалобъ, помѣщенныхъ въ предисловіи. Но драма не кончена, и потому невозможно опредѣлить, въ чемъ состоитъ общее содержаніе.

12) Стихотворенія художника Шевченки на малороссійскомъ языкѣ въ двухъ книгахъ. Изъ нихъ одна рукописная, превосходно иллюстрированная, а другая печатная. Находящіяся въ рукописной стихотворенія, кромѣ одного, всѣ тѣ же, которые помѣщены въ напечатанной съ дозволенія цензуры. Во многихъ изъ этихъ стихотвореній проявляются вольныя мысли, а не напечатанная еще болѣе исполнена подобными мыслями.

13) Кольцо, съ надписью св. Кирилла и Меѳодія.

14) Печать съ вырѣзкою: „Іоанна гл. VIII, стихъ 32, Н. К.". Въ этомъ текстѣ евангелиста Іоанна сказано: „И разумѣете истину, и истина свободитъ вы".

15 апрѣля 1847 года адъюнктъ Костомаровъ далъ слѣдующіе отвѣты на предложенные ему вопросы.

Вопросъ 1-й. Извѣстно ли вамъ было о существованіи тайнаго Общества, называемаго славянскимъ Обществомъ св. Кирилла и Меѳодія; если было извѣстно, то подробно опишите цѣль онаго, составъ и всѣ дѣйствія, въ видахъ онаго предпринятыя?

Отвѣтъ. На первый пунктъ имѣю честь отвѣчать, что я не знаю и не зналъ о существованіи тайнаго славянскаго общества, которое бы называлось обществомъ Кирилла и Меѳодія.

Вопросъ 2-й. Если вы не знали объ Обществѣ, то объявите, отъ кого слышали разсужденія о славянствѣ, соединеніи славянскихъ племенъ, преобразованіи государственнаго управленія и другихъ подобнымъ предметахъ; не можете ли нынѣ, по объявленіи вамъ о существованіи славянскаго Общества, сообразить, что слышали, и объясните подробно все, что можетъ раскрыть начало и дѣйствія этого Общества.

Отвѣтъ. На второй пунктъ имѣю честь отвѣчать, что несмотря на повсемѣстные толки о славянствѣ, идея соединенія славянъ не доходила, по моему понятію и свѣдѣнію, ни на письмѣ, ни въ устахъ до какого бы то ни было политическаго постояннаго стремленія.

Вопросъ 3-й. Какіе разговоры по этому предмету и гдѣ именно происходили; поименуйте всѣхъ лицъ, вамъ извѣстныхъ, занимающихся подобными мыслями, и объясните, въ какой степени каждое изъ этихъ лицъ участвововали въ означенныхъ разговорахъ.

Отвѣтъ. На третій пунктъ имѣю честь отвѣчать слѣдующее: Живя въ Кіевѣ, я весьма часто бесѣдовалъ о славянствѣ, самъ всею душею любя этотъ предметъ, съ почтенными товарищами моими, которые мнѣ помогали и указаніями, и совѣтами въ моихъ ученыхъ розысканіяхъ, въ особенности съ профессорами Иванищевымъ, Костяревымъ, Селинымъ и бывшимъ профессоромъ Максимовичемъ. Предметы разговоровъ никогда не выходили изъ чисто-ученой сферы этнографіи, исторіи и филологіи. Г. помощникъ Кіевскаго округа, Юзефовичъ, также со мною очень часто бесѣдовалъ о славянствѣ, и не только въ ученомъ, но и въ политическомъ отношеніи, раздѣляя со мною то мнѣніе, что всѣ племена славянскія должны будутъ соединиться подъ скипетромъ русскаго государя, и что ученые и литераторы должны имѣть эту мысль, безъ которой такъ называемый панславизмъ сухъ и безплоденъ. Эти всѣ почтенныя особы могутъ поручиться, что въ разговорахъ съ ними я не показывалъ никакого противозаконнаго направленія. То же долженъ я сказать о бесѣдахъ съ помѣщиками Ригельманомъ и Тарновскимъ, съ которыми я часто велъ разговоры о славянствѣ чисто въ ученомъ отношеніи. Кромѣ того, я самъ прежде говорилъ о томъ же съ Кулѣшемъ, отъ котораго не слыхалъ ничего предосудительнаго, хотя очень часто съ нимъ спорилъ за привязанность его и за высокое мнѣніе о своей Малороссіи, чего я не могъ съ нимъ раздѣлить, какъ великороссіянинъ, что видѣть можно изъ переписки его со мною. Впрочемъ полѣшихъ толковъ о возстановленіи Малороссіи я отъ него не слыхалъ никогда, о соединеніи же славянъ онъ говорилъ очень мало и не въ противозаконномъ духѣ. Кандидатъ Гулакъ, человѣкъ превосходнаго образованія, но ума и мышленія не твердаго, и характера до крайности страннаго, по-

знакомившись со мною въ исходѣ 1845 года, занимался древностями и законами славянскихъ народовъ, а въ апрѣлѣ и въ маѣ 1846 года начала ему входить въ голову мысль: заимствованное имъ отъ меня кольцо съ именемъ Кирилла и Меѳодія сдѣлать девизомъ какого-нибудь Общества, не сознавая вполнѣ какого. Такъ какъ онъ не сознавалъ, чего именно хотѣлъ, и мѣнялся съ каждымъ днемъ въ своихъ убѣжденіяхъ, то я смотрѣлъ на это, какъ на ребячество, слѣдствіе того, что онъ начитался о разныхъ Обществахъ, и рыцарскихъ орденахъ и имѣлъ такое настройство, что принималъ въ себя все, что читалъ, на нѣкоторое время. Съ нимъ жилъ молодой братъ его, Навроцкій, студентъ съ весьма ограниченными способностями, и также нѣкоторое время увлекался мыслью объ Обществѣ, не показывая вовсе сознанія, какого Общества желаетъ. Это была чистѣйшая фантазія. Съ іюня мѣсяца я не слышалъ отъ Гулака уже ничего ни объ Обществѣ, ни объ идеяхъ славянскаго соединенія, до самого декабря; онъ занимался исторіею Помераніи. Я съ нимъ почти даже раззнакомился, но Н. Е. Писаревъ прикомандировалъ его ко мнѣ для изданія Вельчекинской лѣтописи. Въ началѣ текущаго года Гулакъ уѣхалъ. Навроцкій во все продолженіе 1846 года бывалъ у меня очень рѣдко; яснаго, опредѣлительнаго сознанія не показывалъ и уже не видался со мною болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Кромѣ этихъ, бывали у меня въ домѣ студенты Марковичъ, Посяда, Андрузскій, но всѣ три совершенно не были заняты славянствомъ, а только Марковичъ и Андрузскій были приверженъ исключительно къ малороссійской народности, а Посяда не показывалъ никакого направленія. Эти студенты приглашены были по тому поводу, что г. Юзефовичъ препоручилъ мнѣ передать студентамъ переводы писателей съ латинскаго языка, которые писали о Малороссіи, и я поручилъ имъ перевести сочиненіе Пасторія: „De Bello Scithico Cosaccico“, но увидѣвши въ нихъ неохоту и неспособность, отказалъ имъ отъ дома. Въ домѣ у меня никакихъ собраній и сходбищъ не было, исключая нѣсколькихъ случаевъ, а именно въ декабрѣ мѣсяцѣ по случаю посѣщенія меня помѣщикомъ Савичемъ. Но тогда былъ и профессоръ Максимовичъ и ничего не было предосудительнаго. Хотя этотъ г. Савичъ показывалъ довольно либеральное направленіе, но умѣрялъ его. Въ другой разъ, по случаю пріѣзда Кулѣша, нашло ко мнѣ нѣсколько студентовъ, и такъ нагло, что я принужденъ былъ просить ихъ немедленно удалиться, и съ тѣхъ поръ ни одинъ изъ нихъ не ступалъ ко мнѣ ногой въ домъ, кромѣ Марковича, который былъ два раза и то по хозяйственному дѣлу. Студентъ Марковичъ имѣлъ большую охоту издавать „Сельское чтеніе“ (Одоевскаго) для простыхъ малороссіянъ, на малороссійскомъ языкѣ, и къ этой мысли приступили въ декабрѣ Гулакъ, Шевченко, Кулѣшъ и я. Поводомъ къ этому были еще два или три собранія, одно у меня, другое у Гулака, а третье въ квартирѣ Кулѣша, на которыхъ не было и помина о соединеніи славянъ, а толковали о средствахъ къ печати, для которыхъ положили, чтобъ каждый пожертвовалъ

по десяти рублей. Всѣ такія свиданія ни малѣйшей связи не имѣли съ глупѣйшими бреднями Гулака о составленіи Общества, о какомъ-нибудь и даже не могъ никогда и предполагать, чтобъ они возобновились, ибо, казалось, совершенно исчезли еще въ маѣ мѣсяцѣ. Несправедливо обвиняютъ меня, будто-бы у меня въ домѣ собирались студентскія какія-то сходки: я держалъ себя въ большемъ отдаленіи отъ студентовъ. Художникъ Шевченко бывалъ у меня единственно нѣсколько разъ въ сентябрѣ, а потомъ въ декабрѣ, и то большею частью при Максимовичѣ. Хотя молва называетъ его составителемъ бродячихъ стиховъ очень гадкаго содержанія, но я отъ него объ этомъ признанія не слышалъ, и когда разъ спросилъ, онъ вспыхнулъ и назвалъ мнѣ какую-то другую фамилію. О славянствѣ онъ вовсе не заботился, ни въ хорошемъ ни въ дурномъ смыслѣ, а былъ пламенный малоросъ до крайности и грубаго характера, но о политическомъ бытіи Малороссіи въ видѣ государства не говорилъ.

Вопросъ 4-й. Для чего сами вы набрали кольцо съ надписью именъ св. Кирилла и Меѳодія, перевези съ польскаго рукописъ называемую „Законъ Божій"; кѣмъ присоединенъ къ этой рукописи уставъ славянскаго Общества; кому давали вы переписывать рукопись и у кого должны находиться экземпляры оной.

Отвѣтъ. На четвертый пунктъ имѣю честь отвѣчать, что я дѣйствительно, сдѣлалъ себѣ кольцо съ именами Кирилла и Меѳодія на томъ основаніи, на какомъ въ Кіевѣ по обычаю, дѣлаютъ кольца съ именами святыхъ, наприм. Варвары и проч. Я занимался тогда сочиненіемъ о Кириллѣ и Меѳодіи и, нашедши, по историческимъ свидѣтельствамъ, что самые русскіе славяне первоначально были обращены Кирилломъ, соображая, какое важное мѣсто занимаютъ ихъ заслуги для нашего образованія, мнѣ стало досадно, что память такихъ великихъ мужей церкви и славянства почти забыта потомками: ибо нигдѣ не увидишь ни образа этихъ святыхъ, ни храма во имя ихъ. Эти то мысли расположили меня сдѣлать себѣ кольцо съ ихъ именами, полагая, что это будетъ самое приличное для меня, какъ для занимающагося русскою исторіею. Когда Гулакъ и Бѣлозерскій увидѣли это, то и самъ предлагалъ и себѣ подѣлать такія же кольца, но предвидя несчастія, какое постигнетъ меня по волѣ Божіей. Гулакъ носилъ послѣ того кольцо, и Бѣлозерскій изъявилъ желаніе, но скоро уѣхалъ изъ Кіева навсегда, и потому я ничего не могу сказать о его направленіи и образѣ мыслей, ибо съ нимъ не говорилъ болѣе. Хотя Гулакъ и проектировалъ Общество, но я послѣ того такъ мало помнилъ объ этомъ, что самое кольцо въ декабрѣ еще подарилъ своей невѣстѣ, которая многимъ показывала странную на немъ надпись, и только по случаю привезенія вещей ея въ мой домъ кольцо это у меня опять попалось. А сочиненія я не переводилъ съ польскаго въ собственномъ смыслѣ, ибо оно написано было по малороссійски, и только часть его была по польски, и я въ немъ перевелъ то съ польскаго, что было на этомъ

языкѣ: ибо списывать польское для меня было гораздо труднѣе, нежели, разобравши, выразить на природномъ языкѣ. Я никогда не раздѣлялъ въ душѣ подобныхъ убѣжденій, и даже если-бы сбился съ пути чести и присяги, то и тогда не могъ бы раздѣлять ихъ, будучи русскимъ; ибо оно явственно есть нечадіе польщизны. При томъ у меня осталась книга Мицкевича („Pielgrzymka") съ моими замѣчаніями, изъ которыхъ видно, что я не расположенъ вѣрить этимъ мерзостямъ. Я его держалъ у себя, смотря на него, во-первыхъ, какъ на историческій документъ мятежа польскаго; во-вторыхъ, какъ на одну изъ грезъ, на которыя попадаетъ славянофильство, и считалъ для себя нужнымъ знать подобныя заблужденія, ибо я самъ всегда имѣлъ въ виду идею славянскаго соединенія въ одну федеративную монархію, т. е. чтобъ всѣ славянскіе народы были соединены съ Россійскою имперіею на такомъ основаніи, на какомъ теперь Царство Польское, и потому съ жадностію ловилъ всякія и правильныя, и ложныя мысли о славянскомъ соединеніи, дабы составить себѣ понятіе, въ какихъ видахъ переходитъ эта идея въ умахъ. Кѣмъ пополнено оно,—не знаю, но у меня оно не все, ибо я назначилъ его къ истребленію и оно уже вырвано. Переписывая его, я отдѣлилъ сначала польское, потомъ малороссійское; на чемъ оно изорвано,—не помню. Помню, что оно начиналося стихами: дитина люба, потомъ слѣдовало по польски предисловіе и нѣчто въ родѣ правилъ славянской республиканской федераціи. Что оно называется „Законъ Божій"—это и слышу въ первый разъ, но вспоминаю, что давно слышалъ о такомъ сочиненіи на малороссійскомъ языкѣ, весьма предосудительномъ, и любопытствовалъ его достать; приписывали его какому-то съ иностранной фамиліей, если не измѣняетъ мнѣ память, де-Бельменю. Сочиненіе это досталось мнѣ въ кипѣ разнаго малороссійскаго сбора, но такъ какъ я, получая пѣсни, сказки и т. п., отлагалъ разборъ ихъ до вакаціоннаго времени, то и не знаю достовѣрно, откуда оно мнѣ пришлось, ибо я нашелъ его въ кипѣ пѣсенъ, сказокъ и анекдотовъ въ 1846 году въ маѣ, а собиралъ этнографическіе матеріалы преимущественно въ 1845 г., на Волыни; доставляли мнѣ кромѣ того, ихъ съ разныхъ мѣстъ. Я никому не давалъ его, кромѣ Гулака, который мнѣ сказалъ, что оно ему уже извѣстно, а въ декабрѣ попросилъ себѣ на одинъ день, увидя, что я сравнивалъ его съ Pielgrzym'кою, и завезъ. Оно въ моемъ спискѣ названо—Подпѣстранка. Я теперь только узнаю, что оно называется „Законъ Божій", каковое названіе мнѣ было давно знакомо, но я не зналъ, какое сочиненіе такъ называлось. Гулаку же я далъ его въ полной увѣренности, что въ немъ перебродили всѣ противозаконныя идеи, ибо онъ никакого расположенія къ нимъ не показывалъ, и съ обязанностію никому не давать [1]).

Вопросъ 5-й. Добавьте, не извѣстно ли вамъ еще что-нибудь, сверхъ

[1]) Текстъ „Закона Божія" мы разсчитываемъ дать на страницахъ „Былого". *Ред.*

вышеобъясненнаго, о славянофилахъ, и вообще все, что можетъ повести къ полному обнаруженію славянскаго Общества?

Отвѣтъ. На пятый пунктъ имѣю честь отвѣчать, что въ Кіевѣ я не замѣчалъ особеннаго славянофильства ни въ комъ, ни смыслѣ политическомъ, и ежели Гулакъ составлялъ уставы Общества, то и въ немъ не было твердаго убѣжденія и намѣренія дѣйствовать злоумышленно, а просто ребяческая глупость составить Общество, какое бы то ни было, хотя бы рыцарскій орденъ. Я съ своей стороны признаю себя виновнымъ за необдуманность, съ какою самъ убѣждалъ дѣлать кольца съ именами Кирилла и Меѳодія, увлекшись почитаніемъ святыхъ, и еще за то, что съ такою же необдуманностью, занятый тогда слишкомъ другими семейными обстоятельствами, отдалъ Гулаку Подиѣстранку, которая, впрочемъ, ему была уже безъ того извѣстна. Что лично до моихъ мнѣній, то я открываюсь, что всегда сознавалъ святость монархическаго правленія, ибо будучи христіаниномъ, хотя можетъ быть, не истиннымъ, но вѣровавшимъ всегда въ простотѣ сердца слову Божію, ясно видѣлъ, что отъ первой страницы Библіи до Апокалипсиса, монархія признается нормальною формою общества, какъ это видно изъ прямого смысла словъ; между тѣмъ, когда тѣ, которые оправдывали республику, принуждены бывали уродовать и искажать прямой смыслъ; но будучи грѣшнымъ человѣкомъ увлекался соціальными вопросами объ аристократіи и демократіи, не въ смыслѣ правительства, а въ смыслѣ сословій, и въ своихъ сужденіяхъ и мнѣніяхъ, часто пристрастно, всегда былъ на сторонѣ демократическаго, т. е. простого класса. Вообще же славянофильство, по моему мнѣнію, не такъ распространено и не такъ вредно, какъ исключительная привязанность къ какой-нибудь части общаго отечества русскаго въ юныхъ головахъ: ибо ежели бы молодые люди исключительно привязались не только къ идеѣ народности малороссійской, которая существуетъ, но и какому-нибудь Новгороду или Суздалю, то и тогда это бы увлекало ихъ въ міръ пустыхъ и несбыточныхъ фантазій.

На дополнительные вопросы, предложенные г. адъюнктъ-профессору Костомарову, онъ отвѣчалъ 17-го апрѣля 1847 года.

Вопросъ 1-й. Въ первомъ показаніи вашемъ объяснили вы, что рукопись, называемая „Законъ Божій“ была у васъ неполная: ибо часть отъ нея оторвана, и что вы не знаете, кто ее пополнилъ, но въ вашихъ бумагахъ оказался списокъ этой рукописи на цѣлыхъ листахъ, а у Гулака найденъ еще списокъ той же рукописи, писанный вашею рукою, на малороссійскомъ и русскомъ языкахъ, совершенно полный, съ возмутительными воззваніями въ концѣ: „Къ братьямъ украинцамъ“ и „Къ братьямъ великороссіянамъ и полякамъ“. Изъ этого открывается, что вами переписаны были, по крайней мѣрѣ, три экземпляра „Закона Божія“. Съ какою цѣлью вы размножали экземпляры этой рукописи и не передали ли еще кому оныхъ кромѣ Гулака?

Отвѣтъ. На первый пунктъ имѣю честь отвѣчать, что я и прежде показалъ, что рукопись была дана Гулаку, который ее завезъ и показалъ, что въ томъ экземплярѣ, въ которомъ она у

меня найдена, она не полная, что и дѣйствительно такъ было. Я показалъ, что я перевелъ съ польскаго то, что было на польскомъ, а малороссійское оставилъ, что явствуетъ изъ того списка, который данъ былъ Гулаку. А сколько помню, то у меня было два экземпляра оной, именно: въ одномъ выписалъ малороссійское, а въ другомъ присоединилъ переводъ того, что было на польскомъ. А кромѣ Гулака я ее никому не давалъ, что я вѣрно знаю.

Вопросъ 2-й. Такимъ образомъ вы размножили экземпляры преступнѣйшей рукописи, сами сознавались, что вами выдумано кольцо съ вырѣзкою именъ св. Кирилла и Меѳодія, сверхъ того имѣется въ виду показаніе, что вы были главнымъ представителемъ славянскаго Общества умѣренной партіи, а по временамъ предавались либерализму и отвергали монархическое правленіе. При столь важныхъ уликахъ, не запираетесь ли полнаго сознанія, и въ томъ случаѣ подробно объясните начало, составъ, всѣ совершенныя и предположенныя дѣйствія славянскаго Общества.

Отвѣтъ. На второй пунктъ имѣю честь отвѣчать, что я выдумалъ кольцо совершенно безъ всякой цѣли сдѣлать его девизомъ, а просто изъ того же почитанія святости, какую оказываютъ ношеніемъ колецъ Варвары Великомученицы, Макаріи и т. д., а если кому-либо вадумалось, заимствовавъ его отъ меня, сдѣлать его въ безумной головѣ своей девизомъ какого-то Общества, то чѣмъ я виноватъ? Что я былъ представителемъ славянскаго Общества умѣренной партіи, и при томъ главнымъ, то на это я могу отвѣчать только то, что я любилъ заниматься славянскою литературою, филологіею, исторіею, думалъ о соединеніи славянъ, но никогда не отдѣлялъ этой мысли отъ другой святой, задушевной—желанія славы и первенства законному отцу-государю и любезному отечеству моему русскому. Монархическаго правленія я никогда не отвергалъ въ своей жизни.

Вопросъ 3-й. Въ одной изъ записокъ, найденныхъ у васъ, сказано, что славянскіе народы воспрянутъ отъ дремоты своей, соединятся, соберутся со всѣхъ концовъ земель своихъ въ Кіевъ, столицу славянскаго племени и представители всѣхъ племенъ, воскресшихъ изъ настоящаго униженія, освободятся отъ чуждыхъ цѣпей, возсядутъ на горахъ (кіевскихъ) и загремитъ вѣчевой колоколъ у св. Софіи; судъ, правда и равенство воцарятся. Вотъ судьба вашего племени, его будущая исторія, связанная тѣсно съ Кіевомъ. Вѣрь мнѣ, это будетъ, будетъ, будетъ... Здѣсь (въ Кіевѣ) поднимается завѣса тайны и явится безвѣстное". Объясните, съ какою цѣлью составлена была эта записка и не выражались ли въ ней надежды и правила славянскаго Общества?

Отвѣтъ. На третій пунктъ имѣю честь отвѣчать, что записка, найденная у меня, гдѣ говорится о собраніи славянъ въ Кіевѣ, есть отрывокъ повѣсти: „Паничъ Наталичъ“ въ которой представленъ молодой человѣкъ, увлекающійся фантазіею и впадающій въ разныя грезы, въ томъ числѣ и въ панславистическія. Я смѣю представить, что въ этихъ словахъ нѣтъ ничего противозаконнаго, ибо здѣсь говорится о соединеніи славянъ и объ освобожденіи племенъ славянскихъ отъ чуждаго ига, т. е. турец-

каго и венгерскаго (словаковъ). Пиша это самъ, по своимъ понятіямъ, я не предполагалъ, непремѣнно въ Кіевѣ совершенія какого-то возрожденія славянъ, а представилъ здѣсь мечтатели, доведшаго идею панславизма до смѣшнаго восторженія. Я здѣсь осмѣивалъ увлеченіе молодежи, и лучшимъ доказательствомъ того служитъ то, что герой моей повѣсти женится и дѣлается отличнымъ и добрымъ чиновникомъ въ таможнѣ, чѣмъ хотѣлъ я выразить, что бредъ фантазіи съ лѣтами проходитъ, и юноша, остепенясь, дѣлается добрымъ семьяниномъ и полезнымъ гражданиномъ.

Вопросъ 4-й. Въ другой запискѣ вы съ особеннымъ восторгомъ говорите о панславизмѣ, какъ о лучшей идеѣ нашего вѣка, и о стремленіи славянскаго племени къ собственному развитію. Какая была цѣль ваша при составленіи этой записки?

Отвѣтъ. На четвертый пунктъ имѣю честь отвѣчать, что ежели я говорилъ съ восторгомъ о панславизмѣ, какъ о лучшей идеѣ нашего вѣка, и о стремленіи славянскаго племени къ собственному развитію, то такія мысли повторялись тысячу разъ и въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія", и само правительство наше посылаетъ въ славянскія земли путешественниковъ и, ревнуя о просвѣщеніи, поощряетъ и награждаетъ ученыхъ, трудящихся для исторіи и филологіи славянскихъ народовъ.

Вопросъ 5-й. Изъ пяти писемъ, полученныхъ вами отъ Кулѣша видно, что хотя вы опровергали чрезмѣрное понятіе его о Малороссіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ раздѣляли его мнѣнія по другимъ предметамъ, напримѣръ, вы находили, что въ его сочиненіи объ Украйнѣ, исполненномъ мыслей о прежней свободѣ, „историческая истина высказана съ такою смѣлостію, съ такимъ благороднымъ чувствомъ, какъ еще не было на Руси". Почему вы одобряли такіе поступки Кулѣша?

Отвѣтъ. На пятый пунктъ имѣю честь отвѣчать, что говоря о сочиненіи Кулѣша, я съ одной стороны дѣйствительно указывалъ на нѣкоторыя историческія достоинства, находившіяся въ этой книгѣ, а съ другой—это былъ комплиментъ. Я велъ частый и продолжительный споръ съ Кулѣшемъ и на словахъ, и на письмѣ, и желалъ отвлечь его отъ исключительной фанатической преданности Малороссіи помощію разсужденій и историческихъ доводовъ. Зная его крайнее самолюбіе, я не хотѣлъ нападать на него сразу и почиталъ удобнѣйшимъ прежде похвалить его, а потомъ уже опровергать, что и дѣлалось.

Вопросъ 6-й. Что означаютъ слова Кулѣша въ одномъ изъ тѣхъ же писемъ: „Христіанство не должно охлаждать наше стремленіе къ развитію своихъ племенныхъ началъ, ибо не безъ причины брошено въ землю зерно и пустило уже глубоко корень?"

Отвѣтъ. На шестой пунктъ имѣю честь отвѣчать, что слова Кулѣша: Христіанство и проч. означаютъ то, что я къ нему писалъ, что истинный христіанинъ не долженъ пристращаться къ какимъ-нибудь обычаямъ народнымъ и вообще къ массѣ того, что

называется народностію, и что ежели малороссійская народность пропадаетъ совершенно, то это еще не потеря для человѣчества, ибо значитъ, такъ нужно, и онъ отвѣчалъ что зерно въ землю брошено, т. е. народность, языкъ, нравы, и потому христіанство не мѣшаетъ имъ развиваться.

Вопросъ 7-й. Далѣе Кулѣшъ, разсуждая о какомъ-то развитіи, опровергаетъ, кажется, вашу мысль, и говоритъ, что лѣлать возгласы крайне безразсудно, а должно дѣйствовать на народъ, распространеніемъ сочиненій и школъ, такъ чтобы это происходило какъ бы случайно. Объясните, въ чемъ состояли ваши сужденія и намѣренія по означенному предмету.

Отвѣтъ. На седьмой пунктъ имѣю честь отвѣчать, что слова Кулѣша о возгласахъ относятся къ тому, что я ему писалъ, что несмотря на хвастовство малороссіянъ, ихъ заслуги ограничиваются только пустыми возгласами о томъ, что у насъ такъ хорошо, мы то-то и то-то, и этимъ доказывалъ ничтожество ихъ народности, а онъ мнѣ отвѣчалъ, что должно дѣйствовать школами и т. п. Въ томъ же письмѣ я ему писалъ, что кто любитъ Малороссію, тотъ долженъ не хвалить и превозносить свою народность, а долженъ заботиться о просвѣщеніи и благосостояніи своихъ земляковъ на томъ пунктѣ, на которомъ его судьба поставила и которой предоставленъ ему отъ общественныхъ властей.

Вопросъ 8-й. Вы писали къ Кулѣшу, что не считаете малороссіянъ достойными высокой участи. Кулѣшъ, защищая свою родину между прочимъ отвѣтствовалъ вамъ: „будетъ, можетъ быть, время, когда отъ одного звука трубъ ея падутъ стѣны и твердыни для разрушенія которыхъ вы считаете необходимымъ оружіе". Изъ этого видно, что вы считали необходиммымъ дѣйствовать оружіемъ. Объясните, какія предположенія имѣли вы по этому предмету?

Отвѣтъ. Я писалъ Кулѣшу объ оружіи, вовсе не разумѣя здѣсь какого-нибудь мятежническаго дѣйствія, а говорилъ о слабости Малороссіи, которая, бывъ военною страною, не могла ни удержать своей казацкой самостоятельности, ни даже выбиться безъ чужой помощи изъ-подъ ига польскаго, и писалъ: то развѣ теперь-когда уже Малороссія прежняя, казацкая совсѣмъ исчезла, развѣ теперь, какъ отъ трубъ Іисуса Навина возстанутъ стѣны ея? (не помню словъ, а въ такомъ смыслѣ), а онъ мнѣ отвѣчалъ, что дѣйствительно отъ ея трубъ падутъ и проч. Обстоятельнаго своего письма я не помню, но знаю только, что мнѣ въ своей жизни никогда не входила мысль о дѣйствіи оружіемъ за Малороссію, надъ движеніемъ въ пользу коей и литературой ея, я, какъ природный русскій, посмѣивался.

Вопросъ 9-й. Почему вы дозволяли себѣ имѣть переписку съ Кулѣшемъ, тогда какъ все содержаніе его писемъ или прямо преступно, или чрезвычайно сомнительно, и почему писемъ его тотчасъ же не представляли начальству?

Отвѣтъ. Зная Кулѣша прежде, какъ до безумія преданного Украйнѣ безъ всякихъ, однако, политическихъ идей и т. п.; я принималъ, усилившуюся въ немъ въ Петербургѣ привязанность къ

Малороссіи за слѣдствіе долгаго проживанія внѣ Малороссіи и ведъ съ нимъ споръ въ намѣреніи разувѣрить его историческими доказательствами. Начальству же моему извѣстна была экспентрическая привязанность его Малороссіи.

Вопросъ 10-й. Студентъ Посяденко писалъ къ Гулаку: „я удалился на время отъ вашего вполнѣ христіанскаго Общества, но духъ мой никогда не удалится отъ него: ибо въ самой глубинѣ души моей положена мысль, никому еще невѣдомая; вотъ почему прежде, чѣмъ увидѣлъ я Костомарова, душа моя принадлежала уже Обществу, коего никто изъ васъ не знаетъ". Не явно ли письмомъ этимъ доказывается существованіе тайнаго Общества, и не извѣстно ли вамъ, о какой мысли невѣдомой говоритъ здѣсь Посяденко?

Отвѣтъ. Студентъ Посяденко пишетъ, вѣроятно, разумѣя подъ Обществомъ кругъ знакомыхъ. Этотъ студентъ познакомился со мною въ маѣ прошлаго года и бывалъ послѣ того очень рѣдко, пока, наконецъ, я совершенно отказалъ ему. Но о какой мысли невѣдомой говоритъ Посяденко, мнѣ это неизвѣстно, и я полагаю, что слова его есть совершенный вздоръ, ибо этотъ студентъ вель жизнь совершенно уединенную, какъ я слышалъ отъ него же самого, и душа его, вѣрно, принадлежитъ такому обществу, котораго никто не знаетъ, и даже самъ онъ. Впрочемъ, бывши мало знакомъ съ Посяденкомъ, я не могу увѣрять ни въ чемъ, а знаю только то, что этотъ Посяденко никакого не показывалъ особеннаго направленія, кромѣ обыкновенной простоты и мужиковатости студента изъ простого званія. Знакомство съ нимъ и возникло, и кончилось единственно по поводу перевода сочиненія Пасторія, къ чему онъ оказался неспособнымъ.

Вопросъ 11-й. Послѣ Пасхи 1846 г. вы сказывали студенту Посяденкѣ, что было бы не худо составить общество въ духѣ славянскомъ и читали при этомъ нѣсколько пунктовъ въ родѣ проекта; спустя нѣсколько дней послѣ того у васъ Гулакъ и Навроцкій, разсуждая о предположеніи основать общество говорили, что должно назвать его Обществомъ св. Кирилла и Меѳодія и придумать какой-нибудь символъ, а въ августѣ того же года вы, или Гулакъ говорили Посяденкѣ, что и его сдѣлаютъ членомъ того же общества. Подтверждаете ли вы это, какіе пункты проекта вы показывали Посяденкѣ, не былъ ли это уставъ общества, вами ли онъ сочиненъ и въ какомъ именно смыслѣ, состоялось ли это общество и какой символъ для него придуманъ?

Отвѣтъ. Студенту Посяденкѣ я никогда не говорилъ о проектѣ заводить общество въ духѣ славянскомъ, и это показаніе Посяденки есть самая безстыдная ложь. Студенту Посяденкѣ я говорилъ, что надобно найти такихъ студентовъ, которые бы раздѣлили между собою трудъ переводить съ латинскаго авторовъ, писавшихъ въ южной Россіи—проектъ, извѣстный начальству нашему. Этотъ студентъ, котораго я выгналъ за мужичество и нахальство, теперь клевещетъ на меня съ досады и переодѣвываетъ, то, что было. Въ августѣ же Посяденку я даже не видалъ. Говоря о переводѣ съ латинскаго, я никакихъ пунктовъ проекта не показывалъ, а просто далъ ему книгу; а что Гулакъ говорилъ, что должно

составить общество, и не придумать, а взять символомъ его кольцо мое съ именемъ Кирилла и Меѳодія, то это справедливо и уже мною изложено въ первомъ показаніи, но это общество никогда не состоялось, по крайней мѣрѣ самъ Гулакъ переставъ мнѣ говорить объ немъ. Гулакъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ объ этомъ предполагаемомъ планѣ, но такъ странно и смѣшно, что я не принималъ этого никогда серьезно. Для ясненія всѣхъ обстоятельствъ, я излагаю здѣсь, какимъ образомъ я познакомился съ этими людьми. Прибывши въ Кіевъ въ 1844 году, я въ домѣ Юзефовича познакомился съ Кулѣшемъ, котораго Юзефовичъ рекомендовалъ мнѣ съ самой выгодной стороны, какъ человѣка, преданнаго малороссійской исторіи и могущаго мнѣ много пособить въ занятіяхъ исторіею Богдана Хмельницкаго, которую я хотѣлъ тогда начинать. Потомъ я не былъ въ Кіевѣ. Въ 1845 году меня перевели въ кіевскую гимназію учителемъ, гдѣ я сблизился съ Кулѣшемъ и познакомился въ квартирѣ его съ Бѣлозерскимъ и Марковичемъ, потомъ въ Гулакомъ. Всѣ они были напитаны пламеннымъ жаланіемъ трудиться для украинской исторіи, филологіи и народности. Когда Кулѣшъ уѣхалъ въ Петербургъ, я, никогда не преданный украйноманіи, возставалъ противъ безплоднаго направленія, которое увлекало молодыхъ людей отъ дѣльнаго занятія науками и вдавало въ глупости, какъ напр., въ загадки, сказки и т. п. въ тѣхъ лѣтахъ, когда надобно заниматься чѣмъ-нибудь подѣльнѣе, и зная покровительство, оказываемое правительствомъ нашимъ и начальствомъ занятію славянщиною, тѣмъ болѣе еще, что я этимъ людямъ, особенно Бѣлозерскому, хотѣлъ сдѣлать добро, думая, что онъ можетъ, занявшись славянскими языками, въ чемъ онъ прежде получилъ достаточныя основанія, быть кандидатомъ для поѣздки въ славянскія земли, и зная при томъ огромныя свѣдѣнія Гулака, старался отклонить ихъ отъ украйноманіи и развить въ нихъ любовь къ славянству, въ чемъ оба они имѣли начало. Такимъ образомъ я занимался съ Гулакомъ сербскими пѣснями по вечерамъ, потомъ онъ занимался законодательствомъ древнихъ славянъ, а я древнѣйшею исторіею славянъ, а Бѣлозерскій, квартировавшій далеко, занимался также ревностно чешскою литературою, и вообще славянскою филологіею. Въ это время пламеннаго занятія славянствомъ, въ которомъ я просиживалъ и дни и ночи, ибо готовился къ каѳедрѣ, я сдѣлалъ себѣ кольцо съ именемъ Кирилла и Меѳодія, будучи увлеченъ почитаніемъ такихъ великихъ святыхъ мужей, изобрѣтателей азбуки нашей и переводчиковъ св. писанія, что очень понравилось Гулаку и Бѣлозерскому, и Гулакъ тотчасъ сдѣлалъ себѣ кольцо, хотя не такое, какъ у меня, что уже доказываетъ, что тутъ не было идеи общества, потому что, въ противномъ случаѣ, знаки были бы одинаковы. Все это дѣлалось зимою и весною 1846 года. Потомъ Гулакъ и Бѣлозерскій начали называть обществомъ такой кругъ людей, занимающихся славянствомъ, а далѣе Гулакъ началъ мечтать о томъ, чтобъ установить опредѣленныя правила, на что я отвѣчалъ, что это ребячество. Въ самомъ дѣлѣ это было слѣдствіе

дерптскаго духа, занесеннаго Гулакомъ изъ мѣста своего воспитанія. Эта мысль объ обществѣ сдѣлалась въ немъ совершеннымъ полубезуміемъ; онъ самъ не сознавалъ ни правилъ, ни цѣли чего хотѣлъ и увлекался то въ литературу, то въ политику, смотря по тому, какая книга на него подѣйствуетъ. Но такъ какъ я не отвѣчалъ ему на это желаніемъ, а смѣялся, то онъ, казалось, и оставилъ. Бѣлозерскій же держалъ тогда экзаменъ, жилъ нѣсколько времени у Гулака, и тогда я съ нимъ видѣлся очень рѣдко, ибо квартировалъ уже отъ нихъ далеко, и совершенно занялся наукою и другимъ кругомъ знакомствъ. Къ тому еще мнѣ не нравилось ребячество и фантазерство ихъ обоихъ; я съ ними совершенно раззнакомился до того, что Бѣлозерскій уѣхалъ изъ Кіева, не попрощавшись со мною, навсегда. Съ половины мая, іюнь, іюль, августъ и сентябрь я не видалъ Гулака, а въ октябрѣ, какъ я выше замѣтилъ въ первомъ показаніи, Писаревъ прикомандировалъ его мнѣ для изданія Вельчекинской лѣтописи. Гулакъ не показывалъ тогда ни малѣйшей наклонности заводить общество, занимался, кромѣ лѣтописи, исторіею Помераніи и законодательствомъ славянскихъ народовъ, и очень часто я доставлялъ ему книги изъ университетской библіотеки. Вообще онъ отъ меня тогда скрывался и обращался не какъ съ близкимъ знакомымъ, бывалъ рѣдко и очень неохотно. Въ это-то время онъ выманилъ у меня рукописное сочиненіе, въ духѣ самой противозаконной украйноманіи, сочиненное, какъ я подозрѣваю по названію въ другихъ спискахъ: „Законъ Божій", де-Бельменомъ, какъ я показалъ уже прежде. Съ тѣмъ Гулакъ уѣхалъ. А студентъ Навроцкій въ близкихъ отношеніяхъ со мною никогда не былъ, и только весною, когда Гулакъ бредилъ объ обществѣ, Навроцкій тоже заговаривался, но такъ безсвязно, что я до сихъ поръ не помню, о какомъ обществѣ онъ говорилъ, но, кажется, что онъ разумѣлъ подъ обществомъ кругъ людей, занимающихся однимъ предметомъ. Бѣлозерскій, мнѣ помнится, (ибо этому уже годъ) также далѣе не простиралъ своихъ взглядовъ. Поэтому я ничего не могу сказать болѣе объ этомъ предметѣ, кромѣ сказаннаго уже чистосердечно въ первомъ моемъ показаніи, что Общество Кирилла и Меѳодія никогда не существовало и было однимъ бредомъ; ежели жъ бы оно стало чѣмъ-нибудь правильнымъ въ противозаконномъ духѣ, то я бы непремѣнно донесъ объ этомъ. По здравому разсудку, кругъ людей, занимающихся однимъ какимъ-нибудь предметомъ, нельзя назвать обществомъ, разнѣ только принимая слово общество въ такомъ смыслѣ, въ какомъ называется обществомъ и кругъ знакомыхъ. Вольно было легкомысленнымъ людямъ называть обществомъ то, что въ глазахъ моихъ обществомъ никогда не было. Студенты, какъ Марковичъ, Посяденко, Навроцкій, втершись въ мой домъ, дѣйствительно разглашали, что они были въ обществѣ, что доходило стороною до моего слуха, за что я имъ далъ отказъ, и даже весьма неучтивый; къ несчастію, наглость малороссіянина не знаетъ никакихъ предѣловъ вѣжливости, такъ что мой служитель Посяденку едва было не вывелъ за руки, а Навроцкому я принужденъ былъ сказать, чтобъ онъ никогда уже

ко мнѣ не являлся, и только послѣ того въ остальные четыре мѣсяца я ихъ не видалъ въ глаза. Но я съ этими студентами никогда не дружилъ и всегда считалъ ихъ за пустыхъ людей, и если они приходили въ мой домъ, никогда незваные, то я всегда показывалъ видъ, что они мнѣ въ тягость, а часто просто просилъ уходить. Такія посѣщенія были при томъ рѣдки. Я обманулся только въ Гулакѣ и Бѣлозерскомъ, особенно въ первомъ, ибо г. Бѣлозерскій въ близкихъ отношеніяхъ со мною не былъ, уже по короткости времени нашего знакомства. Гулакъ дѣйствительно обнаруживалъ склонность къ либерализму, занесенную имъ изъ Дерпта, въ особенности глупую и странную страсть къ корпораціямъ и обществамъ, но мнѣ послѣ показывалось, что онъ измѣнился; Бѣлозерскій же былъ вначалѣ, подобно Кулѣшу, который надъ нимъ имѣлъ вліяніе, эксцентрически преданъ Малороссіи, но ни отъ того, ни отъ другого я не видалъ злоумышленнаго, коварнаго, либеральнаго направленія и мечты ихъ мнѣ казались дѣтствомъ и увлеченіемъ, ибо все ограничивалось нелѣпыми возгласами въ пользу и преимущество малороссіянъ надъ другими народами.

Вопросъ 12-й. При васъ, въ собраніи у Гулака, Савичъ и Навроцкій разсуждали о необходимости уничтожить въ Россіи монархическій образъ правленія, о введеніи народнаго правленія, въ которомъ бы каждое славянское племя имѣло своего представителя, а Савичъ при этомъ доказывалъ возможность произвести такой переворотъ и воспользоваться для этого строющеюся въ Кіевѣ крѣпостью. Вполнѣ ли вы раздѣляли эти мнѣнія Савича?

Отвѣтъ. Савичъ, отрекомендованный мнѣ Гулакомъ, былъ со мною знакомъ очень на далекой ногѣ, такъ, что я его видалъ раза три въ жизни. Онъ оказывалъ либеральное расположеніе, за что я съ нимъ раззнакомился, такъ что, когда онъ, уѣзжая за границу, хотѣлъ побывать у меня, то я приказалъ сказать, что меня дома нѣтъ. Онъ былъ помѣшанъ на французскомъ коммунизмѣ и считалъ возможнымъ, что общество человѣческое дойдетъ до того, что все будетъ общимъ, даже жены, а о разговорѣ у Гулака я не помню. Либеральныхъ же мнѣній его я отнюдь не раздѣлялъ.

Вопросъ 13-й. Съ какою цѣлію вы составили три легенды о св. Кириллѣ и Меѳодіи?

Отвѣтъ. Легенды о Кириллѣ и Меѳодіи мною не составлены, а переведены изъ Acta sanctorum для сочиненія моего: о томъ, кто просвѣтилъ Россію свѣтомъ христіанской вѣры, которое сочиненіе, углубляя меня въ житіе святыхъ Кирилла и Меѳодія и подало мысль сдѣлать кольцо. Впослѣдствіи я, переработавши его хотѣлъ напечатать вмѣстѣ съ легендами.

Вопросъ 14-й. Для чего вы хранили у себя написанныя на нѣсколькихъ листочкахъ стихотворенія возмутительнаго содержанія, даже „Сонъ", соч. Шевченки исполненное самыхъ пагубныхъ и дерзкихъ описаній особо высочайшаго дома, равно двѣ книги: печатную и рукописную, сочиненій того

же Шевченки, исполненныхъ подобныхъ мыслей! Кто переписывалъ и иллюстровалъ означенную рукописную книгу?

Отвѣтъ. Сочиненія эти держалъ я болѣе для языка, но раздѣлять гнусныхъ мыслей, въ нихъ изложенныхъ, я не могъ никогда. Я имѣлъ намѣреніе давно уже составить словарь малороссійскихъ нарѣчій въ сравненіи съ другими нарѣчіями славянскими и трудился надъ этимъ предпріятіемъ еще въ Харьковѣ, гдѣ помогали мнѣ профессора Метлинскій и Срезневскій. Вслѣдствіе того я собиралъ всякій сбродъ на малороссійскомъ нарѣчіи. Иллюстрированная книга была приведена въ это положеніе де-Бельменомъ, котораго я лично вовсе не знаю. Эта книга была у Юзефовича.

Вопросъ 15-й. Кѣмъ сочинена драма на польскомъ языкѣ, въ которой предисловіе исполнено клеветъ на правительство Россіи, а дѣйствующими лицами выведены политическіе преступники? Отъ кого получили вы эту драму для чего хранили у себя и давали-ли ее кому-либо для снятія копіи?

Отвѣтъ. Драма, писанная на польскомъ языкѣ, Мицкевича, я ее не читалъ вовсе; бывши учителемъ, отнялъ ее у ученика, который инспекторомъ былъ наказанъ. Я ее никому не давалъ и не показывалъ, а хранилъ у себя на основаніи дозволенія профессорамъ имѣть запрещенныя сочиненія, но что въ ней я до сихъ поръ не знаю, а знаю только, что она Мицкевича, по заглавію „Dziady".

Вопросъ 16-й. Почему на печати вашей вырѣзано; Іоанна гл. VIII ст. 32, и съ какою мыслью вы приняли этотъ стихъ себѣ девизомъ?

Отвѣтъ. На печати моей вырѣзанныя слова означаютъ то, что во всякой запутанности, какъ мірской, такъ и ученой, должно прибѣгать къ истинѣ евангельской, которая одна можетъ освободить человѣка изъ стѣсненнаго положенія.

Вопросъ 17-й. Объясните содержаніе предъявляемыхъ вамъ писемъ и стиховъ; кто такіе Метлинскій, Тихоновичъ и Александровъ, какого рода сношенія были у нихъ съ вами, не принадлежали ли они, и въ какой степени къ славянскому Обществу?

Отвѣтъ. Метлинскій—профессоръ Харьковскаго университета, Тихоновичъ—учитель 1-й гимназіи въ Харьковѣ латинскаго языка, а Александрова я не знаю и въ первый разъ слышу о немъ. Съ Метлинскимъ и Тихоновичемъ я знакомъ совершенно дружески, какъ ни съ кѣмъ. Живя еще въ Харьковѣ я былъ съ ними неразлученъ; а съ Метлинскимъ и Срезневскимъ занимался славянскими языками. Метлинскій и Тихоновичъ люди самые честные, преданные правительству, и, такъ какъ я, чуждые общества; такими я зналъ ихъ. Здѣсь, въ ихъ письмахъ, идетъ дѣло о проектѣ изданія „Сельскаго Чтенія" для малороссійскаго простого народа: мысль не заключавшая ничего политическаго. Я уже въ показаніи изложилъ, что было намѣреніе издавать „Сельское

Чтеніе" для малороссіянъ, переводя статьи изъ изданія [1]) князя Одоевскаго. Я писалъ объ этомъ Метлинскому, предлагая ему собрать для этого дѣла охотниковъ участвовать и деньгами, и перомъ, чтобъ потомъ, когда соберутся средства представить это на разрѣшеніе правительству. Я, не видя ничего въ этомъ, ни противозаконнаго, ни идеи общества, о чемъ и писалъ въ письмѣ Метлинскому, взялся въ числѣ многихъ участвовать въ этомъ дѣлѣ, если не перомъ по малороссійски, то частью денегъ, выборомъ статей, совѣтомъ, присмотромъ за печатью, если то будетъ нужно, не ради любви къ Малороссіи, а изъ любви къ просвѣщенію, покровительствуемому правительствомъ. Намекъ на мой планъ есть то, что я въ письмѣ къ нему писалъ, чтобъ каждый изъ подписчиковъ получилъ въ вознагражденіе часть экземпляровъ, и чтобъ прежде всего составлена была программа со всѣми подробностями и одобренная министерствомъ народнаго просвѣщенія, и чтобъ наконецъ испросить содѣйствіе министерства государственныхъ имуществъ къ разсылкѣ изданія между народомъ. При семъ имѣю честь объяснить имѣющіяся въ письмѣ сомнительности. 1) Здѣсь говорится о войнѣ за правописаніе. Метлинскій очень жарко спорилъ о томъ, какое правописаніе избрать для малороссійскихъ сочиненій и присылалъ мнѣ разные замѣчанія по этому предмету, и я отвѣчалъ ему всегда, что это просто пустяки и смѣшно. Теперь онъ это опровергаетъ и доказываетъ важность. 2) Здѣсь говорится о войнѣ за дворянство. Это слѣдующее: по поводу статьи моей въ „Библіотекѣ для чтенія" и по поводу другихъ замѣчаній относительно исторіи Малороссіи, въ которыхъ я указалъ, что прежнее малороссійское дворянство все исчезло или ополячилось подъ игомъ Польши, а нынѣшніе дворяне—новички, и потому не имѣютъ того высокаго значенія древности, какъ русскіе, возникъ споръ, и я писалъ объ этомъ Метлинскому, а онъ, какъ малороссіянъ, здѣсь, кажется, обижается. 3) Объ имѣніи. Я точно имѣлъ намѣреніе купить имѣніе близъ Кіева. 4) Ты понимаешь и пр. Я писалъ къ нему и прежде всегда говорилъ, что стремленіе къ поддержанію народности необходимо связано тѣсно должно быть съ православіемъ и самодержавіемъ. Что онъ понимаетъ подъ національными и оффиціальными формами, я не знаю; онъ ссылается на географическое Общество; и не знаю изданій этого Общества, и потому для меня намекъ этотъ непонятенъ. Александрова же стиховъ я объяснить не умѣю, ибо не знаю этого человѣка, а кажется, что это также нѣчто въ родѣ украйноманіи. Приписку въ письмѣ Тихоновича, я понимаю такъ, что необходимы правила для подписчиковъ. Метлинскій любитъ украинскій языкъ и пѣсни, а Тихоновичъ этимъ вовсе не занимается; оба малороссіяне по роду. При семъ имѣю честь, припомнивши, показать, что я нѣсколько разъ говорилъ Гулаку, Бѣлозерскому и Навроцкому, чтобъ они не мечтали объ обществѣ и если составили какіе уставы, то чтобъ

[1]) Мысль эта извѣстна начальству.

все порвали: ибо всякое названіе общества есть уже преступно, на что они увѣряли, что у нихъ уже ничего нѣтъ и они объ обществѣ и не думаютъ, почему я полагалъ, что бредъ ихъ окончился.

Еще припоминаю, что Гулакъ предлагалъ мнѣ нѣсколько разъ составленные имъ разные проекты, но я не знаю даже, до чего они клонились и отвѣчалъ шутками на всѣ подобныя фантазіи.

Имѣю честь представить при семъ припомненное весьма важное обстоятельство. Во время занятій славянскими древностями и исторіею, я дѣйствительно имѣлъ такую мысль, что хорошо было бы, ежели бъ при императорскомъ университетѣ св. Владиміра было основано Общество филологіи, исторіи и древностей славянскихъ, даже такъ, чтобы уже существующая комиссія для древностей была преобразована въ такое Общество. Эту мысль я сообщалъ многимъ, и въ томъ числѣ помощнику попечителя. Но это было не болѣе, какъ частная мысль, а не замыселъ, и предположеніе такое только тогда могло бы осуществиться, когда бы правительство сочло это нужнымъ. Дѣйствительно мнѣ казалось, тогда, что такое Общество всего приличнѣе могло бы быть названо именами св. Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянъ, какъ университетъ названъ именемъ просвѣтителя Россіи. Эта мысль, высказываемая многимъ, могла породить толкъ о заведеніи Общества и участіи въ немъ моемъ, и потому показанія студента Посяденка, что онъ слышалъ о чемъ-то въ родѣ Общества св. Кирилла и Меѳодія, размысливши, припомнивши, я считаю теперь не совсѣмъ безсознательнымъ; ибо желаніе возможности такого Общества меня точно занимало, но желаніе, а не замыселъ.

На счетъ печати вашей съ вырѣзаною ссылки на текстъ изъ евангелиста Іоанна: „И уразумѣете истину и истина свободитъ васъ", показали вы, что текстъ этотъ взятъ только въ томъ смыслѣ, что во всѣхъ дѣлахъ одна истина можетъ освободить человѣка изъ стѣсненнаго положенія. Но въ § 23 извѣстной вамъ рукописи (Законъ Божій) сказано: „И пришелъ Сынъ Божій на землю, чтобъ открыть истину, дабы та истина освободила родъ человѣческій". Въ §§ 26 и 30 той же рукописи почти тоже сказано. Не эта ли рукопись подала вамъ мысль сдѣлать упомянутую печать, и не была ли печать такимъ же знакомъ славянскаго Общества, какъ кольцо св. Кирилла и Меѳодія.

Печать моя сдѣлана была по слѣдующему незначительному случаю: Кулѣшъ разсказывалъ мнѣ еще въ 1844 году планъ своего романа и затруднялся развязкою, а потомъ, пришедши ко мнѣ черезъ нѣсколько дней, объявилъ, что онъ придумалъ лучше всего оставить такъ, какъ въ самомъ дѣлѣ случилось то событіе, которое онъ избралъ для своего романа сюжетомъ, и произнесъ этотъ текстъ: „И уразумѣете истину" и пр., указывая на то, что истина вывела его сама изъ затруднительнаго положенія. Мнѣ понравилось это, и какъ я себѣ дѣлалъ тогда печать, то и вырѣзалъ на ней помянутый текстъ. Это можетъ засвидѣтельствовать Кулѣшъ, если вспомнитъ.

При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи той же рукописи (Законъ Божій) ока-

зывается, что она не можетъ быть переводомъ: ибо все обнаруживаетъ въ ней оригинальное сочиненіе, приноровленное къ Россіи и Малороссіи. Объясните это, какъ слѣдуетъ.

Подлинникъ сочиненія, извѣстнаго мнѣ подъ именемъ „Поднѣстранки", а другимъ подъ именемъ „Закона Божія" писанъ по малороссійски, о чемъ я показывалъ. Списокъ, съ котораго я переписывалъ, не знаю гдѣ. Обыкновенно, всѣ списки малороссійскіе я бросалъ въ кучу негодной бумаги, предварительно переписавъ иногда въ двухъ и даже трехъ варіантахъ, что можно видѣть изъ тысячей пѣсенъ, сказокъ, документовъ и т. п., хранящихся у меня. Кѣмъ сочиненъ подлинникъ, я не знаю, о чемъ уже показалъ, какъ я не знаю сочинителей многихъ подобныхъ бродячихъ произведеній на малороссійскомъ языкѣ, напр. Разговора Великороссіи съ Малороссіею, Царства праведныхъ, Грицька Залѣзняка и т. п. Объ этомъ сочиненіи я упоминалъ г. помощнику попечителя, именно когда читалъ ему одну статью свою, и по случаю зашелъ разговоръ о бродячихъ малороссійскихъ сочиненіяхъ, и въ самой этой статьѣ, напечатанной въ одномъ изъ нумеровъ „Библіотека для Чтенія", за прошлый годъ (Мысли объ исторіи Малороссіи), я, исчисляя бродячія малороссійскія сочиненія, назвалъ и „Поднѣстранку".—А сколько мнѣ помниться, при этой рукописи находились и стихи, надъ которыми стояло заглавіе „Поднѣстранка".

Эти показанія Костомаровъ добавилъ слѣдующимъ разъясненіемъ:

О рукописи „Законъ Божій", я объявляю, что когда меня схватили въ Кіевѣ, то попечитель и губернаторъ сказали, что Гулакъ явился съ этой рукописью въ III-е Отдѣленіе и объявилъ, будто я, будучи участникомъ заговоровъ Общества Кирилла и Меѳодія, завлекалъ его и далъ ему рукопись, прося распространять ее въ народѣ. Я отвѣчалъ, что рукопись мнѣ извѣстна, но не знаю, откуда и получилъ ее, и даже помнится, что отъ самаго Гулака, только неясно, ибо въ впослѣдствіи онъ захватилъ списокъ, переписанный мною. Попечитель и губернаторъ, засмѣявшись, сказали, что это отнюдь не въ порядкѣ вещей. Тогда я, ясно не припоминая, отъ кого именно я получилъ ее, и соображая, что у Гулака списокъ мой, а у меня другой, и такимъ образомъ, доносъ, кажется правдоподобнымъ, пришелъ въ такой испугъ и совершенное безпамятство, что въ моей головѣ перемѣшались: и одна польская рукопись, переведенная мною, и мысль о томъ, что „Законъ" мнѣ казался произведеніемъ польскаго эмигранта, и, наконецъ, невинное намѣреніе мое издать на славянскихъ языкахъ, и въ томъ числѣ на польскомъ, сочиненія о Кириллѣ и Меѳодіи, и я сказалъ нелѣпость, что я ее перевелъ съ польскаго, чего вовсе не было, и такимъ образомъ самъ на себя накликалъ переводъ. Когда же меня заставили написать, то я съ тѣхъ поръ не зналъ, какъ отдѣлаться отъ несправедливаго показанія на себя самого. И, зная, что Гулаку она давно извѣстна, мнѣ казалось, что она доставлена мнѣ имъ, однако, неясно, ибо въ одно и то

же время я переписывалъ и пересортировывалъ всякую всячину въ своихъ бумагахъ, и Гулакъ, какъ и другіе, мнѣ кое-что доставлялъ. Списавши ее наскоро, и впослѣдствіи уже переписалъ ее, и Гулакъ захватилъ у меня списокъ, какъ я объяснилъ.

7-го мая Костомарову пришлось дать слѣдующіе отвѣты:

Вопросъ: 1) Объясните, когда началось славянское Общество, когда и кѣмъ принято символомъ кольцо и образа, и въ чемъ состоялъ уставъ Общества?

Отвѣтъ: Въ концѣ 1845 года, занимаясь въ Кіевѣ славянскими языками и исторіею славянскихъ народовъ, я познакомился съ двумя молодыми людьми, Бѣлозерскимъ и Гулакомъ, которые, оба, одаренные прекрасными дарованіями, имѣли отличное образованіе и хорошія свѣдѣнія въ славянскихъ языкахъ и исторіи. Такъ какъ я всегда старался распространить любовь къ занятіямъ наукою о славянствѣ, то сблизился съ ними; мы занимались весьма прилежно, хотя не вмѣстѣ, но видались и передавали другъ другу свои замѣчанія. Въ это время когда я просиживалъ дни и ночи надъ книгами и писалъ между прочимъ сочиненіе о Кириллѣ и Меѳодіи, и былъ увлеченъ почитаніемъ святыхъ, просвѣтителей славянъ, изобрѣтателей азбуки и переводчиковъ св. писанія, и сожалѣя, что память ихъ мало у насъ чтима, такъ что нѣтъ нигдѣ ни иконъ ихъ, ни храмовъ во имя ихъ, несмотря на важныя благодѣянія, оставленныя ими и нашей церкви, и нашему образованію, я сдѣлалъ кольцо съ именами ихъ подражая кіевскому обычаю носить кольца въ честь святыхъ. Увидя это, Гулакъ себѣ сдѣлалъ кольцо и Бѣлозерскому это понравилось, но онъ не носилъ. Послѣ Пасхи 1846 года Бѣлозерскій и Гулакъ (вообще расположенный къ ученымъ товариществамъ по дерптскому духу) начали называть обществомъ такой кругъ знакомыхъ, занимающихся славянскою наукою, на что я не соглашался, представляя, что кругъ нашъ не должно называть этимъ словомъ, которое противозаконно, а съ своей стороны говорилъ, что весьма было бы хорошо, ежели бы въ Кіевѣ, съ дозволенія правительства, было основано ученое Общество любителей славянской науки, которое всего приличнѣе могло быть названо именемъ Кирилла и Меѳодія, какъ университетъ названъ именемъ св. Владиміра, просвѣтителя Россіи. Такъ продолжалось до конца мая. Тогда Бѣлозерскій уѣхалъ въ Полтаву, а я перешелъ на другую квартиру, занялся другимъ кругомъ знакомствъ, потомъ уѣхалъ въ Одессу, и такъ воображаемое Общество само собою исчезло. Я называю его только воображаемымъ, ибо я не соглашался именовать его обществомъ, и кольца своего символомъ онаго не считалъ, а Бѣлозерскій кольца вовсе и не имѣлъ. Устава у насъ не было никакого; Бѣлозерскій говорилъ о какомъ-то уставѣ иллирійскомъ, который онъ гораздо ранѣе откуда-то переписалъ или передѣлалъ; но этотъ уставъ не служилъ ни правиломъ, ни основаніемъ. Впослѣдствіи, воротившись, я не видался съ Гулакомъ и даже съ нимъ раззнакомился, но осенью

Писаревъ прикомандировалъ его ко мнѣ для изданія лѣтописи маллороссійской, тогда Гулакъ бывалъ у меня, но рѣдко и неохотно, безъ прежней откровенности, и объ обществѣ ни слова не говорилъ.

2) Въ чемъ состояла цѣль славянистовъ, какимъ путемъ они впали въ заблужденіе и какими средствами намѣрены были дѣйствовать?

Съ идеею объ обществѣ Гулакъ и Бѣлозерскій соединяли чисто ученое направленіе и не показывали желанія дѣйствовать сколько-нибудь для потрясенія или нарушенія существующаго порядка, напротивъ, съ жаромъ говорили о присоединеніи славянъ къ русскому государству, о будущемъ величіи Россіи, о распространеніи православія или, по крайней мѣрѣ, Кирилловскаго богослуженія между инов'ѣрными славянами и самые разговоры касались болѣе западныхъ славянъ, однако, впадали и въ мечтанія слѣдующаго рода:

Многіе изъ западныхъ славянофиловъ изображаютъ въ плѣнительномъ видѣ славянскую предъисторическую патріархальную общинность, которая, по ихъ мнѣнію, составляетъ сокровище, какимъ славяне могутъ гордиться, и славою такого первобытнаго состоянія, когда они были образованнѣе сосѣдей своихъ, замѣнить ту отсталость отъ прочихъ европейскихъ племенъ, въ каковой ихъ упрекаютъ. Нѣмецкіе ученые, унижая племя славянское, раздражаютъ славянофиловъ; отъ этого послѣдніе дошли до другой мечты, что племя славянское впереди покажетъ что-то новое, чудесное, невиданное въ человѣчествѣ во всѣхъ отношеніяхъ общественной и умственной жизни и пророчатъ славянамъ великую будущность, вытекающую изъ развитія ихъ первобытныхъ патріархальныхъ началъ, съ которыми они появляются въ доисторическомъ мракѣ. Отъ этихъ двухъ идей: увѣренности въ первобытномъ блаженствѣ и древней образованности славянъ и надеждѣ на будущее возрожденіе славянъ порождается множество системъ, кружащихъ въ разныхъ оттѣнкахъ подъ перомъ и въ устахъ западныхъ и нашихъ славянофиловъ.

Такая идея будущности славянъ невольно вскользаетъ въ голову, разгоряченную сильнымъ занятіемъ, а потому Гулакъ и Бѣлозерскій мечтали о томъ, что чрезъ нѣсколько вѣковъ славяне образуютъ такое государственное тѣло, въ которомъ будетъ нѣкій новый, еще не существовавшій въ исторіи человѣчества государственный и гражданскій порядокъ, основанный на религіи Іисуса Христа и на чистѣйшихъ началахъ доисторической славянщины, долженствующей воскреснуть въ обновленномъ видѣ; они не сознавали ясно, что будетъ это новое, славянское общественное зданіе, а вообще говорили, что нѣтъ возможности никакому пытливому уму и воображенію представить себѣ ясно, какова будетъ будущность славянская, ибо славяне суть предъизбраны провидѣніемъ для величайшихъ цѣлей, и достиженіе ими своего назначенія будетъ такимъ же переворотомъ въ человѣчествѣ, какъ переселеніе народовъ и конецъ древняго міра. Труды же славянофиловъ должны вы-

ражать собою надежду только будущаго блаженства, впрочемъ безъ малѣйшаго противорѣчія существующимъ властямъ и настоящему порядку. Новое государство откладывалось на тысячелѣтія, а достиженіе къ оному предполагалось не политическими переворотами, а мирнымъ, не насильственнымъ ходомъ развитія умственнаго путеводимаго вѣрою, въ чемъ также полагалось отличіе и преимущество славянъ предъ другими народами. Всѣ эти мечтанія относились преимущественно къ западнымъ славянамъ, отъ которыхъ онѣ зашли къ намъ, особенно отъ иллирійцевъ.

Итакъ, вообще, надежды и планы нашего воображаемаго Общества выражались въ четырехъ предположеніяхъ:

1) Вѣра въ великую будущность славянъ, которую однако никто себѣ опредѣлительно не представлялъ.

2) Надежда на присоединеніе славянъ къ россійскому государству.

3) Распространеніе православнаго исповѣданія, или, по крайней мѣрѣ, кирилловскаго богослуженія между всѣми славянами.

4) Распространеніе знанія исторіи и языковъ славянскихъ между всѣми славянами. Душѣ обоихъ моихъ знакомцевъ предоставляется открыть, въ какой степени занимали ихъ эти идеи.

3) Въ чемъ состояло ваше участіе въ славянскомъ Обществѣ?

Я съ своей стороны хотя на общество не соглашался, однако занимаясь почти до болѣзни мракомъ первобытной славянщины, также впадалъ въ ученыя мечтанія о будущей судьбѣ и возрожденіи славянъ по первобытнымъ началамъ; эти мечтанія у меня шли параллельно съ углубленіемъ въ древность, и никогда не дѣлались положительнымъ убѣжденіемъ, такъ что, когда я вступилъ въ кругъ ясной исторіи, то убѣдился ученымъ образомъ, что съ одной стороны доисторическая славянская патріархальность есть не болѣе, какъ не сформировавшееся общество полудикаго племени и не составляетъ особенности славянъ, а обща всѣмъ младенчествующимъ народамъ, а съ другой, что будущее возрожденіе можетъ только выразиться въ стройной монархіи. Тогда я принялъ за исходный пунктъ ту идею, что панславизмъ долженъ вести славянъ къ соединенію съ Россіею, какъ единственною державою славянскою, сохранившею свою самобытность, а чтобъ не раздражать другихъ славянъ, которые дорожатъ своею народностію, я предполагалъ, что надобно пустить въ ходъ ту идею, что всѣ народы славянскіе, находящіеся теперь подъ чуждою властію, образуютъ федеративную монархію подъ властію русскаго государя, не относя туда собственной россійской имперіи. Зная же по опыту и наблюденію, какъ легко входитъ въ голову мечтательныя панславистическія идеи (вредныя, замѣчу, тѣмъ болѣе, что поляки стали принимать панславизмъ за средство для своихъ цѣлей и представлять Польшу свѣтомъ славянства, а славянство свѣтомъ человѣчества), я предполагалъ написать два сочиненія съ цѣлью предотвращенія молодыхъ людей отъ впаденія въ такія идеи:

1) Составить повѣсть, въ которой осмѣять мечтательное славянофильство, съ его идеями возрожденія, по собственнымъ началамъ, и съ этой цѣлію набросалъ повѣсть „Паничъ Наталичъ“, гдѣ представилъ молодого человѣка, помѣшавшагося на панславизмѣ отъ уединенія и сильнаго занятія пустыми мечтами.

2) Составить сочиненіе о панславизмѣ, которое и хотѣлъ раздѣлить на двѣ части, и въ первой показать, что патріархальная славянская блаженная демократія есть мечта, равно какъ и древняя образованность; и что, такимъ образомъ, нѣтъ тѣхъ свѣтлыхъ началъ, какихъ ищутъ славянофилы. А во второй показать, что будущее возрожденіе славянъ не можетъ совершиться ни по первобытнымъ началамъ, какихъ нѣтъ, ни по западнымъ либеральнымъ, чуждымъ и гибельнымъ для нашего племени, что истинныхъ началъ славянскихъ должно искать въ ясной исторіи русскаго народа, единственнаго, сохранившаго свою самобытность; и поэтому, если только благими видами провидѣнія оправдается надежда славянофиловъ на возрожденіе, то оно можетъ совершиться по началамъ русскимъ, существующимъ и существовавшимъ, а не по небывалымъ началамъ доисторической славянщины; что наконецъ всѣ славянофилы, если хотятъ узнать коренные элементы и, такъ сказать, эссенцію жизни славянской, должны обратиться къ изученію Россіи, а славяне западные, во всевозможнѣйшемъ сближеніи съ Россіею, искать желаемаго обновленія по началамъ истинно славянскимъ.

Съ полною откровенностію излагая здѣсь ходъ моихъ славянскихъ занятій, сознаю, что всѣ панславистическія мечтанія, идеи, предположенія были у меня незамѣтнымъ для меня самого слѣдствіемъ сильнаго занятія наукою о славянствѣ; изученіе оной я не предполагалъ противнымъ благонамѣреннымъ видамъ правительства, которое всегда благосклонными вниманіемъ одобряло и ученыхъ нашихъ славянофиловъ, и путешественниковъ въ славянскія земли: отъ этого я съ жаромъ и принялся за изученіе славянщины. Если же, увлекаясь наукою, я заходилъ въ мечтаніе о такихъ предметахъ, о которыхъ мнѣ мечтать не слѣдовало, то это дѣлалось невольно, ибо и у нашихъ, и у западныхъ славянофиловъ встрѣчалъ я подобныя идеи, возгласы, надежды; и я тѣмъ же увлекался, но не выходилъ изъ чисто ученой сферы, не умалялъ славянствомъ моимъ ни на волосъ любви моей къ государю моему, не распространялъ ничего, что бы могло въ комъ-нибудь потрясти вѣрность и долгъ, а въ послѣднее время, занимаясь по долгу службы русскою исторіею, совсѣмъ отсталъ отъ панславизма во всѣхъ отношеніяхъ и углубился въ изученіе древностей русскихъ, положивъ себѣ правиломъ, что ученый не долженъ строить утопій и даже съ благою цѣлію пускаться въ предположенія, которыя дѣло правительства, а не науки.

4) Кто еще, кромѣ Гулака и Бѣлозерскаго, участвовали въ славянскомъ Обществѣ, и поясните, что означаютъ сомнительныя выраженія въ перепискѣ ихъ съ вами?

Студентъ Навроцкій, живя съ Гулакомъ на его иждивеніи,

только физически, такъ сказать входилъ въ этотъ кругъ трехъ славянофиловъ, но ни умственно, ни сердечно принимать въ немъ участія не могъ, по совершенной ограниченности своей въ наукѣ славянской и по оффиціальнымъ занятіямъ лекціями профессоровъ. Украинофильство есть привязанность весьма малаго числа малороссіянъ къ своей народности, происшедшая оттого, что эта народность гаснетъ, народъ простой мѣняетъ свой языкъ на русскій, а извѣстно, когда исчезаетъ народность, всегда является въ пользу ея агоническое движеніе. Украинофильство глубокихъ корней не пустило, ибо книги, по малороссійски писанныя, расходятся плохо и появляются рѣдко, и преслѣдованіе ихъ скорѣе возбудитъ то, что уснаетъ наѣки. Въ Кіевѣ прошлый годъ родилась мысль издавать „Сельское Чтеніе" для малороссіянъ, выбирая статьи отъ Одоевскаго или Заблоцкаго; просили и меня содѣйствовать этому, на что я сказалъ, что соглашусь, когда будетъ соизволеніе министра народнаго просвѣщенія и содѣйствіе министра государственныхъ имуществъ. Кулѣшъ точно преданъ Малороссіи, за что я съ нимъ спорилъ до личностей. Онъ полагаетъ, что малороссіяне, будучи превосходнѣе насъ, великороссіянъ, получатъ преимущественно передъ нами довѣренность государей, будутъ занимать мѣста, превзойдутъ насъ въ наукахъ, литературѣ однимъ словомъ, все, чѣмъ будетъ гордиться Россія, все, что въ ней будетъ честнаго, справедливаго, вѣрнаго царю и отечеству, все будетъ преимущественно отъ малороссіянъ. Кромѣ этихъ идей соревнованія, я отъ него не слыхалъ никакихъ нелѣпыхъ толковъ о какомъ-нибудь возстановленіи Малороссіи или потрясеніи правительственныхъ властей. Въ перепискѣ его выражается споръ о народности и литературѣ. Дѣйствительно, нѣкоторыя фразы, напримѣръ о трубахъ, объ оружіи и т. п. кажутся сомнительными. Но это значитъ слѣдующее: я разбиралъ повѣсть объ украинскомъ народѣ; одно въ ней хвалилъ, другое порицалъ, и говорилъ, что когда мнѣ придется съ каѳедры говорить объ исторіи Малороссіи, то я постараюсь наповалъ поразить историческими доводами это украинофильство и ложный взглядъ на казачество, писалъ къ нему, что предаваться сильно Малороссіи не стоитъ, тѣмъ менѣе стараться поддерживать ея народность; что Богъ одни народности набралъ для саморазвитія, а другія, напротивъ, должны исчезать, примыкая къ набраннымъ, и что малороссійская относится къ пензбраннымъ, доказывалъ это фактами, именно тѣмъ, что малороссіяне, бывши военнымъ народомъ, носа почти всѣ оружіе, не имѣли столько энергіи, чтобъ самимъ собою освободиться отъ татаръ и поляковъ и успокоены единственно Россіею, изъ этого я выводилъ заключеніе, что когда провидѣнію угодно было, чтобъ малороссійская народность уступила мѣсто русской, то и не нужно стараться ее воскрешать, ибо это во всякомъ случаѣ будетъ напрасное усиліе и отъ трубъ израильскихъ не возстанутъ ея стѣны. Въ отвѣтъ на это раздраженный Кулѣшъ перефразируя мои слова, пустилъ въ меня посланіе съ трубами, отъ которыхъ падаютъ стѣны и твердыни, и возстанетъ Украйна.

Все это не больше, какъ обыкновенная привычка выражаться гиперболически, принятая имъ и вообще малороссіянами. Сколько Кулѣшъ позволилъ мнѣ знать себя, я такъ понималъ ихъ и понимаю. Художникъ Шевченко знакомъ со мною мало, былъ у меня раза три, четыре, не говорилъ ничего ни благонамѣреннаго, ни злонамѣреннаго, обращался со мною осторожно и даже никогда не выставлялъ преимуществъ своей малороссійской народности, а разсказывалъ смѣшные анекдоты о своихъ землякахъ, описывалъ ихъ обряды и т. п. Направленіе стиховъ его, напечатанныхъ еще въ 1840 году, уже поэтому не имѣетъ ничего общаго съ пребываніемъ его въ Кіевѣ, позднѣйшимъ и короткимъ. Молодые же люди, какъ Марковичъ и другіе увлекаются народностію, отчасти по врожденной юношѣ любви къ своему углу, а отчасти по неохотѣ заняться чѣмъ-нибудь дѣльнымъ. Несмотря на то, что они выражаются гиперболически и съ важностью о пустякахъ, этотъ пылъ легко проходитъ, когда служебное занятіе, семейныя дѣла и т. п. не позволятъ имъ болѣе заниматься пѣснями, загадками и проч., чему я не разъ былъ свидѣтелемъ. Не входя съ ними въ близкія сношенія, не допуская ихъ къ домашнему знакомству, я не знаю ихъ внутренняго направленія вполнѣ, но по долгу совѣсти и присяги показываю, что въ Кіевѣ и ни отъ кого не слыхалъ чего-нибудь возмутительнаго, клонящагося къ нелѣпостямъ о возстановленіи Малороссіи и т. п. Бывши причастенъ славянскимъ мечтаніямъ, украинскимъ и причастенъ не былъ, вооружался противъ нихъ сильно, что ясно доказываютъ письма Кулѣша; писалъ исторію Малороссіи, которая бы очень не понравилась украйнофиламъ, и потому не имѣю сердечнаго побужденія щадить такое направленіе, котораго я не раздѣлялъ и надъ которымъ смѣялся. Увлеченіе малороссіянъ происходитъ еще отъ того, что нѣтъ правильной исторіи Малороссіи, ибо исторія Бантыша скучна и неудобочтима, а такое глупое изданіе, какъ исторія Маркевича, гдѣ великій гетманъ представляется геніемъ, почти равнымъ Наполеону, сбиваетъ съ толку неопытныя головы, воображающія себѣ что-то изумительное въ казачествѣ. Главное, что поражаетъ незнающаго безсмысленнаго украинофильства, это ихъ преувеличенія съ какими они посредственнаго писателя готовы поставить выше Шекспира, и каждую пѣснь считаютъ превосходнѣе вѣкового произведенія искусства. Притомъ это остатокъ идеи народности, которая въ образованномъ кругу перешла уже свою крайность, а въ западной Малороссіи еще не подчинилась истинной точкѣ зрѣнія.

5) Дѣйствительно ли въ декабрѣ 1846 года при васъ, у Гулака, помѣщикъ Савичъ разсуждалъ о революціонныхъ предположеніяхъ, говоря, что въ случаѣ возстанія можно воспользоваться кіевскою крѣпостью. Точно ли Гулакъ, предаваясь революціоннымъ идеямъ, говорилъ, что въ случаѣ необходимости должно пожертвовать царскою фамиліею, и правда ли, что на лекціяхъ въ университетѣ, вы старались выводить примѣры изъ древней русской исторіи о народныхъ волненіяхъ и убійствѣ великихъ князей?

О толкахъ и разговорахъ, происходившихъ будто бы у Гулака, по совѣсти объявляю, что ничего не знаю. Савичъ, съ которымъ я едва знакомъ, не говорилъ ничего относительно Россіи или монархическаго правленія, ни о Малороссіи. Разговоръ же о крѣпости, преступный и до крайности нелѣпый, вѣроятно, есть выдумка, по крайней мѣрѣ, я не былъ при немъ. Савича я не знаю и не могу сказать ничего ни хорошаго, ни дурного объ его направленіи и мнѣніяхъ относительно правительства и существующаго порядка. Разговоръ Гулака тоже при мнѣ не происходилъ; а будто я на лекціяхъ проводилъ примѣры объ убійствѣ великихъ князей — есть клевета, и при томъ невѣжественная, ибо ни одинъ изъ нашихъ великихъ князей въ древности не былъ убитъ во время революціи.— и я не столько несвѣдущъ въ русской исторіи, чтобъ въ какомъ-нибудь отношеніи взять для сравненія съ настоящимъ временемъ что-нибудь изъ удѣльнаго хаоса, въ которомъ общественныя начала еще не сформировались, въ который Россія совсѣмъ не то была, что по образованіи изъ него стройной монархіи при Іоаннѣ III. Наконецъ, я еще такъ нравственно не палалъ, чтобы осмѣлился слушать, не только самъ принимать участіе въ разговорахъ столь гнусныхъ, каковы означены въ предложенномъ мнѣ вопросѣ.

6) Для чего вы хранили у себя возмутительныя сочиненія, откуда получили рукопись „Законъ Божій“, для чего передали ее Гулаку, и не считались ли означенныя сочиненія средствами для достиженія цѣлей Общества?

Непозволительныя рукописи, какъ-то: „Dziady“; „Подчистранку“, или „Законъ Божій“, „Сонъ“ и другія я пріобрѣталъ отчасти по врожденной страсти къ рѣдкостямъ, отчасти съ цѣлію, что все пригодится для изслѣдованій языка и для соображеній историческихъ, но теперь я крайне сожалѣю и глубоко раскаиваюсь, что держалъ и переписывалъ эти мерзости. То только служитъ мнѣ утѣшеніемъ, что, видитъ Богъ, какъ далекъ я былъ отъ всѣхъ гнусныхъ революціонныхъ убѣжденій и отвратительныхъ мыслей, обращеніе дара Божія—слова на подлое змѣиное шипѣніе противъ священныхъ предметовъ, установленныхъ и благословленныхъ небомъ. „Законъ Божій“ я списалъ еще давно, сколько могу припомнить отъ Хмельницкаго, который служилъ въ кавказскомъ корпусѣ, случайно квартировалъ со мною недолго въ Харьковѣ и потомъ уѣхалъ, кажется, въ Петербургъ. Нѣсколько лѣтъ эта рукопись валялась у меня безъ употребленія, пока несчастный случай не привелъ меня читать Мицкевича, и я вспомнилъ объ ней, открылъ и смотрѣлъ на нее, какъ на историческій памятникъ, близкихъ къ нашему времени заблужденій. Гулакъ, бывая у меня въ домѣ по случаю перевода лѣтописи, захватилъ ее у меня, воспользовавшись моею разсѣянностію, произведшею оттого, что я занятъ былъ сильно своимъ сватовствомъ. Такимъ образомъ Богъ попустилъ меня за грѣхи мои въ величайшее несчастіе быть невольнымъ орудіемъ распространенія подлѣйшей рукописи. Мнѣ кажется, она произведеніемъ поляка, ибо тексты: всякая власть, истина

быть слугою, толкуются и упоминаются также точно у Мицкевича, Деленевля и въ запискахъ Даниловича, покойнаго профессора, тайнаго недоброжелателя нашего, хотя ученаго человѣка. При томъ многіе поляки изъ юго-западной Руси, напр. Чайковскій, Залѣсскій и другіе кричали о возстановленіи и славѣ Украйны, такъ что порицали своихъ соотечественниковъ. Эта рукопись не имѣла ни малѣйшаго приложенія къ прежнимъ занятіямъ славянскимъ и къ тому ученому бреду, который происходилъ въ апрѣлѣ и маѣ, и обоимъ знакомцамъ моимъ была ненавѣстна. Также „Сонъ“ и прочія стихотворенія со славянствомъ не имѣли отношенія, и не служили ни правилами, ни возбужденіями.

7) Почему вы избрали текстъ изъ св. писанія: „И уразумѣете истину, и истина свободитъ вы“, для своей печати, и не была ли она печатью Общества?

О печати своей я съ полною откровенностію объявляю, что она сдѣлана рѣшительно безъ всякаго непозволительнаго умысла и не служила никакимъ девизомъ Общества или тайныхъ цѣлей и намѣреній. Текстъ заключаетъ общечеловѣческую, примѣняемую къ тысячѣ случаямъ жизни истину, а для меня, какъ для занимающагося исторіею, онъ казался самымъ приличнѣйшимъ.

8) Не имѣете ли добавить еще что-либо къ своему показанію?

Такъ, съ полною откровенностію, съ совершеннымъ признаніемъ, какъ только могу вспомнить и сообразить въ настоящемъ моемъ горѣ, я предстаклію все, что знаю, и все, что не только было, но и что происходило въ душѣ моей. Занимаясь прошлый годъ славянствомъ, я былъ увѣренъ, что дѣйствую и думаю, не отступая ни отъ закона, ни отъ долга, ни отъ любви къ государю; что и дѣйствительно такъ было; но я заходилъ въ мечтаніи, безъ коихъ наука можетъ обойтись, заходилъ невольно, безъ злоумышленія, съ горячею любовью къ долгу; при томъ не разносилъ изъ кабинета никакихъ утопическихъ мечтаній, зная, что самое невинное мечтаніе, переходя въ неопытную толпу, можетъ производить дурныя послѣдствія; тѣмъ не менѣе, убѣжденъ, что ученые не должны и съ ревностнѣйшими желаніями пользы и славы государю и отечеству, заходитъ далѣе того, сколько имъ открыто указано благоразумнымъ правительствомъ; въ противномъ случаѣ они вмѣсто добра, по самому незнанію своему, будутъ только препятствовать тому, чего самп, какъ вѣрные сыны, желаютъ. Все это я теперь ясно вижу и сознаюсь, что въ этомъ я, при всей видимой мною законности своихъ занятій, впалъ въ прегрѣшеніе невольное, какъ мудро выражается церковь; и еще глубже раскаиваюсь, что держалъ непозволительныя рукописи. Самъ Господь указалъ мнѣ, какъ я поступилъ легкомысленно и неосторожно; но я не имѣлъ въ душѣ злыхъ помышленій, и потому, полагаясь на Бога, въ рукѣ коего сердце царево, со страхомъ и благоговѣніемъ, слезами умиленія орошаю священныя стопы августѣйшаго государя, отца моего, и умолію его высокую благость объ отеческомъ милосердіи

Наконецъ, на вопросъ, предложенный адъюнктъ-профессору Костомарову онъ отвѣчалъ 19 мая.

Вопросъ. 1) Коллежскій секретарь Гулакъ, сознавшись, наконецъ, въ участіи съ вами по славянскому Обществу, объяснилъ дѣло согласно съ вашимъ показаніемъ, но, между прочимъ, объявилъ, что рукопись: „Законъ Божій" имъ сочинена, тогда какъ, по вашимъ словамъ, рукопись эта есть сочиненіе въ духѣ польскомъ и была получена вами отъ офицера Хмельницкаго. Объясните это противорѣчіе.

Отвѣтъ. Вѣроятно, Гулакъ, движимый, наконецъ, раскаяніемъ въ своемъ безразсудномъ и безчестномъ поступкѣ, именно, что онъ, отъѣзжая въ С.-Петербургъ, утащилъ у меня рукопись и черезъ то повергъ меня отвѣтственности и за то, что эта рукопись, быть можетъ, распространилась, за то единственно, что, по добротѣ души, я слишкомъ былъ довѣрчивъ къ людямъ и не предполагалъ тайнаго зла, вѣроятно, Гулакъ думаетъ теперь этимъ загладить передъ Богомъ то, чѣмъ онъ отплатилъ мнѣ за добро.

24 мая Костомаровъ далъ дополнительное объясненіе:

«Съ полною откровенностію и раскаяніемъ объявляю, что я, въ безпокойномъ волненіи духа, не точно выражаясь, обвинилъ Савича въ какомъ-то коммунизмѣ совершенно необдуманно и неосновательно, такъ что, припомнивши и обдумавши, вынужденъ теперь съ ужасомъ сознаться въ своей неумышленной винѣ и со слезами просить прощенія: ибо я оговорилъ человѣка, котораго едва знаю, и согрѣшилъ предъ Богомъ и государемъ».

Этими объясненіями были закончены допросы Н. И. Костомарова. Въ всеподданѣйшемъ докладѣ шефъ жандармовъ Орловъ предполагалъ „Коллежскаго асессора Костомарова, участвовавшаго въ украино-славянскомъ Обществѣ, придумавшаго кольцо и названіе Обществу св. Кирилла и Меѳодія, давшаго ходъ преступной рукописи „Законъ Божій", и хотя впослѣдствіи откровенно сознавшагося, но тѣмъ болѣе виновнаго, что онъ былъ старѣе всѣхъ по лѣтамъ (ему было тогда двадцать восемь лѣтъ), а по званію профессора обязанъ былъ отвращать молодыхъ людей отъ дурного направленія, заключить въ крѣпость на одинъ годъ, и послѣ того отправить въ одну изъ отдаленныхъ Великороссійскихъ губерній на службу, но ни какъ не по ученой части, съ учрежденіемъ за нимъ строжайшаго надзора".

Императоръ Николай написалъ противъ этихъ строкъ доклада „Въ Вятку".

Изъ воспоминаній.

(Процессъ Сыцянко, 1879—1880).

Съ паролемъ, даннымъ мнѣ Желябовымъ, пришелъ ко мнѣ Гольденбергъ. Когда я припоминаю мое отношеніе къ Гольденбергу, мнѣ и теперь кажется страннымъ то, что ни одной фактической услуги мнѣ оказывать ему не приходилось. Другіе, приходившіе ко мнѣ, всегда приходили не изъ праздднаго любопытства, а нуждаясь въ какой бы то ни было помощи или указаніяхъ. Это отношеніе ко мнѣ Гольденберга—отношеніе праздднаго любопытства—и спасло меня: онъ не могъ ничего сказать обо мнѣ въ черезчуръ откровенныхъ своихъ показаніяхъ, но сказаннаго имъ достаточно было для того, чтобы послѣ ареста Гольденберга и меня арестовали, какъ «крайняго революціонера». Послѣ своего ареста Гольденбергъ былъ перевезенъ въ Одессу.

Подъ вліяніемъ хитрыхъ пріемовъ жандармскаго полковника, товарища прокурора и личнаго честолюбія, онъ далъ откровенныя показанія и оговорилъ приблизительно сто человѣкъ. Въ числѣ этихъ оговоренныхъ были юноши изъ Харькова, Александръ Сыцянко и его отецъ Іосифъ; оговорилъ онъ и меня. Молодой Сыцянко, Богуславскій, студенты Блиновъ и Кузнецовъ были близко знакомы и составляли нѣчто въ родѣ общей организаціи. Харьковъ всегда былъ городъ положительный... Въ немъ были по преимуществу, люди мысли, не чувствъ и страстей... И этотъ кружокъ носилъ такой же характеръ дѣятельности, основанной на продуманной мысли, а не на порывахъ чувствъ и страстей.

Кружокъ былъ народническій съ оттѣнкомъ народовольчества... Потомъ это направленіе, общее съ нѣкоторыми другими городами черноземной полосы, кто то изъ старыхъ радикаловъ назвалъ народнико-народовольческимъ... Люди этого направленія, не партіи, всегда оказывали помощь и содѣйствія народовольцамъ безъ увлеченія и страсти, какъ гордая по ту сторону Днѣпра. Харьковскую организацію тѣсно связывали тѣ собранія, на которыхъ присутствовали Гольденбергъ, Желябовъ, Перовская, Теллаловъ и другіе нелегальные.

Александръ Сыцянко былъ въ послѣднемъ классѣ реальнаго училища. Его отецъ, лекторъ электро-терапіи въ Харьковѣ, имѣлъ мастерскую, въ которой приготовлялись электрическія аппараты для

леченія. Ему нужны были 2—3 слесаря. При содѣйствіи сына въ эти слесаря попали радикалы. Между ними былъ Ванечка Окладскій. Ванечка работалъ въ мастерской и въ то же время заводилъ знакомство съ другими рабочими города Харькова.

Кружокъ Сыцянко, Блинова и другихъ, въ то время, когда организовались 3 совмѣстныхъ взрыва, держалъ складъ или былъ этапомъ, гдѣ на перепутьи, временно хранились разныя вещи: буравъ, спирали Румкорфа, также нелегальная литература. Александръ Сыцянко имѣлъ преимущество предъ другими членами кружка. У его отца былъ собственный домъ. Отецъ предоставлялъ дѣтямъ полную свободу. Въ разсказываемое нами время отецъ Сыцянко строилъ второй домъ. Нижній этажъ этого дома настолько былъ достроенъ, что тамъ помѣстилась сапожная мастерская, верхній этажъ еще не былъ гожъ для жилья. Чердакъ тоже считался не жилымъ мѣстомъ. Александръ Сыцянко использовалъ этотъ чердакъ, какъ складъ для нелегальной литературы. У молодого Сыцянко временно сохранялся буравъ, которымъ сверлили стѣну, спирали Румкорфа, оказавшіяся не нужными послѣ неудачнаго покушенія подъ Александровскомъ. Все это хранилось у Сыцянко въ мастерской его отца.

Мальчикъ, ученикъ сапожника, жившій въ недостроенномъ домѣ нижняго этажа, чѣмъ-то провинился. Онъ, скрываясь отъ наказанія, залѣзъ на чердакъ. Желая найти укромный уголокъ, онъ какъ разъ попалъ на складъ революціонныхъ изданій. Забывши объ опасности, угрожавшей ему за его проступокъ, или, можетъ быть, своей находкой разсчитывая загладить вину, мальченка побѣжалъ съ этой находкой къ своему хозяину. Хозяинъ донесъ въ жандармское правленіе. Въ ту же ночь былъ обыскъ. Нашли спираль Румкорфа. Арестовали утромъ Александра и его отца, нашли нѣкоторыя замѣтки съ адресами другихъ лицъ кружка: Богуславскаго, Кузнецова, Блинова, Гейера. Послѣ обыска всѣхъ арестовали. Первое время на допросахъ они держали себя бодро.

Въ этомъ кружкѣ особенною популярностью пользовался Гольденбергъ. Онъ здѣсь рекомендовалъ себя, какъ убійца кн. Кропоткина. Между радикалами средней величины Гольденберъ считался огромной величиной. Дическулъ, судившійся по процессу 193, сестры Тумановы, судившіяся по процессу 50, всѣ они выражались съ крайней почтительностью о Гольденбергѣ. Покушеніе на князя Кропоткина, отважно и удачно совершенное Гольденбергомъ, сдѣлало его героемъ въ глазахъ революціонеровъ и особенно въ собственныхъ глазахъ. Онъ не выдавался ни развитіемъ, ни ораторскими способностями. Выступленія его въ Харьковѣ какъ народовольца на сходкѣ въ Москалевской школѣ были неудачны. Александръ Сыцянко, тогда народникъ, оппонируя ему, Гольденбергу, ставилъ его въ затруднительное положеніе. «Герой» не могъ справиться съ молодымъ юношей, ученикомъ реальнаго училища. «Теперь намъ нужны не сильныя сердца и не сильные умы, говорили они, а намъ нужна рука, которая не дрогнула бы». Это мнѣніе старыхъ радикаловъ о Гольденбергѣ создавало вокругъ его личности ореолъ. Честолюбіеростетъ (часто) обратно пропорціонально внутреннимъ достоинствамъ. Такъ росло честолюбіе и самомнѣніе

Гольденберга. Этимъ и воспользовались производившіе дознаніе и достигли желательныхъ результатовъ. Показанія Гольденберга съ подробными характеристиками арестованныхъ въ Харьковѣ юношей были имъ предъявлены, молодежь смутилась. Если прибавить къ этому тѣ пріемы, которые практиковали тогда жандармы, и то грубое обращеніе въ тюрьмѣ, которому подвергалась молодежь и самую личность харьковскаго губернатора фонъ Валя, — то будетъ вполнѣ понятно, что молодежь начала разсказывать все, что она знала про себя.

Въ это начало темнаго времени жизни русскаго общества былъ арестованъ и я, 19-го декабря 79 г.

Я жилъ въ Харьковѣ, въ аптекѣ лаборантомъ; у меня была отдѣльная комната. Когда ночью пришли и разбудили меня, первое, что поразило ихъ, это отсутствіе у меня постели и несмотря на зиму легкое старое шелковое порванное покрывало; начали обыскивать, при обыскѣ ничего не нашли. Послѣ обыска меня заключили въ губернскую тюрьму. Всѣ политическіе сидѣли въ одиночныхъ камерахъ, въ казенномъ платьѣ и на казенной пищѣ. Пользовавшіеся особеннымъ благоволеніемъ жнадармскаго управленія носили свое нижнее бѣлье. Меня одѣли въ грязную съ насѣкомыми холщевую рубашку, дырявый порванный арестантскій халатъ.

Въ первый же день, когда я очутился одинъ въ своей камерѣ, меня преслѣдовала одна мысль: у меня остался морфій, подмѣшанный въ начатой четверкѣ чая, также въ коробочкѣ были различные яды. Я боялся, чтобы прислуга, или кто-нибудь изъ постороннихъ не воспользовались чаемъ, не заварилъ его и не произошло бы несчастнаго случая. Ходя по комнатѣ я забылъ про арестъ и про все, что меня окружало и мнѣ угрожало. Меня мучила одна мысль: какъ бы предупредить возможность отравленія человѣка. Я перебиралъ въ своей головѣ всѣ возможныя формы предупрежденія сегодня, въ этотъ же день. Самое простое было написать письмо провизору аптеки, но это письмо могло бы повредить провизору: поэтому я выбралъ другой путь. Ко мнѣ вошелъ старшій надзиратель и добродушно началъ посвящать меня въ устройство вентиляторовъ. «Вотъ тутъ, говорилъ онъ, если воздухъ покажется вамъ нечистымъ, вы откройте этотъ душничекъ, воздухъ станетъ полироваться и очищаться». Въ этой простой фразѣ, обращенной ко мнѣ, я увидѣлъ его участіе и сейчасъ явилась мысль использовать это участіе, спросить, не согласится ли онъ передать письмо къ провизору нелегально. Безъ всякихъ подходовъ я подошелъ къ нему и попросилъ у него бумагу и карандашъ, заявивъ, что мнѣ очень нужно написать записку, и спросилъ, согласится ли онъ передать эту записку по назначенію. Онъ съ предупредительностью согласился и черезъ 15 мин. у меня въ рукахъ былъ карандашъ и бумага. Записка была при немъ же написана. Я его торопилъ передать; онъ меня успокаивалъ, что все будетъ сдѣлано въ тотъ же моментъ. Въ запискѣ я просилъ провизора передать Г—ману, чтобы онъ очистилъ мою комнату и уничтожилъ чай съ морфіемъ;—нечего и говорить, что записка въ тотъ же часъ была передана жандармскому управленію. Въ тотъ же день былъ обыскъ на моей квартирѣ, чай былъ забранъ, было забрано фунта два по-

рошку, который одинъ юноша террористъ безъ моего вѣдома и разрѣшенія пряталъ у меня въ комнатѣ, желая насытить порошки нитроглицериномъ, для приготовленія динамита; найденъ былъ какой-то кусочекъ смѣси, который посчитали пистоннымъ составомъ для бомбъ, системы Кибальчича.

Это было утромъ. Въ полдень того же дня позвали меня въ контору. Въ конторѣ я засталъ жандармскаго полковника. Онъ обратился ко мнѣ словами: «если у васъ есть уваженіе ко мнѣ, какъ къ человѣку»... Не успѣлъ онъ окончить слова «уваженіе, какъ къ человѣку», внутренность моя вся перевернулась, кровь хлынула къ головѣ,—настолько мнѣ показалось оскорбительнымъ для человѣка его сопоставленіе; я сталъ въ позицію и сказалъ довольно рѣзко (я не могу безъ смѣха теперь вспомнить ни эту патетическую рѣчь, ни эту позу) приблизительно слѣдующее: «и вы еще говорите о человѣкѣ, если бы у васъ и была искра человѣка, можетъ быть она и есть у васъ и вы эту искру божью хотите использовать для своей сыскной цѣли, и т. д. и т. д.» Я патетически махнулъ рукой и сказалъ: «уводите, болѣе не могу быть здѣсь» и пошелъ. Была нѣмая сцена. За мной пошли конвойные. Я направился въ камеру. Изъ конторы нужно было итти черезъ дворъ, подниматься на верхній этажъ. Мнѣ не пришлось дойти до своей камеры. Меня повели въ нижній этажъ въ темный карцеръ, тамъ-то въ темномъ карцерѣ я просидѣлъ мѣсяцъ на хлѣбѣ и водѣ. Въ это время мнѣ пришлось о многомъ передумать. Я понялъ психологію человѣка, любящаго людей и принужденнаго, изъ-за борьбы за личность человѣка, становиться убійцею...

Послѣ мѣсячнаго пребыванія въ темномъ карцерѣ меня повели на допросъ въ присутственное мѣсто. На допросѣ я заявилъ, что, называя опричникомъ, я имѣлъ въ виду общую характеристику, а не оскорбленіе одной какой-нибудь личности. Мнѣ показали тетрадь, гектографированную, въ палецъ или въ $1^1/_2$ толщиной, въ $^1/_2$ листа форматомъ; то были показанія Гольденберга. Изъ этихъ показаній мнѣ прочли только одну строчку. Товарищъ прокурора сидѣлъ молча. Жандармскій полковникъ обратился ко мнѣ съ фразой: «онъ, Гольденбергъ, можетъ говорить только правду. Надѣюсь, что вы отрицать это не будете. Если онъ назвалъ васъ ярымъ революціонеромъ, то очевидно для этого были факты, которые мы и безъ того знаемъ. Если вы будете давать намъ объясненія, вы этимъ только облегчите вашу участь».

Я смотрѣлъ ему въ глаза. Вѣроятно мои глаза показали ему, что фразы его не по адресу. Мой взглядъ былъ достаточнымъ отвѣтомъ безъ словъ.

— «Итакъ вы ничего не желаете намъ сказать».

Я отвѣтилъ: «и не желаю и не могу».

Допросъ прекратился, но меня повели не въ карцеръ, а въ одиночную камеру.

Въ харьковской тюрьмѣ сидѣли въ это время арестованные по нашему будущему процессу: Филипповъ изъ Кіева—членъ южно-русскаго рабочаго союза, Хрущевъ—членъ рабочей боевой организаціи народоволецъ тоже изъ Кіева, послѣ еще привели Тринидатскаго по

дѣлу Лизогуба, казненнаго въ Одессѣ изъ группы Чернаго Передѣла, доктора Булича и другихъ.

Наступилъ 1880 годъ.

Начинались какія то вѣянія. Лорисъ-Меликовъ изъ Харькова уѣхалъ въ Питеръ. Генералъ-губернаторомъ былъ Дундуковъ-Корсаковъ. Мѣсто Валя занялъ Грессеръ.

Отношенія къ заключеннымъ подслѣдственнымъ жандармскаго полковника были разсчитаны не только на то, чтобы подавить ихъ душевное состояніе средствами устрашенія, но дѣйствуя на ихъ чувство любви къ близкимъ людямъ. Заключенныхъ приводили на слѣдствіе въ присутственныя мѣста. Тамъ же давали имъ свиданія съ матерьми и съ женами во время перерывовъ допроса. Матерямъ и женамъ разрѣшали приносить съ собою обѣдъ и тамъ, въ перерывѣ допросовъ обѣдать вмѣстѣ съ своими сыновьями и мужьями въ присутствіи жандармскаго полковника Голубева и съ его участіемъ. Во время слѣдствія дверь въ сосѣднюю комнату, гдѣ ожидали ихъ близкіе родственники, была отворена, матери и жены слышали грубый голосъ жандармскаго полковника Голубева, который говорилъ, что все уже извѣстно, что заключенные упорствомъ могутъ сами себѣ повредить, говорилъ о каторгѣ, намекалъ на смертную казнь, говорилъ о милости Царя... Чистосердечное сознаніе можетъ облегчить ихъ участь и читалъ знаменитую статью «о подстрекателяхъ, укрывателяхъ и т. д.» Говорилъ имъ, что молодая жизнь можетъ быть загублена, что смертная казнь имъ угрожаетъ, между тѣмъ, какъ онъ, самъ Голубевъ, понимаетъ, что они не преступники, а увлеченные. Ему нужно имѣть данныя для смягченія ихъ вины и этими данными могутъ быть только чистосердечное показаніе. Онъ не требовалъ чтобы кто-нибудь изъ нихъ оговаривалъ другихъ. Пусть каждый чистосердечно покажетъ только то, что касается его личности. Матери и жены слышали это; до слуха допрашиваемыхъ юношей доносились рыданія близкихъ, любимыхъ людей. Если къ этому прибавить что Богуславскому было всего 18 лѣтъ, у него была мать и невѣста, Сыцанко всего 19 лѣтъ, Блинову около 21 года, тогда будетъ вполнѣ понятно, съ какой угодливой откровенностью разсказывали эти юноши всѣ частности своего участія. Молодой Сыцянко въ порывѣ самоотверженія, чтобы спасти своего стараго отца, котораго онъ очень любилъ, разсказывая о себѣ, рисовалъ ту часть бурава, которую онъ видѣлъ черезъ порванную рогожу тюка. Этотъ рисунокъ былъ приложенъ при его показаніяхъ. Рисунокъ этотъ показывали другимъ, какъ образецъ откровенности. Показывали также показанія и запугивали изстрадавшихся, потерявшихъ голову юношей все больше и больше. Система Голубева вполнѣ удалась. Кто желалъ говорить только о себѣ, невольно и безсознательно говорилъ и о другихъ. Кузнецовъ сказалъ обо мнѣ, что я заходилъ къ нему за нумерами «Народной Воли». Гейеръ говорилъ, что онъ слышалъ обо мнѣ, какъ революціонерѣ, что я бывалъ на собраніяхъ въ домѣ его матери и въ Москалевской школѣ, гдѣ учителемъ былъ Манычъ. Говорили, что они знали Гольденберга какъ убійцу Кропоткина, встрѣчали Гольденберга на собраніяхъ, говорили о тѣхъ рѣчахъ какія произносилъ Гольденбергъ на собраніяхъ въ Москалев-

ской школѣ и у m-me Гейеръ; говорили о рѣчахъ Желябова и другихъ народовольцевъ, однимъ словомъ разсказали все то, что нужно было жандармамъ. Старикъ, Сыцянко-отецъ, желая оправдать сына, сказалъ о себѣ то, чего не было. Кромѣ этихъ пріемовъ, дѣйствуя на нравственное чувство человѣка, употребляли другія средства. Сыцянко просидѣлъ двѣ недѣли слишкомъ въ темномъ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ. Положеніе въ карцерѣ было удручающее. Кружка воды меньше бутылки и 1 фунтъ арестантскаго чернаго хлѣба... Въ праздникъ давали соленую рыбу: чувствовалась жажда, а воды не прибавляли... Тутъ врядъ ли былъ умыселъ... Просто былъ постъ. Арестанты обязательно ѣли постное. Разъ я пожелалъ умыться, услужливый надзиратель слилъ мнѣ кружку воды на руки и потомъ объявилъ, что другой кружки воды въ этотъ день не будетъ...

Съ удаленіемъ Валя условія измѣнились... Дундуковъ Корсаковъ былъ простой гуманный человѣкъ, аристократъ въ лучшемъ смыслѣ. Всякаго соприкасающагося съ нимъ онъ считалъ формально за человѣка и относился къ нему какъ къ человѣку... Губернаторъ Грессеръ всегда сохранялъ приличный дѣловой видъ. Въ обращеніи не позволялъ себѣ грубыхъ рѣзкихъ выходокъ...

Замѣна хитраго Лорисъ-Меликова, разыгравшаго изъ себя Гарунъ-аль-Рашида, добродушнымъ Дундуковымъ-Корсаковымъ отразилась во всемъ,—отразилась и на тюрьмѣ.

Положеніе заключенныхъ стало легче.

Рядомъ со мной сидѣлъ Быковцевъ. Онъ былъ другъ и пріятель Мощенко. Былъ съ нимъ въ харьковской семинаріи. Мощенко былъ мой старый знакомый. Въ нашемъ кружкѣ 69—70 года онъ принималъ участіе и, какъ семинаристъ, поддерживалъ сношенія нашего кружка съ семинаріей. Тогда Быковцевъ и Мощенко сидѣли по обвиненію въ убійствѣ Кропоткина. Гольденбергъ, въ своихъ показаніяхъ оговаривая сто человѣкъ, очень подробно говорилъ о террористическихъ фактахъ въ которыхъ онъ принималъ участіе, въ томъ числѣ и объ убійствѣ князя Кропоткина, исполненіе котораго выпало на его долю. Всѣхъ привлекавшихся по этому дѣлу мы иронически называли «убійцами Кропоткина». Послѣ показаній Гольденберга ясно было, что ни Мощенко Никандръ, ни Быковцевъ убійцами Кропоткина не были. Гольденбергъ, дававшій откровенныя показанія о дѣлахъ исполнительнаго комитета, не ограничился одними своими разсказами; онъ тайно пріѣзжалъ въ Харьковъ и вмѣстѣ съ жандармами ходилъ ночью по улицамъ и указывалъ тѣ дома сходокъ, нумера которыхъ онъ не зналъ [1]),

[1]) Объ этомъ намъ сообщалъ Кобылянскій, участникъ покушенія на Кропоткина. Харьковская губернская тюрьма мрачное зданіе стараго типа тюремныхъ замковъ. По угламъ массивнаго трехэтажнаго зданія, съ сводчатыми потолками, возвышаются четыре башни. Вверху каждой башни были камера. Въ этихъ камерахъ не кого не сажали. Тамъ былъ складъ старыхъ вещей. Маленькое, круглое окно въ $^3/_4$—$^1/_2$ аршина въ діаметрѣ, съ желѣзной рѣшеткой въ перекрестъ, освѣщала эту камеру. Кажется тамъ печи не было. Она была сыра, мрачна, высоко отъ всѣхъ остальныхъ, выше всего зданія. Изъ круглаго окна, глубоко въ стѣнѣ башни, нельзя было видѣть, что дѣлается на тюремномъ дворѣ, не видно было и лица заключеннаго.

Кобылянскаго привезли и посадили въ такую камеру. Лица его мы не видали. Онъ прикрылъ свою фамилію уголовнымъ, они передали намъ. За нимъ сѣдили очень

также вѣроятно онъ разсказалъ и объ участіи Харина въ тогдашней дѣятельности харьковской революціи; съ этимъ участіемъ Харина было связано имя Мощенко. Лорисъ-Меликовъ, диктаторъ Харькова, сослалъ Харина на одинъ годъ въ Архангельскую губ., Въ виду этого нужно было прекратить разслѣдованіе дѣла объ участіи Харина въ организаціи убійства Кропоткина. Нужно было оставить въ покоѣ или по крайней мѣрѣ не привлекать къ судебной отвѣтственности и тѣхъ чье участіе было связано съ участіемъ Харина.

Никандръ имѣлъ на Харина огромное вліяніе, дѣлалъ ему часто выговоры за его поведеніе и за его аристократизмъ, былъ, какъ въ шутку называли, его исповѣдникомъ.

Черезъ щелку въ стѣнѣ я велъ переговоры съ Быковцевымъ. Скоро черезъ уголовныхъ арестантовъ, убиравшихъ наши параши, мы завели сношенія со всей тюрьмой. Черезъ нѣкоторое время согласились устроить голодовку, чтобы добиться нѣкоторыхъ вольностей—общихъ прогулокъ по 4 человѣка, сидѣнья въ камерѣ по 2 человѣка. Нѣкоторые юноши и до этого помѣщались въ камерѣ по два. Это были Блиновъ, Кузнецовъ, Сыцянко и Легкій. Добились благодаря Легкому. Легкій, энергичный молодой человѣкъ лѣтъ 17—18 атлетическаго сложенія, рѣшилъ повѣситься предъ повѣркой, въ надеждѣ что проходя при повѣркѣ военная стража, увидѣвъ его висящимъ сейчасъ снимете его. Вѣрятно ему пришлось бы провисѣть до утра, такъ какъ заходъ въ камеру стража считала пустой формальностью и на пути заглядывала въ окошко въ дверяхъ, не интересуясь есть-ли тамъ кто нибудь или нѣтъ. Камера Легкаго была въ концѣ верхняго корридора, поэтому оканчивая провѣрку, стража сейчасъ же проходила обратно, Легкій повѣсился въ тотъ моментъ, когда услышалъ приближеніе стражи. Онъ слышалъ какъ стража подошла къ его двери, потомъ, какъ онъ передавалъ, онъ потерялъ сознаніе и помнилъ только послѣдній моментъ самочувствія, какъ бы уколы иголки въ вискахъ.

Старшій надзиратель, шпіонъ по профессіи, на обратномъ пути, посмотрѣлъ въ окошко, увидѣвъ висящаго Легкаго. Отворилъ дверь и вмѣстѣ со стражей вынулъ его изъ петли. Легкаго привели въ чувство; онъ объявилъ, что одиночное заключеніе для него такъ невыно-

строго. Черезъ паразниковъ передать ему записку было невозможно. Окно оставалось единственнымъ средствомъ сношенія.

Уголовнымъ невозможно было и черезъ окно. Часовой спеціально поставленный оберегалъ окно снаружи.

Мы тогда уже гуляли по четыре человѣка. Намъ во время прогулки удалось бросить шаръ съ хлѣбомъ и попасть прямо въ окно его камеры. Вышина отъ земли приблизительно саженей 5—6. Въ шарѣ была бумага и карандашъ. Въ запискѣ Кобылянскій сообщалъ то, что намъ было уже извѣстно о Гольденбергѣ, но кромѣ того сообщилъ, что Гольденберга привозили въ Харьковъ тайно, водили по улицамъ и онъ, Гольденбергъ, показывалъ дома, номера которыхъ не зналъ. И всѣ подробности жительства и самойку, на которыхъ сидѣлъ онъ, Кобылянскій, съ Гольденбергомъ въ сидячѣ предъ окномъ губернатора, на Воскресенской площади, дожидаясь возвращенія Кропоткина домой изъ института благородныхъ дѣвицъ.

Изъ какихъ источниковъ зналъ это Кобылянскій въ запискѣ не говорилось, и мы вѣрили Кобылянскому.

симо, что все равно онъ покончитъ съ собой, если его не посадятъ вмѣстѣ съ кѣмъ нибудь изъ товарищей. Голодовка продолжалась 5 дней. Каждый день приносили пищу; юноши выбрасывали ее въ корридоръ вмѣстѣ съ посудой. Послѣ нашего заявленія о голодовкѣ насъ посадили по два въ камерѣ. Голодали мы сидя по два. Я сидѣлъ вмѣстѣ съ Никандромъ, мы не выбрасывали пищу, она стояла у насъ на столѣ, также стояла на столѣ улучшенная пища Никандра, доставленная ему на остатки средствъ Лизогуба (средствами распоряжался Тринидатскій). Въ первый же день нашей голодовки инспекторъ врачебнаго отдѣленія вмѣстѣ съ полиціймейстеромъ обходили камеры голодающихъ; явились въ нашу камеру, они говорили о томъ, что не могутъ подчиниться нашимъ требованіямъ, что существуетъ извѣстная инструкція исполнять которую обязано начальство и эта инструкція установлена не для того, чтобы заключенные вводили свои инструкціи, замѣтилъ полиціймейстеръ. Ему на это отвѣтили: «задача полиціи и задача обывателя діаметрально противоположны: обыватель желаетъ жить, развиваться, пользоваться жизнью; идеалъ полиціи— кладбище, полиціи нуженъ покой, а жизни нужно движеніе, борьба. Вотъ вы и осуществите этотъ свой идеалъ, если не исполните нашихъ требованій. Мы умремъ». Наше объясненіе произвело впечатлѣніе на инспектора врачебной управы Денисова, но чтобы узнать серьезно ли наше рѣшеніе голодать, наши требованія не удовлетворили сразу; только на 6 день намъ объявили, что всѣ требованія удовлетворяются.

Во время общихъ прогулокъ часть заключенныхъ близко сошлась между собою. Отецъ Сыцянко съ чувствомъ декламировалъ стихи «Esse homo».—Оставь отца и мать, такъ начинались они. Образовался союзъ, вырабатывалось общее положеніе этого союза. Въ этомъ союзѣ приняли участіе народовольцы изъ боевой рабочей организаціи, Ник. Хрущевъ, членъ кіевскаго южно-русскаго рабочаго союза Филипповъ, Легкій, А. Сыцянко, Лазарь Сазоновъ-Голубовъ, я и другіе. Въ принципѣ мы признавали террористическіе факты съ поправкой Н. Хрущева, который никакъ не могъ помириться на фактѣ убійства. Оговорка заключалась въ томъ что совершившій убійство, не долженъ стараться спастись, а долженъ предоставить себя въ распоряженіе своихъ враговъ и за смерть человѣка заплатить свою жизнью. Легкій протестовалъ, ему мало было убить одного врага, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ перебить ихъ съ дюжину. Филипповъ не признавалъ террора, какъ факта борьбы, чего не признавали вообще и мы всѣ. Мы смотрѣли на терроръ, какъ на отправленіе высшей справедливости, какъ на министерство юстиціи революціи. Главной задачей нашего тюремнаго кружка въ программѣ считалась пропаганда, развивающая сознаніе и потомъ организованное возстаніе. Практической непосредственной дѣятельностью—взаимопомощь при побѣгѣ изъ Сибири и каторги, на которую каждый изъ насъ могъ смѣло разсчитывать. Былъ установленъ общій шифръ, ключъ, пароль, кой-какія связи по Сибири. Эти пароли были у насъ общіе съ тюремными кіевскими паролями, ключомъ и шифромъ, какіе были въ то время приняты по иниціативѣ Щедрина въ Кіевѣ и оттуда перевезены къ намъ. Связи тоже передалъ Щедринъ. [1]) Хрущевъ былъ приговоренъ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ. Филипповъ въ ссылку, откуда возвращенъ былъ для суда по процессу Сыцянко; также изъ ссылки былъ возвращенъ для суда по процессу Сыцянко Никитинъ. Жизнь наша въ тюрьмѣ оживилась, окрѣпли духомъ, бодро держали себя на слѣдственныхъ показаніяхъ, отказывались отъ того, что говорили прежде, но это не имѣло уже значенія. Матеріалъ для обвиненія былъ данъ... обвинительный актъ былъ составленъ.

Разъ ночью, сидящіе во 2 этажѣ одиночныхъ камеръ замѣтили движеніе. Это перевозили изъ харьковскихъ центральныхъ тюремъ Андреевской и Печенегской тѣхъ революціонеровъ, которые были осуждены на каторгу по процессу 193 и 50, по процессу Ковальскаго, по процессу Долгушина и другихъ. Это были такъ называемые «заживо погребенные». Содержать ихъ въ центральной Россіи, послѣ убійства князя Кропоткина, оказалось для правительства неудобнымъ, ихъ нужно было удалить съ поля зрѣнія въ далекую Сибирь.

Всѣ политическіе изъ центральныхъ тюремъ харьковской губерніи передъ отправленіемъ на Кару отправлялись опять-таки въ уѣздный городъ Мценскъ, а не въ губернскій. Перевозимые въ мценскую тюрьму, ночевали одну ночь въ харьковской губернской тюрьмѣ. Мы завели съ ними переписку; переписка ограничивалась передачей писемъ на волю, о томъ, что ихъ перевозили въ мценскую тюрьму. Въ губернской остался одинъ Плотниковъ по процессу Долгушина, его показанія въ центральной тюрьмѣ, какъ характеристика дѣятельности кружка Долгушина, были уликой противъ одного изъ привлекающихся по процессу Сыцянко, почему онъ и былъ оставленъ. Завести сношеніе съ нимъ не было никакой возможности, всѣ записки онъ рвалъ, не удостаивая отвѣтомъ. Плотниковъ сошелъ съума въ одиночкахъ центральныхъ тюремъ... Ему пришлось пережить очень тяжелый фактъ. Отецъ его, священникъ, пріѣхалъ къ нему на свиданіе и на свиданіи ударилъ его по щекѣ... Что хотѣлъ отецъ этимъ показать: свою родительскую власть или вѣрноподданническія чувства,—кто знаетъ...

Наконецъ мы получили обвинительный актъ. Началось время либеральныхъ вѣяній. Въ воздухѣ пахло Лорисъ Меликовской конституціей. Въ Харьковѣ былъ генералъ-губернаторомъ Дундуковъ-Корсаковъ, жена котораго въ юности, какъ говорили, сочувствовала декабристамъ, смотрѣлъ на молодежь снисходительно-покровительственно. Все это создало либеральное отношеніе къ подсудимымъ. Можетъ быть и Лорисъ-Меликовъ, симпатизировалъ городу, гдѣ началась его политическая карьера.

На судѣ намъ нужно было организовать поведеніе подсудимыхъ. Нужно было согласить шкурные инстинкты однихъ съ молодой энергіей другихъ, желающихъ искупить ошибки своего поведенія на дознаніи. Манычъ, Блиновъ, Богуславскій пылали желаніемъ поскорѣе заключить въ свои объятія женъ, матерей, невѣстъ, хотя бы даже высылкой спастись отъ тюрьмы, такъ сильно давившей ихъ нравственный міръ. Ихъ нужно было сдерживать. Никитинъ, Филипповъ. Легкій съ негодо-

[1]) О немъ см. статью М. Р. Попова въ „Былом.“ 1906, декабрь.

ваніемъ говорили о такихъ шкурныхъ инстинктахъ, нужно было примирить и это негодованіе. Осторожный Тихотскій, осторожность котораго граничила съ трусостью на судѣ, не хотѣлъ обнаружить фактовъ, компрометирующихъ судебное дознаніе.

Лучшій способъ заставить самоспасающагося не говорить больше чѣмъ слѣдовало, соблюсти свое достоинство заключался въ слѣдующемъ: въ нашемъ исполнительномъ комитетѣ было постановлено, что Легкій будетъ дергать за фалду, каждый разъ того, кто увлечется самоспасаніемъ. Вышла на судѣ комичная сцена. Манычъ, увлекшись, на судѣ почти впалъ въ слезливый тонъ, Легкій сначала дергалъ; Манычъ не обращалъ вниманіе на предостереженіе и продолжалъ въ томъ же тонѣ, тогда Легкій схватилъ его своими могучими руками за бока сюртука и посадилъ на скамью. Трогательная рѣчь Маныча прекратилась и онъ обратился по адресу Легкаго: «вы меня губите».

Въ обвинительномъ актѣ всѣхъ обвиняли въ принадлежности къ тайному сообществу именующему себя партіей «Народной Воли». Въ разныхъ формахъ выразилась эта принадлежность: одни сочувствовали, другіе помогали, третьи укрывали, четвертые знали и не доносили т. е. были попустители. Меня кромѣ обвиненія въ сообществѣ, какъ сочувствующаго и помогавшаго, обвиняли въ оскорбленіи чиновника при исполненіи имъ своей обязанности, хотя и не въ присутственномъ мѣстѣ, но при зерцалѣ, хотя и не бранными словами, но словами опозоренными исторіею. Въ обвинительномъ актѣ каждый значился по списку въ порядкѣ отвѣтственности. Самой крупной отвѣтственности подвергался Сыцянко молодой, его отецъ, Легкій и т. д. Когда спросили меня признаю ли я себя виновнымъ, первый вопросъ былъ: признаю ли себя виновнымъ въ оскорбленіи чиновника словами опозоренными исторіей. Не отвѣчая прямо на этотъ вопросъ, я сказалъ маленькую рѣчь, нарисовалъ картину опричины при Іоаннѣ Грозномъ, опричника съ собачьей головой и метлой при поясѣ, скачущаго по подавленной Россіи, наводящаго ужасъ на все населеніе именемъ котораго пугали дѣтей, о безправіи того времени, потомъ перешелъ къ нашему теперешнему положенію, указалъ на тотъ фактъ, что я былъ арестованъ безъ постановленія объ арестѣ 19-го декабря, а постановленіе было помѣчено 21-го дек.; воспользовавшись этимъ фактомъ для того чтобы указать на безправіе теперешнихъ русскихъ обывателей, я провелъ параллель между опричиной и теперешнимъ военнымъ положеніемъ, указалъ на то что можно еще допустить одного генералъ-губернатора, но сколько генералъ-губернаторовъ у насъ въ городѣ Харьковѣ. Проходя по улицамъ мимо жандар. полковника, околодочнаго надзирателя, даже мимо простого городового чувствуешь себя въ какомъ то положеніи оторопи. И когда я назвалъ опричникомъ члена жандарм. правленія, производившаго дознаніе, я этимъ не оскорблялъ его, а только характеризовалъ, и думаю, что другой характеристики нашего современнаго положенія болѣе вѣрной, какъ опричина, нельзя найти. Говорилъ я тихо, раздѣльно, медленно и произвелъ на публику, состоявшую изъ чиновниковъ, судей военныхъ и гражданскихъ и родителей подсудимыхъ, сильное, но различное впечатлѣніе. Въ залѣ была такая тишина, что

былъ слышенъ полетъ мухи, да раздавался мой голосъ. Моя рѣчь произвела впечатлѣніе на прокурора военнаго окружного суда. Военный прокуроръ Бирюковъ былъ одинъ изъ тѣхъ старыхъ, военныхъ прокуроровъ для которыхъ чувство справедливости и чести было выше формализма закона. Сѣдой высокаго роста, съ классическимъ профилемъ, — онъ производилъ впечатлѣніе уважающаго себя и другихъ человѣка. Прокуроръ, когда я сѣлъ, обратился къ суду и попросилъ судъ предупредить меня, что, если въ будущемъ я позволю себѣ рѣзкія слова по адресу существующаго строя, то судъ лишитъ меня слова. Я всталъ и слегка головою поклонился прокурору и суду, какъ бы благодаря за то, что меня не прерывали. Послѣ моего поклона прокуроръ всталъ и обращаясь къ суду сказалъ: «подсудимаго Данилова я считаю за человѣка рѣзкаго, несдержаннаго въ выраженіяхъ, когда онъ хочетъ характеризовать какую нибудь личность или событіе, правдивымъ, искреннимъ и откровеннымъ и потому неспособнымъ къ конспиративной заговорщицкой дѣятельности, почему и отказываюсь его обвинять въ принадлежности къ тайному революціонному сообществу, именующему себя партіей «Народной Воли»...

Въ послѣднемъ словѣ отецъ Сыцянко говорилъ о своемъ сынѣ какъ талантливомъ юношѣ, способномъ сдѣлаться въ будущемъ честнымъ гражданиномъ и, если въ чемъ нибудь виновенъ его сынъ Александръ, то пусть судятъ отца, такъ какъ онъ отецъ отвѣтственъ за сына; его рѣчь прерывалась рыданіями и произвела сильное впечатлѣніе на публику; еще болѣе сильное впечатлѣніе на публику произвела рѣчь молодого Сыцянко, онъ, наоборотъ, оправдывалъ во всемъ отца и признавалъ себя виновнымъ во всемъ, рисовалъ картину своего сидѣнья въ карцерѣ на основаніи показаній свидѣтелей и говорилъ, что если, что нибудь онъ показывалъ компрометирующее его отца, то онъ дѣлалъ это безсознательно, подавленный тяжелымъ впечатлѣніемъ тюрьмы. Прокуроръ требовалъ всѣмъ смягченія наказаній. Относительно меня прокуроръ засчиталъ время моего предварительнаго заключенія въ счетъ двухъ мѣсяцевъ минимальнаго наказанія.

Этотъ минимумъ онъ находилъ возможнымъ примѣнить ко мнѣ въ виду того, что я былъ незаконнымъ отношеніемъ ко мнѣ, раздраженъ, и не чувствуя за собой никакого преступленія, обозвалъ словомъ опозореннымъ въ исторіи жандармскаго полковника. Сыцянко и Легкаго приговорили къ ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи Сибири. Они оба были въ Киренскѣ. Голубовъ ссылался въ Якутскую область, Никитинъ на прежнее мѣсто жительства, Филипповъ въ Западную Сибирь, остальные освобождены были (Блиновъ, Кузнецовъ, Гейеръ, Манычъ, Тихотскій, Богуславскій, Сыцянко—отецъ). Послѣ того какъ прокуроръ отказался меня обвинять въ принадлежности къ тайному сообществу, обвиненіе падало само собой. Но на столѣ вещественныхъ доказательствъ лежалъ кусочекъ якобы пистоннаго состава, 2 ф. чернаго порошку, чай съ морфіемъ и коробочка съ веществами, считавшимися ядами. Больше для соблюденія формальности меня вызвали къ столу вещественныхъ доказательствъ, чтобы я далъ объясненія по поводу ихъ. Относительно порошковъ въ ко-

робкѣ сомнѣнія не было; порошки оказались, по медицинскому анализу, простымъ хининомъ; морфій въ чай попалъ случайно, потомъ я взялъ со стола страшный пистонный составъ для приготовленія бомбъ, въ недоумѣніи повертѣлъ его въ рукахъ, отломилъ кусочекъ, взялъ въ ротъ, попробовалъ на вкусъ, немножко пососалъ и, наконецъ, проглотилъ, потомъ, припоминая я сказалъ: да это просто смѣсь бертолетовой соли съ сахаромъ, дѣтское полосканіе отъ дифтерита. Послѣ этого меня отвели за рѣшетку.

Послѣ суда въ комнату подсудимыхъ явился членъ суда Гельмерсенъ поздравить меня съ оправданіемъ такими словами: «если когда нибудь вы могли быть въ чемъ нибудь заподозрѣны, то теперь послѣ этого суда, Вы являетесь совершенно чисты отъ всякихъ подозрѣній». Въ аптеку явился другой членъ суда спеціально поздравить меня съ оправданіемъ. На улицѣ встрѣтилъ меня одинъ чиновникъ, попросилъ позволенія пожать мнѣ руку и сказалъ: «когда я былъ на судѣ и слушалъ вашу рѣчь —я не зналъ на небѣ я или на землѣ» [1]).

В. А. Даниловъ.

[1]) В. А. Даниловъ былъ сосланъ потомъ въ каторжныя работы по другому дѣлу. *Ред.*

Земское движеніе до образованія партіи народной свободы.

(Продолженіе) [1]).

Послѣ Воронежскихъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, по тяжести послѣдствій, слѣдуетъ поставить Суджанскій, Курской губерніи, комитетъ.

Къ работамъ онъ приступилъ, кажется, 4 іюля 1902 года и въ немъ тотчасъ-же вопреки препятствіямъ со стороны администраціи, первую роль стало играть земство, въ лицѣ энергичнаго и просвѣщеннаго предсѣдателя суджанской уѣздной управы, кн. П. Д. Долгорукова, члена той же управы В. В. Усова и др. Кн. Долгоруковъ,—указавъ, что въ числѣ «общихъ» вопросовъ, подлежащихъ обсужденію комитета, есть, между прочимъ, такіе, какъ правопорядокъ крестьянъ и укладъ ихъ жизни, обособленіе крестьянъ отъ другихъ сословій, судъ, обычай и отдѣльные законы, приниженныхъ сословій, малоземелье, черезполосица, отсутствіе судебной защиты для купленныхъ земель и вообще отсутствіе огражденія имущества ихъ, натуральныя повинности,—предложилъ, а комитетъ единогласно согласился, «возбудить передъ министромъ финансовъ черезъ Курскій губернскій комитетъ ходатайство о томъ, чтобы запрошенъ былъ отзывъ суджанскаго уѣзднаго земскаго собранія по всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ обсужденію уѣзднаго земскаго комитета, дабы послѣдній могъ принять ихъ въ соображеніе при своихъ работахъ. При этомъ предсѣдатель суджанской управы внесъ на обсужденіе комитета и еще одинъ вопросъ, возбужденной суджанскимъ экономическимъ совѣтомъ—объ учрежденіи должностей земскихъ повѣренныхъ по дѣламъ, для доставленія населенію юридической помощи. Такое «настроеніе» суджанскаго комитета и вліяніе земскаго элемента не предвѣщало ничего хорошаго, такъ какъ, правительство стремилось совершенно изолировать комитеты отъ земства. И, дѣйствительно, черезъ два мѣсяца Суджанскій комитетъ прекратилъ свое существованіе при такого рода обстоятельствахъ: 14 сентября 1902 г., въ залѣ суджанской уѣздной земской управы назначено было засѣданіе комитета. Пред-

[1]) См. „Былое"—апрѣль, май, іюнь, іюль за 1907 г.

сѣдательствовалъ предводитель дворянства А. В. Евреиновъ. Участвовало 74 члена, въ томъ числѣ 31 крестьянинъ. Публики было до 80 человѣкъ. Послѣ прочтенія докладовъ подготовительной комиссіи, приступлено было къ чтенію записокъ отдѣльныхъ членовъ. В. В. Усовъ прочиталъ блестяще составленный обширный докладъ—«о разорительности политики министерства финансовъ». По окончаніи—дружные апплодисменты членовъ и публики. Податной инспекторъ возражалъ, что комитетъ не въ правѣ «критиковать» вообще политику министерства финансовъ. Евреиновъ, кн. Долгоруковъ и Усовъ доказывали обратное. Затѣмъ были прочитаны: записка Говоруна—«о земской юридической помощи населенію» (постановлено: «принять и благодарить докладчика»); конспектъ записки—«о реформахъ крестьянскаго судоустройства» (всѣ положенія были приняты при апплодисментахъ присутствовавшихъ); конспекты записокъ: кн. Долгорукова, о «мелкой земской единицѣ», «объ отрицательныхъ сторонахъ винной монополіи» и «о церковныхъ приходахъ»—(всѣ положенія приняты при апплодисментахъ присутствовавшихъ); Обширный докладъ секретаря суджанской управы П. Т. Волкова—«причины, препятствующія теперешнему земству вліять на экономическій подъемъ населенія». — Докладъ этотъ встрѣченъ былъ дружными апплодисментами. Предсѣдатель Евреиновъ, заявилъ, что, по обстоятельствамъ, отъ него независящимъ, онъ не можетъ допустить обсужденія доклада, какъ касающагося земскаго самоуправленія, равно долженъ снять докладъ о прессѣ и сектантахъ. Князь Долгоруковъ заявилъ на это, что, такъ какъ снимаютъ такіе важные, съ его точки зрѣнія, вопросы, какъ о земскомъ самоуправленіи, онъ считаетъ своимъ долгомъ отказаться отъ активной работы въ комитетѣ тѣмъ болѣе, что онъ, вполнѣ раздѣляя принятую комитетомъ 4-го іюля программу, заявлялъ о томъ въ своей запискѣ министру внутреннихъ дѣлъ, объяснилъ при томъ, что если бы какой либо изъ вопросовъ, касающихся земскаго самоуправленія, отсутствовалъ въ программѣ, то онъ самъ бы внесъ его въ комитетъ. Теперь онъ можетъ оставаться въ комитетѣ лишь какъ должностное лицо—предсѣдатель управы,—работать же не можетъ по долгу своей совѣсти. Громкіе дружные и продолжительные апплодисменты и крики «браво»! сопровождали его заявленіе. Послѣ этого старый земецъ Арнольдъ также заявилъ, что при такомъ положеніи работы комитета не имѣли бы значенія: «заниматься пустыми вопросами—значило бы толочь воду. Лучше бросить». Къ кн. Долгорукову присоединился и членъ земской управы В. В. Усовъ, а другой членъ—Ляховъ прибавилъ: «къ намъ обращались, прося откровенно высказаться о своихъ сельско-хозяйственныхъ нуждахъ, вѣдать которыя, какъ извѣстно, предоставлено земству, а теперь не даютъ говорить». Предложилъ отказаться отъ работъ въ комитетѣ и третій членъ управы, крестьянинъ Н. Л. Выдринъ, и гласный К. Н. Тахтамировъ, высказавшій предположеніе, что врядъ ли кто изъ остальныхъ членовъ останется въ комитетѣ. Раздались дружные апплодисменты, и рѣшительно всѣ члены, включая и крестьянъ, заявили объ отказѣ. Тогда предсѣдатель А. В. Евреиновъ произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ, что до сихъ поръ, онъ видѣлъ лишь сочувствіе со стороны членовъ къ

работамъ комитета и довѣріе лично къ себѣ, давая всѣмъ просторъ для выраженія своихъ мнѣній. Теперь же, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, онъ принужденъ изъять кой-какіе вопросы. Сожалѣя, что такъ хорошо и дружно начатыя работы должны прерваться, Евреиновъ заявилъ, что не можетъ дальше вести комитета и горячо благодарилъ всѣхъ за то серьезное вниманіе, съ которымъ всѣ отнеслись къ докладамъ. Князь Долгоруковъ пояснилъ, что члены комитета не имѣютъ никакой претензіи къ нему, Евреинову, зная взгляды послѣдняго, и выражаютъ Евреинову благодарность, такъ какъ прекрасно понимаютъ, что если предсѣдатель не разрѣшилъ обсуждать нѣкоторыхъ докладовъ, то, значитъ, на это имѣются непреодолимыя препятствія. Присутствовавшіе апплодировали этимъ словамъ кн. Долгорукова и разошлись.

Результатомъ описаннаго инцидента въ суджанскомъ комитетѣ былъ вызовъ въ С.-Петербургъ Евреинова и кн. Долгорукова. Въ департаментѣ полиціи имъ поставили въ вину «слишкомъ широкую программу комитета». Кн. Долгоруковъ видѣлся только съ директоромъ департамента Лопухинымъ. Евреиновъ же имѣлъ весьма бурное объясненіе съ Плеве. Послѣдній самымъ грубымъ образомъ угрожалъ суджанскому предводителю дворянства, и заявилъ, что если онъ не подастъ въ отставку, то послѣдуетъ Высочайшій приказъ объ его устраненіи отъ должности. Евреиновъ, однако, не остался въ долгу и, въ свою очередь, что называется, «отчиталъ» министра внутреннихъ дѣлъ [1]).

Отъ Плеве Евреиновъ отправился къ Витте и указавъ ему на произволъ Плеве, вмѣшивающагося въ дѣла комитетовъ, которые находятся въ вѣдѣніи особого совѣщанія, гдѣ предсѣдательствуетъ онъ, Витте [2]). Послѣдній очень любезно принялъ суджанскихъ представителей и высказалъ желаніе узнать отъ нихъ «всю правду» [3]). «Повѣрьте,—пояснялъ министръ финансовъ,—государь хочетъ знать всю правду». При этомъ Витте передавалъ земскимъ людямъ, что онъ находится въ натянутыхъ отношеніяхъ съ Плеве. «Сипягинъ,—говоритъ Витте,—былъ честный человѣкъ, съ нимъ у меня были отношенія дружескія, мы были на «ты», стоило лишь поѣхать, переговорить, и было улажено; онъ былъ человѣкъ хорошій, правда, ему не достовало...» И Витте жестомъ руки, касаясь лба, пояснялъ, что въ головѣ

[1]) Курское дворянство, возмущенное вызовомъ въ Петербургъ г. Евреинова черезъ департаментъ полиціи, въ коллективномъ письмѣ на имя суджанскаго предводителя дворянства выразило сочувствіе послѣднему и порицаніе Плеве.

[2]) Послѣ этого посѣщенія Евреиновъ написалъ письмо Витте, въ которомъ, между прочимъ, говорятъ: „Чтобы указать, что я не былъ голословенъ, когда говорилъ вашему высокопревосходительству, что при тѣхъ условіяхъ, въ которыя ставятъ мѣстные комитеты министерство внутреннихъ дѣлъ, невозможно работать, позвольте вамъ послать вырѣзку изъ газеты „*Русскія Вѣдомости*“ о засѣданіи Пензенскаго губернскаго и Саратовскаго уѣзднаго комитетовъ. Изъ этого отчета вы изволите усмотрѣть, что губернаторы не позволяютъ подымать общихъ вопросовъ (тоже самое было въ Перискомъ губернскомъ комитетѣ), и уѣзды, съ ретроградами во главѣ, занимаются лишь изысканіемъ мѣръ упрятывать полегче мужиковъ въ тюрьму. Очевидно, что при этихъ условіяхъ Особое Совѣщаніе немного узнаетъ объ общихъ нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

[3]) Одновременно съ Евреиновымъ у Витте былъ и кн. Долгоруковъ.

его друга было не все на мѣстѣ. «Ну, а этотъ,—т. е. Плеве,—говоритъ далѣе Витте,—ходитъ на своихъ ногахъ и считается здѣсь умнымъ»...

Чтобы не возвращаться болѣе къ суджанскому комитету, намъ слѣдовало бы тутъ же сообщить свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ кн. П. Д. Долгорукова и другихъ дѣятелей по комитету. Но такъ какъ первый изъ нихъ одновременно понесъ кару за рядъ «преступленій» и предшествовавшихъ засѣданію, и имѣвшихъ мѣсто послѣ закрытія комитета, какъ въ Суджѣ, такъ и въ Курскѣ, то изложимъ названныя свѣдѣнія въ другомъ мѣстѣ, а теперь приведемъ краткія данныя о дѣйствіяхъ другихъ уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Какъ воронежскій и суджанскій, и многіе другіе комитеты въ общемъ не дали никакихъ утѣшительныхъ для правительства результатовъ и точно также находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ земства.

Такъ, Череповецкій, Новгородской губерніи, комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, высказавшись за надѣленіе обездоленной части крестьянства землею, за облегченіе всѣхъ прямыхъ налоговъ для бѣдныхъ, постановилъ кромѣ того: «открыть путь къ болѣе полному, непрерывному, прочно организованному участію народа въ дѣлахъ всего управленія, не только мѣстнаго, но и центральнаго, безъ чего всякія заботы правительства и земства объ образованіи и о нуждахъ всякаго рода промышленностей мелкихъ, крупныхъ, ни къ чему иному, кромѣ гибели народной, не приведутъ».

Въ Темниковскомъ, Тамбовской губ., комитетѣ извѣстный земскій дѣятель Ю. А. Новосильцевъ, въ качествѣ предсѣдателя Темниковскаго комитета, пригласивъ въ засѣданіе всѣхъ гласныхъ земскаго собранія, представилъ комитету докладъ, въ которомъ указывалось, что прежде всего слѣдуетъ поднять личность русскаго крестьянина и обезпечить развитіе его самодѣятельности, а для этого необходимо уравнять его съ лицами другихъ сословій въ правахъ личныхъ и гражданскихъ, подчинить общей администраціи и общимъ судебнымъ установленіямъ въ области суда. Желательнымъ затѣмъ представляется освобожденіе общественной дѣятельности отъ чрезмѣрной опеки въ различныхъ ея проявленіяхъ; этому на первой очереди способствовало бы возвращеніе къ земскимъ учрежденіямъ въ ихъ первоначальномъ видѣ.

Въ Грязовецкомъ, Вологодской губерніи, комитетѣ, въ засѣданіе котораго точно также были приглашены всѣ гласные земскаго собранія, приняты были единогласно нижеслѣдующіе тезисы записки, внесенной предсѣдателемъ земской управы П. В. Брянчаниновымъ: 1) измѣненіе правопорядка въ смыслѣ предоставленія населенію большей самодѣятельности («въ сферѣ мѣстнаго самоуправленія», дополнилъ комитетъ), 2) уравненіе крестьянъ съ другими сословіями, 3) реформа мѣстнаго самоуправленія, въ смыслѣ предоставленія сельскому населенію непосредственнаго и ближайшаго въ немъ участія, 4) возможно болѣе широкая постановка дѣла народнаго образованія и въ частности устраненіе существующихъ препятствій и ограниченій всѣхъ начинаній въ этой области общественныхъ учрежденій и отдѣльныхъ

лицъ, 5) широкая гласность при обсужденіи мѣръ для поднятія сельско-хозяйственной промышленности и другихъ общественныхъ вопросовъ («безъ чего никакая общественная работа не можетъ быть плодотворна»,—добавилъ комитетъ) и 6) привлеченіе земскихъ собраній къ обсужденію какъ вышеизложенныхъ, такъ и другихъ мѣръ къ поднятію сельско-хозяйственной промышленности.

Выразивъ г. Брянчаниновому «глубокую благодарность» за его записку, комитетъ высказался, что обсужденіе предложенныхъ Особымъ Совѣщаніемъ вопросовъ можетъ быть плодотворно произведено единственными компетентными въ нихъ учрежденіями—именно земскими собраніями.

Въ Ветлужскомъ, Костромской губерніи, комитетѣ, съ одной стороны, рѣшено было пригласить всѣхъ гласныхъ земскаго собранія, а съ другой—постановлено вовсе не приглашать земскихъ начальниковъ,—самыхъ желательныхъ для правительства лицъ,—такъ какъ они, по основательному мнѣнію комитета, могутъ импонируюше дѣйствовать на участвующихъ въ комитетѣ, крестьянъ.

Въ числѣ разныхъ вопросовъ, Ветлужскій комитетъ, между прочимъ, считалъ нужнымъ обсудить: 1) необходимость изданія новыхъ законоположеній, прочно устанавливающихъ гражданскія и имущественныя права крестьянъ и устраняющихъ обособленность ихъ отъ другихъ сословій, 2) измѣненіе крестьянскаго общиннаго землевладѣнія, 3) финансовая политика, 4) правильная и благопріятная постановка земскихъ учрежденій съ предоставленіемъ имъ болѣе широкихъ правъ и 5) мелкая земская единица.

Въ Казанскомъ уѣздномъ комитетѣ, вслѣдствіе заявленія гласнаго свіяжскаго земства, кн. П. Л. Ухтомскаго, предсѣдателя Казанской губ. земской управы В. В. Марковникова и гласныхъ губернскаго земства—Л. А. Каземъ-Бекъ и Мельникова, было постановлено—«возбудить предъ Особымъ Совѣщаніемъ ходатайство объ уравненіи крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, что существенно можетъ послужить средствомъ къ подъему экономическаго благосостоянія всей массы народонаселенія имперіи и развитію сельско-хозяйственной промышленности».

Козловскій, Тамбовской губерніи, комитетъ, высказавшись за «самое широкое участіе населенія, въ лицѣ его органовъ самоуправленія, въ мѣрахъ, принимаемыхъ для удовлетворенія мѣстнымъ нуждъ», въ то же время выразилъ пожеланіе, чтобы ранѣе рѣшенія какихъ бы то ни было вопросовъ, были запрошены земства.

Среди постановленій Новомосковскаго, Екатеринославской губ., комитета, были, между прочимъ: осуществленіе явочнымъ порядкомъ библіотекъ, читаленъ, публичныхъ чтеній, бесѣдъ, книготорговли, періодическихъ изданій и всякаго рода просвѣтительныхъ мѣропріятій; усиленіе самодѣятельности земства и привлеченіе къ болѣе активному участію въ немъ сельскаго населенія; безпрепятственное общеніе земствъ въ формѣ областныхъ земскихъ съѣздовъ.

Въ Черниговскомъ комитетѣ предсѣдатель уѣздной земской управы г. Тризна указалъ на необходимость: поднятія личности крестьянина и обезпеченія его самодѣятельности; фактическаго осуще-

ствленія общедоступности народнаго образованія; широкой постановки земскаго самоуправленія; полной гласности и свободы печати; участія въ комитетахъ выборныхъ отъ губернскихъ земскихъ собраній.

Въ Рязанскомъ уѣздномъ комитетѣ предсѣдатель рязанской уѣздной земской управы, г. Елагинъ, заявилъ, что, «пока не будетъ измѣненъ правопорядокъ въ деревнѣ, ни о какомъ общемъ улучшеніи сельскаго хозяйства говорить нельзя».

Тоже самое говорилъ въ своей запискѣ, внесенной въ Борисоглѣбскій комитетъ, Тамбовской губ., предсѣдатель уѣздной земской управы Измайловъ, указавъ, кромѣ того, что «законнымъ представителемъ населенія является земство, а потому оно и должно провести въ жизнь всѣ проектируемыя мѣры»

Балахнинскій, Нижегородской губ., комитетъ, выслушавъ предложеніе гласнаго нижегородскаго губернскаго земства, Г. Р. Килевейна, постановилъ: «обратиться къ очередному уѣздному земскому собранію съ просьбой высказаться о мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ нуждахъ».

Такое же постановленіе сдѣлалъ Богородскій, Тульской губерніи, комитетъ, по предложенію предсѣдателя земской управы М. Ц. Ушакова и гласнаго М. Д. Ершова.

Въ засѣданіи Александровскаго, Екатеринославской губ., комитета, по предложенію земскаго гласнаго, извѣстнаго профессора, Н. А. Карышева принята резолюція, между прочимъ, о томъ, что, пока будутъ у насъ исключительные законы для крестьянъ,—до тѣхъ поръ развитіе самодѣятельности среди огромной массы населенія невозможно. Точно также необходимо и измѣненіе финансовой политики,—измѣненіе, которое бы равномѣрнѣе распредѣляло налоговое бремя между разными экономическими группами государства.

Кадниковскій, Вологодской губ., Новоторжскій, Тверской губ., и другіе комитеты постановили ходатайствовать объ отмѣны тѣлеснаго наказанія.

Саратовскій уѣздный комитетъ требовалъ созыва сельскихъ сходовъ для обсужденія вопросовъ о нуждахъ сельской промышленности.

Въ Рузскомъ, Московской губерніи, комитетѣ извѣстный земскій дѣятель кн. Павелъ Д. Долгоруковъ, въ качествѣ предсѣдателя комитета, высказалъ пожеланіе, чтобы была дана возможность правильнаго функціонированія земства, которое должно явиться дѣйствительнымъ выразителемъ мнѣнія земской Россіи. Для этого необходимо возстановить принципъ безсословности земскаго представительства. Если постановленія особаго совѣщанія не будутъ отданы на разсмотрѣніе земскаго собранія, то Рузскій комитетъ ходатайствуетъ, чтобы особое совѣщаніе приняло въ разсчетъ земскія представленія и разсмотрѣло ихъ при участіи приглашенныхъ земскихъ дѣятелей.

Въ Мензелинскомъ, Уфимской губ., комитетѣ землевладѣлецъ Татищевъ доказывалъ необходимость «націонализаціи земли», т. е. «перехода всѣхъ частныхъ земель въ руки государства, которое тогда въ состояніи было бы надѣлить необходимымъ количествомъ земли воздѣлывателей ея». Если сейчасъ невозможна полная націонализація, то «мѣстная, частная—возможна, и она—единственная мѣра, могущая

дать крестьянамъ то, безъ чего не поднимешь радикально ихъ благосостоянія».

Въ Тульскій уѣздный комитетъ извѣстный земецъ Я. Я. Гуревичъ внесъ записку, въ которой доказывалъ необходимость расширить площади крестьянскаго землепользованія, облегченія податной тяготы, путемъ введенія подоходнаго налога, гарантіи личности, отмѣны тѣлеснаго наказанія, уравненіе крестьянъ съ прочими сословіями [1]).

Достаточно и приведенныхъ данныхъ, чтобы убѣдиться, что многіе уѣздные комитеты не только не оправдали надежды Витте, но, къ удовольствію Плеве, совершенно скомпрометировали его въ глазахъ высшихъ сферъ. Плеве, отстранивъ Витте, ждалъ поддержки со стороны губернскихъ комитетовъ, учрежденій уже безусловно бюрократическихъ, но, увы,—и здѣсь земство испортило дѣло.

Мы уже знаемъ, что было въ Воронежскомъ губернскомъ комитетѣ,—такія же «нежелательныя» явленія имѣли мѣсто и въ нѣкоторыхъ другихъ губернскихъ комитетахъ, не взирая на энергичныя стремленія губернаторовъ направить дѣятельность комитетовъ на «надлежащій» путь.

Они такъ дѣйствовали, согласно строжайшему приказу Плеве. Послѣдній, побывавъ въ Ливадіи, гдѣ осенью 1902 г. жилъ Государь, добился, что и уѣздные и губернскіе комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности были подчинены министру внутреннихъ дѣлъ впредь до внесенія ими своихъ работъ въ Особое Совѣщаніе, гдѣ предсѣдательствовалъ Витте. Достигнувъ этого, Плеве тотчасъ же отдалъ распоряженіе губернаторамъ, чтобы они совершенно не допускали обсужденія въ комитетахъ «общихъ вопросовъ», какъ-то—о народномъ образованіи, о правовомъ положеніи крестьянина, о земскомъ самоуправленіи и т. п. Губернаторы, конечно, поспѣшили выполнить волю министра.

Такъ, засѣданія Тамбовскаго губернскаго комитета 11—13 января 1903 года, сопровождалось такого рода инцидентами. Губернаторъ, знаменитый фонъ-деръ-Лауницъ, безъ всякаго предисловія, заявилъ, что, по его распоряженію, составлена сводка работъ уѣздныхъ комитетовъ и предложилъ правителю канцеляріи прочитать эту сводку. Очень скоро выяснилось, что никакой «сводки» сдѣлано не было, а правитель канцеляріи читалъ только «выборки». Тогда губернскій предводитель дворянства, кн. Чолокаевъ, замѣтилъ, что трудно обсуждать эти выборки, не имѣвъ и не имѣя въ рукахъ подлинныхъ докладовъ. На это губернаторъ замѣтилъ, что «не было времени все напечатать». Вслѣдъ за этимъ Темниковскій предводитель дворянства, Новосильцевъ, спросилъ,—«вошли ли въ сводку и будутъ-ли обсуждаться наиболѣе существенныя постановленія Темниковскаго комитета?» На это губернаторъ категорически отвѣтилъ: «нѣтъ». На слѣдующій день, въ засѣданіи 12 января, кн. Чолокаевъ предложилъ прежде всего выслушать журналъ предыдущаго засѣданія, но губернаторъ отвѣтилъ от-

[1]) Сообщаю здѣсь къ слову, что за записку, поданную въ Тульскій уѣздный комитетъ, былъ арестованъ членъ комитета, крестьянинъ Новиковъ.

казомъ, находя чтеніе журнала «совершенно излишнимъ», въ виду того, что «каждому предоставлено подавать письменно свои особыя мнѣнія». Тогда кн. Чолокаевъ заявилъ, что онъ считаетъ дальнѣйшее свое участіе въ засѣданіяхъ губернскаго комитета безполезнымъ и излишнимъ. Фонъ-деръ-Лауницъ и на это отвѣтилъ, что губернскому предводителю разрѣшается представить особое мнѣніе и предложилъ перейти къ очередному вопросу. Но тутъ Новосильцевъ заявилъ о необходимости оглашенія постановленій Темниковскаго уѣзднаго комитета, какъ основныхъ. Получивъ отъ губернатора отпоръ, Новосильцевъ присоединился къ заявленію кн. Чолокаева, что вызвало отказъ отъ участія въ комитетѣ со стороны тамбовскаго уѣзднаго предводителя дворянства Петрова-Соловова и губернскаго земскаго гласнаго отъ Козловскаго уѣзда Любощинскаго.

13-го января губернатору было доставлено нижеслѣдующее «заявленіе»:

„Будучи призваны къ участію въ губернскомъ комитетѣ, мы, нижеподписавшіеся, полагали, что цѣль вашей работы состоитъ въ томъ, чтобы общими силами обсудить вопросы, которые разсматривались въ уѣздныхъ комитетахъ и дать по нимъ наше заключеніе. Несмотря, однако на сдѣланное предсѣдателемъ заявленіе, что, при желаніи комитета, подлинные тексты журналовъ могутъ быть доложены, тѣмъ не менѣе, какъ это выяснилось изъ первыхъ двухъ засѣданій, предложеніе нѣкоторыхъ членовъ комитета не только внести на обсужденіе вопросы, обсуждавшіеся въ комитетахъ, но хотя бы только огласить ихъ, были встрѣчены со стороны г. предсѣдателя категорическимъ отказомъ. Съ другой стороны, матеріалъ, предлагаемый нашему разсмотрѣнію, составляетъ не сводъ мотивированныхъ постановленій уѣздныхъ комитетовъ, а лишь весьма односторонне и во многихъ случаяхъ невѣрно составленную выборку изъ журналовъ означенныхъ комитетовъ, большею частью, по разнымъ вопросамъ. Въ этой выборкѣ вовсе не упоминается объ условіяхъ жизни мѣстнаго населенія, въ которыхъ уѣздные комитеты усматривали непосредственное вліяніе на современное положеніе сельско-хозяйственной промышленности, и которыя они, руководствуясь циркуляромъ господина предсѣдателя Особаго Совѣщанія на имя предсѣдателей губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ, подвергли обстоятельному разсмотрѣнію. Такимъ образомъ, рамки, въ которыя предсѣдатель поставилъ нашу дѣятельность, стѣснены до такихъ предѣловъ, при которыхъ она не можетъ имѣть никакой цѣнности для правительства. При такихъ условіяхъ нашей работы мы непремѣнно должны представить правительству, признавшему насъ на совѣщаніе по важнымъ вопросамъ мѣстной экономической жизни, одностороннее и потому уже невѣрное выраженіе нашего мнѣнія.

При данной постановкѣ дѣла мы лишены возможности исполнить возложенную на насъ Высочайшею Волею серьезную и отвѣтственную задачу, а потому имѣемъ честь заявить, что мы не находимъ возможнымъ принимать участіе въ засѣданіяхъ Тамбовскаго губернскаго комитета. Настоящее заявленіе просимъ приложить къ журналу. Подписали: Тамбовскій уѣздный предводитель дворянства Петрово-Соловово, Темниковскій—Новосильцевъ, Моршанскій—Грузиновъ, предсѣдатель Тамбовской губернской земской управы—Колоколовъ, члены той же управы: кн. Кугушевъ, Брюхатовъ, Кондыревъ, Баратынскій; предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ: Тамбовской—Филатовъ, Борисоглѣбскій—Намѣтновъ, Моршанскій—Поповъ, Темниковской—Корольковъ, Козловской—Ушаковъ; губернскіе гласные: *В. Комсинъ, С. Комсинъ* и *М. Любощинскій*.

Затѣмъ, лично отъ себя темниковскій уѣздный предводитель дворянства Новосильцевъ написалъ такое письмо:

„М. Г. Сергѣй Юльевичъ. 11-го января состоялось открытіе Тамбовскаго губернскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Образъ дѣйствія г. предсѣдателя онаго вынудилъ меня въ числѣ многихъ отказаться отъ участія въ дальнѣйшихъ занятіяхъ комитета. Причины моего отказа отчасти изложены въ копіи съ заявленія, при семъ прилагаемаго на усмотрѣніе вашего высокопревосходительства. Если мы, въ числѣ около 30 человѣкъ, не покинули зала засѣданія, а оставались до конца второго засѣданія, хотя не принимали въ немъ никакого участія, то единственно потому, что не желали подавать поводъ къ нареканіямъ на насъ въ демонстративномъ и, быть можетъ, не вполнѣ корректномъ поступкѣ. Принимая во вниманіе, что почти всѣ постановленія Темниковскаго уѣзднаго комитета остались не разсмотрѣнными, и не зная, съ какими заключеніями тамбовскому губернатору благоугодно будетъ представить ихъ въ Особое Совѣщаніе, и, какъ предсѣдатель уѣзднаго комитета, долгомъ считаю копію съ оныхъ постановленій препроводить на разсмотрѣніе вашего высокопревосходительства".

Въ Тверской губернскій комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, 23 января 1903 г., были посланы два такого содержанія заявленія: первое по адресу комитета, а второе—на имя предсѣдателя комитета, тверского губернатора.

Въ комитетъ:

„Будучи Высочайшею волею призваны къ участію въ занятіяхъ губернскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, мы, нижеподписавшіеся, какъ лица, занимающія извѣстныя должности, считаемъ своею обязанностью принять участіе въ занятіяхъ комитета. При этомъ считаемъ, однако, своимъ долгомъ заявить слѣдующее: 1) хотя мы занимаемъ должности предсѣдателя и членовъ губернской земской управы и приглашены къ участію въ комитетѣ въ качествѣ таковыхъ, но, имѣя въ виду крайнюю сложность какъ вопросовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, такъ и стоящихъ въ ближайшей и тѣсной связи съ ними вопросовъ о жизненныхъ нуждахъ нашего сельскаго хозяйства, мы отнюдь не можемъ считать себя въ комитетѣ представителями земства и, при обсужденіи вопросовъ этихъ въ комитетѣ, мнѣніе, высказываемое нами, должно быть разсматриваемо какъ личное мнѣніе каждаго изъ насъ. 2) Признавая, какъ выше сказано, всю важность поставленной комитетами задачи, мы не можемъ не сознавать, что при случайности состава комитета, образуемаго по усмотрѣнію предсѣдателя его, при краткости времени, назначеннаго для его занятій, при отсутствіи средствъ и матеріаловъ для выясненія многихъ сторонъ сельско-хозяйственной жизни нашего населенія и при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлены работы комитетовъ, нельзя разсчитывать на успѣшное выполненіе ими задачъ, возложенныхъ на нихъ Высочайшею волею. Единственнымъ учрежденіемъ, которое могло бы выполнить, при всемъ несовершенствѣ ихъ нынѣшней

организаціи и отсутствіи необходимой для того самостоятельности, болѣе или менѣе удовлетворительно эту задачу—земскія учрежденія. О необходимости поручить земскимъ собраніямъ Тверской губерніи разработать вопросы о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности во всей ихъ полнотѣ мы считаемъ долгомъ заявить губернскому комитету и предлагаемъ ему возбудить объ этомъ ходатайство. 3) Имѣя въ виду, что заключенія земскихъ собраній по всѣмъ вопросамъ сельско-хозяйственной промышленности и жизни нашего населенія должны быть переданы въ центральное учрежденіе, будетъ ли то Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности или иное учрежденіе, мы признаемъ безусловно необходимымъ возбудить ходатайство, чтобы въ составъ его,—на правахъ съ прочими членами и съ гарантіей въ личной неприкосновенности за выражаемые взгляды и убѣжденія,—были допущены два представителя, избранные тверскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, для защиты и проведенія въ этомъ учрежденіи тѣхъ положеній и мѣръ, къ измѣненію существующихъ порядковъ въ цѣляхъ улучшенія быта сельскаго населенія и условій сельскаго хозяйства, которыя будутъ выработаны губернскимъ земствомъ".

Это заявленіе было подписано всѣмъ составомъ губернской управы, а именно его подписали: предсѣдатель управы *В. фонъ-Дервизъ* и члены: *Н. Милюковъ* и *баронъ Н. С. Вревскій*. Кромѣ того, къ заявленію присоединились: предсѣдатели: Корчевской земской управы—*Пулоковскій*, Новоторжской—*Н. Балавинскій*, Зубцовской—*В. Безобразовъ*, Ржевской—*М. Потемкинъ*, Бѣжецкой—*Н. Трубниковъ* и Весьегонской—*С. Мясниковъ*.

На имя губернатора, какъ предсѣдателя губернскаго комитета, послано было такое заявленіе:

„На основаніи Высочайше утвержденнаго положенія Особаго Совѣщанія, на губернскіе комитеты возложено разсмотрѣніе постановленій уѣздныхъ комитетовъ со всѣми матеріалами, туда поступившими, и представленіе Особому Совѣщанію своихъ по нимъ заключеній. Отсюда слѣдуетъ, что на губернскій комитетъ возложена весьма сложная и отвѣтственная задача ознакомиться съ мнѣніями уѣздныхъ комитетовъ во всей ихъ полности. Для облегченія этой задачи Ваше Сіятельство поручили избранному вами лицу составленіе свода заключеній уѣздныхъ комитетовъ, а затѣмъ, при открытіи комитета, объявили, что сводъ этотъ и предлагается для обсужденія комитета, при чемъ все, что не вошло въ сводъ, хотя бы и имѣло мѣсто въ постановленіяхъ уѣздныхъ комитетовъ, не подлежитъ обсужденію. Между тѣмъ, многими изъ насъ было обращено вниманіе Вашего Сіятельства на всю неполность свода, на многіе и существенные пропуски по уѣздамъ: Весьегонскому, Бѣжецкому, Старицкому, Корчевскому и особенно по Новоторжскому уѣзду; было указано на субъективность сдѣланныхъ извлеченій и на полное отсутствіе указаній,—какія явленія и какія мѣры, по мнѣнію уѣздныхъ комитетовъ, имѣютъ существенное и важное значеніе и какія имѣютъ второстепенное и третьестепенное. Словомъ, мы обращаемъ ваше вниманіе на невозможность, на основаніи сдѣланнаго свода, правильной оцѣнки тѣхъ показаній, которыя дали въ уѣздныхъ комитетахъ мѣстные люди. Въ виду этого было предложено нами ознакомиться въ подлинникахъ съ тѣми постановленіями комитетовъ, которыя объеденены въ форму опредѣленныхъ заключеній, отстальное же передать для разсмотрѣнія особой комиссіи, которая бы и внесла свои заключенія на обсужденіе губернскаго комитета. Первую часть этого предложенія вы отвергли безусловно, относительно же комиссіи вы изъявили согласіе, но подъ условіемъ, что послѣдняя не войдетъ въ разсмотрѣніе тѣхъ вопросовъ, которые не включены въ сводъ по своему общегосударственному значенію, а такъ какъ послѣднее представляется понятіемъ въ высшей степени неопредѣленнымъ, тѣмъ болѣе, что самая задача, возложенная на комитетъ о нуждахъ сельской промышленности, имѣетъ значеніе именно государственное, то и роль комиссіи представляется совершенно безполезной, такъ какъ нужды сельской промышленности тѣсно связаны съ нуждами народнаго образованія, правового положенія крестьянъ, финансовой политики, положенія мѣстнаго самоуправленія и проч. Не имѣя возможности касаться этихъ вопросовъ ни въ комиссіи комитета, ни въ самомъ комитетѣ, лишенные, вопреки циркуляру предсѣдателя комитета Особаго Совѣщанія на имя предводителей губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ, возможности разъяснить, по мѣрѣ нашихъ силъ и нашего разумѣнія, дѣйствительныя причины разстройства сельско-хозяйственной промышленности и нашего общаго имущественнаго оскудѣнія, мы лишены всякой возможности выполнить возложенную на насъ Высочайшею волею, выраженною въ положеніи Особаго Совѣщанія, отвѣтственную задачу, такъ какъ поставлены, вашимъ распоряженіемъ, въ условія, заранѣе предрѣшающія чисто формальное, а потому и безплодное разсматриваніе частныхъ вопросовъ, имѣющихъ, по нашему мнѣнію, далеко не столь важное значеніе. Сознавая всю отвѣтственность, лежащую на насъ передъ правительствомъ и населеніемъ, къ истинному освѣщенію интересовъ котораго мы призваны, какъ члены губернскаго комитета, мы имѣемъ честь довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства, какъ предсѣдателя комитета, что не считаемъ для себя возможнымъ принимать дальнѣйшее участіе въ трудахъ Тверского губернскаго комитета.

Заявленіе это подписали земцы: *И. И. Петрункевичъ*, *В. Д. фонъ-Дервизъ* *Н. А. Балавинскій*, *А. С. Юрковъ*, *В. А. Пулоковскій*, *М. И. Петрункевичъ*, *С. А. Мясниковъ*, *С. Д. Квашнинъ-Самаринъ*, *Н. А. Калитѣевскій*, *Н. А. Трубниковъ*, *В. А. Безобразовъ*, *М. А. Потемкинъ*, *Н. К. Милюковъ* и *баронъ Н. С. Вревскій*.

Въ Московскомъ губернскомъ комитетѣ изъ состава его вышли—предсѣдатель губернской земской управы Д. Н. Шиповъ и предсѣдатели всѣхъ уѣздныхъ земскихъ управъ Московской губерніи. Причиною выхода было то обстоятельство, что комитетъ, своимъ чиновничьимъ большинствомъ, рѣшилъ, что пунктъ записки Шипова и товарищей, касающійся правового положенія крестьянъ и условій, обезпечивающихъ плодотворную работу земскихъ учрежденій не подлежатъ обсужденію въ губернскомъ комитетѣ. Послѣдствіемъ этого выхода былъ слѣдующій циркуляръ по печати отъ 25 февраля 1903 г. за № 1996: «Главное управленіе по дѣламъ печати, по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 140 уст. о ценз. и печати, предлагаетъ г.г. редакторамъ безцензурныхъ газетъ и журналовъ не перепечатывать какъ полностью, такъ и въ извлеченіяхъ помѣщеннаго въ № 53 газеты «*Русскія Вѣдомости*» письмо предсѣдателя московской губернской земской управы Д. Н. Шипова, а равно воздержаться отъ обсужденія этого письма».

Въ Тульскомъ губернскомъ комитетѣ, открытомъ 14 января 1903 года, всякія попытка со стороны членовъ выдвинуть тѣ вопросы, ко-

торые составляли предметъ обсужденія въ уѣздныхъ комитетахъ, встрѣчали запрещеніи со стороны предсѣдателя. Такой порядокъ занятій имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что уже со второго засѣданія сталъ послѣдовательно уменьшаться составъ комитета, такъ что послѣднее засѣданіе состоялось всего при наличности 14 членовъ, въ то время какъ на первомъ было 42. Члены губернской земской управы представили губернатору записку съ просьбой направить ее въ особое совѣщаніе.

Вологодскій губернскій комитетъ призналъ необходимымъ: 1) уничтоженіе тѣлеснаго наказанія, 2) уменьшеніе правъ надъ крестьянскимъ населеніемъ земскихъ начальниковъ, 3) всеобщее обученіе, 4) расширеніе программы народной школы, 5) пониженіе всѣхъ вообще налоговъ (прямыхъ и косвенныхъ), а въ особенности выкупныхъ платежей. Губернаторъ не допустилъ голосовать вопроса о равноправіи крестьянъ, какъ не допустилъ обсужденія нѣсколькихъ докладовъ, внесенныхъ отдѣльными членами.

Въ Харьковскій губернскій комитетъ извѣстнымъ земскимъ дѣятелемъ Н. Н. Ковалевскимъ былъ внесенъ обширный и обстоятельный докладъ, озаглавленной—«Возрастающее оскудѣніе деревни». Эпиграфомъ къ нему авторъ взялъ извѣстныя слова Джона Стюарта Милля: «Когда цѣль состоитъ въ томъ, чтобы надолго улучшить положеніе народа, тогда незначительныя средства не просто производятъ незначительныя дѣйствія, а вовсе не производятъ никакого дѣйствія». Этимъ эпиграфомъ исчерпывалось все значеніе особаго совѣщанія. Губернскій комитетъ передалъ докладъ Ковалевскаго въ особую комиссію, а затѣмъ предсѣдатель комитета, губернаторъ Гербель, не допустилъ обсужденіе его въ комитетѣ.

Изъ приведенныхъ данныхъ о дѣятельности губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, очевидно, что они не поддержали правительство, и многіе изъ нихъ почти не отличались отъ уѣздныхъ комитетовъ. Ясно было, что не только земство играло первостепенную роль и въ губернскихъ комитетахъ, но что оно участвовало, какъ организованная сила, исполняя постановленіе Московскаго съѣзда и руководствуясь указаніями «*Освобожденія*» [1]).

[1]) Между тѣмъ, Плеве, опасаясь, чтобы земство не приняло никакого участія въ обсужденіи вопроса о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, еще въ іюлѣ 1902 г. разослалъ черезъ губернаторовъ такого рода циркуляръ губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства.

(ТАКОЙ-ТО) ГУБЕРНАТОРЪ

20 іюля 1902 г.

Конфиденціально.

№

Г.

ЕГО ВЫС-ДІЮ

Г. (такому-то) предводителю дворянства.

Милостивый Государь!

Высочайше утвержденнымъ 22-го марта сего года положеніемъ Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности участіе земскихъ учрежденій въ обсужденіи подлежащихъ разсмотрѣнію названнаго Совѣщанія вопросовъ не признано необходимымъ, и для

Теперь, ознакомившись съ направленіемъ уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и съ мѣрами по отношенію къ нимъ правительства, послѣдуемъ, какъ выше обѣщали, за Плеве въ Полтаву, куда онъ отправился почти тотчасъ по полученіи портфеля министра внутреннихъ дѣлъ.

Сплошная поѣздка его на югъ Россіи объяснялась сильными волненіями среди крестьянъ въ Харьковской и, главнымъ образомъ, въ Полтавской губерніи. За Харьковскую губернію Плеве былъ «спокоенъ», такъ какъ «хозяиномъ» ея состоялъ тогда извѣстный, «энергичный» кн. Иванъ Оболенскій, жестоко расправившійся не только со «своими» крестьянами, но «усмирившій» и крестьянъ сосѣднихъ уѣздовъ Полтавской губерніи, гдѣ въ то время губернаторомъ былъ Бельгардъ, не соотвѣтствовавшій «новому режиму».

На крестьянскія волненія Плеве, конечно, смотрѣлъ, исключительно съ полицейской точки зрѣнія, какъ на результатъ дѣятельности крамолы, сосредоточенной въ земствѣ, въ лицѣ «третьяго элемента», преимущественно среди земскихъ статистиковъ.

Поэтому, явившись въ Полтаву, онъ прежде всего разгромилъ статистическое отдѣленіе полтавскаго губернскаго земства, выславъ завѣдующаго статистическимъ отдѣленіемъ А. А. Русова, и исходатайствовалъ усиленную охрану для Полтавскаго, Константиноградскаго, Переяславскаго и Кременчугскаго уѣздовъ.

Убѣжденіе Плеве въ крамольной дѣятельности земскихъ статистиковъ было такъ велико, что онъ вошелъ даже по этому поводу съ любопытнымъ всеподданѣйшимъ докладомъ, опубликованнымъ въ началѣ іюня 1902 г. и озаглавленномъ—«О прекращеніи въ 1902 г. собиранія статистическихъ свѣдѣній о земельныхъ имуществахъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земледѣльческой полосы Россіи».

Первая часть этого «доклада» посвящена критикѣ статистическихъ работъ, но изъ второй части выясняется, что «умыселъ другой тутъ былъ», и вовсе не «работы» интересовала временщика, а нѣчто другое. Именно во второй части Плеве докладывалъ: «За послѣдніе годы обнаружилась и другая отрицательная сторона земскихъ оцѣночныхъ работъ. Для собиранія необходимыхъ статистическихъ свѣдѣній земскія учрежденія должны были подобрать постоянный личный составъ, пополняемый въ лѣтніе мѣсяцы временными сотрудниками нерѣдко далеко не безупречными въ политическомъ отношеніи. Число такихъ сотрудниковъ, какъ усматривается изъ нижеслѣдующей таблицы, достигало въ 1900 и 1901 годахъ во многихъ губерніяхъ значительныхъ размѣровъ.

доставленія Особому Совѣщанію свѣдѣній и заключеній по вышеупомянутымъ вопросамъ учреждены особые губернскіе и уѣздные комитеты.

Принимая, такимъ образомъ, во вниманіе, что обсужденіе вопросовъ о нуждахъ сельско хозяйственной промышленности по программѣ занятій Особаго Совѣщанія не можетъ входить въ компетенцію Земскихъ Собраній, и предвидя возможность возбужденія такихъ вопросовъ на предстоящихъ уѣздныхъ очередныхъ собраніяхъ, имѣю честь просить Васъ, Милостивый Государь, ни въ какомъ случаѣ не допускать возбужденія и обсужденія означенныхъ вопросовъ, а также вопросовъ, касающихся занятій и учрежденій Особаго Совѣщанія, на предстоящемъ (та комъ-то) уѣздномъ очередномъ земскомъ собраніи.

ГУБЕРНІИ:	Постоянныхъ статистиковъ.	Временныхъ сотрудниковъ.	Всего.
Вологодская	14	64	78
Вятская	23	71	94
Олонецкая	25	44	69
Орловская	24	22	46
Пензенская	—	—	49
Полтавская	37	594	631
Псковская	22	16	38
Рязанская	23	67	90
С.-Петербургская	25	32	57
Тульская	—	—	49

«Между тѣмъ, преградить неблагонадежнымъ лицамъ доступъ къ занятію статистическими работами не всегда представляется возможнымъ, ибо нѣкоторыя земства, по спѣшности дѣла, допускали статистиковъ къ работамъ до полученія разрѣшенія губернатора. Такъ въ Орловской губерніи изъ числа 46 лицъ, приглашенныхъ къ оцѣночно-статистическимъ изслѣдованіямъ, 30 человѣкъ приступили къ работамъ безъ согласія губернскаго начальства. Такая обстановка оцѣночнаго дѣла давно уже обращала на себя вниманіе министерства, но ни указанія губернаторскаго, ни надзора полиціи, ни разнообразныя справки объ отдѣльныхъ личностяхъ не въ состояніи были, однако, въ достаточной степени оградить населеніе отъ вреднаго, въ политическомъ отношеніи, вліяніе нѣкоторыхъ изъ числа подобныхъ лицъ. Постоянное, особенно при обслѣдованіи земельныхъ имуществъ, общеніе съ крестьянами даетъ неблагонадежнымъ людямъ широкое поле для противоправительственной пропаганды, бороться съ которой, при слабости полицейскаго надзора въ селеніяхъ, представляется крайне затруднительнымъ. Послѣдніе событія въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ съ очевидностью выяснили необходимость немедленно положить предѣлъ вредному вліянію, которое оказывали на населеніе нѣкоторые изъ земскихъ статистиковъ. При этомъ не можетъ, конечно, подлежать сомнѣнію, что предстоящія въ указанномъ направленіи мѣры, какъ преслѣдующія интересы государственнаго порядка, должны быть осуществлены во всякомъ случаѣ, хотя бы отъ сего еще болѣе замедлились оцѣночныя работы. Сдѣлавъ поэтому распоряженіе о временномъ до 1-го числа наступающаго іюня пріостановленіи разъѣздовъ статистиковъ по уѣздамъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ къ заключію о неотложной необходимости принятія, впредь до разрѣшенія общаго вопроса о переустройствѣ оцѣночнаго дѣла такой мѣры, которая бы устранила нежелательныя явленія существующаго порядка земскихъ статистическихъ обслѣдованій. Подобною мѣрою, по моему мнѣнію, должно быть воспрещеніе разъѣздовъ статистиковъ для собиранія свѣдѣній въ теченіе нынѣшняго года... Руководствуясь изложенными соображеніями, я полагалъ бы: собираніе въ текущемъ году статистическихъ свѣдѣній о земельныхъ имуществахъ въ губерніяхъ: Бессарабской, Екатеринославской, Казанской, Курской,

Орловской, Пензенской, Полтавской, Самарской, Симбирской, Тульской, Харьковской и Черниговской прекратить, предоставивъ примѣненіе этой мѣры въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ 22-хъ губерній усмотрѣнію начальниковъ губерній.»

Въ тѣсной связи съ приведеннымъ всеподданѣйшимъ докладомъ объ охраненіи народа отъ земскихъ статистиковъ находятся и два любопытныхъ документа, вполнѣ характеризующихъ направленіе правительственной дѣятельности въ 1902 году.

Одинъ изъ нихъ принадлежитъ Тверскому губернатору, другой—департаменту полиціи, и оба пущены въ ходъ одновременно съ опубликованіемъ всеподданѣйшаго доклада Плеве, т. е. въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Первый документъ былъ такого содержанія:

Секретно.

Циркулярно.

Г. г. Земскимъ начальникамъ тверской губ.

На основаніи циркулярнаго предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшаго ко мнѣ 21-го минувшаго мая, по поводу безпорядковъ, происшедшихъ въ послѣднее время въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, покорнѣйше прошу Васъ, милостивый государь, въ дополненіе къ циркулярному сообщенію отъ 16-го іюля 1898 г. за № 2028, учредить и имѣть самое тщательное наблюденіе, при содѣйствіи волостныхъ старшинъ и другихъ подвѣдомственныхъ вамъ сельскихъ властей, за настроеніемъ мѣстнаго крестьянскаго населенія и о каждомъ случаѣ немедленно сообщать мнѣ и принимать самыя энергичныя мѣры къ возможно быстрому прекращенію возникающихъ волненій. При этомъ вамъ надлежитъ съ особеннымъ вниманіемъ относится ко всякимъ нежелательнымъ проявленіямъ въ общественой жизни мѣстнаго крестьянскаго населенія и, въ случаѣ замѣчаемаго Вами учащенія этихъ проявленій, принимать мѣры къ немедленному обслѣдованію обстоятельствъ, вызывающихъ таковыя явленія, и тѣмъ устранять возможность ихъ повторенія и развитія на ихъ почвѣ волненій и безпорядковъ. Въ видахъ же наиболѣе успѣшнаго осуществленія наблюденія за настроеніемъ сельскаго населенія, считаю необходимымъ сообщить вамъ для свѣдѣнія и соображеній, что въ настоящее время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ получены указанія на стремленіе злонамѣренныхъ лицъ организовать кружковую пропаганду среди крестьянскаго населенія. Съ этою цѣлью въ кружокъ выбираются ими наиболѣе развитые, даровитые и энергичные крестьяне, которымъ сообщаютъ различныя научныя свѣдѣнія, преимущественно по исторіи, соціологіи и рабочему движенію, при чемъ главнымъ средствомъ ознакомленія членовъ кружковъ съ указанными свѣдѣніями является широкое распространеніе въ средѣ крестьянъ какъ тенденціозныхъ, такъ и нелегальныхъ изданій. Не касаясь того вреда, который имѣетъ для народа проникновеніе въ его среду изданій подпольной прессы, надлежитъ имѣть въ виду, что раздача сельскому населенію книгъ даже вполнѣ легальныхъ даетъ возможность неблагонадежнымъ лицамъ вступать въ частыя и тѣсныя сношенія съ народомъ, создаетъ между ними оживленный обмѣнъ мнѣній и сближаетъ ихъ съ крестьянами. Опредѣляя путемъ такого общенія развитіе крестьянъ даннаго села, ихъ отношеніе

къ различнымъ сторонамъ общественной жизни, упомянутыя лица набираютъ изъ среды крестьянъ наиболѣе даровитыхъ и склонныхъ къ усвоенію революціоннаго ученія, ведутъ съ ними особыя занятія и подготовляютъ изъ нихъ вожаковъ крестьянскаго движенія. Кромѣ того, общедоступная народная литература, въ подборѣ тенденціозныхъ изданій, создаетъ искусственное политическое броженіе въ деревнѣ, такъ какъ изображаетъ различныя темныя стороны крестьянской жизни, бѣдствіе и нищету народа и тѣмъ усиливаетъ въ крестьянствѣ элементы недовольства. Распропагандированные члены кружковъ являются, въ свою очередь, пропагандистами среди своихъ односельчанъ и, такимъ образомъ, кружокъ такихъ крестьянъ полагаетъ основаніе будущему „Крестьянскому боевому союзу", привлекая къ себѣ съ теченіемъ времени все новыхъ и новыхъ членовъ. Изъ тѣхъ же свѣдѣній усматривается, что неблагонадежныя лица заводятъ связи съ деревней, въ большинствѣ случаевъ, черезъ учащуюся молодежь, учениковъ училища садоводства и др., а въ будущемъ стремятся образовать кружки изъ сельскихъ учителей и учительницъ, намѣреваясь, для ознакомленія съ ними, воспользоваться съѣздами ихъ на организуемые лѣтомъ педагогическіе курсы. Кромѣ того, преступные агитаторы, для развитія пропаганды, пользуются крестьянами тѣхъ селъ, гдѣ вредная ихъ дѣятельность уже окрѣпла, при чемъ для этой цѣли крестьяне эти разсылаются въ видѣ батраковъ, книгоношъ, торговцевъ и т. п. въ тѣ мѣстности, гдѣ предполагается посѣять противоправительственныя идеи. Подписалъ: губернаторъ князь *И. Голицынъ*. Скрѣпилъ: правитель канцеляріи *Плетневъ*. Вѣрно. Помощникъ правителя канцеляріи *А. Дмитріевъ*.

Въ документѣ же департамента полиціи, разосланнаго губернаторамъ, а губернаторами сообщеннаго земскимъ начальникомъ говорилось нижеслѣдующее:

М. В. Д.
Деп. Полиціи.

Совершенно секретно.
Циркулярно.

Изъ поступившихъ въ Департаментъ Полиціи свѣдѣній усматривается, что распространеніе среди сельскаго населенія Имперіи революціонныхъ изданій осуществляется, въ большинствѣ случаевъ, слѣдующимъ образомъ:

Въ томъ или другомъ районѣ появляются ненавѣстные молодые люди, которые, проѣзжая въ желѣзно-дорожныхъ поѣздахъ и въ экипажахъ или верхомъ по проселочнымъ дорогамъ, изъ вагоновъ и экипажей, проходя пѣшкомъ по селамъ и деревнямъ, разбрасываютъ имѣющіяся у нихъ книжки и брошюры революціоннаго содержанія, или раздаютъ таковыя встрѣчнымъ крестьянамъ, рекомендуя ихъ читать и передавать для чтенія другимъ. Нерѣдко изданія эти тайно подбрасываются во дворы и постройки крестьянскихъ усадебъ и явно—на ярмаркахъ и базарахъ въ крестьянскія телѣги, а затѣмъ разносятся самимъ населеніемъ по отдаленнѣйшимъ и наиболѣе глухимъ мѣстамъ. Упомянутыя книжки и брошюры охотно передаются безъ всякаго злого умысла отъ одного лица къ другому, при чемъ наблюдались даже случаи публичнаго чтенія такихъ изданій среди толпы крестьянъ. По ознакомленіи крестьянъ съ содержаніемъ означенной литературы, среди нихъ возникали толки о предстоящемъ раздѣлѣ помѣщичьей земли и болѣе или менѣе натянутыя отношенія съ мѣстными землевладѣльцами; и лишь по прошествіи

значительнаго промежутка времени уѣздная полиція, встревожившись свѣдѣніями о происходящемъ среди крестьянъ броженіи, прибываетъ на мѣсто, гдѣ узнаетъ лишь, что проходившіе или проѣзжавшіе ненавѣстные люди раздавали встрѣчнымъ крестьянамъ книжки. Означенныя книжки и брошюры отбираются, конечно, далеко не всѣ, а по дѣлу объ обнаруженіи ихъ среди крестьянъ производятся дознанія, оказывающіяся, обыкновенно, безрезультатными, такъ какъ виновные въ распространеніи революціонныхъ изданій остаются не обнаруженными и, вѣроятно, лишь переносятъ свою дѣятельность въ другія мѣста. Изъ вышеизложеннаго нетрудно усмотрѣть, что въ борьбѣ съ такого рода пропагандой административнымъ разслѣдованіемъ и отобраніемъ революціонныхъ изданій нельзя достигнуть успѣха и что всѣ усилія администраціи въ борьбѣ со зломъ должны быть направлены прежде всего на обнаруженіе и задержаніе агитаторовъ и распространителей подпольныхъ изданій, а также на изысканіе мѣръ къ затрудненію ихъ преступной дѣятельности. Для достиженія этой цѣли, мѣстныя жандармскія и полицейскія силы, въ виду ихъ сравнительной малочисленности и обширности районовъ наблюденія, оказались бы, конечно, недостаточными, вслѣдствіе чего необходимо, казалось бы, принять мѣры къ вразумленію самихъ крестьянъ, чтобы они собственными средствами задерживали и представляли въ распоряженіе властей агитаторовъ и содѣйствовали этимъ уничтоженію зла въ самомъ корнѣ. Изъ числа крестьянъ, конечно, найдутся столь благоразумные люди, которые сами стали бы способствовать назовленію преступныхъ агитаторовъ. Въ виду вышеизложеннаго предлагаю Вашему Превосходительству объявить земскимъ начальникамъ, мировымъ посредникамъ и уѣзднымъ исправникамъ, чтобы они разъяснили лично на сходахъ крестьянамъ всю несостоятельность революціонныхъ ученій

(Подпись): Исправляющій должность
Директора Департамента полиціи *Лопухинъ*.

То обстоятельство, что приведенные документы явились вслѣдъ за всеподданѣйшимъ докладомъ Плеве о прекращеніи статистическихъ изслѣдованій, при чемъ въ циркулярѣ тверского губернатора прямо указывается на волненія въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, причины каковыхъ приписывались Плеве, главнымъ образомъ, вліянію земскихъ статистиковъ, это обстоятельство, повторяемъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что циркуляры губернаторовъ и департамента полиціи направлены были преимущественно, если не всецѣло, именно противъ земскаго элемента и не только «третьяго», но, вѣроятно, и—«второго», т. е. противъ «неблагонадежныхъ» выборныхъ земцевъ.

Московскій съѣздъ, изданіе «*Освобожденія*» заставляли правительство насторожиться еще до открытія дѣйствій вредныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ и, какъ мы уже говорили, придти къ убѣжденію въ существованіи земской организаціи и въ союзѣ оппозиціонной части «второго» земскаго элемента съ «третьимъ».

Такой взглядъ правительства въ достаточной степени выяснился, между прочимъ, во время пребыванія Плеве въ Курскѣ, когда тамъ происходили маневры въ присутствіи Государя.

Мы поэтому остановимся здѣсь на курскихъ событіяхъ, предварительно сообщивъ свѣдѣнія о первой выставкѣ по народному образованію въ Курскѣ и земскомъ «слетѣ», предшествовавшихъ маневрамъ.

Выставка по народному образованію происходила въ Курскѣ съ 23 по 30 іюня 1902 года. Она устроена была курскимъ губернскимъ земствомъ по иниціативѣ комиссіи курскаго губернскаго земства по народному образованію, въ составъ которой входили такіе выдающіеся земскіе дѣятели, какъ В. Е. Якушкинъ, А. Н. Рутценъ, Н. В. Ширковъ и др., а предсѣдателемъ комиссіи былъ Кн. П. Д. Долгоруковъ. Кромѣ того, членами комиссіи состояло и много лицъ изъ «третьяго элемента».

Ходатайство о выставкѣ направлено было, куда слѣдуетъ, еще въ 1901 году, но разрѣшеніе послѣдовало лишь въ апрѣлѣ 1902 года, за $2^1/_2$ мѣсяца до открытія выставки. Несмотря, однако, на краткость времени комиссія курскаго губернскаго земства по народному образованія дѣйствовала настолько энергично, что успѣла привлечь на выставку 14 губернскихъ и 19 уѣздныхъ земствъ—губерній: Владимірской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Казанской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Смоленской, Таврической, Тамбовской, Тульской, Уфимской и Ярославской. Такимъ образомъ, изъ 33 земскихъ губерній (безъ Курской) только 11 не имѣли на выставкѣ своихъ представителей,—всѣ остальные фигурировали на ней, при чемъ одни въ лицѣ губернскихъ земствъ, другіе—въ лицѣ одного или нѣсколькихъ уѣздныхъ, третьи, наконецъ,—въ лицѣ губернскихъ и уѣздныхъ. Изъ Курской губерніи участвовали всѣ 15 уѣздовъ. Кромѣ того, были экспонаты и представители отъ городовъ (Харьковъ, Тверь, Одесса, Ростовъ, Петербургъ и Ярославль) и цѣлаго ряда просвѣтительныхъ обществъ.

Одновременно съ выставкою въ Курскѣ организованы были прекрасные педагогическіе курсы [1]).

Вслѣдствіе этого въ небольшой городъ Курскъ съѣхалась цѣлая масса народу и, главнымъ образомъ, земскаго элемента.

Достаточно сказать, что кромѣ земскихъ дѣятелей и лицъ служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ, которые посѣщали выставку безплатно и не регистрировались, въ 8 дней функціонированія выставку посѣтили 5002 посѣтителя, въ среднемъ по 625 въ день.

Главнымъ контингентомъ посѣтителей выставки и курсовъ являлись учителя и учительницы, которыхъ съѣхалось болѣе 2000 душъ.

[1]) Скажемъ здѣсь къ слову, что педагогическіе курсы устраивались курскимъ губернскимъ земствомъ, начиная съ 1897 г. Въ 1899 г. руководителемъ курсовъ былъ извѣстный уже намъ П. Ф. Бушаковъ, въ 1901 г.—В. П. Вахтеровъ. Въ 1902 г. курсы поставлены были особенно широко: лекціи по закону Божію читалъ извѣстный намъ свящ. Петровъ, педагогической психологіи—Калтеревъ, исторіи педагогики—Нечаевъ, землевладѣнію—Ивановскій, исторіи литературы—Алферовъ, русской исторіи—Рожковъ. Практическія занятія по естествознанію вели: Мальчевскій, Арцимовскій, Якобсонъ и Редикорцевъ.

Они, не считая Курской, прибыли изъ 41-й губерній и областей Россіи.

Пріѣхали учителя и учительницы не только изъ земскихъ губерній; но были даже изъ Сибири, съ Кавказа, съ Прибалтійскаго края и т. д.

Помимо выставки и курсовъ, у учителей были частныя бесѣды, засѣданія и т. д., на которыхъ участвовали и земцы. Насколько удовлетворены были учителя и учительницы пребываніемъ въ Курскѣ, доказательствомъ тому можетъ служить нижеслѣдующаго содержанія адресъ, поднесенный всею массою учителей и учительницъ курскому губернскому земству:

«Глубокоуважаемые представители курскаго земства!

Мы, учительницы и учителя народныхъ школъ, съѣхавшіеся въ Курскъ съ разныхъ концовъ Руси на общеобразовательные учительскіе курсы и первую выставку по народному образованію, позволяемъ себѣ высказать тѣ чувства, которыя волнуютъ насъ наканунѣ отъѣзда. Курское земство первое сознало, что важнѣйшимъ и необходимѣйшимъ условіемъ успѣха просвѣщенія народныхъ массъ, кромѣ удовлетворительной внѣшней обстановки школы, является всесторонне развитая личность учителя. Когда мы, разсѣянные по всѣмъ угламъ огромной нашей родины, читали, что германскіе наши коллеги ежегодно собираются въ университеты для пополненія своихъ знаній, то мы рисовали такое положеніе, какъ высокій и недостижимый для насъ идеалъ.

Но радостная вѣсть объ устройствѣ курскимъ земствомъ общеобразовательныхъ учительскихъ курсовъ, подъ руководствомъ выдающихся лекторовъ, приблизила наши мечты къ дѣйствительности. Теперь понятно то особое душевное волненіе, которое испытывали мы, получивши возможность самимъ прослушать эти курсы. Мы глубоко убѣждены, что труды и расходы земства по устройству курсовъ и выставки, свидѣтельствующіе о широтѣ его взглядовъ, будутъ вполнѣ вознаграждены тѣмъ оживленіемъ, какое внесутъ слушатели курсовъ въ свою школьную работу на предстоящій учебный годъ, и тою любовью съ какою передадутъ они многое изъ полученнаго на лекціяхъ въ темную среду народа. Нельзя умолчать и о той заботливости, предупредительности и внимательности, какими представители земства окружали учащихъ, не дѣлая никакого различія между своими и чужими избѣгая всевозможныхъ формальностей. Мы были допущены не только на курсы и выставку, но и къ участію въ обсужденіи докладовъ и рефератовъ, составленныхъ лучшими дѣятелями по народному образованію. Все это сдѣлало нашу работу въ Курскѣ болѣе продуктивною. Съ особеннымъ сожалѣніемъ оставляя курсы и выставку, мы позволяемъ себѣ, хотя отчасти, выразить тѣ чувства искренней признательности и благодарности, которыя питаемъ къ вамъ, глубокоуважаемые представители курскаго земства, и покорнѣйше просимъ васъ выразить чистосердечную нашу благодарность курскому губернскому земскому собранію».

Но въ адресѣ не отмѣчено и не могло быть отмѣчено еще одно

громадное значеніе курской выставки и курсовъ. Это именно—единеніе учителей какъ между собою, такъ съ другими представителями «третьяго» земскаго «элемента» и съ земцами. Въ этомъ отношеніи курскій учительскій съѣздъ имѣлъ громадное значеніе.

Земскіе дѣятели, также въ значительномъ числѣ прибывшіе на выставку, устроили, какъ мы уже говорили, въ Курскѣ «слетъ». Засѣданія ихъ были и открытыя, и закрытыя.

Нужно ли говорить, что правительство обратило вниманіе на описанныя событія въ Курскѣ, но послѣдствія этого вниманія явились немного позже.

Въ августѣ 1902 года въ окрестностяхъ Курска состоялись маневры въ присутствіи Государя.

Извѣстно съ одной стороны, что пріѣзда Государя въ Курскъ очень добивался курскій губернаторъ графъ Милютинъ, но, съ другой стороны, возможно, что Курская губернія избрана была для маневровъ, какъ ближайшая къ югу Россіи, гдѣ обнаружились крестьянскія волненія [1]).

Вѣрны ли эти предположенія или нѣтъ, достовѣрно можно сказать, что Плеве воспользовался маневрами для своихъ цѣлей. За это время были произнесены три рѣчи Государемъ къ представителямъ дворянства, земства и крестьянства. Первыя двѣ рѣчи сказаны были въ моментъ прибытія Государя на курскій вокзалъ, передъ маневрами, а послѣднія по окончаніи маневровъ, но мы соединимъ ихъ вмѣстѣ, такъ какъ онѣ тѣсно связаны между собою и заключаютъ полную правительственную программу.

Когда на курскомъ вокзалѣ Государя встрѣтили представители дворянства и земства, первымъ онъ сказалъ:

«Я радъ видѣть представителей сословія, постоянно пользовавшагося благоволеніемъ Своихъ монарховъ за вѣрную и самоотверженную службу Престолу и Отечеству. Незабвенный Отецъ Мой, довершая славныя дѣла Моего Дѣда, призвалъ васъ къ руководству крестьянскимъ управленіемъ. На этомъ поприщѣ вы служите Мнѣ не за страхъ, а за совѣсть. Благодарю васъ за эту службу. Я знаю, что сельская жизнь требуетъ особаго попеченія: дворянское землевладѣніе переживаетъ тяжелое время, есть неустройства и въ крестьянскомъ. Для устраненія послѣднихъ, по Моему повелѣнію, соображаются въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ необходимыя мѣры. Къ участію въ этихъ трудахъ будутъ призваны въ свое время губернскіе комитеты съ участіемъ дворянства и земства. Что же касается помѣстнаго землевладѣнія, которое составляетъ исконный оплотъ порядка и нравственной силы Россіи, то его укрѣпленіе будетъ Моею непрестанною заботою».

Къ представителямъ земства Курской губерніи Государь Императоръ обратился со слѣдующими словами:

«Благодарю васъ за привѣтствіе и пользуюсь случаемъ, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ. Земское хозяйство—дѣло первѣйшей

[1]) Южныя земства считались также опаснѣе сѣверныхъ. Плеве говорилъ: „земцы на югѣ хуже, что въ центрѣ: болтаютъ".

важности, и Я надѣюсь, что вы посвящаете ему всѣ ваши силы. Я радъ буду оказать вамъ всякое попеченіе, заботясь въ тоже время объ объединеніи дѣятельности всѣхъ властей на мѣстахъ. Помните, что призваніе ваше—мѣстное устроительство въ области хозяйственныхъ нуждъ. Успѣшно выполняя это призваніе, вы можете быть увѣрены въ сердечномъ моемъ къ вамъ благоволеніи».

Наконецъ, рѣчь къ крестьянамъ, сказанная послѣ маневровъ въ Курскѣ, состоялось при весьма внушительной, можно сказать,—демонстративной обстановкѣ. По проекту Плеве, въ городъ съѣхалось множество придворной знати и помѣстной аристократіи, явились всевозможныя депутаціи, были вызваны губернаторы сосѣднихъ губерній, и для довершенія эффекта, вытребованы волостные старшины и сельскіе старосты губерній: Курской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Орловской и Воронежской. Къ послѣднимъ Государь и держалъ рѣчь:

«Весною въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губерній крестьяне разграбили сосѣднія экономіи,—сказалъ онъ. Виновные понесутъ заслуженное ими наказаніе, а начальство сумѣетъ, Я увѣренъ, не допустить на будущее время подобныхъ безпорядковъ. Напоминаю вамъ слова покойнаго Моего Батюшки, сказанныя имъ въ Москвѣ волостнымъ старшинамъ въ дни Священнаго Вѣнчанія на Царство: «слушайтесь вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ слухамъ». Помните, что богатѣютъ не захватами чужого добра, а отъ честнаго труда, бережливости и жизни по заповѣдямъ Божіимъ. Передайте въ точности, что я вамъ сказалъ, вашимъ односельчанамъ, а также и то, что дѣйствительныя ихъ нужды Я не оставлю своимъ попеченіемъ».

Вслѣдъ затѣмъ началась «дѣятельность» Плеве.

Прежде всего министръ внутреннихъ дѣлъ лично приступилъ къ изученію «духа» курскаго земства.

Изъ донесеній жандармовъ, а главнымъ образомъ черезъ посредство вице-губернатора фонъ-Бюнтинга министръ внутреннихъ дѣлъ, конечно, имѣлъ достаточно данныхъ, чтобы не сомнѣваться въ крамольности наиболѣе вліятельныхъ земцевъ и въ особенности «третьяго элемента». Ему все было извѣстно и о выставкѣ по народному образованію, и о земскомъ «слетѣ», и объ участіи курскихъ земцевъ на Московскомъ съѣздѣ и т. д.

И вотъ Плеве рѣшилъ «поговорить» съ курскими земцами. Позднимъ вечеромъ, наканунѣ посѣщенія министромъ внутреннихъ дѣлъ губернской земской управы, помѣщеніе послѣдней тщательно осматривалъ вышеназванный вице-губернаторъ фонъ-Бюнтингъ, и только тогда управа узнала, что на другой день, 31 августа, удостоится лицезрѣть министра. Дѣйствительно, онъ прибылъ въ этотъ день въ 2 ч. пополудни и прежде всего бесѣдовалъ со всѣмъ составомъ управы. Главною темою бесѣдъ были полтавскіе крестьянскіе безпорядки, виновниками которыхъ Плеве считалъ полтавскихъ земскихъ статистиковъ.

Далѣе министръ вскользь намекнулъ, что онъ тоже помѣщикъ и что всѣ помѣщичьи интересы ему нечужды; тутъ же онъ сообщилъ, что въ его имѣніи устроена школа и сейчасъ же перескочилъ на психіатрическую колонію, стоющую много денегъ земству,

и выразилъ нѣчто въ родѣ сожалѣнія, что земскій бюджетъ очень скроменъ, сравнительно съ государственными средствами. Потомъ Плеве бесѣдовалъ лично съ предсѣдателемъ губернской земской управы Н. В. Раевскимъ. Министръ при этомъ выяснялъ, что Раевскій—не конституціоналистъ, что онъ—ярый противникъ земскихъ начальниковъ, не сторонникъ мелкой земской единицы, что, наконецъ, предсѣдатель курской губернской земской управы, въ бытность въ Петербургѣ на кустарномъ съѣздѣ, участвовалъ въ частныхъ совѣщаніяхъ земскихъ дѣятелей. Словомъ, Плеве узналъ о Раевскомъ все, что надо было ему по полицейскимъ соображеніямъ. Но самымъ любопытнымъ это былъ разговоръ Плеве съ секретаремъ управы, бывшимъ земскимъ статистикомъ Е. А. Звягинцевымъ. Этотъ образованный человѣкъ и писатель, конечно, возбуждалъ подозрѣніе администраціи, а слѣдовательно и Плеве. Онъ собственно не разговаривалъ, а допрашивалъ Звягинцева, предложивъ ему рядъ нижеслѣдующихъ вопросовъ: «Какъ вы относитесь къ церковнымъ школамъ?» «Много ли вы пишете докладовъ для управы?» «Каковъ подборъ служащихъ въ канцеляріи управы?» «Вліяете ли вы на составъ народныхъ учителей?» «Что вы думаете о профессіональномъ образованіи?» «Что, по вашему мнѣнію, особенно тормозитъ земство въ его просвѣтительной работѣ?» «Чѣмъ вы объясняете рецедивизмъ безграмотности въ массѣ?» А въ концѣ концовъ Плеве сказалъ Звягинцеву: «Я знаю васъ по вашимъ педагогическимъ статьямъ, которыя съ удовольствіемъ читалъ, но, кромѣ, того, ваша фамилія, знаете, мнѣ, какъ будто, знакома... по департаменту полиціи... Скажите, вы, вѣдь, привлекались, кажется, по какому-то дѣлу?» Этотъ послѣдній вопросъ, конечно, и являлся главною причиною бесѣды Плеве съ Звягинцевымъ.

Какъ впослѣдствіи обнаружилось, и въ чемъ нельзя было сомнѣваться, болѣе всего Плеве интересовался княземъ П. Д. Долгоруковымъ. Но на этотъ разъ онъ не заикнулся о немъ ни единымъ словомъ, ограничившись, вѣроятно, собираніемъ секретныхъ свѣдѣній о предсѣдателѣ суджанской уѣздной земской управы и предсѣдателѣ комиссіи курскаго губернскаго земства по народному образованію. Весь гнѣвъ свой Плеве по отношенію къ кн. Долгорукову проявилъ лишь въ концѣ 1902 года.

Мы здѣсь уже кстати изложимъ всю любопытную исторію гоненій на предсѣдателя суджанской управы.

Въ серединѣ октября 1902 года кн. П. Д. Долгоруковъ получилъ отъ исправляющаго должность губернатора, вице-губернатора фонъ-Бюнтинга, «весьма секретное» предложеніе немедленно сдать должность предсѣдателя суджанской уѣздной управы члену, заступающему мѣсто предсѣдателя. Затѣмъ, когда кн. Долгоруковъ пріѣзжалъ въ ноябрѣ въ Курскъ, чтобы предсѣдательствовать въ комиссіи губернскаго земства по народному образованію, ему былъ объявленъ указъ сената о томъ, что сенатъ «слушалъ» Высочайшее повелѣніе, состоявшееся по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, «объ удаленіи князя Долгорукова отъ должностей почетнаго мирового судьи, предсѣдателя Суджанской уѣздной земской управы и члена училищнаго совѣта, съ воспрещеніемъ ему на 5 лѣтъ всякой общественной дѣятельности, и «приказалъ удалить» [1]). Изъятіе выдающагося общественнаго дѣятеля возмутило положительно всѣхъ лучшихъ гражданъ губерніи; возмущеніе это, вѣроятно, сопровождалось бы большими, открытыми проявленіями симпатій со стороны общества, но консервативные элементы употребили всѣ усилія, чтобы не допустить демонстраціи, указывая на опасность, какая грозила бы земству. Открывшееся въ это время губернское земское собраніе, въ лицѣ значительнаго числа гласныхъ, рѣшило, выразивъ, по поводу удаленія Долгорукова, сожалѣніе собранія, закрыть въ знакъ печали засѣданія на два дня и постановить о необходимости общественнымъ дѣятелямъ гарантіи личной неприкосновенности и отвѣтственности только по суду. Но 21 ноября пріѣхалъ изъ Петербурга губернскій предводитель дворянства Дурново и рѣзко заявилъ, что «не допуститъ» никакой демонстраціи по поводу удаленія Долгорукова, но постарается уладить дѣло о немъ черезъ дворянство. Конечно, это была только увертка, такъ какъ было извѣстно что Дурново въ переговорахъ съ Плеве предлагалъ услуги послѣднему узнать,—какъ велико состояніе кн. Долгорукова и можетъ ли онъ оказывать помощь оппозиціонной заграничной печати. Любопытно, что губернскій предводитель дворянства, даже не сознавалъ всей странности своего поступка, хотя бы съ точки зрѣнія дворянской чести, и лично разсказывалъ всѣмъ о вышеизложенномъ.

Протестъ Дурново противъ выраженія симпатій со стороны земскаго собранія и обѣщаніе возвратить права кн. Долгорукову дворянскими ходатайствами оказали свое дѣйствіе на реакціонную часть собранія, и въ первый день засѣданій собранія, открывшагося 23 ноября,

[1]) До объявленія этого указа кн. П. Д. Долгоруковъ успѣлъ совершить еще одно „новое преступленіе". Состоявшееся подъ его предсѣдательствомъ въ Курскѣ 21 октября общее собраніе членовъ общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ постановило ходатайствовать: объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для учителей земскихъ школъ изъ крестьянъ, о допущеніи народныхъ учителей къ участію въ земскихъ собраніяхъ при разсмотрѣніи вопросовъ по народному образованію, о предоставленіи учителямъ правъ участія на сельскихъ сходахъ, о созывѣ всероссійскихъ съѣздовъ учителей и организаціи курсовъ на нихъ.

Изъ-за этого засѣданія, кажется, возникло самостоятельное „дѣло".

Кстати, мы приведемъ здѣсь образчикъ взгляда на обязанности учителей со стороны инспекторовъ народныхъ училищъ. Въ то время, какъ эти учителя стремились, какъ мы видимъ, къ защитѣ своихъ человѣческихъ правъ, имъ внушались совершенно полицейскія воззрѣнія. Вотъ, напримѣръ, какой „циркуляръ" разослалъ въ 1902 году инспекторъ народныхъ училищъ Корочанскаго у., Курской губ.

„Совершенно секретно.

Г. Завѣдующему N-скимъ училищемъ.

Въ ограниченіе подвѣдомственныхъ мнѣ училищъ отъ проникновенія въ среду ихъ учащихъ и учащихся какихъ-нибудь идей преступнаго содержанія, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, принять самое строгое и совершенно негласное наблюденіе, чтобы ни въ числѣ первыхъ узналъ о полученіи кѣмъ-нибудь изъ учащихъ и учащихся мѣстнаго училища означенныхъ подпольныхъ изданій, если бы таковыя сверхъ всякаго ожиданія получились, и немедленно сообщали мнѣ объ этомъ съ препровожденіемъ, если окажется возможность, и самихъ изданій, хотя бы въ одномъ экземплярѣ.

Инспекторъ народныхъ училищъ Даниловскій".

Нужно ли говорить, что подобные циркуляры, возмущая совѣсть, отталкивали учителей и учительницъ отъ своего начальства и еще болѣе приближали ихъ къ земству.

внесено было предложеніе выразить кн. Долгорукову глубокую благодарность за его плодотворную службу не отъ имени всего собранія, а только отъ комиссій—смѣтной, экономической и народнаго образованія. Эта благодарность сопровождалась шумными апплодисментами всей присутствовавшей публики. Тогда Дурново приказалъ очистить залъ, что и было исполнено при сильнѣйшихъ свисткахъ и шиканьи публики. На другой день всѣмъ гласнымъ вмѣстѣ съ докладами управы были розданы пакеты, неизвѣстно какъ попавшіе въ собраніе. Въ нихъ вложены были гектографированные листки, въ которыхъ, между прочимъ, говорилось:

„Рожденный ползать—летать не можетъ."
Письмъ о соколѣ.

„Господа гласные Курскаго губернскаго земства! Возмущенная публика, собравшаяся въ большомъ количествѣ на открытіе земскаго собранія, не можетъ обойти молчаніемъ вашего пассивнаго отношенія къ позорному событію—устраненію князя П. Д. Долгорукова отъ земской дѣятельности. Особенно ничтожной покажется та доля вниманія, которая была удѣлена собраніемъ этому прискорбному факту, когда мы взглянемъ на плодотворную дѣятельность князя Долгорукова по Суджанскому уѣзду, отмѣченную въ „*Русскихъ Вѣдомостяхъ*" отъ 24 ноября [1]). Прибавимъ къ этому его открытую и честную дѣятельность въ уѣздномъ комитетѣ по улучшенію сельскаго хозяйства, его руководительство комиссіей по народному образованію, при губернскомъ земствѣ, устройство всероссійской выставки по народному образованію, организацію общеобразовательныхъ курсовъ для учителей, энергичное участіе въ экономическомъ совѣтѣ, предсѣдательство въ обществѣ взаимопомощи учащимъ въ Курской губ. и, наконецъ, его участіе въ общеземскихъ совѣщаніяхъ, имѣющихъ цѣлью установленіе однообразной дѣятельности земствъ. Итакъ, если сопоставить всю колоссальную работу, которую несъ на своихъ плечахъ неутомимый безкорыстной труженикъ на „земской почвѣ", то будетъ совершенно понятно разочарованіе публики, увидѣвшей отношеніе гласныхъ къ товарищу" [2]).

Были, кромѣ того, глупѣйшія распоряженія, которыя представляли бюрократію министерства народнаго просвѣщенія въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Вотъ одно изъ такихъ распоряженій:

Циркулярно

Г. Завѣдующему . . . училищемъ.

Вслѣдствіе предложенія г. директора народныхъ училищъ Самарской губерніи отъ 20 сентября сего года, за № 2637, имѣю честь сообщить вамъ, м. г., что вечернія занятія, состоящія изъ бесѣдъ на заданныя учителемъ темы (полезно ли курить, польза чтенія книгъ, кто лучше—мужчина или женщина, о буквѣ „Ъ" и т. п.), какъ непредусмотрѣнныя законоположеніями о начальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, не должны быть допускаемы.

Инспекторъ народныхъ училищъ Клюевъ.

[1]) Эта статья, напечатанная въ 324 № „*Р. В.*" за 1902 г.—„Комиссія курскаго губернскаго земства по народному образованію"—принадлежала И. П. Бѣлоконскому.
Примѣч. Ред.

[2]) Не можемъ не указать, что въ шлу понятнаго негодованія за недостаточно горячее отношеніе собранія къ кн. Долгорукову, составители прокламаціи, по нашему

Мы нарочно привели выдержку изъ прокламаціи, чтобы показать тѣсное единеніе «третьяго элемента»,—перу котораго, несомнѣнно, принадлежалъ гектографированный листокъ,—съ лучшими земскими силами и безпристрастное отношеніе этого элемента, принадлежавшаго уже къ различнымъ партіямъ, къ представителямъ оппозиціи въ земствѣ.

Что касается дворянъ, то на депутатскомъ собраніи, состоявшемся 27 ноября, было постановлено—уполномочить губернскаго предводителя дворянства Дурново лично исходатайствовать у Государя для кн. Долгорукова аудіенцію или принять отъ него докладную записку, и въ случаѣ ни на то, ни на другое не послѣдуетъ согласія,—ходатайствовать, чтобы въ Суджанскій уѣздъ, для разслѣдованія долгоруковскаго дѣла, было послано лицо, не принадлежащее къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ. Но въ Суджу, въ ноябрѣ 1902 г., посланъ былъ не только представитель министерства внутреннихъ дѣлъ, но самъ товарищъ Плеве—«знаменитый» фонъ-Валь, который, прежде чѣмъ допрашивать «главнаго виновника», кн. Долгорукова, предварительно «бесѣдовалъ» съ другими членами комитета по сельскохозяйственной промышленности. Первымъ, кажется, допрошенъ былъ членъ суджанской уѣздной земской управы В. В. Усовъ. Затѣмъ допрашивался кн. П. Д. Долгоруковъ, при чемъ между нимъ и фонъ-Валемъ произошла прелюбопытнѣйшая слѣдующая бесѣда:

Фонъ-Валь. Да знаете ли вы,—началъ товарищъ министра ломанымъ русскимъ языкомъ,—князь, что за одинъ вашъ поступокъ уже можно было бы судить васъ по статьѣ 252, т. е. за подстрекательство къ государственному преступленію? И, вѣдь, если вы юристъ по образованію, вы должны знать, что послѣдствія, вытекающія изъ этой статьи, очень тяжки.

Кн. Долгоруковъ. (Удивленно и вопросительно смотритъ на Валя).

Валь. Помилуйте, вы являетесь какъ бы должностнымъ лицомъ, вамъ извѣстны виды правительства, не менѣе того [1]) вы позволили себѣ этимъ актомъ привѣтствовать въ Курскѣ, во главѣ учительской депутаціи графа Толстого когда онъ проѣзжалъ изъ Крыма. И дѣлали тамъ какую-то демонстрацію. Вы, конечно, сожалѣете теперь объ этомъ? [2]).

Кн. Долгоруковъ. Единственно о чемъ я сожалѣю, такъ это о томъ, что изъ 500 бывшихъ тогда учителей въ Курскѣ удалось, вслѣдствіе позднаго

мнѣнію, несправедливо обвинили и другихъ представителей земской оппозиціи. Дѣло въ томъ, что эта оппозиція во-первыхъ, ровно ничего не могла подѣлать съ реакціонными большинствомъ, во главѣ съ предсѣдателемъ собранія Дурново, а во-вторыхъ,—она же именно, объединившись въ трехъ комиссіяхъ, и составила благодарность кн. Долгорукову, ту самую благодарность, которая вызвала одушевленные апплодисменты со стороны публики и вмѣстѣ съ тѣмъ—со стороны составителей прокламаціи.

[1]) Вмѣсто *тѣмъ не менѣе. Русскій* товарищъ министра имѣлъ, какъ, извѣстно, мало понятія о русскомъ языкѣ, что не мѣшало ему быть „истинно-русскимъ человѣкомъ".

[2]) Въ своемъ мѣстѣ мы говорили, что отъѣзженіе гр. Л. Н Толстого имѣло большое значеніе для освободительнаго движенія. Въ г. Курскѣ, во время описанной нами выставки, имѣла мѣсто одна изъ политическихъ демонстрацій по случаю проѣзда великаго писателя.

времени, попасть на вокзалъ лишь какимъ-нибудь 60 человѣкамъ. Если бы это отъ меня зависѣло, то я бы содѣйствовалъ тому, чтобы какъ можно болѣе учителей и учительницъ могли увидать Толстого.

Валь. Что вы, князь, говорите! Вѣдь вы знаете, что Толстой, когда-то (?!) великій художникъ, теперь палъ (?!) и сдѣлался просто революціонеромъ и агитируетъ противъ правительства. Я могу васъ увѣрить, что мы уже давно могли бы возбудить противъ него нѣсколько дѣлъ. И если онъ цѣлъ, то это только благодаря милосердію Государя...

Кн. Долгоруковъ. Ваше превосходительство,—развѣ только благодаря этому? Ну, а Европа?

Валь. Ахъ, князь, какъ вы говорите: „Европа"! Кто же на Европу во внутреннихъ распорядкахъ обращаетъ вниманіе.

Кн. Долгоруковъ. Во всякомъ случаѣ въ этомъ вполнѣ понятномъ и естественномъ актѣ учителей я не вижу никакого преступленія и даже нарушенія тишины и спокойствія. Они вели себя вполнѣ чинно и только при отъѣздѣ поѣзда вмѣстѣ съ собравшеюся публикой махали стоявшему у окна графу Толстому платками и кричали „ура". По словамъ сопровождавшихъ графа лицъ, подобныя встрѣчи были во время остановокъ на всемъ пути изъ Севастополя. Не думаю, чтобы подобная сцена въ какомъ бы то ни было культурномъ государствѣ могла быть приравнена къ преступленію. Если бы было совершено что-либо запрещенное закономъ, то ваши же жандармы, стоявшіе у каждаго окна и у дверецъ вагона, должны были бы составить протоколъ. И если уже кто нарушилъ общественную тишину и спокойствіе, то это именно жандармы, которые бросились въ толпу съ криками: „Кто вамъ приказалъ (?!) кричать „ура"? Нельзя безъ приказу кричать „ура"! [1]).

Валь. Но согласитесь, что учителя на подобныхъ сценахъ пріучаются къ демонстраціямъ и противоправительственнымъ актамъ.

Кн. Долгоруковъ. Ну, ужъ съ этимъ я никогда не могу согласиться. Я увѣренъ, что ни одинъ изъ учителей, пробѣжавшихъ послѣ цѣлаго дня утомительныхъ занятій на курсахъ пять верстъ до вокзала, лишь бы взглянуть на Толстого и услышать отъ него, быть можетъ, нѣсколько словъ, не думалъ, что онъ идетъ на противоправительственную демонстрацію. Учителя, вѣдь, живые люди и не могутъ смотрѣть на такого человѣка, какъ графъ Толстой, исключительно съ полицейской точки зрѣнія. Вѣдь, кромѣ заслугъ Толстого, какъ художника и мыслителя, онъ для нихъ еще извѣстный педагогъ, создатель яснополянской школы и авторъ знаменитой азбуки. Что же касается до соображенія въ подобную минуту съ видами правительства, то мнѣ приходитъ на умъ слѣдующее. Вообразите, что мы при жизни Пушкина узнали бы, что онъ проѣзжалъ черезъ нашъ городъ. Я ни минуты не колеблясь, сдѣлалъ бы все возможное и побѣжалъ бы куда угодно, лишь бы имѣть счастье видѣть Пушкина. А, вѣдь, и Пушкинъ былъ не на хорошемъ счету у правительства.

Валь. Ну, вотъ, вы говорите: „Пушкинъ!" Какъ же можно сравнивать Толстого съ Пушкинымъ? Если хотите знать, то самъ Толстой не признаетъ Пушкина. У меня на это есть документальныя (?!) данныя.

Кн. Долгоруковъ (*удивленно смотритъ на Валя*).

[1]) Жандармы, скажемъ къ слову, знали, какъ „устраиваются" оффиціальныя демонстраціи, когда „ура" кричатъ „по приказу".

Валь. Могу васъ увѣрить! Недавно литераторы задумали праздновать юбилей Пушкина и обратились къ Толстому, чтобы онъ присоединился къ нимъ. На это онъ отвѣтилъ письмомъ (копія котораго у насъ есть), что при теперешнемъ положеніи Россіи нельзя забавляться празднованіемъ такого писателя, какъ Пушкинъ, который не понималъ общественныхъ задачъ своего времени, а былъ пѣвцомъ любовныхъ утѣхъ, поэзія для поэзіи... И чуть ли не въ тотъ же день было получено письмо, кажется, изъ Швеціи отъ сына графа Толстого, Льва Львовича (копія котораго у насъ есть), въ которомъ онъ пишетъ, что—„да, настало время всему русскому народу праздновать Пушкина, что къ нему, дѣйствительно, не заросла народная тропа и что теперь не признавать Пушкина можетъ лишь профанъ"...

Здѣсь кстати уже приведемъ и не менѣе любопытную бесѣду о кн. Долгоруковѣ фонъ Плеве съ суджанскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства А. В. Евреиновымъ. Послѣдній, въ концѣ января 1903 года, отправился въ Петербургъ отъ суджанскаго дворянства,—съ цѣлью возстановить права князя Долгорукова. Евреиновъ вовсе не искалъ встрѣчи съ Плеве и думалъ дѣйствовать другими путями. Но случайно онъ столкнулся съ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Михайловскомъ театрѣ. Плеве, словно бы забывъ объ инцидентѣ съ Евреиновымъ, очень любезно заговорилъ съ послѣднимъ и просилъ его непремѣнно зайти къ нему. Евреиновъ зашелъ на другой день, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, прочелъ докладную записку о князѣ Долгоруковѣ, въ которой, между прочимъ, перечислялись всѣ заслуги предсѣдателя суджанской уѣздной земской управы. Выслушавъ эту записку, фонъ Плеве вдругъ заявилъ, что онъ самъ... „высоко цѣнитъ полезную дѣятельность кн. Долгорукова и ни одной минуты не поколебался бы немедленно дать ему... губернаторское мѣсто, если бы Долгоруковъ согласился принять его. И тутъ же Плеве предложилъ Евреинову вопросъ: „но, вѣдь, князь не приметъ такого назначенія,—не правда ли, Алексѣй Владиміровичъ?" Евреиновъ, разумѣется, подтвердилъ сомнѣнія министра и, въ свою очередь, спросилъ,—не найдетъ ли возможнымъ Плеве вернуть Долгорукову мѣсто предсѣдателя управы. Но на это Плеве отвѣтилъ категорическимъ отказомъ: „теперь,—сказалъ онъ,—я этого ни въ какомъ случаѣ допустить не могу. Успокойте уѣздъ, прекратите демонстраціи, выберите новаго предсѣдателя управы и тогда я обѣщаю, что въ іюнѣ—іюлѣ возвращу вамъ кн. Долгорукова [1]). Въ февралѣ 1903 года, въ письмѣ отъ 22 числа, Плеве писалъ Дурново, что ходатайство послѣдняго о кн. Долгоруковѣ не увѣнчалось успѣхомъ [2]), при чемъ излагалась вина Долгорукова: участіе въ Московскомъ съѣздѣ по вопросамъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, дѣятельность въ суджанскомъ комитетѣ и сообщеніе суджанскому собранію о вызовѣ его, Долгорукова, въ Петербургъ.

Одновременно правительство въ лицѣ Плеве воевало и съ другими отдѣльными земскими дѣятелями и земствами. Послѣднія не

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что, послѣ взятія кн. Долгорукова, ни одинъ изъ суджанскихъ членовъ не желалъ баллотироваться въ предсѣдатели, тѣмъ протестуя противъ произвола Плеве.

[2]) Любопытно, что лично Дурново Государь обѣщалъ возвратить кн. Долгорукова къ общественной дѣятельности. Въ данномъ случаѣ повторилось тоже самое, что было съ Родичевымъ.

только не унимались, а требованія ихъ и «преступная» дѣятельность повышалась все болѣе и болѣе.

Мы не будемъ излагать здѣсь всѣхъ постановленій земскихъ собраній 1902 года, такъ какъ они касались всѣхъ тѣхъ «запрещенныхъ» вопросовъ, о которыхъ мы не разъ уже говорили, а отмѣтимъ лишь наиболѣе выдающіеся факты.

Такъ земскія собранія подняли цѣлую бучу изъ-за новаго ветеринарнаго закона, опубликованнаго 12 іюня 1902 года. Къ земцамъ немедленно присоединились ветеринарныя общества, московское общество сельскаго хозяйства, многіе комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Протестъ былъ такъ великъ и рѣзокъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ вынуждено было разослать циркуляръ губернаторамъ, въ которомъ говорилось, что министерство, до введенія закона, 15 января 1903 года составитъ въ Петербургѣ совѣщаніе изъ предсѣдателей или членовъ губернскихъ управъ и ветеринарныхъ инспекторовъ для обсужденія закона уже опубликованнаго.

Чтобы не возвращаться къ этому вопросу, скажемъ здѣсь, что названное совѣщаніе состоялось 20 января 1903 года, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Зиновьева, и хотя на немъ присутствовали земцы, избранные Плеве, все же ветеринарный законъ былъ проваленъ, и его не удалось осуществить, какъ и лечебный уставъ, и наказъ училищнымъ совѣтамъ.

Губернаторы, исполняя требованія Плеве, изъ кожи лѣзли, чтобы смирить земцевъ, но это почти не удавалось [1]).

[1]) Такъ, напримѣръ, въ Тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи въ 1902 г. гласный профессоръ В. Д. Кузминъ-Караваевъ положилъ распоряженіе тверского губернатора, воспрещающее доступъ публики на засѣданіе редакціонной комиссіи, обсуждающей предварительно доклады, поступающіе на разсмотрѣніе губернскаго собранія. Гласный Петрункевичъ нашелъ распоряженіе губернатора незаконнымъ и противорѣчащимъ духу земскаго положенія. Гласный Е. В. де-Роберти, профессоръ брюссельскаго вольнаго университета, сказалъ, что при теперешнемъ положеніи обсужденіе этихъ вопросовъ придется лишь перелагать изъ редакціонныхъ комиссій на общее собраніе гласныхъ, чѣмъ будетъ совершенно парализовано отъ собранія распоряженіе Земское собраніе постановило обязаловать дѣйствія губернатора.

Еще большій отборъ далъ губернатору кн. Оболенскому харьковское губернское земство. Очередное собраніе 1902 г. въ Харьковѣ происходило при исключительныхъ условіяхъ. За особымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, возсѣдалъ правитель канцеляріи губернатора Пивоваровъ; въ залѣ собранія присутствовали агенты охраннаго отдѣленія. Такими мѣрами губернаторъ кн. Оболенскій, желалъ „напугать" оппозицію, т. е. такихъ гласныхъ, какъ Н. Н. Ковалевскій, М. М. Медвѣдь, М. Д. Дѣлюре, Г. М. и П. М. Литвиновъ-Мальцевы, М. И. и Ф. И. Ивановскіе и нѣкоторыхъ другихъ. Но оппозиція не испугалась и добилась того, что собраніе постановило обязаловать неумѣстную рѣчь кн. Ивана Оболенскаго и передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и въ сенатъ. Когда его постановленіе состоялось, губернаторъ прислалъ къ предводителю дворянства Курчанинову своего сановника, извѣстнаго Гербеля, съ „требованіемъ" „отмѣнить постановленіе собранія", грозя въ противномъ случаѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ закрыть собраніе! Это „требованіе" было предъявлено въ то время, когда у Курчанинова обѣдали нѣкоторые гласные. Сообщеніе Курчанинова, что сказалъ ему Гербель, вызвало среди гласныхъ гомерическій смѣхъ. При этомъ Курчаниновъ прибавилъ, что онъ отвѣчалъ Гербелю, что отмѣнить постановленія собранія никто не можетъ. Обезкураженный кн. Оболенскій сталъ тогда острить по адресу собранія. Онъ, между прочимъ, сказалъ: „нашли земцы кому жаловаться—полицейскому (т. е. Плеве) на полицейскаго" (т. е. на него князя). Затѣмъ въ „*Губернскихъ Вѣдомостяхъ*" появилась грубая, невѣжественная и безталанная передовая статья противъ земства.

Между тѣмъ правительство получало весьма тревожныя свѣдѣнія не только о явной, но и тайной дѣятельности земствъ.

Характернымъ образчикомъ административныхъ развѣдокъ въ этой области можетъ служить нижеслѣдующій документъ, принадлежащій перу новоторжскаго исправника.

„Его сіятельству господину Тверскому губернатору

Новоторжскаго уѣзднаго исправника

Рапортъ.

Мною получены негласнымъ путемъ свѣдѣнія о нижеслѣдующемъ: въ бывшемъ 10 числа (декабря) засѣданіи учащихъ въ новоторжской земской управѣ разсматривали реценіи на книгахъ для чтенія въ школахъ, разбирались и предлагались книги для чтенія въ народѣ нецензурнаго содержанія, книгъ выписано много. У каждаго учителя и учительницы имѣются библіотеки, отдѣльныя отъ библіотекъ училищныхъ. Книги изъ этихъ тайныхъ библіотекъ выдаются только самымъ надежнымъ, а большею частью читаются самими учителями и учительницами. Учащіе тайно собираются на собранія тамъ, гдѣ возможно, на какихъ собраніяхъ бываютъ дворяне: Н. Н. Петрункевичъ, Цирцъ и другіе. Кромѣ того, между земскими дѣятелями бываютъ какія то совѣщанія. такая живая дѣятельность, происходитъ почтй повсемѣстно въ имперіи, но съ той только разницей, гдѣ открыто, а гдѣ тайно, такъ что является неуловимой. Отъ всѣхъ учителей заявлено земской управѣ о томъ, чтобы на будущее время были назначаемы на мѣста изъ Новоторжскій уѣздъ лишь только съ согласія всѣхъ учащихъ, надо полагать въ виду того, чтобы не попалъ въ составъ учащихъ человѣкъ, могущій выдать особую дѣятельность ихъ. Въ районахъ Прямухинской и Пречистенской волостяхъ, будто бы замѣчается скрытое соціальное броженіе, руководители котораго являются Петрункевичи, Цирцъ, Н. А. Балавинскій (предсѣдатель новоторжской управы), Линдъ, учащіе и другіе, изъ каковыхъ извѣстны своимъ либерализмомъ старшина Невскій и писарь Новиковъ, бывшій учитель. Дѣйствуютъ преимущественно на богатыхъ крестьянъ, а потомъ уже и на остальное населеніе, прежде всего внушаютъ, что Бога нѣтъ, церковь—это заблужденіе и т. п., а потомъ уже переходятъ къ критикѣ и отрицаютъ власти въ такомъ видѣ, въ какомъ въ настоящее время существуетъ".

№ 455

17 декабря 1902 г.

Уѣздный исправникъ К. Чабуринъ.

Какъ ни глупъ и невѣжественеиъ этотъ безграмотный документъ, но въ немъ имѣется значительная доля истины.

Въ это время, дѣйствительно, «между земскими дѣятелями» были «какія-то совѣщанія», дѣйствительно «живая дѣятельность» происходила «почти повсемѣстно въ Имперіи».

Но самонадѣянный министръ внутреннихъ дѣлъ, возлагая надежды на свой полицейскій талантъ, вѣрилъ, что все и вся онъ усмиритъ и уничтожитъ не только во земскихъ сферахъ, но и въ другихъ.

Смѣщались и выбрасывались за бортъ неэнергичные админи-

страторы и замѣщались ретивыми помпадурами временъ Николая I-го, повсемѣстно насаждались сыскъ и шпіонство, разгромные циркуляры сыпались, какъ изъ рога изобилія. На эти послѣдніе возлагались, повидимому, особенныя надежды.

Одно изъ обширнѣйшихъ подобнаго рода произведеній было посвящено печати. Послѣднюю Плеве считалъ самымъ ужасающимъ зломъ, при чемъ, какъ ниже увидимъ, совершенно откровенно высказывалъ такого рода взгляды на прессу. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что ей онъ посвятилъ особенное вниманіе при первыхъ же шагахъ своей дѣятельности.

Всего черезъ $2^1/_2$ мѣсяца послѣ своего назначенія на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, главное управленіе по дѣламъ печати уже получило наказъ составить и разослать редакторамъ повременныхъ изданій нижеслѣдующее административное узаконеніе.

Циркулярно.
Конфиденціально.

По приказу г. Министра внутреннихъ дѣлъ, главное управленіе по дѣламъ печати имѣетъ честь объявить г.г. редакторамъ бесцензурныхъ повременныхъ изданій, что на будущее время сохраняютъ свою силу, на основаніи ст. 140 Устава о цен. и печ., слѣдующія распоряженія о воспрещеніи печатать:

1) Всеподданѣйшіе адреса безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, а равно слухи о предполагаемомъ или уже послѣдовавшемъ составленіи или представленіи такихъ адресовъ. 2) По дѣламъ производящимся въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ: а) документы и свѣдѣнія, извлеченныя изъ сихъ дѣлъ, безъ разрѣшенія надлежащей власти и б) сужденія, происходящія въ сихъ учрежденіяхъ. 3) Циркулярныя распоряженія правительственныхъ учрежденій и начальствующихъ лицъ, если эти распоряженія не были объявлены оффиціальнымъ порядкомъ, или если по отношенію ихъ не было испрошено разрѣшенія того учрежденія или лицъ, отъ котораго распоряженіе исходитъ. 4) По военному и морскому вѣдомствамъ: а) свѣдѣнія, касающіяся мобилизаціи арміи и флота, ихъ вооруженія, мѣропріятій и предполагаемыхъ преобразованій по названнымъ вѣдомствамъ, а равно всякихъ извѣстій, относящихся къ боевой готовности, кредитовъ на различныя военныя потребности, постройки стратегическихъ дорогъ, укрѣпленій и военныхъ судовъ, дислокаціи и передвиженія войскъ и т. п., каковыя свѣдѣнія и извѣстія могутъ быть заимствованы лишь изъ газеты „Русскій Инвалидъ", и б) свѣдѣнія и статьи, касающіяся внутренней жизни отдѣльныхъ войсковыхъ частей, могущія колебать основы военной дисциплины. 5) Извѣстія и статьи, касающіяся охраны Китайской Восточной ж. д. и охранной ея стражи. 6) Свѣдѣнія, касающіяся командировки въ Персію агентовъ М—ва Финансовъ и результатовъ этой командировки. 7) Въ отношеніи учебныхъ заведеній: а) статьи, обсуждавшія временныя правила о студенческихъ организаціяхъ 22-го декабря 1901 г., б) свѣдѣнія и статьи о безпорядкахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, и о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, налагаемыхъ на учащихся, в) всякаго рода коллективныя заявленія и адреса отъ имени учащихся, а равно сообщеніе о подобныхъ заявленіяхъ и адресахъ и г) выставляемые въ стѣнахъ учебныхъ заведеній объявленія и вообще о

внутренней жизни этихъ заведеній безъ предварительнаго на то дозволенія подлежащаго учебнаго начальства. 8) По дѣламъ о политическихъ преступленіяхъ: а) свѣдѣнія объ арестахъ по этимъ дѣламъ и производимыхъ по нимъ дознаніяхъ и слѣдствіяхъ, за исключеніемъ свѣдѣній, публикуемыхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" и другихъ оффиціальныхъ изданіяхъ; б) біографическія свѣдѣнія или какія либо иныя извѣстія о политическихъ преступникахъ и ихъ портреты и в) свѣдѣнія объ исполненіи смертныхъ приговоровъ и объ исполняющихъ ихъ лицахъ. *Примѣчаніе:* воспрещеніе, указанное въ пунктѣ 6 этого распоряженія, распространяется и на лицъ, поселившихся на жизнь особъ иностранныхъ царствующихъ домовъ и главъ государствъ. 9) Извѣстія о безпорядкахъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ, а равно о другихъ нарушеніяхъ спокоя общественнаго порядка и спокойствія, безъ разрѣшенія высшей полицейской власти. 10) Сообщенія о появленіи чумныхъ заболѣваній среди населенія или распространеніи чумной эпидеміи въ Россіи и сопредѣльныхъ съ ней государствахъ, безъ предварительнаго разрѣшенія означенныхъ свѣдѣній медицинскимъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. 11) Свѣдѣнія о личномъ составѣ сыскной полиціи и ея дѣятельности. 12) Всякаго рода воззванія и приглашенія къ пожертвованіямъ, независимо отъ формы ихъ изложенія и отъ того, предлагаются ли они къ напечатанію въ текстѣ изданія или въ отдѣлѣ объявленій безъ особаго каждый разъ разрѣшенія полиціи или учрежденій, коимъ будутъ посылаться собранныя пожертвованія. 13) Свѣдѣнія: а) о самоубійствахъ, если на оглашеніе этихъ свѣдѣній не послѣдуетъ письменнаго дозволенія родителей или близкихъ родственниковъ, а въ случаѣ ихъ отсутствія мѣстнаго полицейскаго начальства, и б) о тѣхъ случаяхъ покушенія на самоубійство, которые произошли не въ публичныхъ мѣстахъ. 14) Сообщенія и статьи о мѣропріятіяхъ правительства по расколу за послѣднее время. 15) Статьи, обсуждающія опредѣленія и посланія Св. Сунода отъ 20-го и 22-го февраля 1901 г. относительно графа Толстого. 16) Неблагопріятныя извѣстія относительно кредитоспособности и состоятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и лицъ ранѣе признанія ихъ несостоятельности по суду. 17) Свѣдѣнія о сдѣлкахъ на процентныя бумаги, состоявшіяся послѣ узаконеннаго часа до окончанія биржи. 18) Свѣдѣнія объ отправляемыхъ государственнымъ банкомъ партіяхъ монеты съ указаніемъ временъ отправки, мѣста и назначеніе пересылаемыхъ суммъ и состава экспортирующихъ чиновъ. 20) Всякаго рода сенсаціонныя телеграммы, полученныя редакціями отъ неизвѣстныхъ имъ лицъ.

Кромѣ перечисленныхъ выше распоряженій, сохраняетъ свою силу и распубликованное въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" общее распоряженіе отъ 12 декабря 1872 г., предостерегающее бесцензурные органы печати отъ заимствованій, цѣликомъ или въ выдержкахъ и отрывкахъ, статей и документовъ, которые помѣщаются въ спеціальныхъ или строго научныхъ повременныхъ и другихъ изданіяхъ, преслѣдуютъ исключительно научныя цѣли и по содержанію своему не предполагаются для распространенія среди широкаго круга читателей, что могло бы имѣть нежелательныя послѣдствія. Поэтому при позаимствованіяхъ изъ спеціальной или ученой литературы г.г. редакторамъ бесцензурныхъ изданій рекомендуется соблюдать должный тактъ и необходимую осмотрительность, принимая въ соображеніе, что они имѣютъ дѣло съ читателями разной степени образованія и развитія. Всѣ прочія дѣйствовавшія до нынѣ распоряженія въ отношеніи бесцензурныхъ изданій, объявленныя на

основаніи ст. 140 Устава о ценз. и печ., должны почитаться отмѣненными настоящимъ распоряженіемъ. Подписалъ начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати сенаторъ Звѣревъ. Вѣрно: помощникъ правителя дѣлъ *И. Аванов*.

Но и послѣ этого были изданы еще циркуляры, воспрещавшіе писать: 1) о пріѣздѣ Харьковскаго губернатора кн. И. М. Оболенскаго въ Петербургъ [1]), 2) о дѣлѣ помощника присяжнаго повѣреннаго Рогачевскаго, разсматривавшемся въ Харьковѣ 3) предписывалось всѣ отчеты о придворныхъ событіяхъ и т. п. извѣстія, подвергающіяся цензурѣ Императорскаго Двора, помѣщать цѣликомъ, безъ всякихъ сокращеній, въ томъ видѣ, въ какомъ разрѣшала цензура Двора.

Возвращеніе къ Николаевскимъ временамъ наблюдались и въ другихъ сферахъ [2]).

Курскій губернаторъ, уже извѣстный намъ, графъ Милютинъ издалъ, напримѣръ, такой циркуляръ:

Секретно.

Циркулярно.

Гг. земскимъ начальникамъ и уѣзднымъ исправникамъ Курской губерніи.

Въ циркулярномъ предложеніи министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 21 іюля 1888 г. № 525, между прочимъ, было сообщено, что при исполненіи закона 3-го мая 1883 г. (п. 4), дозволяющаго раскольникамъ занимать общественныя должности, надлежитъ руководствоваться какъ мѣстными условіями и обстоятельствами, такъ равно нравственнымъ характеромъ ученія и другими свойствами секты, къ которой будетъ принадлежать избираемое лицо, отнюдь не допуская утвержденія въ должностяхъ, соединенныхъ съ властью или вліяніемъ, такихъ лицъ, кои замѣчаются въ распространіи своихъ заблужденій между православными. Между тѣмъ изъ сообщенныхъ министерству свѣдѣній усмотрѣно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ раскольники, избираемые, на основаніи упомянутаго выше закона, на разныя общественныя должности, преимущественно по волостному и сельскому управленіямъ, пользуются своимъ служебнымъ положеніемъ во вредъ православной церкви и безнаказанно совращаютъ православныхъ... Вслѣдствіе этого, господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ, циркуляромъ отъ 24-го мая 1887 года № 334, просилъ губернаторовъ обратить вниманіе на то, что, при изданіи закона 3-го мая 1883 г. о правахъ раскольниковъ. Правительство, какъ объяснено въ циркулярѣ за № 525, избѣгая всего того, что могло бы имѣть видъ послабленія раскольничьимъ ученіямъ, стремилось предоставить общегражданскія права и удовлетворить религіознымъ потребностямъ сектантовъ въ той степени въ какой то и другое не можетъ нанести вреда господствующей церкви. Поэтому Высочайше утвержденными по сему предмету правилами дозволяется раскольникамъ занимать общественныя должности съ утвержденіемъ въ указанныхъ случаяхъ подле-

[1]) Это запрещеніе вызвано было несомнѣнно покушеніемъ на жизнь Оболенскаго въ Харьковѣ 29 іюля. Покушавшійся Котура былъ приговоренъ къ смертной казни, которая была отмѣнена по ходатайству Оболенскаго.

[2]) Скажемъ кстати, что черезъ недѣлю послѣ назначенія Плеве министромъ, неожиданно, 11 апрѣля 1902 г., былъ удаленъ министръ народнаго просвѣщенія Ванновскій, не закончивъ ни одной изъ своихъ реформъ, основанныхъ на „сердечномъ попеченіи". Вмѣсто Ванновскаго назначенъ былъ Зенгеръ.

жащихъ властей. Установленіемъ правила, по которому вступленію въ отправленіе должности должно предшествовать утвержденіе въ оной, имѣлось въ виду именно воспрепятствовать раскольникамъ пользоваться властью и вліяніемъ для распространенія своихъ лжеученій". На основаніи приведеннаго, курскій губернаторъ „вмѣнялъ въ непремѣнную обязанность гг. земскимъ начальникамъ и уѣзднымъ исправникамъ Курской губерніи, при разсмотрѣніи списковъ лицъ, избранныхъ въ должности волостного старшины, сельскаго старосты и т. п. членовъ сельскаго управленія изъ среды раскольниковъ, руководствоваться правилами и указаніями министерства внутреннихъ дѣлъ, преподанными въ циркулярѣ отъ 29-го мая 1887 г. за № 334, и не утверждать раскольниковъ, выбранныхъ въ должность старосты, кои замѣчаются въ распространеніи своихъ заблужденій между православными, и вообще лицъ, не внушающихъ къ себѣ довѣрія". (Подписалъ) Графъ *Милютинъ*. Свѣрялъ: дѣлопроизводитель *Авдѣевъ*.

Но всѣ эти мѣры, произволы и насилія лишь усиливали освободительное движеніе вообще и земское въ частности.

И. Бѣлоконскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Декабристъ князь Ѳ. П. Шаховской.

(Біографическая замѣтка).

Въ опубликованномъ въ настоящей книгѣ «Былого» «Спискѣ сосланнымъ подъ надзоръ и стражу Владимірской губерніи, въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, разнаго званія людямъ, съ 1801-го года по 30 ноября 1836 года» останавливаетъ вниманіе № 69-ый.

«Государственный преступникъ Шаховскій, 1829 года, марта 6-го дня, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, присланъ изъ Сибири, при отношеніи Енисейскаго гражданскаго губернатора, отъ 16 февраля 1829 года, по случаю помѣшательства въ умѣ его, для содержанія его здѣсь подъ строгимъ надзоромъ.—Того же 1829-го года, мая 24-го дня померъ».

Этотъ Шаховской въ свое время былъ княземъ Шаховскимъ, однимъ изъ учредителей «Союза Спасенія», преобразованнаго въ 1817 году въ «Союзъ Благоденствія». Уже изъ за одного этого обстоятельства стоило бы собрать немногочисленныя и скудныя извѣстія объ общественной дѣятельности и жизни князя Шаховского. Правда, внѣ отношеній къ общественному движенію, отношеній, продолжавшихся весьма недолго и кончившихся задолго до декабрьской катастрофы, жизнь кн. Шаховского не представляетъ никакихъ выдающихся эпизодовъ; наоборотъ, если она и возбуждаетъ интересъ, то исключительно, какъ типическая исторія средняго дворянина, отбывшаго извѣстное число лѣтъ въ военной службѣ, а затѣмъ занимающагося въ собственныхъ помѣстьяхъ хозяйствомъ. И только несчастный конецъ—незаслуженная кара, тяжелая болѣзнь, сумашествіе—окрашиваетъ эту жизнь неожиданными красками [1]).

I.

Князь Ѳедоръ Петровичъ Шаховской родился въ 1797 году въ средней по достаткамъ, но родовитой дворянской семьѣ. Отецъ его—Петръ Ивановичъ въ чинѣ отставного тайнаго совѣтника въ 20-хъ годахъ проживалъ въ своемъ имѣніи Заостровьѣ Холмскаго уѣзда, Новгородской губерніи. Мать—Анна Ѳедоровна урожденная княжна Щербатова (умерла 2 ноября 1825 года). Достатки Шаховскихъ были далеко не крупные. На имѣніи были большіе долги, а судебный процессъ, который долженъ былъ бы въ случаѣ удачнаго исхода обезпечить семью Шаховскихъ, тянулся многіе годы (въ 1826 году тяжба продолжалась уже 11-ый годъ) и, очевидно, поглощалъ не мало денегъ. Кромѣ сына Ѳедора въ семьѣ было двѣ дочери Прасковья и Катерина. Каждая изъ нихъ получила при выходѣ замужъ по 230 душъ крестьянъ.

О воспитаніи и образованіи кн. Шаховского нѣтъ свѣдѣній. Онъ показывалъ въ 1826 году передъ слѣдственной комисіей, что «обучался одинъ годъ въ пансіонѣ г-на Жакино, но по краткому времени пребыванія не могъ пріобрѣсти никакихъ познаній». Но, несмотря на полное отсутствіе систематическаго образованія, князя Шаховского нельзя не причислить къ образованнымъ людямъ того времени: стоитъ только перечитать его отвѣты на слѣдствіи и оцѣнить ихъ стиль и логику. Чего не далъ пансіонъ, то было дано собственнымъ желаніемъ и условіями общественной жизни. «Въ послѣдствіи (по выходѣ изъ пансіона Жакино)—читаемъ въ показаніяхъ Шаховского—занимаясь по собственной охотѣ къ наукѣ, имѣлъ я случай во время пребыванія 38 Егерскаго полка для караула въ Москвѣ, слушать курсъ политическихъ и дипломатическихъ наукъ у профессора Шлецера».

Но еще до курсовъ Шлецера Шаховского многому научила жизнь. Въ 1813 году, на 17 году, Шаховской былъ зачисленъ въ резервную команду лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, находившагося въ это время во Франціи. На слѣдующій годъ Шаховской прибылъ къ полку «въ село Мегрень» и началъ свою дѣйствительную службу въ чинѣ подпрапорщика (съ 30 января 1814 года). Въ маѣ онъ былъ уже прапорщикомъ. Мы знаемъ теперь, какія впечатлѣнія дала нашимъ офицерамъ жизнь за-границей въ 1813—1814 гг. Вліянію западныхъ идей и западной дѣйствительности поддался, конечно, и Шаховской. Его формуляръ такъ говоритъ о его «походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля» за рубежомъ Россіи. Онъ участвовалъ въ походахъ и дѣлахъ: «1814 года по переходѣ за Рейнъ въ предѣлы Франціи, марта 18, при городѣ Парижѣ, и отъ онаго черезъ Нормандію до города Шербурга, а оттуда на Россійской эскадрѣ въ городъ Кронштадтъ».

II.

По возвращеніи въ Россію, Шаховской принялъ живѣйшее участіе въ возникавшемъ тогда общественномъ движеніи. Особенно оживленной была осень 1816 года въ С.-Петербургѣ. Въ это время начались въ различныхъ кружкахъ, военныхъ, по преимуществу, толки о необходимости основать тайное общество для спасенія отечества. Шаховской могъ толковать о недостаткахъ строя, о тайномъ обществѣ прежде всего въ кружкѣ своихъ однополчанъ—семеновскихъ офицеровъ: И. Д. Якушкина, С. И. и М. И. Муравьевыхъ-Апостоловъ, С. П. Трубецкого. «Въ 1816 году—показывалъ въ 1826 году Шахов-

[1]) Въ основу очерка положени дѣла декабристовъ, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ М. И. Д.; главнымъ образомъ, дѣло Шаховского (I В № 354) и его записка объ имущественномъ положеніи въ дѣлѣ I В № 315. Ссылокъ на листы этихъ дѣлъ не дѣлаемъ.

ской,—частое свиданіе и короткое знакомство въ полку доставило мнѣ случай узнать нѣкоторыхъ людей, которые пріобрѣли полную мою довѣренность, сколько познаніями своими, столько и совѣтами обратить старанія мои къ пользѣ умственнаго образованія. Наконецъ, поручикъ Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ открылъ мнѣ, что есть общество, имѣющее предметомъ благосостояніе Россіи, изложивъ притомъ вкратцѣ всѣ положенія онаго». Это было еще не общество, а только тотъ кружокъ офицеровъ Семеновскаго полка, который, соединившись съ П. И. Пестелемъ, началъ работать надъ уставомъ тайнаго общества.

Не только политическія идеи интересовали въ это время Шаховского: онъ былъ еще и ревностнымъ масономъ. Съ такой характеристикой остался онъ въ извѣстныхъ «Запискахъ» И. Д. Якушкина. Мы не знаемъ, когда онъ вступилъ въ масоны, но въ 1816 году мы находимъ его въ *Ложѣ Трехъ Добродѣтелей*.

Объ этой ложѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Въ запискахъ М. А. Фонвизина читаемъ слѣдующее извѣстіе: «члены Союза (Благоденствія) учреждали и отдѣльныя отъ него общества, подъ вліяніемъ его духа и направленія: таковы были общество военное, члены котораго узнавали другъ друга по надписи, вырѣзанной на клинкахъ шпагъ и сабель: «За правду», литературныя,—одно въ Москвѣ, другое въ Петербургѣ, послѣднее подъ названіемъ «Зеленой Лампы», и двѣ масонскія ложи, въ которыхъ большинство братій состояло изъ членовъ «Союза Благоденствія» [1]).

Военное общество насъ не интересуетъ, объ одномъ изъ литературныхъ, связанныхъ съ Шаховскимъ, мы скажемъ ниже; провѣримъ свидѣтельство Фонвизина о масонскихъ ложахъ. А. Н. Пыпинъ высказалъ предположеніе о томъ, что ложи эти—Трехъ добродѣтелей и Михаила Избраннаго [2]). А. Н. Пыпинъ въ спискахъ ложи *Трехъ Добродѣтелей* отмѣтилъ множество фамилій лицъ, принимавшихъ участіе въ движеніи декабристовъ. Тутъ были и кн. С. Г. Волконскій, кн. И. А. Долгорукій, кн. С. П. Трубецкой, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, Н. И. Муравьевъ, П. И. Пестель. Нижеслѣдующія данныя совершенно подтверждаютъ догадку А. Н. Пыпина о ложѣ *Трехъ Добродѣтелей* [3]).

13 апрѣля 1826 года М. И. Муравьевъ далъ, между прочимъ, слѣдующее показаніе: «Александръ Муравьевъ въ 1817 году хотѣлъ, чтобы общество, которое онъ составилъ, дѣйствовало черезъ масонскую ложу, почему и была основана ложа *Трехъ Добродѣтелей*. Но онъ оставилъ скоро сію мысль, потому что все время засѣданія ложи занято масонскими работами и что всякій масонъ имѣетъ право пріѣхать въ ложу. Князь Лопухинъ, Александръ Муравьевъ, кн. Долгорукій, кн. Трубецкой, кн. Ѳ. Шаховской, Никита Муравьевъ, братъ мой и я принадлежали сей ложѣ; это самое меня заставило вспомнить, что кн. Ѳ. Шаховской принадлежалъ обществу прежде, нежели гвардей-

[1]) Общества движ. въ Россіи въ первую половину XIX в. Т. I. Декабристы М. А. Фонвизинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель. СПБ. 1905. Стр. 187, 188.
[2]) А. Н. Пыпинъ. Общества. движ. при Александрѣ I. Изд. 2 Спб. 1885. Стр. 327.
[3]) Нѣкоторыя подробности объ этой ложѣ см. въ статьяхъ А. Н. Пыпина. „Матеріалы для исторіи масонскихъ лежъ". Вѣст. Евр. 1872 г., февр. стр. 592.

скій отрядъ пришелъ въ Москву (т. е. осенью 1817 года [1])». Александръ же Муравьевъ по поводу этой ложи показалъ: «хотя я и не былъ начальникомъ ложи, называемой *Трехъ Добродѣтелей*, а былъ онымъ князь Лопухинъ, я же былъ вторымъ по немъ членомъ, но сознаюсь, что имѣлъ преступное намѣреніе подъ покровомъ сей масонской ложи обезопасить членовъ общества; почему и старался привлечь въ нее членовъ. Но сіе происходило въ С.-Петербургѣ, прежде выступленія Гвардейскаго отряда въ Москву. Въ Москвѣ же я ложи не держалъ» [2]). Дѣйствительно въ спискахъ ложи Александръ Муравьевъ въ 1817—18 годахъ показанъ намѣстнымъ мастеромъ, а затѣмъ отсутствующимъ, въ Москвѣ. Любопытно, что вступленіе въ ложу большого числа декабристовъ произошло именно въ 1816 г.

Къ этой то ложѣ принадлежалъ и Шаховской. Исполняя всю масонскую обрядность, онъ думалъ вмѣстѣ съ другими братьями и о томъ, какъ учредить общество. Къ концу 1816 года, съ присоединеніемъ къ кружку Пестеля, обрисовались очертанія тайнаго «Общества истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества» или «Союза Спасенія». Для выработки устава или «статута» общества была выбрана комиссія. Въ нее вошли кн. И. А. Долгорукій, кн. С. Н. Трубецкой, П. И. Пестель и кн. Ѳ. П. Шаховской. Послѣдній былъ секретаремъ комиссіи. «Статутъ» до насъ не дошелъ, но извѣстно, что многое въ немъ было заимствовано изъ уставовъ масонскихъ ложъ. Эти заимствованія—нужно думать—сдѣланы въ извѣстной мѣрѣ подъ вліяніемъ кн. Ѳ. П. Шаховского. Въ комиссіи, выработавшей уставъ, мы знаемъ Пестеля за заговорщика, Шаховского за масона; о князьяхъ Долгорукомъ и Трубецкомъ мы не имѣемъ столь же опредѣленныхъ указаній. Если Пестель вносилъ заговорщическій духъ въ уставъ общества, то масонской обрядностью общество, быть можетъ, обязано кн. Ѳ. П. Шаховскому. 9 февраля 1817 года на общемъ собраніи уставъ былъ принятъ и общество получило свое утвержденіе. Въ этомъ же году на засѣданіяхъ въ Москвѣ оно было преобразовано въ «Союзъ Благоденствія».

Шаховской остался членомъ и преобразованнаго общества. Онъ принималъ участіе въ засѣданіяхъ, посвященныхъ реформѣ Союза. Въ своихъ показаніяхъ въ 1826 году онъ говоритъ: «въ 1817 году въ Москвѣ былъ я въ одномъ собраніи, въ которомъ положено было о установленіи управъ: въ оныя уполномоченный могъ принимать не помню 5 или 10 человѣкъ». Въ Москвѣ же онъ присутствовалъ на собраніи у Александра Муравьева, когда И. Д. Якушкинъ вызвался совершить цареубійство. Но объ этомъ собраніи подробнѣе мы скажемъ ниже.

Свѣдѣній о томъ, что именно дѣлалъ Шаховской по «Союзу Благоденствія», не сохранилось: мы не знаемъ даже, принялъ ли онъ кого-либо въ общество. Ст. Мих. Семеновъ показывалъ въ 1826 году, что онъ принятъ въ Союзъ Благоденствія нѣкіимъ Волковымъ въ январѣ или февралѣ 1819 года. «Въ это время, говоритъ онъ, въ Москвѣ

[1]) Госуд. Арх. I В. № 397 л. 117.
[2]) Госуд. Арх. I В № 351 л. 20.

учреждались двѣ управы: 1) Ѳед. Шаховскаго (Волковъ и Семеновъ) и 2) Александра Муравьева (Мих. Муравьевъ, Петръ Колошинъ, студентъ Богородицкій и Раичъ)». Это извѣстіе, къ сожалѣнію, не подтверждается извѣстными намъ данными—Александръ Муравьевъ ни слова не говоритъ объ управѣ кн. Шаховского.

Мы приводили выше свидѣтельство М. А. Фонвизина о литературномъ обществѣ, дѣйствовавшемъ въ духѣ Союза Благоденствія. Это свидѣтельство можно дополнить его показаніями. На вопросъ слѣдственнаго комитета о томъ, какія вольныя общества были основаны членами Союза. Фонвизинъ отвѣчалъ: «Вольныхъ обществъ ни одного мнѣ не было извѣстно, да, кажется, ни одного не существовало, кромѣ опыта, сдѣланнаго кн. Ѳедоромъ Шаховскимъ, учредить общество литературное изъ нѣкоторыхъ молодыхъ московскихъ литераторовъ, который не удался, ибо послѣ двухъ собраній они разстались» [1]).

Объ этомъ литературномъ обществѣ, учрежденномъ Шаховскимъ, говоритъ въ своихъ показаніяхъ и своихъ запискахъ В. П. Зубковъ. Шаховской предлагалъ ему, Зубкову, въ 1817 или 1818 году вступить въ литературное общество. Зубковъ не знаетъ его названія, но помнитъ, что былъ писанный уставъ. «Цѣль общества кажется, заключалась единственно въ распространеніи обще-полезныхъ познаній между членами и въ денежныхъ пособіяхъ бѣднымъ членамъ, а средство состояло въ переводахъ на русскій языкъ лучшихъ иностранныхъ книгъ и нѣкоторыхъ денежныхъ пожертвованіяхъ». Зубковъ въ это общество не вступилъ [2]).

Вотъ все, что мы знаемъ объ общественной дѣятельности Шаховского. Съ 1819 года онъ начинаетъ отдаляться отъ Союза Благоденствія.

III.

Отдаленію Шаховскаго отъ дѣлъ общества способствовали его семейныя и служебныя обстоятельства. 13 марта 1817 года онъ былъ произведенъ въ подпоручики Семеновскаго полка; вмѣстѣ съ 1-ымъ батальономъ этого полка онъ прибылъ въ Москву и, находясь здѣсь, осенью онъ подалъ прошеніе о переводѣ въ 38-ой Егерскій полкъ. 6 января 1818 года онъ былъ перечисленъ въ этотъ полкъ штабсъ-капитаномъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ женился на княжнѣ Наталѣ Дмитріевнѣ Щербатовой, дочери князя Дмитрія Михайловича Щербатова. Этимъ бракомъ Шаховской пріобрѣлъ хорошую родню: братъ его жены Иванъ Дмитріевичъ служилъ въ Семеновскомъ полку и дружилъ съ Якушкинымъ, Лореромъ, переписывался съ С. И. Муравьевымъ. Послѣ извѣстной Семеновской исторіи онъ былъ обвиненъ въ недобрительномъ отзывѣ о поведеніи Семеновскихъ солдатъ и разжалованъ въ солдаты [3]).

[1]) Госуд. Арх. I. В. № 353 л. 25.
[2]) Записки В. П. Зубкова. Съ пред. и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго. СПБ. 1906.
[3]) О немъ въ ст. В. П. Семевскаго „Волненіе въ Семеновскомъ полку въ 1820 г." „Былое", 1907 г., мартъ, стр. 106—107).

Въ декабрѣ 1819 года Шаховской былъ назначенъ адъютантомъ къ ген.-лейт. И. Ѳ. Паскевичу и вмѣстѣ съ женой отправился въ Петербургъ. Въ военной службѣ Шаховской оставался недолго. Въ 1820 году онъ былъ произведенъ по Егерскому полку въ капитаны, 17 октября 1821 года во время расположенія главной квартиры въ Витебскѣ Шаховской былъ отчисленъ отъ должности адъютанта и вернулся въ полкъ, а въ 1822 году «по жестокой хронической болѣзни», уволенъ былъ въ отставку съ чиномъ маіора. По формулярному списку 1826 года Шаховской «состоитъ въ комплектѣ, а находится въ отпуску по приказу главнокомандующаго 2-ой арміей въ городѣ Москвѣ съ 7 декабря 1821 года по 1 апрѣля с. г. (т. е. 1826 года.)» Въ началѣ 1822 года до отъѣзда въ Москву съ Шаховскимъ случилась небольшая непріятность. По предписанію начальника главнаго штаба князя Волконскаго комендантъ Веревкинъ отобралъ у Шаховского всѣ бумаги и при возвращеніи ихъ взялъ съ него и съ его жены подписку въ томъ, что «по дѣлу Семеновскаго полка и о полковникѣ Шварцѣ они никакой переписки не имѣли». Обыскъ у Шаховского являлся, очевидно, результатомъ его родственныхъ связей съ кн. Ив. Дм. Щербатовымъ. Приблизительно въ это же время и по этому же поводу былъ сдѣланъ запросъ и объ И. Д. Якушкинѣ.

Выходъ въ отставку былъ вызванъ и болѣзнью Шаховского, и необходимостью устроить свои дѣла. Съ женитьбой ему пришлось ближе стать къ помѣщичьему хозяйству и крестьянскому быту. Самъ онъ отъ своихъ родителей при женитьбѣ ничего не получилъ, а жена принесла ему въ приданое 420 душъ, значившихся въ двухъ уѣздахъ: Нижегородской губерніи—Ардатовскомъ въ селѣ Орѣховцѣ и Арзамасскомъ въ селахъ Кузьминѣ и Слизневѣ. По выходѣ въ отставку Шаховской вмѣстѣ съ семьей поселился въ Орѣховцѣ.

Орѣховецкіе крестьяне требовали къ себѣ большаго вниманія. Въ 1820 или началѣ 1821 года выгорѣло 60 дворовъ со всѣмъ крестьянскимъ имуществомъ. Въ этомъ экстренномъ случаѣ Шаховскіе были поставлены въ необходимость помочь погорѣльцамъ и сохранить доходъ получаемый съ имѣнія. Имѣніе было съ этой цѣлью заложено.

Въ запискѣ объ имущественномъ положеніи, писанной въ 1826 году, Шаховской сообщаетъ не лишенныя интереса свѣдѣнія о своемъ хозяйствѣ.

„Прибывъ въ село Орѣховецъ (въ 1822 г.) нашли мы крестьянъ въ великой бѣдности, и желая облегчить ихъ и дать средства къ поправленію ихъ состоянія, положили значительный капиталъ, обративъ часть онаго на усовершенствованіе ихъ хлѣбопашества и хозяйственныхъ заведеній. Вскорѣ, общій доходъ ихъ увеличился. Экономическія поля и нѣкоторые мірскіе доходы съ почтовой гоньбы и постоялыхъ дворовъ, ежегодно составляютъ капиталъ, который обезпечиваетъ плату податей и сборъ магазейнаго хлѣба, и который, увеличиваясь, впослѣдствіи принесетъ большую пользу, какъ при рекрутской повинности, такъ и въ несчастныхъ случаяхъ, могущихъ навлечь разореніе крестьянскаго достоянія. Надѣля также крестьянъ лучшею и ближайшею землею, по малому количеству оной, соразмѣрно съ числомъ жителей, для своей пашни нанимаемъ въ годы. Съ введеніемъ лучшей системы земледѣлія получали мы хорошій доходъ;

но въ прошломъ (1825 году), новое несчастіе постигло насъ: 180 десятинъ крестьянскаго и нашего ржаного посѣва, выбиты сильнымъ и крупнымъ градомъ такъ, что едва могли собрать по нѣсколько колосьевъ, изъ которыхъ выбили часть зеренъ; но они оказались къ посѣву не удобны и употреблены въ пищу.— По принятымъ мѣрамъ крестьяне большаго разстройства не потерпѣли, заплатили подати безпоимочно, и съ малою отъ насъ помощью прокормились безъ нужды; сами же мы лишились всѣхъ средствъ получить достаточный доходъ, для уплаты процентныхъ денегъ въ С. Петербургскій Опекунскій Совѣтъ, и въ отсутствіи моемъ жена выслала всѣ послѣднія, какія у нея оставались, деньги и сколько могла занять; но все было недостаточно;—и уже сестра моя, бывъ тогда въ Петербургѣ, нашла средство достать нужную сумму для уплаты процентовъ и просрочки.

Послѣ кончины родительницы моей, послѣдовавшей 2-го ноября 1825 года по духовному ея завѣщанію, поступило ко мнѣ за выдѣломъ сестрамъ моимъ остальное недвижимое имѣніе: Московской губерніи, Серпуховскаго уѣзда село Верзилово, при которомъ 146 ревизскихъ душъ, и Калужской губерніи, Козельской округи, въ селѣ Фроловскомъ; 116.—

Съ полученіемъ сего имѣнія, достались мнѣ слѣдующіе долги: по залогу онаго въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, остальныхъ за неуплатою 32. 600: частныхъ, по заемныхъ обязательствамъ, и за выкупъ вещей старшей сестры по духовному завѣщанію, въ 2 т., всего 16 т. и данныхъ ей же отъ покойной нашей родительницы заемныхъ писемъ, на 40 т. рублей.

Сверхъ сего, отъ села Фроловскаго отошло болѣе 600 десятинъ лучшей луговой, лѣсной и пашенной земли, по неосмотрительности, сдѣланной при написаніи данной записи, при замужествѣ сестры княжны Катерины, по которой отхожая пустошь Вершинина, при общемъ управленіи имѣнія, бывъ въ половинномъ владѣніи у крестьянъ деревни Ягловой (?), поступившей сестрѣ, и у крестьянъ села Фроловскаго, назначеннаго на мою часть,—отдана ей, какъ по отказнымъ книгамъ значится,—все безъ остатка".—Г. Шишкинъ по продажѣ Сестрою моею имѣнія сего, войдя во владѣніе причислилъ и дачу Вершинину въ свое владѣніе. Дѣло о семъ, какъ о незаконномъ завладѣніи,—началось за нѣсколько времени до кончины матери моей, и по приказанію ея, ѣздилъ я въ городъ Козельскъ, гдѣ сообразя поданное отъ бурмистра прошеніе, и объясненіе г-на Шишкина, согласное съ данной записью, на основаніи которой написана была купчая, нашелъ что онъ имѣлъ на сію пустошь полное право.—

Между тѣмъ крестьяне оставались всего при 200-хъ десятинахъ, самой дурной земли, и то въ черезполосномъ владѣніи, и пришли въ совершенное разореніе. Видя ихъ въ столь затруднительномъ положеніи, отправился я для осмотра имѣнія, и узналъ, что Шишкинъ, завладѣлъ значительнымъ количествомъ земли, въ приписанной части къ селу Фроловскому, въ Пицовой дачѣ общаго владѣнія моего, съ князьями: Голицынымъ и Вадбольскимъ. Съ возвращеніемъ сей земли, представлялось средство улучшить состояніе несчастныхъ Крестьянъ почему и поспѣшилъ я подать прошеніе въ Козельской Уѣздный Судъ, и приложивъ выписки съ отказныхъ книгъ и духовнаго завѣщанія, доказывающихъ право владѣнія моего въ сей дачѣ, просилъ отказать оную за меня, что въ скорости и исполнено; а на г-на Шишкина, за насильственное завладеніе и получаемый въ три года доходъ, обращено по сдѣланной оцѣнкѣ взысканіе.

Такимъ образомъ, съ прошедшаго года, крестьяне пользуются сею землею,

и хоть она отстоитъ въ 7-ми верстахъ отъ деревни, но они успѣли посѣять озимой хлѣбъ и завели 12 десятинъ экономическаго поля. Притомъ, для облегченія ихъ, сложилъ я болѣе трети части оброка прежде положеннаго, приведя сборъ онаго въ самое удобное время, и потому разчету, сколько слѣдуетъ за годовой взносъ процентовъ, по залогу ихъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Наконецъ съ большимъ затрудненіемъ, приведя имѣніе въ нѣкоторый порядокъ, рѣшилъ я перезаложить оное въ 24-хъ лѣтній банкъ, и изъ прибавочныхъ денегъ уплатилъ частные долги,—и употребилъ большую сумму на заведеніе хозяйства въ селѣ Верзиловѣ, какъ на поддержаніе строенія, такъ и на заведеніе земледѣльческихъ орудій и сѣмянъ луговыхъ и овощныхъ, ожидая, что по близкому разстоянію отъ Москвы, по качеству земли и по усовершенствованному сѣвообороту, сдѣланныя издержки возвратятся и доходъ можетъ быть хорошій.

За уплатою частнаго долга и сдѣланными необходимыми расходами, на приведеніе имѣнія и крестьянъ въ лучшее устройство, остается долга на имѣніи: казеннаго, по залогу 52/т. и по обязательствамъ, даннымъ отъ покойной родительницы, сестрѣ моей, княгинѣ Прасковьѣ, нынѣ Войно-Куринской на 40/т.; что вмѣстѣ составляетъ сумму 92/т. рублей. Съ искреннымъ желаніемъ исполнить священную для меня волю матери моей, не предвижу я возможности выплатить деньги сіи доходами съ имѣнія, столь разстроеннаго и обремененнаго долгами; для чего и предлагалъ я сестрѣ принять въ уплату село Фроловское, устроенное уже стараніемъ моимъ и значительными издержками, о чемъ еще писалъ ей въ концѣ іюня мѣсяца».

IV.

Со времени выхода въ отставку постояннымъ мѣстожительствомъ Шаховскаго стало имѣніе его жены Орѣховецъ въ Ардатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Погруженный въ хозяйственныя заботы, Шаховской уже не имѣлъ возможности прилежать дѣламъ общества и самъ собой отдалился отъ него. Правда, по зимамъ онъ пріѣзжалъ въ Москву, но никакого фактическаго участія въ жизни общества не принималъ. Объ этомъ засвидѣтельствовали всѣ, кого спрашивали въ слѣдственной комиссіи.

Не знаемъ, гдѣ застала Шаховского катастрофа 14 декабря, но присягу на вѣрность Николаю I онъ принесъ въ церкви своего села Орѣховца. До Шаховского доходили, конечно, слухи объ арестахъ по всей Россіи, и онъ не могъ надѣяться, что гроза пронесется мимо него. Но прошелъ январь, почти весь февраль, а Шаховского не трогали. Въ это время имя его уже не разъ было произнесено на допросахъ комиссіи, и слѣдователи уже знали о немъ и какъ объ одномъ изъ учредителей Союза Спасенія и первыхъ членовъ Союза Благоденствія и какъ объ участникѣ собраній у Александра Муравьева, гдѣ Якушкинъ вызвался совершить цареубійство.

Въ концѣ января нижегородскимъ гражданскимъ губернаторомъ Крюковымъ было перехвачено какое-то письмо, которое извѣщало Шаховского о томъ, что комиссія освѣдомлена о немъ и розыскиваетъ его въ Калугѣ. Губернаторъ сейчасъ же донесъ объ этомъ военному министру, а «для предупрежденія отлучки Шаховского изъ мѣста жи-

тельства, на случай личнаго требованія въ С.-Петербургъ, распорядился приглашеніемъ его въ Нижній-Новгородъ».

Князь Шаховской не сталъ ждать требованій изъ Петербурга, а, явившись къ губернатору, подалъ ему слѣдующее заявленіе:

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь!

Исполненіе воли правительства составляетъ общую обязанность вѣрноподданныхъ. Желая ускорить оправданіе мое передъ лицомъ Государя Императора, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство отправить меня въ Санктъ-Петербургъ.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь! Вашего превосходительства покорнымъ слугою князь Ѳедоръ Шаховской. Марта 2 дня 1826 года.

На слѣдующій же день губернаторъ исполнилъ просьбу Шаховского и отправилъ его въ Петербургъ съ полицейскимъ чиновникомъ. Шаховской выѣхалъ изъ Нижняго, совсѣмъ не думая, что больше сюда онъ не вернется. Въ Орѣховцѣ онъ оставилъ беременную жену съ 6-лѣтнимъ сыномъ.

Слѣдственная комиссія въ засѣданіи 14 марта заслушала отношеніе начальника главнаго штаба о прибытіи Шаховского съ объявленіемъ Высочайшей воли, чтобъ князь Шаховской былъ допрошенъ въ комитетѣ. Къ этому времени комиссія уже успѣла получить всѣ нужныя ей свѣдѣнія объ обществѣ, а потому и не торопилась допрашивать Шаховского: послѣдній являлся для комиссіи только человѣкомъ котораго нужно было обвинить, и совсѣмъ не былъ источникомъ свѣдѣній [1]. Только 2 апрѣля состоялся первый допросъ.

V.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на исторіи осужденія князя Шаховского. Это—одинъ изъ самыхъ неправосудныхъ эпизодовъ суда надъ декабристами, могущій служить иллюстраціей всего процесса.

Кн. Шаховской—единственный изъ декабристовъ, во все время слѣдствія не измѣнившій принятой имъ тактикѣ оправданія. На допросахъ онъ держался замѣчательно выдержанно: давая послѣднія показанія своимъ слѣдователямъ, онъ не увеличилъ ни на іоту тотъ слѣдственный матеріалъ, который могъ быть извлеченъ изъ его первыхъ отвѣтовъ. Ни очныя ставки, ни предъявленіе показаній другихъ участниковъ не сбили Шаховского съ намѣченнаго имъ пути защиты. Онъ—рѣшительное исключеніе среди всѣхъ декабристовъ, слѣдственные процессы которыхъ производятъ тяжелое впечатлѣніе полнѣйшей безсистемностью показаній, обиліемъ сообщеній, признаній и раскаяній.

[1] Первое время Шаховской сидѣлъ въ помѣщеніи главнаго штаба, потомъ въ военно-сухопутномъ госпиталѣ, отсюда его перевели въ Петропавловскую крѣпость.

Показанія же Шаховского полны достоинства, котораго такъ не хватало его товарищамъ. Князь Шаховскій призналъ, что онъ былъ членомъ Союза Благоденствія. «Въ содѣйствіи Союзу Благоденствія движимъ былъ убѣжденіемъ, что въ ономъ, кромѣ добродѣтели и нравственности, ничего не было». Объ участіи своемъ въ учрежденіи «Общества истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества» онъ не разсказывалъ, да его и не спрашивали объ этомъ; онъ отозвался рѣшительнымъ незнаніемъ сокровенныхъ и преступныхъ цѣлей «Союза» или, другими словами, конституціоннаго смысла его дѣятельности; наконецъ, Шаховской заявилъ, что съ 1819 или 1820 года онъ никакого участія въ «Союзѣ Благоденствія» не принималъ. Слѣдственный комитетъ принялъ всѣ эти утвержденія кн. Шаховского и не искалъ доказательствъ въ показаніяхъ другихъ участниковъ, все свое вниманіе онъ обратилъ лишь на тотъ вопросъ, былъ ли Шаховской на томъ совѣщаніи 1817 года, гдѣ Якушкинъ вызвался совершить цареубійство, и разъ онъ былъ, то какую роль онъ игралъ въ этихъ разговорахъ. И слѣдственную комиссію, и составителя «Донесенія» Блудова особенно привлекло къ себѣ только что упомянутое совѣщаніе въ Москвѣ 1817 года: оно нужно имъ было для сгущенія красокъ и усугубленія вины. И дѣйствительно въ «Донесеніи» читаемъ слѣдующій живописный разсказъ:

„Во время сихъ преній (объ уставѣ), на одномъ собраніи, гдѣ находились Александръ, Никита, Сергѣй, Матвѣй Муравьевы, Якушкинъ, Фонвизинъ, Лунинъ и князь Шаховскій, родилась или, по крайней мѣрѣ, объявлена въ первый разъ ужасная мысль о цареубійствѣ [1] Одного члена, Александра Муравьева, князь Трубецкой увѣдомлялъ изъ Петербурга „что Государь намѣренъ возвратить Польшѣ всѣ завоеванныя нами области, будто предвидя неудовольствіе, даже сопротивленіе Русскихъ, онъ думаетъ удалиться въ Варшаву со всѣмъ дворомъ и предать отечество въ жертву неустройствъ и смятеній". Сіе извѣстіе, столь нелѣпое, какъ потомъ признали сами члены тогдашняго Тайнаго Общества, произвело на нихъ дѣйствіе едва вѣроятное. Они вскричали, что покушеніе на жизнь Императора есть необходимость; одинъ (князь Ѳедоръ Шаховской), какъ показываетъ Матвѣй Муравьевъ, полагалъ только дождаться дня, когда будетъ въ караулѣ полкъ, въ коемъ онъ служилъ [2]; хотѣли бросить жребій, и наконецъ Якушкинъ, который въ мученіяхъ несчастной любви давно ненавидѣлъ жизнь, распаленный въ сію минуту волненіемъ и словами товарищей предложилъ себя въ убійцы. Онъ, и въ изступленіи страстей, какъ мнѣ кажется, чувствовалъ, на что рѣшался. „Рокъ избралъ меня въ жертвы, говорилъ онъ, сдѣлавшись злодѣемъ, я не долженъ, не могу жить: совершу ударъ и застрѣлюсь".

[1] Пестель утверждаетъ, что еще прежде, въ томъ же 1817 году, Лунинъ, говорилъ, что если „при началѣ открытыхъ дѣйствій Общества" рѣшатся убить Императора, то можно будетъ для сего вмѣлать на Царско-Сельскую дорогу нѣсколько человѣкъ въ маскахъ. Лунинъ признается, что онъ, между прочимъ, говорилъ это. Пестель, какъ показываетъ Матвѣй Муравьевъ, хотѣлъ набрать изъ молодыхъ отчаянныхъ людей, такъ называемую cohorte perdue (обреченный на гибель отрядъ) и поручить начальство оному Лунину, чтобъ всѣхъ погубить, pour faire main basse sur tout. Пестель въ этомъ не сознается.

[2] Князь Ѳедоръ Шаховскій, по словамъ того же Матвѣя Муравьева, называлъ изсіе время готовность на ужаснѣйшія преступленія, и другой Муравьевъ, Сергѣй, не иначе называлъ его, какъ le tigre; въ послѣдствіи онъ отсталъ отъ Общества и жилъ въ отдаленной отъ столицы деревнѣ. Передъ Комиссіей князь Шаховской признался только въ томъ, что онъ былъ членомъ Тайнаго Общества.

Всѣ прочіе, хотя и поздно, устрашились или образумились и остановили его; генералъ-маіоръ Фонвизинъ доказывалъ, что извѣстіе, ихъ смутившее, есть безъ сомнѣнія основательное, съ чѣмъ послѣ и самъ князь (Туракинъ) Трубецкой, признанный ими въ Москву для объясненій, принужденъ былъ согласиться. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, сверхъ того въ письменномъ мнѣніи, которое прислалъ Обществу въ слѣдующій день, представлялъ, что предположенное злодѣйство будетъ безплодно; ибо Тайное Общество ихъ не имѣетъ еще средствъ онымъ воспользоваться. Якушкинъ повиновался; но обвиняя сочленовъ своихъ въ томъ, что они его побудили къ преступному, ими самими осуждаемому намѣренію, онъ на время разорвалъ связь съ Обществомъ".

Выясняя роль Шаховского въ тайномъ обществѣ, мы не будемъ останавливаться на вопросѣ, вѣрна ли дѣйствительности эта картина собранія у Александра Муравьева, да и вообще разслѣдованіе этого инцидента было бы важно лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ вытекалъ изъ процесса органическаго развитія заговора, если бы вопросъ о цареубійствѣ былъ выдвинутъ, какъ результатъ соединенія цѣлей и пріемовъ, программа и тактика тайнаго общества. Но хорошо извѣстный разсказъ самаго главнаго героя эпизода И. Д. Якушкина въ его «запискахъ», сходящійся съ совершенно прямыми и искренними его показаніями на слѣдствіи, ясно показываетъ, что преступная мысль явилась скорѣе результатомъ повышеннаго патріотическаго чувства, чѣмъ революціоннаго настроенія.

Быть можетъ, авторъ «Донесенія», чувствуя, что настроеніе И. Д. Якушкина на этомъ собраніи далеко не было чисто революціоннымъ, рѣшилъ на Шаховскомъ показать безмѣрно революціонный характеръ собранія. Для украшенія картины понадобились и le tigre и совершеніе преступленія на каруслѣ, между тѣмъ и тотъ и другой вымыслъ весьма далекъ отъ достовѣрности.

На дѣлѣ Шаховского можно показать, какъ недобросовѣстно комиссія, а затѣмъ Верховный Судъ строили обвиненія. Не входя въ разборъ слѣдственнаго производства, мы возьмемъ лишь мотивированный приговоръ изъ «Донесенія» Комиссіи, выбранной Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ и руководимой М. М. Сперанскимъ. Отмѣтимъ, что въ основу приговоровъ полагались краткія выписки изъ дѣла или обвинительные акты, составленные слѣдственной комиссіей. Такъ какъ Шаховской не учинилъ признанія то къ составленію приговора комиссія отнеслась еще съ большимъ вниманіемъ. Приговоръ гласитъ:

«На члена тайнаго общества, князя Шаховского, показываютъ: генералъ-маіоръ Фонвизинъ, полковникъ Александръ Муравьевъ, подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ и капитанъ Никита Муравьевъ, «что князь Шаховскій участвовалъ въ совѣщаніи 1817 года, когда Якушкинъ вызвался покуситься на жизнь покойнаго Государя».

Изъ числа сихъ четырехъ лицъ Матвѣй Муравьевъ - Апостолъ дополнилъ, «что на семъ совѣщаніи князь Шаховской предложилъ совершить покушеніе въ то время, когда Семеновскій полкъ будетъ въ каруслѣ, и что послѣ онаго его не иначе называли, какъ le tigre».

Но князь Шаховской, отвергая сіи улики, утверждаетъ, что на совѣщаніи не былъ и объ умыслахъ ничего не зналъ.

На очныхъ ставкахъ князь Шаховской остался при своихъ отзывахъ, а изъ обвинителей Фонвизинъ показалъ сими словами: что онъ не можетъ утвердительно сказать, былъ-ли князь Шаховской, при означенномъ намѣреніи, но, кажется, былъ. Полковникъ же Александръ Муравьевъ показалъ сими словами: что за долгопрошедшимъ временемъ не можетъ утвердительно сказать, былъ-ли Шаховской въ означенномъ собраніи но, кажется, былъ, а то чтобы воспользоваться для покушенія временемъ, когда Семеновскій полкъ будетъ въ каруслѣ, князь Шаховской точно говорилъ, и о семъ-же говорилъ впослѣдствіи и наединѣ; а подполковникъ Матвѣй Муравьевъ и капитанъ Никита Муравьевъ же и на очныхъ ставкахъ остались при сдѣланныхъ ими показаніяхъ».

Если мы обратимся къ слѣдственному производству, то увидимъ что показанія цитируются неполно, во вредъ подсудимому. Напримѣръ, правда, Никита Муравьевъ показалъ, что князь Шаховской находился на совѣщаніи, но онъ кромѣ того показалъ еще, что «Шаховской сильно опровергалъ сіе предложеніе и не дождавшись даже конца, оставилъ собраніе и возвратился къ себѣ на квартиру». Такое рѣшительное заявленіе о роли Шаховского уравновѣшиваетъ настойчивое показаніе Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола о покушеніи на каруслѣ и о прозвище, будто бы ему данномъ. Но и это показаніе, роковое для Шаховского, изложено совсѣмъ невѣрно. М. И. Муравьевъ показалъ, что le tigre не звали всѣ вообще, а звалъ только его братъ С. И. Муравьевъ. Но С. И. Муравьевъ рѣшительно отрицалъ, что онъ когда-либо давалъ такое прозвище. Вотъ его показаніе.

«Припоминаю теперь, что дѣйствительно А. Муравьевъ сдѣлалъ первый предложеніе на означенномъ совѣщаніи въ 1817 году, *начинать немедленно дѣйствіе*, и кажется, о покушеніи на жизнь покойнаго Государя. О дѣйствіяхъ-же кн. Шаховского, при семъ случаѣ, я, какъ ни старался, ничего припомнить не могу. Помню, что было предложено воспользоваться, для предполагаемаго дѣйствія, тѣмъ временемъ когда Семеновскій баталіонъ будетъ въ каруслѣ. Но не упомню князь ли Шаховской или другой кто, сіе предложилъ; не помню также обстоятельства, что въ разговорахъ съ братомъ называлъ я Шаховского le tigre и наконецъ позволю себѣ представить на благоразсмотрѣніе комитета что прошло уже 9-лѣтъ упоминаемому обстоятельству; что предположенное дѣйствіе было столь же мгновенно принято, какъ и отвергнуто, такъ что въ какихъ нибудь пять или шесть дней всѣ разговоры о томъ были кончены, что я въ то время былъ болѣнъ, и что жестокія страданія препятствовали мнѣ обращать большое вниманіе на все то, что было кѣмъ говорено.—И что, не помня твердо изложенныхъ въ семъ запросѣ показаній, не простительно было бы мнѣ утвердить оныя, и тѣмъ повлечь отвѣтственность кн. Шаховского».

Наконецъ, комиссія могла бы отдать должное и признаніямъ Александра Муравьева. Прежде, чѣмъ привести ихъ, нужно замѣтить, что Александръ Муравьевъ, покинувшій общество съ 1819 года, во время допросовъ, по истинѣ, впалъ въ бездну отчаянія и былъ необыкновенно жалокъ въ своихъ отвѣтахъ. Вотъ характерный отрывокъ изъ

его показанія комитету. Читатель не посѣтуетъ на нѣкоторую длинноту его, но отрывокъ этотъ освѣщаетъ роль Трубецкого и ужъ очень ярко рисуетъ картину слѣдственнаго раскаянія.

Случай, о которомъ Высочайше утвержденный комитетъ требуетъ моего показанія, слишкомъ для меня важенъ, чтобы я могъ не размыслить и не ужаснувшись неоднократно объ ономъ, донести, сколько силы памяти моей позволитъ.

И такъ, честь имѣю донести во первыхъ, что никто изъ членовъ сего преступнаго общества, никто изъ бывшихъ при семъ преступномъ разговорѣ, мнѣ не другъ, да и быть не можетъ; по причинѣ противомыслія и противочувствія нашего, а скорѣе могъ бы я называть ихъ противнымъ тому именемъ, еслибъ любовь христіанская, не воспрещала почитать кого бы то ни было за врага.—Слѣдовательно и покрывать никого, ни себя, ни другихъ не могу даже и подумать осмѣлиться. Но долгъ мой однако донести на заданные пункты.

1.

Что преступный разговоръ сей былъ общій, былъ шумный, происходилъ въ безпорядкѣ, что многіе говорили вмѣстѣ, не слушая и не выслушивая другихъ. Иной (съ позволеніемъ сказать) курилъ табакъ, другой ходилъ по комнатѣ, и проч: и потому утвердительно сказать кто именно: я, или именно другой кто, первый сдѣлалъ извѣстное предложеніе, никакъ не могу, какъ ни старался и не стараюсь объ этомъ вспомнить. Предъ Господомъ Богомъ утверждаю, что не могу вспомнить сего, уже болѣе восьми лѣтъ бывшаго. И въ семъ особенно, покорнѣйше прошу Васъ, Высочайше учрежденный комитетъ, позволить мнѣ дать присягу, дабы увѣрились вы, что я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія не сознаваться, или кого покрывать; ибо я считаю себя равно виноватымъ что могъ даже участвовать въ подобномъ гнусномъ и преступномъ разговорѣ, равно раскаиваюсь, равно помилованія прошу!—А еслибы я точно помнилъ, что я именно сдѣлалъ оное предложеніе, то повѣрьте, что при самомъ моемъ первомъ показаніи Господину Генералъ-Адъютанту Левашеву, въ томъ бы сознался;—ибо я тогда не думалъ, что посаженъ буду въ крѣпость, что ожидаетъ меня столь горькая и плачевная участь.

2.

О семеновскомъ баталіонѣ, упомянуто было; и по сему воспоминаю что Князь Ѳеодоръ Петровичъ Шаховской былъ тутъ, и сдѣлалъ сіе предложеніе. Но говорилъ ли онъ съ большимъ жаромъ нежели прочіе,—я бы солгалъ, еслибъ его въ семъ обвинилъ, впрочемъ онъ обыкновенно говоритъ громко.

Назвалъ ли его Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ (le tigre) истинно не слыхалъ; да и какъ было слышать, когда не одинъ, а нѣсколько говорили вмѣстѣ, не выслушивая другъ друга?[4]

Чтобы покончить рѣчь о недостаткахъ слѣдствія, необходимо отмѣтить, что комиссія, и Верховный Судъ совершенно забыли слѣдующее объясненіе, данное Луниным 2 мая 1826 года [1]). А между тѣмъ это былъ отвѣтъ на прямой вопросъ комитета о роли Шаховского на собраніи у Александра Муравьева.

[1]) Госуд. Арх. I В № 355 л. 23.

«Въ 1817 году я пріѣхалъ въ Москву по дѣламъ до моего имѣнія касающимся, не имѣя никакого свѣдѣнія о намѣреніи тайнаго общества посягнуть на жизнь покойнаго *Императора*. При совѣщаніи, или лучше сказать засѣданіи тайнаго общества, ибо намѣреніе сіе было принято до моего прибытія и безъ моего свѣдѣнія;—при засѣданіи по сему предмету въ моемъ присутствіи происходившемъ, находился князь Шаховской, и сколько могу припомнить, говорилъ то что ему приписываютъ; наименованія же «*le tigre*» даннаго ему по сему поводу Сергѣемъ Муравьевымъ Апостоломъ я не помню.—Но не взирая на невоздержанность рѣчей князя Шаховского, свойственное въ тогдашнее время пылкости молодыхъ его лѣтъ, я какъ въ князѣ Шаховскомъ, такъ и въ другихъ членахъ общества не примѣтилъ готовности къ исполненію предположеннаго намѣренія.—Послѣдствія оправдали мое по сему предмету мнѣніе».

VI.

Мы исчерпали всѣ данныя слѣдствія по дѣлу Шаховского. Единственный *историческій* выводъ изъ всѣхъ показаній, что Шаховской былъ на собраніи у Якушкина и находился въ возбужденномъ состояніи, какъ и всѣ присутствовавшіе. Единственный *юридическій* выводъ тотъ же: обвиненіе же въ томъ, что онъ вызвался совершить покушеніе на каруль, можетъ считаться абсолютно не доказаннымъ. А если принять во вниманіе, что слѣдствіе никакихъ дѣйствій за Шаховскимъ не открыло, что принадлежность къ Союзу Благоденствія не преслѣдовалась, что многіе вельможные люди, въ родѣ Перовскаго, Лопухина, И. Долгорукаго, бывшіе членами этого союза, не преслѣдовались, то со стороны слѣдователей и главнаго руководителя были бы справедливо совершенно освободить отъ дѣла. Но комиссія Верховнаго Уголовнаго Суда, распредѣлившая всѣхъ привлеченныхъ по разрядамъ, отнесла Шаховскаго въ восьмой разрядъ.

Чтобы осмыслить эту квалификацію, остановимся нѣсколько на очень тонкой лѣстницѣ преступленій, составленной спеціально для декабристовъ М. М. Сперанскимъ. Во всемъ дѣлѣ онъ усматривалъ одинъ главный умыселъ: *умыселъ на потрясеніе имперіи, на ниспроверженіе коренныхъ отечественныхъ законовъ, на превращеніе всего государственнаго порядка.* По средствамъ, всѣ преступленія дѣлились на три рода: 1) цареубійство, 2) бунтъ, 3) мятежъ воинскій. Каждый изъ этихъ трехъ родовъ дѣлился на виды. Шаховской оказался совершившимъ преступленіе противъ второго рода; слѣд., виновнымъ въ бунтѣ. Но этотъ родъ раздѣлялся на три вида 1) знаніе, 2) согласіе, 3) дѣятельное участіе и семь подвидовъ. Шаховскій нарушилъ шестой подвидъ и былъ признанъ виновнымъ въ «полномъ знаніи умысла на бунтъ, но безъ всякаго дѣйствія».

Всѣмъ, попавшимъ въ VIII разрядъ, было опредѣлено наказаніе: лишить чиновъ, дворянства и сослать на поселеніе. Это наказаніе, положенное разрядной комиссіей, оставлено безъ измѣненія и Верхов-

нымъ Судомъ, и Николаемъ I. Указомъ 20 августа 1826 года пожизненная ссылка замѣнена двадцатилѣтней.

VII.

27 іюля 1826 года въ сопровожденіи фельдьегеря Гейнриха и четырехъ жандармовъ Шаховской вмѣстѣ съ Заикинымъ были отправлены въ Сибирь. Заикина должны были везти въ Гижигинскъ, а Шаховскаго въ Туруханскъ. Въ архивѣ комендантскаго управленія С.-Петербургской крѣпости сохранились свѣдѣнія о деньгахъ и вещахъ кн. Шаховского. Денегъ было съ нимъ при отправленіи 480 руб. ассигнаціями. Среди бумагъ и вещей было не мало счетовъ и донесеній по имѣніямъ, и среди книгъ: «сочиненія Пушкина, Басни Крылова, хозяйственныхъ 2, о воспитаніи въ Нью Ланаркѣ, о уголовныхъ наказаніяхъ.»

Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года мы находимъ Шаховского въ Туруханскѣ. 5 октября онъ пишетъ не разъ цитированную нами записку о своемъ имущественномъ положеніи. Для характеристики его положенія приведемъ слѣдующій отрывокъ.

«Жену свою оставилъ я въ Селѣ Орѣховцѣ, въ тяжелой беременности съ мучительными припадками;—съ нею сынъ нашъ Дмитрій по 6-му году.—Если Богъ укрѣпилъ силы и сохранилъ дни ея, то въ половинѣ сего мѣсяца должна разрѣшиться отъ бремени. Но если ужасное несчастіе постигнетъ меня, и послѣдняя отрада изчезнетъ въ душѣ моей съ ея жизнью, то одно и послѣднее желаніе мое будетъ знать, что сынъ мой останется на рукахъ ея семейства, въ родѣ отца ея, князя Дмитрія Михайловича Щербатова.

Въ продолженіе пребыванія моего въ С.-Петербургѣ, сперва получалъ я письма отъ нее черезъ дежурство Главнаго Штаба, потомъ черезъ Комитетъ. О переведеніи меня въ крѣпость я не рѣшался ее увѣдомить, а послѣднія двѣ недѣли я уже, ни одного письма отъ нее не получилъ, послѣ того, которымъ я, отъ 14 іюля, увѣдомилъ ее о нашей участи, и просилъ, чтобы она, какъ можно скорѣе, распорядилась взять имѣніе мое въ Опеку, по малолѣтству нашего сына, къ которому оно переходитъ, съ тѣмъ, чтобы она была опекуншею, а отецъ ея примѣрной и строгой честности, по горячей любви своей къ внуку, не откажется быть его попечителемъ.—Сіе положеніе, горестное и сомнительное, усиливается разстояніемъ шести тысячъ верстъ отдѣляющимъ меня отъ родины и осиротѣлаго моего семейства, и мѣстомъ пребыванія моего, гдѣ кончатся всѣ сношенія и почта не останавливается за бурями, которыя во всякое время свирѣпствуетъ на рѣкѣ Енисеѣ, одно сообщеніе съ городами губерніи, изъ которыхъ ближайшій, Енисейскъ, отстоитъ на 1090 верстъ разстоянія. Въ мѣсяцъ отходитъ она одинъ разъ, но приходитъ непостоянно, и часто два мѣсяца, ожидая разлитія рѣки или зимняго пути, останавливается и такимъ образомъ прерываются всѣ сношенія».

Князь Ѳедоръ Петровичъ
ШАХОВСКОЙ.

VIII.

Ссылка совершенно подточила здоровье Шаховского и повліяла на его психику и умственныя способности. «Имъ овладѣла сильная религіозная экзальтація на нервной почвѣ, выразившаяся въ формѣ обоснованнаго на раціоналистическихъ началахъ протеста противъ господствующаго вѣроисповѣданія». [1])

Изъ Туруханска Шаховской былъ переведенъ въ Енисейскъ, а изъ Енисейска въ 1829 году былъ присланъ въ Суздальскій монастырь.

Конецъ Шаховского извѣстенъ.

П. Щеголевъ.

Декабристы. 86 портретовъ. Пояснительный біографическій текстъ П. М. Розанова. Изд. М. М. Зензинова. М. 1906. Стр. 264. Въ очеркѣ о Шаховскомъ совершенно невѣрны даты его перевода изъ Сибири и смерти.

Дознаніе о тайной типографіи „Народной Воли", обнаруженной въ Одессѣ 19 декабря 1882 г.

Хотя по имѣющимся свѣдѣніямъ, главный агентъ террористическаго кружка на югѣ, Вѣра Филиппова, вскорѣ послѣ совершенія убійства генералъ-маіора Стрѣльникова и была вынуждена, скрываясь отъ преслѣдованій, оставить Одессу, но городъ этотъ не переставалъ и послѣ ея отъѣзда служить центромъ дѣятельной противоправительственной агитаціи. Кружки соціалистическаго направленія продолжали существовать среди тамошней молодежи, сотрудниковъ мѣстныхъ газетъ и студентовъ университета и вынуждали имѣть за ними строгое наблюденіе.

Въ началѣ декабря 1882 г. было замѣчено, что нѣкоторыя лица, извѣстныя своею политическою неблагонадежностью, имѣютъ частыя сношенія съ бывшимъ поднадзорнымъ Аѳанасіемъ Спандони-Басманджи [1]), а этотъ послѣдній съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, который, въ свою очередь, водится съ лицомъ, окружающимъ себя большою таинственностью и тщательно скрывающимъ свою квартиру. Наблюденію удалось обнаружить домъ, въ которомъ проживало это лицо (Успенскій переулокъ № 8), а 9 декабря его видѣли ѣдущимъ съ вокзала желѣзной дороги и везущимъ оттуда большую плетеную корзину и сундукъ.

Съ того дня неизвѣстный сталъ проявлять еще большую осторожность и рѣже прежняго оставлять свою квартиру. Въ виду возникшаго подозрѣнія, что квартира эта служитъ для революціонныхъ цѣлей, 10 декабря онъ былъ арестованъ на улицѣ, равно какъ и упомянутый выше знакомый его, часто посѣщавшій его и Спандони. По доставленіи въ жандармское управленіе первый

[1]) *Спандони-Басманджи*, Аѳанасій, одесскій мѣщанинъ, бывшій народный учитель, родился въ 1855 г., воспитывался въ частной гимназіи Стази въ Одессѣ, но курса не окончилъ; въ 1878 г. привлекался по дѣлу о преступномъ сообществѣ, образованномъ въ Одессѣ Сергѣемъ Чубаровымъ, но за недостаткомъ уликъ освобожденъ отъ преслѣдованія; принадлежалъ къ кружку такъ называемыхъ „башенныхъ", былъ въ сношеніяхъ съ Попко, Линсубомъ и въ соціально-революціонной средѣ носилъ названіе „Грека"; въ іюлѣ 1879 г. по распоряженію временнаго одесскаго генералъ-губернатора высланъ изъ Одессы въ Восточную Сибирь и водворенъ въ г. Верхоянскѣ подъ надзоромъ полиціи; въ январѣ 1881 г. состоялось распоряженіе о возвращеніи его въ Европейскую Россію съ воспрещеніемъ жительства въ столицахъ и въ предѣлахъ Одесскаго генералъ-губернаторства и съ оставленіемъ подъ надзоромъ; поселился въ г. Кіевѣ; постановленіемъ особаго совѣщанія отъ 12 ноября 1881 г. оставленъ подъ надзоромъ полиціи еще на одинъ годъ; 9 сентября 1882 г., по истеченіи этого срока отъ надзора, освобожденъ; осенью 1882 г. переселился изъ Кіева въ Одессу.

назвался отставнымъ штабсъ-капитаномъ Сергѣемъ Дегаевымъ [1]), а второй сыномъ священника Боголѣповымъ. Впослѣдствіи задержанъ и Спандони.

Немедленно произведенъ былъ обыскъ въ квартирѣ, занимаемой Дегаевымъ подъ именемъ и по подложному виду отставного поручика Суворова. Въ квартирѣ этой задержаны двѣ женщины: Любовь Дегаева [2]), жена Сергѣя и другая, называвшаяся кухаркою Дегаевыхъ, изюмскою мѣщанкою Натальею Фисенко, а также обнаружена тайная типографія соціально-революціоннаго сообщества, именующаго себя партіею „Народная Воля". Дегаевъ и жена его не скрыли настоящаго своего имени, но мнимый Боголѣповъ оказался бѣжавшимъ въ 1878 г. изъ Холмогоръ административно-ссыльнымъ, сыномъ священника *Дмитріемъ Суровцевымъ* [3]), а мнимая Фисенко сестрою государственнаго преступника Ивана Калюжнаго, купеческою дочерью *Маріею Калюжною* [4]).

Квартира № 27 дома № 8 по Успенскому переулку, въ которой проживали Дегаевы, состоитъ изъ 5-и комнатъ, кухни и чулана. Она была наполнена типографскими принадлежностями. Шрифту найдено болѣе 12 пудовъ, изъ нихъ 9 пудовъ 24 фун. уже бывшаго въ употребленіи и 2 п. 24 ф. совершенно новаго; 5 типографскихъ кассъ, 8 предметовъ разнаго типографскаго прибора и, сверхъ того, одна жестянка съ краской, другая для отливки валика, губка, поташъ и щетка. Часть шрифта была въ наборѣ въ количествѣ 9-ти страницъ. По снятіи съ нихъ оттисковъ обнаружено, что наборъ этотъ служилъ для напечатанія возванія такъ называемаго Исполнительнаго Комитета отъ 19 марта 1882 г. по поводу убійства генералъ-маіора Стрѣльникова, счастъ программы того же комитета и нѣсколько страницъ № 8—9 „Народной Воли" отъ 24 февраля и прибавленія къ нему отъ 9-го марта 1882 г.

Кромѣ типографіи въ той же квартирѣ найдено большое количество предметовъ, служившихъ для изготовленія подложныхъ видовъ, а именно: 32 фальшивыхъ печати, вырѣзанныхъ на мѣди, оселкахъ, аспидной доскѣ и гипсовыхъ; три пакета съ марками для прописки видовъ; въ нѣсколькихъ конвертахъ болѣе ста подлинныхъ подписей должностныхъ лицъ отъ разныхъ документовъ, съ оттисками печатей различныхъ правительственныхъ учрежденій пакетъ съ надписью: „списокъ провалившихъ печатей", со спискомъ разныхъ

[1]) *Дегаевъ*, Сергѣй, сынъ статскаго совѣтника, воспитывался во 2-ой Московской гимназіи, затѣмъ въ артиллерійскомъ училищѣ; по окончаніи курса зачисленъ въ крѣпостную артиллерію; поступилъ въ Михайловскую артиллерійскую академію и отчисленъ отъ нея въ январѣ 1876 г.; съ того же времени замѣченъ въ политической неблагонадежности; въ 1880 г. уволенъ отъ службы согласно прошенію съ чиномъ штабсъ-капитана; въ январѣ 1881 г. привлекался къ дознанію о террористахъ, содержался подъ стражей, но дѣло о немъ прекращено безъ всякихъ *для* него послѣдствій.

[2]) *Дегаева*, Любовь, уроженная Иванова, дочь чиновника, родилась въ Холмогорахъ въ 1860 г.; воспитывалась и окончила курсъ въ архангельской женской гимназіи.

[3]) *Суровцевъ*, Дмитрій, сынъ священника села Верхнесысценскаго, Тотемскаго уѣзда, Вологодской губ., родился въ 1853 г.; воспитывался въ вологодской семинаріи и въ Петровской Земледѣльческой академіи, но былъ уволенъ изъ послѣдней со 2-го курса; въ маѣ 1876 г. арестованъ въ Пермской губ. и привлеченъ къ дознанію по дѣлу о преступной пропагандѣ въ г. Москвѣ и въ Вологодской губ.; въ августѣ 1877 года дѣло о немъ разрѣшено административнымъ порядкомъ и онъ по Высочайшему повелѣнію высланъ подъ надзоръ полиціи въ г. Холмогоры Архангельской губ.; бѣжалъ оттуда 14 сентября 1878 г. и съ тѣхъ поръ проживалъ нелегально.

[4]) *Калюжная*, Марія, дочь купца 2-й гильдіи, родилась въ г. Лебедянѣ Харьковской губ. въ 1865 г.; воспитывалась сначала въ 1-й харьковской женской гимназіи, съ 1880 г. въ роменской, изъ VI класса которой уволена.

мѣстъ и учрежденій; формы паспортовъ, дубликаты, вырѣзанные изъ документовъ прописки и копіи съ нихъ, наставленія о краскахъ, употребляемыхъ при прописк документовъ и проч.

Въ числѣ книгъ были почти всѣ изданія типографіи террористическаго кружка за послѣдніе годы, а также брошюры, отпечатанные за границей въ минувшемъ году, біографіи государственныхъ преступниковъ и т. п.

Изъ рукописей обращаютъ на себя вниманіе: послѣдняя программа соціально-революціоннаго сообщества; статья о дѣятельности генералъ-маіора Стрѣльникова по обнаруженію государственныхъ преступленій и о положеніи политическихъ заключенныхъ въ одесскихъ тюрьмахъ; списокъ лицамъ, привлеченнымъ къ дознанію генералъ-маіоромъ Стрѣльниковымъ; нѣсколько другихъ статей преступнаго содержанія, приготовленныхъ, повидимому, для напечатанія въ ближайшихъ листкахъ „Народной Воли"; замѣтки о пріемахъ, употребляемыхъ при печатаніи и объ обращеніи съ типографскими принадлежностями.

Наконецъ, найдены при обыскѣ и пріобщены къ дѣлу въ видѣ вещественныхъ доказательствъ: шифръ для тайной переписки, сборные печатные листки въ пользу сообщества, подлинные и подложные документы супруговъ Дегаевыхъ, разныя замѣтки, адресы, фотографіи и проч.

Въ квартирѣ Суровцева также произведенъ былъ обыскъ, при чемъ найдено два подложныхъ вида на имя сына врача Трухлисскаго и сына священника Боголѣпова и третій не вполнѣ оконченный на имя Солонцева, а также фальшивая печать ярославской городской управы, по собственному показанію Суровцева, вырѣзанная имъ самимъ. Кромѣ того: родъ дневника, веденнаго имъ съ 1880 г., замѣтка, озаглавленная: „моментальный типографщикъ"; адресъ А. К. въ Минусинскѣ Енисейской губ., означающій, по объясненію Суровцева, административно-ссыльнаго Александра Каменскаго; небольшое количество ціанистаго кали.

Дегаевъ, Суровцевъ и Спандони отказались отъ всякихъ объясненій; но Любовь Дегаева и Марія Калюжная дали весьма обстоятельныя, и какъ кажется, вполнѣ откровенныя показанія, на основаніи которыхъ настоящее дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Лѣтомъ 1881 г., вскорѣ послѣ освобожденія своего изъ подъ стражи по дѣлу о террористахъ, къ которому онъ привлекался въ качествѣ обвиняемаго, Сергѣй Дегаевъ вмѣстѣ съ своею женою отправился въ Тифлисъ, гдѣ поступилъ на службу закавказской желѣзной дороги. Туда же въ іюнѣ 1882 году прибыла Галина Чернявская, до того времени проживавшая въ Москвѣ съ Суровцевымъ въ домѣ Шильдбаха (Мясницкой части), гдѣ помѣщалась тайная типографія „Народной Воли" и съ нимъ же скрывшаяся 5-го іюня вслѣдствіе произведенныхъ въ этотъ день въ Москвѣ арестовъ. Въ Тифлисѣ Чернявская поселилась въ томъ же домѣ, гдѣ жили Дегаевы, назвалась Еленой Ивановой Дубенской, но квартирной хозяйкѣ своей была извѣстна подъ именемъ Ивановой. Съ нею, съ офицеромъ Антоновымъ, а также съ третьимъ неизвѣстнымъ лицомъ, уѣхавшимъ, какъ показываетъ Дегаева, учителемъ въ Владикавказѣ, совѣтовался Дегаевъ о задуманномъ имъ ограбленіи государственнаго казначейства. Планъ этотъ былъ одобренъ всѣми названными лицами, но для осуществленія его у нихъ не хватило силъ и средствъ, а потому Чернявская отправилась въ Харьковъ сообщить о немъ находившейся въ этомъ городѣ Вѣрѣ Филипповой и переговорить съ ней о приведеніи его въ исполненіе

Чернявская выѣхала изъ Тифлиса въ концѣ августа 1882 г. и возвратилась туда въ началѣ сентября, а 22-го того же мѣсяца снова выбыла въ Харьковъ, взявъ съ собою и полуторагодичную дочь свою Ольгу. Вмѣстѣ съ нею поѣхали и супруги Дегаевы.

Въ Харьковѣ скрывалась отъ преслѣдованія Вѣра Филиппова. Прибывшая въ этотъ городъ во второй половинѣ сентября 1882 г. Марія Калюжная встрѣтила ее у подруги своей Ольги Степановой вмѣстѣ съ матерью, жившею въ домѣ дѣда, отставного генералъ-лейтенанта Павла Гелькъ. Вѣра Филиппова посѣщала этотъ домъ подъ именемъ „Елизаветы Петровны". Узнавъ, что она принадлежитъ къ соціально-революціонному сообществу, Калюжная послѣ третьяго или четвертаго свиданія заявила ей желаніе принять активное участіе въ революціонныхъ предпріятіяхъ и, по собственному выраженію, предложила ей свои услуги „на всякое дѣло". Это, объяснила Калюжная, значило, что она обязывалась не отказываться отъ какого бы то ни было порученія, такъ называемаго, Исполнительнаго Комитета. Филиппова пригласила Калюжную оставить домъ Степановыхъ, гдѣ та было пріютилась, и нанять себѣ квартиру и съ этого времени стала снабжать ее матеріальными средствами. Калюжная поселилась сначала по Клочковой улицѣ въ домѣ № 69 и прожила тамъ до 10 ноября, а потомъ переѣхала въ Нѣмецкую улицу № 69, гдѣ оставалась до 30 ноября. На обѣихъ квартирахъ посѣщали ее Филиппова, Ольга Степанова и сестра казненнаго государственнаго преступника Настасья Осинская. Филиппова иногда ночевала у Калюжной, такъ какъ сама не имѣла постоянной квартиры въ Харьковѣ. Съ Осинскою же Калюжная познакомилась у трехъ акушерокъ: Маріи Гулевой, Софіи Цейтлинъ и Ульяны Освадуровой, жившихъ по Клочковой улицѣ въ домѣ № 45, съ которыми свела ее Степанова. Филиппова по словамъ Калюжной съ этими акушерками знакома не была.

Между тѣмъ въ концѣ сентября прибыли въ Харьковъ супруги Дегаевы и Чернявская. Дегаевъ долженъ былъ отсюда ѣхать въ С.-Петербургъ, отвезя предварительно жену къ сестрѣ своей Натальѣ Маклецовой, женѣ механика пивоваренаго завода въ селѣ Троицкомъ, Бѣлгородскаго уѣзда, Курской губ. Дегаева ждала мужа въ Харьковѣ, на вокзалѣ желѣзной дороги. Вѣра Филиппова пріѣхала на вокзалъ и привезла два письма, которыя вручила Дегаевой для передачи мужу. Оба письма были адресованы въ С.-Петербургъ.

Оставивъ жену у сестры, въ селѣ Троицкомъ, Дегаевъ уѣхалъ обратно въ Харьковъ. Въ то же время, какъ узнала впослѣдствіи Дегаева, Чернявская отвезла дочь свою къ сестрѣ, учительницѣ въ Екатеринославской губ., а сама возвратилась на Кавказъ, гдѣ должна была руководить задуманнымъ ограбленіемъ горійскаго казначейства. Для этой цѣли по распоряженію Филипповой имѣлъ быть командированъ въ Гори молодой человѣкъ, который при посредствѣ знакомыхъ Дегаева долженъ былъ сначала получить мѣсто писца въ городской управѣ, затѣмъ перейти въ казначейство и, выбравъ удобную ночь, опоить караульныхъ солдатъ водкою съ примѣсью усыпляющаго вещества и, когда они уснутъ, разбить кладовую и похитить хранившіяся въ ней суммы.

22 ноября Дегаевъ пріѣхалъ къ женѣ въ село Троицкое и предложилъ ей отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ Одессу для открытія тамъ тайной типографіи. Дня черезъ два оба прибыли въ Харьковъ.

Еще въ октябрѣ Филиппова предлагала Калюжной принять на себя обязанность служанки въ квартирѣ, гдѣ должна была помѣщаться тайная

типографія. 24 ноября Филиппова дважды посѣтила ее, сначала съ Дегаевымъ, а потомъ и съ его женою. Въ оба раза рѣчь шла объ устройствѣ тайной типографіи въ Одессѣ.

Въ Харьковѣ къ супругамъ Дегаевымъ присоединился Суровцевъ и всѣ трое выѣхали въ Одессу, куда прибыли 26 ноября. Дегаевы остановились въ центральной гостиницѣ по подложному виду на имя супруговъ Суворовыхъ. Подъ тѣмъ же именемъ переѣхали они въ декабрѣ на квартиру въ Успенскомъ переулкѣ.

30 ноября выѣхала изъ Харькова въ Одессу Марія Калюжная. Филиппова снабдила ее подложнымъ видомъ на имя Наталіи Фисенко и въ то же время просила оставить ей адресъ, по которому могли бы быть посылаемы къ ней письма изъ Одессы. Калюжная дала ей адресъ подруги своей Софіи Сенявиной, которая должна была передавать эти письма Ольгѣ Степановой для доставленія Филипповой. Прибывъ въ Одессу 2-го декабря Калюжная три дня прожила въ гостиницѣ Санъ-Суси, дважды видѣлась съ Дегаевымъ въ Александровскомъ паркѣ и на Ришельевской улицѣ, а 5-го числа перебралась на квартиру его въ Успенскомъ переулкѣ.

Въ это время тайная типографія еще не была доставлена въ Одессу. Въ ожиданіи ея жильцы дома № 8, а также ежедневно приходившій къ нимъ Суровцевъ занимались приведеніемъ въ порядокъ типографскихъ кассъ.

Типографія должна была быть прислана изъ Москвы. Накладную на ея полученіе передалъ Дегаеву Спандони, а съ вокзала привезъ ее Суровцевъ, еще ранѣе принесшій въ конспиративную квартиру до пяти пудовъ шрифту небольшими пачками въ карманахъ и узлахъ. Тогда всѣ занялись разборомъ шрифта.

Суровцевъ собирался тайно переѣхать на квартиру Дегаевыхъ, но отказался отъ этого намѣренія, такъ какъ признано было нужнымъ вызвать изъ Харькова еще одно лицо въ помощь одесскимъ заговорщикамъ и помѣстить его въ той же квартирѣ. Дегаевъ высказывалъ предположеніе, что прислана будетъ либо Настасья Осинская, либо дѣвушка, которую онъ называлъ Марусею.

15 декабря посѣтилъ Дегаевыхъ Спандони, котораго всѣ называли „Александромъ Петровичемъ“ и долго совѣщался съ ними объ устройствѣ типографія. Два дня спустя, т. е. наканунѣ дня ареста онъ возвратился къ нимъ съ письмомъ отъ Вѣры Филипповой, извѣщавшей, что въ Одессу отправлено до 40 пудовъ шрифту, одна часть котораго назначалась для Дегаевыхъ, а другая для устройства второй тайной типографіи. Спандони разсказалъ, что писалъ Филипповой о необходимости поспѣшить отправленіемъ въ Одессу хозяина и хозяйки этой новой типографіи, но кто они были, и гдѣ имѣла быть помѣщена самая типографія—осталось неизвѣстнымъ. На слѣдующій же день, т. е. 18 декабря послѣдовалъ арестъ всѣхъ заговорщиковъ и обыскъ въ конспиративной ихъ квартирѣ.

Дознаніе о дочери инженера Ольгѣ Любатовичъ и о бывшемъ студентѣ Новороссійскаго университета Герасимѣ Романенко, обвиняемыхъ въ принадлежности къ террористической фракціи соціально-революціоннаго общества.

Арестъ Ольги Любатовичъ.

6-го ноября 1881 г. въ Москвѣ, въ Grand Hôtel подъ именемъ Маріи Святской задержана государственная преступница Ольга Любатовичъ.

Прошлое ея.

Дочь служившаго въ Москвѣ инженера путей сообщенія, Ольга Любатовичъ, будучи 17 лѣтъ отъ роду, въ 1871 г. отправилась въ Швейцарію, гдѣ слушала курсъ медицины въ цюрихскомъ университетѣ. По возвращеніи въ Россію она поступила простою работницею на бумагопрядильную фабрику въ окрестностяхъ Москвы и распространяла среди рабочихъ соціалистическія ученія. Арестованная въ 1875 г. она три года просидѣла въ тюрьмѣ, а въ 1877 г., по осужденіи ея судомъ, выслана была въ Сибирь и водворена въ Тобольской губ. Въ іюлѣ 1878 г. она бѣжала съ мѣста ссылки за-границу, а вслѣдъ за распаденіемъ соціалистическаго сообщества на группы террористовъ и народниковъ, появилась въ Россіи, какъ членъ первой изъ этихъ группъ и какъ лицо, близкое къ Николаю Морозову, выбранному на Липецкомъ съѣздѣ редакторомъ обозрѣнія „Народная Воля“. Осенью 1880 г., проживая съ нимъ въ С.-Петербургѣ на одной квартирѣ подъ именемъ супруговъ Хитрово, она была заподозрѣна полиціею и въ ноябрѣ того же года вмѣстѣ съ Морозовымъ подвергнута домашнему аресту, но оба успѣли скрыться.

Любатовичъ время съ февраля 1880 г. по май 1881 г. провела за-границей, возвратившись въ С.-Петербургъ проживала въ селѣ Исаковкѣ, находящемся за Охтою, подъ именемъ Ольги Дорошенко и была въ частныхъ сношеніяхъ съ арестованной 5-го сентября государственной преступницей Татьяной Лебедевой. Въ половинѣ октября она выбыла въ Москву, гдѣ и была арестована.

Письма Николая Морозова.

При произведенномъ на квартирѣ ея обыскѣ въ числѣ прочихъ бумагъ найдено было нѣсколько писемъ, частью зашифрованныхъ, оказавшихся писанными къ ней содержавшимся въ то время въ С.П.Б. Домѣ Предварительнаго Заключенія государственнымъ преступникомъ Николаемъ *Морозовымъ*.

Въ первомъ письмѣ Морозовъ пишетъ, между прочимъ: „Наша жизнь еще нужна. Отдадимъ ее на мщеніе врагамъ. Не давай тоскѣ овладѣвать тобой, работай больше, какъ можно больше. Это облегчитъ тебя. Заводи сношенія, организуй партію въ ожиданіи меня. Помни, что теперь ты

одна представительница терроризма и на тебѣ лежитъ обязанность не дать ему заглохнуть. Работой же для него. Умереть теперь было бы малодушно. Обо мнѣ не безпокойся. Я объщалъ тебѣ и сумѣю выпутаться теперь или послѣ суда. Вѣрь этому. Что я умру—невѣроятно; теперь, къ сожалѣнію, очень многіе опаснѣе меня".

Та же увѣренность выражается Морозовымъ и во второмъ письмѣ: „Едва ли я умру", пишетъ онъ. „Къ сожалѣнію теперь здѣсь много людей хуже меня". Далѣе, отвѣчая вѣроятно на заданный ему вопросъ, Морозовъ объясняетъ: „мнѣ кажется, инсуррекція—явленіе стихійное и какъ ученымъ со всѣми ихъ физическими приборами не вызвать бури въ природѣ, такъ и нашей интеллигенціи не вызвать инсуррекціи въ народѣ, если она не должна въ данный моментъ произойти сама".

Въ прежнемъ письмѣ Морозовъ убѣждаетъ Любатовичъ удалиться на время за-границу. „Нельзя ли устроить это, право?" спрашиваетъ онъ. „Едва ли тебѣ возможно при настоящихъ условіяхъ создать компанію; лучше переждать, чтобы сдѣлать дѣло хорошо. Я хочу выпутаться самъ".

Показанія Любатовичъ на допросѣ.

На допросѣ Ольга Любатовичъ старалась извратить смыслъ тѣхъ выраженій писемъ Морозова, изъ которыхъ можно было заключить о вѣроятномъ разстройствѣ соціально-революціоннаго сообщества, какъ послѣдствія задержанія главнѣйшихъ его руководителей. Она увѣряла, что выраженное Морозовымъ сомнѣніе въ возможности для нея „при настоящихъ условіяхъ создать компанію" является лишь отвѣтомъ на заявленное ею желаніе „образовать новую организацію, задающуюся исключительно цѣлями систематическаго террора". По поводу напоминанія Морозова: „помни, что теперь ты одна представительница терроризма", Любатовичъ вошла въ подробныя объясненія. „Подъ словомъ „терроризмъ",—показала она,—„авторъ письма подразумѣвалъ систематическій терроръ, теорія котораго отчасти расходится съ программой Исполнительнаго Комитета. Въ то время, когда было писано упомянутое письмо, очень немногіе изъ членовъ Исполнительнаго Комитета и партіи „Народной Воли" раздѣляли теорію систематическаго террора; вотъ почему я, расходясь съ большинствомъ во взглядахъ, какъ на способъ ближайшей революціонной дѣятельности, такъ и на принципы организаціи, вышла изъ членовъ Исполнительнаго Комитета и задумала создать новую организацію террористовъ, сплотивъ единомышляющіе со мной элементы, остававшіеся до тѣхъ поръ разрозненными. Поступая подобнымъ образомъ, я думала, что принесу наибольшую пользу тому великому революціонному дѣлу, во имя котораго вотъ уже два года работаетъ наша революціонная партія и во главѣ ея эта сильная организація, носящая названіе „Исполнительнаго Комитета". Только потому рѣшилась я выйти изъ этой организаціи и создать самостоятельную группу, что, по моему мнѣнію, это способствовало бы расширенію революціонныхъ силъ и болѣе наглядно содѣйствовало бы выясненію и систематизаціи практическихъ задачъ партіи". Итакъ, выйдя изъ организаціи, я намѣревалась, конечно, не вредить моимъ старымъ товарищамъ, а, напротивъ, идти рука объ руку съ ними къ одной и той же дорогой для всѣхъ насъ цѣли".

Высказанное Морозовымъ мнѣніе объ инсуррекціи, по увѣренію Любатовичъ, послѣдовало вслѣдствіе сообщеннаго ему предположенія, „воспользоваться

можными еврейскими безпорядками для возбужденія общаго возстанія въ народѣ во имя ближайшихъ экономическихъ его требованій".

Арестъ Герасима Романенко.

По задержаніи Любатовичъ за квартирою ея въ Москвѣ установлено было наблюденіе и въ тотъ же день арестованъ заѣзжій навѣстить ее молодой человѣкъ, назвавшійся дворяниномъ Иваномъ Петровымъ. На немъ найдено: записная книжка, рукопись на 10-ти почтовыхъ листахъ малаго формата, заключающая въ себѣ біографію государственнаго преступника Желябова и печатный листокъ подъ № 51 добровольнаго сбора въ пользу редакціи „Народной Воли", покрытый значительнымъ числомъ подписей жертвователей подъ разными прозвищами.

Дознаніемъ обнаружено, что означенный молодой человѣкъ проживалъ въ Большой Московской гостиницѣ съ 25 октября 1881 г. по паспорту на имя дворянина Алексѣя Зимина, но что онъ въ дѣйствительности сынъ земледѣльца Бессарабской губ., бывшій студентъ Новороссійскаго университета Герасимъ Романенко. Перевезенный въ С.-Петербургъ, Романенко при допросѣ далъ пространное и обстоятельное показаніе.

Показаніе Романенко на допросѣ.

Родился онъ въ селѣ Карьянкѣ, Бессарабской губерніи, Оргѣевскаго уѣзда въ 1860 г.; воспитывался сначала во французскомъ пансіонѣ Бюссара, потомъ въ кишиневской гимназіи, а по окончаніи въ ней курса съ золотой медалью въ 1872 г. поступилъ въ Новороссійскій университетъ; въ 1875 и 1877 гг. ѣздилъ за-границу для излеченія болѣзни, проживалъ въ Италіи и преимущественно въ Швейцаріи, гдѣ свелъ знакомство съ нѣкоторыми русскими эмигрантами; по возвращеніи въ Одессу въ іюнѣ 1878 г. образовалъ кружокъ студентовъ Новороссійскаго университета, собиралъ ихъ на сходки и былъ близко знакомъ съ проживавшимъ въ то время въ Одессѣ подъ именемъ Сидоренко государственнымъ преступникомъ Колодкевичемъ. Въ показаніи своемъ Гольденбергъ, между прочимъ, упоминаетъ и о знакомствѣ съ Романенко, котораго встрѣчалъ у Колодкевича.

Въ концѣ 1879 года Романенко снова отправился въ Италію, а въ августѣ 1880 г. переселился въ Швейцарію, гдѣ и узналъ объ оговорѣ Гольденберга. Въ Женевѣ онъ снова сошелся съ русскими эмигрантами и въ особенности сблизился съ однимъ изъ нихъ, принадлежащимъ къ партіи народниковъ, съ которымъ выработалъ: „программу общественной организаціи, направленной къ смыслѣ требованія отъ правительства преобразованій". Организацію эту онъ намѣревался предложить на обсужденіе партіи „Народной Воли" и въ случаѣ согласія ея—войти въ сношенія съ Исполнительнымъ Комитетомъ, въ противномъ же случаѣ вести дѣло независимо отъ него вмѣстѣ съ общественниками [1]).

Съ этой цѣлью въ іюнѣ 1881 г. Романенко возвратился въ Россію подъ чужимъ именемъ и тотчасъ же вступилъ въ сношенія съ руководителями „На-

[1]) Въ отобранныхъ у Романенко бумагахъ встрѣчаются указанія на организацію новаго учрежденія, входящаго въ составъ общей организаціи „Народной Воли".

родной Воли". Онъ выразилъ имъ желаніе стать къ террористической организаціи въ такіе отношенія, которыя не лишили бы его извѣстной доли свободы въ дѣйствіяхъ. Изъ объясненія Ромашенко слѣдуетъ заключить, что онъ примкнулъ къ той группѣ членовъ соціально-революціоннаго сообщества, которая занимается литературнымъ дѣломъ. Здѣсь поэтому представляется умѣстнымъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности подпольной печати за разсматриваемый періодъ времени.

Объявленіе отъ общества «Краснаго Креста» «Народной Воли».

Въ № 7-мъ „Народной Воли" (23 дек. 1881 г.) напечатано объявленіе отъ имени Центральнаго Управленія общества Краснаго Креста. Въ объявленіи этомъ объясняется, что цѣль вышеуказаннаго общества состоитъ „въ оказаніи матеріальной и нравственной поддержки всѣмъ лицамъ, подвергшимся гоненію за свободу мысли и совѣсти".

Объявленіе Исполнительнаго Комитета.

Кромѣ вышеупомянутаго объявленія, такъ называемый Исполнительный Комитетъ издалъ еще бы два другихъ, помѣченныхъ 22 ноября 1881 г. Въ первомъ заявляется, „что покушеніе Санковскаго на жизнь начальника полиціи (онъ же и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ) Черевина произведено помимо всякаго со стороны Комитета вѣдѣнія и участія". Во второмъ заключается протестъ противъ распространившагося въ обществѣ слуха, будто 300 тысячъ рублей похищены изъ кассы московскаго воспитательнаго дома агентами Комитета для цѣлей сообщества. Оба послѣднія объявленія перепечатаны въ въ томъ же № 7 „Народной Воли".

№ 7 «Народной Воли».

Передовая статья этого выпуска посвящена полемикѣ съ заявленіемъ „русскаго гостя" изъ партіи народниковъ на послѣднемъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Хуръ. За нею помѣщенъ отчетъ засѣданій конгресса. Въ статьѣ, озаглавленной „Единеніе власти съ землею", обсуждаются правительственныя распоряженія по питейному и переселенческому вопросамъ. Далѣе напечатана противоправительственная рѣчь, произнесенная на одномъ изъ губернскихъ земскихъ собраній, а также одно административное распоряженіе. Слѣдуютъ корреспонденціи и, наконецъ, отчетъ о поступившихъ въ кассу сообщества денежныхъ суммахъ.

№ 6 «Зерна» и № 3 «Рабочей газеты».

Кромѣ этого выпуска „Народной Воли" 10-го ноября 1881 г. появился № 6 „Зерна", рабочаго листка, издаваемаго народниками, а 8-го декабря № 3-й „Рабочей Газеты", органа партіи „Народной Воли".

Возваніе къ студентамъ отъ Центральнаго кружка С.П.Б. университета.

Въ типографіи послѣдней напечатано также помѣченное 25 окт. 1881 г. возваніе къ студентамъ отъ центральнаго кружка С.П.Б. университета. „Не-

обходимо", говорится въ этомъ возваніи, „внести единство и систему въ дѣйствія студентовъ, организація, объединеніе которыхъ являются дѣломъ первостепенной важности" и студенты приглашаются сплотиться въ опредѣленныя группы. „Только выступивъ какъ организованная сила съ опредѣленной программой студенчество наше"—такъ заключается возваніе—„можетъ претендовать на видное общественное значеніе".

Памяти гр. П. А. Гейдена.

Я въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ часто встрѣчался на общественномъ поприщѣ съ покойнымъ гр. Гейденомъ. Это обстоятельство обязываетъ меня присоединить къ появившимся уже о немъ статьямъ и свои воспоминанія и наблюденія, чтобы облегчить, по мѣрѣ силъ, работу будущаго его біографа, а также и работу историка нашего времени, которому нельзя будетъ миновать личности гр. Гейдена, крайне интересной и характерной среди совокупности явленій послѣднихъ десятилѣтій.

Мое первое знакомство съ покойнымъ графомъ было во время самой мрачной реакціи, царившей въ Россіи. Знакомство наше вышло уморительное и дало Петру Александровичу возможность проявить тотъ юморъ, который былъ такъ знакомъ и знавшимъ его въ частной жизни, и слышавшимъ его въ Государственной Думѣ.

Это было зимой 1892 года въ Самарѣ, во время свирѣпствовавшаго тогда голода послѣ неурожая 1891 года. Я организовывалъ въ уѣздѣ работу санитарно-продовольственныхъ отрядовъ, впервые тогда устроенныхъ на частныя средства. Въ Самару я періодически пріѣзжалъ для закупки продуктовъ и медикаментовъ, а также для улаживанія съ администраціей недоразумѣній, возникавшихъ уже тогда между медицинскимъ персоналомъ и полиціей. Въ Самарѣ жилъ и мой братъ, завѣдывавшій тамъ общественными работами. Однажды мы узнали, что въ той гостиницѣ, гдѣ мы стояли, остановились два англійскихъ квакера—мистеръ Джонсъ и мистеръ Бруксъ, привезшіе съ собой нѣсколько сотъ тысячъ рублей и посѣщающіе голодныя губерніи, чтобы передать эти собранныя въ Англіи деньги въ частныя руки и организаціи. Ихъ сопровождалъ гр. Гейденъ, къ которому они обратились въ Петербургѣ, когда искали себѣ честнаго и безпристрастнаго посредника. Когда я утромъ вошелъ въ общую залу, гдѣ они пили чай, чтобы познакомиться съ ними, я увидѣлъ одного господина чернаго—постарѣй, и другого рыжаго—помоложе, оба были съ окладистыми бородами, съ усами и вообще самаго космополитическаго вида. Только третій съ длинной сѣдой бородкой, съ бритыми усами и характернымъ профилемъ, сразу бросался въ глаза своимъ видомъ, не то англичанина, не то голландца. Вотъ этотъ ужъ навѣрно квакеръ, подумалъ я, направился къ нему, представился и спросилъ его по-англійски, понимаетъ ли онъ по-русски. И каково было мое удивленіе, когда я услышалъ въ отвѣтъ, на чисто русскомъ языкѣ съ особенной свойственной покойному графу заминкой: «по-русски то я понимаю отлично, а вотъ по-англійски не совсѣмъ». Мы скоро сошлись съ нимъ и много смѣялись надъ моей ошибкой, каковая, по его словамъ, случилась съ нимъ и въ другомъ городѣ.

Мы совершили потомъ поѣздку въ самый отдаленный Богульминскій уѣздъ, при чемъ цѣлыя версты пришлось ѣхать по вырытымъ въ снѣгу, какъ коридоры, траншеямъ, стѣны которыхъ порой достигали до 5 аршинъ вышины. Это были своеобразныя общественныя работы, которыя якобы имѣли цѣлью сравнять ухабы на большой транспортной дорогѣ, отъ желѣзной дороги до Бугульмы, по которой двигались безконечные транспорты продовольственнаго хлѣба и яровыхъ сѣмянъ. Главнымъ же образомъ это имѣло цѣлью доставить всѣмъ доступный заработокъ на мѣстахъ для той части взрослаго населенія, которая по закону не пользовалась продовольственной помощью. Разумѣется, эти переѣзды въ 50—60 верстъ среди снѣговъ, а затѣмъ и посѣщеніе зарытыхъ въ снѣгу деревушекъ съ жалкими, темными, часто курными избами, отапливающимися смрадными кизяками, съ разобранными соломенными крышами, съ голоднымъ изнуреннымъ населеніемъ, болѣющимъ цѣлыми селеніями тифомъ и цынгой,—вызывали изумленіе англичанъ.

Мнѣ они оставили также нѣсколько тысячъ рублей, что было очень кстати, т. к. нужды было неисчерпаемое море, а частныя средства ограниченны.

Въ Петербургѣ мнѣ приходилось встрѣчаться съ гр. Петромъ Александровичемъ въ Вольно-Экономическомъ обществѣ, президентомъ котораго онъ состоялъ. Времена были трудныя: внутри общества шла ожесточенная борьба между марксистами и народниками,—извнѣ былъ натискъ реакціи, косившейся на вѣковыя привилегіи общества. Только тактъ и идейное упорство графа могли провести Вольно-Экономическое общество въ теченіе стольнихъ лѣтъ между Сциллой внутреннихъ треній и Харибдой репрессій. Тогда на сцену выступалъ русскій марксизмъ съ его молодыми крайностями, и Гейдену,—старому земцу,—приходилось нерѣдко отстаивать любимое имъ земское дѣло не только,—выражаясь въ современныхъ терминахъ,—«справа», но и «слѣва». Помню я напр., одно продовольственное совѣщаніе въ Вольно-Экономическомъ обществѣ, на которое были приглашены земцы со всѣхъ концовъ Россіи, для сообщенія фактическихъ свѣдѣній и цифровыхъ данныхъ. Каково же было наше удивленіе, когда мы, услышали, какъ какой-то молодой человѣкъ, съ еле пробившейся бородкой, обругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ земство и земцевъ, сказавъ, что это никуда негодное учрежденіе, что слушать земцевъ даже не стоитъ, что деревня съ ея буржуазными интересами слишкомъ много отвлекаетъ вниманія отъ города и фабрики и т. д. Къ несчастію, теперешняя фаза земства, какъ бы оправдываетъ крайности молодого оратора. Но тогда какъ разъ земство было однимъ изъ немногихъ очаговъ, въ которыхъ теплилась русская общественность; благодаря своей организаціи, оно

должно было въ ближайшемъ будущемъ сыграть видную роль въ общей волнѣ освободительнаго движенія. Понятно, что гр. Гейденъ, самъ давнишній земецъ и носитель лучшихъ его традицій, могъ лишь отрицательно относиться къ такому огульному осужденію земства. И не мало усилій стоило ему, а также и почтенному Н. Ѳ. Анненскому, котораго ужъ никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ «господскому» земству, чтобы сгладить всю шероховатость этого выступленія. Такія сцены только подтверждаютъ въ моихъ глазахъ разсказы тогдашнихъ членовъ Вольно-Экономическаго общества, и прежде всего самаго гр. Петра Александровича о его постоянныхъ дипломатическихъ шагахъ внутри общества и въ переговорахъ съ министромъ земледѣлія Ермоловымъ, въ вѣдѣніи котораго оно числилось. Къ несчастію, слишкомъ малое время, отдѣляющее насъ отъ этихъ дней, не позволяетъ передать нѣкоторые удивительные по своему трагикомизму разсказы графа Гейдена про ослѣпленное доктринерство одной стороны и жалкое малодушіе и даже двоедушіе другой.

Убѣжденная терпимость ко взглядамъ имъ не раздѣляемымъ была отличительной чертой покойнаго графа, и она-то очевидно и помогала ему примирять и спаивать самыя непримиримыя теченія въ Вольно-Экономическомъ обществѣ. Кромѣ того его благородная и правдивая натура и природное добродушіе побѣждали самыхъ крайнихъ и недовѣрчивыхъ радикаловъ.

Наиболѣе краснорѣчивымъ подтвержденіемъ этого были послѣдніе выборы его въ президенты, на которые я въ качествѣ члена общества былъ вызванъ. Выборы эти имѣли по тому времени важное политическое значеніе, т. к. министерство земледѣлія мобилизовало всѣхъ чиновныхъ и реакціонныхъ членовъ общества и выдвинуло своего офиціальнаго кандидата на должность президента. Но и другая сторона не дремала и всѣ общественные и передовые элементы объединились вокругъ гр. Гейдена. Многіе члены пріѣхали на выборы изъ провинціи. Въ результатѣ выборовъ президентомъ оказался гр. Гейденъ, при чемъ онъ прошелъ такимъ значительнымъ большинствомъ, что можно было предполагать, что многіе изъ петербургскихъ чиновниковъ при закрытомъ голосованіи баллотировали за прогрессивнаго кандидата.

Такимъ образомъ при тогдашней группировкѣ оппозиціи гр. Гейденъ какъ бы объединялъ и представлялъ собой лѣвое крыло общественныхъ теченій. Какимъ же образомъ онъ очутился почти на правомъ крылѣ перваго народнаго представительства? Есть ли это своего рода оптическій обманъ или произошла какая либо передвижка, измѣнившая взаимоотношенія оппозиціонныхъ силъ страны?

Для выясненія этого прослѣдимъ роль гр. Гейдена на общественныхъ съѣздахъ, происходившихъ въ концѣ девяностыхъ годовъ и, главнымъ образомъ, въ началѣ текущаго десятилѣтія, тѣхъ съѣздовъ, которые сыграли въ нѣкоторомъ родѣ роль Vorparlament'овъ. На всероссійскомъ кустарномъ съѣздѣ графъ Петръ Александровичъ былъ выбранъ въ предсѣдатели главной общей секціи, засѣданія которой были наиболѣе многолюдны. Я лично почти не бывалъ на засѣданіяхъ этой секціи,

т. к. мнѣ пришлось заниматься по другимъ болѣе спеціальнымъ секціямъ, но за то почти ежедневно у насъ были съ гр. Гейденомъ и съ представителями министерства земледѣлія организаціонныя засѣданія, въ которыхъ онъ проявлялъ замѣчательный тактъ и дипломатическій талантъ, но при этомъ безъ помощи хитрости и уловокъ, а исключительно добродушной прямотой.

Что касается до земскихъ съѣздовъ, постояннымъ участникомъ и членомъ бюро которыхъ состоялъ гр. Гейденъ, то мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться на первомъ же съѣздѣ губернскихъ предсѣдателей управъ, созванномъ по иниціативѣ Д. И. Шипова въ Нижнемъ-Новгородѣ во время бывшей тамъ 1895 году выставки. Изъ предсѣдателей губернскихъ управъ было всего 4 или 5 человѣкъ, въ томъ числѣ я и гр. Гейденъ, приведшій на совѣщаніе двухъ представителей министерства финансовъ, которые оффиціально по порученію министра просили предсѣдателей губернскихъ управъ объяснить имъ причину, почему такъ плохо подвигаются оцѣночныя работы. Изъ очень интересныхъ свѣдѣній, данныхъ почти всѣми предсѣдателями, явствовало, что работа затормазилась вслѣдствіе препятствій, чинимыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. И вотъ теперь прошло съ тѣхъ поръ уже 12 лѣтъ, а «возъ и нынѣ тамъ». Интересно, что и по этому самому съѣзду, какъ бы оффиціально признанному министерствомъ финансовъ фактомъ обращенія къ нему, министерство внутреннихъ дѣлъ производило затѣмъ разслѣдованіе и пыталось воспрепятствовать повторенію его. Съѣздъ этотъ былъ зачаткомъ организаціи земскихъ съѣздовъ.

Когда въ 1903—05 годахъ земскіе съѣзды разрослись и были уже не частными совѣщаніями въ квартирѣ Д. И. Шипова или въ московской гостиницѣ Эрмитажъ, а могучей организаціей, изъ нѣсколькихъ сотъ представителей болѣе или менѣе правильно выбранныхъ отъ земствъ и городовъ, и съ постояннымъ бюро въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, то гр. Гейденъ неизмѣнно выбирался ихъ предсѣдателемъ [1]).

Такъ какъ эти съѣзды имѣли тогда несомнѣнно важное политическое значеніе, то фактъ этотъ нельзя объяснить одними лишь техническими качествами предсѣдательствованія графа. Хотя онъ былъ дѣйствительно хорошимъ предсѣдателемъ и производилъ своего рода обаятельное впечатлѣніе на членовъ съѣздовъ, но очевидно что для своихъ выборовъ онъ долженъ былъ занимать центральную позицію среди составлявшихъ съѣзды элементовъ, которые не оформились тогда еще въ опредѣленныя партіи.

Большинство участниковъ съѣздовъ вошло впослѣдствіи въ составъ конституціонно-демократической партіи, меньшинство составило

[1]) Здѣсь невольно вспоминается объясненіе гр. Гейдена, въ качествѣ предсѣдателя, съ лишившимся на засѣданіе съѣзда въ Москвѣ приставомъ Носковымъ, который былъ командированъ съ тѣмъ чтобы разогнать съѣздъ. Картина, когда является въ дверяхъ переполненной залы Носковъ и вставшій графъ Петръ Александровичъ за предсѣдательскимъ столомъ въ полъ оборота объясняется съ нимъ, была очень удачно схвачена фотографомъ на моментальномъ снимкѣ и затѣмъ фигурировала во многихъ иностранныхъ журналахъ.

ядро октябристовъ. Болѣе лѣвые элементы въ организаціи земскихъ съѣздовъ отсутствовали, единичные же правые, представлявшіе изъ себя зародышъ господствующаго теперь въ земствѣ классового сословнаго направленія, въ лицѣ нѣкоторыхъ курянъ, демонстративно и мотивированно покинули одно изъ засѣданій съѣзда.

Но еще ближе, еще интимнѣе, чѣмъ на земскихъ съѣздахъ и въ засѣданіяхъ ихъ центральнаго бюро, мнѣ пришлось сойтись съ гр. Гейденомъ въ образовавшемся въ Москвѣ, одновременно со съѣздами, кружкѣ «Бесѣда». Кружокъ этотъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ земцевъ,—многіе изъ его состава входили въ бюро съѣздовъ и земскихъ организацій,—не имѣлъ прямой организаціонной связи со съѣздами, и тѣмъ не менѣе вліялъ на ходъ работъ и физіономію съѣздовъ. Въ этомъ кружкѣ, собиравшемся въ Москвѣ въ теченіе семи лѣтъ, раза 4 или 5 въ годъ и состоявшемъ подъ конецъ изъ 45 лицъ, съѣзжавшихся со всѣхъ концовъ Россіи, шла предварительная разработка нѣкоторыхъ политическихъ вопросовъ обсуждалась тактика данной минуты, происходило сближеніе и отчасти политическое воспитаніе лицъ, ставшихъ потомъ въ центрѣ разныхъ партій. Гр. Гейденъ несмотря на свой возрастъ (онъбылъ старшій изъ всего состава кружка) аккуратно пріѣзжалъ на собранія кружка изъ Петербурга или изъ Псковской губерніи. Мнѣ живо припоминается, какъ онъ, несмотря на утомленіе отъ долгой дороги, принималъ живѣйшее участіе въ преніяхъ, интересовался имѣвшимися всегда на собраніяхъ кружка матеріалами: новыми книжками по общественнымъ вопросамъ, брошюрками, листками и т. п., записывалъ ихъ названія, просилъ ему ихъ высылать. Онъ принималъ также участіе въ изданіи серіи сборниковъ по разнымъ злободневнымъ политическимъ и общественнымъ вопросамъ, предпринятомъ нѣкоторыми членами кружка.

Въ этомъ кружкѣ онъ въ живыхъ, подчасъ юмористическихъ разсказахъ передавалъ подробности изъ жизни петербургскаго бюрократическаго міра и при томъ не только теперешняго, но и восмидесятыхъ и даже семидесятыхъ годовъ. Подобные разсказы при тогдашнихъ условіяхъ цензуры имѣли важное значеніе информаціи относительно настроенія петербургскихъ сферъ для многихъ членовъ кружка, жившихъ въ провинціи. Своею живостью и отзывчивостью гр. Гейденъ поражалъ насъ, гораздо *болѣе молодыхъ*, чѣмъ онъ, годившихся ему въ сыновья. Мнѣ приходилось наблюдать многихъ людей, сознательная жизнь которыхъ захватила шестидесятые годы. Очевидно на нихъ запечатлѣлись тѣ свѣтлые дни общественнаго подъема и бодраго настроенія. Эти люди, несмотря на свои годы, какъ-то моложе насъ, выросшихъ въ грустное безвременье послѣдующей эпохи.

Другой отличительной чертой графа Петра Александровича была его щепетильная лояльность.

Въ немъ сказывался прежній судейскій дѣятель. Онъ нерѣдко говорилъ, что важнѣе, чѣмъ дѣлать новыя завоеванія, отстаивать свои права на основаніи существующихъ законовъ и что у насъ недостаточно знакомы съ законами.

Эта черта вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ оптимизмомъ, вынесеннымъ имъ изъ эпохи его молодости, можетъ отчасти объяснить, почему онъ, будучи близокъ къ «Союзу Освобожденія», не примкнулъ къ нему вплотную, а позже, будучи убѣжденнымъ и искреннимъ конституціоналистомъ, не вошелъ въ составъ конституціонно-демократической партіи. Онъ вынесъ изъ своей юности впечатлѣніе мирнаго и закономѣрнаго возрожденія родины, которое своимъ величіемъ заслоняло истинную причину этого возрожденія. Графъ Петръ Александровичъ, горѣлъ оппозиціоннымъ огнемъ и всю жизнь посвятилъ отстаиванію правового строя и общественности и если онъ былъ умѣренъ, то лишь по глубокому убѣжденію. Поэтому, когда ему пришлось выступить на парламентской аренѣ, онъ не могъ остаться октябристомъ военно-полевыхъ судовъ и крупно буржуазныхъ интересовъ, а основалъ партію «мирнаго обновленія», которая однимъ уже своимъ названіемъ отражаетъ его политическій и этическій обликъ.

Кстати, разъ была рѣчь о политической физіономіи графа Гейдена и въ частности объ его отношеніи къ «Союзу Освобожденія», то мнѣ хочется привести интересную сцену, которой мнѣ недавно напомнилъ одинъ изъ ея участниковъ.

Я уже говорилъ, что формально къ «Союзу Освобожденія» графъ Гейденъ не принадлежалъ, но многихъ членовъ его онъ хорошо зналъ, относился къ ихъ дѣятельности съ полнымъ сочувствіемъ, готовъ былъ оказывать и самому Союзу всякаго рода услуги. Литературою Союза онъ также интересовался очень живо.

Какъ то разъ въ одной изъ комнатъ Вольно Экономическаго Общества происходитъ засѣданіе Совѣта «Союза Освобожденія» [1]). Были тутъ я, кн. Д. И. Шаховской, В. Я. Богучарскій и другіе. Къ дверямъ подходитъ гр. Гейденъ и спрашиваетъ: — «можно войти?» — «Нельзя, нельзя, графъ»,—раздаются шумные голоса, все ему хорошо знакомыхъ лицъ. Онъ вызываетъ секретаря Вольно-Экономическаго Общества В. Я. Богучарскаго и съ чрезвычайно милой улыбкой на умномъ, отлично все понимающемъ, лицѣ говоритъ: «ну, и порядки вы тутъ завели: президенту Общества запрещается входить въ комнаты принадлежащаго Обществу зданія... А, впрочемъ, вотъ что: который послѣдній № «Освобожденія» полученъ и нельзя ли мнѣ его пріобрѣсти? Да вотъ еще что: я видѣлъ тамъ, кажется, Дмитрія Ивановича (кн. Шаховского) и Петра Дмитріевича (меня),—нельзя ли мнѣ съ ними повидаться хоть здѣсь въ корридорѣ, если ужъ туда мнѣ входъ воспрещенъ». Сценка для гр. Гейдена чрезвычайно характерная.

Когда собралась добытая революціоннымъ путемъ Государственная Дума, въ значительной своей части состоявшая изъ радикальныхъ элементовъ и когда вслѣдствіе оппозиціоннаго настроенія Россіи правые элементы стоявшіе за сохраненіе прежняго строя почти не были выбраны, а немногіе выбранные не имѣли лидеровъ и молчали, то такой врагъ бюрократическаго и автократическаго строя, какъ гр. Гейденъ очутился на правомъ крылѣ Думы, или скорѣе былъ однимъ изъ самыхъ правыхъ среди выступавшихъ ораторовъ.

[1]) Совѣтъ—ежегодно избиравшійся съѣздами—главный распорядительный органъ Союза. Онъ соотвѣтствовалъ центральнымъ комитетамъ имѣвшихъ политическихъ партій.

Мы не знаемъ, какое мѣсто занялъ бы гр. Гейденъ въ третьей Думѣ, если бы онъ въ нее попалъ и что будетъ представлять собою эта Дума, не знаемъ также къ чему приведетъ попытка правительства приручить законодательное собраніе и не будетъ ли результатъ тотъ же, что и съ попытками приручить университеты и земство. Но пока приходится очень жалѣть, что гр. Гейденъ, поѣхавшій, вѣрный своему оптимизму до конца, на съѣздъ этихъ аграрно-реакціонныхъ элементовъ въ Москву, не принималъ участія въ этомъ съѣздѣ: онъ умеръ, какъ воинъ на полѣ брани, но навѣрно, если бы онъ очутился на этомъ съѣздѣ, не мало пришлось бы выслушать отъ него горькихъ истинъ и юмористическихъ замѣчаній съѣхавшимся аграріямъ по поводу ихъ сокровенныхъ замысловъ и азіатскихъ политическихъ понятій.

Въ первой Государственной Думѣ онъ былъ, [illegible] отъ, хотя на свои лѣта, однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей, какъ съ ораторской трибунѣ, такъ и въ работахъ комиссій. Его любили, уважали и внимательно выслушивали всѣ, даже его политическіе противники, несмотря на то, что онъ держался съ большою независимостью и всегда имѣлъ смѣлость имѣть собственныя убѣжденія. Съ юношескимъ пыломъ взбѣгалъ онъ на кафедру, съ которой съ невозмутимой методичностью проводилъ свои правовые взгляды. Пересыпая свои рѣчи остроумными замѣчаніями, подавая иногда съ мѣста ѣдкія реплики, вызывавшія хохотъ всей залы, онъ давалъ образцы настоящаго англійскаго парламентскаго остроумія. Приведу одинъ примѣръ, весьма характерный по формѣ для его остроумія, по существу его политическаго міросозерцанія и для той тактики, которой онъ придерживался.

Приближались уже послѣдніе дни первой Государственной Думы, въ воздухѣ была масса электричества.

Несмотря на большую организаціонную работу самой Думы и почти превышающую человѣческія силы законодательную работу ея комиссій, одинъ изъ главныхъ упрековъ, раздававшихся противъ нея состоялъ въ томъ, что она еще ни одного закона не издала. Между тѣмъ многіе законы были уже выработаны въ комиссіяхъ или приближались къ окончательной выработкѣ. Тогда большинство Думы установило на цѣлый мѣсяцъ впередъ послѣдовательный порядокъ поступленія законопроектовъ изъ комиссій и обсужденія ихъ Думой. Этимъ предполагалось, главнымъ образомъ, подвинуть законодательную работу Думы и употребить обычное лѣтнее каникулярное время на форсированное проведеніе необходимыхъ законовъ и тѣмъ ужъ окончательно обезоружить враговъ Думы, игравшихъ на ея якобы неработоспособности.

Графъ Гейденъ остался тѣмъ же оптимистомъ, какъ и въ періодъ земскихъ съѣздовъ. Онъ дѣйствовалъ, какъ будто былъ не въ первой русской Государственной Думѣ, работавшей въ атмосферѣ полнаго административнаго произвола, подъ ежеминутной угрозой закрытія, а въ какомъ нибудь западно-европейскомъ парламентѣ опирающемся на незыблемый конституціонный строй и правильное взаимоотношеніе власти исполнительной къ власти законодательной. Тамъ, дѣйствительно, темпъ законодательной работы можетъ быть много медленнѣе, т. к., она продолжается безостановочно, безъ страха за

ближайшее будущее и съ разрѣшенными уже наиболѣе важными для страны вопросами. Тамъ парламентъ, въ работоспособности котораго никто не сомнѣвается и при благопріятной окружающей обстановкѣ, во время цѣлой парламентской сессіи, не торопясь, обсуждаетъ всего 3—4 законопроекта. И вотъ гр. Гейденъ въ энергичной рѣчи возстаетъ противъ вышеупомянутаго предложенія принять въ короткій срокъ такую массу законовъ, — «это будетъ какой-то законодательный пулеметъ»—заканчиваетъ онъ при дружномъ хохотѣ всей Думы.

Тогда правительство какъ бы бастовало и не вносило ни одного существеннаго закона. Если бы гр. Гейденъ былъ депутатомъ второй Думы, каждое засѣданіе которой начиналось перечнемъ вновь вносимыхъ министерствами законопроектовъ, то онъ вѣроятно уличилъ бы на этотъ разъ уже бюрократическій «пулеметъ».

Въ послѣдній разъ мнѣ пришлось видѣть графа Гейдена на одномъ изъ засѣданій этой второй Думы въ ложѣ бывшихъ депутатовъ.

Для насъ, работавшихъ вмѣстѣ съ покойнымъ Петромъ Александровичемъ, его смерть громадная потеря. Въ тяжелыя минуты не будетъ среди насъ этого добраго и правдиваго человѣка съ его бодрящей милой улыбкой, съ его непоколебимымъ оптимизмомъ и вѣрой во всегдашнюю и легкую побѣду права надъ произволомъ.

Для него же, можетъ быть, счастье, что онъ ушелъ изъ этого міра теперь и имѣлъ возможность унести съ собой свой оптимизмъ. Къ несчастью, есть большая доля вѣроятности, что ближайшее будущее несетъ съ собой мало отраднаго. Политика сословныхъ привилегій и сословнаго разобщенія послѣднихъ двадцати лѣтъ завершилась актомъ 3-яго іюля и грозитъ еще болѣе разжечь сословную вражду. И насколько при правовомъ строѣ ярко бы свѣтился духовный образъ графа П. А. Гейдена, настолько онъ померкъ бы въ разгарѣ междуусобной распри и расходившихся страстей. Здѣсь для него не нашлось бы мѣста.

Кн. Петръ Долгоруковъ.

Историческая библіографія.

Валерій Брюсовъ. *Лицейскіе стихи Пушкина. По рукописямъ московскаго Румянцевскаго музея и другимъ источникамъ. Къ критикѣ текста. М. 1907. Книгоиздательство „Скорпіонъ“.*

Г. Брюсовъ установилъ по рукописямъ московскаго Румянцевскаго музея цѣлый рядъ ошибокъ въ текстѣ I тома академическаго изданія сочиненій Пушкина, редактированнаго покойнымъ Л. Н. Майковымъ. Терпѣливо провѣривъ майковскую работу надъ текстомъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина по хранящейся въ Румянцевскомъ музеѣ тетради поэта, г. Брюсовъ обнаружилъ у Майкова неровное и небрежное отношеніе къ варіантамъ, пропуски словъ, невѣрное чтеніе многихъ стиховъ, невѣрное воспроизведеніе даже печатнаго текста и тому подобные промахи и пришелъ къ вѣрному, хотя не новому выводу, что первый академическій томъ не даетъ авторитетнаго, безспорно-правильнаго пушкинскаго текста, что, конечно, далеко не безразлично и въ эстетическомъ, и въ научномъ отношеніи. Съ этой стороны работа г. Брюсова весьма цѣнна. Можно только пожалѣть, что есть въ ней одинъ излишній, побочный элементъ, которому не мѣсто въ работѣ, стремящейся приблизить изученіе Пушкина къ почти научной точности.

Въ приложеніи къ своему изслѣдованію г. Брюсовъ сообщаетъ „не появлявшіяся въ печати редакціи стихотвореній Пушкина“—„Уныніе“ („Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой...“) и посланія къ Н. И. Кривцову („Не пугай насъ, милый другъ...“) Оба эти стихотворенія Пушкинъ печаталъ самъ, значитъ въ томъ видѣ, въ какомъ считалъ ихъ обработанными и законченными; замѣтимъ, что многія изъ своихъ лицейскихъ пьесъ Пушкинъ не вносилъ въ издававшіеся имъ сборники, и въ печати они стали появляться лишь послѣ смерти поэта. Въ наше время, когда каждая строчка Пушкина, какъ говорится, „цѣнится на вѣсъ золота“, возникла усердная погоня за „новыми“, „неизданными“ стихами Пушкина. А такъ какъ такія новинки попадаются нечасто, то онѣ... фабрикуются. Дѣлается это очень просто: берутся пушкинскіе черновики, полные неясныхъ намековъ на образы и мысли поэта, испещренные множествомъ помарокъ и поправокъ, блѣдные фрагменты,—и изъ нихъ „извлекаются“ отдѣльные стихи и даже слова, кажущіеся „удобными“ изслѣдователю; при этомъ изслѣдователь кое-что отъ себя, и вотъ получаются „новые стихи Пушкина“, „еще не появлявшіеся въ печати“, стихи, которые были бы новы даже для самого Пушкина. Такихъ „извлеченныхъ“ стиховъ не мало нафабриковалъ проф. Н. А. Шляпкинъ въ своей книгѣ

„Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, что вызвало въ свое время статью П. Е. Щеголева „*Неизписанныя* стихотворенія Пушкина“ („Историч. Вѣстникъ“ 1904 г., январь); уже изъ заглавія статьи видно, какъ отнесся къ этимъ поддѣлкамъ критикъ, достойно оцѣнившій фальсификаторскіе пріемы „извлекателя“. Несмотря на это, противъ соблазна надарить Пушкина „новыми“ стихами не устоялъ и Н. Е. Якушкинъ (во II томѣ академич. изданія); не устоялъ, наконецъ, и г. Брюсовъ. Воспользовавшись черновиками пушкинскихъ стихотвореній, совершенно отдѣланныхъ имъ творцомъ, г. Брюсовъ „извлекъ“ изъ бумагъ поэта „новыя редакціи“. Какая надобность въ извращеніи стиховъ Пушкина, неизвѣстно, но въ фальсификаціи пушкинскихъ стиховъ г. Брюсовъ ушелъ недалеко отъ г. Шляпкина. У г. Брюсова Пушкинъ нескладно выражается („Уныніе“):

Не спрашивай, зачѣмъ съ унылой думой
Въ кругу друзей я вѣчно омрачевъ.

Въ пушкинскомъ черновикѣ (г. Брюсовъ даетъ его транскрипцію) первый стихъ отдѣленъ отъ второго четырьми исчерканными стихами, а въ бѣловой редакціи, непечатанной Пушкинымъ, нѣтъ этой тяжелой тавталогіи: „съ унылой думой и омраченъ“, а сказано:

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часто омраченъ.

Въ той же пьесѣ у г. Брюсова читаемъ:

Отъ юности, отъ жизни, сладострастья
Останется уныніе одно.

Между тѣмъ Пушкинъ печаталъ это мѣсто въ болѣе совершенномъ видѣ, замѣнивъ неопредѣленный, расплывчатый образъ „жизни“ болѣе конкретнымъ и подходящимъ:

Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья
Останется уныніе одно.

Другую „новую“ редакцію—посланія къ Кривцову г. Брюсовъ смастерилъ подобнымъ же образомъ. Въ 6-ой стихъ, который у него не вытанцовывался изъ-за недохватки въ одномъ словѣ г. Брюсовъ вставилъ недоставшее слово, взявъ его изъ бѣловой редакціи пьесы. Въ 9-мъ стихѣ передѣлалъ пушкинское „на порогѣ“ въ „на порогъ“, ради размѣра; въ 11-мъ стихѣ, также ради размѣра, измѣнилъ пушкинскую форму родительнаго падежа „пафосской“ въ „пафосскія“; въ 13 или 14-й стихи вставилъ три недостающія слова, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ: „вѣрной“ и „круговой нальемъ“. Получилась „новая“ редакція, что и требовалось доказать, но виноватъ въ ней, конечно, не Пушкинъ. Поздравлять великаго поэта съ новымъ дѣтищемъ не приходится. Стоитъ сравнить редакцію Пушкина съ брюсовской редакціей, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Отъ пафосскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,—

гласитъ брюсовская „редакція“. А у Пушкина читаемъ:

У пафосскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ.

Компанія свою „редакцію“ изъ пушкинскихъ набросковъ, г. Брюсовъ посягаетъ не только на форму, но и на мысль поэта:

Пусть *кипящей* жизни чашу
Тянетъ медленно другой.

Но у Пушкина первоначальная мысль измѣнила свой ходъ, и онъ выразился иначе и лучше:

Пусть *остылой* жизни чашу
Тянетъ медленно другой.

При добромъ желаніи и той свободѣ въ обращеніи съ Пушкинымъ, которую позволяетъ себѣ г. Брюсовъ, такихъ „редакцій“ можно подкинуть Пушкину много, но едва ли въ нихъ нуждается и великій поэтъ, и его читатели, довольствующіеся тѣмъ, что у него есть.

Н. Л.

I.

Witold Narkiewicz-Iodko i Szymon Dyksztajn. Polski socyalizm utopijny na emigracyi. (Dwie rozprawy). Kraków [1]).

Послѣ того какъ возстаніе 1830—1831 гг. было подавлено, громадное количество поляковъ покинуло родину. За-границей очутились: сеймъ въ полномъ его составѣ, множество должностныхъ лицъ, литераторовъ, публицистовъ, ученыхъ и, наконецъ, весь корпусъ революціонной арміи въ количествѣ 70.000 человѣкъ. Часть эмигрантовъ поселилась въ Прусской и Австрійской Польшѣ, но всѣ болѣе значительно скомпрометированныя лица направились дальше на западъ—въ Швейцарію, Францію и Англію. Особенно много польскихъ эмигрантовъ сосредоточилось во Франціи. Польская эмиграція распалась довольно скоро на два лагеря—аристократическій и демократическій. Во главѣ перваго всталъ кн. Чарторыскій, возлагавшій всѣ надежды на дипломатическое вмѣшательство западноевропейскихъ правительствъ въ русско-польскія отношенія. Демократическіе элементы сконцентрировались въ основанномъ въ 1832 г. „Демократическомъ Обществѣ“, которое сыграло очень важную роль въ польской жизни въ періодъ 1832—1848 гг. По мнѣнію „Демократическаго Общества“ поляки только въ томъ случаѣ смогутъ разсчитывать на помощь Европы (тутъ понимались не правительства, а революціонные и демократическіе элементы западноевропейскихъ обществъ), если проникнутся демократическими взглядами, господствующими на Западѣ, и станутъ распространять ихъ въ польскомъ обществѣ. Слѣдуетъ поэтому организоваться самостоятельно, порвать связи съ аристократическими элементами и признать, что національное

[1]) Витольдъ Наркевичъ-Іодко и Шимонъ Дикштайнъ. Польскій утопическій соціализмъ среди эмигрантовъ. (Два очерка). Краковъ.

единство является лишь маской, подъ которой скрывается эгоизмъ привилегированныхъ классовъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, польскіе демократы пріобрѣтутъ для дѣла возстановленія Польши народныя массы родины и помощь всѣхъ демократовъ Европы.

Однако въ самомъ „Демократическомъ Обществѣ“ не было полнаго единства взглядовъ. Часть его членовъ видѣла возможность возстановленіе Польши лишь при условіи международнаго демократическаго революціоннаго движенія. Другая часть возлагала всѣ надежды исключительно на собственныя силы—на возстаніе народныхъ массъ въ Польшѣ. Еще большія разногласія господствовали въ средѣ членовъ „Демократическаго Общества“ по соціальному вопросу. Большинство стояло за уничтоженіе барщины и надѣленіе польскихъ крестьянъ землей, при чемъ нѣкоторые изъ членовъ „Д. О.“ высказывались въ пользу безплатнаго отчужденія помѣщичьей земли, другіе же склонялись въ пользу выкупа. Меньшинство состояло изъ сторонниковъ полнаго уничтоженія частной собственности на землю. И вотъ между этимъ меньшинствомъ, находящимся подъ вліяніемъ идей чартизма, кружковъ, проникнутыхъ духомъ Бабёфа, С. Симона и Фурье, и большинствомъ, чуждымъ соціалистическихъ взглядовъ, возникаетъ идейная борьба, закончившаяся исключеніемъ и выходомъ изъ „Демократическаго Общества“ соціалистовъ. Послѣдніе основываютъ самостоятельную организацію (Lud Polski) „Польскій народъ“.

Сочиненіе извѣстнаго польскаго публициста В. Іодко посвящено анализу идей, исповѣдуемыхъ организаціей „Польскій народъ“ и ея виднѣйшими представителями: Зеномъ Свентославскимъ, Станиславомъ Ворцелемъ и Тадеушемъ Кремповецкимъ. Онъ сопоставляетъ ученіе западноевропейскихъ соціалистовъ-утопистовъ со взглядами ихъ польскихъ учениковъ и разбираетъ критически эти взгляды съ точки зрѣнія научнаго соціализма. По пути имъ изложена исторія соціалистическихъ группъ среди польскихъ эмигрантовъ и дана оцѣнка ихъ значенія въ польскомъ революціонномъ движеніи.

Сочиненіе Ш. Дикштайна, автора всѣмъ извѣстной агитаціонной брошюры „Кто чѣмъ живетъ“, посвящено тому же предмету, что и работа В. Іодко. Поскольку однако В. Іодко больше занимается разсмотрѣніемъ взглядовъ польскихъ соціалистовъ-утопистовъ, постольку у Дикштайна главное вниманіе обращено на исторію развитія соціалистическихъ кружковъ среди польской эмиграціи. Впрочемъ работа Дикштайна имѣетъ чисто публицистическій, агитаціонный характеръ, въ то время какъ трудъ В. Іодко отличается строго-научной объективностью.

II.

Stanisław Szpotański. Lud Polski. Z dziejów polskiej myśli socyalistycznej. Lwów. 1907 г. [1]).

Той же темѣ, которую обработали В. Іодко и Ш. Дикштайнъ, посвященъ и трудъ молодого польскаго историка, С. Шпотанскаго. Послѣдній болѣе подробно разсматриваетъ внутреннюю жизнь „громадъ“, составляющихъ организацію „Польскій народъ“. Новаго трудъ С. Шпотанскаго даетъ—по сравненію

[1]) Станиславъ Шпотанскій. Польскій народъ. Изъ исторіи польской соціалистической мысли. Львовъ. 1907.

съ работами В. Іодко и Ш. Дикштайна—весьма немного. Въ отношеніи же объективности оцѣнки идей „Польскаго народа“ и критическаго анализа сочиненій его руководителей работа Шпотанскаго значительно уступаетъ очерку В. Іодко. Свой взглядъ на значеніе польскаго утопическаго соціализма тридцатыхъ годовъ Шпотанскій формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „Огромное значеніе польскаго эмиграціоннаго соціализма состоитъ въ томъ, что онъ былъ выраженіемъ чувствъ и стремленій борющихъ за свободу крестьянъ-солдатъ, а не только соціально-философской системой Ворцелле и Свентославскаго—системой, которая заняла бы второстепенное мѣсто рядомъ съ системами С. Симона, Фурье и другихъ мыслителей той эпохи развитія соціалистической мысли. Онъ развивался въ тяжелыхъ жизненныхъ условіяхъ, которыя вызвали его классовой характеръ, ставящій его въ этомъ отношеніи выше тогдашняго соціализма, развивающагося въ кабинетахъ ученыхъ“. Шпотанскій даетъ обширныя выписки изъ сочиненій членовъ „Польскаго народа“ и приводитъ дословно самыя характерныя его воззванія и другіе документы, въ которыхъ отражается физіономія первой польской соціалистической организаціи, это значительно увеличиваетъ цѣнность его работы, такъ какъ оригинальныя изданія „Польскаго народа“ мало доступны широкой публикѣ.

III.

Stanisław Szpotański. Konarszczyzna. (Przygotowanie powstance w Polsce w 1835—1839 roku). Kraków [1]).

„Конарщиной“ обыкновенно принято называть заговоръ, лично руководимый Ш. Конарскимъ въ Подоліи и Литвѣ. Авторъ этой книжки распространяетъ названіе „Конарщина“ на все движеніе второй половины тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія, вызванное „Молодой Польшей“, эмиссаромъ которой былъ Шимонъ Конарскій, разстрѣленный въ 1839 г. въ Вильнѣ. Эта замѣчательная личность, вызывавшая нескрываемое удивленіе даже въ своихъ палачахъ, выступаетъ у С. Шпотанскаго на фонѣ общеполитической и конспиративной жизни польскаго общества. Дѣятельность „Молодой Польши“, которая въ извѣстной степени была въ польскихъ провинціяхъ Россіи и Австріи тѣмъ, чѣмъ „Польскій народъ“ среди эмигрантовъ,—охарактеризована С. Шпотанскимъ подробно. Онъ подвергаетъ анализу и весьма интересные по тому времени крайне-демократическіе и антицерковные взгляды руководителей „Молодой Польши“, отразившіеся, главнымъ образомъ, въ статьяхъ 10 №№ „Сѣвера“ (Północ), издаваемаго этой организаціей. С. Шпотанскій тщательно использовалъ весь имѣющійся печатный матеріалъ, касающійся дѣятельности „Молодой Польши“ и ея эмиссаровъ. Кромѣ того онъ предпринялъ изысканія въ Рапперсвилѣ, Краковѣ и Львовѣ, что ему позволило собрать извѣстное количество новыхъ фактовъ, провѣрить уже извѣстные и возстановить истину, очистивъ ее отъ наслоеній легендарнаго характера. Всѣдствіе этого монографія С. Шпотанскаго является важнымъ подспорьемъ для изученія эпохи конца тридцатыхъ годовъ.

[1]) Станиславъ Шпотанскій. Конарщина (Подготовленіе къ возстанію въ Польшѣ въ 1835—1839 г.г. Краковъ.

IV.

Materyały do historyi P. P. S. i ruchu rewolucyjnego w zaborze rosyjskim od r. 1893 do r. 1904. Tom I. Rok 1893—1897 [1]). Warszawa, 1907.

Эта объемистая книга (VIII+376 стр.), прекрасно изданная фирмой „Życie“, является самымъ серьезнымъ вкладомъ въ литературу по исторіи польскаго революціоннаго движенія девяностыхъ годовъ. Для историка этой эпохи „Матеріалы“ представляютъ незамѣнимый источникъ самыхъ разнообразныхъ данныхъ, всесторонне характеризующихъ не только П. П. С., не только проявленіе революціонной борьбы и рабочаго движенія, но и все то, что въ той или иной степени привлекало къ себѣ вниманіе администраціи и являлось объектомъ правительственныхъ репрессій. Составитель сборника не мало потрудился надъ собраніемъ и систематизированіемъ этихъ данныхъ. Прежде всего онъ добросовѣстно использовалъ весь существующій печатный матеріалъ, разбросанный по нелегальнымъ изданіямъ. Затѣмъ ему пришлось просмотрѣть богатый лондонскій архивъ П. П. С., откуда онъ извлекъ массу цѣнныхъ документовъ въ видѣ конфиденціальныхъ отчетовъ партіи, ея циркуляровъ, отрывковъ изъ писемъ членовъ центральнаго комитета и т. д. и т. д. Кромѣ того имъ были составлены и разосланы множеству лицъ, участвовавшихъ въ движеніи, спеціальные опросные листы, касающіеся арестовъ, забастовокъ и т. д. Полученный такимъ путемъ матеріалъ былъ подвергнутъ критическому разбору и провѣркѣ, и въ результатѣ получился трудъ, стоящій на высотѣ своей задачи.

„Матеріалы“ расположены въ хронологическомъ порядкѣ, что, съ одной стороны, облегчаетъ пользованіе ими, а съ другой—даетъ постепенно развертывающуюся картину роста соціалистическаго и рабочаго движенія въ Польшѣ. Каждая часть, относящаяся къ одному году, распадается на двѣ главы. Въ первой сосредоточены данныя, характеризующія организаціонный ростъ П. П. С. и ея идейную эволюцію. Во второй сгруппированы по рубрикамъ свѣдѣнія, касающіяся: 1) финансовъ партіи, 2) границы и доставки контрабандныхъ путемъ литературы, 3) издательской дѣятельности, 4) забастовокъ, 5) празднованій 1-го мая, 6) манифестацій, 7) террористическихъ актовъ, 8) правительственныхъ преслѣдованій и 9) смерти партійныхъ работниковъ. Первая глава касается собственно П. П. С., и въ ней говорится о другихъ организаціяхъ лишь постолько, поскольку онѣ входили въ соприкосновеніе съ П. П. С. Во второй главѣ собраны свѣдѣнія, относящіяся къ проявленіямъ соціально-политической жизни, независимо отъ ихъ партійнаго характера. Такъ напр. въ рубрикѣ „Преслѣдованія“ разсмотрѣны дѣла: вѣроисповѣдныя, патріотическія, студенческія и тому подобныя кромѣ соціалистическихъ и рабочихъ. Особенно тщательно обработаны рубрики: забастовокъ и преслѣдованій. Послѣ списка забастовокъ за каждый годъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, мы находимъ табличку, сопровождаемую объясненіями и позволяющую намъ сразу же уяснить себѣ характеръ стачечнаго движенія въ данномъ году, ко-

[1]) „Матеріалы по исторіи П. П. С. и революціоннаго движенія въ Русской Польшѣ съ 1893 по 1904 годъ. Томъ I. Года 1893—1897“. Варшава (собственно Краковъ). 1907.

личество рабочихъ, принимавшихъ въ немъ участіе, процентное отношеніе ремесленныхъ и фабричныхъ рабочихъ, сумму дней забастовокъ, прикосновенность къ нимъ партійныхъ организацій и т. д. Болѣе важныя забастовки (какъ напр. забастовка ткачей въ Бѣлостокѣ въ 1895 г. или стачка рабочихъ „Гуты Банковой" въ Домбровѣ въ 1897 году) описаны очень подробно. Таблицы и объясненія къ рубрикѣ „преслѣдованія" превращаются въ небольшія монографіи, полныя обстоятельныхъ выводовъ, касающихся распредѣленія арестовъ и процессовъ по категоріямъ, профессій и занятій арестованныхъ, мѣстности, гдѣ производились аресты, партійной принадлежности приговоренныхъ, характеры приговоровъ и т. д. Эти выводы опираются на критически провѣренныя данныя. Въ „Прибавленіяхъ" къ каждой изъ частей помѣщены матеріалы, по своему характеру аналогичные входящимъ въ первую главу, но не относящіеся непосредственно съ П. П. С.

Для всякого, кто хочетъ ближе познакомиться съ исторіей развитія П. П. С. и вообще къ соціально-политической жизни Русской Польши въ періодъ, предшествовавшій революціонному движенію 1905—1906 гг., „Матеріалы" прямо необходимы.

V.

Antoni Humnicki. Wspomnienia z lat 1888—1892 (Przyczynek do historyi naszego ruchu socyalistycznego). Warszawa. 1907 [1]).

Небольшой по своимъ размѣрамъ трудъ А. Гумницкаго интересенъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что онъ относится къ періоду польскаго соціалистическаго движенія, который не оставилъ почти никакихъ слѣдовъ въ литературѣ. А между тѣмъ этотъ періодъ, въ качествѣ непосредственно предшествовавшаго возникновенію „Заграничнаго союза польскихъ соціалистовъ" и организаціи эмиссарами послѣдняго П. П. С., очень важенъ. Пока настроеніе соціалистическихъ кружковъ Русской Польши этого періода не будетъ окончательно выяснено, дальнѣйшая идейная эволюція польскаго соціализма не станетъ намъ вполнѣ понятной. Поэтому то трудъ А. Гумницкаго слѣдуетъ привѣтствовать какъ цѣнный матеріалъ, который отчасти заполняетъ существующій пробѣлъ.

„Воспоминанія" А. Гумницкаго распадаются на четыре части. Въ первой онъ характеризуетъ варшавскую университетскую молодежь конца 80 годовъ. Вторая, самая интересная, посвящена „Союзу польскихъ рабочихъ"—организаціи, которая сыграла очень выдающуюся роль въ польскомъ рабочемъ движеніи, а по своимъ взглядамъ напоминала позднѣйшій „экономизмъ" русской соціалдемократіи. Третья часть даетъ кое-какія новыя свѣдѣнія о дѣятельности „Союза польскихъ рабочихъ" въ Лодзи въ періодъ 1891 и 1892 гг., четвертая же описываетъ знаменитую лодзинскую всеобщую забастовку 1892 г., закончившуюся кровавымъ побоищемъ, въ которомъ пало около сотни рабочихъ.

„Воспоминанія" А. Гумницкаго отличаются полной объективностью. Авторъ не принадлежитъ ни къ одной изъ соціалистическихъ партій Польши,

[1]) Антонъ Гумницкій. Воспоминанія 1888—1892 гг. (Къ исторіи нашего соціалистическаго движенія). Варшава (собственно Краковъ). 1907 г.

кромѣ того онъ жилъ 11 лѣтъ въ центральныхъ губерніяхъ Россіи. Эти обстоятельства съ одной стороны, позволили ему отрѣшиться отъ тенденціонныхъ взглядовъ на періодъ 1890—1892 гг., господствующихъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ, а съ другой—сохранить свѣжесть тогдашнихъ впечатлѣній.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

„Україна". Науковій та літературн. публиц. щомісячній журн. т. II. Іюнь 1907 г.

Ч. К. Ножинъ. Правда о Портъ-Артурѣ. Часть II. Изд. П. А. Артемьева. СПБ. 1907 г.

Борьба общественныхъ силъ въ русск. революціи. „Крестьянство и революція въ Россіи" вып. III. Москва 1907 г. Ц. 80 к.

Поль Луи. Рабочій и Государство. (Библіотека Общ. Пользы). Сравнительная исторія законодательства о трудѣ въ обѣихъ частяхъ свѣта. Перев. съ франц. СПБ. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. И. Сувировъ. Безработица и страхованіе отъ ея послѣдствій въ западной Европѣ. Библ. Общ. Пользы. СПБ. 1907 г.

Русская Муза. Составилъ П. Я. Изд. редакціи журн. „Русское Богатство" В. Либкнехтъ. Германія полвѣка тому назадъ (къ юбилею март. революц.). СПБ. Книгоиздат. „Паллада" 1907 г.

О. Мирбо. Себастьянъ Рокъ. Изд. С. Скирмунта. Ц. 1 р.

Новая Книга. Критико-библіограф. еженед. Книгоизд. „Паллада". Ц. 15 к.

Старообрядческій Вѣстникъ. № 1 Москва. Ц. 15 к.

А. А. Лопухинъ. Изъ итоговъ служебнаго опыта. Изд. В. М. Саблина. Москва 1907 г. Ц. 50 к.

E.—I. Michelot avocat. Essai sur l'histoire de Nicolas II et le Début de la Révolution Russe. Paris (E. Flammario) 1907. 10 k.

Солдатскій Листокъ № 1. Забайкальское отдѣленіе Всероссійскаго Военнаго Союза. Апрѣль 1907 г.

Солдатскій Листокъ № 2. Забайкальск. Отд. Всеросск. Воен. Союза. Апрѣль 1907 г.

Часъ близится. (Трудъ № 11). Май 1907 г. Воронежск. Комит. Парт. С. Р.

Борьба и жизнь № 1. Изд. Воронежск. Комит. Парт. С. Р. 16 Мая 1907 г.

Сѣверный Рабочій. № 7, 13 и 14 отъ 4 Марта, 6 и 18 Мая 1907 г.

Извѣстія Закавказскаго Областного Комитета № 1 Іюнь 1907 г. Изд. Закавк. Обл. Комит. Партіи Соц. Рев.

Три денежныхъ отчета Елизаветград. Комит. Парт. С. Р. съ 16 Ноября 1906 года по 1-ое Іюля 1907 г.

Земельный проектъ фракціи соц. револ. (Рѣчь соц. рев. Мушенко Деп. Курской губ.). Изд. Тамб. Ком. П. С. Р. 1907 г.

Братья-Крестьяне! Крестьян. орган. при Тамб. губ. Ком. П. С. Р. Изд. Тамб. губ. Ком. П. С. Р. 4 Іюля 1907 г.

Братья-Крестьяне! Абакумовское Сельское Братство П. С. Р. Тамб. губ. и уѣзда. Изд. Тамб. губ. Ком. П. С. Р. 28 Іюня 1907 г.

Товарищи-Крестьяне! 21 Іюня 1907 г. Тамб. губ. Боевой Ком. П. С. Р.

Ко всему трудовому народу. Поволжск. Обл. Ком. П. С. Р. 7 Іюня 1907 г.

Къ трудовому народу. Тамб. губ. Боевой Ком. П. С. Р. 12 Іюня 1907 г.

Крестьяне, дѣйствуйте сами! 17 Мая 1907 г. Тамб. Ком. Парт. С. Р.

Ко всѣмъ рабочимъ прядильныхъ и ткацко-отдѣльн. и ситцевыхъ фабрикъ Московск. промышл. раіона. Центр. Област. Бюро рабочихъ союзовъ по обработкѣ волокна Московск. раіона.

Ко всѣмъ трудящимся. Первый листокъ Керченской организаціи. Керченск. Комитетъ Партіи С. Р. Керчь. Іюль 1907 г.

Извѣщеніе. Закав. Обл. Комитетъ П. С. Р. Іюль 1907 г.

Крестьянамъ о роспускѣ Думы. Пензенск. Автономная Группа Соц. Рев. Пенза. 6 Іюня 1907 г.

Опросный Листъ. (Стат. Бюро при Ц. К. К. Р. С. П. С. Р.).

Организаціонный Уставъ Кіевскаго рабоч. Союза П. С. Р.

Ко всѣмъ безправнымъ россійскимъ гражданамъ! Парт. Соц. Револ. Елисаветград. Ком. П. С. Р. Іюнь 1907 г.

Оповѣщеніе. Партіи Соц. Револ. Елисаветгр. Ком. П. С. Р. Іюнь 1907 г.

Къ Обществу! Парт. С. Р. Елисаветгр. Ком. Пар. С. Р. Апрѣль 1907 г.

Государственная Дума и царское правительство! Елисаветград. Ком. П. С. Р.

Казаки-Люди. („Борьба и жизнь" изд. Воронеж. Ком. П. С. Р. № 1). Май 1907 г.

Пѣсни Революціи. Мартъ 1907 г. Воронежск. Ком. Парт. С. Р.

О соціализаціи земли. Товарищи крестьяне! Апр. 1907 г. Воронежск. Ком. Парт. С. Р.

Граждане! Мартъ 1907 г. Воронежск. Ком. Пар. С. Р.

Товарищи рабочіе! Апр. 30 1907 г. Воронеж. Ком. Парт. С. Р.

Письмо отъ русскихъ крестьянъ царю Николаю II. Апр. 1907 г. Воронежск. Ком. Парт. Соц. Револ.

Слѣдуетъ ли переселяться? Типографія В. К.

Уставъ крестьянск. Союза П. С. Р. Воронежск. губ. Мартъ 1907 г. Воронежск. Ком. П. С. Р.

Къ солдатамъ и казакамъ! Елисаветгр. Ком. П. С. Р. Мартъ 1907 г.

Что дѣлаетъ въ Петерб. крестьянскій депутатъ Горячко? Елисаветгр. Ком. П. С. Р. Мартъ 1907 г.

Братья Крестьяне! Елисаветград. Ком. П. С. Р.

Къ Гражданамъ! Елисаветгр Ком. П. С. Р.

Программа Парт. С. Р. Елисаветгр. Ком. Пар. С. Р. Май 1907 г.

Bjuletyn Przedzjazdowy. Wydawnictwo P. P. S. Warszawa 6 czerwca 1907.

Bjuletyn Przedzjazdowy. Wydawnictwo P. P. S.

Po zamachu Stanu. Centralny Komitet Robotniczy Polskey Partyi Socjalist. Warszawa dnia 29 czerwca 1907 cena 2 kop.

Къ мѣстнымъ Отдѣламъ Волжской Судоходн. Организ. Центр. Бюро В. С. П. С. Р. Іюль 1907 г.

Провокаторскій манифестъ и наши задачи. Севастоп. Ком. П. С. Р.

Къ гражданамъ гор. Севастополя. Севастопольск. Совѣтъ Безработныхъ.

Извѣщеніе вновь организован. боевой дружины. Севаст. Ком. П. С. Р.
Извѣщеніе по поводу отколовшихся дружинниковъ Сев. Ком. П. С. Р.
Опросный Листъ. Волжская Судоходн. организація П. С. Р. Іюль. 1907 г.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ поступило:

Отъ W. L.—25 руб. Отъ И. С.—20 руб. Отъ г. Шадермана изъ Балты—25 руб. Для каторжанъ: Отъ М. Р. П.—100 руб.

Деньги переданы по назначенію.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Международный Комитетъ

для помощи

безработнымъ рабочимъ

Россіи.

Утвержденный Интернаціональнымъ соціалистическимъ Бюро.

Lausanne (Suisse)

29. Rue Solitude 29.

Милостивый Государь.

Международный Комитетъ для помощи безработнымъ Россіи обращается къ Вамъ съ горячей просьбой принять участіе въ готовящемся къ изданію литературно-художественномъ сборникѣ, посвящаемомъ въ Россіи, по желанію Комитета, памяти Александра Ивановича Герцена.

Комитетъ не сомнѣвается, что цѣль изданія—помощь безработнымъ—найдетъ въ Васъ сочувствіе и Вы не откажете подарить нѣсколько часовъ литературнаго и художественнаго творчества тѣмъ обездоленнымъ, которые, служа физическимъ трудомъ общему благосостоянію, отдаютъ жизнь за освобожденіе страны отъ политическаго и экономическаго рабства.

Обращаясь къ художникамъ и литераторамъ всѣхъ странъ, Комитетъ пытается образовать цѣнный вкладъ въ сокровищницу всемірной литературы и искусства и создать этимъ памятникъ великому борцу за соціальное освобожденіе—рабочему классу всѣхъ странъ.

Сборникъ этотъ—литературно-художественное изданіе—будетъ, конечно, безпартійнымъ, но объединяющимъ произведенія какъ свободной отъ партійности художественной, критико-публицистической и научной литературы, такъ и произведенія партійныхъ литераторовъ, посвященныя нуждамъ рабочаго класса и объективнымъ вопросамъ политической и соціальной жизни.

Сборникъ будетъ издаваться въ Россіи и заграницей.

Питая глубокую надежду, что многіе придутъ на помощь Международному Комитету въ осуществленіи этой цѣли, Правленіе Комитета проситъ Васъ обращаться за справками и высылать рукописи по адресу: M-r N. Herzen, prof. Lausanne. Suisse. Avenue de Rumine 57.

Между прочимъ въ сборникѣ будутъ напечатаны неизданная статья А. И. Герцена „Мѣсто человѣка въ природѣ" и письма къ нему Карла Фогта, Кардейля и польскихъ повстанцевъ 1862 г.

Председатель: **Н. Герценъ, проф.**

Секретарь: **К. Зайченко.**

Къ изданію сборника.

Имѣя въ виду техническую трудность изданія интернаціональнаго литературно-художественнаго сборника, Правленіе Международнаго комитета для помощи безработнымъ Россіи выработало слѣдующій проектъ изданія:

1) Произведенія западно-европейскихъ авторовъ, до переводовъ, появятся въ оригиналахъ отдѣльными брошюрами.

2) Брошюры эти объединяются въ одинъ томъ и постепенно переводятся на разные языки, если окажется невозможнымъ одновременное изданіе этого тома на всѣхъ языкахъ. Въ это изданіе входятъ переводы со славянскихъ и другихъ языковъ.

3) Произведенія славянскихъ авторовъ—польскихъ, малорусскихъ и другихъ появятся въ оригиналахъ отдѣльными брошюрами и въ переводахъ на другіе европейскіе языки.

Произведенія русскихъ авторовъ появятся въ русскомъ сборникѣ въ оригиналахъ, до перевода ихъ на западно европейскіе языки. Въ русскій сборникъ войдутъ переводы съ другихъ языковъ.

4) Произведенія финляндскихъ, латышскихъ, грузинскихъ, армянскихъ и др. авторовъ культурныхъ народовъ Россіи появятся въ оригиналахъ отдѣльными брошюрами или, при недостаткѣ матеріала, въ переводахъ на европейскіе языки.

5) Произведенія европейскихъ авторовъ появятся въ сборникѣ на европейскихъ языкахъ въ брошюрѣ на ново еврейскомъ языкѣ.

6) Произведенія японскихъ авторовъ будутъ напечатаны въ европейскихъ и русскихъ оригиналахъ, а затѣмъ въ переводахъ на разные языки.

Европейскій сборникъ посвящается рабочимъ всѣхъ странъ.

Музыкальныя и живописныя произведенія (ноты, гравюры и т. п.) войдутъ во всѣ изданія.